ISSN 1998-0817

ВЕСТНИК

КОСТРОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА им. Н.А. НЕКРАСОВА

НАУЧНО-МЕТОДИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Выходит с 1995 г.

2012 Том 18

ОСНОВНОЙ ВЫПУСК

№ 5

сентябрь - октябрь

Учредитель
Костромской государственный университет
имени Н.А. Некрасова

СОДЕРЖАНИЕ

ЕСТЕСТВОЗНАНИЕ

4 **Акаев О.П., Гунин В.В., Цветкова А.Д.**
Изучение чистящей способности пастообразных композиций на основе кремнийсодержащего отхода производства фторида алюминия

7 **Гасими Х.Х.**
Распространение и количественные показатели рыб Урмийского региона

9 **Лобуничева Е.В., Филиппов Д.А.**
Зоопланктон пойменных болот и рек северо-запада Вологодской области

14 **Моисеев Б.М., Яковлев В.Ю.**
Эпистемологические проблемы второго постулата специальной теории относительности

18 **Сальников Е.В., Костин А.А., Кузьмин А.Ф., Фатеев Д.М.**
Воздействие нефрэктомии и резекции почки на обмен катехоламинов в крови у больных раком почки

22 **Шадрин С.Ю., Жиров А.В., Смирнова Т.С.**
Восстановление нестационарного граничного условия на нагреваемой поверхности при анодном нагреве

25 **Соколов Н.В., Соколов А.Н.**
Туризм и его влияние на лосеводство

ФИЛОСОФИЯ

29 **Васильев А.А.**
Скрытое знание как основа для интуиции

32 **Комарова Л.А.**
Осмысление счастья с точки зрения буддизма

35 **Шлюндт С.А.**
Формирование аксиосферы экологии в современном глобализирующемся пространстве

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

39 **Артемова Е.Г.**
Духовно-музыкальное творчество А.А. Копылова

42 **Бубнихин А.А.**
«Новая Атлантида» Фрэнсиса Бэкона как текст культуры в аспекте глобализации

45 **Демина А.В.**
Движение исторической реконструкции: пути и решения

48 **Едошина И.А.**
«Genius loci» как текст культуры

53 **Кашина Н.К.**
В. Розанов о сущности веры

56 **Седых О.М.**
Павел Флоренский и французская социологическая школа

ЛИНГВИСТИКА

61 **Булавина Н.В.**
Понятие «новое слово» в современной лингвистике

63 **Волотов Д.А.**
Батальная лексика французского происхождения первой половины XIX века как результат русско-французских культурно-политических отношений

66 **Зорина Л.Ю.**
Русские диалектные благопожелания в ситуациях льноводства, прядения и ткачества

70 **Караева Л.Н.**
Динамика пространства в прозе Сигизмунда Кржижановского (на материале повести «Воспоминания о будущем»)

73 **Карданова Н.Б.**
Петровская грамота о М. Змаевиче как пример развития жанра ходатайства

76 **Мощева С.В.**
Речевой акт как способ реализации коммуникативной интенции (на материале англоязычного политического дискурса)

79 **Неганова Г.Д.**
Типологические черты костромского культурного ландшафта: названия густого леса в костромских говорах

84 **Пожидаева Е.В.**
Пути формирования и развития национальной лингвокультуры питания (на примере английского языка)

88 **Титова О.А.**
Английские фразеологизмы-антропономинанты как речевые образования

91 **Щербакова Е.В.**
Слова-реалии как выражение специфических черт австралийского варианта английского языка

94 **Котлов А.К.**
Личные имена и топонимы как художественно-семантические маркеры в «Казенной сказке» Олега Павлова

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

98 **Андреева В.Г.**
Предисловные рассказы и рассказы о героях в произведениях И.С. Тургенева и Л.Н. Толстого

102 **Баталова Т.П.**
Стихотворение Н.А. Некрасова «Утренняя прогулка» как итог эволюции сюжета «О бедном чиновнике» в литературном контексте 1833–1859 гг.

105 **Глазунова С.И.**
К вопросу о жанре комментария в творчестве В. Набокова

108 **Голенчукова С.В.**
Понятие «времени» в эпистолярном наследии И.С. Тургенева 1853–1860 гг.

110 **Дворак М.А.**
Сатира и жанровый синкретизм в романном цикле Хольма ван Зайчика «Плохих людей нет (евразийская симфония)»

113 **Дмитриенко И.К.**
Онтология романтизма в русской постмодернистской прозе: деконструкция реальности в творчестве Виктора Пелевина

117 **Ильина Н.К.**
К вопросу о ритмике драматургического произведения (на материале пьесы А.Н. Островского «Гроза» и пьесы Н.С. Лескова «Расточитель»)

123 **Котлов А.К.**
Антибюрократические мотивы и образы в «Казенной сказке» Олега Павлова

127 **Кушхова А.Л.**
Сюжетно-композиционные особенности романа «Вершины не спят» А. Кешокова

130 **Налетова Т.Б.**
Христианские мотивы возмездия и пути спасения души в раннем творчестве Н.В. Гоголя

133 **Слободина В.А.**
«Путешествие вокруг моей комнаты» Ксавье де Местра в творческом осмыслении А.С. Пушкина

137 **Устинов А.В.**
Образ Протопопа Аввакума в романе Д.Л. Мордовцева «Великий раскол»

142 **Шаваринская С.Р.**
Достоевский и Толстой: диалог о русско-турецкой войне 1877–1878 гг.

145 **Шпилевая Г.А.**
А.А. Шкляревский и Э. Габорио: родоначальники «полицейского» романа

149 **Яковлева Л.А.**
К категории времени в поэзии Анны Ахматовой: диалог с фольклорной и религиозно-мифологической традицией

ИСТОРИЯ

154 **Гончар М.И.**
Введение всеобщей воинской повинности в русской историографии до 1917 г.

157 **Горохова О.В.**
Скворцовские библиотеки

162 **Гулин А.О.**
Основные тенденции современной историографии Первой мировой войны

167 **Комиссаров П.А.**
Кадровый состав Костромской духовной консистории во второй половине XIX – начале XX века

171 **Лобанов В.Б.**
Гражданская война на юге России: белогвардейская Кавказская армия в 1919–1920 гг.

174 **Околотин В.С.**
О периодизации исследования деятельности НКФ СССР по разработке и реализации налоговой политики в 1928–1941 гг. (по материалам Центральной России)

179 **Устюгова Г.И.**
Партийно-политическая дискуссия в Конгрессе США по проблеме арабо-израильского конфликта в 1948–1949 гг.

СОЦИОЛОГИЯ

183 **Попова И.В., Албегова И.Ф.**
Роль общественных организаций как институтов гражданского общества в ресоциализации бывших заключенных в условиях местного социума

187 **Савельев О.Н.**
Социологическое обеспечение инновационных процессов на предприятии (на примере ООО МНПО «Флагман»)

ПОЛИТОЛОГИЯ

190 **Зайцев А.В.**
Юрген Хабермас и его диалогика: понятие и сущность

196 **Соснин С.А.**
Сущность государственной власти в государствоведческой концепции российского консерватизма конца XIX – первой половины XX вв.

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

200 **Коваль С.П.**
Современное состояние и перспективы федеративных отношений в России

204 **Моисеева О.В.**
Договор потребительского кредита

207 **Рощин Б.Е.**
Некоторые особенности борьбы с российской коррупцией в период проведения новой экономической политики: историко-правовой аспект

211 **Туленев А.И.**
Актуальные проблемы терминологии и понятия таможенных преступлений

ЭКОНОМИКА

216 **Айтхожина Г.С.**
Формирование инструментов партнерства в налоговой сфере

218 **Базанкова Д.Н.**
Место России в мировой динамике инноваций

222 **Грабова О.Н., Свиридов Н.Н.**
Региональный менеджмент и качество жизни населения

227 **Денисов А.Р., Илюхина А.С., Волков И.В.**
Структура подсистемы синтеза интегрированных бизнес-процессов оказания государственных услуг в рамках системы «Электронного правительства»

232 **Илюхина А.С., Селиванова Л.И.**
К вопросу о социально-психологических аспектах управления организацией

236 **Коновалова Е.В.**
Разграничение человеческого и семейного капиталов

238 **Ратькова А.Б.**
Государство развития: институциональный аспект

НА ВАШУ КНИЖНУЮ ПОЛКУ

241 **Базанков А.М., Базанков М.Ф.**
Новый электронный литературный ресурс elib-kostroma.ru

244 **Коптелова Н.Г.**
И.С. Тургенев глазами немецких писателей XX столетия

247 **SUMMARY**

256 **ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ РУКОПИСЕЙ**

ЕСТЕСТВОЗНАНИЕ

УДК 661.183

Акаев Олег Павлович
доктор технических наук, профессор
Костромской государственный университет им. Н.А. Некрасова
akaev@list.ru
Гунин Валерий Владимирович
кандидат технических наук
Костромской государственный университет им. Н.А. Некрасова
Цветкова Анна Дмитриевна
polaris-ru@yandex.ru

ИЗУЧЕНИЕ ЧИСТЯЩЕЙ СПОСОБНОСТИ ПАСТООБРАЗНЫХ КОМПОЗИЦИЙ НА ОСНОВЕ КРЕМНИЙСОДЕРЖАЩЕГО ОТХОДА ПРОИЗВОДСТВА ФТОРИДА АЛЮМИНИЯ

В статье рассматривается возможность использования кремнийсодержащего отхода производства фторида алюминия (кремнегеля) как компонента чистящих композиций. Установлено, что введение кремнегеля в базовую композицию способствует увеличению ее чистящей способности.

Ключевые слова: *чистящая способность, диоксид кремния.*

Производство фторида алюминия на основе гексафторкремниевой кислоты, осуществляется по реакции:

$$2Al(OH)_3 + H_2SiF_6 = 2AlF_3 + SiO_2 \cdot 2H_2O + 2H_2O$$

Кремнегель содержит в своем составе ~80% SiO_2 (в пересчете на сухое вещество) [2] и сопутствующие компоненты AlF_3, $Al(OH)_3$, H_2SiF_6 в количествах, в сумме не превышающих 6,0%.

Общее количество диоксида кремния, образующегося при производстве фторида алюминия в стране, оценивают ≈ 40 тыс. т/год. Практически все получаемые кремнийсодержащие отходы сбрасываются в отвалы на открытом воздухе. Подобное нерациональное складирование отходов занимает полезные земельные территории и наносит вред окружающей среде. В связи с этим поиск направлений утилизации кремнегеля является весьма актуальным.

В настоящее время запатентован ряд чистящих композиций, содержащих в своем составе диоксид кремния различного происхождения [3; 4; 5; 7; 8].

Цель данной работы заключается в исследовании свойств чистящих композиций с использованием кремнегеля.

Модифицирование сорбента проводили путем обработки его поверхности одноосновной предельной карбоновой кислотой (пальмитиновой $CH_3–(CH_2)_{14}–COOH$) и четырехатомными оксикислотами (двухосновной винной HOOC–CHOH–CHOH–COOH и трехосновной лимонной HOOC–CH_2–C(OH)(COOH)–CH_2–COOH). Содержание модификатора составляло до 15% от общей массы адсорбента. Модифицирование проводили в фарфорой ступке, тщательно растирая композицию при помощи пестика в течение ~ 20 минут.

Методика искусственного загрязнения пластин.

На предварительно очищенные модельные металлические пластины равномерно по всей поверхности наносили одинаковым слоем и массой (~ 1 г) загрязнитель следующего состава, вес %: олеиновая кислота – 40, сульфат меди – 33, машинное масло – 14, парафин – 13. Пластины имеют одинаковый размер [1].

Методика приготовления чистящей пасты.

1 вариант. К 50 г кремнегеля добавляли 50 мл 1% раствора ДТС – ГК (дветретиосновной соли гипохлорита кальция $Ca(OCl)_2 \cdot 2Ca(OH)_2$), тщательно перемешивали.

2 вариант. К 85 г кремнегеля, модифицированного выбранными кислотами, добавляли 13 мл 1% раствора ДТС – ГК, тщательно перемешивали.

Используемые составы:

1 композиция: 1%-ный раствор ДТС – ГК.

2 композиция: 1%-ный раствор ДТС – ГК, кремнегель.

3 композиция: 1%-ный раствор ДТС – ГК, кремнегель, модифицированный кислотами (пальмитиновая, винная, лимонная).

Методика проведения эксперимента.

1 вариант. Загрязненные пластины помещали в стаканы с 1% раствором ДТС – ГК. Выдерживали различные интервалы времени (от 5 до 30 мин). Затем пластины извлекали, промывали под струей дистиллированной воды, высушивали при комнатной температуре, взвешивали и определяли чистящую способность пасты (в %).

Чистящую способность рассчитывают по формуле:

$$w = \frac{m_o}{m_u} 100\% \qquad (1)$$

где: w – чистящая способность, %; m_o – масса отмытого загрязнителя, г; m_u – масса исходного загрязнителя, г.

2 вариант. На загрязненные пластины наносили испытуемые чистящие пасты. Выдерживали раз-

© Акаев О.П.,Гунин В.В., Цветкова А.Д., 2012

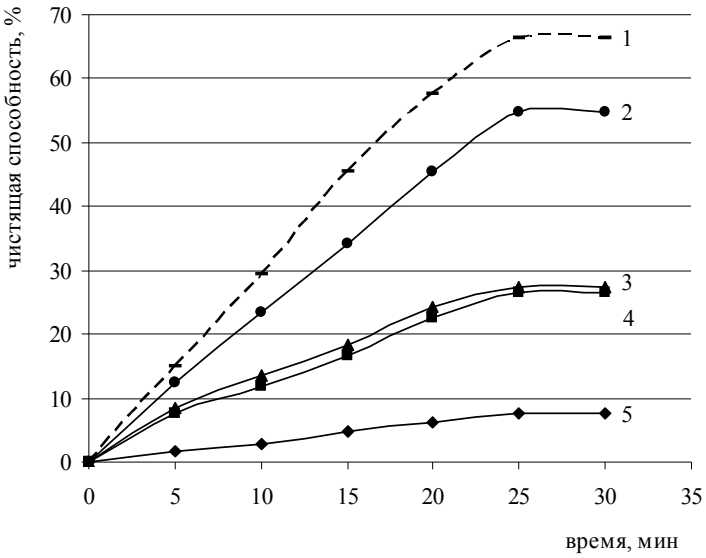


Рис. 1. Изменение чистящей способности пасты от ее состава.
1 – кремнегель, модифицированный лимонной кислотой, и 1% ДТС – ГК; 2 – кремнегель, модифицированный винной кислотой, и 1% ДТС – ГК; 3 – кремнегель, модифицированный пальмитиновой кислотой, и 1% ДТС – ГК; 4 – исходный кремнегель и 1% ДТС – ГК; 5 – 1% раствор ДТС – ГК.

личные интервалы времени (от 5 до 30 мин). Затем пластины извлекали, промывали под струей дистиллированной воды, высушивали при комнатной температуре, взвешивали и определяли чистящую способность пасты (в %).

В качестве базовой моющей композиции использован раствор ДТС-ГК – дветретиосновной соли гипохлорита кальция $Ca(OCl)_2 \cdot 2Ca(OH)_2$. Концентрированный раствор и паста ДТС-ГК вызывают коррозию металлов, обесцвечивают ткани, а также раздражают кожу человека, способствуя развитию различных дерматитов. Раствор ДТС-ГК небольшой концентрации обладает низкой моющей способностью.

Анализ экспериментальных данных показал, что введение в 1%-ный раствор ДТС-ГК кремнегеля, модифицированного органическими кислотами, значительно повышает чистящую способность чистящей композиции. Результаты экспериментов представлены на рисунке 1.

Установлено, что введение исходного кремнегеля в состав базовой композиции увеличивает ее чистящую способность в 3,5 раза. Модифицирование диоксида кремния оксикислотами способству-

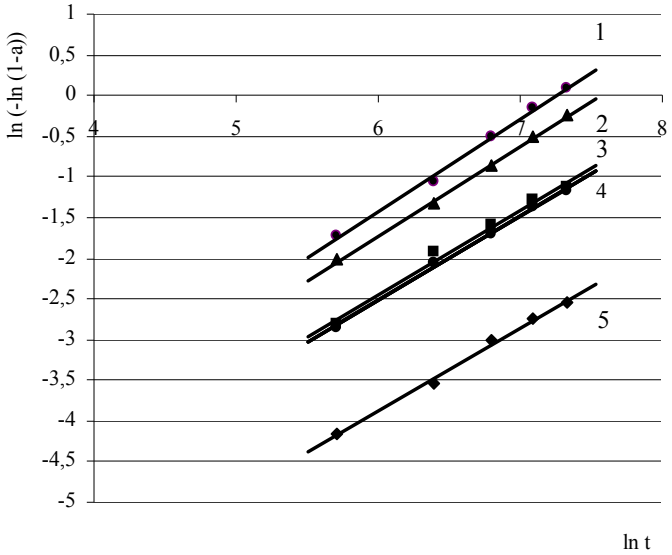


Рис. 2. Зависимость ln [-ln (1-б)] = f (ln t) для пасты следующего состава:
1 – кремнегель, модифицированный лимонной кислотой, и 1% ДТС – ГК; 2 – кремнегель, модифицированный винной кислотой, и 1% ДТС – ГК; 3 – кремнегель, модифицированный пальмитиновой кислотой, и 1% ДТС – ГК; 4 – исходный кремнегель и 1% ДТС – ГК; 5 – 1% раствор ДТС – ГК.

Таблица 1

Значения константы скорости взаимодействия компонентов чистящей пасты с загрязнителем (К · 10^4), $с^{-1}$

Добавка	Базовая композиция (1%-ный раствор ДТС-ГК)
–	0,49
Кремнегель	1,74
Кремнегель, модифицированный пальмитиновой кислотой	1,79
Кремнегель, модифицированный винной кислотой	2,56
Кремнегель, модифицированный лимонной кислотой	2,77

ет значительному повышению чистящих свойств пасты. При добавлении в композицию кремнегеля, обработанного винной кислотой, чистящая способность возросла в 7,2 раза, а использование в качестве модификатора лимонной кислотой повышает чистящую способность в 8,7 раз.

Изменение чистящей способности композиций, в своем составе содержащих модифицированный кремнегель, связано со свойствами кислот-модификаторов. Диссоциируя, кислоты образуют протоны водорода H^+. На поверхности кремнегеля образуется слой протонов водорода H^+, за счет которых уменьшается отрицательный заряд поверхности, в результате увеличивается дисперсионное взаимодействие кремнегеля и загрязнителя. За счет единственной карбоксильной группы одноосновная пальмитиновая кислота присоединяется к поверхности кремнегеля, поэтому введение в чистящую композицию диоксида кремния, обработанного пальмитиновой кислотой, не приводит к увеличению чистящей способности.

О скорости протекания реакции между загрязнителем и кремнегелем судят по изменению степени очистки поверхности α исходного вещества (загрязнителя):

$$\alpha = \frac{m_o - m}{m}, \qquad (2)$$

где α – степень очистки поверхности, m_o – начальная масса загрязнителя, m – конечная масса загрязнителя.

Если известны значения степени очистки поверхности в разные промежутки времени, то опытные точки на графике в координатах ln [-ln (1-б)] – ln t должны располагаться на прямой линии. Угловой коэффициент (тангенс угла) этой прямой равен параметру r, а величина отрезка на оси ординат (при ln t = 0) дает значение ln k [6]. Результаты представлены на рисунке 2 и в таблице 1.

Проведенные исследования показали, что введение диоксида кремния в базовую композицию, представляющую разбавленный раствор ДТС-ГК, существенно повышает ее чистящую способность, сохраняя при этом целостность обрабатываемой поверхности. Модифицирование диоксида кремния органическими оксикислотами многократно увеличивает чистящую способность исследуемой композиции, наилучший эффект достигнут при использовании в качестве модификатора лимонной кислоты, что подтверждается значениями константы скорости взаимодействия.

Библиографический список

1. А.с. СССР № 789575. Моющее средство для очистки твердой поверхности / С.П. Толкачев, Л.А. Бибичева. Опубл. в Б.И. – 1980. – № 47.

2. *Мурашкевич А.Н., Жарский И.М.* Кремнийсодержащие продукты комплексной переработки фосфатного сырья. – Минск: БГТУ, 2002. – 389 с.

3. Моющее средство в виде таблеток, содержащее активатор отбеливания со специфичным размером частиц // Реферативный журнал. Технология производства продуктов бытовой химии. Парфюмерия и косметика – 2003. – № 3.

4. Применение частиц производных аустонитрила в качестве активаторов отбеливания в твердых моющих средствах // Реферативный журнал. Технология производства продуктов бытовой химии. Парфюмерия и косметика – 2003. – № 11.

5. Суспензионноэмульсионная система для введения активных ингредиентов // Реферативный журнал. Технология производства продуктов бытовой химии. Парфюмерия и косметика – 2003. – № 3.

6. *Стромберг А.Г.* Физическая химия. – М.: Высшая школа, 2003. – 527 с.

7. *Hokkirigawa Kazuo, Akiyama Motoharu, Yoshimura Noriyuki.* Полирующий моющий состав для загрязненной поверхности // Реферативный журнал. Технология производства продуктов бытовой химии. Парфюмерия и косметика – 2003. – № 12.

8. *Hokkirigawa Kazuo, Akiyama Motoharu, Yoshimura Noriyuki.* Жидкое чистящее средство // Реферативный журнал. Технология производства продуктов бытовой химии. Парфюмерия и косметика – 2003. – № 13.

УДК 639.3

Гасими Хамид Хидматали
Бакинский Государственный Университет, Азербайджан
hghasemi74_@yahoo.com

РАСПРОСТРАНЕНИЕ И КОЛИЧЕСТВЕННЫЕ ПОКАЗАТЕЛИ РЫБ УРМИЙСКОГО РЕГИОНА

Исследования, проведенные нами в 1995–2010 гг. показали, что в 9-ти реках, впадающих в бассейн озера Урмия, насчитывается 26 видов рыб. Barbus lacerta Heckel, Chalcalburnus atropatenae Berg и Varicorhinus capoeta Güldenstädt – самые распространенные виды. В статье приводятся сведения, полученные в результате таксономического разделения рыб, а также географического и количественного анализа видов.

Ключевые слова: *Иран, Урмия, рыба, численность, распространение.*

Бассейн озера Урмия находится на северо-западе горной части Ирана, его площадь составляет около 51460 км^2; а располагается он между 38°30' и 40°35' с.ш., 44°07' и 47°53' в.д. На 65% регион состоит из гор, на 24% – из равнин, 11% составляет собственно озеро Урмия. В этом бассейне самая высокая точка, гора Сехенд, расположена на высоте 3707 м над уровнем моря, а самая низкая точка – 1276 м над уровнем моря. Площадь озера составляет 5000 км^2, длина его – 130–146 км, а ширина – 15–58 км. Средняя соленость воды 220 г/л, причем она периодически меняется. Все наземные и подземные воды бассейна притекают в озере Урмия. В среднем годичное впадение вод рек в озеро Урмия составляет 5316 млн. м^3. Это озеро питает 21 река: 14 являются постоянными, а остальные высыхают летом. Симина, Махабад, Годар, Гала, Мурди, Шехер, Аджи и Софи – самые большие реки в бассейне озера Урмия. Для исследований было выбрано 9 рек. Учитывая экологическое состояние рек от истока до дельты (состояние дна, сложенного из камней, глины, песка; уровень рельефа, скорость течения, флора и т.д.), каждая река разделена на 3 части: верхняя, средняя и нижняя. При соответствующих погодных условиях из всех частей были отобраны образцы [2]. Для ловли рыб был использован электрошок (200–300 В, 1,7 А) и сетка с ячейками размером 5Ч5 см [4]. Отловленные рыбы были отсортированы по видам и зафиксированы в 5–10%-ном формалине. Для определения видов были использованы морфологические и меристические признаки [1]. Для вычисления видового разнообразия использован индекс Шеннона [3]:

$$H' = -\sum_{L=1}^{S}\left[piLnpi\right],$$

где S – число видов; $Pi = \frac{ni}{N}$ (N – число особей; ni – число особей каждого вида); H' – индекс разновидностей.

В результате наших исследований было выявлено, что в бассейне озера Урмия распространено 26 видов рыб (табл. 1).

Таксономическое разделение рыб показало, что 18 (69,2%) из 26 видов относятся к семейству *Cyprinidae*:

Salmoniformes – Salmonidae – 2 вида;
Cypriniformes – Cyprinidae – 18 видов;
Cypriniformes – Cobitidae – 1 вид;
Cypriniformes – Balitoridae – 3 вида;
Atheriniformes – Poecilidae – 1 вид;
Siluriformes – Siluridae – 1 вид;
Итого: 4 отряда, 6 семейств, 26 видов.

Ихтиофауна рек, впадающих в озеро Урмия, относительно богата. Из 9 исследованных рек самыми богатыми в видовом отношении являются Зарин (18 видов) и Махабад (17 видов). На втором месте стоят Мурид (12 видов), Годар (12 видов) и Симина (10 видов). В других реках – Аджи, Гала, Софи и Шахри – определены 3–5 видов.

Самые распространенные виды: *Barbus lacerta, Chalcalburnus atropatenae* и *Varicorhinus capoeta.* Они найдены в 7–8 реках. На 2-м месте стоит вид *Nemacheilus angorae* (найден в 6 реках). Но большинство видов (*Abramis brama, Barbus brachycephalus, Rhodeus sericeus, Nemacheilus bergianus, Cobitis caucasica)* были найдены лишь в одной реке. Анализ географического происхождения видов показывает, что самыми распространенными оказались экзотические рыбы (13 видов), менее распространенными – аборигены (10 видов), а эндемические виды имеются в меньшей степени (3 вида). Количественный анализ показывает преобладание обычных видов (14 видов) над многочисленными (3 вида) и редкими (9 видов). Скорее всего, такое таксономическое однообразие бассейна озера Урмия связано с тем, что данные водоемы являются изолированными.

Интересно, что много экзотических видов рыб заплывает из рек в бассейн озера Урмия (13 видов), аборигенные виды встречаются реже (10 видов), эндемических видов мало (3 вида).

Обычные виды многочисленны (14 видов): *Barbus mursa*, *Carassius auratus*, *Ctenopharyngodon idella*, *Cyprinus carpio*, *Hypophthalmichthys molitrix*, *Hypophthalmichthys nobilis*, *Pseudorasbora parva*, *Nemacheilus angorae*, *Nemacheilus bergianus*, *Gambusia holbrooki*, *Oncorhynchus mykiss*, *Silurus glanis*, *Cobitis caucasica*; редких видов 9: *Abramis brama*, *Acanthalburnus urmianus*, *Barbus brachycephalus*, *Gobio persa*, *Leuciscus cephalus*, *Leuciscus ulanus*, *Rhodeus sericeus*, *Nemacheilus*

© Гасими Х.Х., 2012

Таблица 1

Рыбы основных рек, впадающих в озеро Урмия

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14
1	*Acanthalburnus urmianus* Günther				+	+		+	+	+	*En*	*P*	5
2	*Alburnoides bipunctatus* Bloch				+	+	+				*Ab*	*Мн*	3
3	*Abramis brama* Linnaeus							+			*Ex*	*P*	1
4	*Barbus brachycephalus* Kessl.									+	*Ex*	*P*	1
5	*Barbus lacerta* Heckel	+	+	+	+	+	+	+		+	*Ab*	*Мн*	8
6	*Barbus mursa* Güldenstädt					+	+				*Ab*	*O*	2
7	*Varicorhinus capoeta* Güldenstädt	+	+		+	+	+	+		+	*Ab*	*Мн*	7
8	*Carassius auratus* Linnaeus				+	+	+	+		+	*Ex*	*O*	5
9	*Chalcalburnus atropatenae* Berg	+	+	+	+	+		+	+	+	*En*	*O*	8
10	*Ctenopharyngodon idella* Valenciennes					+		+			*Ex*	*O*	2
11	*Cyprinus carpio* Linnaeus					+	+	+			*Ex*	*O*	3
12	*Gobio persa Günther*				+	+		+		+	*Ab*	*P*	4
13	*Hypophthalmichthys molitrix* Valenciennes					+		+			*Ex*	*O*	2
14	*Hypophthalmichthys nobilis* Richardson					+		+			*Ex*	*O*	2
15	*Leuciscus cephalus* Linnaeus				+	+	+	+		+	*Ab*	*P*	5
16	*Leuciscus ulanus* Günther							+	+	+	*En*	*P*	3
17	*Pseudorasbora parva* Temminck et Schlegel				+	+		+			*Ex*	*O*	3
18	*Rhodeus sericeus* Pallas							+			*Ex*	*P*	1
19	*Nemacheilus angorae* Steindachner	+	+	+	+	+	+				*Ab*	*O*	6
20	*Nemacheilus malapterurus* Valenciennes					+	+				*Ab*	*P*	2
21	*Nemacheilus bergianus* Derjavin									+	*Ex*	*O*	1
22	*Gambusia holbrooki* Girard					+	+	+			*Ex*	*O*	3
23	*Salmo trutta* morpha *fario* Linnaeus	+			+						*Ab*	*P*	2
24	*Oncorhynchus mykiss* Walbaum				+					+	*Ex*	*O*	2
25	*Silurus glanis* Linnaeus					+		+			*Ab*	*O*	2
26	*Cobitis caucasica* Berg									+	*Ex*	*O*	1
	Всего:	5	4	3	12	18	10	17	3	12			

Условные обозначения: 1 – номер ряда; 2 – научное название таксонов; 3 – река Аджи; 4 – река Гала; 5 – река Софи; 6 – река Мурди; 7 – река Зарина; 8 – река Симина; 9 – река Махабад; 10 – река Шахри; 11 – река Годар; 12 – географическое происхождение видов: En – эндемический, Ab – аборигенный, Ek – экзотический; 13 – категория численности: P – редкие, O – обычные, Мн – многочисленные; 14 – в скольких реках распространен вид.

malapterurus, *Salmo trutta* morpha *fario*; многочисленных видов мало (3 вида): *Alburnoides bipunctatus*, *Varicorhinus capoeta*, *Barbus lacerta*.

В бассейне озера Урмия обитает 3 многочисленных вида: *Varicorhinus capoeta*, *Alburnoides bipunctatus*, *Barbus lacerta*. Они также являются доминантными видами. Редких видов 9, остальные обычные.

В бассейне озера Урмия, в реках Зарина, Годар, Софи и Аджи, частота распределения видов рыб показывает постоянство, по сравнению с другими реками мало изменчива.

Таким образом, к современной ихтиофауне региона бассейна озера Урмия относятся 26 видов. Рыбы принадлежат к 4 отрядам, 6 семействам, 20 родам и 26 видам. Из них 18 видов (69,2%) относятся к семейству *Cyprinidae*. Из исследуемых 9 рек по разнообразию рыб на первом месте стоят Зарин (18 видов) и Махабад (17 видов), на втором месте стоят реки Мурди (12 видов), Годар (12 видов) и Симина (10 видов).

Самые распространенные виды: *Barbus lacerta*, *Chalcalburnus atropatenae* и *Varicorhinus capoeta.* По географическому происхождению наиболее широко представлены экзотические виды (13 видов), аборигены относительно малочисленны (10 видов), а эндемические виды малочисленны и узко распространены (3 вида). В бассейне озера Урмия многочисленными являются 3 вида рыб: *Varicorhinus capoeta*, *Alburnoides bipunctatus*, *Barbus lacerta,* они доминантны. Редких видов насчитывается 9, а остальные виды являются обычными.

Библиографический список

1. *Abdoli A.* Fresh water fishes of Iran. Pub. Wildlife museum, 1999. – P. 377.

2. *Biswas S.P.* Manual of methods in fish Biology. South Asian publishers, New Delhi, India. – 1993. – 157 pp.

3. *Ejtehadi H. et al.* Methods of measuring biodiversity. Pub. Ferdowsi University of Mashhad. – 2009.

4. *Rahel F.J. and Hubert W.A.* Fish assemblages and habitat gradients in a rocky mountain-great plains stream: biotic zonation and additive patterns of community change. Transaction of the American Fisheries Society. – 1991. – 120: 319–332.

УДК 591.524.1 (470.12)

Лобуничева Екатерина Валентиновна
кандидат биологических наук
Вологодская лаборатория ФГБНУ «Государственный научно-исследовательский институт озёрного и речного рыбного хозяйства»
lobunicheva_ekat@mail.ru

Филиппов Дмитрий Андреевич
кандидат биологических наук
Институт биологии внутренних вод им. И.Д. Папанина РАН
philippov_d@mail.ru

ЗООПЛАНКТОН ПОЙМЕННЫХ БОЛОТ И РЕК СЕВЕРО-ЗАПАДА ВОЛОГОДСКОЙ ОБЛАСТИ

В настоящей статье отражены результаты исследования зоопланктона пойменных болот и рек северо-запада Вологодской области. Всего обнаружено 65 видов (16 видов коловраток, 33 вида ветвистоусых и 16 видов веслоногих ракообразных). Зоопланктон пойменных болот имеет более высокие показатели численности и биомассы по сравнению с прибрежными зарослями водотоков.

Ключевые слова: *зоопланктон, пойменные болота, реки, болотно-речные комплексы, Вологодская область.*

Исследования зоопланктона болотных экосистем Вологодской области были начаты относительно недавно [2; 3; 8]. К настоящему времени получены сведения о планктонных беспозвоночных вторичных водоёмов сфагновых болот. Однако планктонные организмы в условиях травяных и травяно-гипновых болот представляют не меньший интерес как с точки зрения выявления видового богатства беспозвоночных животных, так и изучения направлений и сопряжённости эволюционных процессов в болотных экосистемах таёжной зоны.

В рамках данной работы были получены первые сведения о составе и структуре зоопланктона пойменных болот северо-западной части Вологодской области, а также установлены их особенности в сравнении с планктонными сообществами водотоков.

Исследования проводились на пойменных болотах и реках Вытегорского района Вологодской области (в пределах южной и юго-восточной части бассейна Онежского озера). Гидробиологический материал был собран в сентябре 2009 года на участках семи болотно-речных комплексов: 1) болото и река Чунд-ручей (61°03.257′ с.ш., 36°22.790′ в.д.); 2) болото Панское и река Панский ручей (61°50.909′ с.ш., 35°50.131′ в.д.); 3) болото и река Илекса (61°08.424′ с.ш., 36°33.429′ в.д.); 4) болото Тимховское и река Палая (61°09.064′ с.ш., 36°29.687′ в.д.); 5) болото Вербушковое и река Вербушка (61°07.806′ с.ш., 36°31.045′ в.д.); 6) болото Сорожское-Дольное и река Поврека (61°07.238′ с.ш., 36°33.115′ в.д.); 7) болото Крестенское и река Андома в нижнем течении (61°16.886′ с.ш., 36°25.277′ в.д.). Реки (за исключением Андо-

Таблица 1

Физико-химические параметры исследованных объектов

№ п/п	Название объекта	I		II		III	
		Б	Р	Б	Р	Б	Р
1.	болото и река Чунд-ручей	160	150	7,48	7,93	92,2	87,7
2.	болото Панское и Панский ручей	200	150	7,49	7,65	60,6	66,5
3.	болото и река Илекса	100	170	7,05	7,61	55,5	83,9
4.	болото Тимховское и река Палая	120	150	6,81	7,95	47,7	66,5
5.	болото Вербушковое и река Вербушка	170	130	7,54	7,72	105,5	106,8
6.	болото Сорожское-Дольное и Поврека	80	50	7,22	7,68	98	124,5
7.	болото Крестенское и река Андома	150	200	6,55	7,46	19,4	52,6

Условные обозначения. Анализируемые параметры воды: I – цветность, град.; II – водородный показатель, ед. pH; III – общая минерализация, мг/л. Места отбора проб: Б – межкочечные понижения болот, Р – прибрежные заросли водотоков.

© Лобуничева Е.В., Филиппов Д.А., 2012

мы) относятся к категории малых рек; они темноводные, имеют илистые и торфянисто-илистые грунты, как правило, слабо заросшие (5–7%). Обычно заросли формируют *Nymphaea candida, Nuphar lutea, Potamogeton gramineus, Myriophyllum verticillatum, Hydrocharis morsus-ranae, Utricularia vulgaris, Carex ssp.* и некоторые др. В неразвитых поймах этих рек формируются бореальные осоковые и гипново-осоковые мезоевтрофные восточноевропейские болота. Все изученные болота относятся к этому типу, их подробная характеристика приведена нами ранее [7].

В каждом из болотно-речных комплексов были отобраны пробы воды. В лабораторных условиях Е.В. Чемерис (ИБВВ РАН) с использованием pH-метра Crison и кондуктометра Hanna измерялась активная реакция среды (pH), цветность и минерализация. Физико-химические параметры исследованных рек и болот представлены в таблице 1.

Пробы зоопланктона отбирали мерными сосудами в межкочечных понижениях пойменных болот и прибрежных участках водотоков, протекающих через болотные массивы. Воду (50 л) процеживали через количественную планктонную сеть Джеди (диаметр входного отверстия 20 см, газ №70) и затем фиксировали 4%-ным формалином. Камеральную обработку проб проводили по стандартной методике [4] с использованием определителей [1; 5; 6 и др.]. Всего собрано и обработано 28 проб. Зоопланктон характеризовали по видовому составу, структуре доминирующего комплекса (к доминантам относили виды с относительной численностью более 5%), общим численности и биомассе, а также по численности и биомассе основных таксонов.

Результаты и их обсуждение. Проведённые исследования позволили выявить в составе зоопланктона пойменных болот и рек 65 видов (табл. 2).

Подавляющая часть обнаруженных организмов принадлежат к подклассу ветвистоусых ракообразных (33 вида), веслоногие рачки и коловратки представлены в изученных объектах в равной степени (по 16 видов). Лишь в составе болотных сообществ были отмечены *Eudactylota eudactylota, Alona affinis, Kurzia latissima, Diacyclops languidoides, Megacyclops viridis, Paracyclops fimbriatus*. Видовое богатство зоопланктона отдельных болотно-речных комплексов колеблется от 13 (болото Сорожское-Дольное и р. Поврека) до 44 (болото Тимховское и река Палая) видов. Болотно-речной комплекс реки Палая особенно сильно отличается от других изученных водно-болотных объектов по составу планктонных животных. Так, только в составе гидробионтов реки Палая выявлены широко распространенные в регионе эврибионтные виды зоопланктеров (например, *Kellicottia longispina, Keratella cochlearis, Keratella quadrata* среди коловраток; *Daphnia cristata, Daphnia cucullata, Diaphanosoma brachyurum, Bosmina longirostris* среди кладоцер). Появление данных видов в фауне водотока (и, вероятно, в фауне пойменного болота) связано, по-видимому, с особенностями мест отбора проб (в эстуарии озера Тудозеро).

В большинстве изученных водотоков видовое богатство зоопланктона выше, чем в сопряженных с ними болотах. Это связано с увеличением разнообразия коловраток в проточных водных объектах. Помимо указанных выше видов, отмеченных в реке Палая, лишь в составе речных сообществ отмечены коловратки *Asplanchna priodonta, Platyias*

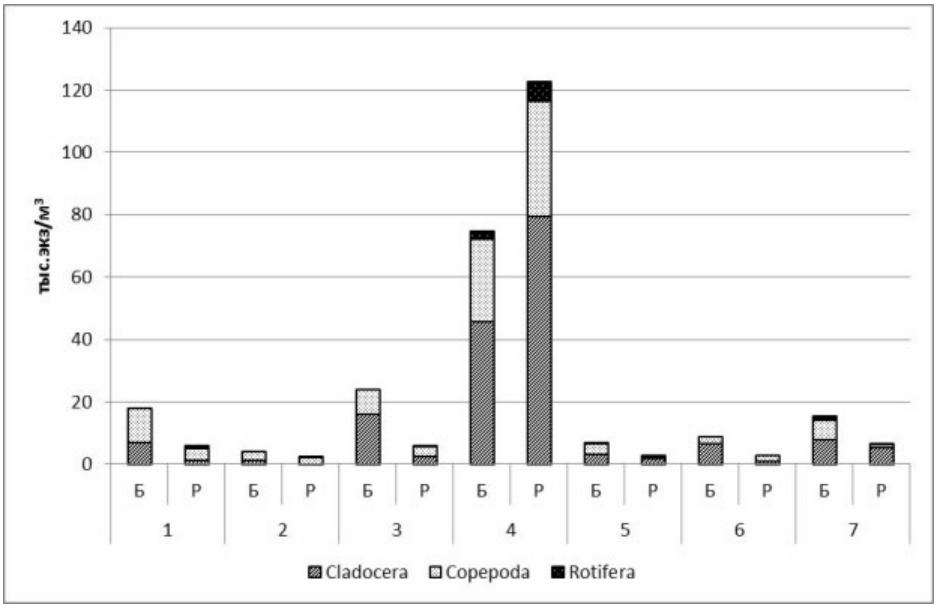


Рис. 1. Средняя численность зоопланктона пойменных болот и рек северо-запада Вологодской области (сентябрь 2009 г.).
Условные обозначения приведены в примечаниях к таблице 2.

Таблица 2

Видовой состав зоопланктона пойменных болот и рек северо-запада Вологодской области

Таксон	Болотно-речные комплексы													
	1		2		3		4		5		6		7	
	Б	Р	Б	Р	Б	Р	Б	Р	Б	Р	Б	Р	Б	Р
ROTIFERA														
Philodinidae														
Dissotrocha sp.	–	–	–	–	–	–	–	+	–	–	–	–	–	–
Conochilidae														
Conochilus hippocrepis	–	–	–	–	–	–	+	–	–	–	–	–	–	–
Synchaetidae														
Polyarthra sp.	–	–	–	–	–	–	–	+	–	–	–	–	–	–
Eosphoridae														
Enteroplea lacustris	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	+	–
Trichocercidae														
Trichocerca sp.	–	–	–	–	–	–	+	–	–	–	–	–	+	–
Asplanchnidae														
Asplanchna priodonta	–	–	–	–	–	–	–	+	–	+	–	–	–	–
Colurellidae														
Squatinella rostrum	–	+	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
Squatinella sp.	–	–	–	–	–	–	–	+	–	–	–	–	–	+
Brachionidae														
Kellicotia longispina	–	+	–	–	–	–	–	+	–	–	–	–	–	–
Keratella cochlearis	–	–	–	–	–	–	–	+	–	–	–	–	–	–
Keratella quadrata	–	–	–	–	–	–	–	+	–	–	–	–	–	–
Platyias quadricornis	–	+	–	+	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
Euchlanidae														
Diplois daviesiae	–	–	–	–	–	+	–	+	+	+	–	–	–	–
Euchlanis meneta	–	+	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
Euchlanis sp.	–	–	–	–	–	–	–	–	–	+	–	–	–	–
Eudactylota eudactylota	–	–	–	–	–	–	+	–	–	–	–	–	–	–
CLADOCERA														
Sididae														
Diaphanosoma brachyurum	–	–	–	–	–	–	–	+	–	–	–	–	–	–
Sida crystallina	–	–	–	–	–	+	–	+	–	–	–	–	–	+
Daphniidae														
Ceriodaphnia quadrangula	+	–	–	+	+	–	+	$\boxed{+}$	+	$\boxed{+}$	–	–	–	+
Daphnia cristata	–	+	–	–	–	–	–	+	–	–	–	–	–	–
Daphnia cucullata	–	–	–	–	–	–	–	+	–	–	–	–	–	–
Scapholeberis mucronata	–	–	–	+	+	–	+	$\boxed{+}$	–	–	–	–	–	–
Simocephalus vetulus	$\boxed{+}$	+	$\boxed{+}$	+	+	–	+	+	+	–	+	–	+	+
Chydoridae														
Acroperus harpae	$\boxed{+}$	+	–	$\boxed{+}$	$\boxed{+}$	$\boxed{+}$	$\boxed{+}$	$\boxed{+}$	$\boxed{+}$	+	$\boxed{+}$	+	+	$\boxed{+}$
Alona affinis	–	–	–	–	–	–	+	–	–	–	–	–	–	–
Alona quadrangularis	+	+	–	–	–	–	–	–	–	–	$\boxed{+}$	–	+	+
Camptocercus lilljeborgii	+	–	–	–	–	–	+	+	–	–	–	–	–	+
Chydorus sphaericus	+	+	–	$\boxed{+}$	$\boxed{+}$	+	$\boxed{+}$	+	+	$\boxed{+}$	+	+	$\boxed{+}$	$\boxed{+}$
Disparalona rostrata	–	+	$\boxed{+}$	+	+	+	+	+	+	+	–	–	–	+
Eurycercus lamellatus	–	–	+	+	+	$\boxed{+}$	+	+	+	+	+	$\boxed{+}$	$\boxed{+}$	$\boxed{+}$
Graptoleberis testudinaria	–	+	–	–	–	–	–	+	–	–	–	–	–	+
Kurzia latissima	–	–	–	–	+	–	–	–	–	–	–	–	–	–
Picripleuroxus laevis	–	–	–	+	$\boxed{+}$	+	$\boxed{+}$	–	$\boxed{+}$	$\boxed{+}$	–	–	–	–
Picripleuroxus striatus	–	–	–	–	–	–	+	–	–	–	–	–	+	–
Pleuroxus aduncus	+	–	–	–	–	–	–	+	–	–	–	–	–	–
Pleuroxus trigonellus	+	–	–	–	–	–	–	–	+	–	+	+	–	–
Pleuroxus truncatus	–	–	–	–	–	+	+	$\boxed{+}$	–	–	–	–	–	–
Pleuroxus sp.	–	–	–	–	–	–	+	–	–	–	–	–	–	–
Rhynchotalona falcata	–	–	–	–	–	–	–	–	+	+	–	–	–	–
Bosminidae														
Bosmina coregoni	–	+	–	–	–	–	+	+	–	–	–	–	–	+
Bosmina crassicornis	–	+	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
Bosmina longispina	+	+	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
Bosmina obtusirostris	–	–	–	–	–	–	–	+	–	–	–	–	–	–

Окончание таблицы 2

Таксон	Болотно-речные комплексы													
	1		2		3		4		5		6		7	
	Б	Р	Б	Р	Б	Р	Б	Р	Б	Р	Б	Р	Б	Р
Macrothricidae														
Macrothrix hirsuticornis	–	–	–	–	+	–	+	+	–	–	–	–	–	–
Ophryoxus gracilis	–	–	–	+	–	[+]	[+]	–	+	[+]	–	–	[+]	+
Moinidae														
Moina brachiata	+	–	–	+	+	–	–	–	+	+	–	+	+	–
Cercopagidae														
Bythotrephes longimanus	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	+	–	–	–
Polyphemus pediculus	+	–	–	–	–	+	–	[+]	–	–	–	–	–	–
COPEPODA														
Temoridae														
Heterocope appendiculata	–	+	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
Diaptomidae														
Eudiaptomus gracilis	–	[+]	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
Eudiaptomus graciloides	–	–	–	–	–	–	+	+	–	–	–	–	–	–
Centropagidae														
Limnocalanus macrurus	–	+	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	+
Cyclopidae														
Cyclops strenuus	+	–	–	–	–	–	–	+	–	–	–	–	–	–
Diacyclops bicuspidatus	[+]	+	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
Diacyclops languidoides	–	–	–	–	–	–	+	–	–	–	–	–	–	–
Ectocyclops phaleratus	–	–	–	–	–	–	+	–	–	–	[+]	[+]	–	–
Eucyclops denticulatus	–	–	–	–	–	+	–	–	–	–	+	+	–	–
Eucyclops macrurus	–	–	–	+	+	–	–	–	+	+	–	–	[+]	–
Eucyclops serrulatus	–	–	[+]	–	[+]	+	+	+	[+]	+	–	[+]	[+]	–
Macrocyclops fuscus	–	–	–	–	–	–	+	+	–	–	–	–	–	–
Megacyclops viridis	–	–	+	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
Mesocyclops leuckarti	[+]	[+]	[+]	[+]	+	[+]	[+]	[+]	[+]	+	[+]	[+]	–	+
Paracyclops affinis	[+]	+	[+]	[+]	[+]	+	+	+	+	–	–	+	+	+
Paracyclops fimbriatus	–	–	–	–	–	–	+	–	–	–	–	–	–	–
Всего таксонов	**15**	**20**	**7**	**14**	**15**	**14**	**27**	**33**	**16**	**15**	**10**	**10**	**13**	**16**
	27		**16**		**21**		**44**		**17**		**13**		**22**	

Примечание. «–» – вид не обнаружен, «+» – вид обнаружен, «+» – доминирующий вид. Болотно-речные комплексы: 1 – болото и река Чунд-ручей, 2 – болото Панское и Панский ручей, 3 – болото и река Илекса, 4 – болото Тимховское и река Палая, 5 – болото Вербушковое и река Вербушка, 6 – болото Сорожское-Дольное и Поврека, 7 – болото Крестенское и река Андома. Местообитания: Б – межкочечные понижения болот, Р – прибрежные заросли водотоков.

quadricornis, виды родов *Polyarthra, Euchlanis, Dissotrocha*. Среди ракообразных только в реках были обнаружены *Sida crystallina*, *Bosmina longirostris, Graptoleberis testudinaria, Picripleuroxus striatus*, виды рода *Daphnia*, *Diacyclops bicuspidatus*. В составе зоопланктона Чунд-ручья отмечены единичные экземпляры *Eudiaptomus gracilis*, *Heterocope appendiculata, Limnocalanus macrurus, Bosmina cf. crassicornis*. Последние два вида ракообразных на территории Вологодской области достоверно отмечены лишь в водных объектах бассейна Онежского озера. Появление этих не характерных для болотных водотоков видов, по-видимому, связано с обратным течением воды из реки Вытегра в реку Чунд-ручей во время шлюзования судов.

Количественные показатели развития зоопланктона болотно-речных комплексов зависят от типа и особенностей водных объектов (рис. 1, 2).

Более высокие значения численности и биомассы планктонных беспозвоночных характерны для болот, что закономерно связано с доминированием ветвистоусых ракообразных, для которых условия межкочечных болотных понижений более благоприятны. Общая численность зоопланктона в болотах (рис. 1) изменялась от 3,9 тыс.экз/м^3 (болото Панское) до 74,8 тыс.экз/м^3 (болото Тимховское), а биомасса (рис. 2) – от 0,1 г/м^3 (болото Вербушковое) до 1,7 г/м^3 (болото Тимховское).

Аналогично и распределение водотоков по величинам численности и биомассы зоопланктона (рис. 1, 2). Наименьшие величины этих характеристик отмечались в реке Панский ручей (2,0 тыс.экз/м^3 и 0,1 г/м^3 соответственно), а наибольшие – в реке Палая (122,8 тыс.экз/м^3 и 3,9 г/м^3).

Помимо сравнительно высоких количественных показателей развития для зоопланктона реки Палая характерна и сложная структура доминирующего комплекса. К числу доминантов в этом водотоке принадлежат такие кладоцеры, как *Ceriodaphnia quadrangula, Pleuroxus truncatus, Scapholeberis mucronata, Polyphemus pediculus*,

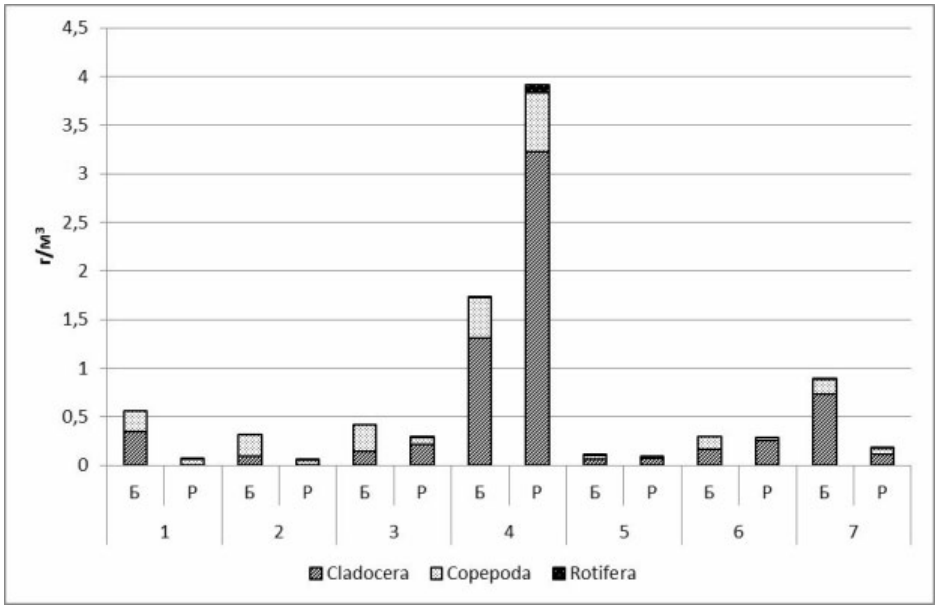


Рис. 2. Средняя биомасса зоопланктона пойменных болот и рек северо-запада Вологодской области (сентябрь 2009 г.).
Условные обозначения приведены в примечаниях к таблице 2.

а также копепода *Mesocyclops leuckarti*. Структура доминирующего комплекса зоопланктона болота Тимховское более простая. Основу биомассы (более 40%) составляет *Ophryoxus gracilis*, а наибольшей плотности достигают представители семейства Chydoridae (в частности *Chydorus sphaericus, Acroperus harpae*) и *Mesocyclops leuckarti*. Сходные различия комплекса доминантов характерны и для зоопланктона других изученных болотно-речных комплексов.

Первые гидробиологические исследования пойменных болот и рек вологодского Прионежья позволили выявить в их составе 65 видов коловраток и ракообразных, среди которых отмечены как широко распространенные в таёжной зоне эврибионтные, так и типичные фитофильные виды. По своей видовой структуре зоопланктон болотно-речных комплексов более сходен с зоопланктоном малых озёр и рек Вологодской области [2], нежели с вторичными водоёмами сфагновых болот [3, 8]. Зоопланктон межкочечных понижений пойменных болот, как правило, имеет более высокие показатели численности и биомассы по сравнению с прибрежными зарослями водотоков, что связано преимущественно с массовым развитием ветвистоусых ракообразных на фоне сравнительно простой структуры доминирующего комплекса.

Авторы статьи признательны А.В. Шарапову за помощь в полевых исследованиях и Е.В. Чемерис за гидрохимический анализ проб.

Библиографический список

1. *Кутикова Л.А.* Коловратки фауны СССР (Rotatoria). Подкласс Eurotatoria (отряды Ploimida, Monimotrochida, Paedotrochida). – Л.: Наука, 1970. – 744 с.

2. *Лобуничева Е.В.* Зоопланктон малых водоёмов разных ландшафтов Вологодской области: Автореф. дис. … канд. биол. наук. – Борок, 2009. – 20 с.

3. *Лобуничева Е.В., Филиппов Д.А.* Зоопланктон мочажин печорско-онежских олиготрофных болот (Вологодская область) // Вестник Томск. гос. пед. ун-та. – 2009. – Вып. 3 (81). – С. 82–86.

4. Методические рекомендации по сбору и обработке материалов при гидробиологических исследованиях на пресноводных водоёмах. Зоопланктон и его продукция. – Л.: ГосНИОРХ, 1982. – 33 с.

5. Определитель зоопланктона и зообентоса пресных вод Европейской России. Т. 1. Зоопланктон. – М.: Тов-во науч. изд. КМК, 2010. – 495 с.

6. Определитель пресноводных беспозвоночных России и сопредельных территорий. Т. 2. Ракообразные. – СПб.: Наука, 1995. – 628 с.

7. *Филиппов Д.А.* Структура и динамика экосистем пойменных болот бассейна Онежского озера (Вологодская область): Автореф. дис. … канд. биол. наук. – Сыктывкар, 2008. – 23 с.

8. *Lobunicheva E.V., Philippov D.A.* Zooplankton in Hollow-Pools (Using Raised Bogs in Vologda Oblast, Russia, As an Example) // Inland Water Biology. – 2011. – Vol. 4. – № 2. – P. 173–178.

УДК 167:530.1

Моисеев Борис Михайлович
кандидат технических наук, доцент
Костромской государственный университет им. Н.А. Некрасова
ipmbm@kosnet.ru
Яковлев Виталий Юрьевич
доктор философских наук, профессор
Костромской государственный технологический университет
jakovlevv@mail.ru

ЭПИСТЕМОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ВТОРОГО ПОСТУЛАТА СПЕЦИАЛЬНОЙ ТЕОРИИ ОТНОСИТЕЛЬНОСТИ

В статье критикуется общепринятое представление о том, что такое постоянство скорости света.

***Ключевые слова**: философия науки, фундаментальная физика, специальная теория относительности, скорость света.*

Когда мы говорим о скорости, то должны иметь в виду два объекта – первый (движущийся) и второй, по отношению к которому рассматривается движение первого. Пусть второй объект – это некоторая инерциальная система отсчета (ИСО). Можно указать множество других ИСО, движущихся относительно первой. Представление о скорости света как о мировой константе приводит к логическому следствию, что в любой из рассматриваемых ИСО численное значение скорости света одинаково. Абсурдность подобных представлений порождает множество спекуляций на бытовом, техническом, научном и философском уровнях. В данной статье предпринята попытка эпистемологического анализа возможности и границ представлений о том, что такое постоянство скорости света.

Физическая величина *скорость света* относится к фундаментальным физическим константам. В школьном курсе физики это утверждение подается со ссылкой на опыт Майкельсона, но без детального разбора этого опыта. В университетском курсе общей физики постоянство скорости света вводится со ссылкой на специальную теорию относительности (СТО). В курсе теоретической физики это положение детально уже не обсуждается. Например, во втором томе Ландау-Лифшица обоснование постоянства скорости света выглядит так: «Опыт показывает, что справедлив так называемый *принцип относительности*. Согласно этому принципу, все законы природы одинаковы во всех инерциальных системах отсчета. <…> Из принципа относительности вытекает, в частности, что скорость распространения взаимодействий одинакова во всех инерциальных системах отсчета. Таким образом, скорость распространения взаимодействий является универсальной постоянной. Эта постоянная скорость одновременно является <…> скоростью распространения света в пустоте; поэтому ее называют *скоростью света*» [3, с. 11–12].

В современном варианте второго постулата СТО – постулата постоянства скорости света – утверждается следующее: «Скорость света в вакууме одинакова по всем направлениям и в любой области данной инерциальной системы отсчета и одинакова во всех инерциальных системах отсчета» [11, с. 34]. Скорость любого физического объекта является относительной величиной и должна определяться по отношению к другому физическому объекту. В вышеприведенной формулировке второго постулата СТО вторым объектом является наблюдатель, находящийся в некоторой ИСО, «привязанный» к некоторой системе координат. Другими словами, скорость света численно одинакова для всех наблюдателей и по всем направлениям.

Поскольку изучающий курс физики человек должен эту науку понять, нельзя не отметить элемент абсурда в вышеприведенной формулировке второго постулата. Излучив световой импульс в некотором направлении, один из наблюдателей может на быстроходном транспортном средстве начать «догонять» свет, а его приятель так же быстро может начать «убегать» от света, то есть начнет движение в противоположную сторону. Согласно СТО передний фронт светового импульса должен удаляться с одинаковой скоростью от первого и от второго наблюдателей.

Внутренний протест, возникающий при попытке осмыслить это «явление», неизбежно делит, например, студентов-физиков на две категории. Тот, кто второй постулат в вышеприведенной формулировке «понимает», может стать физиком-теоретиком, так как современная фундаментальная теоретическая физика, к сожалению, не требует качественного осмысления физических явлений. Тот, кто второй постулат понять не может, фундаментальной физикой заниматься не будет, но вполне может заниматься прикладной наукой. Есть еще немногочисленные представители третьего направления, пожелавшие любой ценой разобраться в непонятом явлении. Как правило, их судьба в науке незавидна. Реальное же большинство студентов даже не пытаются понять второй постулат СТО, откладывая это или просто не желая на нем останавливаться.

Следует отметить, что Альберт Эйнштейн, с которым обычно связывают рождение СТО, не имеет

© Моисеев Б.М., Яковлев В.Ю., 2012

к вышеприведенной формулировке второго постулата прямого отношения. Постулат постоянства скорости света в формулировке Эйнштейна выглядел так: «Скорость s светового луча в пустоте постоянна, причем она не зависит от движения излучающего тела» [15, с. 45]. Как видим, в этой формулировке нет утверждения об изотропном характере скорости света, а утверждение о независимости скорости света от состояния движения излучающего тела сегодня доказано экспериментально. Например, в баллистическом эксперименте с фотонами синхротронного излучения, проведенном в Харьковском ФТИ [1], прямыми измерениями скорости света подтверждено, что скорость света при движении источника света со скоростью V не равна $C+V$.

Изотропный характер скорости света впервые был введен математиком Минковским. В сделанном им обобщении СТО скорость света изотропна (численно равна) в любом направлении. Это математически красиво, но физически некорректно. Именно отсюда следует и отрицание среды (эфира), и поле без физического носителя, и множество других абсурдных положений современной теоретической физики, приписываемых Эйнштейну, но фактически принадлежащих его последователям и интерпретаторам.

Второй постулат СТО в варианте Минковского логически не моделируется, и никогда не подтверждался экспериментально. Более того, существует множество экспериментальных фактов, опровергающих утверждение о независимости скорости света от скорости наблюдателя (приемника света). В качестве примера достаточно назвать радарные наблюдения Венеры [10; 17].

Среди теоретиков, унаследовавших идеи Минковского, до сих пор существует путаница в принципиальных вопросах – экспериментальных и логических основах теории. Например, украинские авторы [2] в курсе теоретической физики утверждают, что релятивистские эффекты, например, замедление хода времени, реальны. Ход времени зависит не от того, что кажется наблюдателю, а только от состояния движения исследуемых тел.

Утверждения других авторов совершенно противоположны. Например, Ю.Б. Румер и М.С. Рывкин в своей работе обращают внимание на то, что реально не существует ни уменьшения длины, ни замедления времени [8]. Это только эффекты, наблюдаемые из неподвижной системы. Такую же точку зрения высказывает В.А. Угаров: «Следует подчеркнуть, что различие показаний часов из различных инерциальных систем отсчета, которое мы получили, не имеет ни малейшего отношения к какому либо нарушению хода часов в той или иной системе. Как и в случае изменения длины линеек, речь идет просто о разных способах измерения времени. Все часы во всех системах идут идеально точно» [11, с. 83–84].

Несмотря на то, что второй постулат Эйнштейна не содержит утверждения об изотропном характере скорости света, в неявном виде это утверждение в СТО есть. При описании синхронизации часов световыми сигналами скорость света принята равной *c* и *туда*, и *обратно* – в любом направлении. Эйнштейн заимствовал данное положение у Пуанкаре, для которого это было своеобразным соглашением, *конвенцией*. Следует признать, что и Пуанкаре, и Эйнштейн понимали, что СТО – продукт некоторого соглашения, и потому продукт приближенный, условный. Такой вывод можно сделать, анализируя их публикации. Эддингтон и Рейхенбах в годы становления СТО писали об этом прямо [12]. Эйнштейн, будучи в преклонном возрасте и подводя итоги жизни, в письме Соловину от 28 марта 1949 года писал: «…Нет ни одного понятия, относительно которого я был бы уверен, что оно останется незыблемым. Я даже не уверен, что нахожусь на правильном пути вообще» [14, с. 561].

Авторы некоторых научных публикаций и учебников физики второй постулат СТО обосновывают отрицательным результатом эксперимента Майкельсона. Такие утверждения поверхностны и свидетельствуют лишь о том, что авторы не анализировали проблему глубоко. Майкельсон не измерял скорость света, а проводил интерференционные эксперименты. Согласно теории, если светоносная среда (эфир) неподвижна, то отрицательный результат опыта ожидается теоретически, как говорится – по определению. Причина этого в том, что в любой ИСО в любом направлении *средняя скорость света* «туда» и «обратно» равна константе *c* – скорости света относительно эфирной среды (или относительно физического вакуума в современных терминах). Что же мог доказать отрицательный результат эксперимента Майкельсона со светом, движущимся «туда» и «обратно»? Только то, что теория неподвижного эфира верна. А что мог доказать положительный результат (сдвиг интерференционной картины)? Только то, что теория неподвижного эфира не верна, то есть эфир увлекается Землей – частично или полностью, в зависимости от полученного результата.

Майкельсон в своем эксперименте ожидал получить сдвиг интерференционной картины, соответствующий скорости движения Земли по орбите вокруг Солнца, то есть примерно 30 км/с. Реальный сдвиг оказался значительно меньше – от 3 до 15 км/с [16], и результаты были признаны как отрицательные. Из факта отрицательности результатов можно было сделать вывод, что теория неподвижного эфира верна. Любые другие выводы из эксперимента Майкельсона и многочисленных экспериментов других авторов – неоправданная экстраполяция [16]. Это, по-видимому, понимал и сам Майкельсон, так как в 1903 году самокритично писал о том, что если результат опыта оказался от-

рицательным, то это могло бы указать, что в самой теории заключается еще какая-то неясность или неполнота, которую не удалось объяснить до сих пор [4]. О том же писал Лоренц в письме Релею в 1892 году: «Не может ли быть некоторого пункта в теории опыта мистера Майкельсона, который до сих пор не был замечен» [13, с. 111].

Сейчас, практически век спустя, стало ясно, что эксперименты Майкельсона и его многочисленных последователей [16] не могут служить основой ни для отрицания светоносной среды, ни для объявления скорости света постоянной величиной для всех наблюдателей. Эти эксперименты лишь подтвердили теорию частичного увлечения светоносной среды. Эксперименты разных авторов давали разные результаты, так как проводились в разных условиях: на разных высотах в атмосфере, в металлических трубах или без труб, в разное время суток и т. п., но во всех интерференционных экспериментах наблюдался сдвиг интерференционной картины – разный по величине в разных экспериментах.

Факт непостоянства скорости света относительно наблюдателя усматривается даже в современной ортодоксальной теории. В формулах СТО, позволяющих делать расчеты и экспериментальные предсказания, фигурирует не скорость света c, а выражение $\sqrt{c^2 - v^2} = \sqrt{(c-v)(c+v)}$, имеющее смысл *средней геометрической скорости* света в светоносной среде «туда» и «обратно» [5]. Следовательно, в своем позитивном содержании СТО – это по-прежнему классическая теория, в которую заложено *распространение света в светоносной среде*. Свидетельством тому являются сохранившиеся в СТО скорости $c+v$ и $c–v$. Несмотря на путаную логику при построении теории, несмотря на явно приближенный (имеющий ограниченную точность) метод синхронизации часов, количественные результаты (разумеется, с некоторой точностью), получаются в этом случае корректными.

Один из авторов данной статьи в 2004 году выполнил расчет и получил следующий результат. Если существует светоносная среда и константа c – характеристика этой среды, являющаяся скоростью распространения электромагнитного взаимодействия, то при движении наблюдателя в светоносной среде со скоростью v в любом направлении средняя скорость света при движении «туда» и «обратно» равна константе c.

С одной стороны, результаты расчета были объективны и очевидны. С другой стороны, возникал вопрос: почему же таких очевидных деталей не видят другие? Вопрос этот не оставлял автора даже после публикации на эту тему двух статей [6; 7]. Через некоторое время выяснилось, что сомнения напрасны: перелистывая четвертый том «Общего курса физики», автор проведенного расчета нашел следующее замечание Сивухина: «Отрицательный результат опыта Майкельсона доказывает, что в земной системе отсчета скорость света в вакууме *изотропна*, то есть не зависит от направлений его распространения. Под скоростью света здесь понимается *средняя скорость* в двух прямо противоположных направлениях – она и только она определяет результат опыта …» [9, с. 628]. Таким образом, изотропность скорости света не следует понимать так, будто это одинаковое численное значение во всех направлениях. Подобная интерпретация – всего лишь теоретическое обобщение, не проявляющее себя негативно на практике потому, что сегодня, в быту и в технике, мы имеем дело со скоростями, намного меньшими c.

Классики физической науки прекрасно понимали различие между утверждениями, имеющими абсолютный характер, и утверждениями, принятыми условно. Например, Паули был против того, чтобы второй постулат СТО называли постулатом «постоянства скорости света»; он считал, что такое название может привести к недоразумениям [9]. История развития науки показывает, какие недоразумения могут возникнуть в данном разделе физики.

Эволюция СТО в течение столетия, многократные переписывания этой теории с научной и учебной целью многочисленными авторами, вносящими искажения и ошибки, чаще всего мировоззренческого характера, привели к тому, что СТО сегодня содержит логические противоречия и не соответствует результатам ряда экспериментов. Положение усугубляется тем, что эту теорию нельзя обсуждать публично – СТО чрезмерно политизирована.

Усилиями тысяч современных исследователей второй постулат СТО уточнен. В современном звучании скорость света – это характеристика светоносной среды (эфира, физического вакуума), заполняющей космическое пространство. Среди множества ИСО есть выделенная, где скорость света равна c во всех направлениях.

Учитывая условности и соглашения, допущенные при разработке СТО (в частности, при формулировке второго постулата), можно сделать вывод о том, что и сама СТО, как и любая другая физическая теория, имеет приближенный характер. По этой причине общепринятое представление о том, что СТО является физической теорией – эталоном, требует профессионально осмысленной корректировки. Проблемы современной физики трудно, а порой и невозможно понять корректно, так как искажения наполняют популярные издания, учебники и монографии. В связи с этим хотелось бы обратить внимание на философско-методологические основания современной физики, которые требуют пристального и непредвзятого внимания.

К общим проблемам обоснования СТО относится:

1. Пространственно-темпоральная ограниченность и человеческая размерность опыта научного познания, который не охватывает универсум во всех возможных его измерениях и не является полным и всеобщим.

2. Дедуктивно-индуктивный путь построения СТО, в связи с чем ни одно из естественнонаучных следствий теории нельзя считать окончательно обоснованным.

Частные гносеологические проблемы обоснования СТО фокусируются в следующих тезисах.

1. Утверждение о постоянстве скорости света по отношению ко всем инерциальным системам отсчета (то есть независимость скорости света от скорости источника и скорости наблюдателя) является базовым в СТО, из которого вытекают все ее следствия.

2. Результаты опыта Майкельсона не могут интерпретироваться как решающее доказательство принципа постоянства скорости света – релевантность этого опыта к теории относительности ограничена и носит косвенный характер. Экспериментального обоснования утверждение о постоянстве скорости света в отношении v/c в границах первого порядка точности не имеет.

3. В методологическом значении утверждение о постоянстве скорости света является постулатом, который не поддается экспериментальной проверке и принимается на веру. Ограниченность постулата проявляется в том, что он справедлив всегда и для всех инерциальных систем материального мира. Однако конкретная физическая теория (СТО) необходимо имеет границы применимости, за пределами которых положения теории превращаются в свою противоположность – заблуждение.

4. В ситуации, когда объясняющий момент СТО абсолютизируется, постулат о постоянстве скорости света и лежащие в его основании теории, по существу, онтологизируются, становятся не средствами формализованного описания мира, а свойствами самой реальности.

5. Современная эпистемология проблематизует семиозис «самоочевидного» смысла постулатов СТО, делает востребованной рефлексию процедур смыслообразования и конструирования в методологии научного исследования.

6. Постулат СТО имплицитно фундируется на метаконцептах неявно принятого абсолютного и конечного пространства и времени, несвязанных с какой-либо системой отсчета и независящей от нее. Иными словами, основной постулат СТО о постоянстве скорости света не обоснован экспериментально, а вводится посредством метаязыка, основанного на философии классической научной рациональности. В предпосылках теории относительности понятия «скорость», «длительность», «время» фундируются на основании избранной системы наблюдателя, в то время как сам постулат говорит обо всех возможных инерциальных системах.

7. Эпистемологическое значение проблематичности постулата заключается в том, что он невозможен без априорных метафизических понятий, не выводимых из опыта и не конституированных в логическом инструментарии самой теории относительности. Указанные концепты являются необходимым основанием СТО, при этом они сами, как несомненная самоочевидность вещей, остаются для большинства ученых, включая автора СТО, вне методологической рефлексии.

8. Экспликация гносеологических проблем возможности и пределов научного знания в релятивистской физике указывает на то, что, несмотря на теоретическую аргументацию и косвенную экспериментальную проверку, в СТО невозможно элиминировать вопрос об избранной системе наблюдателя, который не может одновременно наблюдать поведение нескольких инерциальных систем, находясь в локальной системе отсчета. Божественный взгляд на Мир со всех возможных его сторон невозможен.

Таким образом, признавая научные заслуги А. Эйнштейна, применившего в физике аксиоматический системный метод в СТО, следует указать на ограниченность и познавательные пределы этого метода, в структуре которого можно выделить общие и частные онтологические и гносеологические проблемы и границы допустимости.

Положение о постоянстве скорости света во всех инерциальных системах отсчета на практике является априорным конвенциональным утверждением, которое не вытекает из СТО, но обосновывает саму эту теорию, отражая фундаментальное онтологическое противоречие бытия Мира и бытия человека, остающегося, по словам Протагора, «мерой всех вещей» в качестве распознающей системы отсчета.

Библиографический список

1. Баллистический эксперимент с фотонами синхротронного излучения / П.И. Гладких, А.С. Мазманишвили, Л.В. Репринцев, П.И. Филиппов. – Харьков, ХФТИ, 1977. – 18 с.

2. *Бугаенко Г.А., Фонкич М.Е.* Курс теоретической физики. – Киев: Радяньска школа, 1965.

3. *Ландау Л.Д., Лифшиц Е.М.* Теоретическая физика. Т. 2: Теория поля. – М.: Наука, 1973. – 504 с.

4. *Майкельсон А.* Световые волны и их применения. – М.; Л.: Гостехиздат, 1934. – 144 с.

5. *Моисеев Б.М.* Теория относительности и физическая природа света. – М.: КомКнига, 2006. – 168 с.

6. *Моисеев Б.М.* Подтверждает ли эксперимент Майкельсона специальную теорию относительности? // Вестник КГУ им. Н.А. Некрасова. – 2005. – № 1. – С. 47.

7. *Моисеев Б.М.* О втором постулате специальной теории относительности // Вестник КГУ им. Н.А. Некрасова. – 2005. – № 5. – С. 4–7.

8. *Румер Ю.Б., Рывкин М.С.* Теория относительности. – М.: Учпедгиз, 1960. – 212 с.

9. *Сивухин Д.В.* Оптика. – М.: Наука, 1985. – 752 с.

10. *Толчельникова-Мурри С.А.* Радарные наблюдения Венеры подтвердили классическое (галилеево) правило сложения скоростей // Актуальные проблемы естествознания начала века. Материалы Международной конференции. – СПб.: Анатолия, 2001. – С. 367–383.

11. *Угаров В.А.* Специальная теория относительности. – М.: Едиториал УРСС, 2005. – 384 с.

12. *Франкфурт У.И.* Очерки по истории специальной теории относительности. – М.: Изд-во АН СССР, 1961. – 196 с.

13. *Холтон Д.* Эйнштейн, Майкельсон и «решающий» эксперимент // Эйнштейновский сборник, 1972. – М.: Наука, 1974. – С. 104–211.

14. *Эйнштейн А.* Собрание научных трудов. Т. 4. – М.: Наука, 1967. – 600 с.

15. *Эйнштейн А.* Теория относительности. – Ижевск: НИЦ «Регулярная и хаотическая динамика», 2000. – 224 с.

16. *Эфирный ветер*: Сб. статей / под ред. В.А. Ацюковского. – М.: Энергоатомиздат, 1993. – 288 с.

17. *Wallace B.G.* Radar Testing of the Relative Velocity of Light in Spase // Spectr. Lett. – 1969. – № 2 (12). – P. 361–367.

УДК 581.1

Сальников Евгений Валентинович
доктор биологических наук, доцент
Ярославская государственная медицинская академия
salnikov_evgeny@mail.ru

Костин Андрей Александрович
доктор медицинских наук, доцент
Российский университет Дружбы народов, г. Москва
andocrey@mail.ru

Кузьмин Андрей Федорович
кандидат медицинских наук, доцент
Костромской государственный университет имени Н.А. Некрасова
kuzminmedico@yandex.ru

Фатеев Дмитрий Михайлович
Ярославская государственная медицинская академия

ВОЗДЕЙСТВИЕ НЕФРЭКТОМИИ И РЕЗЕКЦИИ ПОЧКИ НА ОБМЕН КАТЕХОЛАМИНОВ В КРОВИ У БОЛЬНЫХ РАКОМ ПОЧКИ

У больных раком почки по сравнению с группой здоровых людей в крови наблюдалось повышенное содержание адреналина (АД) и дофамина (ДА) (в среднем в 2,0 раза, $p<0,05$) практически при неизменном уровне норадреналина (НА). После проведенных операций по нефрэктомии или резекции почки в 1-й послеоперационный день наблюдения содержание АД и НА в крови выросло в среднем в 3,5 раза ($p<0,05$) по сравнению с дооперационными больными, что объясняется стрессорным воздействием на организм. К концу наблюдения (на 28-й день) после операции нефрэктомии уровень НА и ДА в крови так и не пришел к значениям у здоровых людей, а после резекции почки обмен катехоламинов нормализовался уже к 28-му дню наблюдения.

Ключевые слова: *кровь, обмен катехоламинов, нефрэктомия, резекция почки.*

В настоящее время выявляется тенденция к неуклонному росту заболеваемости злокачественными новообразованиями и смертности от них [1; 10; 13]. Среди них – рак почки. По темпам роста, среди всех злокачественных новообразований, он занимает в России 2-е место [7].

Основным методом лечения рака почки, по-прежнему, остается хирургический [3; 7; 14]. Радикальная нефрэктомия долгое время являлась основным способом лечения рака почки. В связи с развитием и внедрением в клиническую практику высокоэффективных методов обследования (УЗИ, КТ, МСКТ, МРТ) и совершенствование хирургической техники сделало возможным появление новых, в том числе, органосохраняющих, методов лечения опухоли почки, которые по радикальности не уступают нефрэктомии [2–5].

Если целесообразность и возможность проведения органосохраняющих операций по абсолютным или относительным показаниям (рак единственной почки, билатеральный почечно-клеточный рак, монолатеральный почечно-клеточный рак с нарушением функции противоположной почки) на сегодняшний день доказаны многочисленными исследованиями, то проведение этих операций по элективным показаниям по-прежнему остается предметом дискуссий [2; 4; 5].

С учетом того, что катехоламины (КА) являются главными регуляторами активности как медиаторного (норадреналин, дофамин), так и гормонального звена (адреналин) симпатоадреналовой системы, представляет интерес исследование содержания КА в крови у больных после нефрэктомии и резекции почки.

© Сальников Е.В., Костин А.А., Кузьмин А.Ф., Фатеев Д.М., 2012

Исследование проводилось в клинике урологии Ярославской государственной медицинской академии, на базе медико-санитарной части ОАО «Автодизель» г. Ярославля и Ярославской областной клинической больницы за период с 2008 по 2011 гг.

В основу клинических наблюдений были включены 40 человек больных раком почки, из них 20 людям выполнялась нефрэктомия (1 группа) и 20 – резекция опухоли почки (2 группа), а в качестве контроля в исследование включили 20 практически здоровых добровольцев, не имеющих патологию со стороны ССС.

Из числа обследуемых, мужчин было 21 (35%), женщин 39 (65%). Средний возраст больных составил 55,7±1,74 год. В группе контроля средний возраст был равен 53,5±1,84 года.

В каждой группе для изучения динамики содержания у этих пациентов КА в крови ее забор производился за день до операции, на 1-й, 7-й, 14-й и 28-е сутки после перенесенной операции.

Изучение биохимических показателей осуществлялось при помощи спектрофлюориметрических (спектрофлюориметр «Hitachi» MPF-4) методов. Определяли концентрацию адреналина (АД), норадреналина (НА) и дофамина (ДА) [8]. Вычисляли коэффициенты АД/НА («адреналиновый» коэффициент) и ДА/(АД+НА) («дофаминовый» коэффициент). Концентрация КА в крови выражалась в мкг/мл.

Все данные обрабатывались в программе «Statistica 6.0». В случае нормального распределения для оценки достоверности отличий применяли t критерий Стьюдента. Если распределение отличалось от нормального – непараметрический критерий Уилкоксона. Рассчитывали среднюю арифметическую, среднее квадратичное отклонение и ошибку средней арифметической. Различия считали достоверными при $p<0,05$.

Прежде всего необходимо отметить, что достоверной разницы в изучаемых показателях при удалении левой или правой почки, а также при резекции того или иного сегмента почки не было обнаружено. Поэтому в таблицах представлены обобщенные данные по нефрэктомии и резекции почки.

У больных раком почки наблюдался повышенный в 1,9 раза ($p<0,05$) уровень АД (табл. 1) по сравнению со здоровыми людьми, что указывает на высокую функциональную активность у них мозгового слоя надпочечников. После проведенной операции концентрация АД в крови за первые сутки возросла еще в большей степени: по отношению к контролю в 3,6 раза после резекции и в 4,9 раза после нефрэктомии, по отношении к группе больных до операции соответственно в 1,9 и 2,6 раза ($p<0,05$). К 7-му дню наблюдения содержание АД снизилось до дооперационного уровня, но оставалось достоверно выше контрольных значений при резекции почки в 1,8 раза, а при нефрэктомии в 2,1 раза. На 14-й день после операции концентрация АД в обеих группах пациентов оставалось выше исходного уровня в 1,9 и 1,5 раза соответственно ($p<0,05$) и полное восстановление содержания АД в крови пациентов по отношению к здоровым людям независимо от проведенной операции произошло к концу наблюдения (на 28-й день).

Исходный уровень НА у больных с опухолями почки достоверно не отличался от такового у здоровых людей. В первый послеоперационный день концентрация НА крови возросла в среднем в 2,1 раза ($p<0,05$) как у пациентов с резекцией почки, так и у больных с ее полным удалением по отношению к группе больных до операции и в среднем в 2,7 раза ($p<0,05$) по отношению к группе контроля (табл. 2). Это можно считать закономерным

Таблица 1

Содержание адреналина (мкг/мл) крови у больных с частично резецированной или эктомированной почкой

Группа	Контроль	До операции	Дни после операции			
			1-й	7-й	14-й	28-й
резекция	0,070 ± 0,007	0,132 ± 0,013*	0,249 ± 0,037*^	0,125 ± 0,011*	0,129 ± 0,014*	0,082 ± 0,010^
нефрэктомия			0,341 ± 0,046*^	0,148 ± 0,037*	0,103 ± 0,012*	0,078 ± 0,011^

Примечание: * – $p<0,05$ по сравнению с группой контроля; ^ – $p<0,05$ по сравнению с больными до операции.

Таблица 2

Содержание норадреналина (мкг/мл) крови у больных после резекции почки и нефрэктомии

Группа	Контроль	До операции	1 день	7 день	14 день	28 день
резекция	0,160 ± 0,012	0,202 ± 0,023	0,432 ± 0,046*^	0,168 ± 0,014	0,183 ± 0,019	0,141 ± 0,013^
нефрэктомия			0,436 ± 0,041*^	0,295 ± 0,037*^#	0,213 ± 0,022*	0,291 ± 0,033*^#

Примечание: * – $p<0,05$ по сравнению с группой контроля; ^ – $p<0,05$ по сравнению с больными до операции; # – $p<0,05$ – между группами пациентов с резекцией почки и нефрэктомии.

Таблица 3

Коэффициент АД/НА крови у больных после резекции почки и нефрэктомии

Группа	Контроль	До операции	1 день	7 день	14 день	28 день
резекция	0,44	0,61	0,58	0,74*	0,70	0,58
нефрэктомия			0,78*	0,50	0,47	0,28*

Примечание: * – p<0,05 по сравнению с группой контроля.

Таблица 4

Содержание дофамина (мкг/мл) крови у больных после резекции почки и нефрэктомии

Группа	Контроль	До операции	1 день	7 день	14 день	28 день
резекция	0,074 ± 0,007	0,149 ± 0,020*	0,177 ± 0,025*	0,145 ± 0,019*	0,084 ± 0,011^	0,088 ± 0,010^
нефрэктомия			0,216 ± 0,032*	0,146 ± 0,022*	0,123 ± 0,018*#	0,144 ± 0,013*#

Примечание: * – p<0,05 по сравнению с группой контроля; ^ – p<0,05 по сравнению с больными до операции; # – p<0,05 – между группами пациентов с резекцией почки и нефрэктомии.

проявлением выраженной стрессорной реакции на оперативное вмешательство. Дальнейшая послеоперационная динамика НА крови у больных исследуемых групп отличалась. После резекции почки уровень НА нормализовался к 7-му дню наблюдения и в дальнейшем не претерпевал серьезных изменений. У больных с удаленной почкой до 14-го дня наблюдения также имело место снижение концентрации НА крови, но достоверно (на 7-й и 28-й послеоперационные дни) менее значимое, чем у пациентов предыдущей группы. На 7-й день содержание НА было выше на 83,9%, а на 14-й – на 32,9% по сравнению с контрольным значением (p<0,05). Затем, во второй половине периода наблюдения содержание НА крови вновь стало подниматься и к 28-му дню стало практически таким же, как на 7-й послеоперационный день, достоверно отличаясь как от исходного состояния (+75,2%), так и от пациентов до операции (+38,8%). При этом на 7-й и 28-й дни наблюдения концентрация НА в крови больных после нефрэктомии была достоверно выше таковой после резекции почки соответственно на 75,6% и 99,2%.

Повышенный уровень НА может неблагоприятно отразиться на системном и органном кровотоке, так как, возбуждая α_1- и α_2-адренорецепторы (расположенные преимущественно в области средних и мелких артерий), он повышает периферическое сопротивление сосудистой стенки [9]. Также НА возбуждает β_1-адренорецепторы миокарда, способствует повышению силы и частоты сердечных сокращений [6; 11]. Таким образом, стойкое повышение уровня НА, что наблюдается у больных с нефрэктомией, создает предпосылки для формирования артериальной гипертензии.

Показатели коэффициента АД/НА у больных раком почки достоверно не отличались от таковых у здоровых людей, что свидетельствует о достаточной сбалансированности гормональной и медиаторной компоненты симпатоадреналовой системы (табл. 3). Повышение «адреналинового» коэффициента в первый послеоперационный день при нефрэктомии и на 7-й день в случае резекции почки свидетельствует о том, что в функционировании САС превалирует активность мозгового слоя надпочечника (гормональная компонента) над активностью симпатического отдела автономной нервной системы (медиаторная компонента), его же снижение свидетельствует об обратном. На протяжении всего периода наблюдения «адреналиновый» коэффициент достоверно повышался по отношению к здоровым людям только в первый послеоперационный день при нефрэктомии на 77,3% и на 7-й день в случае резекции почки на 66,2%, а снижался к 28-му дню наблюдения у больных с нефрэктомией на 36,4%.

У больных с онкопатологией почек имело достоверное повышение уровня ДА в 2,0 раза (табл. 4). В первый послеоперационный день в обеих исследуемых группах больных его содержание в крови еще в большей степени возрастало по отношению к дооперационным больным: после резекции почки на 18,8% и нефрэктомии на 45,7% (p>0,05). К концу первой послеоперационной недели и в той и в другой группе больных концентрация ДА начала возвращаться к исходному уровню, но все равно оставалась значимо выше в среднем на 96,4% при обоих типах оперативного вмешательства. Затем начинаются различия. У больных с резекцией почки ко второй недели наблюдения происходит

Таблица 5

Коэффициент ДА/(АД+НА) крови у больных после резекции почки и нефрэктомии

Группа	Контроль	До операции	1 день	7 день	14 день	28 день
резекция	0,32	0,44	0,25	0,50	0,27	0,39
нефрэктомия			0,28	0,33	0,33	0,41

полная нормализация содержания ДА в крови, т.е. его концентрация у выздоравливающих больных перестает достоверно отличаться от таковой здоровых людей. В то же время при полном удалении почки концентрация ДА достигает только исходного (предоперационного) уровня и остается на нем на протяжении всего периода наблюдения (+65-94% ($p<0,05$) по отношению к здоровым людям). Соответственно этому уровень ДА в крови у больных после нефрэктомии на 14-й и 28-й дни наблюдения достоверно выше по сравнению с резекцией почки на 46,2% и 63,4%.

Не исключено, что повышенный уровень ДА у больных с одной почкой является защитной реакций организма на повышенный уровень НА. ДА, возбуждая постсинаптические D_1-дофаминовые рецепторы, способствует релаксации почечных сосудов и значимому усилению здесь внутриорганного кровотока. Возбуждая же пресинаптические D_2-дофаминовые рецепторы, ДА препятствует выбросу НА в область α_1-адренорецепторов сосудистой стенки [9; 12].

«Дофаминовый» показатель отражает баланс активностей между вазоспастическими и вазодилятирующими КА. На протяжении всего периода наблюдения не выявлено его достоверных отличий от здоровых людей как при текущем заболевании раком почки, так и в послеоперационном периоде в обеих группах (табл. 5).

Таким образом, на основании приведенного анализа можно заключить, что операция по резекции почки является более щадящей для организма и его адаптация к существованию в новых условиях происходит довольно быстро (за 3-4 недели). После нефрэктомии нарушения в функционировании организма возникают более существенные, и за весь период наблюдения так и не происходит полного восстановления обмена КА в крови.

Библиографический список

1. *Аль-Шукри С.Х., Ткачук В.Н.* Опухоли мочеполовых органов. – СПб.: Питер, 2000. – 176 с.

2. *Аляев Ю.Г.* Рак почки. Диагностика и лечение // Новый медицинский журнал. – 1997. – № 1. – С. 23–28.

3. *Аляев Ю.Г., Крапивин А.А.* Выбор диагностической и лечебной тактики при опухоли почки. – М., 2005. – 221 с.

4. *Аляев Ю.Г., Григорьев Н.А., Воскобойников В.Б. и др.* Рак почки. Наиглавнейшие проблемы // Мат. 3-й Всероссийской научн. конф. с участием стран СНГ. – М., 1999. – С. 176.

5. *Атдуев В.А., Овчинников В.А.* Хирургия опухолей паренхимы почки. – М.: Медицинская книга, 2004 – 191 с.

6. *Гайтон А.К., Холл Дж.Э.* Медицинская физиология. – М.: Логосфера, 2008. – 1296 с.

7. *Матвеев Б.П.* Клиническая онкоурология. – М.: АБВ-пресс, 2011. – 934 с.

8. *Осинская В.О.* Исследования обмена адреналина и норадреналина в тканях животного организма // Биохимия. – 1977. – № 3. – С. 537–539.

9. *Сергеев П.В., Шимановский Н.Л., Петров В.И.* Рецепторы. – М.; Волгоград: Семь ветров, 1999. – 637 с.

10. *Серегин А.В.* Органосохраняющие операции при раке почки. Автореф. дис. … д-ра мед. наук. – М., 2002. – 39 с.

11. *Bristow M.R., Gilbert E.M.* Improvement in cardiac myocyte function by biological effects of medical therapy: a new concept in the treatment of heart failure // Europ. Heart Journal. – 1995. – Vol. l6 (Suppl. F). – P. 20–31.

12. *Fisher M.L., Gottlieb S.S.* Beneficial effects of metoprolol in heart failure associated with coronary artery disease: a randomised trial // J. Am. Coll. Cardiol. – 1994. – Vol. 23 – P. 943–950.

13. *Landis S., Murray T., Wingo P.* Cancer statistics // CA Cancer J. Clin. – 1999. – Vol. 49. – P. 28–31.

14. *Van Poppel H., Da Pozzo L., Albrecht W. et al.* A prospective randomized EORTC intergroup phase 3 study comparing the complications of elective nephron-sparing surgery and radical nephrectomy for low-stage renal cell carcinoma // Eur Urol. – 2007. – Vol. 51. – № 6. – P. 1606–1615.

УДК 536.24.08

Шадрин Сергей Юрьевич
кандидат технических наук
Костромской государственный университет имени Н.А. Некрасова
syushadrin@gmail.com
Жиров Александр Владимирович
Костромской государственный университет имени Н.А. Некрасова
avzhirov@rambler.ru
Смирнова Татьяна Сергеевна
Костромской государственный университет имени Н.А. Некрасова

ВОССТАНОВЛЕНИЕ НЕСТАЦИОНАРНОГО ГРАНИЧНОГО УСЛОВИЯ НА НАГРЕВАЕМОЙ ПОВЕРХНОСТИ ПРИ АНОДНОМ НАГРЕВЕ

Решена задача о восстановлении граничного условия на нагреваемой поверхности детали по данным температурных измерений при анодном электролитном нагреве в стационарном и нестационарном случаях. Предложена методика эксперимента по определению плотности теплового потока в деталь-анод при торцевом анодном нагреве.

***Ключевые слова**: анодный нагрев, парогазовая оболочка, тепловой поток, обратные задачи теплопроводности, методы регуляризации.*

Явление нагрева положительного электрода с малой поверхностью при прохождении тока через электролитическую ячейку принято называть анодным нагревом [2]. В данном случае нагреваемая деталь-анод окружена сплошной парогазовой оболочкой, отделяющей ее от раствора электролита, что позволяет проводить химико-термическую обработку при температурах порядка 1000 °С. Образование оболочки обусловлено локализацией выделения энергии источника питания в окрестности электрода с малой боковой поверхностью, что приводит к локальному вскипанию электролита. Описание теплофизических особенностей анодного нагрева строится на основе аналогии с пленочным кипением [3]. Известно несколько моделей расчета температуры нагреваемой детали-анода [4], которые отличаются допущениями о характере проводимости парогазовой оболочки и граничными условиями. Для описания теплообмена на границе анод-парогазовая оболочка необходимо иметь количественные оценки теплового потока в нагреваемую деталь. В моделях обычно используют косвенные оценки, так как прямое методически обоснованное измерение теплового потока было проведено только один раз [5].

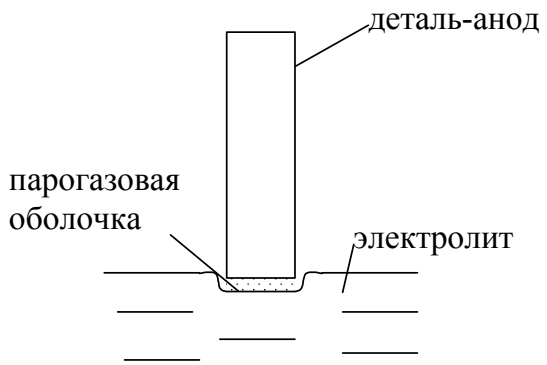


Рис. 1. Схема торцевого варианта анодного электролитного нагрева

Целью данной работы является разработка методики определения плотности теплового потока из парогазовой оболочки в анод при торцевом варианте нагрева как в стационарном, так и в нестационарном случае.

Под торцевым мы будем понимать схему нагрева, изображенную на рисунке 1, когда деталь-анод только касается рабочего электролита или погружается на небольшую глубину, в пределах 10–12 мм, недостаточную для возникновения градиента температуры по высоте образца. Таким образом, в случае касания нагревается только торец образца, на остальных поверхностях происходит теплообмен с окружающей средой, температуру которой можно считать постоянной и равной начальной температуре детали. При малом погружении будем считать, что все тепло, поступившее из парогазовой оболочки в анод, рассеивается через выступающую над поверхностью раствора часть детали, то есть данный случай может быть легко сведен к предыдущему.

Определение плотности теплового потока из парогазовой оболочки в анод по данным температурных измерений нагреваемой детали является обратной задачей теплопроводности. О.М. Алифановым [1] показано, что обратные задачи теплопроводности не отвечают условию математической корректности постановки, поэтому для их решения следует использовать специальные методы, например, регуляризирующий оператор с особым параметром регуляризации, предложенный Тихоновым [6]. Вид данного оператора определяется особенностями задачи, а параметр регуляризации требуется особым образом согласовать с погрешностями исходных данных.

Для упрощения математического описания задачи примем, что тепло распространяется только вдоль нагреваемой детали, в таком случае математическая модель изменения температурного поля может быть записана в виде:

© Шадрин С.Ю., Жиров А.В., Смирнова Т.С., 2012

$$\frac{\partial\vartheta}{\partial t}=a\frac{\partial^2\vartheta}{\partial x^2}-\nu\cdot\vartheta,\quad \nu=\frac{\alpha p}{\rho cS}$$
$$\frac{\partial\vartheta(0,t)}{\partial x}=-\frac{q(t)}{\lambda},\quad \frac{\partial\vartheta(L,t)}{\partial x}+\frac{\alpha}{\lambda}\vartheta(L,t)=0,$$
$$\vartheta(x,0)=0,\quad \vartheta(x,t)=T(x,t)-T_0$$

где x – вертикальная координата, отсчитываемая от поверхности электролита, a – коэффициент температуропроводности анода, α – коэффициент теплоотдачи от анода к атмосфере, λ – теплопроводность материала анода, p – периметр анода, S – площадь его поперечного сечения, t – время, q – плотность теплового потока из погруженной части анода в выступающую, L – длина выступающей части анода, $T_0 = 20\ ^0C$ – комнатная температура.

Решение данной задачи может быть найдено из принципа Дюамеля:

$$\vartheta(x,t)=\int_0^t q(\tau)\frac{\partial\theta(x,t-\tau)}{\partial t}d\tau, \qquad (1)$$

где $\theta(x,t)$ – решение вспомогательной задачи:

$$\frac{\partial\theta}{\partial t}=a\frac{\partial^2\theta}{\partial x^2}-\nu\cdot\theta$$
$$\frac{\partial\theta(0,t)}{\partial x}=-\frac{1}{\lambda},\quad \frac{\partial\theta(L,t)}{\partial x}+\frac{\alpha}{\lambda}\theta(L,t)=0.$$
$$\theta(x,0)=0$$

Для данных условий решение вспомогательной задачи может быть представлено в форме ряда:

$$\theta(x,t)=\frac{1}{\mu\lambda}\frac{\mathrm{ch}\mu(x-L)-k\,\mathrm{sh}\mu(x-L)}{\mathrm{sh}\mu L+k\,\mathrm{ch}\mu L}-$$
$$-\frac{2L}{\lambda}\sum_{i=1}^{\infty}\frac{\mathrm{Bi}^2+\gamma_i^2}{\gamma_i^2+\mathrm{Bi}(\mathrm{Bi}+1)}\frac{\cos(\gamma_i x/L)}{\gamma_i^2+\nu L^2/a}\exp\left(-\frac{a\gamma_i^2}{L^2}t-\nu t\right), \qquad (2)$$

где $\mu=\sqrt{\frac{\alpha p}{\lambda S}}$, $k=\sqrt{\frac{\alpha S}{\lambda p}}$, $\mathrm{Bi}=\frac{\alpha L}{\lambda}$, γ – корни уравнения $\gamma\,\mathrm{tg}\gamma=\mathrm{Bi}$.

Для удобства решения обратной задачи теплопроводности выражение (1) представляют в операторном виде [5]:

$$Aq=f, \qquad (3)$$

где $A=\int_0^t\frac{\partial\theta(x,t-\tau)}{\partial t}d\tau$, $f=\vartheta(d,t)$, d – расстояние от торца до точки измерения температуры детали.

При замене искомой непрерывной функции ее кусочно-постоянной аппроксимацией оператор A трансформируется в нижнюю треугольную матрицу, элементы которой выражаются формулой: $A_{i,j}=\theta(d,\ \Delta t(i-j+1))-\theta(d,\ \Delta t(i-j))$.

При использовании регуляризирующего оператора требуется решить вариационную задачу на минимизацию сглаживающего функционала. Мы применяли функционал следующего вида:

$$\Phi(q)=\|Aq-f\|^2+\beta\|q'\|^2, \qquad (4)$$

где $\|\ \|$ – норма элемента в соответствующем гильбертовом пространстве.

В работе А.Н. Тихонова, В.Я. Арсенина [6] предлагаются три подхода к численному решению задачи минимизации функционала (4), мы воспользуемся вторым подходом. В этом случае производится дискретизация сглаживающего функционала, тогда искомая функция становится n-мерным вектором, норма – длиной вектора в n-мерном пространстве, затем решается задача минимизации функции многих переменных с последующим определением параметра регуляризации β. После минимизации функции многих переменных по всем q_n с учетом тех или иных граничных (по времени) условий получим систему линейных алгебраических уравнений с симметричной положительно определенной матрицей:

$$\left(\mathrm{A}^{\mathrm{T}}\mathrm{A}+\beta\cdot\mathrm{C}\right)\mathrm{q}=\mathrm{A}^{\mathrm{T}}\mathrm{f}+\mathrm{g}, \qquad (5)$$

где матрица C является конечно-мерным вариантом сглаживающего оператора, вектор g определяется граничными (по времени) условиями.

Решением системы линейных алгебраических уравнений (5) при выбранном значении параметра регуляризации β получим некоторое приближение к истинной функции.

Эксперимент проводился в рабочей камере с переливом электролита, которым служил водный раствор нитрата аммония с концентрациями 1, 2 и 3 моль/л. Температура электролита на входе в ячейку поддерживалась постоянной на уровне 17,7 °С. Напряжение нагрева изменялось от 120 до 280 В с шагом 40 В.

В качестве деталей-анодов использовались цилиндрические образцы диаметром 12 мм и длиной 55 мм, изготовленные из стали 20. В данном случае высказанное выше допущение о распространении тепла только вдоль нагреваемой детали выполняется с хорошей точностью. Эксперимент проводился в двух вариантах: касание электролита, как указано на рисунке 1, и погружение на 15 мм. Температура измерялась хромель-алюмелевой термопарой, которая размещалась в глухом отверстии, просверленном по оси образца, глубиной 40 мм. Таким образом, в случае небольшого погружения термопара располагалась на границе электролит–воздух. При изучении нестационарной стадии нагрева измерения температуры проводились через каждые 5 секунд.

Для определения коэффициента теплоотдачи от нагреваемой детали к окружающей среде измерялось распределение температуры по длине образца на стационарной стадии нагрева. Экспериментальные значения температуры аппроксимировались стационарной частью решения (2), откуда методом наименьших квадратов определялись коэффициент теплоотдачи и плотность теплового пото-

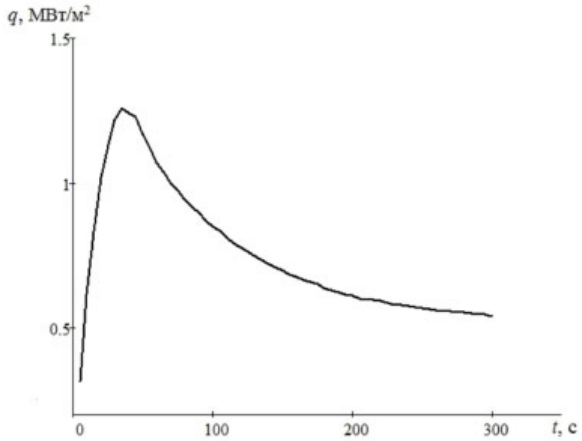


Рис. 2. Зависимость плотности теплового потока из оболочки в деталь от времени в случае небольшого погружения образца.
Концентрация электролита – 2 моль/л, напряжение нагрева – 200 В

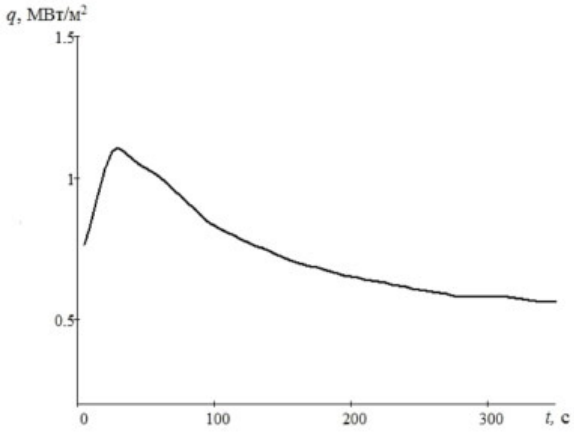


Рис. 3. Зависимость плотности теплового потока из оболочки в деталь от времени в случае касания электролита.
Концентрация электролита – 2 моль/л, напряжение нагрева – 200 В

ка из парогазовой оболочки в нагреваемую деталь при стационарном нагреве.

На рисунке 3 представлена временная зависимость плотности теплового потока из парогазовой оболочки в анод при малом погружении, напряжении нагрева 200 В и концентрации раствора электролита 2 моль/л.

В данном случае использовался регуляризирующий оператор с параметром регуляризации равным 10^{-7}. Как видно, данный метод позволяет получить сглаженную и вполне достоверную зависимость плотности теплового потока от времени. Аналогичная зависимость плотности теплового потока в случае касания электролита показана на рисунке 4, здесь для параметра регуляризации использовалось значение 10^{-5}.

Из анализа полученных графиков видно, что величина плотности теплового потока из оболочки в нагреваемую деталь сначала возрастает, достигает определенного максимума и уменьшается, выходя на некоторое стационарное значение. Эти три стадии имеются как в случае небольшого погружения детали-анода, так и при касании рабочего электролита. Данные особенности можно объяснить следующим образом.

На первой стадии нагрева происходит рост температуры парогазовой оболочки и, вероятно, стабилизация ее толщины. Температура образца увеличивается гораздо медленнее, потому температурный напор возрастает, как и плотность теплового потока в деталь. Вторая стадия наступает после стабилизации температуры в оболочке, деталь прогревается, следовательно, температурный напор и плотность теплового потока снижаются. Третья стадия соответствует достижению стационарного состояния всей системы. Время прогрева парогазовой оболочки для данных условий эксперимента составляет 35–40 секунд и не зависит от концентрации электролита.

Стационарный тепловой поток в нагреваемую деталь в случае касания электролита несколько больше, чем при небольшом погружении, при этом погружение детали приводит также к возрастанию силы тока, так как увеличивается поверхность контакта образца и парогазовой оболочки. Если определить вводимую в парогазовую оболочку мощ-

Таблица 1

Тепловой поток в анод и вводимая мощность при торцевом нагреве и небольшом погружении (концентрация нитрата аммония 3 моль/л)

Напряжение, В	Вводимая мощность, Вт	Тепловой поток в анод, Вт	Доля тепла, поступающего в анод, %
Торцевой нагрев			
120	301,8	62	21
160	261,6	94	36
200	274	107	39
240	240	103	43
Небольшое погружение			
120	870	46	5
160	928	54	6
200	990	71	7
240	1020	85	8

ность как произведение силы тока на напряжение нагрева, а плотность теплового потока в анод умножить на площадь его поперечного сечения, то можно говорить о распределении тепловых потоков в парогазовой оболочке (см. таблица 1).

Из таблицы видно, что при погружении детали-анода доля тепла, поступающая в образец, уменьшается, то есть происходит перераспределение тепловых потоков, действующих в парогазовой оболочке, и большая часть тепла идет на нагрев и испарение рабочего электролита.

В результате разработана методика определения плотности теплового потока из парогазовой оболочки в нагреваемую деталь при анодном нагреве в случае стационарного и нестационарного нагрева.

Возрастание плотности теплового потока в начале процесса нагрева может быть объяснено прогревом парогазовой оболочки, который продолжается 35–40 секунд и не зависит от концентрации электролита.

Погружение детали-анода в электролит приводит к перераспределению тепловых потоков, действующих в парогазовой оболочке, увеличивая тепловой поток в электролит. При этом в деталь-анод при касании электролита поступает более 40% вводимой энергии, а небольшое погружение уменьшает это значение до 8%.

Библиографический список

1. *Алифанов О.М.* Обратные задачи теплообмена. – М.: Машиностроение, 1988. – 280 с.

2. *Белкин П.Н.* Электрохимико-термическая обработка металлов и сплавов. – М.: Мир, 2004. – 336 с.

3. *Белкин П.Н., Белкин С.Н.* Стабилизация парогазового слоя при анодном нагреве в растворах электролитов // Инженерно-физический журнал. – 1989. – Т. 57. – № 1. – С. 159.

4. *Белкин П.Н., Белихов А.Б.* Стационарная температура анода, нагреваемого в водных электролитах // Инженерно-физический журнал. – 2002. – Т. 75. – № 6. – С. 19–24.

5. *Ганчар В.И.* Параметры теплообмена в процессе анодного электролитного нагрева // Инженерно-физический журнал. – 1991. – Т. 60. – № 1. – С. 92–95.

6. *Тихонов А.Н., Арсенин В.Я.* Методы решения некорректных задач. – М. Наука, 1979. – 285 с.

УДК 639. 111. 16

Соколов Николай Васильевич
кандидат сельскохозяйственных наук
Костромской НИИСХ Россельхозакадемии
knicx@kosnet.ru
Соколов Артём Николаевич
кандидат сельскохозяйственных наук
Костромской НИИСХ Россельхозакадемии
knicx@kosnet.ru

ТУРИЗМ И ЕГО ВЛИЯНИЕ НА ЛОСЕВОДСТВО

Туристский бизнес, привнесенный в последние годы в лосеводство, выхолащивает идею одомашнивания лосей, идею включения нового вида в зоокультуру домашних животных страны. Только наука способна устранить возникающие противоречия между лосеводством и бизнесом.

Ключевые слова: *лось, лосеводство, туризм, бизнес, исследования, защищенность.*

Лосеводство за свои 70 с лишним лет существования создало надежную научную базу одомашнивания лося и, в значительной степени, технологии ведения домашнего лосеводства. Кроме того, проведены серьезные исследования в сфере использования продукции лосеводства.

В результате изменений, произошедших в государстве, в лосеводство проникло одно из современных модных направлений – туризм, который, в свою очередь, повлек изменения технологии домашнего лосеводства. Наука оказалась между дилеммой: продолжать заниматься созданием нового домашнего животного, способную дать дешевую, качественную продукцию народному хозяйству, изменять технологии для создания зрелищного лосеводства или попытаться совместить трудно совместимое. В любом случае наметившиеся стихийные изменения уже создали проблемы, для решения которых науке потребуется значительное время и финансирование.

Туристическое направление требует того, чтобы к прибытию посетителей лоси были в загонах. То есть, в это время животные не только должны находиться в ограниченном пространстве, но и довольствоваться ограниченным рационом, как в количественном, так и в качественном плане. По причине искусственной концентрации лосей территория загона быстро становится средоточием гельминтов, оленьих кровососок и иксодовых клещей. Лоси, находящиеся в стационарных загонах, не могут найти нужные им лекарственные растения, и тем излечиваться, а значит, требуют действенной ветеринарной поддержки. В том, что это именно

© Соколов Н.В., Соколов А.Н., 2012

так, можно убедиться, сравнив весовые и экстерьерные характеристики лосей прошлых лет и настоящего времени. Это видно также при сравнении лося современной лосефермы и их диких сородичей.

Следует также отметить, что лосеводство стало страдать не только от условий содержания лосей, но и от туристов. Если значительные перемещения животных, тем более из страны в страну требуют сложной процедуры ветеринарных обследований и карантинов, то, перемещение туристов происходит свободно. И никто не может гарантировать, что на руках, ногах, одежде или с лакомством туристы не занесут на лосеферму нечто более страшное, чем диспепсия.

Но и это не все. Удержание лосей в загонах позволяет работникам лосеферм не заниматься трудоемкими работами в направлении одомашнивания, а именно:

- воспитанием лосей с ориентацией их на послушание человеку;
- управляемой пастьбой;
- подчинением лосей человеком.

Вся работа с лосями начинает сводиться к даче им корма или прикормки, а также к доению лосих, которые этого желают. То есть, по сути, идет свертывание прежних наработок науки и возвращение лосеводства к примитивному вольерному содержанию лосей. И это происходит в то время, когда импорт заваливает наши рынки не всегда качественными продуктами, когда в наших лесах после их вырубки сгнивает бессчетное количество брошенных человеком в виде коры и веток превосходных лосиных кормов, когда зарастающие осиной, рябиной и малиной вырубки десятки лет не кормят ни одного лося, потому что лосей там нет. И это тогда, когда лосиное молоко, являясь лечебным продуктом остается недоступным для населения России, когда диетическое лосиное мясо не достигает больниц и детских садов, когда невероятно крепкие лосиные шкуры, из которых в былые времена шили штаны для гусар, оставляются на месте забоя или отстрела лося.

При коммерческом развитии лосеводства коммерсанту не выгодно сотрудничество с высококвалифицированными научными кадрами, поскольку эти кадры являются носителями трудновыполнимой идеи введения в зоокультуру страны нового вида одомашненного животного, но никак не получения скорой выгоды путем изменения или разрушения отработанной системы одомашнивания.

Появившийся в лосеводстве туризм пока еще весьма примитивен и основан без учета основных принципов туристического бизнеса:

1. Нет надежной защиты объекта, в нашем случае, лосефермы, от негативного воздействия, привнесенного извне. А именно:

- недостаточно проработаны и соблюдены правила санитарии;
- существует опасность привнесения инфекций на лосеферму при контакте посетителей с лосями;
- отмечается слабая защищенность животных от стрессов.

2. Недостаточно проработана система обслуживания туристов:

- отсутствуют гарантии безопасности туристов;
- до туристов не доводится реальная опасность общения с лосями;
- туристические услуги скудны;
- отсутствуют гарантии качества предлагаемого лосиного молока;
- отсутствуют гарантии в том, что лось здоров, и что посетитель после контакта с ним не заболеет или не будет переносчиком какой-либо инфекции.

3. Непроработанность эстетического аспекта туризма:

- в сухую погоду отмечается высокая степень запыленности шестикилометрового отрезка пути, ведущего к лосеферме;
- в дождливую погоду лоси и туристы ходят по раскисшим тропам;
- тракторные пути и туристские тропы часто совпадают и пересекаются;
- для взоров туристов открыты вспомогательные объекты и отходы производства;
- отсутствуют туристические тропы, слабо подготовлены экскурсоводы.

4. Отсутствует нормальная инфраструктура:

- нет мест отдыха;
- на низком уровне помещения личной гигиены;
- нет пункта горячего питания;
- нет охраняемой автостоянки;
- нет гостиницы на случай вынужденной ночевки;
- нет указателей.

5. Нет защищенности научно-ценных объектов и наработок от промышленного и научного шпионажа. В частности:

- открыто демонстрируются всем желающим устройства и технологии, имеющие научную ценность;
- допускается фотографирование, видео и киносъемка устройств и технологий;
- разрешаются бесконтрольные публикации научных данных в любой прессе и демонстрации по телевидению устройств, технологий и сведений, имеющих научную ценность.

Навязываемая туристским бизнесом технология содержания лосей противоречит биологии лося и подрывает идею одомашнивания, отбрасывая научные наработки нескольких поколений ученых-лосеводов. Деньги, получаемые от такого туризма, ни в коей мере не возместят того ущерба, который несет, и будут нести лосеводство, наука, Костромская область и Россия в целом, при продолжении существующей практики. Положительное решение вопроса туризма в лосеводстве возможно только после основательной проработки его наукой. И пока лосеводство является экспериментальным, коммер-

ция в нем может существовать только в виде, допущенном наукой и подконтрольном науке. Иначе гибель лосеводства по вине коммерции неизбежна.

Туризм спонтанный должен уступить место туризму научно-информационному с популярно-познавательным уклоном. В этом плане сотрудниками отдела лосеводства Костромского НИИСХ проведена большая подготовительная работа, где учтены специфические особенности направления лосеводства и, вкупе с общепринятыми требованиями, изложена концептуальная часть научно-популярного туризма в лосеводстве.

Туризм в лосеводстве может быть оправдан несколькими причинами:

- пропагандой домашнего лосеводства;
- развитием эстетического воспитания у населения;
- привлечением финансов как от инвесторов по туризму, так и от самого туризма.

Однако лосеводческое хозяйство, на котором отрабатываются технологии подчинения лосей человеку и, которое является экспериментальным, не может демонстрироваться по привычным схемам зоопарков, зоосадов и национальных парков и требует индивидуального подхода. А именно:

1. Туризм не должен вносить коррективы в создание технологий одомашнивания лося;
2. Туризм не должен угрожать здоровью демонстрируемым животным;
3. Демонстрироваться должны результаты, а не технологии, находящиеся в стадии разработки;
4. Как лосеводческое хозяйство, так и результаты научных исследований должны быть защищены от негативных последствий туризма, для чего должны быть соблюдены следующие условия:

- обособленность и ограниченность туристического объекта;
- подконтрольность действий туристов;
- профилактические и постоянно действующие санитарные меры на территории демонстрируемого объекта;
- контроль за гигиеной обслуживающего персонала, здоровьем демонстрируемых животных и качеством продукции лосеводства;
- защищенность научных разработок от разглашения и демонстрации их в средствах массовых информаций без ведома работников науки.

Развитие туризма на подобных экспериментальных базах может осуществляться в следующих направлениях:

1. Плановое кратковременное посещение мобильными организованными группами.
2. Ознакомительное посещение с рабочей целью (кино, фото, видео, телесъемки).
3. Приезд с целью отдыха на один и более дней.

(Посещения научного и производственного характера в разряд рассматриваемого туризма не входят и должны рассматриваться в отдельном порядке).

Для приема организованных групп требуется:

- наличие дорог с асфальтовым покрытием, способным выдержать крупные туристические автобусы;
- автостояночная площадка с оборудованным укрытием для людей от дождя, солнца и ветра, пунктами гигиены с раздельными туалетами, чистой водой и аптечками, а также пункта продажи упакованных продуктов питания, сувениров и проспектов;
- закольцованные пешие маршруты, позволяющие демонстрировать животных, наиболее значимые объекты и достижения в домашнем лосеводстве;
- пешеходные дорожки с покрытием, скамеечками на биологических полянах, зрительными площадками и местами для кино, фото, видеосъемок, а также туалетами, урнами и контейнерами для мусора.

Не желательно:

- пересечение пешеходных дорожек подъездными хозяйственными путями;
- демонстрация кормушек, доильных помещений, нагромождения обгрызенных веток, также грязных дорожек, протоптанных лосями вдоль изгородей;
- ведение экскурсий неподготовленными людьми.

Исключается:

- ведение экскурсоводом экскурсий в той же одежде, в которой он работает с лосями;
- прямой контакт экскурсанта с экспонируемыми животными кроме предусмотренных для такого случая вариантов;
- кормление туристом животного;
- вход экскурсанта в загон к животным;
- подход экскурсанта вплотную к изгороди и залезание на нее;
- несоблюдения туристами правил поведения на объекте.

Кроме того, должны соблюдаться следующие условия:

- изгороди должны быть двойными;
- с экспонируемыми животными должен находиться работник лосефермы;
- животные должны быть здоровы;
- животные должны быть подготовлены к показу;
- молоко для дегустации должно ежедневно проходить экспресс-анализ и храниться в холодильнике;
- для дегустации использовать одноразовую посуду;
- иметь журнал техники безопасности для экскурсантов;
- иметь книгу отзывов и пожеланий.

Люди, приехавшие с целью проведения фото-, теле-, кино- и видеосъемок, а также для написания репортажей должны:

- регистрироваться в специальном журнале;
- свою работу проводить в присутствии представителя лосеводческого хозяйства;
- демонстрацию и публикацию осуществлять только после согласования его с компетентными работниками-лосеводами, которые, в конечном сче-

те, несут ответственность за предоставленный к съемке материал.

Туристы, прибывшие с целью отдыха на один или несколько дней, должны быть обеспечены отапливаемым, с необходимыми удобствами, жильем (можно с русской печью или камином) и охраняемой стоянкой для автомашин. Их должен обслуживать подготовленный гид.

Для них можно создать следующее:

- пункты для наблюдения за лосями и дикими животными, например, за прикормленными кабанами;
- туристские тропы по красивым и интересным местам;
- окультуренные грибные и ягодные угодья;
- летом – лодки и рыболовные принадлежности;
- зимой – лыжи, санки, снегоходы, рыболовные принадлежности;
- русскую баню;
- русские блюда и напитки;
- продукцию домашнего лосеводства.

Лоси, являющиеся демонстрационными животными, во избежание их отрицательного влияния на результаты научных исследований, должны быть изъяты из общей группы лосей. В идеальном варианте это должны быть самец, две самки, пара молодых и три-пять лосят. Подбор лосей должен осуществляться в первую очередь по их дружелюбию в отношении людей, туристов в частности, для чего желательно специальное, с раннего детства обучение данных животных с постоянным подкреплением полученных положительных навыков. Стимуляция демонстрационных качеств (фотографирование с туристами, перевозка людей верхом, перемещение саней, колясок с людьми) осуществляется дачей овощных прикормок (свежей капусты, моркови, свеклы) и подчеркнуто хорошим обращением (поглаживанием, ласковым голосом). На время посещения туристами содержание лосей загонное с очередным использованием секций. В другое время переносные изгороди и пастьба.

Туристский комплекс должен включать в себя демонстрационную зону, желательно открытый высокий берег речки, озера, водохранилища с примыкающим крупнолесьем, имеющем еловый подрост и богатый подлесок. Лоси приводятся в эту зону только на время демонстрации. В остальное время они могут находиться в основном загоне на привозных кормах или в кормовом секторе общего загона. Как уже указывалось, использование кормовых секторов, во избежание затравливания, чередуются. На свободных производится подсев и подсадка кормовых культур, таких как ива, береза, подсолнечник, клевер, яровые и озимые зерновые, кипрей, таволга, рапс, капуста, а также водные растения, если есть водоемы. В зимнее время вместе с подвозкой веток осины, березы, сосны производится подкормка овощами и сырым картофелем. Хлеб и овсянка не рекомендуются.

Демонстрационные лоси проходят ежедневный ветеринарный осмотр, регулярные профилактические мероприятия и, при необходимости, срочное лечение. К работе с ними допускаются только опытные люди со спокойным уравновешенным характером, знанием биологии и поведения лося.

Туристский комплекс должен быть образцом гигиены и, во избежание нежелательного контакта лосей с посторонними людьми, иметь двойные изгороди, а также дезковрики в проходах, средства гигиены (умывальник с водой, мыло, полотенце) для туристов, дополнительное освещение и охрану. Собаки, как возможные носители бычьего цепня, на территорию комплекса не допускаются. Стоянка техники, как потенциального источника свинца, располагается не ближе 200 метров от загонов. Территория туристского комплекса регулярно подвергается обработке против гельминтов, иксодовых клещей и оленьих кровососок.

ФИЛОСОФИЯ

УДК 141

Васильев Алексей Александрович
Российская академия правосудия, г. Нижний Новгород
nicnpa@mail.ru

СКРЫТОЕ ЗНАНИЕ КАК ОСНОВА ДЛЯ ИНТУИЦИИ

Проблема интуиции рассматривается в философии с античности, но до сих пор нет единообразия в понимании того, как она возникает. В статье рассматривается влияние накопленных в сознании субъекта знаний на интуицию.

Ключевые слова: *интуиция, криптогноза, скрытое знание.*

Что есть интуиция? На протяжении многих веков мыслители пытались найти ответ на этот вопрос и давали различные определения. Приведем некоторые из них.

Декарт. «Под интуицией я подразумеваю не зыбкое свидетельство чувств и не обманчивое суждение неправильно слагающего воображения, а понимание (conceptum) ясного и внимательного ума, настолько легкое и отчетливое, что не остается совершенно никакого сомнения относительно того, что мы разумеем, или, что то же самое, несомненное понимание ясного и внимательного ума, которое порождается одним лишь светом разума и является более простым, а значит, и более достоверным, чем сама дедукция» [2, с. 84]. С помощью интуиции истина открывается разуму человека путем прямого усмотрения, без использования логических определений и доказательств как промежуточных звеньев познания.

Кант. Интуиция используется как первичное понятие по отношению к осознанию вещей, оно является непосредственным потому, что не зависит от посредства понятий. Он различал интуицию эмпирическую, постигаемую через ощущение, и чистую интуицию универсалий для познания априорных истин, таких неощущаемых сущностей, как время и пространство.

Шопенгауэр. Интуиция – чистое восприятие сущности, «вещи в себе».

Бергсон. Интуиция есть инстинкт, она возникает непосредственно, без предварительного научения как определяющей формы поведения.

Словарь русского языка [11]. Интуиция – безотчетное стихийное, непосредственное чувство, чутье, основанное на предшествующем опыте и подсказывающее правильное понимание способности постижения истины непосредственным путем, без обоснования ее при помощи доказательств.

Словарь иностранных слов [10]. Интуиция – это чутье, проницательность, непосредственное постижение истины без логического обоснования, основанное на предшествующем опыте.

Советский энциклопедический словарь [12]. Интуиция – постижение истины путем непосредственного ее усмотрения без обоснования с помощью доказательств. Сформировавшаяся на основе процесса существующего опыта субъективная способность выходить за его пределы путем мыслительного схватывания (озарения) или обобщения в образной форме непознанных связей, закономерностей.

Философский энциклопедический словарь [13]. Интуиция – рассматривание, видение, созерцание, а также духовное видение, вроде вдохновения, понимание, приобретенное непосредственно, а не эмпирически или путем размышления (рефлексии), непосредственное переживание действительности.

Следует обратить внимание на то, что термин «интуиция» происходит от латинского слова *intuitus*, которое буквально означает *«созерцание», «усмотрение», «видение»*. Но все эти обозначения следует отличать от *«смотрения»*, ведь «смотреть» и «видеть» различаются между собой не только в психофизиологии акта, но и объективно, т.е. по своим объектам. Различие это показывает в своей работе К.А. Свасьян: «Вы смотрите на страницу, на текст, на предложения, слова, буквы, знаки препинания… Теперь я снова спрашиваю Вас: что Вы видите? Если Вы будете настаивать, что видите Вы буквы, Вам, бесспорно, удастся разглядеть всю книгу, но прочитать ее Вы вряд ли сумеете. <…> Для того чтобы видеть, надо <…> смотреть. Но, смотря на одно, мы видим как раз другое, если наша способность видеть является не разновидностью глазения, а рассчитана на осмысленное понимание» [9].

Если определять интуицию как момент непосредственного видения (созерцания) истины без предварительного логического обоснования, то для того чтобы видеть истину (смысл), нужно уже обладать некоторым объемом знаний.

Из всех приведенных в начале статьи определений видно, что различные толкования интуиции имеют нечто общее. Это, во-первых, подчеркивание момента непосредственности интуитивного познания, достижимого без предшествующего рассуждения (в отличие от опосредованного, дискуссионного характера логического мышления). Во-вторых, уверенность в правильности результата (достоверность, безоговорочная несомненность, очевидность), как бы ничем не оправданная (ни-

© Васильев А.А., 2012

какими умозаключениями), и, в-третьих, значимость предварительного накопления знаний (длительная подготовка ума, предшествующие знания и опыт) [1].

Можно выделить четыре типа преобразования знания:

1. От одних чувственных образов к другим чувственным образам (чувственное познание).

2. От одних понятий к другим понятиям (логическое познание).

3. От наглядных образов к новому понятию (концептуальная интуиция).

4. От понятий к новым чувственно-наглядным образам (эйдетическая интуиция) [4].

В.Р. Ирина и А.А. Новиков отмечают, что на уровне чувственного и логического познания происходит накопление так называемой криптогнозы или скрытого знания. Д. Майерс в своей работе «Интуиция» указывает на то, что невозможно возвратиться к предыдущему мнению, после того как мы узнали итог. Это похоже на рассматривание далматинца на классической фотографии Р.С. Джеймса (см. рис. 1). Вы видите, как он обнюхивает землю в центре кадра? Как только ваш разум узнал об этом, ваши знания контролируют вашу интерпретацию настолько сильно, что практически невозможно вернуться к предшествующему состоянию и «не видеть собаку».

Наша неспособность видеть не через призму имеющейся у нас информации была названа «проклятие знания» [7, с. 87]. В основе любого трудового действия лежит целевая установка, на базе которой в центральной нервной системе создается конкретная программа действий, реализующаяся в системно организованном поведенческом акте. Это действие называется динамическим стереотипом. Динамический стереотип отвечает за точность и своевременность реакции организма на привычные раздражители, т.е. вырабатывается автоматизм действий, что особенно важно в формировании различных трудовых навыков. Человек не тратит время и энергию на лишние действия, он делает все так, как нужно, не задумываясь, потому что он уже знает, как и что нужно сделать, он уже накопил свою профессиональную криптогнозу.

Рис. 1.

Динамический стереотип имеет место не только в физическом труде, он присутствует и в интеллектуальной деятельности. Когда процесс мышления неожиданно активизируется какой-либо внутренней или внешней, незначительной на первый взгляд, информацией, происходит резкий скачок эмоционального напряжения, в динамическом стереотипе происходит за короткое время структурная перестройка, и человек оказывается обладателем нового знания [6].

Следует отметить, что новое знание не всегда является истинным, но это не отменяет его интуитивного происхождения. Поскольку интуитивное знание основывается на ранее полученном и скрытом знании, то и степень его достоверности будет поставлена в зависимость от накопленного субъектом знания. Этот процесс мы можем сравнить с собиранием пазла: если у нас есть все фрагменты, то мы соберем всю картинку, если какие либо фрагменты отсутствуют, то и картинка будет неполной. Архимед, Ньютон, Менделеев, Броун и др. накопили достаточное количество знаний (фрагментов пазла), прежде чем получили интуитивное озарение тех вопросов, которыми они были озадачены в тот момент.

Юридическая деятельность как вид интеллектуального труда также не обходится без интуиции, основанной на скрытом знании. Юридическая деятельность весьма многообразна, она может проявляться в правотворчестве, в правоприменении, в правоисполнении, но ключевым моментом всегда будет субъект, обладающий профессиональными юридическими знаниями. Я.А. Пономарев называл интуицию мостом из «Психического» в «Социальное» [8, с. 7], юридическая деятельность является этому ярким примером. В процессе правотворчества внутреннее содержание одного субъекта, его моральные качества и накопленные знания обретают общеобязательную форму правовых норм. Интуиция в данном процессе играет не последнюю роль. А.С. Кармин писал: «Общество есть не просто совокупность людей, но еще и реальная, объективно существующая совокупность условий их совместной жизни» [5], условия жизни меняются, появляются новые общественные отношения, которые необходимо урегулировать нормами права. Когда возникает необходимость в законодательном урегулировании возникших общественных отношений, законодатель может лишь интуитивно догадаться о конечном результате своей деятельности, интуитивно предвидеть некий идеальный образ еще не созданной нормы. Он, законодатель, имеет цель и намерение урегулировать возникшие общественные отношения, для этого он должен проделать большую аналитическую работу, но

в начале этой работы лежит интуитивная догадка о конечном результате. Весь дальнейший процесс создания нормы будет опираться на уже накопленные, скрытые знания законотворца.

Ещё одним ярким примером влияния скрытых знаний на проявление интуиции является деятельность судьи. Как отмечает Р.М. Грановская, в юриспруденции от судьи требуется знать не только «букву», но и «дух» закона. Он должен выносить приговор не только в соответствии с заранее предписанным количеством доказательств, но и согласно «внутреннему убеждению», поскольку в законе, наряду с однозначной «буквой», присутствует и интуитивный «дух» [1]. Судья является носителем профессиональной криптогнозы, которой выступает его профессиональное юридическое правосознание, набор фрагментов пазла. Однако вся юридическая деятельность и деятельность судьи имеют особенность, которую очень хорошо сформулировал И.А. Ильин: «То, что “сейчас” и “здесь” – право, то “завтра” и “здесь” или “сейчас” и “там” – уже не право; запретное сегодня – позволено завтра и, может быть, вменено в обязанность через месяц; организованный интерес становится силою и провозглашает “справедливым” то, что завтра будет ниспровергнуто “случайным” стечением обстоятельств» [3, с. 166]. Т.е. юридические нормы не являются постоянными, они возникают, изменяются, отменяются и становятся историей, что приводит к необходимости постоянного самообучения и периодической ломке динамического стереотипа. Судья должен постоянно не только обновлять свои знания, но и вытеснять устаревшие стереотипы деятельности.

Таким образом, интуиция возникает не на голом месте, она нуждается в предварительно полученном знании. Объем и качество полученного ранее знания влияют на достоверность нового знания, полученного интуитивным путем. У юриста, который периодически использует один и тот же набор знаний, рассматривает схожие юридические дела, вследствие накопления профессиональной криптогнозы, возникает интеллектуальный динамический стереотип. Появление данного динамического стереотипа позволяет быстрее принимать решения по схожим делам. Решение принимается столь быстро, что носит интуитивный характер. Интуиция не является чем-то сверхъестественным, она выступает как один из методов познания, который проявляется в любой интеллектуальной сфере.

Библиографический список

1. *Грановская Р.М.* Интуиция и искусственный интеллект. – Л.: Издательство Ленинградского университета, 1991. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://ddong.narod.ru/gran/index.htm

2. *Декарт Р.* Правила для руководству ума // Сочинения в 2 т. / пер. с лат. и франц. Т. 1. / сост., ред., вступ. ст. В.В. Соколова. – М.: Мысль, 1989. – 654 с.

3. *Ильин И.А.* О сущности правосознания // Теория права и государства / под ред., предисл. В.А. Томсинова. – М.: Издательство «Зерцало», 2003. – 400 с.

4. *Ирина В.Р., Новиков А.А.* В мире научной интуиции. Интуиция и разум. – М.: «Наука», 1978. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://psylib.org.ua/books/irnov01/

5. *Кармин А.С.* Общество в свете системного подхода // В диапазоне гуманитарного знания. Сборник к 80-летию профессора М.С. Кагана. Серия «Мыслители». Вып. 4. – СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2001. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://anthropology.ru/ru/texts/karmin/kagan_04.html

6. *Кулик Б.А.* Феномен нового знания: постижение истины или сотворение мифа? – М.: Российское гуманистическое общество, 2003. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://logic-cor.narod.ru/fenom0.htm

7. *Майерс Д.* Интуиция / пер.с англ. И.И. Малкова. – СПб. [и др.]: Питер, 2009. – 256 с.

8. *Пономарев Я.А.* Психика и интуиция. – М.: Политиздат, 1967. – 256 с.

9. *Свасьян К.А.* Феменологическое познание. Пропедевтика и критика. – Ереван: АН Армянской ССР, 1987. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://psylib.org.ua/books/svask01/index.htm

10. Словарь иностранных слов / под ред. А.Г. Спиркина. – М., 1986. – 608 с.

11. Словарь русского языка: В 4 т. / Под ред. А.П. Евгеньевой. – М.: Рус. яз.; Полиграфресурсы, 1999. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://feb-web.ru/feb/mas/mas-abc/0encyc.htm

12. Советский энциклопедический словарь / под ред. А.М. Прохорова. – М.: Советская энциклопедия, 1989. – 1600 с.

13. Философский энциклопедический словарь. – М.: ИНФРА-М, 2006. – 576 с.

УДК 130.2 (09)

Комарова Любовь Анатольевна
Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы
parislk@ mail.ru

ОСМЫСЛЕНИЕ СЧАСТЬЯ С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ БУДДИЗМА

В данной статье рассматривается понятие «счастье» в религиозно-философском учении Будды. Автор показывает два основных определения счастья с точки зрения буддизма, раскрывает наиболее значимые причины счастья и несчастья человека, исследует взаимосвязь между состраданием и счастьем.

Ключевые слова: *счастье, познание, несчастье, страдание, созидательное поведение, сострадание.*

Не изведав несчастий,
не достигнешь заветного счастья.
Саади.

Некоторые люди называют буддизм мрачной религией, которая говорит, что всё, что мы воспринимаем, – страдание, и не признаёт счастья вообще. Такое воззрение ошибочно. В буддизме действительно считается, что наше привычное, обыкновенное счастье – это страдание перемен. Такое счастье не удовлетворяет нас, потому что оно никогда не длится долго, и нам всегда его мало.

Буддизм – это религиозно-философское учение, возникшее в северо-восточной части Индии в VI–V вв. до н.э. В ходе исторического развития, наряду с христианством и исламом, буддизм стал одной из наиболее распространенных религий. Согласно буддийской традиции, основателем буддизма является Сиддхартха Гаутама, прозванный Будда Шакьямуни (букв. «Просветленный мудрец из рода Шакьев»).

Нами проведен анализ научной литературы, посвященной буддизму. Назовем некоторых авторов и их труды: Г.М. Бонгард-Левин «Мудрецы и философы древней Индии», Э. Конзэ «Буддизм: сущность и развитие», Т.В. Ермакова «Буддийский мир глазами российских исследователей XIX–первой трети XX века», Е.П. Островская, В.И. Рудой «Классическая буддийская философия», О.О. Розенберг «Труды по буддизму», Е.А. Торчинов «Введение в буддологию» и др. В России исследователями буддизма являются: А.Н. Игнатович, В.Н. Андросов, В.Г. Лысенко, А.В. Парибок, А.М. Кабанов, С.Д. Серебряный, М.Е. Кравцова, М.Е. Ермаков, Р.Н. Крапивина, В.Л. Успенский и многие другие. Анализ литературы показал, что буддизм предоставляет много методов для преодоления ограничения обычного счастья, этого страдания перемен, достижения постоянно радостного состояния Будды. Но, невзирая на недостатки нашего обычного счастья, буддизм объясняет способы, как можно достичь и его.

С.Р. Аблеев отмечает, что буддизм учит этому, так как в соответствии с одной из его главных аксиом, каждый хочет быть счастливым и не желает страдать [1, с. 114]. И поскольку все ищут счастья, а мы, обычные существа, не знаем другого вида счастья, кроме обыкновенного, буддизм показывает, как его достичь. Лишь удовлетворив желание счастья и потребность в нём, достигнув базового уровня обыденного счастья, мы можем стремиться к более глубокому и удовлетворяющему счастью с помощью продвинутых духовных практик.

А. Березин даёт два буддийских определения счастья [2, с. 28]. Одно определяется с точки зрения нашего отношения к объекту, другое – с точки зрения нашего отношения к самому этому состоянию ума или чувству.

Первое определяет счастье как познание объекта с удовлетворением, основанным на вере, что он полезен для нас, независимо от того, так это на самом деле или нет. Несчастье – это познание объекта с неудовлетворением, страданием. Когда объект переживается без удовлетворения и страдания, это нейтральное познание.

Второе устанавливает, что счастье – это чувство, которое мы желаем испытать ещё, как только оно заканчивается. Несчастье – это чувство, от которого мы хотим избавиться, когда оно возникает. А при появлении нейтрального чувства мы не испытываем ни одного из этих двух желаний.

По нашему мнению, оба определения взаимосвязаны. Когда мы познаём объект с удовлетворением, познание происходит так, что объект буквально «приходит к нам на ум» как приятный. Мы принимаем объект, и он легко остаётся объектом нашего внимания. Мы чувствуем, что переживание объекта приносит нам пользу: оно делает нас счастливыми, оно приятно. Поэтому мы хотим, чтобы благо от такого переживания продолжалось, и, если оно закончилось, желаем его возвращения. Проще говоря, мы получаем удовольствие от объекта и его познания.

Когда мы познаём объект со страданием, это неприятное переживание. Мы не принимаем объект, и он не остаётся объектом нашего внимания легко. Мы чувствуем, что познание объекта не приносит пользы, вредит нам. Мы хотим, чтобы оно прекратилось. Проще говоря, нам не нравится объект или его познание.

Р. Брамко обращает внимание на тот факт, что в буддизме основная причина счастья состоит

© Комарова Л.А., 2012

в созидательном поведении [3, с. 145]. Оно подразумевает воздержание от действий, слов и мыслей под влиянием таких беспокоящих эмоций, как страсть, привязанность, жадность, отвращение, гнев, наивность и так далее, когда мы не заботимся о том, как наше поведение в долгосрочной перспективе повлияет на нас и других. Основная причина несчастья состоит в разрушительном поведении. Например, страстно желая какую-либо вещь в магазине, мы преувеличиваем её хорошие качества и, пренебрегая юридическими последствиями, крадём её.

Когда мы не позволяем беспокоящим эмоциям влиять на наши поступки, речь и мысли, это создаёт привычку не поддаваться им и в будущем. В итоге при возникновении беспокоящей эмоция мы не действуем исходя из неё, и со временем сила беспокоящей эмоции ослабевает, а потом она вообще вряд ли возникнет. С другой стороны, чем больше мы будем действовать, руководствуясь беспокоящими эмоциями, тем чаще они будут возникать в будущем, тем сильнее станут.

Радхе Берме в своем учении о буддизме последовательно излагает, что при познании объекта с чувством счастья, у нас нет таких беспокоящих эмоций, как наивность, страсть, привязанность, жадность, отвращение и гнев [8, с. 94]. То, как мы познаём объект, основано на принятии его подлинной природы, без преувеличения и отрицания его хороших или плохих качеств. Такое познание возникает от привычки к созидательному поведению, когда мы действуем, разговариваем и думаем на основе принятия подлинной природы людей, вещей и событий, не преувеличивая и не отрицая их достоинств или недостатков.

А.И. Кочетов предполагает, что если длительное время вести себя определённым образом, создав привычку воздерживаться от преувеличения и отрицания положительных и отрицательных сторон различных явлений, то можно пребывать в счастливом состоянии ума, даже испытывая боль во время удаления зубного нерва. Возвращаясь к определению счастья, мы переживаем процедуру с удовлетворением, если верим, что она принесёт нам благо [4, с. 78].

И.А. Крывелев определяет, что мы привыкли воздерживаться от действий, разговоров и мыслей под влиянием беспокоящих эмоций и, стало быть, создали потенциал для счастливого переживания объектов и мыслей; но необходимы некоторые условия, чтобы этот потенциал созрел в переживание счастья [5, с. 113]. Как мы уже рассмотрели, счастье при познании объекта необязательно зависит от него самого. Скорее всего, оно зависит от того, принимаем ли мы подлинную реальность того, каков объект на самом деле, вне зависимости от того, что он собой представляет: это может быть болезненное ощущение от удаления зубного нерва или образ любимого человека. Поэтому именно наше отношение и состояние ума определяет, счастливы мы или несчастливы в тот или иной момент, невзирая на то, какой объект мы видим, слышим, нюхаем, пробуем, ощущаем физически или обдумываем.

Радхе Барна указывал на то, что принимая реальность объекта без наивности, мы не преувеличиваем и не отрицаем его достоинства и недостатки, поэтому не чувствуем страсти, жадности или привязанности, а также отвращения и гнева. Оттого в любое мгновение отсутствие наивности помогает нам запустить механизм созревания счастья [7, с. 134].

Проанализировав древнеиндийскую литературу, мы пришли к выводу, что существует связь между состраданием и счастьем. Сострадание – это одно из ключевых условий для того, чтобы задействовать наш потенциал познания объекта или переживания счастья. Но как это работает? Сострадание – это желание, чтобы другие освободились от страданий и их причин, как и мы сами. Однако когда мы сосредоточиваемся на страдании и несчастьях других, то естественным образом испытываем печаль, а не счастье. Или, возможно, мы блокируем чувства и не ощущаем ничего. В любом случае, мы не чувствуем счастья. Итак, каким образом сострадание вызывает счастливое состояние?

Мы ничего не чувствуем, размышляя о страданиях других. Преувеличивая отрицательные качества грусти или несчастья, мы боимся их ощущать, блокируем их. Затем мы испытываем нейтральное чувство, которое не является несчастливым или счастливым. Но после этого мы преувеличиваем и это чувство, представляя его плотным, как большое плотное «ничто», сидящее внутри нас и мешающее искренне что-либо ощутить, как отмечает Радхе Барна [7, с. 148].

Чтобы развить сострадание, важно не отрицать, что сложные ситуации других людей такие же печальные, как и наши, например, когда мы потеряли работу. Было бы нездоровым бояться чувствовать эту грусть, сдерживать или подавлять её. Нам нужно уметь чувствовать её, но без расстройства, чтобы сопереживать страданиям других; развить глубокое, искреннее желание, чтобы другие освободились от страданий; и взять на себя ответственность за то, чтобы помочь им преодолеть страдания. Вкратце буддийский совет звучит так: «Не делайте чувство печали плотной “вещью” – не придавайте ей большого значения» [8, с. 133].

Чтобы печаль не расстраивала нас, нужно успокоить ум, освободить его от блуждания и вялости. Если ум блуждает, наше внимание улетает к посторонним беспокоящим мыслям, таким как волнения, сомнения, страх и ожидание чего-нибудь, что, как мы надеемся, будет более приятным. В случае умственной вялости наш ум затуманивается,

и мы становимся невнимательны ко всему [8, с. 136].

Оказывается, буддизм изобилует способами, которые позволяют нам избавиться от блуждания и вялости ума. Один из основных методов состоит в том, чтобы успокоиться, сосредоточившись на дыхании. Когда блуждание и вялость незначительны, наш ум спокоен и безмятежен. В этом состоянии нам легче избавиться от преувеличения чужих проблем и страданий, отвращения и безразличия к ним, а также от преувеличения того, что мы чувствуем по поводу страданий других, от отвращения и безразличия к собственным чувствам. Тогда, даже если нам изначально грустно, это не расстраивает.

Хотя, в конце концов, когда ум всё более расслабляется и успокаивается, мы естественным образом чувствуем низкий уровень счастья. В спокойном умственном и эмоциональном состоянии начинают проявляться теплота и счастье, свойственные уму. Если мы своим созидательным поведением создали достаточно сильный потенциал для счастья, наше спокойное состояние ума также способствует его созреванию.

Затем мы усиливаем это счастье мыслями о любви. Любовь – это желание, чтобы другие были счастливы и обрели свое счастье. Оно естественно вытекает из сострадательного сочувствия. Хотя нам грустно, что кто-то другой испытывает боль и печаль, эти чувства легко проходят, когда мы активно желаем этому человеку счастья. Когда мы прекращаем думать о себе и сосредоточиваемся вместо этого на счастье других, мы легко чувствуем сердечность. Это непроизвольно вызывает у нас ещё и спокойную радость и может привести в действие дополнительный потенциал к счастью, созданный нашим созидательным поведением на протяжении долгого времени. Поэтому, как отмечает А.И. Кочетов, бескорыстную и искреннюю любовь сопровождает спокойное счастье, которое не расстраивает, и наша печаль исчезает. Точно так же как родитель, который страдает от головной боли, забывает о ней, когда успокаивает своего больного ребёнка, печаль от чужого несчастья исчезает, когда мы излучаем мысли любви [4, с. 77].

Таким образом, в буддизме, основной источник счастья заключается в привычке воздерживаться от разрушительных действий, слов и мыслей под влиянием таких беспокоящих эмоций и состояний ума, как страсть, жадность, привязанность, отвращение и гнев, которые основаны на наивности. Подобное созидательное поведение создаёт в нашем потоке ума потенциал к тому, чтобы в будущем мы испытали счастье. Мы можем высвободить этот потенциал, чтобы он проявился, если не будем преувеличивать и отрицать хорошие или плохие качества любого объекта или ситуации, с которыми мы встречаемся, а также любого уровня счастья или несчастья, с которым мы познаём объект, – независимо от того, какими могут быть эти объекты и ситуации. После того как мы избавимся от наивности и, в результате, от привязанности, отвращения и безразличия, нам следует успокоить ум, устранив блуждание и вялость. Особенно важно избавиться от беспокойств и ожиданий. В этом безмятежном и спокойном состоянии ума мы уже ощутим низкий уровень счастья и высвободим потенциал, который у нас может быть, чтобы почувствовать ещё большее счастья.

Радхе Барна и Радхе Берме обращают наше внимание на то, что мы расширяем свой ум, обращая внимание на проблемы других, на то, что их ситуации, возможно, хуже нашей. Мы прекращаем думать только о самих себе. Мы думаем, как было бы прекрасно, если бы другие могли освободиться от страданий, и как было бы здорово, если бы нам удалось помочь им это осуществить. Такое сильное сострадание естественным образом ведёт к чувству любви – желанию им счастья. Мысли о счастье других высвобождают ещё больше наш потенциал для счастья.

А. Мень отмечает, что с мыслями о сострадании и любви мы можем думать о вечном [6, с. 82]. Когда мы размышляем о вечном, у нас зарождается вдохновение взять на себя ответственность за то, чтобы на самом деле попытаться помочь другим людям. Так мы обретаем силу и мужество сражаться не только с чужими проблемами, но и с нашими собственными, но, опять же, не преувеличивая их, не волнуясь о неудаче и не ожидая успеха.

Таким образом, буддизм объясняет способы, как достичь счастья. Счастье человека не бывает постоянным. Оно сиюминутно. Подлинное счастье человек познает через страдание. Счастье испытывает человек только тогда, когда оказывает помощь и дарит радость другим людям. Гаутама Будда говорил: «Нет счастья, равного спокойствию» [4, с. 147].

Библиографический список

1. *Аблеев С.Р.* История мировой философии. – М.: Прогресс, 2002.

2. *Берзин А.* Тибетский буддизм. – М.: Мысль, 2012.

3. *Брамко Р.* Философы Древней Индии. – М.: Мысль, 2004.

4. *Кочетов А.И.* Буддизм. – М.: Политиздат, 2011.

5. *Крывелев И.А.* История религий. Т. 2 – М.: Мысль, 2008.

6. *Мень А.* История религии. – М., 2004.

7. *Радхе Барна.* Индийская философия: В 2 т. – Т. 1. – СПб.: Питер, 2005.

8. *Радхе Берме.* Парадоксы духовного плана. – М.: Слово, 2006.

УДК 372.857

Шлюндт Светлана Александровна
Уральский государственный педагогический университет
alabay2010@mail.ru

ФОРМИРОВАНИЕ АКСИОСФЕРЫ ЭКОЛОГИИ В СОВРЕМЕННОМ ГЛОБАЛИЗИРУЮЩЕМСЯ ПРОСТРАНСТВЕ

На основе ретроспективного анализа образов природы в истории человеческой цивилизации в статье выявлены механизмы формирования и функционирования аксиосферы экологии, определены основные направления ее развития в современном глобализирующемся пространстве. Предложена структура современной аксиосферы экологии.

Ключевые слова: *социокультурное пространство, аксиосфера экологии, глобализирующееся пространство, культурные ценности, экологическая культура, экологическое образование.*

В период активизации глобальных процессов в современном мире происходит смена ценностных основ бытия человека. В таких условиях насущной проблемой современности становится поиск новых базисных ценностей. В связи с этим в культурологическом познании непрерывно возрастает интерес к существующим учениям об отношениях общества и природы. Рассматривать данные взгляды необходимо через призму аксиологии – науки о ценностях бытия. В такой ситуации одним из важнейших вопросов современного научного знания становится вопрос о культурном пространстве современного общества, об аксиосфере как части этого пространства. Актуальной проблемой современного глобализирующегося пространства является вопрос о сохранении жизни на Земле, поэтому и выделение аксиосферы экологии, ее структуры и механизмов функционирования является важным аспектом современной науки.

В последние десятилетия проблема выделения аксиосферы экологии неоднократно рассматривалась учеными. Можно назвать работы Н.Ф. Реймерса, Н. Кокшарова, С.Н. Глазачева, Е.В. Асафова, С.В. Павлова, В.Н. Майстренко, Н.К. Курамелиной. В этих работах дается трактовка понятий «экологическая культура», «экологическое сознание», «экологическое мировоззрение», «экологическая картина мира», «аксиологическое пространство», рассматриваются различные модели познания отношений общества и природы, а также раскрываются теоретико-методологические основы формирования новой модели познания, ориентированной на путь устойчивого развития человечества в условиях глобализирующегося пространства.

Цель статьи – выявить механизмы формирования и функционирования аксиосферы экологии в современном глобализирующемся пространстве. Для этого необходимо рассмотреть динамику взаимоотношений человека с природой от античности до современности, чтобы воссоздать поэтапную картину поступательного хода эволюции экологических воззрений и проанализировать состояние аксиосферы экологии на данном этапе развития общества, что позволит выстроить переход к устойчивому развитию природы и общества в современном пространстве. Во все времена взаимоотношения между человеком и природой являлись одним из важнейших факторов, определяющим статус цивилизации в истории человечества, духовный климат эпохи. И каждая эпоха оставляла свой след в интерпретации экологической проблемы, в попытках выявления и использования эффективных путей ее разрешения.

Согласно научным данным о происхождении человека, с момента своего выделения из животного мира он предпринимал попытки осмыслить и оценить окружающую действительность. Ценностное отношение человека к миру и природе нашло отражение в трудах Аристотеля (384–322 до н.э.), Плиния Старшего (23–79 н.э.), Р. Бойля (1627–1691) [5, с. 297]. В настоящее время философы выделяют две основные группы ценностных установок по отношению к природе, которые доминировали в общественном сознании в отдельные исторические периоды [2, с. 69].

Первая система ценностей была характерна для культур древнего мира. Она рассматривала человека в единстве с природой. В основе мировоззрения людей древнего мира был космоцентризм, согласно которому человек должен был жить в гармонии и согласии с природой, не нарушая ее законов. Природа рассматривалась как главный абсолют.

Процесс формирования ценностного отношения к природе посредством воспитания и обучения мы находим также в религиозно-философских учениях Древнего Востока. Древнекитайский философ, основатель даосизма, Лао-Цзы (VI–V вв. до н.э.) считал, что человек не должен нарушать естественный ход событий, он должен жить в согласии с природой, следовать пути дао. Природа ставилась выше человека. В конфуцианстве, другой ведущей религии Древнего Китая, также обосновывается мысль гармонизации отношений человека с обществом и природой.

В древней Индии нравственный потенциал для формирования экологического поведения заложен в экологической этике буддизма. В частности, в таких понятиях, как «карма» – выражение экологической ответственности человека, «ахимса» – принцип ненасилия, «бодхичитта» – доброта и сострадание ко всем живым существам. Джайнизм вообще запрещает убивать любое живое существо,

© Шлюндт С.А., 2012

вплоть до насекомого, т.е. в древних культурах природа была объектом поклонения, почитания, обожествления [4, с. 201]. Значительное внимание природным ресурсам уделено в Ветхом Завете, где четко прослеживается понимание самоценности всего живого.

Таким образом, в культуре Древнего мира начинается формирование основ экологической культуры, разрабатываются представления об идеалах и ценностях поведения человека в природе, о многосторонней ценности природы, складывается система эмпирических знаний о природе и ее компонентах, эмоциональная отзывчивость личности к природе. А вместе с экологической культурой начинается и формирование аксиосферы экологии в культурном пространстве Древнего мира.

В средневековой христианской культуре природа рассматривалась как нечто сотворенное Богом и более низкое, чем сам человек. Но в XIII веке святой Франциск Ассизский выработал учение, согласно которому природные явления важны сами по себе: все объекты материального мира славят Господа по-своему, как и люди. Это новое представление открыло дверь естественным наукам. В период с 1250 по 1600 годы каждый крупный ученый считал себя в первую очередь теологом. Лейбниц и Ньютон – самые яркие тому примеры. Все, кто внес вклад в науку в этот период, были глубоко религиозными людьми [5, с. 300–301].

Отношения человека и природы могут быть рассмотрены только через прогресс науки. Переход от античной науки к современной подготавливался именно в эпоху Средневековья, когда были сформулированы основные научные принципы, ставшие важнейшей ступенью к научному объяснению природных явлений. Следовательно, в Средние века наблюдалась своеобразная теологическая редукция ценности природы, но природа продолжала оставаться важнейшей ценностью для общества, т.е. происходило дальнейшее формирование аксиологического компонента экологической культуры общества. Кроме того, именно в период средневековья начинается формирование системы научных знаний о природе, а также о человеке как составной части природы.

Вторая группа ценностных установок противопоставляет человека природе. Она возникла в период эпохи Возрождения, когда философия приобретала антропоцентрическую направленность, т.е. происходило возвышение человека, формирование представлений о нем как о высшей ценности [2, с. 291–293]. Именно в эпоху Возрождения была выдвинута идея о подчинении природы человеку. Взгляды Ф. Бэкона о покорении природы человеком, а также мысли Р. Декарта о полном подчинении всего живого человеку являются одновременно шагом на пути к науке и дисгармонии в отношениях человека и природы.

Антропоцентрическое мировоззрение становится доминирующим в Новое время благодаря развитию капитализма и утверждению индустриальной цивилизации. Антропоцентризм сыграл важную роль в развитии культуры, предпринимательства и деловой активности. Он способствовал раскрытию творческих способностей человека, укреплял его веру в себя. Однако в настоящее время прежний антропоцентризм исчерпал себя, стал помехой на пути преодоления экологических трудностей. В отношениях между человеком и природой, человеком и культурой возникли экологические проблемы. В этот период учеными формулируются основные законы, правила и принципы всех естественных наук, первые экологические проблемы, формируется система практических умений и навыков взаимодействия с природой, гуманное отношение к природе, осознанное поведение и деятельность в природе [1, с. 89–91].

Значимый вклад в вопрос формирования современной аксиосферы экологии внесли наши отечественные философы. Актуальность философского наследия русских космистов определяется аксиологическим экофильным характером их взглядов, обращенностью к человеку, свободе, творчеству. Они тесно связывали философию с человеческим существованием, поисками смысла жизни, с нравственным возвышением человека и мира, в котором он живет и который формирует его сознание, устремления и надежды. В это время закладывались глубина и системность экологических воззрений, экологических ценностей в культуре общества.

Важную роль в формировании аксиосферы экологии в современном культурном пространстве сыграла экологическая этика, которая является неотъемлемым элементом экологической культуры. Проблемами экологической этики занимались крупнейшие гуманисты XX века: А. Швейцер, Э. Ласло, О.Леопольд, Р. Аттфильд, Л. Уайт [1, с. 131–133].

Термин «экология» происходит от греческого слова «oikos» – дом, родина. Человек является на планете единственным живым существом, у которого два дома, две «родины» – породившая его природа и порожденный им самим огромный мир духовных, культурных ценностей. Поэтому в XX веке термин «экология» был распространен и на духовную сферу, и в настоящее время можно говорить об аксиосфере экологии в современном обществе, под которой мы понимаем интегральную систему ценностных отношений человека к миру природы. Она несет в себе многовековой опыт взаимодействия общества и природы, в котором представлена сложившаяся система регулятивов взаимодействия общества и природы. Структуру аксиосферы всегда определяет социокультурное пространство, поэтому она изменяется вместе с историческим временем. В современном глобализирующемся пространстве структура аксиосферы экологии может быть представлена в следующем виде (рис. 1).

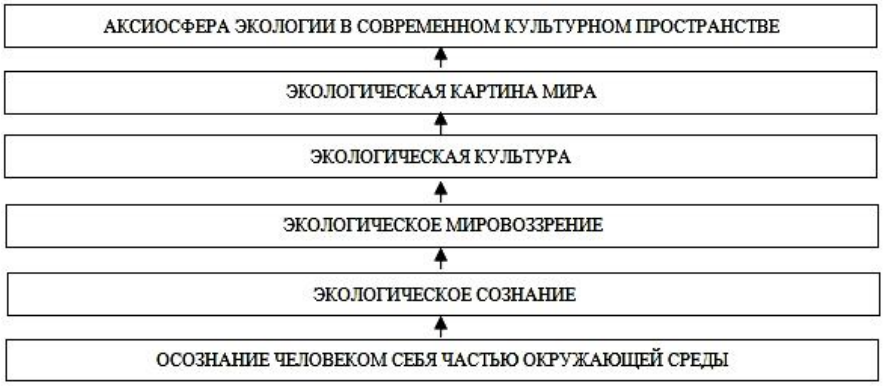


Рис. 1. Структура аксиосферы экологии

Ретроспективный анализ позволяет сделать следующие выводы: во-первых, процесс формирования аксиосферы экологии происходил на всех этапах исторического развития общества; во-вторых, аксиосферу экологии можно рассматривать как в онтологическом, так и в гносеологическом аспектах.

Онтологический аспект формирования аксиосферы экологии отражает объективный процесс взаимодействия общества и природы. Основные формы проявления и функционирования аксиосферы экологии в онтологическом плане – это потребности и интересы людей, общества, которые регулируют отношение людей к природе.

Гносеологический аспект рассмотрения аксиосферы экологии связан с познавательной, практической и оценивающей деятельностью людей по отношению к природной среде и природным ресурсам. С другой стороны, аксиосфера во многом определяет поведение общества и каждого индивида, является регулятором этого поведения. В гносеологическом аспекте заложен высший критерий постижения ценностей – практическая деятельность. Он показывает глубину усвоения ценностей природы социумом.

Таким образом, механизм образования ценностных ориентаций функционирует следующим образом: в ходе онтогенетического развития человек постепенно усваивает определенные ценности, становясь их носителем, а затем эти ценности находят свое отражение в практической деятельности, как отдельного социума, так и общества в целом. Следовательно, ведущим звеном в современной аксиосфере экологии является личность, так как от уровня сформированности системы ценностей у каждого человека зависит уровень сформированности аксиосферы в обществе.

На современном этапе развития общества сформированность аксиосферы экологии проявляется в накопившихся знаниях о ценностях природы и практической деятельности людей по отношению к окружающей природной среде. Поэтому в настоящее время необходимо расширять и укреплять аксиосферу экологии в двух основных направлениях, без которых невозможно ее существование и функционирование [1, с. 331–333]:

– создание новых ценностей в процессе познания окружающей природы и постоянного взаимодействия со всеми компонентами природы;

– передача культурного наследия от поколения к поколению.

Под культурными ценностями понимаются нравственные и эстетические идеалы, а также нормы экологического поведения человека.

Рассматривая формирование аксиосферы экологии на различных уровнях, можно выделить важнейшую составляющую этого процесса – усвоение ценностей, которое происходит в процессе образования индивида. Так, именно через образование совершается постоянная трансляция ценностей в культурном пространстве. Повсеместное включение в образовательный процесс ряда принципов позволит сформировать представления о включенности человека во все природные процессы на всех уровнях (локальном, региональном, глобальном). К этим принципам можно отнести:

1. Фундаментализацию. Она обеспечивает философско-методологические основы экологического знания (гео-, био-, социо-, антропосистем), т.е. получение базовых знаний как естественных, так и гуманитарных наук.

2. Преемственность экологического образования на всех ступенях обучения и на всех этапах жизнедеятельности человека, а также преемственность дисциплин естественнонаучного и гуманитарного цикла.

3. Комплексность. Изучение экологических проблем на глобальном, региональном, локальном уровнях и включенность в них человека.

4. Целостность представления о единстве оболочек Земли, их пространственно-временной дифференциации, диалектики взаимодействия природы и человека, отсутствие фрагментарности сознания у каждого индивида.

5. Междисциплинарность. Взаимосвязь с естественным, социальным и гуманитарным знанием, что позволит показать включенность человека во все процессы на всех уровнях.

Рис. 2. Механизм функционирования аксиосферы экологии в современном глобализирующемся культурном пространстве

К сожалению, в настоящее время не все принципы в полной мере реализуются в образовательном процессе. Это негативным образом сказывается на состоянии аксиосферы экологии. Поэтому чрезвычайно важно, чтобы аксиологическое пространство экологии в современных условиях глобализации было распространено в пределах всего глобального социокультурного пространства, т.е. на пространство всей земной цивилизации, так как развитие аксиосферы экологии имеет принципиальное значение для продолжения жизни на Земле. Таким образом, современная аксиосфера экологии – это системное образование, механизм функционирования которого включает в себя ряд компонентов, отраженных на рисунке 2.

Подводя итоги, необходимо отметить, что ядро аксиосферы экологии составляет система ценностей, сложившаяся в ходе истории развития взаимодействия цивилизации с окружающей природной средой. Миссия человека в современном обществе состоит в непрерывном сближении с природой, все более глубоком познании ее законов и внесении в природную стихию разумного сознательного начала. Поэтому процесс формирования аксиосферы экологии в обществе нельзя считать завершенным, он должен продолжаться с учетом всей истории ее формирования. Освоение аксиосферы экологии на глобальном уровне даст возможность каждому человеку принять участие в решении глобальных экологических проблем, позволит на базе аксиосферы экологии построить ноосферу для будущих поколений.

Библиографический список

1. *Выжлецов Г.П.* Аксиология культуры. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 1996. – 152 с.

2. *Каган М.С.* Философская теория ценности. – СПб.: ТОО ТК «Петрополис», 1996. – 416 с.

3. *Кирякова А.В.* Аксиология образования: фундаментальные исследования в педагогике. – М.: Дом педагогики, 2008. – 578 с.

4. *Токарев С.А.* Религия в истории народов мира. – М.: Политиздат, 1986. – 576 с.

5. *Шохин В.К.* Классическая философия ценностей: предыстория, проблемы, результаты // Альфа и Омега. – 1998. – №3. – С. 295–315.

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

УДК 783.6

Артемова Евгения Георгиевна
Московский городской педагогический университет
e_art@mail.ru

ДУХОВНО-МУЗЫКАЛЬНОЕ ТВОРЧЕСТВО А.А. КОПЫЛОВА

В статье впервые исследуется духовно-музыкальное творчество петербургского композитора А.А. Копылова. Автор анализирует его духовную музыку, как в контексте творческой деятельности композитора, так и в русле основных проблем Нового направления в русской духовной музыке рубежа XIX–XX веков.

Ключевые слова: *Копылов, духовная музыка, композиции, Новое направление, музыкальный язык.*

В духовно-музыкальной культуре рубежа XIX–XX столетий выделяется ряд имен композиторов, с которыми связано обновляющее движение в церковном пении того времени, вошедшее в историю как Новое направление. Благодаря исследованиям отечественных музыковедов среди них прочно укоренились имена ведущих московских композиторов – А.Д. Кастальский, А.А. Никольский, А.Т. Гречанинов, П.Г. Чесноков, С.В. Рахманинов. В их творчестве, связанном с деятельностью Московского Синодального училища, оформился так называемый «неорусский стиль», по определению Зверевой [4]. Однако неверно было бы исключать из поля зрения творчество петербургских композиторов этого периода, и, в частности, композиторов, служивших в Петербургской придворной певческой капелле – заведении, остававшемся на протяжении двух предшествовавших столетий законодательным центром церковно-музыкальной жизни в России. Именно в придворной капелле с отменой жесткой цензуры в 1883 г. возник первый импульс к обновлению стилевого направления русской церковной музыки. Он был задан творчеством и деятельностью М.А. Балакирева и Н.А. Римского-Корсакова, новых руководителей капеллы. Заступив на руководящие должности в 1884 г., они создали совместно с композиторами и учителями капеллы «образцовую» Всенощную, по определению священника В.М. Металлова, указав путь к обновлению в русской духовной музыке [6, с. 120]. В числе композиторов, принявших участие в написании этой Всенощной, был Александр Александрович Копылов (1854–1911) – одна из видных фигур в духовно-музыкальной культуре рубежа XIX–XX столетий. В свое время он приобрел известность не только как духовный композитор, но также как автор светских сочинений, скрипач и педагог.

Духовные сочинения составили значительную часть творчества Копылова. Уже до революции 1917 года вышло несколько десятков его хоровых песнопений, многие из которых принесли известность автору еще при жизни и были в дальнейшем востребованы в концертно-хоровой и клиросной практике. Однако творчество композитора до сегодняшнего дня не привлекло внимания исследователей. Информация о Копылове лишь фрагментарно содержится в некоторых источниках [1; 2; 3; 5; 7]. Целью данной статьи является попытка хотя бы частично восполнить этот пробел.

Биографические сведения о А.А. Копылове немногочисленны и опираются, главным образом, на данные из словаря Брокгауза и Ефрона, а также на некоторые свидетельства современников [1; 2; 7; 8].

В возрасте восьми лет Копылов поступил на обучение в Придворную певческую капеллу, воспитанником которой являлся с 1862 по 1872 год. В капелле он получил академическое образование: обучался игре на скрипке у М.Р. Кременецкого, фортепиано у И.О. Рыбасова, изучал теорию музыки у И.К. Гунке. Позднее он частным образом занимался композицией у А.К. Лядова и Н.А. Римского-Корсакова. После окончания капеллы Копылов преподавал в ней в течение 25 лет (1872–1897). Известно также, что он работал скрипачом в оркестре Александрийского театра, преподавал музыку в Павловском и Преображенском полках и церковное пение в Смольном институте.

А.А. Копылов был близок к Беляевскому кружку, участвовал как скрипач в квартетных собраниях «беляевских пятниц». Автор симфонии c-moll, симфонического скерцо A-dur, четырех струнных квартетов, высоко ценившихся современниками, фортепианного трио, пьес для струнного квартета на тему «B – la – f», посвященных Митрофану Беляеву, а также ряда фортепианных пьес (в том числе популярных четырнадцати музыкальных картинок из детской жизни ор. 52 и 53), хоров, романсов, Копылов наследовал в светской музыке черты, свойственные сочинениям его учителей: его произведения характеризуют лиричность и рафинированность фактуры. По оценке энциклопедии Брокгауза и Ефрона, «произведения Копылова, не отличаясь оригинальностью (влияния Чайковского, Бородина и других), красивы, закончены по форме, интересны в деталях и совершенны по фактуре» [8, с. 223]. Наиболее интересны его камерно-инструментальные сочинения и романсы. Светская музыка Копылова была достаточно востребована как в его время, так и в дальнейшем, неоднократно

© Артемова Е.Г., 2012

переиздавалась в советское время. Свойственные его светским сочинениям широкораспевный лиризм, уходящий корнями в народную песенность, пластичность и задушевность музыкальных тем, контрастность и динамичность развития – те качества музыкального языка, которые нашли место и в духовных песнопениях композитора. Вместе с тем в опусах на церковные тексты Копылова синтезированы традиции Петербургской капеллы разного времени и приемы, применяемые в церковной музыке современниками и соратниками по капелле.

Духовно-музыкальные композиции Копылова, общее число которых, в соответствии с изданиями П. Юргенсона, опубликованными при жизни композитора в 1901 году, составляет 53 опуса, представлены в большинстве своем сочинениями на духовные тексты, среди которых есть циклы Венчания и Литургии Св. Иоанна Златоуста. Среди его сочинений, учитывающих нужды современного клироса, наряду с песнопениями для смешанных хоров есть также сочинения для трио и однородных – мужских и женских хоров, а также варианты переложений сочинений для смешанного хора для более простых составов (женских и мужских голосов).

Основой его духовных сочинений является выразительная авторская мелодия, часто развивающаяся секвентно, логическая стройность формы с четко обозначенной кульминацией, склонность к динамическим и темповым эффектам, помеченным в авторских партитурах, и гармоническая выразительность, достигающаяся классическими тональными средствами (использованием септаккордов, альтераций, отклонений, задержаний).

Большинство духовных сочинений Копылова ориентировано на хоральный львовский стиль, характеризующий духовные композиции петербургских композиторов XIX века, но он более широко и смело использует красочные приемы классической тональности, отличающие его светскую музыку, а также обогащает хоральный склад фактуры терцовыми и секстовыми подголосками, а иногда и фрагментами имитаций. Таковы песнопения композитора «Под Твою милость» e-moll, «Ныне отпущаеши» g-moll, «Достойно есть» F-dur, «Свете тихий» a-moll, «Милость мира и Достойно есть» C-dur, «Тебе поем» g-moll, «Блажени яже избрал» c-moll, «Хвалите Господа с небес» B-dur, «Богородице Дево, радуйся» a-moll и многие другие.

В строгом по фактуре, хоральном «Ныне отпущаеши» g-moll, где двухчастная неповторная структура четко обозначена тональными средствами, а мелодическая линия апеллирует к церковной речитационно-распевной традиции, гармония играет выразительную направляющую роль, формируя подход к смысловой и динамической кульминации.

Песнопение «Единородный Сыне» C-dur (№ 4 из Литургии Св. Иоанна Златоуста) интересно гармоническим решением: на словах, повествующих о чудесном воплощении Господа, композитор уводит музыку в далекую бемольную сферу (Des), обозначенную тихим хоровым звучанием на *p*, за которым, на словах «Спрославляемый Отцу и Святому Духу, спаси нас», следует кульминационный возврат в основную тональность (C).

В «Достойно есть» F-dur, как и в «Милости мира» C-dur, в хоральное повествование внедряется имитационность, которой композитор начинает вторую часть песнопения. Введением тематической имитационности отмечено также песнопение «Утоли болезни» d-moll для соло баса с хором, где хор интонационно подхватывает запев баса, которым начинается каждая музыкальная строфа. А в «Хвалите Господа с небес» B-dur имитационно-фугированная вторая строфа составляет развивающую середину песнопения, крайние части которого написаны в хоральном складе.

Хоральная фактура заупокойного причастного стиха «Блажени, яже избрал» c-moll обогащается не только введением имитационных приемов, но также подголосков в народном духе и органных пунктов.

Одному из центральных песнопений Литургии Херувимской песни Копылов, как и многие композиторы рубежа XIX–XX веков, отдал особую дань – он создал на этот текст семь отдельных сочинений, а также Херувимскую в составе Литургии св. Иоанна Златоуста. Херувимские Копылова объединяет преобладающее мажорное слышание, повторность и ясность форм, выразительность мелодий и богатство фактурных решений. Каждая из двух больших частей этого песнопения, соответствующих канонической текстовой структуре, в большинстве Херувимских Копылова решена трехчастно по единому образцу. Первая часть «Иже херувимы» во всех сочинениях Копылова на этот текст имеет вариантно-репризное строфическое строение, отмеченное разнообразием трактовок фактурных решений. Например, интересно каждый раз новое применение имитационной подголосочности на выдержанных органных и исоновых тонах в Херувимской As-dur, или развитие второй строфы первой части Херувимской C-dur, образующееся за счет используемого здесь композитором вертикально-подвижного контрапункта. Вторые части Херувимских Копылова, отделяемые от первых коротким «Аминь» и исполняемые традиционно с темповым контрастом, в сочинениях Копылова представляют собой контрастную трехчастную форму, образующуюся за счет сопоставлений разнообразного тематизма и особых типов фактуры – имитационно-фугированного и хорового tutti.

Гармонический язык духовных сочинений Копылова имеет свои характерные особенности. Заметно преобладание определенных гармонических последований, отличающих его авторский почерк. К ним относится излюбленный прием отклонения

во вторую и четвертую ступени сразу после тоники, нередко сопровождающий начало музыкального повествования, а также сопоставление параллельных тоник. Кроме того, композитор отдает предпочтение гармоническим секвенциям как средству движения к кульминации.

Мелодика песнопений Копылова также не лишена индивидуального стилевого своеобразия. Она зачастую составляет основу выразительных и достаточно самостоятельных музыкальных тем, несущих печать авторской лирики и развивающихся в довольно широком диапазоне с определенной интонационно-смысловой вершиной, логическим окончанием. Примеры таких тем находим во многих сочинениях Копылова: Херувимская D-dur, «Единородный Сыне» C-dur, «Достойно есть» F-dur и другие.

Формообразование в духовных сочинениях Копылова, отражая в целом стихотворные особенности канонического текста, ориентировано на периодичность строения и ясность классических форм. Структурной основой его композиций нередко является не тексто-музыкальная строка, как принято в церковной традиции, а классический период, соответствующий строфам текста, но формирующийся по классическим законам музыкальной формы – с законченным по смыслу мелодическим рельефом и гармоническими каденциями.

Отдельную страницу духовно-музыкального творчества Копылова составляют его немногочисленные гармонические переложения древних распевов. В них композитор придерживается подхода к гармонизации, характерного для нового времени. Например, «Покаяния отверзи ми двери» знаменного распева представляет собой замечательный образец многоголосного раскрытия древней мелодии в лучших традициях Нового направления: мелодия распева, помещенная в верхний голос, развивается в неметризованном хоровом пространстве, обогащенном подголосками, интонационно с нею связанными; модальную основу песнопения составляет церковный звукоряд, а гармонические краски ограничиваются трезвучной «палитрой» без определенного ладового центра. Подобная же трезвучная «палитра» в качестве основы гармонизации наряду с переменной функциональностью отличает стихиру на литии «Преподобному Сергию». Несмотря на тактированную четырехдольность, в этом песнопении ощутимо свободное течение напева, распределяющегося между разными голосами. Композитор, чередуя в разных строках хоровое tutti с близкой распеву подголосочностью, приемами народного голосоведения (унисоны, запевы), создает динамичное живое дыхание хоровой «ткани».

Циклические сочинения на церковные тексты Копылова – Литургия Св. Иоанна Златоуста и Пение на венчании – это опусы полностью авторского сочинения, в которых композитор использует приемы объединения номеров, распространенные в светской музыке: интонационное единство, многовариантно проявляющееся в разных песнопениях, точная повторность музыкального содержания отдельных номеров (ектений), скрепляющая циклы словно невидимыми нитями, контраст типов мелодики (декламационность – речитативность – развернутый мелодизм) и метрического движения (двухдольность – трехдольность). В авторской мелодике, гармонической специфике духовных циклов Копылова заметно органическое усвоение церковной традиции композитором, отдавшим многие годы служению в Придворной певческой капелле и принявшим активное участие в составлении «образцового» Всенощного бдения. Их отличают мелодическая естественность, близкая природе церковных напевов, и техническая доступность, позволяющая исполнять эти циклы на клиросе. Вместе с тем эти музыкальные качества сочетаются с выразительностью мелодики и красочностью гармонии отдельных номеров, впоследствии переиздававшихся в разных сборниках песнопений и востребованных в концертной практике. К таким номерам относятся, например, развернутые песнопения Литургии: «Слава… Единородный Сыне», «Милость мира», Херувимская.

Духовно-музыкальное творчество А.А. Копылова в целом представляет одну из знаменательных страниц в петербургской панораме духовной музыки Серебряного века. Включенность композитора в практическую сторону церковной жизни, обучение и преподавание в капелле на протяжении более половины жизненного пути не прошли бесследно для его духовного творчества, в котором ощущается почвенность авторских интонаций, нередко восходящих к древнему песнетворчеству, а также органично воспринятые приемы народной песенности и капельской традиции. Увлеченность композитора светской музыкой и опыт сочинения в этой области привнесли в его духовные песнопения черты гармонии и формы, несущие печать влияния академической музыки.

Наследник петербургской традиции Придворной певческой капеллы, ученик Римского-Корсакова, усвоивший новые веяния в духовной композиции, Копылов оставил ряд замечательных образцов духовных песнопений, в которых авторский почерк отмечен сочетанием индивидуальной выразительности мелодического и гармонического содержания, стройностью и ясностью форм и глубинным усвоением русских церковно-певческих основ.

Библиографический список

1. *Баскин В.* Копылов А.А. (Некролог) // Исторический вестник. – 1911. – № 4. – С. 6–7.

2. *В-ва О.* А.А. Копылов (Дополнения к некрологу) // Русская музыкальная газета. – 1911. – № 15–16. – Стлб. 992–994.

3. *Гарднер И.А.* Богослужебное пение русской православной церкви. В 2-х тт. – Сергиев Посад: Московская духовная академия, 1998. –Т. II. – 640 с.

4. *Зверева С.Г.* Александр Кастальский. Идеи. Творчество. Судьба. – М.: Вузовская книга, 1999. – 240 с.

5. *Марков И.М.* Копылов А.А. // Музыкальная энциклопедия [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://enc-dic.com/enc_music/Kopylov-A-A-3637.html (дата обращения 15.11.2012).

6. *Металлов В.М.* Очерк истории православного церковного пения в России. – СПб., 1915. Репринт: Свято-Троицкая Сергиева лавра, 1995. – 196 с.

7. Некролог (без автора) // Русская музыкальная газета. – 1911. – № 7. – Стлб. 452–456.

8. Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона. – СПб.: Брокгауз-Ефрон, 1890–1907. – Т. 16. – 480 с.

УДК 008

Бубнихин Алексей Андреевич
Костромской государственный университет имени Н.А. Некрасова
rinaldo89@mail.ru

«НОВАЯ АТЛАНТИДА» ФРЭНСИСА БЭКОНА КАК ТЕКСТ КУЛЬТУРЫ В АСПЕКТЕ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

На основе понятия «текст культуры» автор анализирует произведение Ф. Бэкона «Новая Атлантида» в аспекте глобализации. Автор поясняет связь терминов «текст культуры» и «картина мира». В статье описываются два типа текстов культуры, их особенности, показывается взаимосвязь терминов «глобализация» и «текст культуры», объясняется значение символичности при рассмотрении текстов культуры.

Ключевые слова: *текст культуры, глобализация, картина мира, символ, динамический тип, статический тип.*

Ю.М. Лотман сопоставляет текст культуры с понятием «картины мира». Сущность и содержание текста культуры определяется его *универсальностью*. Подобно «картине мира», текст культуры затрагивает все аспекты ее существования.

Рассуждая о тексте культуры, следует дифференцировать два вопроса: *пространственную структуру* картины мира и *пространственные модели* как *метаязык* описания типов культуры. В первом случае пространственные характеристики принадлежат описываемому *объекту,* во втором – метаязыку описания. Между метаязыковыми структурами и структурой объекта существует отношение гомеоморфизма. С одной стороны, рассуждая о тексте культуры, мы, казалось бы, говорим только лишь о структуре и формах содержания, поскольку все, что относится к прочим планам выражения, было изъято во время преобразования реальных текстов к понятию текста культуры. С другой стороны, учитывая тот факт, что пространственная характеристика является неотъемлемым и в то же время достаточно условным компонентом всякой из сотворенных человеческой культурой картин мира, она превращается в тот уровень содержания универсальной культурной модели, который по отношению к другим выступает как план выражения.

В обозначенном аспекте в тексте культуры можно выделить два типа: статический и динамический.

Статический тип определяет то, как устроен мир. Метаязык в описании пространства текста культуры позволяет исследовать внутреннюю организацию модели мира (не только пространственной, но и социальной, религиозной, этической и др.) Поэтому включает аксиологическую иерархию структурных элементов в общей классификации на основе ориентированности пространства. Статический тип в тексте культуры воспроизводит схему конструкции мира, а пространственные признаки моделируют их оценку.

Динамический тип картины мира выявляет процесс преобразования ее структурных элементов на основе дискретности пространства в топологических понятиях непрерывности, соседства, границы и т.д., то есть мы имеем дело с текстами, характеризующими место, положение и деятельность человека в окружающем его мире. Поэтому актуальной становится информация, содержащая сведения о том, где, что, как именно происходило. Для описания таких ситуаций служат различные топографические указания, предметы, символы, описания [4, с. 386–392].

План выражения типологии текстов культуры усложняется, если предметом исследования являются интеллектуальные и художественные структуры. Благодаря знакам-символам их содержание и смысл будут всегда шире непосредственного значения слов. Символ не принадлежит какому-то одному культурному слою. Символ проходит сквозь культуру, из прошлого в будущее, сохраняя память о своих прежних значениях. Различные элементы культуры имеют различные временные периоды своего существования. Символы – хранители культуры, они вбирают в себя знания о ней, а затем проявляются в ее текстах.

В статье рассматривается текст культуры в аспекте глобализации. Глобализация характеризуется активным развитием массовой культуры; распространением средств телекоммуникации и информационных технологий; снижением национальных барьеров на пути торговли и инвестиций; увеличе-

 © Бубнихин А.А., 2012

нием денежных потоков и взаимозависимости финансовых рынков; формированием культурных ценностей единых для большинства стран и наций; редукцией культурной уникальности стран вовлеченных в глобализацию; созданием интернациональных организаций, которые в значительной степени воздействуют на социальную, экономическую и культурную составляющие человеческого социума [5, с. 130].

Глобализация – процесс, порожденный Новейшим временем, который, с нашей точки зрения, нашел отражение в понятиях «утопия» и «антиутопия», которые образуют текст культуры. Его история восходит к «Городу Солнца» Томмазо Кампанеллы, где описывается общество, в котором присутствуют элементы глобализационной культуры: всеобщее равенство, унификация человеческих ценностей, отношения мужчин и женщин с единственной целью продолжения рода. Здесь стоит отметить лишь нетипичное для глобализации упразднение в утопии Кампанеллы частной собственности. Современная глобализация утверждает не отсутствие частной собственности, но подразумевает ее схожесть, идентичность с собственностью прочих индивидуумов сообщества. Именно индивидуумов, а не индивидуальностей. Так, у Рэя Брэдбери в «461 градус по Фаренгейту» один из отрицательных героев, командир пожарных, говорит главному герою о том, что человек, читающий книги, возвышается над прочими и становится потенциально опасным для общества [1, с. 47].

«Утопии», по нашему мнению, являются текстом культуры глобализации. Они довольно точно отражают глобализационную картину мира, которой присущи унификация и массовость. Текст культуры глобализации раскрывает, как должен быть устроен мир. Глобализация является инструментом стирания культурных границ между различными текстами культуры, ведь она призвана снизить влияние культурных границ на жизнь социума. «Утопия» как синоним глобализации подразумевает единение культур на мировом уровне. Пример такого общества – «Новая Атлантида» Фрэнсиса Бэкона.

На острове Бенсалем принимают не каждого пришельца. Правительство острова опасается, что люди с материка могут передать тягу к разрушениям и государственным переворотам местному населению. Путешественникам разрешают посетить остров, объясняя это тем, что местное население в силу своей религиозности не может отказать в приюте братьям-христианам. Однажды жителям Бенсалема явился светящийся крест – символ, который в «Новой Атлантиде» отражает избранность Господом этого места. Здесь проявляется символичность текста культуры. Крест – символ христианской веры – связывает закрытое общество Бенсалема и народ материка. По определению Лотмана, «символ пронизывает время, расстояние».

На острове также есть особая группа людей, задача которой во время путешествий по миру состоит в сборе знаний, научных достижений различных стран и народов, чтобы затем использовать их на территории Бенсалема. Также эта группа информируют остров о событиях, происходящих в остальном мире. С одной стороны, мы наблюдаем некое подобие «железного занавеса», ведь покидать Бенсалем могут только люди этой профессии, с другой же стороны, видим явное стремление перенять достижения иных цивилизаций, что не столь типично для закрытых обществ. Общественная структура острова отличается от устройства общества в романе Кампанеллы, здесь высоко ценятся нравственные законы, потому, в частности, сожительство мужчины и женщины, не вступивших в брак, на Бенсалеме запрещено. Однако подобная жесткая постановка проблемы в интимном вопросе есть тоже своего рода стремление к уравниванию.

«Новая Атлантида» – текст культуры, в котором представлена своеобразная структура мира. Бэкон описывает нам быт жителей острова, их праздники, обычаи. В результате рождаются разные культурные пространства. Каждое из этих культурных пространств дается не в изоляции, а во внутренних взаимосвязях, которые формируют их иерархию. Общий смысл этого текста культуры – универсализация социума, его уподобление рационально продуманной схеме. В этом случае элементы глобализации неизбежны.

Статический тип текста культуры в «Новой Атлантиде» представлен государственным устройством острова Бенсалем. Островом управляют король и особый ученый орден, именуемый «Дом Соломона». Так он был назван по повелению одного из королей Бенсалема. Орден осуществляет научно-исследовательскую деятельность, плоды которой используются жителями острова. Есть внутри этой организации специальные представители, которые путешествуют по миру в поисках полезных для Бенсалема научных, культурных и прочих достижений из внешнего мира. Название «Дом Соломона» содержит игру слов: с одной стороны, мы видим отклик имени легендарного древнего царя Соломона (еще одно свидетельство глубокой религиозности жителей острова), с другой – имя царя, который основал орден – Соламона. Созвучие этих имен порождает и родство самих правителей. Имя Соломон означает «мирный», или «возлюбленный Богом» [3, с. 303]. Подобная этимология имени правителя подчеркивает совершенство и утопичность системы власти на острове. Соломон был знаменитым библейским царем, известным своей мудростью, богатством и талантом политика. Власть на Бенсалеме иерархична, вертикальна, но в тоже время она не угнетает интересы народа. Правление Соломона было выстроено подобным образом.

Однако в статику текста культуры острова Бенсалем вторгается динамика, которая обеспечивается появлением пришельцев. Потерявший курс корабль с главными героями прибывает в бухту незнакомого острова. У путешественников заканчиваются запасы пресной воды и провизии. В бухте их встречает шлюпка с жителями острова, которые предупреждают моряков, что приближаться к острову без разрешения запрещено. Тем не менее, островитяне готовы предоставить экипажу некоторое количество провизии и воды. Моряки хотят продать на острове свои товары, и в ответ на их просьбу прибывает посол. Он узнает, что экипаж судна состоит из христиан, и сообщает, что им будет позволено ступить на землю острова, если они принесут страшную клятву: «Если вы поклянетесь муками Спасителя, что вы не пираты, а также, что в течение последних сорока дней не пролили крови, будь то законным или незаконным образом, вам разрешено будет сойти на берег» [2, с. 487]. Клятва, которую произносит команда, свидетельствует о высокой нравственности, религиозности и миролюбии местного населения. Но качества эти выявляются благодаря вторжению динамики в статику текста культуры.

Таким образом, текст культуры включает в свою структуру и статику, и динамику. Тем не менее, «Новая Атлантида» все же больше статический текст культуры, ведь в нем отражается устройство примечательного общества. Динамические элементы служат, скорее, для выявления аксиологического аспекта статических элементов.

«Дом Соломона» – символ правящего в стране Ордена, название которого связано с христианской культурой. Бенсалем – утопия, полная символов. Символ – элемент текста культуры. Символы являются средоточением основных особенностей текста культуры. Символы культуры Бенсалема – крест, Дом Соломона.

«Дом Соломона» включает в себя различные группы ученых, мудрецов, у каждой из которых свои четкие задачи: одни изучают механические науки, другие разрабатывают новаторские опыты, третьи заносят результаты опытов в таблицы и, наконец, особая группа выводит на основе опытов законы бытия. Символично и число мудрецов в каждой из групп – их трое, а цифра три – священное в христианстве число. «Новая Атлантида» изобилует символами христианской веры, что является, по всей видимости, отражением религиозных убеждений автора.

Статика текста культуры в «Новой Атлантиде» отражается в отношениях короля и «Дома Соломона»: они взаимодействуют друг с другом как заданные изначально высшие органы управления. Социальное устройство острова имеет хорошо различимую организацию – высшая власть и народ острова. Повиновение законам и законопослушный образ жизни – отличительные черты бенсалемцев, они ненавидят преступность, пороки и прочие социальные бедствия, которые процветают на материке. На острове исповедуют христианство, однако вместе с исконно христианскими символами веры – херувимами, распятиями и образами, – в обрядах местного населения используется и солнце – солярный символ. Вероятно, здесь имеет место некая связь с мистической Атлантидой, о которой героям романа поведали местные жители. Христианская вера и языческие корни Атлантиды сосуществуют на территории острова, образуя его культурное пространство.

Динамика текста культуры в «Новой Атлантиде» проявляется в перемещениях героев, их знакомстве с жителями острова, их обычаями. Рассказ островитянина о светящемся кресте, который чудесным образом явился жителям Бенсалема, также элемент динамичности данного текста культуры. Посещение главными героями Праздника Семьи указывает на статический элемент, но учитывая участие в торжестве героев романа, этот эпизод также динамичен.

Текст культуры – явление, сочетающие в себе динамические и статические аспекты. Одновременно этот текст культуры содержит уже названные элементы глобализации, что позволяет видеть в тексте культуры утопии будущие черты современного общества. Текст культуры глобализации уникален ввиду того, что он не принадлежит какой-либо конкретной народности, а содержит в себе новую универсальную картину мира, единую для всего человечества.

Библиографический список

1. *Брэдбери Р.* О скитаниях вечных и о Земле. – М.: Правда, 1987.

2. *Бэкон Ф.* Новая Атлантида // Бэкон Ф. Сочинения. В 2-х т. – М.: Мысль, 1978.

3. *Вихлянцев В. П.* Библейский словарь. – М.: Сам Полиграфист, 2010. – 303 с.

4. *Лотман Ю. М.* Избранные статьи: В 3-х тт. Т. 1. – Таллин. 1992. – С. 386–392.

5. Новая философская энциклопедия. Под редакцией В.С. Степина. В 4-х тт. – М.: Мысль, 2001. – С. 130.

УДК 008

Демина Анастасия Владимировна
Астраханский государственный университет
anastasiya_demin@mail.ru

ДВИЖЕНИЕ ИСТОРИЧЕСКОЙ РЕКОНСТРУКЦИИ: ПУТИ И РЕШЕНИЯ

Движение исторической реконструкции – относительно молодой, но весьма интересный в исследовательском плане феномен. Реконструирование исторических событий и культурных процессов прошлого может помочь при решении многих культурных проблем современности.

Ключевые слова: *историческая реконструкция, движение, феномен, «живая история», культура, военно-историческая реконструкция, клуб.*

Находясь на стыке сразу нескольких областей научного знания (культурологии, истории, археологии, социологии), феномен исторической реконструкции заслуживает пристального исследовательского внимания.

Термин «реконструкция» (от лат. «reconstructio» – построение) означает переделку, коренную перестройку чего-либо, организацию по совершенно новым принципам» [9]. Словосочетание «историческая реконструкция» может употребляться в двух значениях. В первом случае речь идет о восстановлении внешнего вида и структуры заданного объекта, теоретическом или практическом моделировании. Подобная реконструкция основывается на работе с сохранившимися материалами (фрагменты, исторические источники об объекте) при помощи современных научных методов науки (компьютерное моделирование, воссоздание копий, археологический эксперимент). Во втором случае термин «историческая реконструкция» подразумевает деятельность, направленную на воссоздание различного рода исторических процессов, событий, объектов и пр. В данном исследовании в качестве основы используется второе значение термина.

В научных кругах понятие «историческая реконструкция» используется достаточно широко. Изучение данной проблемы нашло свое отражение в трудах многих отечественных философов, историков, культурологов. Назовем некоторых авторов и их труды: Коробейников А.В. «Историческая реконструкция по данным археологии», Каменский С.Ю. «Актуализация археологического наследия в современных социокультурных практиках», Глухарев И.В. «Движение военно-исторической реконструкции как социокультурный феномен» и др.

Движение исторической реконструкции – относительно молодое явление, включающее в себя множество направлений. Считается, что историческая реконструкция как вид деятельности и форма досуга родилась в России приблизительно 25 лет назад. Непосредственной предпосылкой для возникновения движения послужил фестиваль «День Бородино», стартовавший в 1989 году на месте сражения в память о событиях Отечественной войны 1812 года. Впоследствии данный фестиваль стал традицией, а ожившая история наполеоновского наступления послужила своего рода катализатором для возникновения и распространения военно-исторических клубов, специализирующихся на воссоздании военного прошлого [3].

На сегодняшний день в отечественной исторической реконструкции наблюдается два наиболее популярных направления: так называемая «живая история» и военно-историческая реконструкция.

«Живая история» – это формат исторической реконструкции, где главным условием является максимально полное и достоверное воссоздание образа жизни людей какой-либо местности в определенный исторический период. Обычно такого рода мероприятия проходят в форме фестивалей, приуроченных, например, к значимой исторической дате, или в виде «живых» музеев под открытым небом, функционирующих временно или на постоянной основе. Задача участников в данном случае – максимально погрузиться в заданное время, прожить его в соответствии с хронологическими характеристиками. Иными словами, все должно соответствовать эпохе, начиная с костюма и обмундирования и заканчивая, скажем, способом приготовления пищи. Так, например, электричество и современные средства связи в условном Средневековье попросту недопустимы. Подобный подход создает достаточно серьезный уровень проводимых мероприятий.

Направление «живой истории» весьма развито и за рубежом, где оно используется в качестве методик для изучения истории, а также как эффективное средство в культурном туризме. Однако западные мероприятия отличаются большей продолжительностью: в специально построенных, аутентичных комплексах каждый день кипит жизнь заданного периода. Получается своего рода живой музей под открытым небом. В качестве примера подобных музейных комплексов можно назвать «Старый город» в Дании (1550–1800 гг.) [11], Скансен в Швеции (город XIX века) [12].

Отечественная «живая история» пока находится в стадии становления. На сегодняшний день на территории нашей страны мы можем видеть развивающиеся музейные комплексы, с успехом применяющие элементы «живой истории». К примеру, в г. Кемерово функционирует центр археологи-

© Демина А.В., 2012

ческого моделирования «Томская писаница» [5], в г. Челябинске – музей-заповедник «Аркаим» [4].

Что касается второго направления движения исторической реконструкции, то можно с уверенностью сказать, что, по сравнению с форматом «живая история», военно-историческое моделирование представляет собой более развитую и популярную деятельность в России. Военно-историческая реконструкция – это, преимущественно, досуговая деятельность, вид хобби, направленный на воссоздание военного прошлого в отечественной и мировой истории (оружие, доспехи, система ведения боя, памятные битвы и пр.).

Основным способом проявления данного направления являются турниры, а также так называемые бугурты (массовые полевые сражения). Среди наиболее популярных эпох военно-исторической реконструкции можно выделить период античности, Средние века, Новое время и мировые войны [6]. Интересно заметить, что самым популярным антуражем на военно-исторических фестивалях является именно средневековая эпоха.

Отечественное реконструкторское движение часто считают синонимичным ролевому. Существует точка зрения, согласно которой военные реконструкторы являются частью ролевой субкультуры [7, с. 15]. Подобное мнение отчасти оправдано. Впечатление тождественности данных явлений возникает в силу разного рода причин, среди которых основными являются, следующие:

– внешнее сходство представителей субкультуры, ролевиков и реконструкторов (костюм, доспехи, амуниция, стиль поведения и пр.)

– общая история, начало которой кроется в 90-х годах прошлого века. Заметим, что широкое распространение ролевого движения в данный период времени почти полностью поглотило и частично абсорбировало военно-исторические клубы [1].

Среди исследователей распространено мнение, согласно которому движение военно-исторической реконструкции послужило в свое время прообразом, точнее, необходимым фундаментом для развития современных ролевых игр живого действия (RPG) [7, с. 16]. В отличие от ролевого сообщества, военная реконструкция не оформилась как субкультура, несмотря на имеющиеся предпосылки к этому, а именно: историческая реконструкция как база, наличие определенных музыкальных стилей (фолк, бардовские баллады), имиджевые аксессуары исторической направленности (кольца, амулеты и пр.). Вместе с тем, историческая реконструкция, в целом, зачастую не подразумевает наличия у реконструктора какого-либо специфического мировоззрения, политических взглядов и т.п. Интересно заметить, что подобная индифферентность в ряде случаев специально подчеркивается. Так, к примеру, данное обстоятельство актуально для реконструкторов, воссоздающих исторические неоднозначные события (войска Вермахта).

Несмотря на отсутствие статуса субкультуры, военно-историческая реконструкция – отнюдь не хаотичное движение. Напротив, участникам свойственно объединяться в различного рода организации. Обычно это военно-исторические клубы (ВИК). Подобные объединения обязательно располагают собственным помещением для тренировок, хранения костюмов и обмундирования. Часто на территории клуба работают оружейные мастерские (например, на базе астраханского военно-исторического клуба «Половецкая степь» действует ООО «Керн»). Средний клуб обычно насчитывает 10–30 человек. Крупные организации нередко открывают филиалы в других регионах. Внутри военно-исторических клубов почти всегда существует иерархическая лестница, обычно аналогичная «профильному» для клуба периоду реконструкции (структура славянской дружины, походного полка армии Наполеона Бонапарта и т.п.). В большинстве случаев иерархическая структура легко угадывается в названии организации («Дружина Крепость» в Туле, «Паладин» в Москве, «Половецкая степь» в Астрахани). Членам каждого клуба присущи отличительные признаки, помогающие идентифицировать «своих» на крупных фестивалях (щиты определенного цвета и геральдического рисунка, фасон костюма, нашивки и т.д.).

Помимо участия в реконструкторских фестивалях и турнирах, военно-исторические клубы организуют собственные закрытые мероприятия, воссоздающие локальные события (например, средневековые пиры и ренессансные балы). Также членов военно-исторических клубов часто приглашают для участия в различных тематических презентациях, для съемок художественных и документальных кинолент (историческая картина «Александр. Невская битва», фэнтези-мюзикл «Дорога без возврата»).

В отличие от России, историческая реконструкция за рубежом (прежде всего на Западе) насчитывает около полувека своей истории. Уже первый американский реконструкторский фестиваль «Ярмарка Ренессанса» (“Renaissance Fair”, 1963 г.) собрал около 8000 зрителей [8]. По сравнению с отечественным Западное реконструкторское движение имеет более «мирную» ориентацию. Военная тематика за границей – лишь часть, элемент исторической реконструкции.

Иностранное движение исторической реконструкции условно можно разделить на два направления: воссоздание истории (historical reenactment) и творческую реконструкцию (creative history). В свою очередь, воссоздание истории также можно дифференцировать на более узкие составляющие: живую историю (living history) и военную реконструкцию (combat reenactment).

Таким образом, военная тематика в западном реконструкторском движении является отнюдь не

определяющей. Более полное воссоздание быта заданной эпохи мыслится для западных организаторов основополагающей задачей при подготовке мероприятий. Однако мирная направленность зарубежного движения не означает, что военно-историческая составляющая вовсе не развита. В частности, среди фестивалей, реконструирующих военное прошлое, самым известным, пожалуй, является «Битва при Гастингсе» ("Battle of Hastings"). Его устроитель, Комитет по английскому историческому наследию (English Heritage), является официальным владельцем аббатства города Бэттл, где и произошла в 1066 году знаменитая битва англичан с агрессорами-нормандцами [10].

Одним из старейших военно-исторических организаций за границей является «Средневековое военное сообщество» (Medieval Combat Society), основанное в 1970 году. Данный клуб ориентирован на воссоздание турниров времен Эдуарда IV Черного Принца. Члены общества иерархически делятся на рыцарей и сквайров (оруженосцев), причем последние участвуют только в заранее отрепетированных боях. Лишь спустя несколько лет тренировок сквайры становятся полноценными рыцарями и допускаются к настоящим турнирам [13].

С «воссозданием истории» вполне может поспорить другая ветвь в области западной реконструкции, так называемая «творческая реконструкция» (creative history). Данное направление характеризуется, в первую очередь, более мягкими требованиями, например, к костюмам и образам участников. Однако при этом сохраняется достаточно высокий сознательный уровень, стремление соответствовать историческим аналогам. Самыми популярными организациями «творческой реконструкции» являются «Общество творческих анахронизмов» (Society for Creative Anachronism, с 1966 г., США) и «Ярмарка Ренессанса» (Renaissance Fair, с 1963 г., США).

Как уже отмечалось, отечественная реконструкция более милитаризирована. Фестиваль является главной формой проведения мероприятий такого рода и, зачастую, преследует кратковременные цели, например, привлечение внимания, как к самим воинским искусствам, так и к реконструируемой эпохе в целом.

Большинство отечественных военно-исторических клубов воссоздают эпоху в целом, участвуя в различных точечных турнирах и мероприятиях, приуроченных, например, к определенной дате (вспомним традицию воссоздания Бородинского сражения). Однако встречаются и такие организации, которые со временем наработали серьезную базу и стали своего рода центрами сохранения исторического и культурного наследия России. Пожалуй, самым впечатляющим примером является ежегодный фестиваль «Куликово поле» (Тульская область), в котором принимают участие военно-исторические клубы из России и ближнего зарубежья. В память о значимой дате, 8 сентября 1380 г., на поле Куликовской битвы оживает канувшее в лету сражение, реконструируются его различные этапы. Атмосфера XIV века на фестивале охватывает историческое фехтование, конкурсы исторической кухни, костюма и пр. Данный фестиваль является частью программы федерального учреждения культуры Государственного военно-исторического и природного музея-заповедника «Куликово поле», созданного в октябре 1996 года. Музей имеет достаточно высокий статус, так как был учрежден на основании закона РФ «О днях воинской славы (победных днях) России Постановлением Правительства РФ [2].

Безусловно, историческая реконструкция как феномен современной культуры перспективен и многогранен в научном плане, поскольку представляет собой широкое и пока малоизученное поле для исследования. Кроме академического интереса движение исторической реконструкции как явление может проявляться и «работать» в различных сферах современной культуры. Например, элементы исторической реконструкции при грамотном подходе успешно используются для развития туризма, для привлечения дополнительных доходов в отрасль. Получив наиболее широкое распространение в сфере досуга, движение исторической реконструкции довольно эффективно реализует релаксационную и компенсаторную функции культуры. В научной среде данный феномен используется, в основном, как метод исследования (исторический эксперимент), а в области музееведения – как инновационная методика работы («живые музеи»). Важно отметить, что движение исторической реконструкции может также помочь в решении глобальных культурных проблем, к примеру, проблемы сохранения культурного и исторического наследия. В данной области реконструкторская деятельность может послужить действенным способом «оживления» исторической памяти, консервации культурных наработок, а также средством для привлечения внимания к решению самой задачи сохранения культурного наследия со стороны административных органов и структур власти.

Библиографический список

1. *Глухарев И.В.* Движение военно-исторической реконструкции как социокультурный феномен: Автореф. дис. … канд. культурологии [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.dissercat.com/content/dvizhenie-voenno-istoricheskoi-rekonstruktsii-kak-sotsiokulturnyi-fenomen

2. Государственный военно-исторический и природный музей-заповедник «Куликово поле» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.museum.ru/M603

3. Движение любителей исторической реконструкции [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://altruism.ru/sengine.cgi/13/41/11

4. Историко-культурный заповедник областного значения «Аркаим» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.arkaim-center.ru

5. Историко-культурный и природный музей-заповедник «Томская писаница» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.gukmztp.ru.

6. История движения военно-исторической реконструкции [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://imha.ru/index.php#

7. *Куприянов Б.В., Подобин А.Е.* Очерки общественной педагогики: ролевое движение в России. – Кострома, 2003.

8. *Требунский А.* Историческая реконструкция и фехтование. Часть II: За рубежом [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://ludology.ru/reenactment2

9. *Ушаков Д.Н.* Большой толковый словарь современного русского языка (online версия) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.classes.ru/all-russian/russian-dictionary-Ushakov-term-64654.htm

10. Battle of Hastings [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.english-heritage.org.uk/daysout/properties/1066-battle-of-hastings-abbey-and-battlefield/

11. Den Gamle By Open-Air Museum. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.dengamleby.dk/

12. Skansen. The world's oldest open-air museum [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.skansen.se/index.html].

13. The Medieval Combat Society [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.themcs.org

УДК 008

Едошина Ирина Анатольевна
доктор культурологии, профессор
Костромской государственный университет им. Н.А. Некрасова
entelehia@ksu.edu.ru

«GENIUS LOCI» КАК ТЕКСТ КУЛЬТУРЫ

В статье термин «genius loci» получает культурологическое осмысление, структурируется, иллюстрируется примерами функционирования в тексте культуры. Специальное внимание уделяется художественному аспекту в содержании представляемого термина.

Ключевые слова: *genius loci, текст культуры, функции, структура, художественный дискурс.*

Genium dicebant antiqui naturalem deum
iniuscuiusque loci vel rei aut hominis.
Servius[1]

«Genius loci» – «гений места» – является устойчивым выражением, сложившимся в древнеримской культуре, где оно понималось как «дух местности» [3, с. 453], «отдельные области своих гениев» [14, с. 127], или, по Сервиусу, «гений места» есть природный (читай: данный, изначально присущий), а потому содержащий самый смысл любого феномена предметного мира, этим «гением» одухотворяемый.

Как видно из приведенных определений, выражение «гений места» одновременно развернуто как на указание, что данное место обладает собственным, оригинальным гением, который, по-видимому, способен передаваться некоторым творческим личностям, о чем наглядно свидетельствует история культуры, так и на самую личность, гений которой экстраполируется на данную местность. Хотя, конечно, такого рода дифференциация носит сугубо гипотетический характер, поскольку реально разделить эти значения чрезвычайно трудно. «Гений места» – это его дух, его дар, его покровительство. Все эти определения по своей сути метафизически окрашены и столь же метафизически определяют художественный дискурс. В то же время «гений места» не есть некая «локальная культура». Данное понятие много глубже, онтологичнее. «Гений места» порождает и притягивает художественное сознание, способствуя формированию особого дискурса. Чтобы точнее определить, какого рода дискурс имеется в виду, необходимо обозначить некоторые аспекты данного понятия.

Вслед за А.Ж. Греймасом и Ж. Курте в дискурсе следует подчеркнуть *специфический* способ его организации, который целиком ими относится к области речевой деятельности. Как мне представляется, можно было бы расширить это определение, добавив, что специфической организацией обладает *всякий* текст, если понимать текст как безграничный, бесконечный мир. В частности, Ж. Деррида, размышляя о тексте, в работе «Письмо и различие» (1967) указывает на его игровое начало, которое во многом исходит из структуры (структурированности) текста, понимаемого как «невозможная возможность» в силу того, что текст *уже создан*. В качестве примера Деррида приводит отрывок из письма С. Малларме П. Верлену от 11 ноября 1885 года: «Я пойду еще дальше, сказав: просто Книга, будучи убежденным, что существует одна единственная

© Едошина И.А., 2012

Книга, которую пытается, не зная того, написать любой, кто пишет, даже Гении» [4, с. 18]. Далее Деррида пропускает важное, с моей точки зрения, пояснение Малларме: «Орфическое истолкование Земли – в нем состоит единственный долг поэта, ибо тогда сам ритм жизни, живой и безличный, накладывается, вплоть до нумерации страниц, на формулу этой мечты…» [10, с. 411].

Таким образом, единый Текст (читай: Библия) наполняется не отвлеченным, а реальным и одновременно мистическим содержанием, близким орфической поэзии: «…всего ты (Афродита. – *И.Е.*) исток, что являет нам Космос бездонный» [11, с. 70][2]. В контексте единого Текста рождается дискурс, изначально понимаемый как игра с этим Текстом, ибо, следуя формулам аккадского эпоса «Энума элиш…», все уже создано, названо и отмечено судьбой.

Само слово «дискурс» в значении «рассуждение, довод, аргумент» стало использоваться за пределами древнеримской культуры и, как отмечает В.В. Бычков, присутствует в постмодернистской парадигматике для обозначения не только особой организации текста, но и его прочтения [9, с. 163]. Он обращает внимание на исходное значение слова «dicьrsus» – «бестолковая круговерть» – и считает, что «антитетическая полисемия становится нормой мышления и вербального выражения» в постмодернистских текстах [9, с. 163]. Добавлю, и не только постмодернистских, а текста культуры в целом. Такого рода расширение значения допускает само слово «дискурс», которое в латинском языке указывает на некую хаотичность, неорганизованность, беспрерывное мелькание[3]. Иными словами, в ткань дискурса непременно включается нечто, что разрушает причинно-следственную нарацию и одновременно расширяет само пространство текста, который стремится обрести черты различенной целостности. Чтение и понимание такого текста требует аналогичного инструментария, каковым в данном случае может быть назван «гений места».

«Гений места» как текст культуры содержит явленное и скрытое, феноменальное и ноуменальное не просто в их взаимообусловленности, но указывает на невозможность бытия вне «духа» конкретной топики. Вот это сочетание предельно конкретного (местности) и предельно абстрактного (духа) создают особое пространство текста, рожденное «гением места». По этой причине и художественный дискурс, в контексте которого выявляется «гений места», обладает собственными характеристиками. Важную функцию в создании художественного дискурса конца XIX–XX веков играет отталкивание, притяжение, интерпретация образцов классического или модернистского искусства. Потому интертекстуальность становится специфическим, особым признаком нового искусства в целом, а не только его постмодернистской парадигмы.

Таким образом, «гений места» способствует рождению художественного сознания, в формах которого само себя осуществляет в амбивалентной развернутости реального и мыслимого.

В этом аспекте «гением места» обладают, например, Баварская земля и ее центр – Мюнхен. В разные культурно-исторические эпохи «гений места» являлся в разных обличьях. Так, во время Реформации именно Бавария оставалась духовным «островком» католицизма в Германии этого времени [8, с. 134]. В середине XIX века благодаря усилиям Максимилиана Второго в Мюнхене проводились поэтические «симпозиумы» (Э. Гейбель, П. Гейзе, Ф. Боденштедт, А.Ф. фон Шак и др.), которые культивировали идеал благородного, возвышенного слога, актуализировали эстетическое начало в искусстве, уделяя особое место форме (и это в то время, когда для большей части германской литературы было присуще ярко выраженное обличение общественных нравов: Г. Гейне, Г. Веерт, Г. Келлер и др.) [6]. Во второй половине XIX века Людвиг Второй украшает Баварскую землю редкими по красоте замками и дворцами, специально для Р. Вагнера строит в Байройте театр, где в 1876 году впервые исполняется тетралогия «Кольцо Нибелунга», где, приезжая в Байройт на спектакли, музыку Вагнера будет слушать Ф. Ницше [20, s. 45–53][4].

В конце XIX века Мюнхен становится подлинным художественным центром благодаря приехавшим художникам: венгру Ш. Холлоши и словаку А. Ажбе. Может быть, они не были великими художниками, но именно в Мюнхене оба стали великими педагогами, у которых обучался почти весь цвет будущего европейского и русского авангарда. К ним ехали специально из разных уголков мира те, кто хотел познать основы нового искусства [1, с. 4–7]. На улицах Мюнхена Дж. де Кирико впервые увидел столь характерные для его будущих картин тени [18, s. 8], а в окрестностях Мюнхена, в Мурнау, пораженные голубизной пейзажа и подстекольной техникой церковных витражей, В. Кандинский и Ф. Марк создадут группу «Der Blaue Reiter» («Синий всадник») и в 1912 году выпустят альманах с одноименным названием, где абстракционизм впервые заявит о себе, а затем будет назван Кандинским высшим проявлением духовности в искусстве [13, с. 12–16]. Как замечает А. Хоберг, художники группы «Синий всадник» стремились облечь в форму «дух» искусства [16, с. 10].

Таковы наиболее яркие проявления «гения места» Баварии и Мюнхена на протяжении нескольких столетий, особенно явственно обозначившиеся на рубеже XX–XX веков. Спецификой творимого «гением места» текста, в первую очередь художественной культуры, следует назвать антиномичность, которая, в частности, запечатлелась в том, что творцами художественного дискурса оказались иностранцы. Попав в пространство «гения места»,

они смогли реализовать свои творческие устремления благодаря сопряжению с этим пространством в его амбивалентности.

Так, Василий Розанов во время своей второй поездки по Германии в 1910 году оказался в Мюнхене. Город поразил воображение писателя тем, что «весь зарос искусством» [12, с. 529]. В этом образном определении Розанова явственно проступают контуры «гения места»: «зарасти» искусством можно только при условии, если подобное «зарастание» является органичным, присущим данному месту, если сквозь «зарастание» проступают контуры духовных оснований бытия. А следом Розанов (в силу присущей ему проницательности) подмечает: «…название, каким назвал его (Мюнхен. – *И.Е.*) свет и он сам называет себя: “германские Афины”, в сущности, вовсе не идет к нему. Он построил Пропилеи: но это – *копия* (курсив в цитате везде принадлежит Розанову. – *И.Е.*); перенес Лоджия к себе, ничего к ним *не придумав.* Пинакотека наполнена вековою живописью всех стран: но в нем германская живопись занимает едва заметный уголок, а баварская – почти никакого. Тогда как Афины украсились тем, что *сотворили сами*» [12, с. 529–530]. Из розановских размышлений вытекает, что Мюнхен «зарос» *чужим* искусством и что эта особенность явно осмысляется писателем как нечто негативное. Между тем, ничего негативного в подобном «присвоении» *другого,* если исходить из предложенного понимания «гения места», не существует, поскольку важен самый факт *при*-своения, *при*-соединения того, что родственно по сути, – выявлять само себя в художественном дискурсе единого текста мировой культуры, и Розанов чутко подмечает эту специфику «гения места», трактуя ее по-своему.

Бродя по залам Максимилианеума среди произведений всех времен и народов, Розанов поражается, узнав, что здание это воздвигнуто «для раздачи наград студентам всех высших учебных заведений города и есть только “актовый зал” Баварского королевства!..» [12, с. 531]. Иными словами, роскошное здание поставлено не в честь коронованных особ, а с целью, казалось бы, сугубо утилитарной: награждение студентов. Для реализации этой цели стоило ли воздвигать целый храм искусств (тут Розанов, скорее всего, исходит из российского опыта)? Но «гений места» Мюнхена требует своего воплощения во всем, ибо неявственно во всем присутствует, подобно духу, который, как известно, веет, где хочет. Вот почему «бесчисленные музеи» и «бескорыстные постройки» (определения Розанова) появляются в Мюнхене, создавая особый художественный дискурс его бытия.

Этот дискурс в его духовной составляющей наглядно являют мюнхенские церкви: «Нигде я не видел так переполненных храмов, как в Мюнхене: они огромные, а нет места на скамеечке присесть. И лица молящихся одушевленны, серьезны. Многотысячная толпа слушает проповедь, одушевленную и голосом на всю церковь, францисканца, подпоясанного веревкой. <…> Здесь наблюдаешь конкретный католицизм в его необозримом изгибе, на одном конце которого стоит Тилли и ужасы, война и гроза, а на другом… античные нимфы, восторг к “храму Афродиты в Тиволи” и “Мадонна”, начать молиться которой никогда не могло бы прийти на ум русскому человеку. От небесной грозы до подземного смеха, католицизм включил в себя необозримую гамму чувств, ощущений, мыслей, раскаяний и греха и расцветился всею ею, как брызгами разбитой радуги» [12, с. 535].

Искусство и вера – две сущностные характеристики «гения места» Мюнхена, которые находятся в сложных антиномических, изменчивых отношениях. Их изменчивость провоцируется кажущимся несовпадением формы и содержания, создавая особое игровое пространство, где целью игры является постижение содержательности самой формы, неважно, в искусстве или в жизни, поскольку вместе они суть все тот же единый текст бытия.

Своеобразным ключом к пониманию смысла этой игры может быть назван розановский «мюнхенский монашенок»: «Растопырив широко руки, расставив ноги, красивый мальчишка, с лукаво и ласково улыбающимся ртом и хорошенькими щечками полудевочки, полумальчика, одет в “глубокий траур” католического монаха, со стихарем на груди… Куколь-башлык закутывает его головку, – совершенно как на портретах Саванароллы. Но не распятие он держит, как грозный обличитель Флоренции и Медичисов: в поднятой правой руке его пенящаяся кружка пива, а в левой – пучок вкусных редисок… Есть и вариант: пальцы правой руки сложены в “священное благословение”, а в левой – Евангелие… Это – мюнхенский Купидон. В то же время – исторический герб города. С изумлением раз я увидел этого же “треклятого монашенка” в церкви, в самом алтаре: те же расставленные ноги, раскинутые в сторону ручонки… И пиво, и редиска…» [12, с. 526].

Конечно, эти наблюдения окрашены сугубо розановским отношением к русской церкви, в содержательных формах которой он искал и не находил «отепленности» жизнью, но здесь речь идет об ином смысле. Розанову удалось подметить самую суть «гения места», способного одухотворить собою мир и явить себя в игровой антиномичной форме, в данном случае – «мюнхенского монашенка». В его духовно-художественном дискурсе антиномии не разъединяют, а, наоборот, соединяют «несовместимые контрасты жития» (Розанов). Более того, лишь в подобном соединении проявляется подлинный смысл Текста, онтологическое содержание его бытийствования, о чем наглядно свидетельствуют, например, личность и творчество Антона Ажбе.

Несовпадение в Ажбе внешности и самой личности было поразительным. И.Э. Грабарь, учившийся у художника, оставил свое первое впечатление об Ажбе: «Среди них был маленький горбатый человечек в мягкой широкополой шляпе желто-оливкового цвета, в легком пальто такого же цвета, накинутом на плечи, в сером летнем костюме. Из-под шляпы у него выбивались желто-рыжие волосы, под мясистым носом, с врезавшимися с боков пенсне, торчали во все стороны огромные пышные усы, а бородка была заострена. <…> Ему было лет под сорок. В левой руке он держал длинную тонкую сигару с соломинкой… правой опирался на палку и что-то со смехом рассказывал окружающим, размахивая сигарой» [2, с. 112]. Судя по этому описанию, Ажбе являл собой образ настоящего художника эпохи европейского «fin de siècle»: эстет до мозга костей. По замечанию М.В. Добужинского, «сам он настоящий сноб» [5, с. 149]. Об этом же свидетельствует и «Автопортрет» (1886): бледное, с тонкими чертами лицо художника, его выразительная рука с длинными пальцами словно проступают из окружающей фигуру плотной, почти кромешной темноты. Кажется, что лицо и рука освещены каким-то внутренним светом, исходящим из глубины его «я», и овеяны глубокой грустью. Таким он видел себя сам. Тем разительней был контраст внутренней изысканности художника, которая, как в зеркале, отражалась в одежде, в длинной сигаре, с реальным непропорциональным, словно изломанным телом. По сравнению с ним голова казалась устрашающе огромной: «почти гном с большой головой» [5, с. 148].

С другой стороны, внешность художника заставляет вспомнить о декадансе, этой характерной черте культуры «конца века», в которой со всей отчетливостью запечатлелось острое ощущение маргинальности жизни, с ее вечным колебанием между жизнью и смертью, прекрасным и безобразным, сном и явью. Обычно о декадансе принято говорить как о культуре упадка, хотя такое определение не исчерпывает всей сущности данного феномена. Скорее, его параметры располагаются *в движении* с самой высокой точки к самой нижней, и тогда декаданс есть попытка художественного сознания *со*-единить их. Мне думается, смысл этой попытки вполне сопоставим со знаменитым «кувырком» из «Божественной Комедии» Данте, где Ад есть *другая, иная*, но все же сторона Рая. Они объединены в единое целое, не могущее существовать в отдельности своих противоположных ипостасей. Так и в Ажбе его художественная, утонченная личность была помещена в чудовищную форму. Это, конечно, никоим образом не означает, что таково идеальное состояние всякой творческой личности. Но, безусловно, является свидетельством *теневой* стороны творчества, той самой, которая заставила Гейне заметить, что перо гения всегда выше самого гения. В случае с Ажбе существенную роль сыграл «гений места», способствовавший его становлению в качестве гениального педагога. Хотя, наверное, он таковым не состоялся, если бы интуитивно не ощутил веяния нового искусства. Его художественная интуиция (а он и в творчестве был художником сугубо интуитивным, потому многие работы остались незаконченными, в них только в абрисной форме угадывался замысел) в полной мере раскрылась именно в Мюнхене под сенью «гения места» баварской столицы.

Художественный дискурс Ажбе обладает той степенью реалистического постижения мира, который ни в коей мере не соотносим с реализмом в его классических (иллюзорных) формах. Художник не пытается копировать мир, что, в конечном счете, всегда обречено на неудачу, ибо мир богаче любой, даже самой хорошей копии. Пространство его картин обладает глубиной, но эта глубина цветовых соотношений, а не проекций и конструкций. Менее всего глубина в его интерпретации претендует на создание иллюзии реальности, которая базируется на прямой перспективе. Как правило, воздушная перспектива его картин не удаляет, а приближает к зрителю изображение.

Так, в картине «Полуобнаженная – женский полуакт» (1888) мы видим сидящую героиню. Ее согнутая фигура лишена мышечного напряжения, руки безвольно и устало лежат на коленях, лицо будто специально отвернуто от зрителя, которому дано созерцать только равнодушный профиль. Холодность и отстраненность человеческой фигуры подчеркивается светящимся, обнаженным по пояс телом. Этот ровный свет словно «оживает», соприкасаясь с фоном: его неровная поверхность начинает вихриться, и сквозь «вихрения» явственно проступает иное пространство, напоминающее древний хаос с его бесформенностью и одновременно готовностью к рождению. В таком фоновом контексте женская фигура кажется первым порождением хаоса, неясным в своей оформленности, но обладающим сущностным смыслом. Становится понятным онтологизм второй части в названии картины – «женский полуакт»: суть заключается не только в том, что перед нами не полностью обнаженная фигура, но еще и в том, что эта фигура олицетворяет саму «женскость» в ее вечной феноменальной незавершенности. Контраст светлой фигуры и темной одежды придают этой незавершенности драматический оттенок.

Как тонкий художник, Ажбе остро ощущал драматизм человеческого существования и запечатлевал его в своих работах. «Гений места» – понятие все-таки умозрительное, онтологичное. Творческая личность, скорее всего, ощущает свою метафизическую связь с ним, тем трагичнее острое понимание невозможности осуществления полноты этой связи в реальности. Игровое пространство художественного дискурса есть способ забвения художни-

ка с помощью проникновения в «невозможность возможного».

В картине «Баварец» («Старик в красном галстуке», до 1889) художник пишет мужской погрудный портрет. Человек почти сливается с фоном, колорит которого словно передается его волосам и одежде. Свет падает на лицо сбоку и сверху, неравномерно освещая его черты, подчеркивая резко обозначенные морщины, плотно сжатый рот, тонкий длинный нос, и словно «застревает» маленькими точками в глазах. Но суровый аскетизм лица неожиданно словно «снимается» красным пятном галстука. Почти пульсирующий красный цвет говорит о другой стороне его жизни, заставляя вспомнить розановского «мюнхенского монашенка». Эта *другая* сторона явно свидетельствует, что герою ведомы страсти, которые всего лишь скрыты возрастом и ситуацией, что его лицо есть своеобразная *маска*, надетая, как и костюм, к случаю. Но это такая маска, снять которую он уже не в силах, и остается только воспоминание о былой жизни, данное в образе красного пятна галстука.

Это впечатление еще больше усиливает оборотная сторона картины, где художником написано: «Старик в черном галстуке» (после 1890). Исследователь творчества Ажбе М. Тршар сравнивает эту работу художника с портретом Ф. Шопена кисти Э. Делакруа. Однако, на мой взгляд, это чисто внешнее сходство в расположении фигуры, ракурса, а задачи перед художниками стоят разные: Делакруа создает романтический образ композитора, Ажбе откровенно любуется цветовыми сочетаниями. Не случайно затем Тршар обращает внимание на богатство цветовых оттенков в портрете, созданном Ажбе [19, s. 68]. Кажущаяся цветовая избыточность странным образом рождает ощущение подлинного реализма изображения, такого реализма, когда реальным (видимым) становится то, что в принципе не имеет формы. Старики на портретах соединены общим пространством, каждый из них представляет оборотную *мнимую* сторону другого. Это не зеркальное отражение, но воплощение прерывности как подлинного основания бытия. В этих портретах словно воплотился самый двоящийся, игровой «гений» Мюнхена, притягивающий к себе творческих людей.

«Гений места» в жизни и творчестве Антона Ажбе есть его частное, но весьма показательное проявление. Оно во многом определило существенные стороны его художественного дискурса, «вихрения» которого сродни антиномичности бытия в целом. С помощью понятия «гений места» можно с большей степенью достоверности постигать смысл историко-генетического развития единого текста художественной культуры.

Примечания

[1] «Гением древние называли природного бога каждого места или вещи, или человека». Сервиус.

[2] О значимости орфизма для художественной культуры XX века свидетельствуют, в частности, произведения Р.М. Рильке («Дуннские элегии», 1923; «Сонеты к Орфею», 1923), П.А. Флоренского («Не восхищение непщева», 1915). Хоружий указывает на общий (единый) смысл орфизма и христианства (но можно прочитать и шире: всякого монотеизма) в понимании сути восхождения как постижения скрытых сущностей предметного мира, что, собственно, и создает единый Текст мировой культуры [17, с. 31–40].

[3] В латинско-русском словаре значение «беседа, разговор» дается последним, следовательно, не основным [3, с. 335]. Однако эти «беседа, разговор» явно имеют все тот же оттенок неорганизованности, смысл которой наиболее наглядно демонстрируется, например, в абсурдистской драматургии.

[4] Следует специально отметить, что личность Людвига Второго в восприятии баварцев имеет харизматический характер, что, кстати, тонко, но с нескрываемой иронией подметил М.В. Добужинский: «Мы без труда нашли в Швабинге, мюнхенском Парнасе… две чистенькие и удобные комнаты… Комнаты были обставлены с самой мещанской обстановочкой: бархатный диван с высокой спинкой, портьеры с помпончиками и, *конечно* (курсив мой. – *И.Е.*), портрет Людвика II Баварского в золотой раме олеография» [5, с. 147].

Библиографический список

1. *Барановский В.И., Хлебникова И.Б.* Антон Ажбе и художники России. – М.: Издательство Московского университета, 2001.

2. *Грабарь И.Э.* Моя жизнь: Автобиография. Этюды о художниках / сост., вступ. ст. и коммент. В.М. Володарского. – М.: Республика, 2001.

3. *Дворецкий И.Х.* Латинско-русский словарь. – М.: Русский язык, 1976.

4. *Деррида Ж.* Письмо и различие / пер. с франц. Д.Ю. Кралечкина. – М.: Академический проект, 2000.

5. *Добужинский М.В.* Воспоминания / изд. подгот. Г.И. Чугунов. – М.: Наука, 1987.

6. История всемирной литературы: В 8 т. / гл. ред. Ю.Б. Виппер. – М.: Наука, 1983–1994. – Т. 6–7.

7. *Кандинский В.* О духовном в искусстве. – М.: Архимед, 1992.

8. Культура эпохи Возрождения и Реформации / редкол.: Л.М. Брагина, А.Х. Горфункель, А.Н. Немилов и др. – Л.: Наука, 1981.

9. Лексикон нонклассики. Художественно-эстетическая культура XX века / под ред. В.В. Бычкова. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2003.

10. *Малларме С.* Сочинения в стихах и прозе: Сборник / сост. Р. Дубровкин. – М.: Радуга, 1995.

11. *Орфей.* Языческие таинства. Мистерии восхождения / предисл., излож., коммент. А. Шапошникова. – М.: ЭКСМО-Пресс, 2001.

12. *Розанов В.В.* Сочинения: Иная земля, иное небо… Полное собрание путевых очерков, 1899–1913 гг. / сост., коммент. и ред. В.Г. Сукача. – М.: Танаис, 1994.

13. Синий всадник / под ред. В. Кандинского и Ф. Марка; пер., коммент. и статьи З.С. Пышновской. – М.: Изобразительное искусство, 1996.

14. Словарь античности / пер. с нем. – М.: Прогресс, 1989.

15. *Фаворский В.А.* Воспоминания современников. Письма художника. Стенограммы выступлений. – М.: Книга, 1991.

16. *Хоберг А.* Новая миссия искусства. Мурнау, Мюнхен, «Синий всадник» // Кандинский и «Синий всадник» / под ред. А. Хоберг, Н. Автономовой. – М.: ГМИИ им. А.С. Пушкина, 2011.

17. *Хоружий С.С.* Миросозерцание Флоренского. – Томск: Водолей, 1999.

18. De Chirico / Coordination éditoriale S. Poigner. Éditions Cercle d'Art. – Paris, 1995.

19. *Tršar M.* Anton Ažbe. – Ljubljana, 1991.

20. *Schmid G.M., Kinnius V.* Inszenierte Einsamkeit Ludwig II. – München: Buchendorfer Verlag, 2000.

УДК 1(091)

Кашина Наталия Константиновна
кандидат филологических наук
Костромской государственный университет им. Н.А. Некрасова

В. РОЗАНОВ О СУЩНОСТИ ВЕРЫ

Вопреки некогда распространунному мнению о том, что В. Розанов был холоден к вере, творчество его свидетельствует о глубоком религиозном чувстве. Пытаясь определить сущность веры, писатель формулирует основные ее составляющие: молитва, смирение, теплота. В. Розанов отрицает муки нравственности, потому что ее заменяет подлинность переживания, покорность и абсолютное доверие Воле Божией, в следовании которой видел он оправдание своего существования.

Ключевые слова: *сущность веры, религиозное чувство, молитва, акафист, покорность, смирение, теплота.*

В статье «Размолвка между Достоевским и Соловьевым (1906)» В. Розанов писал: «Кончая одну большую свою статью, где сравнивались три церкви, наша, католическая и протестантская, я закончил ее описанием простой провинциальной нашей церкви, куда ко всенощной приходят немногие старики и старушки и молятся с тою наивностью и теплотою подлинной веры, “которая везде на Западе утрачена”. <…> “Наша вера – настоящая, в ней нет морального лукавства, ни умственных художеств, а простое и смиренное отношение к Богу. Молитва наша тепла, а упование несокрушимо”. Словом, кто наблюдал внимательно “сущность русской веры”, заметил или заметит, что она неотделима от “сущности верующего русского” и что смиренная-то фигура последнего, а не догмат и составляет “отличие православного вероисповедания от инославных”» [5, с. 124].

Молитва В. Розанова, безусловно, прежде всего, является духовным подвижничеством, о чем он не раз заявлял: «Без молитвы совершенно нельзя жить… Без молитвы – “безумие и ужас”» [6, с. 280].

Заметим, с понятными оговорками, что молитва его живет не в храме, а в комнате-келье, в доме. Она совершается по-домашнему. «Она никогда не читала перед образом, на коленях, – пишет автор о своей глубоко верующей жене, – Всегда сидя, – почему-то даже не на кушетке, а на кровати. Не помню положения ног, но – не лежа. Скорей сжалась – и молится, молится “Всех скорбящих радости”.

В Луге уже не могла, и я читал ей. Она лежит на кровати, я стоял на коленях на полу, но оборотившись так, что она видела, – и я, “еще подвернувшись”, тоже мог видеть – образ и перед ним зажженную лампадку» [4, с. 473].

Давняя молитва матери стала едва ли не самым теплым воспоминанием о детстве: «Только потом (из писем к Коле) я увидел или, лучше сказать, узнал, что она постоянно о нас думала и заботилась, а только “не разговаривала с дураками”, потому что они “ничего не понимали”. И мы, конечно, “ничего не понимали” <…> И потом эта память ее молитвы ночью (без огня), и толстый “акафистник” с буро-желтыми пятнами (деревянное пролившееся масло), и как я ей читал (лет 7-ми – 8-ми, даже 5-ти?)…» [4, с. 241].

Не случайно в приведенных фрагментах упоминается именно акафист. Рассуждая о богослужении, Розанов заметил: «Народ не очень любит проповедь», а несколькими строками раньше читаем: «Православное богослужение есть уже проповедь: ведь проповедь есть научение, но литургия есть полный круг научения. Сверх коего не нужно еще ничего человеку. О чем – в прекрасных эктениях – не молится диакон и с ним народ? – ничто не забыто: ни гроб, ни плавающие, ни победы Государевы, ни мир всего мира, ни благорастворение воздухов. “Иже херувимы” – разве не научение? <…> Каждение перед иконами, возгласы священника – до того проникнуто всё это смыслом и красотою <…> Но вот что церковь сбивает в кучу: это – акафист. Акафист – только молитва, и никакая часть литургии не вызывает такого умиления, жара, у многих – слез, как акафист Иисусу или Божией Матери <…>

© Кашина Н.К., 2012

Можно сказать – акафисты воспитали Русь» [7, с. 254–255].

Акафист, получивший особенно широкое распространение в российской Церкви в XIX и начале XX веков, являлся частью келейного правила и более располагал к личностному восприятию: священники должны были разъяснять, что его следует читать дома, в семейном кругу. Именно поэтому для Розанова домашняя молитва тождественна чтению акафиста. Вполне уместно в данном случае уподобление дома келье или церкви: «А по воскресеньям и накануне праздников – так это было хорошо. На старом (без употребления) подносе стоит ряд лампадок. Во все наливается масло. Это – в столовой, и стоят они с огоньками, как свечи “на кануне” в церкви…» [4, с. 473].

«Канун в церкви» для Розанова – едва ли не самое значимое место: именно через него ощущалась не только близость с душами родными, но и единство всей истории: «Первый раз *за усопшего* ставлю свечку “*на канун*”. Всегда любил его, но издали, не подходя. Теперь я увидел дырочки для свеч в мраморной доске и вставил свою. Поклонился и иду ставить “к Спасителю” о болящей.

Продираюсь. Потно, душно. Какая-то курсистка подпевает “Господи, помилуй” певчим. “Буду ставить Спасителю свечки”, – подумал. “Поможет”. А задним умом всё думаю о “кануне” и что написал

“О упокоении души”…

Как о “упокоении души?” Значит, она *есть… живет…. Видит* меня, увы такого дурного и грешного… да **кто** всему этому научил?

– **Церковь**…» [4, с. 471–472].

В «Уединённом» есть еще один важный фрагмент:

«Молитва – и ничего.

Или:

Молитва и игра.

Молитва – и пиры.

Молитва – и танцы.

Но в сердцевине всего – молитва.

Есть “молящийся человек” – и можно всё.

Нет “его” – и ничего нельзя.

Это мое “credo”, – и да сойду я с ним в гроб.

Я начну великий танец молитвы. С длинными трубами, с музыкой, со всем: И *всё будет дозволено,* потому что *всё будет замолено*. Мы *всё сделаем*, потому что после всего *поклонимся Богу*. Но не сделаем лишнего, сдержимся, никакого “карамазовского”: ибо и “в танцах” мы будем помнить Бога и не захотим огорчить Его.

“С нами Бог” – это вечно» [4, с. 122–123].

Повторенное неоднократно в столь малом объеме текста слово «танец» требует комментирования. Конечно же, в первую очередь напрашивается сравнение с эстетикой символистов, в частности – А. Белого, который буквально *вытанцовывал* свои стихи. Однако для В. Розанова танец – не просто часть мистико-эстетического ритуала, он КОСМИЧЕН. В «Апокалипсисе нашего времени» есть парадоксальные слова из фрагмента «PRIMUM MOVENS» (лат. «первая причина»).

Дифирамбы, дифирамбы, дифирамбы…

Дифирамбы, дифирамбы, дифирамбы…

О пойте песни народы…

Знаете ли вы, люди, что настоящий восторг всегда нем.

……

Ах, так вот отчего эта безумная быстрота в обращении светил небесных… Оттого, что *немы* они и движутся…

«Тихо, беззвучно несутся миры».

……

Разве танец бывает криклив?

Танец. Волшебство. Всё тело движется, несётся.

Восторг теснит грудь. …» [6, с.145].

И. Кребель, рассматривая философию, искусство, литературу Серебряного века как единый опыт мысли, отмечает и качественные изменения в понимании веры: «Из эстетического опыта мысли вера приобретает статус *не верования в спекулятивный Абсолютный объект,* но *удостоверенности* в наличие Абсолютной инстанции, обоснованной живым экзистенциальным опытом. Вера как живой опыт снимает приоритет в выборе Абсолютного места, устраняя спекулятивную оппозицию трансцендентного/имманентного, переходит в режим жеста, действия, поступка. Посредством возвращения опытного, действенного элемента в аутентичное восприятие феномена веры, получают смысловое перезагружение ритуалы, культы, символы, знаки, а вместе с ними – пространство самой религии» [1, с. 71].

Нетрудно заметить, как легко проецируется розановское *вчувствование* в веру на обозначенную философом ситуацию. Он абсолютизирует непосредственный опыт настолько, что погруженность в *аутентичное восприятие* заменяет путь к личному преображению, подвигу, которые и есть смысл христианства. При этом временами осознание собственной *без*нравственности рождает в писателе и мыслителе сочувственное приятие христианства: «Зависимость моя от мамочки – как зависимость безнравственного или слабонравственного от нравственного.

Она всё ползет куда-то, шатается, склоняется: а всё назад оглядывается.

И эта всегдашняя забота обо мне – как Провидение. От того мне страшно остаться одному, потому что я останусь без Провидения.

Ни – куда пойти.

Ни – где отдохнуть.

Я затеряюсь, как собака на чужой улице» [4, с. 504].

Текст этот сопровождается авторским примечанием, где В. Розанов поясняет слова «останусь без

Провидения»: «Т.е. без некоторой тени его, осуществления его на земле, “осязательного” его» [4, с. 504]. «Друг», «мамочка» – слова, которыми называет автор свою вторую жену, порождены именно той «нравственной» любовью, которая делает его *со*участником веры: «И за годы, когда я постоянно видел возле себя молящегося человека, – мог ли я не привыкнуть, не воспитаться, не убедиться, не почувствовать со всей силой умиления, что молитва есть лучшее, главное» [4, с. 505].

И всё же для мыслителя, живущего архаическими формами бытия, действительно, как не однажды он сам признавался, не существует самого понятия «нравственность»; её заменяет подлинность переживания, покорность и абсолютное доверие Воле Божией. Он горячо надеется, что в своём молитвенном состоянии сможет пережить момент эпифании, богоявления, проникнуться Волей Творца. В таком случае свидетельством (признаком) аутентичности становится полнота и искренность ощущения причастности Высшей Воле, которая и осуществляется, по В. Розанову, в молитве.

В XIX веке вышло несколько изданий любопытной книги «Откровенные рассказы странника духовному своему отцу» [3], широко распространены были и рукописные копии этого произведения. Предание говорит о том, что авторство установить невозможно, текст рассказов был переписан на Афоне настоятелем Черемисского монастыря Казанской епархии игуменом Паисием. В 1911 г. было издано дополнение к этим рассказам из рукописей известного Оптинского старца иеросхимонаха Амвросия «Три ключа ко внутренней молитвенной сокровищнице», в котором описывается путь к обретению духовных богатств. Предлагаются три ступени (способа) к внутренней молитве:

1) *Частость* призывания имени Иисуса Христа;

2) *Внимательность* к призыванию;

3) *Вхождение внутрь* себя, или вхождение ума в сердце [3].

Описаны и благодатные воздействия молитвы: «Капсо Каливит однажды приложась к иконе Божией Матери, после двухгодичных докучаний Ей в молитве, вдруг ощутил сладость и теплоту, впавшую в сердце» [3]. Декларативный и истинный уход В. Розанова из литературы можно интерпретировать в данном аспекте как уход от внешнего слова к СЛОВУ внутреннему, в основе которого – глубочайшее стремление обрести единение с Господом. Но это путь не молитвенника-странника, отшельника, а человека своего времени. Он ищет свои способы добиться глубокой молитвы, обращаясь к непосредственно переживаемому опыту и создавая новую литературу.

К молчанию призывал Ф. Тютчев:

Лишь жить в себе самой умей –
Есть целый мир в душе твоей
Таинственно-волшебных дум…,

к тихой молитве – Фет, В. Розанов объединил обе интенции: его текст позволил вывести экзистенциальное состояние в эпифанию. Его молитва сосредоточена на глубоком постижении высшей духовной сущности в непосредственном опыте переживания. Однажды высказав опасения о безбрежности развития внутреннего чувства и субъективного мышления, он в своей молитве не просто избежал многословия, а сделался поразительно скуп на слова, но при этом каждое появившееся в тексте слово стремилось наиболее полно реализовать своё онтологическое значение.

А. Пятигорский в одном из своих интервью отметил своеобразие розановского мифологизма: «Розанов же был человеком, который очень глубоко чувствовал, что с тем, что есть под нами, мы ничего не можем сделать. Мы можем только одно: из этого черпать. Он был одним из немногих, кто чувствовал себя не орудием чего-то постороннего, гнетущего, великого и всей этой прочей символистской дребедени, а наоборот: он чувствовал жизнь этого гигантского мифического подтекста, и очень радовался» [2]. Гигантским мифическим подтекстом являлась для В. Розанова его вера в неслучайность всего происходящего в жизни как проявление воли Абсолютной. К этой воле он стремился, в ней видел оправдание своего существования.

В одной из статей Розанов размышляет над страницами книги Н. Бердяева «Смысл творчества. Опыт оправдания человека». Книга эта, безусловно, заинтересовала Розанова своим глубоко личностным пафосом. Упрекая автора за слишком узкий подход к теме через «кургузую эпоху» вицмундира 19 века, Розанов пишет: «Он взял кусок синодального периода русской Церкви – специально-чиновнического её устроения, когда Церковь отодвинута была от жизни и соучастия…» [5, с. 501]. Для автора этих строк «спасительный подвиг» Моисея, «посмотревшего на небо», и через 2,5 тысячи лет поддерживает и охраняет свой народ. «Таким образом, говоря обобщённо, “стиль церковный”, то есть это вот “взирание на Небо”, решительно не сковывает никакого человеческого творчества, но всякому творчеству придает необыкновенно прочный характер, фундамент» [5, с. 502]. Сам Розанов умел «взирая на Небо», увидеть ценность жизни обыкновенной. Мыслитель считал, что соотнести свою обычную жизнь с Вечным, ощутить кровное родство с ним, можно посредством молитвы: только она позволяет человеку обрести подлинный свет.

Библиографический список

1. *Кребель И.А.* Мифопоэтика Серебряного века: опыт топологической рефлексии. – СПб.: Алетейя, 2010.

2. Литература и миф. Интервью с Александром Пятигорским // Новости гуманитарных технологий [Электронный ресурс]. – Режим доступа:

http://gtmarket.ru/laboratory/publicdoc/gtmarket/2006/575. (Дата посещения 23.08.2008.)

3. Откровенные рассказы странника духовному своему отцу [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.wco.ru/biblio/books/strannik/HO2-T.htm. (Дата посещения 10.11.2010.)

4. *Розанов В.В.* О себе и жизни своей. – М., 1990.

5. *Розанов В.В.* Русская мысль // В.В. Розанов; [сост., предисл., коммент. А. Н. Николюкина]. – М.: Алгоритм, Эксмо, 2006.

6. *Розанов В.В.* Собрание сочинений. Апокалипсис нашего времени. – М., 2000.

7. *Розанов В.В.* Сочинения / сост., подгот. текста и коммент. А.Л. Налепина и Т.В. Померанской; вступ. ст. А.Л. Налепина. – М.: Сов. Россия, 1990.

УДК 316 (091)

Седых Оксана Михайловна
кандидат философских наук
Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова
oksanas@inbox.ru

ПАВЕЛ ФЛОРЕНСКИЙ И ФРАНЦУЗСКАЯ СОЦИОЛОГИЧЕСКАЯ ШКОЛА

В статье показано сходство в подходе к изучению феномена традиционного (народного, «ночного», коллективного) сознания у русского философа П.А. Флоренского и исследователей французской социологической школы (Э. Дюркгейм, М. Мосс, Л. Леви-Брюль). Особое внимание уделено пространственно-временным представлениям и становлению содержательного подхода к толкованию категорий пространства и времени в философии и гуманитарных науках.

Ключевые слова: *«ночное сознание», пространство, время, «сакральное», «профанное», миф.*

Философу Серебряного века священнику Павлу Флоренскому (1882–1937) принадлежит существенный вклад в область наук о культуре, должным образом неоцененный. Его важнейшие культурологические интуиции складывались не на пустом месте, но, как правило, опирались на современную ему научную традицию, что тоже не всегда очевидно. В работах, затрагивающих проблему культуры, в частности, в цикле «Философия культа», он ссылается на идеи английской антропологической и французской социологической школ как на исток собственной теории культуры: «Я назову вам, как полусознательных родоначальников ее – Спенсера и Тэйлора, и развивателями – Стэнли Джэвонса, Гранд-Аллена, Робертсона Смита, Эндрю Ланга и других, и, в особенности, Фрэзера» [5, с. 110]. Сюда же «примыкает социологическая школа, процветающая преимущественно на французской почве: Дюркгейм, Тутен, Hubert и Mauss» [5, с. 110]. Все эти ученые в глазах Флоренского признают культурообразующую роль религии, культа, ритуала. Он называет их сторонниками «сакральной теории» культуры, которую развивает в своих работах, создавая учение о происхождении культуры из культа и о человеке как существе религиозном.

Известно, что Флоренский внимательно следил за тенденциями в современной ему гуманитарной науке, в его текстах немало ссылок на крупнейших европейских ученых, таких, например, как Зигмунд Фрейд. При этом «сакральную теорию», парадоксальным образом вышедшую из недр позитивизма, он называет последним словом науки, что справедливо, в частности, в отношении французской социологической школы, обозначившей магистральные линии развития мирового социогуманитарного знания. И все же возникает закономерный вопрос, какие идеи западных исследователей могли привлечь русского философа, чье учение имеет иные мировоззренческие предпосылки, во многом полярные установкам западной антропологии.

Попробуем ответить на него применительно к французской социологической школе, опираясь на две работы, которые могли быть знакомы Флоренскому и являются в этой связи наиболее репрезентативными: статью Э. Дюркгейма в соавторстве с М. Моссом «О некоторых первобытных формах классификации. К исследованию примитивных представлений» (1902) и классическое исследование Э. Дюркгейма «Элементарные формы религиозной жизни. Тотемическая система в Австралии» (1912)».

В первую очередь предметом пристального внимания Флоренского и французских исследователей была проблема сознания человека на начальных стадиях культуры, и шире – религиозного сознания, каковым является сознание традиционного человека, имеющее, согласно французской школе, конечное основание в социальной реальности. Этой теме посвящено немало статей в знаменитом «L'Année sociologique».

В рамках французской школы подобный тип сознания получает название «коллективного». Флоренский, используя более поэтичный термин, развивает концепцию «ночного» сознания, которым, по его мнению, жили все доренессансные культуры, включая архаические, и которым живут культуры народные. Говоря о последних, Флоренский, для которого всегда был характерен этнографический интерес, часто ссылается на близкий и доступный ему материал – русскую народную культуру. При этом религиозное и по Дюркгейму, и по Фло-

 © Седых О.М., 2012

ренскому, тождественно церковному (Дюркгейм объясняет это тем, что религиозные представления не могут существовать сами по себе, всегда нуждаясь в социальном субстрате, ведь «*мы не встречаем в истории религии без церкви*» [2, с. 225]).

Сходным образом дается ответ на вопрос, почему вообще нужно изучать традиционного человека. Тема элементарной религии широко обсуждалась в западной антропологической литературе, начиная с 18 века, и особенно после книги «Первобытная культура» (1871) Э.Б. Тайлора (о котором также упоминает Флоренский). Показательно, что в 1910-х годах к этой теме проявили интерес крупнейшие ученые своего времени, изначально далекие от этнографии, – социолог Э. Дюркгейм в работе об австралийской элементарной религии в 1912 году и психоаналитик З. Фрейд в работе 1913 года «Тотем и табу. Психология первобытной культуры и религии». К этому времени почти не вызывал сомнений тезис о том, что в первоначальной стадии культуры скрывается ключ к пониманию человека. В «Элементарных формах…» Дюркгейм, считавший религию естественным проявлением человеческой деятельности, воспроизводит общий аргумент антропологической мысли конца XIX – начала XX века: обращение к элементарным формам культуры, т.е. познание человека как бы в «чистой» экспериментальной ситуации, способно помочь познанию человека как такового.

Тема элементарных форм религиозной жизни, широко обсуждавшаяся в европейской антропологии, конечно, не могла не заинтересовать Флоренского, создававшего учение о культе как первичной форме культуры. Определяя человека как animal religiosum и homo liturgus, дедукцию культуры из культа он называл «антропологической», подчеркивая, что, изучая человека на начальных стадиях, мы изучаем общечеловеческое.

В «Элементарных формах религиозной жизни» Э. Дюркгейм задается вопросом, как предстает религиозно осмысленный мир в сознании традиционного человека и его культуре, – вопросом, который является важнейшим в концепции «ночного» сознания Флоренского.

По Дюркгейму, отличительная черта религиозного мышления состоит в разделении мира на сферы сакрального и профанного, священного и мирского (в дальнейшем эти категории активно использовались в гуманитаристике). Впервые оно появляется в связи с почитанием тотемных объектов и связанных с ними мест, людей, предметов, которые, будучи выделены из сферы обыденного, наделяются дополнительным значением, превращаясь в своего рода символ: «*утес, дерево, родник, камень, кусок дерева, дом, словом, любая вещь может быть священной*» [5, с. 216], – пишет Дюркгейм, подчеркивая, что присутствие чудесного в мире для традиционного человека естественно.

Тема сакрального и профанного, обозначенная в «Философии культа» и других работах русского философа, по-видимому, обязана своим происхождением французской школе. Мир в глазах человека «ночных» культур вообще двойственен, символичен. Присутствие священного в обыденном здесь также вполне органично. «Неведомое нисколько не томит среднего крестьянина <…> Таинственное врастает в обиходе, обиход делается частью таинственного» [7, с. 154]. Народное сознание пронизано ощущением присутствия сверхчувственного в обыденном и повседневном: «Все – все, что не видит взор, – все имеет свое тайное значение, двойное существование и иную, за-эмпирическую сущность. Все причастно иному миру; во всем иной мир отображает свой оттиск» [7, с. 164].

Флоренский характеризует народное мышление как платоновское, имея в виду платоновское двоемирие. То, как феноменальное и ноуменальное сосуществуют в древнем мышлении, наглядно в образах богов и демонов; вера в их реальность – подлинный прорыв из феноменального мира в область ноуменов, недоступный отвлеченной философской мысли: «Киты, на которых стоит земля, зверь Индрик, великорыбие – огнеродный змей Елеафал, Стратим-птица, баснословный Китоврас и др. – тут мы имеем дело, конечно, не с чем иным, как с кантовскими «предельными понятиями», с «вещами в себе», о коих не должно спрашивать, но в существовании которых невозможно сомневаться. Однако эти Grenzbegriffe необходимо разлагаются, лишь только мы начинаем анализировать их. Бесчисленные существа в народном сознании – лешие, русалки, полевые, домовые, кикиморы и пр. – это добрые и злые numina, это «ипостасные имена вещей, numina их» [7, с. 152].

В статье о первобытных формах классификации Дюркгейм и Мосс отмечают, что в мифах постоянно говорится о существах, которые являются одновременно едиными и множественными, материальными и духовными. Эту черту фиксировали другие исследователи этого периода. Так, крупнейший отечественный этнограф Владимир Богораз подмечает, что в легендах и мифах традиционных народов предмет может существовать одновременно в двух ипостасях – двух формах бытия, и раздельных, и связанных одна с другой, в постоянной связи как нераздельное, тождественное бытие. «Первобытное познание религии переполнено такими сосуществованиями бытия, трехмерными порознь, но покрывающими друг друга в каком-то вневременном порядке» [1, с. 59]. К этому можно добавить феномен всевозможных обращений в сказке. Но более рельефно это свойство отражает миф, где двуипостасны боги, имеющие одновременно и человеческий, и животный облик. Их двуипостасная природа, отмечает Богораз, не противоречива в себе, но непостижимым, мистическим способом есть единое бытие.

Особое значение той же самой черте первобытного мышления придавал Л. Леви-Брюль, разделявший идеи социологической школы. Он также отмечает, что в коллективных представлениях первобытного мышления предметы, существа, явления могут непостижимым для нас образом быть и самими собой, и чем-то иным. У Дюркгейма и Леви-Брюля есть даже сходные иллюстрации на эту тему из жизни тотемных обществ, взятые из современной им этнографической литературы. Например: «Бороро искренне считает себя длиннохвостым попугаем» [4, с. 9], т.е. есть он в одно и то же время и человек, и попугай, и в этом для него нет противоречия.

Подобное свойство – «закон партиципациии» – Л. Леви-Брюль рассматривает как основную характеристику первобытного мышления. Не вызывает сомнения, что в данном случае Флоренский и французские исследователи говорят об одних и тех же вещах, последние в качестве примера подобной двойственности ссылаются на чудеса исторических религий, например, христианский догмат претворения.

Подобное же свойство А.Ф. Лосев, ученик и последователь Флоренского, в работах того же периода определял как важную характеристику мифа, мифологического сознания. Миф по Лосеву – не пережиток, не пралогическая стадия мышления или культуры: «Мифология есть вполне закономерное создание человеческого духа и есть нормальное социальное явление» [3, с. 418]. Это рассуждение из «Диалектики мифа» (1930), где Лосев следует Флоренскому, который связывал представления о разноипостасности предмета в древнем («ночном») сознании со стихийно присущем последнему *символизмом*. Для мифологии «все телесно и все нетелесно в одно и то же время» [3, с. 113], – пишет Лосев, но интерпретирует это иначе, в духе Серебряного века, – как символ и чудо.

Что же опосредует мир священного и мирского, как осуществляется контакт между ними? По Дюркгейму, эти миры разделяет строгая граница, преодолеть которую можно лишь путем соответствующего ритуала, вовлекающего в абсолютную трансформацию. По Флоренскому, здесь также решающую роль играет ритуал, объединяющий мир священного и обыденного. Вся деятельность культа «направлена на вырывание вещи, или шире, – вообще реальности, из одной системы и перенос ее в другую. <…>. В череду впечатлений мира вклинивается неотмирное, ни с чем несравнимое, ни на что непохожее, иное. И, вклиниваясь, разрывает ткань обычного» [5, с. 88].

Представление о священном и мирском, о преодолении разрыва между священным и мирским посредством ритуала, предполагает особые представления о пространстве и времени. Это, без сомнения, еще одна тема, сближающая мыслителей, полагавших, что в восприятии религиозного человека пространство и время крайне неоднородны.

И Флоренский, и Дюркгейм отвергают понятие однородного или, как оба его часто называют, «кантианского» пространства: «пространство – это не та расплывчатая и неопределенная среда, которую изобразил Кант: будучи абсолютно и чисто однородным, оно бы ничему не служило и не давало бы никакой зацепки для мышления. Пространственное представление состоит главным образом в первоначальной координации между данными чувственного опыта. Но эта координация была бы невозможна, если бы части пространства были качественно равны друг другу, если бы они реально были взаимозаменяемы. Чтобы иметь возможность располагать вещи в пространстве, нужно иметь возможность размещать их по-разному: помещать одни справа, другие слева, эти вверху, те внизу, на севере или на юге, на востоке или на западе и т.д., и т.д., точно так же, как для того, чтобы расположить состояния сознания во времени, нужно иметь возможность локализовать их в определенных датах. Все это означает, что пространство не было бы самим собой, если бы, точно так же как и время, оно не было разделено и дифференцировано» [2, с. 186–187].

Дюркгейм особо подчеркивает, что мир в глазах традиционного человека всегда эмоционально (то есть религиозно и социально) означен: для него небезразлично, запад или восток, небо или земля. У австралийцев, как показывают Дюркгейм и Мосс, мировое пространство воспринимается сквозь призму родовых структур. Социальный порядок переносится на порядок космический (Вселенная трактуется как большое племя). Между социумом, космосом, а также частями человеческого тела устанавливается почастное соответствие (у Флоренского идея о соответствия макро- и микрокосма, мира и человека, его телесности, является частью проекта антроподицеи, см. главу «Макрокосм и микрокосм» цикла «У водоразделов мысли»).

Пространственные места являются священными или светскими, чистыми или нечистыми. Как правило, задан священный центр мира – и Дюркгейм, и Флоренский используют выражение «пуп земли». «Но откуда у него берутся эти существенные для него деления? Само по себе оно не имеет ни правой стороны, ни левой, ни верха, ни низа, ни севера, ни юга и т.д. Все эти различия очевидно происходят оттого, что пространственным сферам были приписаны различные эмоциональные ценности. А поскольку все люди одной и той же цивилизации представляют себе пространство одинаковым образом, нужно, очевидно, чтобы эти эмоциональные ценности и зависящие от них различия также были общими для них, что почти с необходимостью предполагает их социальное происхождение» [2, с. 187].

Эти рассуждения Дюркгейма крайне близки Флоренскому, для которого *«миропонимание есть пространствопонимание»* [8, с. 272]: он готов признать пространство «за собственный и первичный предмет философии, в отношении которого все прочие философские темы приходится оценивать как производные» [8, с. 272]. И в философии, и в математике Флоренский отстаивал принцип прерывности как принцип организации пространства и мироустройства. Один из его главных аргументов в пользу такого толкования можно назвать «антропологическим»: человек не может жить в аморфном однородном пространстве – равномерное пространство бесчеловечно. При неравномерности пространства появляется возможность говорить о более и менее ценных его местах, что, в свою очередь, позволяет внести в учение о пространстве элемент человекосоразмерности. В «ночных» культурах пространство становится неоднородным, будучи освященным: как и время, оно создается культом, что дает возможность ориентации. Культ создает пространство и время человеческого Космоса, делая их дискретными.

Любопытны рассуждения исследователей о пространственных иерархиях. По Дюркгейму, значительная священная вещь может образовать организующий центр, к которому тяготеет какая-то группа верований и обрядов, и тогда пространство предстает как система концентрических кругов. Так, у австралийцев с их системой тотемных кланов «объекты воспринимаются как расположенные в виде ряда концентрических кругов по отношению к индивиду: самые удаленные круги, соответствующие наиболее общим родам, – это те, что включают наименее касающиеся его объекты; они становятся ему менее безразличны по мере приближения к центру» [4, с. 23].

По Флоренскому, пространство выстраивается в отношении к религиозному центру. Иерархию пространственных мест формирует культ, как показано в его наблюдениях над семантикой храмового пространства, тоже организованного по принципу концентрических кругов, в разной степени причастных священному: «Пространственное ядро Храма намечается оболочками: двор, притвор, самый Храм, алтарь, престол, антиминс, чаша, Святые Тайны, Христос, Отец» [6, с. 439].

Космос Флоренского, согласно его работе «Мнимости в геометрии» (1922), имеет разные пласты, слои, сферы – это тоже концентрические сферы, вложенные одна в другую. В «Философии культа» эта идея иллюстрируется образом луковицы, в которой каждая оболочка – живой слой, и образом метрополитена, состоящего из концентрически вложенных друг в друга колец, вращающихся с разными скоростями: внутреннее – медленнее всех, внешнее – с самой высокой скоростью.

То же следует сказать о времени. «Попытайтесь, например, представить себе, чем было бы понятие времени без тех способов, которыми мы делим, измеряем, выражаем с помощью объективных знаков, времени, которое бы не было чередой лет, месяцев, недель, дней, часов! Это было бы нечто почти немыслимое» [2, с. 185], – пишет Дюркгейм. «Уничтожьте мысленно все, воистину все культовые времена – и не станет календаря» [5, с. 133], – читаем у Флоренского. Если извлечь религиозное содержание, «время сольется в безразличную среду, в мэон, и не будет времени» [5, с. 133].

По Дюркгейму, необходимые ориентиры, в соответствии с которыми любые вещи классифицируются во времени, взяты из социальной жизни: «Деления на дни, недели, месяцы, годы и т.д. соответствуют периодичности обрядов, праздников, общественных церемоний. Календарь выражает ритм коллективной деятельности, и в то же время его функция состоит в том, чтобы обеспечивать ее упорядоченный характер» [2, 186].

По Флоренскому, неосвященное время – еще не время, в нем нельзя жить. Как и Дюркгейм, особое значение он придает празднику. Время слагается из священных, значимых периодов, относительно которых человек определяется во времени своей жизни. От таких значимых этапов, как Рождество Христово, мы исчисляем время, мы живем в ритме праздников. Праздник создает разрывность во времени: это пауза в повседневной жизни, которая заполняется надмирным содержанием, в ней открывается реальность иного мира. Время, как и пространство, становится дискретным благодаря культу. Освященное культом, оно дает ориентир – и буквальный, и духовный, символический.

Таким образом, русский философ и французские исследователи солидарны в мысли, что представления о пространстве и времени порождаются реалиями человеческой культуры. «Нет таких различий, вплоть до различения правой и левой сторон, которые, отнюдь не будучи заложены в природе человека вообще, не были бы весьма вероятным образом продуктом религиозных, стало быть, коллективных представлений» [2, с. 188], – читаем у Дюркгейма.

Идея о том, что пространство и время – не объективные характеристики действительности, а ее антропологические маркеры, требующие культурно-исторического обоснования, – важнейшее открытие французской школы. В начале XX века происходят гигантские сдвиги в толковании этих категорий в естествознании и в философии. Так, в философии жизни время трактуется по аналогии со временем жизни биологического организма, биологически. Можно ошибиться, сказав, что французская школа была первой, но совершенно очевидно, что одной из первых предложила чисто гуманитарное толкование этих категорий, что оказало огромное влияние на дальнейшее их изучение.

Несмотря на обозначенные сходства, расхождения в построениях Флоренского и французских

мыслителей вполне очевидны. Одно из главных заключается во взгляде на историю, которую западноевропейские исследователи мыслят как непрерывный эволюционный процесс, где первобытные формы культуры плавно перетекают в позднейшие, исторические (таким образом, понимание элементарного звена дает ключ к пониманию всего процесса). Флоренский также полагал, что язычество подготовило исторические религии, однако он следует новому взгляду на время и историю, в которых возможна разрывность – «чудо» – и в первую очередь им стало христианство (подобная трактовка времени отличает Флоренского и от Владимира Соловьева, наследника временных концепций 19 века, основанных на идее непрерывности).

Кроме того, если для французских исследователей коллективное сознание – предмет научного описания, для о. Павла, целью которого был поиск гармоничной культуры, картина мира в «ночном» сознании еще и антропологически оправдана (антроподицея – одна из главных его задумок).

Впрочем, момент оправдания традиционного человека присутствует и у французских ученых, что и в целом присуще французской мысли, начиная, как минимум, с эпохи Просвещения. Говоря о логическом способе мыслить, они подчеркивают, что речь идет о логике лишь европейского человека, и можно усомниться в ее абсолютной истинности, поскольку в истории успешно существовали и другие системы мышления. Так, Л. Леви-Брюль, полагавший, что мышление дикаря и цивилизованного европейца – два абсолютно разных способа мыслить (первое – «пралогическое», действует вне законов привычной европейцу логики), не уставал повторять, что мышление первобытного человека обладает собственной логикой, и не следует путать пралогическое с алогичным.

То же самое с идеей равномерного и однородного («кантианского») пространства, с которой всегда боролся Флоренский. В работах французских исследователей мы видим попытку объяснить, что идея такого пространства не очевидна, возникает лишь на определенном историческом этапе, и что человеку естественнее видеть пространство неоднородным, эмоционально означенным: «Из того, что понятия времени, пространства, рода, причины, личности сконструированы из социальных элементов, не следует заключать, что они лишены всякой объективной ценности. Наоборот, их социальное происхождение заставляет скорее предположить, что у них есть известное основание в природе вещей» [2, с. 197]. Они, по словам Дюркгейма, «тонкие инструменты мышления, которые человеческие группы старательно выковывали в течение столетий и в которых они собрали лучшее из своего интеллектуального капитала. Значительная часть истории человечества в них как бы резюмирована» [2, с. 198].

Но Флоренский идет гораздо дальше. Он уверен, что установки человеческого сознания, проявленные в «ночных» культурах, более соразмерны человеку, чем сложные образования «дневных» культур, нарушившие соразмерность. Он восторгается красотой и цельностью народной жизни, предполагает, что народное сознание стоит ближе к Истине, чем сознание научное, интеллигентское. В этом он близок иной линии в гуманитарных науках XX века – скорее, таким продолжателям идей французской школы, как Карл Густав Юнг (чье понятие коллективного бессознательного восходит к понятию «коллективное сознание»), Мирча Элиаде или Рене Генон, которые видели в культе, мифе, религиозных верованиях не пережиток прошлого, уступающий место рациональному началу, но гармонично встроенные в культуру проявления человеческой сущности. Несомненно, таким мыслителем был и еще один великий француз, определивший пути этнографии 20 века, – Клод Леви-Строс.

Библиографический список

1. *Богораз /Тан/ В.Г.* Эйнштейн и религия. Применение принципа относительности к исследованию религиозных явлений. Вып. 1. – М.; Пг.: Изд-во Л.Д. Френкель, 1923. – 120 с.

2. *Дюркгейм Э.* Элементарные формы религиозной жизни. Тотемическая система в Австралии // Мистика. Религия. Наука. Классики мирового религиоведения. Антология. / сост. и общ. ред. А.Н. Красникова. – М.: Канон+, 1998. – 432 с.

3. *Лосев А.Ф.* Диалектика мифа / сост., подг. текста, общ. ред. А.А. Тахо-Годи, В.П. Троицкого. – М.: Мысль, 2001. – 558 с.

4. *Мосс М.* Общества. Обмен. Личность: Труды по социальной антропологии / пер. с фр., послесл. и коммент. А.Б. Гофмана; Рос. акад. наук, Ин-т этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая. – М.: Восточная литература, 1996. – 308 с.

5. *Флоренский П.А.* Из богословского наследия // Богословские труды. 1977. – Вып. 17.

6. *Флоренский П.А.*, священник. Сочинения. В 4 т. Т. 2 / сост. и общ. ред. игумена Андроника (А.С. Трубачева), П.В. Флоренского, М.С. Трубачевой. – М.: Мысль, 1996. – 877 с.

7. *Флоренский П.А.*, священник. Сочинения. В 4 т. Т. 3 (2) / сост. игумена Андроника (А.С. Трубачева), П.В. Флоренского, М.С. Трубачевой; ред. игумен Андроник (А.С. Трубачев). – М.: Мысль, 1999. – 623 с.

8. *Флоренский П.А.,* священник. Статьи и исследования по истории и философии искусства и археологии / сост. Игумена Андроника (А.С. Трубачева); ред. игумен Андроник (А.С. Трубачев). – М.: Мысль, 2000. – 446 с.

ЛИНГВИСТИКА

УДК 811.161.1'37

Булавина Наталья Владимировна
Орловский государственный университет
bnv1403@yandex.ru

ПОНЯТИЕ «НОВОЕ СЛОВО» В СОВРЕМЕННОЙ ЛИНГВИСТИКЕ

Эта статья представляет собой анализ различных трактовок понятия «новое слово». В первой части автор исследует критерии, согласно которым слово может быть отнесено к классу неологизмов; вторая часть посвящена особенностям окказионализмов.

Ключевые слова: *неологизмы, окказиональные слова, лексические инновации, новые слова.*

Термин «новые слова» трактуется лингвистами по-разному. Этот термин объединяет индивидуально-авторские образования, новые термины и слова, получающие широкое употребление.

К новообразованиям некоторые учёные относят 1) лексические инновации в языке, представляющие собой номинативно обязательные обозначения реалий и понятий; 2) лексические инновации в речи (окказионализмы), представляющие собой факультативные обозначения реалий и понятий действительности» [15, с. 19–21; 17, с. 13].

При отнесении слова к неологизмам исследователи учитывают хронологический, локальный, психолингвистический критерии, а также социальную значимость обозначаемых словом реалий и лексикографическую фиксацию или нефиксацию слова.

Хронологический критерий (временной) указывает на существование неологизмов в определённый период языка и общества [5; 7; 4]. В «Лингвистическом энциклопедическом словаре» под неологизмами понимаются «слова, значения слов или сочетания слов, появившиеся в определённый период в каком-либо языке или использованные один раз («окказиональные» слова) в каком-либо тексте или акте речи» [10, с. 331]. А.Г. Лыков считает, что «основой понятия неологизма является качество новизны слова» [12, с. 99]. Е.В. Сенько полагает, что «наиболее объективная дефиниция нового слова возможна на основе хронологического критерия, что мотивируется самой сущностью рассматриваемого понятия» [16, с. 16].

Однако этот признак не может быть определяющим, так как восприятие слова является субъективным: то, что кажется одному новым, другому может казаться известным. Так, А.Г. Лыков пишет, что ощущение новизны у всех носителей языка может быть «несколько различным по отношению к некоторым конкретным словам у отдельных людей» [12, с. 100]. Кроме этого, ощущение новизны быстро утрачивается вследствие активного употребления слова, созданного по продуктивной модели. Неологизмы «довольно скоро перестают восприниматься как новые слова, так как их новизна со временем стирается» [11, с. 70]. Точку зрения В.В. Лопатина поддерживает Ю.Н. Несветайло [13, с. 139]. А.А. Шишикина справедливо отмечает, что «многие неологизмы, появившиеся в русском языке в 80–90-е годы XX в., такие, например, как *перестройка, спонсор, презентация, консенсус, крутой* (о человеке), *тусовка* и т.д., быстро лишились эффекта новизны вследствие своей частотности в современных текстах» [20, с. 16].

Локальный критерий (языковое пространство) определяет сферу функционирования новых слов в системе языка: язык вообще, данный национальный язык, литературный язык, подъязык и др. [5, 7, 20]. По мнению Н.З. Котеловой, неологизмы можно определить как слова, значения слов и идиомы, которые не существовали в предшествующий период в том же языке, подъязыке, языковой сфере [9, с. 22].

Психолингвистический критерий (ощущение носителями языка новизны слова) – признак нестандартности слов [5; 7; 12; 9]. Неологизм понимается как языковая единица, не встречающаяся ранее в индивидуальном опыте носителя языка.

Степень важности характеристики социальных явлений и процессов определяют их *социальную значимость* [5; 7; 4]. В этом случае неологизм – это слово, обозначающее новое явление или понятие.

Критерием разграничения неологизмов и окказионализмов является *лексикографическая фиксация* или *нефиксация* нового слова [14; 3]. Окказионализмы не фиксируются в словаре: «окказиональные слова, фигурирующие в словоупотреблении только одного или нескольких лиц, включению в словарь не подлежат: они засоряют его, создавая неправильное представление о словарном составе языка» [18, с. 12], «новообразования, в том числе неологизмы, …не фиксируются, да и не должны фиксироваться» словарями [2, с. 23].

Итак, под ***неологизмами*** мы понимаем образованные впервые новые слова, а также слова, известные в языке ранее, но употреблявшиеся ограниченно или ушедшие на какое-то время из активного употребления, а в настоящее время широко употребляющиеся. Неологизмы – это регулярно воспроизводимые единицы языка, еще сохранившие оттенок новизны.

© Булавина Н.В., 2012

От неологизмов следует отличать окказионализмы. Э. Ханпира подчёркивает, что окказиональное слово образовано «по малопродуктивной модели, а также по окказиональной модели», оно создано «на определённый случай либо с целью обычного сообщения, либо с целью художественной» [19, с. 157]. Называя окказионализмы «нарушителями законов (правил) общеязыкового словообразования» [6, с. 180], Е.А. Земская полагает, что при их образовании нарушаются «какие-либо законы словообразовательных типов» [5, с. 2]. В.П. Изотов и В.В. Панюшкин определяют окказиональность как «нарушение грамматических, словообразовательных норм современного русского литературного языка» [8, с. 9]. А.Г. Лыков полагает, что для окказионализмов характерны следующие признаки: «принадлежность к речи, ненормированность, функциональная одноразовость, творимость, экспрессивность, словообразовательная производность, синхронно-диахронная диффузность, новизна, индивидуальная принадлежность» [12, с. 36].

Л.В. Алёшина важным критерием индивидуальных новообразований считает «ощущение необычности, новизны, возникающее при восприятии слова у реципиента, контекстуальную обусловленность, отсутствие в словарях» [1, с. 66]. К дополнительным критериям Л.В. Алёшина справедливо относит выделение индивидуальных новообразований кавычками, курсивом или разбивкой, поскольку таким же образом может выделяться и узуальное слово [1, с. 66].

Разделяя точку зрения В.П. Изотова, В.В. Панюшкина, А.Г. Лыкова, Л.В. Алёшиной [12, с. 36; 8, с. 9; 1, с. 66], под ***индивидуальными образованиями*** (***окказионализмами)*** мы понимаем необычные экспрессивные лексические единицы, характеризующиеся творимостью, индивидуальной принадлежностью, функциональной одноразовостью. Таким образом, в современной лингвистике используются термины ***неологизм*** и ***новое слово***, а также ***новообразование*** как условно синонимичные.

Библиографический список

1. *Алёшина Л.В.* Словари авторских новообразований в контексте современной отечественной лексикографии. – Орёл: ОГУ, 2001. – 172 с.

2. *Алёшина Л.В.* Словарь авторских новообразований в контексте современной отечественной лексикографии: Дис. … д-ра филол. наук. – Орёл, 2002. – 547 с.

3. *Бабенко Н.Г.* Окказиональное в художественном тексте. Структурно-семантический анализ. – Калининград, 1997. – 83 с.

4. *Брагина А.А.* Новая жизнь старых слов // Русская речь. – 1978. – № 6. – С. 77–83.

5. *Земская Е.А.* Окказионализмы и потенциальные слова в русском словообразовании // Актуальные проблемы словообразования. – Самарканд, 1972. – Ч. 1. – 21 с.

6. *Земская Е.А.* Словообразование как деятельность. – М.: Наука, 1992. – 220 с.

7. *Земская Е.А.* Активные процессы современного словопроизводства // Русский язык конца XX столетия (1985–1995). – М.: Языки русской культуры, 2000. – С. 90–141.

8. *Изотов В.П., Панюшкин В.В.* Неузуальные способы словообразования. – Орел, 1997. – 40 с

9. *Котелова Н.З.* Первый опыт лексикографического описания русских неологизмов // Новые слова и словари новых слов. – Л.: Наука, 1978. – С. 5–26.

10. *Котелова Н.З.* Неологизмы // Лингвистический энциклопедический словарь. – М.: Советская энциклопедия, 1990. – С. 331.

11. *Лопатин В.В.* Рождение слова. Неологизмы и окказиональные слова. – М., 1973. – 152 с.

12. *Лыков А.Г.* Современная русская лексикология (русское окказиональное слово): учебное пособие. – М.: Высшая школа, 1976. – 118 с.

13. *Несветайло Ю.Н.* Лингвистическая сущность неологизмов и окказионализмов // Актуальные проблемы коммуникации и культуры – 6. – М.; Пятигорск, 2007. – Ч. 1. – С. 139–144.

14. *Сахарный Л.В.* К тайнам мысли и слова. – М.: Просвещение, 1983. – 159 с.

15. *Сенько Е.В.* Неологизация в современном русском языке конца XX в.: межуровневый аспект: Автореф. дис. … д-ра. филол. наук. – Волгоград, 2000. – 50 с.

16. *Сенько Е.В.* Неологизация в современном русском языке конца XX в.: межуровневый аспект: Дис. … д-ра филол. наук. – Волгоград, 2000. – 430 с.

17. *Сивова А.А.* Структурно-семантические особенности окказиональных слов в публицистике последней трети XX – н. XXI вв. (на материале газеты «Комсомольская правда»): Дис. … канд. филол. наук. – Нижний Новгород, 2006. – 193 с.

18. *Фельдман Н.И.* Окказиональные слова и лексикография // Вопросы языкознания. – 1957. – № 4. – С. 4–12.

19. *Ханпира Э.* Об окказиональном слове и окказиональном словообразовании // Развитие словообразования современного русского языка: сборник статей. – М., 1966. – С. 153–166.

20. *Шишикина А.А.* Именная префиксация в современных деривационных процессах: структурно-семантический аспект анализа (на материале новообразований российской прессы начала XXI в.): Дис. … канд. филол. наук. – Нижний Новгород, 2010. – С. 250.

УДК 882.09

Волотов Дмитрий Андреевич
Костромской государственный университет им. Н.А. Некрасова
vadmit87@mail.ru

БАТАЛЬНАЯ ЛЕКСИКА ФРАНЦУЗСКОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА КАК РЕЗУЛЬТАТ РУССКО-ФРАНЦУЗСКИХ КУЛЬТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ

Многовековая история взаимоотношений России и Франции предопределила ситуацию в русском языке XVIII – начала XIX вв. Анализ языка эпопеи Л.Н. Толстого «Война и мир» помогает доказать факт функционирования галлицизмов в русском литературном языке начала XIX века на примере лексем корнет, каптенармус, редут, флешь.

Ключевые слова: *языковой контакт, заимствование, галлицизм, батальный, функционирование.*

Взаимоотношения России и Франции имеют многовековую историю. Ещё в середине XI века дочь Ярослава Мудрого Анна стала королевой Франции, выйдя замуж за Генриха I [4]. Личная неприязнь Петра I к Франции никоим образом не отражалась на внешнеполитических отношениях двух стран. В 1717 году после указа Петра I появилось первое посольство России во Франции, что стало отправной точкой для установления дипломатических отношений между нашими странами [10]. В период преобразования русской армии по европейскому образцу, в 1712 году, во Францию было отправлено несколько русских офицеров [7, с. 358]. Тем не менее, связи с Францией в петровскую эпоху были эпизодическими [1, с. 24–29]. Начало активных контактов между двумя государствами относится к периоду царствования российских императриц Елизаветы и Екатерины II, когда происходит налаживание, а затем закрепление дружественных отношений. К концу XVIII века русско-французские отношения характеризуются охлаждением, а в 90-е годы перерастают в борьбу против французской буржуазной революции [1, с. 37]. Но такое противоборство на политическом уровне нисколько не сказывается на тенденциях и получившей широкое распространение и влияние моде русского дворянского общества на всё французское, в том числе, и на французский язык. П.А. Вяземский, видный деятель того времени, поэт и дипломат, парафразируя известное изречение, точно характеризует культурные связи России с Францией: «Grattez le Russe, vous trouverez le Parisien» («Поскоблите русского, найдёте парижанина») [3, с. 328].

В течение всего XVIII и в первой половине XIX веков французский язык оказал огромное влияние на русскую лексику. Академик А.А. Шахматов подчеркивает, что в этот период «прилив французских слов не прекращался, причем заимствовались… и такие, которые имели при себе в русском языке равнозначащие или почти равнозначащие синонимы» [14, с. 93]. Именно в этот период активизируется поток заимствований из французского языка в русский. Первые галлицизмы проникли в русский язык в Петровскую эпоху, вторая волна заимствований из французского языка, уже менее интенсивная, приходится на времена царствования Елизаветы Петровны и Екатерины II [1, с. 37]. Вероятно, причина такого количества галлицизмов в русском языке кроется в огромных успехах Франции, мощного и процветающего во всех областях государства. Франция по праву считалась (и считается до сих пор) законодательницей культуры и моды на всё изысканное. Как пишет Лотман в «Избранных статьях», французский язык, вытеснив латынь, сделался к этому времени международным языком науки и дипломатии, а французская культура по праву заняла среди европейских культур ведущее место [5, с. 350].

Итак, галлицизмы проникали во многие сферы жизни и деятельности людей: искусство, культуру, моду, одежду, интерьер, кулинарию и т.п. Несмотря на роль французского как языка великосветского общения, его влияние система русского языка испытала также и в военной сфере. По словам Ф.П. Сороколетова, первые галлицизмы военной тематики начали входить в русский язык на столетие раньше петровских реформ [11, с. 269], но процесс массового заимствования отмечается в эпоху Петра I. В Табели о рангах, составленной по образцу европейской системы чинов и званий, встречается немало заимствований из французского, особенно в названиях чинов военных (маршал, генерал-аншеф, премьер-майор, секунд-майор, капитан, лейтенант и др.) [8]. Как отмечает В.В. Виноградов, в петровскую эпоху военная лексика, заимствованная из того или иного языка-донора, относилась к определённой тематике. Так, в терминах морского дела господствовали заимствования из голландского (рейд, киль, фарватер, шкипер) и английского (бот, шхуна, бриг, мичман) языков. Многочисленная группа слов, обозначающих сухопутные термины, заимствована из Германии (генералитет, юнкер, гауптвахта, лагерь, штурм). Но в таких терминах было заметно и сильное влияние французского языка (барьер, батальон, гарнизон, марш, мортира, лафет), вероятно, обусловленное тем, что во Франции прежде всего было заведено постоянное войско [2, с. 60].

Батальная лексика русского языка XVIII – первой половины XIX веков является одним из круп-

© Волотов Д.А., 2012

ных пластов заимствований из французского языка в русский. Это слова – *авангард, аванпост, армия, арьергард, батальон, батарея, бивак, ботфорты, гарнизон, генерал-аншеф, гренадер, диверсия, драгун, кавалерия, казарма, канонада, каптенармус, корнет, лафет, лейтенант, люнет, маршал, мортира, ординарец, редут, фланг, фронт, шинель, эполет, эскадрон* и др. Данная лексика представлена различными тематическими группами: воинские звания, наименования лиц, принадлежащих к различным родам войск, наименования лиц по роду деятельности, рода войск, наименования войска и его структурных частей и подразделений, орудия, фортификационные сооружения, предметы одежды и обмундирования и др. Эти группы лексики достаточно полно отражены в романе-эпопее Л.Н. Толстого «Война и мир», описывающем события начала XIX века, в том числе и войну с Наполеоном. Среди этих групп наиболее многочисленной по составу является агентивная лексика, группа наименований лиц, имеющих отношение к военному делу. Её доля от общего числа заимствованной батальной лексики в романе составляет примерно 25%. Причина такого количества агентивов объясняется тем, что для создаваемой Петром I регулярной армии заимствовались новые лексемы, которые в конечном итоге вытеснили ставшие историзмами агентивы (князь, воевода, голова, сотник, тысяцкий). Это наглядно отображено в Табели о рангах, где указано время вхождения в русский язык новых заимствований. Некоторые из них (генерал, генерал-лейтенант, генерал-майор, майор, капитан, лейтенант) до сих пор не вышли из употребления, и являются элементами терминосистемы современных воинских званий. Менее используемыми в настоящее время носителями русского языка, но актуальными в начале XIX века были французские по происхождению лексемы: *бригадир*, *дивизионер*, *жандарм*, *интендант*, *каптенармус*, *карабинер*, *корнет*, *ординарец*, *партизан*, *рекрут*.

Корнет. В Словаре русского языка лексема (далее – МАС) *корнет* охарактеризована так: КОРНЕТ, -а, м. Первый офицерский чин в кавалерии и войсках пограничной стражи в дореволюционной русской армии, соответствовавший подпоручику в пехоте, а также офицер в этом чине. [Франц. cornette] [9, т. 2, с. 105]. Происхождение лексемы решается неоднозначно: по данным этимологического словаря М. Фасмера в русский язык это слово попало через немецкое *Kornet* из французского *cornette* – «знаменосец», либо непосредственно из французского *cornette* «флаг с двумя вымпелами, штандарт кавалеристской роты» от *cornet* «рожок» [13, т. 2, с. 330]. Яснее этимология слова прослеживается во французских толковых словарях, где представлены два омонима *cornette*, отличающиеся категорией рода. Лексема женского рода *cornette*, происходящая от французского *corne* «рожок», имеет несколько значений, одно из которых – étendard d'une compagnie de cavalerie; cette compagnie elle-même «знамя кавалерийского полка и сам полк» [15, с. 271]. Лексема мужского рода однозначна – autrefois, officier portant l'étendard d'une compagnie de cavalerie; sous-lieutenant de cavalerie «офицер, несущий знамя кавалерийского полка» [15, с. 271]. Причина наименования одушевлённого лица словом *cornette*, обозначающим неодушевлённый предмет, объясняется фактом переноса значения по смежности с изменением категории рода исходной лексемы.

Чин корнета был введён императрицей Анной Иоанновной для кавалерии в 1731 году и соответствовал самому низшему 14-му классу Табели о рангах [8]. Этот чин был свойственен всем родам войск кавалерии: корнеты входили в состав Кавалергардского полка, который включал в себя и другие строевые чины (ротмистры, поручики, вахмистры, эстандарт-юнкеры). Из текста «Войны и мира» становится ясно, что корнеты служили и в гусарских полках: *Гусарский корнет из свиты Кутузова, передразнивавший полкового командира, отстал от коляски и подъехал к Долохову. Гусарский корнет Жерков одно время в Петербурге принадлежал к тому буйному обществу, которым руководил Долохов* [12, кн. 1, с. 149]. Один из героев «Войны и мира», Николай Ростов, недавно произведённый в офицеры гусарского Павлоградского полка, носил звание корнета: *Ростов недавно отпраздновал свое вышедшее производство в корнеты, купил Бедуина, лошадь Денисова, и был кругом должен товарищам и маркитантам* [12, кн. 1, с. 291]. Тем самым Толстой подтверждает, что корнет был исключительно кавалерийским чином и офицеры в этом звании должны были иметь лошадь. В русском языке лексема не имеет однокоренных производных слов, в романе она употреблена 7 раз, но обладает свойственной лексемам русского языка парадигмой склонения и в предложении свободно сочетается с другими частями речи: *гусарский корнет*, *производство в корнеты*.

Аналогично лексеме *корнет* историзмом является лексема *каптенармус*, обозначавшая должностное лицо в армии. Несмотря на единичное употребление в романе, она точно характеризует предназначение и функции каптенармуса. Каптенармусом в романе называется человек, ответственный за снабжение солдат продовольствием: *В одной роте обед был готов, и солдаты с жадными лицами смотрели на дымившиеся котлы и ждали пробы, которую в деревянной чашке подносил каптенармус офицеру, сидевшему на бревне против своего балагана* [12, кн. 1, с. 215]. Значение слова у Толстого соответствует значению, данному в словаре иностранных слов – *«должностное лицо младшего командного состава, ведающего в роте*

хранением и выдачей снаряжения, обмундирования и продовольствия» [6, с. 434]. В МАС отмечено, что эта должность существовала и в Советской Армии, но только до 50-х годов [9, т. 2, с. 30-31]. Слово происходит от французского *capitaine d'armes* и заимствуется в русский язык, претерпевая впоследствии ряд фонетических изменений (*капитан дес армес -> каптенармус*). Неустойчивость фонетико-морфологической формы слова в период активного употребления (*каптинармусъ–капитанъ-десъ-армесъ*) является характерным признаком его «чужеродности» в лексической системе русского языка [11, с. 270]. В настоящее время данная лексическая единица не воспринимается как полностью адаптированная, поскольку имеет на конце слова -ус, формант, присущий заимствованиям из латинского. Поэтому многие носители русского языка полагают, что лексема *каптенармус* является именно латинизмом, аналогично лексемам *архивариус*, *нотариус*, *гладиолус*, *тезаурус* и др.

Среди неагентивной лексики, представленной в романе, наиболее яркими и узнаваемыми, особенно сейчас, в год празднования юбилея Бородинской битвы, являются галлицизмы *редут* и *флешь*. Эти заимствования из французского языка остаются широко известными и в настоящее время благодаря тексту эпопеи «Война и мир». Слово *редут* в романе имеет обычное значение для этого слова – 'укреплённое сооружение для обороны, располагающееся обычно на возвышении впереди основных сил армии': *редут этот состоял из кургана, на котором с трех сторон были выкопаны канавы. В окопанном канавами месте стояли десять стрелявших пушек, высунутых в отверстие валов...* [12, кн. 2, с. 231]. Значение такого сооружения в практике боя было очень велико: *редут этот состоял из кургана, на котором с трех сторон были выкопаны канавы... Входя на этот курган, Пьер никак не думал, что это окопанное небольшими канавами место... было самое важное место в сражении* [12, кн. 2, с. 231].

Название другой лексемы *флешь* происходит от мотивированного французского слова flèche 'стрела' [15, с. 434]. В МАС она охарактеризована следующим образом: Флешь, -и, ж. Воен. устар. Полевое укрепление в форме тупого угла, обращенного вершиной к противнику [9, т. 4, с. 570]. Флешь, как и редут, является укрепительным сооружением, отличаясь от редута формой и характером построения. В романе Л.Н. Толстого «Война и мир» эта лексема также обладает высокой фреквенцией, насчитывая 21 употребление. В нарративе произведения нет точной семантизации лексемы, поэтому сам автор даёт примечание при первом употреблении этого слова в тексте романа: *Потом под гору и на гору они проехали... по вновь проложенной артиллерией по колчам пашни дороге на флеши [род укрепления. (Примеч. Л.Н. Толстого.)], тоже тогда еще копаемые* [12, кн. 2, с. 202]. Ясно то, что флешами в «Войне и мире» называются некие 'сооружения, предназначенные для обороны'. В мастерски созданных Л.Н. Толстым детальных описаниях батальных сцен выкристаллизовываются нюансы значений лексемы, из которых складывается её семантический алер. Объём значений раскрывается в контекстах, в парадигматических связях с другими лексемами: *В диспозиции сказано, первое: чтобы устроенные на выбранном Наполеоном месте батареи..., всего сто два орудия, открыли огонь и засыпали русские флеши и редут снарядами* [12, кн. 2, с. 219]; *Перекатная пальба пушек и ружей усиливалась по всему полю, в особенности влево, там, где были флеши Багратиона, но из-за дыма выстрелов с того места, где был Пьер, нельзя было почти ничего видеть* [12, кн. 2, с. 233]. Слова *редут* и *флешь* являются необходимыми и важными для описания батальных сцен в романе-эпопее, а многочисленные по употребительности словосочетания с этими лексемами – *Шевардинский редут, Багратионовы флеши* – давно стали идиоматическими и по сей день олицетворяют доблесть и отвагу русской армии.

В словарях современного русского языка вышеописанные лексемы, как и многие другие батальные галлицизмы, отмечены пометой *устар.* С течением времени они действительно превратились в историзмы, поскольку военная наука не стояла на месте, изменились характер и способы ведения войн, что отразилось и на ситуации употребления терминов в современном русском языке. Тем не менее, батальная лексика русского языка, заимствованная в XVIII–XIX веках из французского языка, является «отпечатком» культурно-политических отношений той эпохи между двумя странами.

Библиографический список

1. *Биржакова Е.Э., Войнова Л.А., Кутина Л.Л.* Очерки по исторической лексикологии русского языка XVIII века. Языковые контакты и заимствования. – Л., 1972. – С. 24–29, 37.

2. *Виноградов В.В.* Очерки по истории русского литературного языка XVII–XIX веков. – М.: Высшая школа, 1982. – 528 с.

3. *Вяземский П.А.* Стихотворения. Воспоминания. Записные книжки. – М., 1988. – С. 328.

4. *Карамзин Н.М.* История государства Российского. В 12 т. Т. 2. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.kulichki.com/inkwell/text/special/history/karamzin/kar02_02.htm (дата обращения: 18.08.2012).

5. *Лотман Ю.М.* Статьи по истории русской литературы XVIII–XIX века. В 3 т. Т. 2. – Таллинн, 1992. – С. 352.

6. Новый словарь иностранных слов / авт.-сост. Е.Н. Захаренко. – М.: Азбуковник, 2009. – 1040 с.

7. Очерки истории СССР. XVIII век, первая четверть. – М., 1954. – С. 358.

8. Российское законодательство X–XX вв.: В 9 т. Т. 4: Законодательство периода становления абсолютизма / отв. ред. А.Г. Маньков. – М.: Юридическая литература, 1986. – С. 56–61 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/tabel.htm (дата обращения: 18.08.2012).

9. Словарь русского языка: В 4 т. / под ред. А.П. Евгеньевой. Т. 2. – М., 1985.

10. *Соловьёв С.М.* История России с древнейших времён. Сочинения в 18 кн. Кн. 8, 9 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://militera.lib.ru/common/solovyev1/index.html (дата обращения: 18.08.2012).

11. *Сороколетов Ф.П.* История военной лексики в русском языке XI–XVII вв. – М.: Либроком, 2009. – 384 с.

12. *Толстой Л.Н.* Война и мир: В 2-х книгах. Кн. 1, 2. – М., 2010.

13. *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка: В 4 т. Т. 1. – М., 1986.

14. *Шахматов А.А.* Очерк современного русского литературного языка. – М., 1941. – 286 с.

15. Petit Larousse illustré – dictionnaire encyclopédique pour tous, 1976.

УДК 811.161.1

Зорина Людмила Юрьевна
Вологодский государственный педагогический университет
lyudmila.zorina@gmail.com

РУССКИЕ ДИАЛЕКТНЫЕ БЛАГОПОЖЕЛАНИЯ В СИТУАЦИЯХ ЛЬНОВОДСТВА, ПРЯДЕНИЯ И ТКАЧЕСТВА

В статье анализируются диалектные благопожелания в ситуациях льноводства, прядения и ткачества. Формулы рассматриваются с точки зрения их семантики, ареала, речевой организации и символических смыслов. Материал статьи пополняет представления о бытовании в русских народных говорах категории вежливости.

Ключевые слова: *диалекты, речевой этикет, коммуникативная ситуация, благопожелания.*

Костромской регион издавна известен как центр изучения лексики льноводства, прядения и ткачества [3]. Названной тематической группы нам также довелось коснуться, но уже на уровне изучения северорусских диалектных благопожеланий. Вслед за Т.А. Агапкиной и Л.Н. Виноградовой, под *благопожеланием* нами понимается «принятая в данном социуме устойчивая формула, содержащая пожелание добра одним лицом в адрес другого лица» [1, с. 186]. В русских народных говорах благопожелания часто произносятся в типизированных, повторяющихся ситуациях: при замешивании теста, сбивании масла, доении коровы, сенокосе, жатве, трепании льна, ткачестве и др.

Источниками материала для наблюдений над благопожеланиями в ситуациях льноводства, прядения и ткачества послужила картотека «Словаря вологодских говоров» [7] и личный архив полевых записей по вологодским говорам, сопредельным с костромскими. Благопожелания, зафиксированные в русских народных говорах в этих ситуациях, анализируются нами с точки зрения их семантики, ареалов, речевой организации и символических смыслов.

В ситуации обработки льна (это и уборка выросшего льна, и отделение костры от льноволокна, и чесание льноволокна, и прядение, и ткачество) люди, увидевшие работников, обычно произносят формулы: ***Бог в помощь! Дай Бог спорину! Труд на пользу!*** Это самые общие, ёмкие по смыслу благопожелания, применимые к любым ситуациям, произносимые при любых видах работ. Обращает на себя внимание, что два благопожелания связаны с упоминанием Бога. Народное сознание рассматривает его как дарителя добра, блага [1, с. 174]. В благопожелании *Дай Бог спорину!* употребляется диалектное слово *спорина* ‘удача, успех’. Формула *Труд на пользу!* связана, по-видимому, с самыми древними библейскими текстами: *Труд должен быть направлен на пользу ближнему и на прославление Бога* (Екклезиаст, гл. 2).

Помимо перечисленных универсальных формул добрых пожеланий, в описываемых ситуациях используются специализированные, присущие только этим ситуациям формулы.

Так, процедура чесания льноволокна представлена формулой ***Шёлк на руки!*** Волокно отделяют от сухих обломков твёрдой части стебля. Благопожеланием *Шёлк на руки!* работающему человеку желают, чтобы очищенное льноволокно было мягким, податливым, подобным шёлку, не кололо руки. *Шёлк* в данном благопожелании – символ мягкости льноволокна. Согласно представлениям людей в традиционных архаических культурах благопожелание, доброе слово равнозначны доброму делу, помощи работникам.

В ситуации прядения в говорах Вологодского района зафиксированы формулы: ***Пряди на здоровье! Ты пряди, прядеюшка! С миру по нитке!*** Все эти формулы не что иное, как пожелание успеха женщине, которая занимается прядением нитей.

© Зорина Л.Ю., 2012

Первая формула прагматична, лишена образности. Вторая формула с пометой «фольклорное» отмечена А.В. Громовым в составе частушки: *Ты пряди, прядеюшка, вот тебе куделюшка. Вот те пряха, вот те лён, вот те десять веретён* [3, с. 51]. В формуле подчёркнуты важность своевременного начала прядения и значительный объём предстоящей работы. Третья формула представляет собой фразеологизм, который широко известен по современной поговорке: *С миру по нитке – голому рубаха.* Многие современные паремии первоначально были фактами именно живой речи.

При наступлении периода ткачества (обычно это было время после Масленицы) женщинам в вологодских деревнях адресовали благопожелание: ***Вити-вити на трубицы!*** *А вот птички раньше – ой, говорят, надо ткать: птички налетели. Вити-вити на трубицы!* (К-Г.) [7, т. 11, с. 63]. Эта формула со звукоподражательным элементом *вити-вити,* передающим щебет птиц, обозначала, с одной стороны, время массового появления близ крестьянских жилищ мелких зимних птиц (синиц, чижей, чечёток), с другой стороны, сигнализировала, что пора выполнять соответствующую этому времени работу – навивать на ткацком стане основу. Диалектным словом *трубицы* обозначены полые лубяные цилиндры, на которые сматывалась пряжа с *вороб* [3, с. 56]. Представляется, что формула по своему происхождению восходит к архаическим ритуалам.

Застав женщину за ткацким станком, человек, вошедший в дом, обычно приветствовал её, выражая пожелание успешной работы. Фразы благопожеланий были различными. В поле нашего зрения попали такие стереотипные формулы: *Хороший холст! Ровной кромки! Белую да чистую трубу полотна! Трубу полотна! Добро на основе! Сто локот на пришвицу! Сто рублей в карман! Сто стен на сновалочку! Шёлк на руки!* Рассмотрим далее эти выражения.

Хороший холст*! Хороший холст!* (Влгд.). Заложенный в формулу смысл подчёркивается возможностью «развернуть», трансформировать изречённое: *<Я желаю тебе выткать хороший холст!>* или *<Пусть будет у тебя хороший холст!>*. В обоих случаях возможной трактовки проявляется модальность благопожелания. В действительности холст хорошо получался далеко не у всякой женщины: требовались умение, опыт, сноровка, поэтому пожелание хорошего результата оказывалось своевременным. Грамматически приведённое благопожелание построено по модели, широко представленной в русском языке, ср.: *Доброе утро!*

Ровной кромки*! Ровной кромки тебе, ткачиха! – говорят женщине, которая ткёт* (В-У.). Развёртывание формулы подчёркивает её смысл: *<Я желаю тебе ровной кромки>*. В этом ремесле высоко ценилось качество самого полотна, а качество проявлялось и в наличии ровного края, т.е. кромки. Создать её было непросто, следовало умело проложить продольные нити, нити основы. Ошибка в их наборе приводила к большим трудностям в работе и к дефектам ткани: *А как лишко наснуёшь, в бёрдо-то не влезёт, дак пойдёт удора… Девке дак попадёт от матери: чего так насновала.* (Сямж.). Грамматически благопожелание также построено по модели, широко представленной в русском языке, ср.: *Приятного аппетита!*

Белую да чистую трубу полотна*! Белую тебе да чистую тебе трубу полотна! – говорят женщине, которая ткёт* (В-У.). <Я желаю тебе выткать белую и чистую трубу полотна>. *Труба* – это диалектное наименование достаточно большой меры вытканного домашнего полотна, равной двум *стенам* и составляющей примерно 16–18 метров: *В сундуке-то у меня вон лежит ещё труба холстины* (Вож.) [7, вып. 11, с. 62]. Мера вытканного материала именуется этим словом по смежности: полотно накручивается на трубу, на полый лубяной цилиндр [3,с. 56].

Благопожелание *Белую тебе / да чистую тебе / трубу полотна!* при произнесении делится на три синтагмы. Последняя синтагма может функционировать и как самостоятельное благопожелание. Первые синтагмы подчёркивают лучшие качества холста – его белизну, чистоту. Эти признаки являются весьма значимыми. Если вытканное полотно белое, чистое, то в дальнейшем не придётся тратить много сил на его отбеливание на снегу или во время летнего кипячения. Наименование *труба* со значением меры вытканного холста, основанное на ассоциации по форме, неизбежно сталкивается в говоре с наименованием *труба* – ‘дымоход’. Благопожелание, таким образом, строится на подразумевании резкого цветового контраста. Повтор местоимения *тебе* создаёт эффект усиления благопожелательности, причём, как кажется, повтор придаёт тексту и ритмизованный характер. Местоимение, повторяясь, оказывается в постпозиции по отношению к прилагательным, что свидетельствует об инверсии в этой фразе.

Добро на основе*! Добро на основе! – говорят человеку, который снуёт основу для тканья* (В-У.). *Основа* – это продольные нити в ткацком станке. Подготовка основы требовала от женщины определённых навыков: *Если все нитки привяжёшь в бёрдо, а насновано-то больше, дак и говорят – пересновала. Удора – дак это лишняя нитка* (Ник.). [7, вып. 11, с. 108]. По смыслу анализируемое высказывание близко благопожелательному: *<Пусть будет у тебя хорошо сделана основа>*. Грамматически выражение представляет собой неполное побудительное двусоставное предложение. Такую же структуру имеют и некоторые другие благопожелания, например, формула *Добро на мас-*

ле!, которой приветствуют человека, сбивающего сметану.

Сто локот на пришвицу*! Сто локот тебе на пришвицю!* Это благопожелание зафиксировано краеведом и этнографом М.Б. Едемским в начале XX века в Тарногском районе Вологодской области, причём отмечено, что такими словами ткачиху обычно приветствует женщина: *<Я желаю тебе / вам сто мер длины на пришвицу>*. Слово *пришвица* обозначает передний вал, на который в ткацком станке наматывается готовая ткань. Слово *пришвица* распространено в основном на северных территориях: *Ведь пришвича и навой похожи друг на дружку, токо на пришвичу полотно накручивают, а навой – нитки* (Ник.). *На пришличу матерьял закручивался* (Межд.) [7, вып. 8, с. 73].

Форма *локот* – это диалектная форма родительного падежа множественного числа существительного *локоть*. *Локоть* – ‘старинная мера длины, равная длине от локтя человека до конца среднего пальца’ [9, т. 6, с. 339]. Вместо ожидаемой формы *локтей* (из *локътии*) наблюдаем форму *локот*. В Словаре русских народных говоров фиксацией от 1885 года представлен, но без знака ударения, архангелогородский вариант этого же благопожелания: *Сто локоть на пришвицу!* [8, т. 32, с. 67]. Вологодским говорам известно отвердение конечного [т’]: *ночеват, видат, опет.* В этот ряд можно вписать и словоформу *локот.* Наличие нулевого окончания, а не окончания *-ей* можно объяснить тем, что слово относится к группе лексем, обозначающих парные предметы, и ведёт себя подобно некоторым из них (ср.: *глаз, плеч, рог*). Своеобразие грамматической формы усиливает, на наш взгляд, формульность всей фразы.

Сто рублей в карман*! Сто рублей тибе в корман!* М.Б. Едемский зафиксировал это благопожелание в Тарногском районе, причём в устах мужчины: *<Я желаю тебе сто рублей в карман>*. Если женщина обыкновенно думает о том, чтобы выткать много полотна, обеспечить семью бельём и одеждой, то мужчина размышляет об упрочении материального достатка семьи, планируя, по-видимому, и возможную продажу вытканного холста с целью получения денег. В благопожелании не употреблено ни одной лексемы из разряда диалектных. По-видимому, мужчина, желающий соблюсти установленные в сельской общине приличия, употребил такое приветствие, которое применимо как общее трудовое благопожелание, равно подходящее и к деятельности охотника, и к труду грибника – т.е. к труду, который производится для заработка.

Сто стен на сновалочку*! Сто стен на сновалочку! – тому, кто ткёт.* (В-У.). *Стена* – это мера длины вытканного полотна: *Сколько стен девка насновала? Стена — дак цетыре прясла* (Вож.) [7, вып. 10, с. 127]. *Сновалочка* – уменьшительно-ласкательное наименование очень важного для ткачества предмета. Так называют приспособление для перематывания ниток в виде четырёх столбиков на крестовине, вращающихся вокруг металлического стержня: *Пряжу сновали. Была сновална. Пряжа с трубок на круг идёт, сматывается* (Межд.) [7, вып. 10, с. 62]. *Сто стен на сновалочку!* – это пожелание, чтобы было выткано очень много полотна. Старинное благопожелание, удобное по форме и ёмкое по своему содержанию, можно применить и к некоторым другим современным жизненным ситуациям, ср: *Вам тоже сто стен на лексикографическую и культурологическую региональную сновалочку! Будьте здоровы!* Употребляясь расширительно, оно мощно развивает свою метафоричность, способность выражать общую идею успеха, удачи, результативности в работе.

Перечислив благопожелания, зафиксированные на вологодской территории, убеждаемся, что это отнюдь не полный перечень формул, имеющихся в русских народных говорах. Заслуживающими внимания по своей образности, выразительности являются народные благопожелания в ситуации ткачества, зафиксированные в Словаре русского речевого этикета А.Г. Балакая [2].

Зев в бёрдо! [2, с. 433]. *Зев* – это ‘клинообразное пространство, образуемое в нитях основы движением ниченок от нажатия на подножки и используемое для пробрасывания в него челнока с утком; служит для прибивания нитей утка’ [3, с. 70]. *Бёрдо* – ‘продолговатая прямоугольная рамка с частыми параллельными пластинками-зубьями, вертикально расположенными внутри неё’ [3,с. 60]. Сквозь *зев,* образованный нитями основы, проходит челнок с нитью утка, *бёрдом* эта нить прибивается к уже изготовленной части полотна. Таким образом, ткущей женщине желают лёгкого, беспрепятственного прохождения челнока между нитями зева и равномерной плотности ткани.

Зев в кросна, чтобы я прошла! [2, с. 433]. *Кросна* или *кросна* – это диалектное название всего собранного домашнего ткацкого станка. Названной формулой выражают пожелание, чтобы зев был широким, удобным для продвижения челнока с нитью. В речевом выражении пожелания заметно преувеличение, гипербола.

Прямина (прямота) в кросна, а кривизна в лес! *Прямина (прямота) вам, девушки, в кросна, а кривизна в лес!* Это приветствие-пожелание женщинам, навивающим нитяную основу на ткацкий станок [2, с. 433]. Суть благопожелания в том, чтобы кромка ткани была ровной. Выражение строится на основе синтаксического параллелизма и антитезы.

Мир на стану! [2,с. 433]. Это пожелание ровной, спокойной работы при ткачестве, ср.: *Мир дому вашему!, Мир дорожкой!* и др. Диалектным словом *стан* здесь назван установленный в крестьянском жилище ткацкий станок. Пожелание мира,

спокойствия, сосредоточенности в этой работе очень важно, так как производимая женщиной работа связана со счётом нитей, полос будущей ткани.

Ситуация изготовления швейного изделия из домотканого материала представлена в вологодских говорах благопожеланием ***Ровно на кромку, баско на шов!*** *– тому, кто шьёт* (В-У.). При ткачестве кромка вытканного полотна должна быть ровной, а при шитье у хорошей портнихи шов должен быть красивым. Органичным представляется использование диалектного слова *баско.* Именно многочисленные слова с корнем *бас-* чаще всего и выражают идею красоты в вологодских говорах [4].

Итак, в русских деревнях при ткачестве женщине желают хорошего результата в работе. Результат понимается как большое количество и высокое качество изготовляемой ткани. В проанализированных формулах вежливости отражаются отголоски старинного русского ремесла, к настоящему времени уже устаревшего, но культивируемого отдельными энтузиастами. Являясь устойчивыми формулами, эти благопожелания бытуют не как нечто мёртвое, застывшее. Они могут осложняться вокативами (*Ровной кромки тебе, ткачиха!*), расширяться за счёт указания адресата (*Сто локот тебе на пришвицю!*), переосмысляться, переключаясь на иные коммуникативные ситуации (*Сто стен на культурологическую сновалочку!*). Благопожелания в этой ситуации отличаются лаконичностью (*Хороший холст!*), заметной прагматичностью (*Сто рублей в карман!*), ассоциативностью (*труба полотна – труба печная*), ритмизованностью (*белую тебе да чистую тебе трубу полотна*) и др. Очень значимой в этой группе благопожеланий оказывается идея стократного преумножения результата труда: *сто локот, сто стен, сто рублей.* Слово *сто* в анализируемых формулах является мощным интенсификатором экспрессивности.

Употребление благопожеланий, как видим, создавало в крестьянской культуре совершенно особый, исполненный красоты, эстетики, стиль коммуникации. Использование этикетных формул при каждом трудовом действии убеждало работающих, что труд – это не бремя, а благо для человека.

Сокращённые обозначения районов Вологодской области

Вашк. – Вашкинский, *В-У.* – Великоустюгский, *Вож.* – Вожегодский, *К-Г.* – Кичменгско-Городецкий, *Межд.* – Междуреченский, *Ник.* – Никольский, *Сямж.* – Сямженский, *Тарн.* – Тарногский, *Тот.* – Тотемский, *Шексн.* – Шекснинский.

Библиографический список

1. *Агапкина Т.А.* Благопожелание: Ритуал и текст / Т.А. Агапкина, Л.Н. Виноградова // Славянский и балканский фольклор: верования, текст, ритуал / отв. ред. Н.И. Толстой. – М., 1994. – С. 168–208.

2. *Балакай А.Г.* Словарь русского речевого этикета. – М.: АСТ-ПРЕСС, 2001. – 672 с.

3 *Громов А.В.* Лексика льноводства, прядения и ткачества в костромских говорах по реке Унже. Словарь. – Ярославль, 1992. – 118 с.

4. *Зорина Л.Ю.* Красота по-вологодски / Л.Ю. Зорина, Л.Г. Яцкевич // Вологодский ЛАД. Литературно-художественный журнал. – 2009. – № 1 (13). – С. 209–216.

5. *Зорина Л.Ю.* Отзвуки старинного ремесла в вологодских благопожеланиях ткачихе // И сладкий вкус родимой речи. Сборник научных трудов, посвящённый юбилею доктора филологических наук, профессора Л.А. Климковой / отв. ред. Е.Ю. Любова. – Арзамас: АГПИ им. А.П. Гайдара, 2011. – С. 211–218.

6. *Зорина Л.Ю. Трепало, трепальце, трепаленка* (к вопросу о функционировании лексем корневого гнезда в вологодских народных говорах) // Словообразовательные и грамматические категории в языке и речи. / научн. ред. Г.В. Судаков. – Вологда: ВГПУ, изд-во «Русь», 2006. – С. 145–155.

7. Словарь вологодских говоров. Вып. 1–6 / под ред. Т.Г. Паникаровской. Вып. 7–12 / под ред. Л.Ю. Зориной. – Вологда: ВГПИ / ВГПУ, 1983–2007.

8. Словарь русских народных говоров. Вып. 1–24 / гл. ред. Ф.П. Филин; ред. Ф.П. Сороколетов. – М.; Л.: Наука, 1965–1989; Вып. 25–43 / гл. ред. Ф.П. Сороколетов. – СПб.: Наука, 1990–2010.

9. Словарь современного русского литературного языка в 17 тт. – М., 1948–1965.

УДК 811.161.1+81'42

Караева Лилия Николаевна
Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского
lilusha22@mail.ru

ДИНАМИКА ПРОСТРАНСТВА В ПРОЗЕ СИГИЗМУНДА КРЖИЖАНОВСКОГО (на материале повести «Воспоминания о будущем»)

Цель данной статьи состоит в определении видов деформации пространства, встречающихся в тексте повести С. Кржижановского «Воспоминания о будущем», в выявлении языковых средств выражения, передающих динамику топоса.

Ключевые слова: *динамика, пространственные отношения, деформация, языковые средства выражения, новообразования.*

Идея перемещения в пространстве и во времени не раз становилась основой сюжетов литературных произведений. Повесть С. Кржижановского «Воспоминания о будущем», где рассказано о строительстве главным героем Максимилианом Штерером так называемого «времяреза», по замыслу предвосхитила созданную на несколько лет позже М.А. Булгаковым пьесу «Иван Васильевич», в которой утверждается та же мысль о создании машины времени. Герой Кржижановского выступает как исследователь проблемы space-time и видит свою цель в следующем: «Вся моя задача сводилась, в сущности, к тому, чтобы пройти по дефису, отделяющему еще time от space, по этому мосту, брошенному над бездной из тысячелетий в тысячелетия» [1, с. 408]. В своей статье мы рассмотрим, какие типы пространства открывает перед читателем текст повести «Воспоминания о будущем», определим способы его деформации, выявим наиболее яркие языковые средства, передающие динамику топоса в произведении, укажем закономерности изменения пространственных отношений.

Движение – суть поставленной нами проблемы, а также основной принцип работы штереровского времяреза – перемещение объекта (человека) из эпохи в эпоху, с места на место. Формула движения, разработанная главным героем, проста: при изменении переменной «время» меняется переменная «пространство», и наоборот. Обоснование своих гипотез Штерер находит в философских трудах: «Так, по поводу гипотезы о многоосности времени он реминисцирует Лейбница: создатель монадологии, отвечая на вопрос, как при непрерывности материи, заполняющей все пространство, при занятости всех мест возможна перемена мест, то есть движение, – утверждал: единственное движение, возможное внутри такого сплошного мира, – это вращение сфер вокруг своих осей» [1, с. 357]. Опыты над часовыми стрелками в доме отца стали началом пути героя по осуществлению идеи строительства машины времени: «Штерер-младший, производя свой первый опыт, заставил часовые стрелки поменяться осями: минутную на часовую – часовую на минутную. И он мог убедиться. Что даже такая простая перестановка нарушает ход психических механизмов» [1, с. 340].

Итак, динамика – основополагающее свойство повести С. Кржижановского «Воспоминания о будущем», сюжет которой развивается благодарю движению героя во времени и пространстве, при этом время выступает частью пространства, оно изменяется одновременно с местом пребывания: «Время … подобно лучу, убегающему от своего источника, есть уход от самого себя, чистая безместность, минус из минуса…» [1, с. 352]. Время становится «двигателем» пространства: «Сегодня мне исполнилось двадцать два. Я медлю и медитирую, а тем временем время в борьбе за тему времени выигрывает темп» [1, с. 352]. Темпоральное ускорение происходит: 1) внутри сознания главного героя, его внутреннем пространстве, что выражается в движении мыслей Штерера. Это темпоральное ускорение отражается в использовании в пределах одного предложения слов с семантикой противопоставления как пространственной оппозиции внешний–внутренний («*Остановившаяся* было мысль Штерера, зацепившись за знаки слова, опять *пришла в движение*» [1, с. 378]); 2) в мире окружающей природы, быстрой смене времени суток, на что указывают хрононимы, которые обозначают время суток в повести («*Вечер* перешел в *ночь*» [1, с. 338]), 3) с объектами внешнего мира, примером чему может служить движение поезда, что на языковом уровне отражается в употреблении автором лексики с семантикой быстроты («Они [пассажиры] были похожи на людей, мимо которых *пронеслись* освещенные окна экспресса, канувшего из тьмы в тьму» [1, с. 391]). Эти резкие переходы из одного пространственного поля в другое объясняются временным ускорением, которое оказывает влияние на соотносительную категорию топоса, наделяя художественное пространство текста свойством динамичности.

В пространстве авторского текста объекты могут не только двигаться с высокой скоростью, но и замедлять свое движение («Движение *было медленным*, солнце желтым диском *перекатывалось* от запада к востоку, знакомая обочина дней *тянулась* от Futurum к Perfectum» [1, с. 417]), а иногда

 © Караева Л.Н., 2012

и вовсе останавливаться («…солнце, взлетевшее было, точно под ударом упругой ракеты, из-за крыш, внезапно метнулось назад…, и все, точно натолкнувшись на какую-то стену, там, за горизонтом, *остановилось* и *обездвижилось*; лента секунд…застопорилась на каком-то миге, какой-то дробной доли секунды – и ни в будущее, ни в прошлое» [1, с. 413]). Лексика с семантикой ускорения («метнулось»), замедления («было медленным», «перекатывалось», «тянулось») и остановки («остановилось», «обездвижилось») определяет динамические характеристики пространства, а сложная метафора «лента секунд застопорилась на каком-то миге, какой-то дробной доли секунды» создает эффект резкого торможения времени в пространстве и абсолютного отсутствия движения.

С. Кржижановский материализует время, изображая его сквозь призму пространства. Время часто сравнивается с явлениями и предметами реального мира: «…можно перейти время, как переходят улицу, – можно проскочить меж потока секунд, как проскакивают меж мчащихся колес, не попав ни под одну…» [1, с. 359]. Выражение временных явлений через пространственные номинации позволяет не только наглядно представить эту абстрактную философскую категорию, но и раскрыть ее как динамическую модель жизни, развертывающуюся в пространстве и во времени: «…прошедшее и будущее превращались лишь в два тротуара одной улицы, проходящим по которой предоставляется идти и по будущей и по прошедшей стороне – кому как удобнее» [1, с. 388].

Рассмотрим, какие виды деформации пространства встречаются в тексте повести «Воспоминания о будущем». Замедление и ускорение времени вызывает *сжатие* и *расширение* пространства. Закономерно то, что при ускорении времени происходит сжатие пространства («Он тянул учителя за гири, ощупывал ему его круглое белое лицо, пробирался пытливыми пальчиками внутрь его жесткого и колючего мозга» [1, с. 341], «Сначала крыши станций опадали круто, потом двугранъ их угла стала раздаваться, меняя острый угол на тупой; вместо прямых разбегов шоссе, пересекающих путь, – витиеватые извивы ныряющего под шлагбаум проселка: Россия» [1, с. 376]), а при замедлении времени происходит расширение пространства («Дом, в котором жила семья Штереров, примыкал к горничным плантам, уходящим зелеными квадратами к далекому изгибу Волги» [1, с. 338]). Художественным выражением первого вида деформации является употребление лексики со значением ограничения в пространстве («*Под кроватью* пансионера Максимилиана Штерера…давно уже завелась импровизированная физико-химическая лаборатория» [1, с. 343]), лексики со значением физиологического или психического состояния человека («Только двое не принимали участия ни в обсуждении, ни в подслушивании: Макс Штерер, огораживающийся книгами и *мыслями*, и Ихиль Тапчан…» [1, с. 344], «*Пространство, прорываемое мускулами,* казалось ему тугим и трудным» [1, с. 396]), специальных слов, называющих определенные объекты тюремного мира («Последующие два с половиной года жизни изобретателя обведены колючей проволокой *концентрационного лагеря*» [1, с. 370], «В течение долгих месяцев Штерер так и не научился различать друг от друга людей, занимавших *нары* справа, слева и перед ним…» [1, с. 370]). К языковым средствам, выражающим расширение пространственных координат, следует отнести следующие: указания на место действия («*Чахлая Яуза*, прятавшаяся подо льдом, *невдалеке от обиталища Штерера* порвала берега и в течение недели-другой пробовала вспомнить, какой она была в те уплывшие века…» [1, с. 364]), детальные описания интерьера («Штерер отыскал в одном из переулков, пересекающих окраинную Хапиловку, достаточно изолированную и тихую квартиру. Это был деревянный, *в три крохотных оконца* мезонин, *две низких комнаты, лестница во двор. В наружной комнате – койка и груда книг…Внутренняя комната*, куда никто не допускался, должна была служить обиталищем машине» [1, с. 363]).

Однако помимо сужения и расширения, следует назвать и другие виды деформации пространства, среди которых *удлинение* и *укорачивание* топоса. Примером удлинения может служить следующий контекст: «Шеренга взгорбий у Кремлевской стены медленно *длиннилась*» [1, с. 394]. Второй тип деформации доказывают такие строки: «Погруженный в выравнивание дестабилизирующейся машины, я не сразу заметил, что заоконное пространство *укорачивается*» [1, с. 416]. Лексическим обозначением данных видов изменения пространства являются слова (чаще всего глаголы и прилагательные) со значением протяженности пространства или предметов в пространстве. При этом герой часто воспринимает пространственные локусы и предметы в четких геометрических формах: «Длинный дом. У подъезда рядом с обнаженной *спиралью* звонка – выпуклый *квадрат*, заклеенный бумагой» [1, с. 377], «И в фразах, *круглых*, как нули, поверенный объяснил, что события Октября…лишают Штерера прав на отказанную ему сумму…» [1, с. 377].

В то же время движимое пространство вокруг главного героя способно разрастаться до *космических*, неземных, бесконечных размеров («Даже в области грубой пространственной техники мы уже близки к тому, чтобы достигнуть скорости вращения Земли, – стоит удвоить ведущую силу пропеллера, и можно пытаться настигнуть ускользающее за горизонт Солнце» [1, с. 418], «Окно моей комнаты было открыто…: оно должно было превра-

титься для меня в окно вагона, мчащегося из эпох в эпохи» [1, с. 410]), либо достигать, по выражению В. Топорова, *«минус-пространства»* или пустоты («Ихя робко спросил: Вы никогда не гуляете?/ Мне нет никакого дела до пространства, – отрезал Штерер…» [1, с. 346]).

Повесть «Воспоминания о будущем» отражает и нетрадиционные виды деформации: так, автор порой делит пространство, разрезая его на фрагменты («Германский рейхсвер расставлял свои батальоны, отрезая спящие под снегом озими Украины от Москвы» [1, с. 376], «…солнце тотчас замедлило свой лет; теперь оно было похоже на теннисный шар, который восток и запад, разыгрывая свои геймы, перешвыривает через мой брандмауэр, как через сетку» [1, с. 412]), иногда границы между двумя пространствами размываются («Однажды, вызванный вместе с двумя другими к доске, когда на ее отчерченной мелом трети не хватило места для геометрических знаков, решавших чертеж, – Штерер, обозлившись, вдруг снял губкой длинную черту равенства и несколькими ударами мелом дал решение задачи» [1, с. 343]).

Деформация пространства (сужение–расширение, удлинение–укорачивание, бесконечное–пустое) на сюжетном уровне объясняется не только переходами главного героя через возрастные границы и связанными с этим событиями жизни (учеба в пансионе, служба в армии, плен), но и сменой внутреннего состояния Штерера (сон, отчаяние). Отсутствие деформации наступает в момент концентрации героя над строительством времяреза: «Поглощенный работой, Штерер из-за своей единственной вещи, медленно ввеществлявшейся в бытие, не видел иных вещей, жил мимо фактов, скапливавшихся вокруг его трех окон» [1, с. 366]. Изменения в пространстве не сказываются на фигуре главного героя, он остается статичным наедине со своими мыслями, движение и трансформация касаются лишь природы и предметов внешнего мира, что на языковом уровне выражается глаголами со значением однократного действия, а также словоформами с пространственными предлогами: «Между тем заря, подымавшаяся красной опарой где-то там, *за* каменными *грудами домов*, *переплеснула* через кровли, перекрашивая воздух исчерна накрасно. Штерер не покидал своей неподвижности. *За решеткой бульвара прогромыхала* пустая колымажка, объезжающая мусорные ящики. *Меж деревьев заскребла* о землю метла. Протащились мимо, глухо колоколя друг о друга, молочные бидоны. Где-то вдалеке *заскрежетал на выгибе рельса* трамвайный вагон» [1, с. 398]. Особенность языкового стиля автора повести «Воспоминания о будущем» при решении проблемы динамики пространства проявляется в употреблении новообразований, обозначающих пространственные понятия или свойства пространства: *безместность, длиннилась, длиннящийся.*

Для пространства повести характерна направленность вперед, что доказывается большим количеством сочетаний наречия места с лексемами, имеющими временное значение: *«вперед и вперед в грядущее», «дальше и дальше в будущее»*. Усилительный повтор подчеркивает линейное движение пространства. Временные понятия передаются через метафоры, имеющие в своем составе компонент с пространственным динамическим содержанием: *ветер секунд, лента секунд, песок секунд, серая лента дней.* В основе построения данных метафор лежит сходство временных понятий – секунд, дней – с явлениями и предметами окружающего мира на основании таких признаков, как быстрота («ветер секунд»), сыпучесть («песок секунд»), протяженность («лента секунд») и характеристика изменения времени («серая лента дней»).

Если попытаться выделить доминанту, определяя ее как «компонент произведения, который приводит в движение и определяет отношения всех прочих компонентов» [2, с. 411], то можно прийти к выводу, что ведущей категорией в данном тексте выступает время. С. Кржижановский прямо высказывает свою позицию относительно пространства, и, возможно, этим объясняется неустойчивость пространственной системы повести, которая смещается то в сферу внутреннего мира, то внешней действительности, а порой и вовсе в поле временных координат: «Вообще к пространству и его содержаниям Штерер относился как неспециалист, равнодушно и сбивчиво, путая просторное с тесным, никогда не мог запомнить, высок или низок потолок в его жилье, и неизменно ошибался в счете этажей» [1, с. 370]. Сюжетообразующая идея движения сквозь пространство лежит в основе называния автором машины времени с помощью таких новообразований, как «времярез», «времякол», «времяруб». В их основе содержится постоянный компонент – «время» – и переменный – чистые корни от глаголов резать, колоть, рубить. Данные инновации выполняют номинативную функцию, обозначая изобретение главного героя.

Однако все виды деформации в повести объясняются теорией, разработанной Максимилианом Штерером, которая утверждает следующее: «Может быть, именно война, расчертившая землю фронтами, заставила его [Штерера] открыть факт как бы некоей вражды, противонаправленности времени и пространства» [1, с. 371]. Итак, мы пришли к выводу, что пространство повести «Воспоминания о будущем» динамично и подвергается различным деформациям. Мы выделили такие пространственные изменения, как сужение и расширение, удлинение и укорачивание, развертывание пространства до космических вселенских размеров и сворачивание до отдельного предмета, объекта и его внутреннего содержания. Статичную позицию занимает сам повествователь, чью функцию в тек-

сте выполняет биограф Иосиф Стынский, рассказывающий о Максимилиане Штерере как изобретателе времяреза.

Для выражения изменения пространственных отношений в произведении используются различные лексические, грамматические, а также художественные средства: лексика со значением ограничения в пространстве, указания на место действия, детальные описания интерьера, предложно-падежные формы с локальным значением, сложные метафоры. Особенностью языка писателя являются многочисленные новообразования, обозначающие пространственные понятия или свойства пространства.

Библиографический список

1. *Кржижановский С.* Собрание сочинений. В 5 т. Т. 2. – СПб.: Symposium, 2001. – 701 с.

2. *Мукаржовский Я.* Литературный язык и поэтический язык // Пражский лингвистический кружок. Сборник статей. – М., 1967.

УДК 82

Карданова Наталия Борисовна
кандидат филологических наук
Институт мировой литературы им. А.М. Горького РАН
maria.nenarokova@yandex.ru

ПЕТРОВСКАЯ ГРАМОТА О М. ЗМАЕВИЧЕ КАК ПРИМЕР РАЗВИТИЯ ЖАНРА ХОДАТАЙСТВА

Статья посвящена анализу грамоты о морском офицере Матвее Змаевиче, являющейся примером развития жанра царского ходатайства. Сохраняя специфику типичного ходатайства, грамота о Змаевиче включает в себя элементы нового речевого этикета, что указывает на дальнейшее развитие старого жанра.

Ключевые слова: *Россия, Венеция, дипломатическая переписка, грамота, ходатайство, стиль, речевой этикет.*

В конце XVII – начале XVIII вв. между Россией и Венецией велась активная дипломатическая переписка. Одним из жанров царской грамоты было ходатайство. Венецианскому адресату в Петровскую эпоху оно было хорошо знакомо. В Венецианском государственном архиве находим следующие ходатайства Петра Первого: о присылке в Россию венецианских корабельных мастеров [2, ст. 1081–184; 3, ст. 198–201; 4, с. 82–85]; о протекции русским учащимся, которые отправились в Венецию учиться морскому делу [3, ст. 1165–1166]; о знаменитом русском полководце и дипломате Борисе Петровиче Шереметеве, отправившемся в путешествие в Европу [4, с. 151–152]; в защиту православной греческой церкви в Венеции [5, с. 428–429] и другие.

Составители царской грамоты-ходатайства выработали особенную ее структуру, состоящую из ряда формул, то есть законченных высказываний с более или менее фиксированным лексико-синтаксическим оформлением [1, с. 109]. Последние подбирались в зависимости от коммуникативной задачи, решаемой грамотой. Обязательными для жанра царского ходатайства являлись формула-ходатайство и формула ответной услуги. Логически грамота ходатайство делилась на две основные части – обоснование ходатайства и собственно ходатайство [1, с. 22].

После 1700 года в языке Петровских грамот намечается ряд новых тенденций в подборе лексики. Речь идет не только о появлении иностранных заимствований, которыми знаменита эта эпоха. В царской грамоте появились формы, которые ранее в этом документе не допускались.

Примером грамоты-ходатайства, изобилующей новыми элементами языка и стиля, является грамота Петра Первого от 30 апреля 1716 года [6], адресованная дожу Джованни Корнеру и представляющая собой ходатайство о морском офицере Матвее Змаевиче, подданном Венецианской республики, служившем в российском флоте. Составляя грамоту о Змаевиче, служащие ведомства иностранных дел впервые столкнулись с ходатайством о весьма деликатном деле: просить за иностранного подданного, обвиняемого на родине в убийстве, но верой и правдой служащего русскому царю. Можно предположить, что, стараясь опереться на уже существующие тексты, они, тем не менее, вынуждены были искать особенные речевые средства.

Грамоту открывают царское имя и титулы, перечисленные самым подробным образом, за ними – царское приветствие адресату и основной текст грамоты. Завершает грамоту царское приветствие (прощание) и указание на место и дату написания грамоты. Ниже расположена личная подпись Петра (она появляется в царских грамотах в Венецию с 1710 года). Эта структура воспроизводится во всех Петровских грамотах в Венецию.

В структуре грамоты, как и следует, выделяются обоснование ходатайства и собственно ходатайство. Коммуникативная задача данной грамоты-ходатайства – убедить адресата в необходимости помиловать Змаевича.

В Петровской грамоте Змаевич представлен, в первую очередь, как венецианский «подданнои» («Вашеи светлости и яснеишеи речи посполитои подданнои»), точно назван город Венецианской республики, из которого он происходит («житель

© Карданова Н.Б., 2012

торастскои»). Отметим, что обычно в царских грамотах на первом месте указывался чин или звание на службе в России.

В грамоте о Змаевиче о «чине капитана камендора» упоминается на втором месте при помощи заимствованных лексем и лексемы делового языка «обретающеся», регулярно использующейся в царской грамоте: «ныне в нашеи службе в морскомъ флоте в чине капитана камендора обретающеся». Дан возможный русский аналог имени «Матия» – Матвей, за которым следует фамилия («именемъ Матвеи Змаевичь»).

О том, что Змаевич обратился к царю с прошением (об «отпуске») сообщено при помощи клише «всеподданнеше насъ просилъ». Следующее далее деепричастия «объявляя» (нейтральная стилистически лексема «объявлять» обычно используется в деловом языке) вводит пересказ текста Змаевича в форме косвенной речи («всеподданнеише насъ просилъ обявляя что…»). Поскольку пересказ чрезвычайно подробен, о предмете ходатайства мы узнаем в самом конце повествования о мытарствах Змаевича, причем в форме косвенной речи, в какой дан весь рассказ: «желалъ онъ получить от насъ отпускъ». Лексема волеизъявления «желал», использованная по отношению к нижестоящему, допустима новым речевым этикетом. Ссылка на второе прошение Змаевича дана при помощи того же клише «просить всеподданеше», где переставлены компоненты: «просилъ он нас всеподданнеше о заступлении о немъ». Предмет ходатайства указан в отглагольном существительном «заступление» («о заступлении о немъ к вашей светлости»). Данная лексема предполагает и царскую протекцию, и рекомендацию. Для царской грамоты не был характерен подробный пересказ прошения, на основании которого и составлялся документ. Однако для Змаевича было сделано исключение. Пересказывая его первое прошение, составители грамоты позволили рассказать о событиях, приведших Змаевича в Россию, самому Змаевичу. Рассказ этот звучит как речь в собственное оправдание. Используемые речевые средства подчинены задаче представить произошедшее в землях дожа таким образом, чтобы убедить дожа удовлетворить следующее далее царское ходатайство о помиловании.

К числу таких средств должны быть отнесены заимствования, заменяющие исконно русские эквиваленты, имеющие негативную коннотацию. Они использованы для обозначения побега Змаевича после совершенного преступления («из земель яснейшей речи посполитой вашей рейтироватся принужденъ есть»), где лексемы из исконно русского фонда (бежать, побег), имеющие отрицательную коннотацию, заменены заимствованием «рейтироватся», указывающим исключительно на направление движения; отъезда Змаевича в другую страну («принужденъ искать инде Фортуны своей»), где заимствованная лексема «Фортуна» использована в метафорическом значении удачи; прощения со стороны дожа – в предложении «хотя всяким образомъ [с]тарался пардонъ в томъ преступлении своемъ от васъ получа оное заслужить», где заимствование «пардонъ» заменяет исконно русское «прощение».

С другой стороны, лексемы русского происхождения подобраны таким образом, что также позволяют избежать какой-либо отрицательной коннотации, например: совершенное Змаевичем убийство на злополучном поединке представлено как «некоторое преступление», причем «незапное случившееся» («за некоторое в отечестве его незапное случившееся преступление свое»), где подчеркивается непреднамеренность действий Змаевича; его побег из Венеции подается просто как отъезд за границу словосочетанием высокого стиля («оставя свое отечество»), где лексема «оставить» не передает поспешность бегства; переход на военную службу в другую страну, Россию, представлен как переход лично на службу к царю («и тако службу нашу принявъ») – автору царской грамоты, с которым Венецию связывают добрые отношения (напомним, что в конце семнадцатого века Венеция и Россия были союзницами по антиосманской лиге). Объяснен этот переход исключительно тем, что Змаевич не был прощен на родине («однако жъ не могши оного [пардона – Н.К.] одержать»). Стремлением заслужить прощение дожа объясняется и готовность Змаевича вернуться на военную службу в Венецию («итит в службу вашей светлости для получения того пардону»).

Мотивируя важнейшие жизненные решения Змаевича исключительно безнадежными попытками заслужить прощение дожа составители грамоты давали Змаевичу возможность косвенным образом вымолить прощение. Использованная стилистически нейтральная лексика наилучшим образом имитирует подлинную, безыскусную речь просителя.

Вместе с тем, пересказ ходатайства Змаевича позволяет автору царской грамоты дать отличную рекомендацию Змаевичу (последняя не была выделена в отдельную формулу). Оказанные царю услуги представлены как высокопрофессиональные и этически корректные («добрые и верныя нам услуги ... показалъ»). Петр готов лично «засвидетельствовать» это: «[какъ мы засвидетельствовать ему можемъ]».

Еще одну характеристику Змаевича – как отличного профессионала военного дела («ради его доброго воинского искуства») – находим в объяснении Петра, почему он столь нуждается в Змаевиче («оного одержать потребность имеем») и не может отпустить его со службы (еще одно подтверждение тому, что Змаевич не по своей воле до сих пор не вернулся на родину).

Царская рекомендация говорила в пользу Змаевича и, в то же время, свидетельствовала о том, насколько важно для автора грамоты выполнение ходатайства: помиловав Змаевича, дож пойдет навстречу самому Петру.

О «прощении» дожа говорится при помощи исконно русской лексемы в сочетании с лексемой «получить» – «получилъ …прощение» (ср. выше «для получения того пардону»). По отношению к имуществу Змаевича для избежания негативной коннотации вновь использована заимствованная лексема «конфискованное» и юридический термин «имение движимое и недвижимое». Как видим, моля дожа о прощении, составители грамоты не пренебрегли материальным аспектом прошения Змаевича и точно указали, о чем идет речь.

Рассказав, почему именно царь вынужден обратиться к дожу с просьбой, составители грамоты вводят ходатайство царя при помощи союза следствия «того ради»: «того ради мы не могли оставить вашу светлость и яснеишую речь посполитою сею нашею грамотою дружебно просить, дабы оного в нашей службе обретающагося капитана каменДора Змаевича в томъ его незапномъ преступлении не токмо простить и ему пардонъ и амнистию дать, но ради имеющей между нами древней дружбы и доброго согласия и конфискованное его движимое и недвижимое имение ему возвратить повелеть и дабы позволено ему было когда пожелаетъ во отечество свое возвратитца свободное иметь пребывание в его доме и маетностяхъ».

Формула-ходатайство представляет собой сложноподчиненное предложение с изъяснительным придаточным, введенным союзом «дабы», где в главной части заявлено о просьбе царя.

Лексема «просить» присутствует как в ходатайстве Змаевича перед Петром («всеподданнеше насъ просилъ»), так и в ходатайстве Петра перед дожем («не могли оставить дружебно просить»). На различие в социальном статусе просителей указывает не сама лексема, а новые клише, частью которых она является.

Ожидаемые от дожа действия, в которых нетрудно узнать прошение Змаевича перед царем (прощение и возвращение конфискованного имущества) и ходатайство царя о свободном возвращении Змаевича на родину, описаны в придаточных предложениях. Здесь использован двойной союз «не токмо ... но и», первая часть которого («не токмо») вводит ходатайство о прощении, вторая («но и») – о возвращении конфискованного имущества и о свободном возвращении на родину. Во второй части ходатайство усилено ссылкой на дружеские отношения между двумя государствами («ради имеющей между нами древней дружбы и доброго согласия»), к которой составители царской грамоты прибегали в данных документах не раз. Лексема «дружба» определена как «древняя», тогда как клише «доброе согласие» предстает как выработанное специально для характеристики межгосударственных отношений. «Доброе согласие» ранее нигде не встречалось. Так, на уровне синтаксической организации и используемых лексических средств ходатайство Петра об имуществе Змаевича и о возвращении его на родину выделено как особенно важное.

В царском ходатайстве о прощении Змаевича ожидаемые от дожа действия описаны при помощи инфинитивов желаемого действия («простить» и «аминистию дать»). В ходатайстве о возвращении конфискованного имущества и о свободном возвращении на родину находим инфинитив в сочетании с глаголом «повелеть» («возвратить повелеть»), а также страдательное причастие прошедшего времени «позволено» с инфинитивами («позволено ему было когда пожелаетъ во отечество свое возвратитца свободное иметь пребывание в его доме и маетностяхъ»). Действия дожа, таким образом, представлены как распоряжение («повелеть») и разрешение («позволено»): традиционными для царской грамоты средства еще раз подчеркнута зависимость Змаевича от его решений.

Составители грамоты не ограничились обязательными компонентами данной формулы (выполнение адресатом ходатайства царя, ответные царские действия). При помощи лексемы «уповаем» они прямо сообщили о том, что Петр надеется на то, что просьба его будет выполнена.

Выполнение просьбы Петра дожем представлено при помощи клише «удоволство показать» («Ваша светлость и яснейшая речь посполитая в семъ нашемъ прошении намъ удоволство показать изволите»); здесь подчеркивается, что прощение Змаевича – любезность дожа по отношению к Петру.

Специально сказано о признательности царя (использована лексема «признавать»: «что мы во всякомъ случае признавать»). Подчеркнем, что о царской благодарности в грамотах говорится в особенных случаях.

По своей коммуникативной задаче царская грамота о Матвее Змаевиче представляет собой рекомендательное письмо: Змаевич представлен здесь таким образом, чтобы содействие ему не может быть не оказано. Царское свидетельство, однако, виделось составителям грамоты несколько особенным. Выбраны те элементы биографии, которые необходимы для обоснования ходатайства, причем даны они со ссылкой на прошение Змаевича. Автор грамоты ходатайствует о прощении офицера, оказавшего ему важные услуги. Змаевич представлен как верный слуга Петра, но в царской грамоте верность эта говорит лишь о его профессиональных качествах, тогда как преданность Змаевича, готового оставить столь удачно идущую службу и отправиться помогать воюющей Венеции, – это преданность своей стране и ее правителям. Кроме

того, «доброе согласие», связывающее Россию и Венецию, предполагает, что дож должен особым образом расположиться к офицеру, столь важному для Петра, для России, из которой еще 19 лет назад приходили важные для венецианцев вести о военных действиях русских против татар и турок. Таким образом, занимая особое место среди царских ходатайств в Венецию (это единственный текст, где прямо сказано о заслугах рекомендуемого лица перед царем), грамота о Змаевиче остается документом дипломатическим, где решение той или иной коммуникативной задачи достигается специальными речевыми средствами и, в конечном счете, подчиняется реалиям существующих межгосударственных отношений.

Библиографический список

1. *Волков С.С.* Лексика русских челобитных XVII века. Формуляр, традиционные этикетные и стилевые средства. – Л., 1974.

2. Памятники дипломатических сношений с державами иностранными. Т. VII. – СПб., 1864.

3. Памятники дипломатических сношений Древней России с державами иностранными. Т. VIII. – СПб., 1867.

4. Письма и бумаги императора Петра Великого. Т. I. – СПб., 1887.

5. Письма и бумаги императора Петра Великого. Том десятый (январь-декабрь 1710 года). – М., 1956.

6. Venezia. Archivio di Stato. Collegio, Lettere principi. – filza № 13.

УДК 81

Мощева Светлана Васильевна
кандидат филологических наук
Ивановский государственный химико-технологический университет
moshevasv@mail.ru

РЕЧЕВОЙ АКТ КАК СПОСОБ РЕАЛИЗАЦИИ КОММУНИКАТИВНОЙ ИНТЕНЦИИ (на материале англоязычного политического дискурса)

Статья сосредоточена на описании основных характеристик коммуникативной интенции политического дискурса, которая реализуются эксплицитно или имплицитно с помощью комиссивной интенции. Политический дискурс (в качестве вида рекламного дискурса) функционирует как одно целое с точки зрения семантики, синтаксиса и прагматики и ориентирован на комплексное воздействие на адресата.

Ключевые слова: *коммуникативная интенция, речевые акты, политический дискурс, языковое манипулирование, рекламный текст.*

Главной функцией массовой коммуникации, к которой относится и реклама, считают передачу информации. Она сопровождается имплицитным или эксплицитным выражением оценки, языковыми средствами и речевыми приемами, которые побуждают аудиторию к определенной реакции на передаваемую информацию.

Интенция адресанта может быть выражена с помощью перформативного глагола, который находится на поверхностной структуре высказывания, либо в его глубинной структуре. Поскольку перформативный глагол является тестером типа речевого акта, то в нашем исследовании мы учитывали способность некоторых перформативных глаголов номинировать несколько речевых намерений; решающим фактором при распределении речевых актов в классы на основе иллокутивно-перформативного подхода является основное лексическое значение глагола.

Перечислим основные подходы, которые принимаются нами при разделении речевых актов на группы, характеризующиеся определенными общими признаками и отражающие тот или иной аспект вербальной коммуникации. Иллокутивно-перформативный подход представляет собой распределение актов речи в определенные классы в соответствии с иллокутивной силой высказываний. Основанием для психологического подхода служит тип психологического воздействия, которое оказывает высказывание говорящего на мыслительное состояние адресата. Наконец, в функционально-интерактивном подходе учитывается интерактивная функция речевого акта.

Исследование письменных источников рекламных текстов (более 3 тысяч единиц), проведенное ранее с целью определения картины частотности использования типов речевых актов, показало следующее процентное соотношение по разным видам РА (речевых актов) в англоязычных печатных рекламных текстах: репрезентативы – 64,8%, директивы – 20,1%, комиссивы – 0,5%, экспрессивы – 0,8%, декларации – 0,3%, сочетания типов РА – 13,5% [1; 3].

Очевиден и тот факт, что рекламный текст (вербальный и невербальный его компоненты) выполняют не одну, а несколько функций. Исследование указывает и на довольно частотное сочетание типов речевых актов в рамках одного рекламного текста. Использование того или иного типа речевого акта, их сочетаний в рекламном сообщении не является спонтанным выбором, поскольку данный выбор должен соответствовать определенной ком-

© Мощева С.В., 2012

муникативной ситуации и иллокутивной цели высказывания.

Однако вышепредставленные результаты исследования отражают лишь общую картину оформления РТ (рекламного текста) и наиболее частотные случаи выбора того или иного РА для реализации интенции адресанта. Настоящий этап анализа предполагает выявление случаев наиболее активного обращения к определенным РА в таком виде рекламного дискурса, как политическая рекламная коммуникация, которую мы рассматриваем в качестве совокупности медиа-текстов разных жанров, сконцентрированных вокруг определённого политического события.

Отметим, что политическая реклама обладает основными атрибутами рекламного дискурса, то есть номинирует предмет рекламы, указывают на его значимые и выигрышные характеристики, планирует позитивный перлокутивный эффект.

Принято считать, что интенциональную базу политического дискурса составляет борьба за власть, что предопределяет его основные функции и способы их реализации, стратегии и тактики, в том числе, и манипуляцию сознанием, и контроль над действиями политиков и электората. Включение понятия личности в дискурс означает возможность говорить о том, что личность осознает свое отношение к принятым принципам и конвенциям ведения дискурса и творчески использует их в своих речевых действиях.

Мы разделяем точку зрения ряда исследователей, согласно которой в языковой личности преломляются философские, социологические и психологические взгляды на общественно значимую совокупность свойств человека.

Ю.Н. Караулов, автор теории русской языковой личности, ввел понятие языковой личности в широкий научный обиход и дал определение языковой личности: «Языковая личность – это человек, обладающий способностью создавать и воспринимать тексты, различающиеся а) степенью структурно-языковой сложности; б) глубиной и точностью отражения действительности; в) определенной целевой направленностью» [2, с. 5]. Ю.Н. Караулов исходит из понятия языковой картины мира и представления о личности, которая сначала через язык осваивает языковую картину мира, а затем с помощью того же языка проецирует себя в мир, обогащая себя и общественное сознание.

Наше исследование показывает, что *комиссивная интенция*, то есть интенция обещания, является превалирующей в рассматриваемом виде дискурса, оставаясь все же промежуточным шагом для *директивного намерения* адресанта – побуждения адресата к действию. Метод сплошной выборки на предмет выявления экспрессивно-выразительного комплекса в политическом дискурсе подтвердил нашу рабочую гипотезу о сосредоточении рассматриваемых средств в рамках лексического уровня.

Если говорить о способах реализации интенции обещания в анализируемых материалах, то наблюдается активное обращение к РА комиссивам. Уточним, что согласно теории речевых актов, целью класса комиссивов является возложение на говорящего обязательств совершить некоторое будущее действие или следовать определенной линии поведения (обещать). Отметим, что глагол *«to promise»* принимается исследователями за ядро семантического поля средств номинации промиссивного речевого намерения адресанта. Однако в качестве других представителей данного иллокутивного типа (вторичное/имплицитное значение обещания) предлагаются такие глаголы, как *engage* (связывать себя обязательством), *swear* (клясться), *give one's word* (давать слово), *guarantee* (гарантировать), *vow* (клясться), *bind oneself* (связывать себя словом), *dedicate oneself* (посвятить себя), *undertake* (обязаться, взять на себя обязательство), *bet* (держать, заключать пари), *take / make one's oath* (давать клятву) [4, с. 11].

Рассмотрим выдержки из предвыборных выступлений Б. Обамы с целью определения средств экспликации и достижения перлокутивного эффекта. Идея о возрождении американской мечты присутствует во всех предвыборных выступлениях Б. Обамы и реализуется эксплицитно/имплицитно в комиссивных речевых актах. Так, в тексте его речи под названием «The American Promise» (28.09.2008) можно наблюдать неоднократное повторение лексем «a promise», «to promise», словосочетания «American promise», а также лексем «a change» и «to change». Многократность использования данных лексем в тексте лишь усиливает промиссивное намерение адресанта сообщения:

**This moment – this election – is our chance to keep, in the 21st century, the American promise alive.*

**What is that promise? It's a promise that says each of us has the freedom to make of our own lives what we will, but that we also have the obligation to treat each other with dignity and respect.*

**That's the promise of America – the idea that we are responsible for ourselves, but that we also rise or fall as one nation; the fundamental belief that I am my brother's keeper; I am my sister's keeper.*

**It's time for us to change America.*

**I believe that as hard as it will be, the change we need is coming.*

**That's the promise we need to keep. That's the change we need right now. So let me spell out exactly what that change would mean if I am President.*

**Change means a tax code that doesn't reward the lobbyists who wrote it, but the American workers and small businesses who deserve it.*

Интенция обещания имплицитно передается и за счет использования грамматических форм будущего времени в речи политика «New challenges for a new world»:

*I'll invest $150 billion over the next ten years – 15 billion dollars a year- to put America on the path to true energy security. This fund will fast track investments in a new green energy business sector that will end our addiction to oil and create up to 5 million jobs over the next two decades, and help secure the future of our planet and our country. We'll invest in research and development of every form of alternative energy – solar, wind, and biofuels, as well as technologies that can make coal clean and nuclear power safe. And from the moment I take office, I will let it be known that the United States of America is ready to lead again *(Barack Obama, «New challenges for a new world», 15.07.2008)*.

*We will also build an alliance of oil-importing nations and work together to reduce our demand, and to break the grip of OPEC on the global economy. We'll set a goal of an 80% reduction in global emissions by 2050. And as we develop new forms of clean energy here at home, we will share our technology and our innovations with all the nations of the world *(Barack Obama, «New challenges for a new world», 15.07.2008)*.

Повторы различного характера – востребованный прием речевой манипуляции любого вида рекламной коммуникации, в том числе и политической, поскольку является действенным способом достижения запланированного эффекта. Исследования показывают, что повторы особым образом влияют на мелодику, тональность текстового пространства, подсознательно оказывая воздействие на мнение и выбор адресата. Так, значимая часть текста «New challenges for a new world» построена за счет использования повторов грамматической конструкции «Modal verb + Perfect Infinitive», которая переводится на русский язык сослагательным наклонением и имплицитно реализует интенцию обещания «мы смогли бы осуществить…, если автор сообщения был бы наделен определенными полномочиями»:

«*We could have deployed* the full force of American power to hunt down and destroy Osama bin Laden, al Qaeda, the Taliban, and all of the terrorists responsible for 9/11, while supporting real security and development in Afghanistan.

We could have secured loose nuclear materials around the world, and updated a 20th century non-proliferation framework to meet the challenges of the 21st.

We could have invested hundreds of billions of dollars in alternative sources of energy and energy efficiency to grow our economy, save our planet, and end the tyranny of oil.

We could have strengthened old alliances, formed new partnerships, and renewed international institutions to advance peace and prosperity.

We could have called on a new generation to step into the strong currents of history, and to serve their country as troops and teachers, Peace Corps volunteers and police officers.

We could have secured our homeland-investing in sophisticated new protection for our ports, our trains and our power plants.

We could have rebuilt our roads and bridges, laid down new rail and broadband and electricity grids, and made college affordable for every American to strengthen our ability to compete. *We could've invested* in science and technology.

We could have done that».

Заслуживает внимание исследователей и структура речи Б. Обамы «Election Night Victory Speech» (04.11.2008). Достаточно простое построение предложений с точки зрения лексического и синтаксического наполнения рассчитано на довольно обширную и разную аудиторию с точки зрения возраста, гендерных различий, социального положения, образования и т.д. Каждая смысловая группа (абзац) заканчивается одинаково – «Yes we can». Так, автор текста объединяет себя, свои цели и задачи с целями и задачами аудитории, говоря «мы». Репрезентативное намерение («Yes we can») имеет и оттенок обещания, реализуя имплицитно комиссивную интенцию:

«This election had many firsts and many stories that will be told for generations. But one that's on my mind tonight is about a woman who cast her ballot in Atlanta. She's a lot like the millions of others who stood in line to make their voice heard in this election except for one thing – Ann Nixon Cooper is 106 years old. And tonight, I think about all that she's seen throughout her century in America – the heartache and the hope; the struggle and the progress; the times we were told that we can't, and the people who pressed on with that American creed: *Yes we can*.

At a time when women's voices were silenced and their hopes dismissed, she lived to see them stand up and speak out and reach for the ballot. *Yes we can*.

When there was despair in the dust bowl and depression across the land, she saw a nation conquer fear itself with a New Deal, new jobs and a new sense of common purpose. *Yes we can*.

When the bombs fell on our harbor and tyranny threatened the world, she was there to witness a generation rise to greatness and a democracy was saved. *Yes we can*.

She was there for the buses in Montgomery, the hoses in Birmingham, a bridge in Selma, and a preacher from Atlanta who told a people that "We Shall Overcome." *Yes we can*.

A man touched down on the moon, a wall came down in Berlin, a world was connected by our own science and imagination. And this year, in this election, she touched her finger to a screen, and cast her vote, because after 106 years in America, through the best of times and the darkest of hours, she knows how America can change. *Yes we can» (Election Night Victory Speech, Grant Park, Illinois 04.11. 2008)*.

Таким образом, поскольку рекламный дискурс относится к особому типу общения, которому характерна высокая степень манипулирования, выявление механизмов рекламной манипуляции представляется значимым для определения характеристик языка как средства воздействия, для поиска оптимальных путей речевого влияния на аудиторию.

Библиографический список

1. *Иванова Н.К., Мощева С.В.* Интенциональный аспект рекламного дискурса: фонетико-орфографические особенности. – М.: РИОР: ИНФРА-М, 2011. – 182 с.

2. *Караулов Ю.Н.* Русский язык и языковая личность. – М.: Наука, 1987. – 262 с.

3. *Мощева С.В.* Рекламный текст сквозь призму речевых актов // Материалы Всероссийской научно-практической конференции «Языковое образование в России: прошлое, настоящее, будущее». – Иваново: ИГХТУ, 2005. – С. 77–81.

4. *Филимонова Е.А.* Прототипическая картина класса комиссивов (на материале английского и русского языков): Автореф. дис. … канд. филол. наук. – Уфа: БашГУ, 2004. – 19 с.

5. *Obama B.* The American Promise (28.08.2008); Election Night Victory Speech (4.11.2008); New challenges for a new world (15.07.2008). Barack Obama's speeches [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://obamaspeeches.com (дата обращения: 12.10.2012).

УДК 808.2

Неганова Галина Дмитриевна
кандидат культурологи
Костромской государственный университет имени Н.А. Некрасова
cultland@yandex.ru

ТИПОЛОГИЧЕСКИЕ ЧЕРТЫ КОСТРОМСКОГО КУЛЬТУРНОГО ЛАНДШАФТА: НАЗВАНИЯ ГУСТОГО ЛЕСА В КОСТРОМСКИХ ГОВОРАХ

В статье рассматривается лексика природы, в частности названия густого леса, репрезентирующие языковые, природные и культурные особенности костромского культурного ландшафта. Цель настоящей работы заключается в том, чтобы выявить отличительные семантические черты анализируемых терминов в костромских говорах.

Ключевые слова: *культурный ландшафт, диалектная лексика, народный географический термин, названия густого леса, семантика слова.*

В начале XX столетия Костромскую губернию, по лесистости уступавшую лишь Вологодской, называли «классической страной лесов» [6, с. 5]. Ранее это вообще был край «отвечного дикого леса», пишет Е. Дюбюк, член Костромского научного общества по изучению местного края (КНОИМК), представляя «необозримые молчаливые еловые рамени, вечношумящие сосновые боры, в речных поймах величественные дубовые рощи» – господствующий над всем, всё подавляющий собою «лес-океан», «лес-стихию» [6, с. 7]. Писатель-этнограф С.В. Максимов, уроженец Кологривского уезда, расположенного на северо-востоке костромского края, сравнивает родные места с «лесным морем», «огромным» и «беспредельным» [10, с. 84]. (Образ «сухого» океана (моря) в литературе встречается часто, напр., в переводах первой строки стихотворения «Stepy Akermacskie» («Sonety krymskie») А. Мицкевича: *Wpłynąłem na suchego przestwór oceanu...* [28, s. 173] – «сухой океан» (И.И. Козлов, А.А. Фет), «зелёный океан» (А.Н. Майков), «степной океан» (И.А. Бунин).)

А.Н. Островский, описывая путь из Костромы в Щелыково, замечал: «Куда ни взглянешь, кругом лес. Признаться, это довольно утомительно» [14, т. 10, с. 358]. Однако костромской лесной ландшафт не является однородным, и об этом свидетельствует репертуар названий леса в речи местных жителей. Приведём примеры из картотеки Костромского областного словаря (ККОС): *белобóрье* 'чистый сосновый бор', *берегови́нка* 'лес, находящийся недалеко от реки', *болотня́к* 'лес, растущий на болоте', *болонá* 'больной низкий лес', *вáлеж* 'поваленный бурей лес', *вилáжник* 'низкий, кривой, нестроевой лес', *вы́спырь* 'тонкий высокий лес', *гори́ли* 'лес, выросший на пожарище', *дрём* 'старый лес из деревьев разных пород', *е́льница* 'хвойный лес', *закрáек* 'опушка леса', *игóльник* 'хвойный лес' и др. В картотеке КОС, а также в произведениях писателей, связанных с нашим краем, и в Трудах деятелей КНОИМК широко представлены названия густого леса, репрезентирующие не затронутые промышленным освоением первозданные лесные ландшафты – явления, которые, как и предсказывал С.В. Максимов ещё в середине XIX века, впоследствии становились «большой редкостью на всех пространствах северной России, прорезаемой Волгой и её притоками» [10, с. 84]: *бор*, *борови́на, бурелóм*, *густáрник*, *дéбри*, *е́льница*, *зáймище* и *займи́ще*, *зáросли*, *рáмень* и *рóмень*, *сузём* и *сюзём*, *тайгá*, *трущóба*, *урóчище*, *чапы́га*, *чапы́жник*, *чáща*, *чащóба* и др. [ККОС].

© Неганова Г.Д., 2012

Писатель создаёт своего рода «портрет» пространства. И этот «портрет» достоверен: как отмечает О.А. Лавренова, исследуя семантику культурного ландшафта, «процесс вовлечения пространственных образов в произведения искусства происходит без специальной рефлексии со стороны творцов»; кроме того, «искусство усиливает иконичность пространственных образов, так как привлекает их в наиболее смыслово и эмоционально акцентированную среду художественного языка и других изобразительных средств» [9, с. 7]. К изобразительным средствам относится и диалектная лексика. Народный термин убедителен при описании конкретной местности благодаря своей информативности: он отражает, с одной стороны, восприятие географической реалии носителями языка, потому комплекс признаков, заключённых в содержании слова, как правило, обусловлен внешней формой и доступными для непосредственного восприятия свойствами природного объекта; с другой стороны, функциональный, прагматический характер традиционной культуры. Соответственно и названия густого леса, имея общий признак ‘густой лес’, в своей семантике содержат также уточняющие признаки. Чтобы более точно определить эти признаки, мы обращаемся к текстам костромских писателей как надёжному источнику народно-разговорной лексики (отметим, что тексты С.В. Максимова и А.Н. Островского включены в список источников для «Словаря русских народных говоров» [17, вып. 1, с. 59, 68]).

Бор. С.В. Максимов, описывая окрестности расположенного на западе Кологривского уезда посада Парфентьева (ныне село Парфеньево, Парфеньевского района), в котором родился и вырос и в который приезжал впоследствии, навещая отца, обращает внимание читателей на близлежащие боры: «По горам стоят густые сухие леса, так называемые боры…» [10, с. 84]. В данном определении, помимо значения ‘густой лес’, имеются дополнительные признаки, связанные с особенностями местного ландшафта: ‘растущий на возвышенном месте’ и ‘сухой’ (т. е. лес на сухой, а не болотистой почве). В очерке писателя «Грибовник» это – лес, состоящий из деревьев сосны (*...воздух весь пропитан ароматом окрестных сосновых лесов…* [10, с. 84]), что характерно для и для современного парфеньевского ландшафта. То есть, по Максимову, в XIX веке в парфеньевском говоре, как и повсеместно, лексема *бор* обозначала ‘густой сосновый лес, растущий на сухом возвышенном месте’. И первое, что мы замечаем, – в народном географическом термине сохраняется древнерусское значение слова (что особенно характерно для диалектов): *боръ* – ‘сосновый лес’ (*бъръ* – сосна) [21, т. 1, стб. 156].

В более поздних произведениях С.В. Максимова, в частности в исследовании «Нечистая, неведомая и крестная сила» (1899), написанном на основе материалов «Этнографического бюро» В.Н. Тенишева, встречаются названия *еловый бор* и *сосновый бор* в значении ‘хвойный лес’ [11, с. 59]. Вместе с тем, северо-восточнее Парфеньева, на Верхней Унже, судя по текстам Е.В. Честнякова, также уроженца Кологривского уезда, местные жители называли бором расположенный на возвышенном месте «густой хвойный лес» [28, с. 118], в котором растут сосны и ели (толкование ‘хвойный лес’ представлено также в ККОС – Сусанинский р-н): Пошли дальше, они уже идут по здешним борам. <…> «Слазайте, робята, на ёўку, кто помоложе, а не видно ли Чернобыльниково?» <…> Влезли на сосну и вопят с вершины: «Видно, видно! Ровно на блюдечке…» [27, с. 125].

Появление семы ‘хвойный’ можно рассматривать как результат распространённого в славянском мире явления «сосуществования синонимов на основе приобретения одним из них дополнительного семантического признака и исчезновения при этом дополнительной однозначности», которое детально рассматривал Н.И. Толстой в статье «О славянских названиях деревьев: *сосна – хвоя – бор*» [23, с. 362]). Заметим, что в народных говорах дальнейшее семантическое развитие слова бор привело к расширению, усложнению семантической структуры, появлению дополнительных признаков и новых значений, напр.: в костромских говорах – ‘берёзовый лес’ [7, с. 36]; ‘старый березняк’; ‘лес, в котором растут деревья одного вида (сосновый, дубовый, берёзовый)’; ‘высокое сухое место в лесу, где растут сосны’ [ККОС]; в новгородских – ‘лиственный лес, растущий на возвышенном и сухом месте’ [18, вып. 2, с. 96]; в поморских – ‘хвойный лес, растущий на каменистой или песчанистой бугорчатой возвышенности’ [5, с. 36]; в архангельских – ‘сухое возвышенное место с песчаной почвой’ [16, с. 148].

Второе – семантический дифференциальный признак ‘густой’ в семантике термина *бор* отмечается в словаре русского языка, сложившегося в течение XIX – первой трети XX века, – словаре Д.Н. Ушакова [22, т. 1, стб. 174], однако во второй половине XX столетия указанная сема не отмечается академическими словарями [20, т. 1, стб. 573; 19, т. 1, с. 107; 18, с. 45], продолжая сохраняться, в частности, в костромских говорах [ККОС]. Третье – в текстах костромских писателей термин не содержит признака ‘большой’ – ‘значительный по площади’, в отличие от литературного языка [22, т. 1, с. 174; 20, т. 1, стб. 573] (по данным ККОС, этот признак не наблюдается и в семантике бытующего на территории Костромской области слова *бор*). У С.В. Максимова в описании парфеньевского ландшафта бор не имеет большой протяжённости: «В дальней окрестности хотя и были леса, но большей частью боры, со всех сторон окружённые жильём…» [10, с. 106]. У Е.В. Честнякова

боры – отдельные участки кологривского леса («Ходит Стафий по лесу, блудится. То бор, то болотина… То густой хвойный лес, то берёзовый, осиновый…» [27, с. 118]) – леса, который, по характеристике С.В. Максимова, двумя сплошными полосами уходит на север и восток: «…одна идёт в Вологодскую губернию и исчезает вместе с архангельскими лесами на тундре, другая соединена с лесами вятскими и пермскими, а стало быть, и с сибирскими, то есть не имеет конца» [10, с. 92].

Языковой «портрет» бора в текстах С.В. Максимова и Е.В. Честнякова связан с общим (хвойный) и видовым (сосновый, еловый) названием древесной растительности, с рельефом и условиями увлажнения (на сухом возвышенном месте), а также с ограниченностью занимаемой площади. Отмеченные писателями уточняющие признаки в характеристике областного слова бор подтверждаются данными ККОС и диалектными словарями.

Трущоба. В значении ‘густой лес’ термин представлен во многих говорах. Слово входит в язык произведений костромских писателей, хотя и не является частотным (см., напр., «Частотный словарь языка А.Н. Островского» [26, с. 640]). Каковы же особенности семантической структуры данного народного географического термина в их произведениях?

Известный на всю округу парфентьевский сборщик грибов Иван Михеич в очерке «Грибовник» С.В. Максимова рассказывает автору о том, где растут грузди: «Листву они любят, в листве осиновой да берёзовой нарождаются!.. <…> Не в игольниках же им расти, в трущобе этой» [10, с. 97]. Одно из значений диалектизма *игольник* – ‘хвоя’ [7, с. 135]. Однако С.В. Максимов употребил существительное *игольник* в форме множественного числа, значит, не имел в виду хвою (как собир. сущ. *игольник* было бы употреблено в форме ед. ч. [17, вып. 12, с. 64]). На севере Костромской области игольником называют хвойный лес [3] (в СРНГ – без указания места [17, вып. 12, с. 64]), но обстоятельство «в игольниках» (мн. ч.) и уточняющее его обстоятельство «в трущобе» (ед. ч.) употреблены в разных числах. Не исключено, что в данном случае слово *игольник* имеет значение ‘хвойное дерево’ (ср.: *...трущобы еловых и сосновых боров...* [11, с. 59]).

В романе «Люди сороковых годов» А.Ф. Писемского имеется эпизод, связанный с охотой на медведя, который напал на корову, забравшуюся в трущобу (*Николи, батюшка, николи они* <коровы> *в эту трущобу не захаживали!* [15, с. 18]). Трущоба – местообитание медведя и представляет собой чащу («густо разросшийся, труднопроходимый лес» [20, т. 17, стб. 799]), расположенную вдали от жилья человека [10, с. 106], то есть в семантике слова выделяется признак ‘отдалённый’. Отдалённость трущобы может быть различной. В вышеназванном романе А.Ф. Писемского указывается расстояние «гоны двои» от трущобы до «моста-то к Раменью» [15, с. 18], но мера измерения расстояния *гоны* не конкретизирована [17, вып. 5, с. 357–358]. П.А. Дилакторский сообщает: «Гоном… называют вообще небольшие расстояния (приблизительно от 20 до 60 сажень)... гоны неодинаковы: у каждого свои. У иного и “полгоны” будут с добрую версту» [4, с. 87–88]. «Парфеньевские» гоны, по-видимому, представляют собой небольшие расстояния: С.В. Максимов упоминает трущобы, находящиеся на доступном для грибников расстоянии: «И действительно, оживают соседние леса от перекрёстного и беспрестанного ауканья, и нельзя представить себе в лесу такой глухой трущобы, где бы не привелось натолкнуться на кого-либо из посадских» [10, с. 91].

Трущоба находится на периферии как культурного ландшафта (в традиционных моделях мироустройства центр совпадает с местом постоянного проживания человека, осваивающего окружающее пространство «от себя»; в лингвистической литературе это отражено в построениях Ю.Д. Апресяна, Н.Д. Арутюновой, Т.И. Вендиной, М.Э. Рут и других исследователей), так и семантического пространства «Лес». В произведениях костромских писателей в образе трущобы ярко проявляется, одной стороны, этнокультурный компонент («вся народная культура диалектна» [24, с. 20]); с другой – основные бинарные семиотические оппозиции «внутренний – внешний» и «свой – чужой», по определению Т.В. Цивьян, задающие оценочный принцип в дифференциации пространства [25, с. 115].

Чужое пространство опасно, пребывание в нём требует осторожности. В период освоения и заселения Русского Севера и Сибири своего рода «островками безопасности» в трущобах были кушни – лесные избушки, «служащие приютом зимой и в непогоду для проезжающих и лесоразработчиков» [17, вып. 16, с. 197]. С.В. Максимов упоминает их в очерке «Лесные жители»: «Особенно внимательны обычаи и правила, какими издавна обставлены лесные избушки, известные под именем кушней (от кущей, находящихся в самых глухих трущобах под наблюдением особых сторожей – кушников)» [10, с. 512]. Представляя собой «непрерывную сеть станций, уголков для угревы и отдыха по направлению… до середины Печоры и дальше через Уральские горы в дальнюю глубь сибирской тайги», кущи обеспечивали «на вольной земле переход вольных людей на дальних расстояниях» [10, с. 512–513]. Кущи были временным пристанищем – трущобы оставались необжитым, незаселённым, слабоосвоенным пространством, в народном сознании – потусторонним миром, местообитанием мифологических существ. Так, С.В. Максимов в очерке «Черти-дьяволы» пишет, что, по народным поверьям, самые недоступные

трущобы населены чертями («Охотнее всего они населяют те трущобы, где дремучие леса разряжаются сплошными полосами недоступных болот, на которые никогда не ступала человеческая нога…» [11, с. 6]). Здесь пребывают и литературные персонажи мифологического плана. «В глухих лесных трущобах, / В нетающих лядинах…» росла героиня весенней сказки «Снегурочка» А.Н. Островского [14, т. 7, с. 367]. Характеризуя трущобу как географическую реальность, оба автора отмечают её низменное расположение: С.В. Максимов прямо указывает на наличие недоступных болот, А.Н. Островский – опосредованно, используя термин *лядина* ‘заболоченное место в лесу’ [ККОС].

При употреблении слова трущоба ‘густой лес’ в континууме мифологического пространства семантический признак ‘местообитание мифологических персонажей’ воспринимается также в качестве основного, но он не отражает регионально-локальное своеобразие непосредственно географической реалии. Природные особенности костромского ландшафта – «обширные леса на болотистой почве» [12, с. 40] – конкретизированы в дополнительном признаке ‘непроходимый причине заболоченности’. Образ трущобы писатели представляют в не расчленённом на мифологическое и реальное пространстве – в соответствии с традиционной культурой.

Рамень, раменье, раменный лес. На территории Костромской области бытуют все три слова, обозначающие одно терминологическое понятие, и все они встречаются в произведениях костромских писателей. С.В. Максимов употребляет лексему *раменье*, указывая на низинный характер географической реалии: *...по раменьям, то есть по сырым низинам...* [10, с. 382]. Е.В. Честняков использует слово *рамень* в значении ‘край, конец’: *Тут виден размах Революции, которая доходит до глубины России, до “рамени”* [2, с. 71–72]. В «Материалах для словаря русского народного языка» А.Н. Островского имеется лексическая единица *раменный лес* [14, т. 10, с. 511]. Писатель-лексикограф обращает внимание на этимологию слова раменный. По А.Н. Островскому, в нём отражается такая особенность внешнего облика деревьев, составляющих раменный лес, как их ветвистость: «*Раменный лес*. Значит большой, ветвистый лес». В «Материалах для словаря…» представлены и образующие словоформы: «*Рамо, рамно*, ср. Ветвь и рука» [14, т. 10, с. 511]. В СРНГ данные лексемы представлены с пометой «Волж.» [17, вып. 34, с. 98], указано время их фиксации – 1856 год, именно тогда А.Н. Островский отправился в «литературную экспедицию» обследовать верхнюю Волгу. Замечание автора «Материалов для словаря…», что «много сёл и деревень носят название раменье» [14, т. 10, с. 511], подтверждается топонимическими данными: во 2-й половине XIX века только в Костромской губернии насчитывалось 15 населённых пунктов с именованием Раменье, из них 6 – в лесном Кологривском уезде [8, с. 448].

Термин *рамень* ‘особый тип елового сообщества’, в костромских говорах имеющий сложную семантическую структуру, подробно рассмотрен Т.Е. Никулиной, которая на материале Трудов КНОИМК анализирует конкретные значения диалектизма, отражающие присутствие в рамени различных пород деревьев – пихты, клёна, липы, вяза, дуба, ивы [13, с. 50–51]. Этот перечень, благодаря этнографическим исследованиям С.В. Максимова, дополняется ещё одним видом – осиной: «На них <раменях> любит расти быстрее других лесных деревьев… осина» [10, с. 382]. Уточняющий признак ‘осиновый’ отражает название растущих в рамени деревьев, что важно для крестьян, занимающихся изготовлением домашней деревянной посуды и утвари, – осина имеет ресурсно-хозяйственное значение: «Это-то неопрятное и некрасивое, сорное и докучливое по своей плодовитости дерево, которое растёт даже из кучи ветровалов, из корневых побегов и отпрысков, трясёт листьями при лёгком движении воздуха, горит сильным и ярким пламенем, но мало греет, – это непохожее на другие странное дерево кормит всё население семёновского Заволжья. Полезно оно в силу той своей природной добродетели, что желтовато-белая древесина его легко режется ножом, точно воск, не трескается и не коробится… в отличие от всех других деревьев» [10, с. 382]. В очерке «Баклуши бьют» С.В. Максимов рассказывает о деревообрабатывающем промысле, получившем широкое распространение среди населения Семёновского уезда Нижегородской губернии, расположенного в междуречье Унжи и Ветлуги и граничащего с Макарьевским и Варнавинским уездами Костромской губернии, в которых деревообработка также являлась ведущим промыслом [1, с. 52] и для жителей которых была важна информация о древесном составе леса. В данном случае в семантике термина раменье актуализируется имеющий важное значение в традиционном занятии жителей лесного края признак ‘расположенный в низине смешанный лес, в котором растут осиновые деревья, пригодные для изготовления деревянной посуды’.

Рассмотренные названия густого леса, представленные в текстах писателей, показывают: в процессе номинации и семантизации взаимодействуют все три взаимосвязанные и взаимообусловленные компонента культурного ландшафта – природный, культурный и языковой. Своеобразие природы костромского края и функциональный, прагматический характер традиционной культуры сказались на появлении оттеночных значений у широко распространённых слов. И в образах, которые писатели нам подарили для более глубокой и всесторонней характеристики терминов как изолекс, эти

значения развёрнуты. Народная географическая терминология в языке писателей и созданные ими образы дают возможность более подробно изучить динамику репертуарного состава данной тематической группы, семантику, структуру и особенности функционирования лексических единиц.

Библиографический список

1. *Воробьёв Н.И.* Обзор Костромской губернии в экономическом отношении // Труды КНОИМК. Вып. 12: Экономический сборник. – Кострома: Тип. Губерн. Совета народ. хоз-ва, 1919. – С. 35–118.

2. *Ганцовская Н.С.* Живое поунженское слово. Словарь народно-разговорного языка Е.В. Честнякова. – Кострома: Костромаиздат, 2007. – 225 с.

3. *Ганцовская Н.С.* Словарь говоров Костромского Заволжья: междуречье Костромы и Унжи. [Рукопись].

4. *Дилакторский П.А.* Словарь областного вологодского наречия. По рукописи П.А. Дилакторского 1902 г. / изд. подгот. А.Н. Левичкин, С.А. Мызников. – СПб.: Наука, 2006. – XV, 677 с.

5. *Дуров И.М.* Словарь живого поморского языка в его бытовом и этнографическом применении. – Петрозаводск: Карел. науч. центр РАН, 2011. – 445 с.

6. *Дюбюк Е.* Леса, лесное хозяйство и лесная промышленность Костромской губ. // Труды КНОИМК. Второй лесной сборник. – Кострома: Губ. тип., 1918. – С. 3–146.

7. Живое костромское слово. Краткий костромской областной словарь / сост. Н.С. Ганцовская, Г.И. Маширова; отв. ред. Н.С. Ганцовская. – Кострома: КГУ им. Н.А. Некрасова, 2006. – 347 с.

8. Костромская губерния. Список населённых мест по сведениям 1870–72 годов. – СПб.: Центр. стат. комитет МВД, 1877. – 465 с.

9. *Лавренова О.А.* Пространства и смыслы: Семантика культурного ландшафта. – М.: Ин-т Наследия, 2010. – 330 с.

10. *Максимов С.В.* Избранное / подгот. текста, сост., вступ. ст., примеч. С.И. Плеханова. – М.: Сов. Россия, 1981. – 560 с.

11. *Максимов С.В.* Нечистая, неведомая и крестная сила / отв. ред. М. Стерлигов. – СПб.: Полисет, 1994. – 442 с.

12. Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба. Костромская губерния / сост. Я. Крживоблоцкий. – СПб.: Тип. И. Тиблена и К°, 1861. – 638 с.

13. *Никулина Т.Е.* Наименования лесов и их типов в трудах членов Костромского научного общества по изучению местного края // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 1994. – СПб.: ИЛИ РАН, 1996. – С. 48–52.

14. *Островский А.Н.* Полн. собр. соч.: в 12 т.– М.: Искусство, 1973–1980.

15. *Писемский А.Ф.* Собр. соч.: в 5 т. Т. 4. – М.: Худож. лит., 1983. – 479 с.

16. Словарь говоров Русского Севера / под ред. А.К. Матвеева. – Т. 1. – Екареринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2001. – 252 с.

17. Словарь русских народных говоров. – Л.; СПб.: Наука, 1965.

18. Словарь русского языка / сост. С.И. Ожегов; под. общ. ред. С.П. Обнорского. – Изд. 3-е. – М.: Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1953. – 848 с.

19. Словарь русского языка: в 4 т. / под ред. А.П. Евгеньевой. – М.: Рус. яз., 1981–1984.

20. Словарь современного русского литературного языка: в 17 т. – М.; Л.: Изд-во АН СССР: Наука, 1950–1965.

21. *Срезневский И.И.* Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам: в 3 т. – СПб.: Тип. Император. Акад. наук, 1893–1912.

22. Толковый словарь русского языка: в 4 т. / под ред. Д.Н. Ушакова. – М.: ОГИЗ, 1935–1940.

23. *Толстой Н.И.* Избранные труды. Т. 1. Славянская лексикология и семасиология. – М.: Языки рус. культуры, 1997. – 520 с.

24. *Толстой Н.И.* Язык и народная культура. Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике. – М.: Индрик, 1995.

25. *Цивьян Т.В.* Лингвистические основы балканской картины мира. – М.: Наука, 1990. – 207 с.

26. Частотный словарь языка А.Н. Островского / под ред. Н.С. Ганцовской // А.Н. Островский. Энциклопедия / гл. ред. и сост. И.А. Овчинина. – Кострома: Костромаиздат; Шуя: Изд-во ФГБОУ ВПО «ШГПУ», 2012. – С. 530–658.

27. *Честняков Е.В.* Сказание о Стафии – Короле Тетеревином: роман-сказка / сост. и авт. коммент. Р.Е. Обухов. – М.: Международ. Центр Рерихов: Мастер-Банк, 2007. – 368 с.

28. *Mickiewicz A.* Poezye Adama Mickiewicza. T. 1. – Kraków: Gebethner i Sp., 1899. – 314 s.

УДК 803

Пожидаева Елена Валерьевна
кандидат филологических наук
Магнитогорский государственный университет
elenabelenko@mail.ru

ПУТИ ФОРМИРОВАНИЯ И РАЗВИТИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРЫ ПИТАНИЯ (на примере английского языка)

Данная статья посвящена рассмотрению способов и закономерностей формирования англоязычной лингвокультуры питания. Интенсивная трансформация данной сферы обусловлена экстралингвистическими, интралингвистическими и лингво-психологическими факторами, в том числе социально-экономическими изменениями.

Ключевые слова: *лингвокультура, питание, национальная специфика, концептосфера, номинация, языковая картина мира.*

Неотъемлемыми свойствами любой языковой системы являются изменчивость и постоянное обновление, и без осмысления этих процессов невозможно глубокое понимание динамики развития национальной лингвокультуры с точки зрения исторической перспективы. Импульсы этих изменений исходят как от исторически изменяющейся среды, так и от того культурного пространства, в котором язык функционирует на определенном этапе в русле общих лингвистических закономерностей.

Динамический характер языка проявляется в его способности непрерывно обогащать свой номинативный фонд новыми единицами. Данный процесс обусловливает эволюцию его лексико-семантической системы, в которой заметно отражаются многообразные изменения, происходящие в общественно-политической, экономической и культурной жизни социума. Проблема динамических изменений в лексическом составе английского языка и его когнитивно-дискурсивного обновления в конце XX – начале XXI веков приобрела особую актуальность. Объясняется это интенсивным ускорением процессов обновления языковых ресурсов под влиянием глобальных трансформаций в мире и необходимостью научного осмысления всего спектра лексико-семантических инноваций, появившихся в английском языке этого периода.

При этом лексические приращения можно охарактеризовать двумя тенденциями: во-первых, появившийся предмет или явление приобретает новое название и дифференцируется лингвистически, во-вторых, функционально похожие явления сближаются, в них выявляется нечто общее. В этом случае для наименования используются привычные для данной лингвокультуры слова, приобретающие новые значения. Иными словами, наблюдаются явления лингвистической дифференциации и обобщения по сходству, которые, будучи противоположными по своей направленности, регулируют процесс словопроизводства и обновления старой лексики.

Языковые факторы при формировании и развитии национального языка связаны с внутренней мотивацией процесса вербализации продуктов познания, а также с факторами когнитивно-коммуникативного и дискурсивно-прагматического характера, которые обусловливают появление нового слова в том или ином лексико-семантическом поле различными проявлениями практической и эмотивно-оценочной активности носителей языка. Основные стимулы, факторы и условия появления нового слова соотносятся с теми причинами языковых изменений, которые были установлены А. Мейе: 1) структурой данного языка, его устройством; 2) когнитивными, физическими, пространственными и социальными условиями его существования; 3) теми частными влияниями других языков, которые в данное время и данном месте испытывает изучаемый язык [9].

В конце XX – начале XXI веков темпы прироста новой лексики в единицу времени (так называемая «неогенность») достигли нового, более высокого уровня, что «отражает рост в геометрической прогрессии общего количества получаемой человечеством информации и значительно расширяет языковое пространство» [7, с. 68]. Высокие темпы обновления номинативного фонда английского языка в последние десятилетия обусловлены действием эффективных когнитивно-дискурсивных механизмов, обеспечивающих процесс неологизации и формирования новой лингвокультурной реальности.

Появление новой лексики знаменует собой важный этап дискурсивного освоения номинируемых предметов и явлений действительности, их признаков, важных для жизнедеятельности человека. Возникновение новых номинаций является своеобразным ответом на социальный запрос, результатом когнитивно-дискурсивного освоения и интерпретации действительности. В этом процессе субъект, вновь познающий или переосмысляющий реалии языковой картины мира, выступает активным началом лингвокреативной деятельности, продуктом которой являются новые слова и значения, расширяющие концептосферы того или иного языка.

Содержание и структура культурных концептов обусловлены национальным менталитетом каждой лингвокультурной общности. Свойством выражать национальную специфику обладает каждая едини-

© Пожидаева Е.В., 2012

ца языка и культуры. Концепт культуры «в границах словесного знака и языка в целом предстает (как явление) в своих содержательных формах – как образ, как понятие и как символ» [8, с. 81].

Различные языковые явления в аспекте «язык – человек – культура», в том числе проблемы языковой концептуализации мира для конкретных языков, рассматривались такими известными учеными как Н.Д. Арутюнова, А. Вержбицкая, В.И. Карасик, Г.Г. Слышкин, H.E. Rosch, L. Weisgerber и др. [1; 3; 4; 6; 13; 15; 16].

На нынешнем этапе развития лингвистической науки активно изучаются базовые когнитивные сферы и средства их языковой интерпретации в различных языках. В современном мире, характеризующемся глобализацией и интеграцией различных сообществ в единую систему, понимание национально-культурной специфики особенно важно, поскольку способствует успешной коммуникации, продуктивному диалогу культур. Одним из таких основополагающих культурных символов является концептосфера питания.

В общем лигвокультурном поле английского языка лингвокультура питания занимает важное место, что находит свое отражение как в лексическом фонде языка, так и в различных видах научного дискурса. В этой связи не вызывает сомнения актуальность выявления универсальных закономерностей формирования и развития смыслов лингвокультуры питания как средства реализации важного культурного кода, в частности, для теории языка. Именно специфика лингвокультуры питания содержит характерный для каждой нации арсенал языковых средств, в котором воплощен дух народа. Данное явление прослеживается, например, в номинациях, значимых для британских национальных продуктов питания: чай «Earl Grey Tea» – то есть «Чай Седой Граф», или пудинг «Yorkshire Pudding» – «Йоркширский Пудинг».

Весь ход человеческой цивилизации тесно связан с пищевыми ресурсами, которые необходимы для удовлетворения основополагающей физиологической потребности человека в выживании. Согласно Маслоу, необходимость в питании является базовым уровнем физиологической конституции человека [14]. Люди не могут жить без пищи, хотя у каждой нации есть собственные вкусовые предпочтения, которые находят свое языковое выражение: например, в меню, в рецептах национальной кухни, глюттонической терминологии и пр.

Наименования продуктов питания и связанных с ними реалий, входящие в состав лексико-фразеологического фонда британского варианта английского языка, обладают высокой значимостью в рамках английской (как и любой другой) лингвокультуры. Питание, наряду с национальным костюмом, традициями, обычаями, праздниками и другими важными элементами культуры, национально маркировано. Этническое своеобразие народа, который тысячелетиями живет на одной территории, во многом формируется в зависимости от окружающей среды, например, от климата, ландшафта, флоры и фауны, степени близости к морям. Этими же факторами определяются и традиционные виды производства, а также свойства доступных в данной местности пищевых продуктов и, соответственно, состав рациона, технология изготовления и форма потребления пищевых продуктов.

В этом смысле английская национальная кухня характеризуется своеобразием по сравнению с европейской континентальной кухней, что обусловлено, во-первых, относительной изолированностью Британии, а, во-вторых, ее прежним имперским статусом, определявшим ее обширные контакты с экзотическими странами во всех уголках мира. С другой стороны, английская нация, испытавшая в процессе своего формирования сильное влияние европейских народов (например, нормандцев, римлян, скандинавов), ассимилировала в процессе культурно-исторического развития традиции и обычаи этих народов и в питании. Всем этим факторам английская кухня сегодня обязана своими особенностями.

Основой рациона питания англичан стали злаковые культуры, а также мясо, молочные и рыбные продукты. Более того, эти продукты, рассматриваемые британцами как важнейшие условия выживания и благополучия, мыслятся ими как основа жизни, что не могло не привести к их мифологизации и символизации. Именно по этой причине в английской лингвокультуре питания символы хлеба, мяса, рыбы, молока, продуктов из них, а также блюд с этими ингредиентами представлены достаточно широко. Так называемый национальный стереотип подразумевает мнение о том, что англичане неизменно предпочитают овсяную кашу либо пудинг, бекон, ячменное пиво, мясные и овощные пироги. Это своеобразные маркеры британского образа жизни.

К формированию и развитию лингвокультуры питания имеет непосредственное отношение ряд когнитивных опор, выделяемых на основе чувственного или рационального опыта человека. Ключевыми являются две группы номинаций: внешние (форма, размер, запах, цвет, фактура поверхности продукта) и внутренние (консистенция, вкус, особые свойства продуктов, состав блюда или способ его приготовления). Помимо этого, представляется возможным говорить и о скрытых признаках продуктов питания, напитков и блюд, которые в результате исторического развития утратили релевантность и выявлению которых способствует этимологический анализ номинаций, связанных с продуктами питания. При всей универсальности их характера выявленные когнитивные опоры обладают национально-специфическими особенностями,

связанными с понятиями, установками, стереотипами, менталитетом, системой социокультурных отношений, традиций, обычаев и верований, характерных для английской культуры.

Культурное содержание англоязычной лексики, связанной с питанием, раскрывается через элементы food, meal и dish. Специфика формирования лингвокультуры питания данного языка позволяет рассматривать ее как общую концептосферу, в которой составляющие единицы food, meal, dish являются взаимосвязанными компонентами единого лингво-ментального комплекса, что подтверждает распространенную точку зрения о концептосфере питания как об открытой системе.

Учитывая факт того, что на постиндустриальном этапе развития общества пища уже не рассматривается как архиценность, от которой зависит жизнь, лингвокультура питания часто носит игровой характер и, в то же время, содержит в себе древнейшие архетипы, отражающие стремление человека к безопасности. С другой стороны, игровые элементы лингвокультуры питания неизменно базируются на национальных культурных кодах потребления пищи. Термин «культурный код», по сути, совпадает с контентом термина Р. Барта «акциональный код», который означает пучок ассоциаций, относящихся к культуре [2]. Типичные элементы лингвокультуры питания той или иной нации Е. Добренко назвал «кулинарная картина мира» [5]. Возможно, более точным в этом смысле был бы термин «гастрономическая картина мира», который можно трактовать как некую концептуальную модель гастрономических пристрастий с национальной спецификой. В этом смысле можно говорить о гастрономическом коде нации, синтезирующем элементы лингвокультуры питания.

При функционировании в живой речи элементы лингвокультуры питания выражаются в названии тех блюд и продуктов питания, на которые распадается концепт «питание» и которые являются существенными для определенной лингвокультуры. По мнению некоторых исследователей, при анализе процесса формирования и развития лингвокультуры питания необходим более широкий термин «глюттония», характеризующий весь пищевой процесс в целом, а именно: добычу и первичную обработку пищи, подготовку полуфабрикатов, процесс приготовления и потребления пищи [10]. А.В. Олянич говорит о лингвокультурной и этнокультурной специфике номинаций, связанных с приготовлением пищи [11].

Лингвокультура питания английского языка характеризуется значительным количеством простых (грамматически непроизводных) слов. К этой группе относятся, во-первых, многие древние наименования общегерманского происхождения (loaf, bread, milk, flitch, bacon, nut, yeast, fish, ham и др.). Их непроизводность связана с тем, что внутренняя форма оказалась утраченной в процессе развития и изменения английского языка, что привело к их упрощению. Кроме того, специфической чертой гастрономической языковой картины мира является отражение в языке названий самого процесса и времени потребления пищи и напитков. Британцы четко придерживаются традиций завтрака, второго завтрака, ужина (или обеда): breakfast, lunch, supper (or dinner). Термин snack (закуска) относится к съедаемым продуктам между приемами пищи.

Весьма характерна также специфика названий специалистов по приготовлению пищи и самих способов готовки: culinarian – кулинар; chef – шеф-повар; baker – пекарь, булочник; hash slinger – бармен. В английском языке to cook (готовить пищу) обозначается следующими языковыми единицами: boil – отваривать; stew – тушить; brew – варить (пиво), заваривать (чай); toast – подрумянивать; fry – жарить; bake – печь, запекать; burn – сильно зажаривать; grill – жарить на гриле; melt – растапливать и др.

Очевидно, что национальная культура питания ориентирована на определенные формы ее существования. В своих ключевых характеристиках ее динамика обусловлена господствующими в обществе архетипами. Например, английские архетипы берут свое начало в национальной истории, в легендах и мифах Туманного Альбиона, согласно которым пищей у рыцарей круглого стола были в основном мясные блюда, приготовленные из мяса диких животных. Исторические источники также утверждают, что позже британская знать уже не ела «…ни лепешек, ни каш, очень мало хлеба, зато мясные блюда присутствовали в изобилии» [12]. В пользу этого свидетельствует сам лексический фонд английской лингвокультуры, где широко представлен глюттонический архетип «мясо»: One man's meat is another man's poison (То, что для одного человека пища, для другого – отрава); Be meat and drink to smb. (Доставлять огромное удовольствие кому-л.; необходимо как воздух).

Важно отметить, что и в XXI веке консервативная английская кухня не изменяет своим традициям. Например, мясо – по-прежнему главное блюдо в любом застолье, и это прежде всего roastbeef (ростбиф) и beefsteak (бифштекс).

Таким образом, номинативный репертуар лингвокультуры питания как часть общей национальной лингвокультуры является не только отражением самобытности нации, но и обладает способностью оказывать влияние на формирование и развитие этнокультуры в целом. Вербализуясь, гастрономическая языковая картина мира формируется под влиянием оценочно-критической деятельности человеческого сознания и его когнитивного освоения реальности. При этом стилистический потенциал английских наименований пищевых продуктов весьма высок; он является результатом

и частью выразительных и изобразительных возможностей английского языка.

Как представляется, всестороннее осмысление процессов формирования и развития лингвокультуры питания должно идти параллельно с изучением когнитивно-дискурсивной деятельности человека. Очевидно, что данная тема относится к разряду неиссякаемой проблематики, неизменно открытой для дальнейших исследований ввиду постоянно обновляемой культурной компоненты языка.

В современном английском языке интенсивное изменение лингвокультуры питания обусловлено действием комплекса факторов: экстралингвистических, интралингвистических, лингво-психологических (универсальных и индивидуальных). Высокие темпы обновления номинативного фонда английского языка, помимо внешних факторов, обусловлены эффективностью тех внутриязыковых механизмов, которые, в конечном итоге, в начале XXI века и обеспечивают процесс постоянного обновления концептосферы, связанной с продуктами питания. Этот процесс находится в прямой зависимости от преобразований в обществе, а также детерминирован внутриязыковыми причинами – потребностью в совершенствовании средств языкового обозначения, социально-экономической ситуацией, системой языковых единиц и др., а также образом жизни и мышления самого человека.

Библиографический список

1. *Арутюнова Н.Д.* Вступительная статья // Логический анализ языка. Культурные концепты. – М.: Наука, 1991. – С. 3–5.

2. *Барт Р.* Избранные работы: семиотика. Поэтика: пер. с фр., сост., общ. ред. Г.К. Косикова. – М.: Прогресс, 1994. – 616 с.

3. *Вежбицкая А.* Понимание культур посредством ключевых слов. – М.: Языки славянской культуры, 2001. – 288 с.

4. *Вежбицкая А.* Язык. Культура. Познание. – М.: Русские словари, 1997. – 416 с.

5. *Добренко Е.* Гастрономический коммунизм: вкусное vs здоровое // Неприкосновенный запас: дебаты о политике и культуре. – 2009. – № 2. – С. 155–173 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://magazines.russ.ru/nz/2009/2/do9-pr.html.

6. *Карасик В.И.* Языковой круг: личность, концепты, дискурс. – М.: Гнозис, 2004. – 390 с.

7. *Карева О. М.* Лексико-семантические изменения в наименованиях лиц. – М., 2006. – С. 68.

8. *Колесов В.В.* «Жизнь происходит от слова...». – СПб.: Златоуст, 1999. – 368 с.

9. *Мейе А.* Сравнительный метод в историческом языкознании. – М.: УРСС, 2004. – 101 с.

10. *Олянич А.В.* Презентационная теория дискурса. – Волгоград: Парадигма, 2004. – 507 с.

11. *Олянич А.В.* Гастрономический дискурс в системе массовой коммуникации: семантико-семиотические характеристики // Массовая культура на рубеже XX–XXI веков: человек и его дискурс: сб. науч. тр. / РАНЮ Ин-т языкознания. – М., 2003. – С. 167–201.

12. *Пастуро М.* Повседневная жизнь Франции и Англии во времена рыцарей Круглого стола, 2001 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.countries.ru/library/middle_ages/pasturo/index.htm.

13. *Слышкин Г.Г.* Лингвокультурные концепты и метаконцепты. – Волгоград: Перемена, 2004. – 328 с.

14. *Maslow A.H.* Motivation and Personality. – New York: 3d edition, Harper and Row, 1987. – 293 c.

15. *Rosch H. E.* Universals and Cultural Specifies of Human Categorization // Cross-cultural Perspectives of Learning / ed. by R. Brislin, S. Bichner, W. Lonner. – N. Y.: Wiley, 1975. – P. 177–206;

16. *Weisgerber L.* Vom Weltbild der deutchen Sprache. – Diisseldorf: Schwann, 1950. – 231 p.

УДК 81.432.1

Титова Ольга Анатольевна
кандидат филологических наук
Московский городской педагогический университет
titov-pv@yandex.ru

АНГЛИЙСКИЕ ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ-АНТРОПОНОМИНАНТЫ КАК РЕЧЕВЫЕ ОБРАЗОВАНИЯ

Статья посвящена фразеологизмам-антропономинантам, функционирующим в качестве наименований лиц в современном английском языке. Автором предпринимается попытка проанализировать незарегистрированные в словарях единицы, имеющие статус речевых образований.

Ключевые слова: *фразеологизмы-антропономинанты, атомарное словосочетание, языковые номинации, речевые образования, экстралингвистические факторы, план выражения, план содержания.*

Фразеологизмы-антропономинанты (ФАН) – это специфические образные знаки, которые используют средства естественного языка – поверхностную структуру фразеологической единицы, её внутреннюю форму, семантическую структуру, фразеологическую абстракцию и мотивировку – для кодировки этнокультурной информации, то есть оценочной номинации природно-физических характеристик человека (возраста и внешности), социально-экономического и профессионального статуса, места жительства, национально-расовой принадлежности, психологических качеств, морально-этических установок и др.

Атомарные словосочетания фразеологизмов (АСС) – это словосочетания, означающие реалии или ситуации предметного мира, служащие основой для создания фразеологических единиц. Они являются материальным оформлением установок, формирующихся в среде конкретного этноса. Формирование установок происходит в соответствии с теми сигналами, которые поступают в мозг от объективной действительности, и с тем кодом, который выработан в языковом мышлении народа.

Формированию ФАН способствует специфика устно-разговорной формы речи, которая, обобщая различные точки зрения, имеет такие качества как спонтанность, неофициальность, непринужденность общения, ситуативная обусловленность и т.д. Во многих случаях разговорное значение осложнено экспрессивностью, эмоциональностью и оценочностью. По мнению А. Мартине, «языковая эволюция определяется постоянным противоречием между присущими человеку потребностями общения и выражения и его стремлением свести к минимуму свою умственную и физическую деятельность. Языковое поведение регулируется, таким образом, так называемым “принципом наименьшего усилия”» [5, с. 126]. Экономия языковых средств обусловлена также несовершенством речевого аппарата, который значительно отстаёт от возможностей мышления. Кроме того, часть информации бывает представлена в контексте и не требует вербализации. Действие принципов автоматизма речи, отсутствие предварительного обдумывания, экономии речи обусловливает появление в речи построений, характеризующихся такими признаками, как воспроизводимость, устойчивость, семантическая целостность [4, с. 124]. Использование ФАН позволяют экономить языковые ресурсы в процессе коммуникации, поскольку они представляют собой своего рода конденсацию смысла «для экономного выражения многого в малом». Как видно из наших рассуждений, ФАН характеризуются асимметрией планов выражения и содержания в результате сокращения линейной протяжённости высказывания и увеличения его содержания. Такие единицы, являясь экономным способом выражения мысли, способствуют повышению эффективности акта коммуникации.

При обработке материала для описания фразеологизмов-антропономинантов нами учитывались все выявленные изучаемые единицы, поэтому мы выделяем наряду с укоренёнными в языке ФАН и новообразования, и окказионализмы. В.Г. Гак, обобщая результаты собственных исследований, связывает языковую номинацию с возможностью «издания» новых обозначений, а речевую – с осуществлением речевого акта в конкретной ситуации [3, с. 203]. В нашей работе мы будем рассматривать наименования, зафиксированные в лексикографических источниках, как языковые номинации, а незарегистрированные в словарях – как речевые образования.

Экстралингвистические факторы позволяют выявить сущностные свойства внеязыкового ряда, которые отражаются в существенных признаках языковых образных знаков, что служит причиной для возникновения новых обозначений в языке и речи. Исследование экстралингвистики способствует более полному описанию лексической единицы как знака. К экстралингвистическим факторам причисляются речевые условия и обновляющиеся на современном этапе развития общества роли человека в социуме. Нам близко мнение А.В. Суперанской о том, что языковеду необходимо знать внеязыковые факторы, поскольку, зная причины, порождающие те или иные имена, он может лучше разобраться в словообразовательных типах и грамматических формах – явлениях чисто языковых [7, с. 242].

 © Титова О.А., 2012

На материале английского языка проблема фразеологической деривации в аспекте языковой номинации с привлечением разнообразных речевых контекстов плодотворно изучалась А.В. Куниным и его учениками М.К. Керимзаде, Л.П. Терентьевой. Вопросами типологии способов образования окказиональных индивидуально-авторских оборотов занимались А.М. Мелерович, В.М. Мокиенко, И.Ю. Третьякова и др.

Рассмотрим ФАН *animal aunt – someone who works in a pet care business*, который уже вошёл в речевую практику английского языка, но ещё не зафиксирован в словарях. Это наименование обозначает человека (чаще всего женщину), который профессионально занимается уходом за домашними животными. Если владельцы домашних животных уезжают в отпуск, им приходится оставлять своих питомцев на попечение таких людей. Данная ФЕ репрезентирует структурно-семантическую модель идиомы *agony aunt* (*психолог, автор газетной колонки*) – *a person, usually a woman, who publicly gives advice to people with personal problems, especially in a regular magazine or newspaper article.* Данная единица обнаружена нами не только в списке социальных стереотипов, составленном авторами колонки издания *The Telegraph Magazine*, но и в рекламных объявлениях британских газет: *If you need a dog sitter, cat sitter or any other type of pet sitting service – **Animal Aunts** can help (including horses to a high level)* [9, с. 45].

Моделью для образования индивидуально-авторского окказионализма *cynicky-boots* (АСС – *циничные ботинки*), выявленного нами в художественном тексте, очевидно, послужила узуальная ФЕ *smarty boots* (АСС – *умные ботинки*), где *boots* метонимически замещает человека: *Don't you listen to Thompson, he's an old **cynicky-boots*** [8, с. 28]. Ещё один авторский окказионализм *dafty-trousers* [8, с. 295] (АСС – *глупые брюки*) репрезентирует структурно-семантическую модель узуального ФАН *smarty pants* (АСС – *умные штаны*), хотя является антонимом данной лексемы. Эта фразеологическая модель индивидуально-авторского образования создаёт оригинальный, запоминающийся образ *глупца.*

Недавно появившийся ФАН *mouse potato – someone who spends a lot of time playing on a computer or surfing the net*, зафиксированный Longman Dictionary of Contemporary English в разделе новых слов, повторяет структурно-семантическую модель ФЕ *couch potato* [10, с. 65]. С появлением компьютеров и интернета праздная жизнь *лентяев* «обогатилась» новым способом ничегонеделания, и этот факт также не ускользает от языкового сознания. В русском языке нами не выявлено прямого перевода данной единицы, так что объясним её значение дескриптивно: это *человек, который проводит много времени сидя за компьютером,* держа в руках компьютерную мышь. Фитоморф *potato* актуализирует потенциальную сему «*неподвижность*», запуская ассоциацию с чем-то, лишённым мобильности, находящимся на одном и том же месте.

Н.Ф. Алефиренко указывает на «проявление неустойчивости фраземы, вызывающей рассеяние семантической энергии и диффузии первоначальной информации, передаваемой фраземообразующими компонентами» [1, с. 26], что ведёт к появлению целого ряда речевых образований в современном английском языке: *beach **bum** – бездельник, проводящий много времени на пляже*; *crum **bum** – никчемный человек*; *rum-**bum** – пьяница*; *ski **bum** – спортсмен-энтузиаст, проводящий всё время, катаясь на лыжах*; *stumble **bum** – растяпа*; *surf **bum** – спортсмен-энтузиаст, проводящий всё время, катаясь на сёрфинге*; *tennis **bum** – спортсмен-энтузиаст, проводящий всё время за игрой в теннис*.

По аналогии с существующим антропономинантом *road**hog** – неаккуратный водитель, нарушитель правил дорожного движения* – появляется новая ФЕ с заменой первого фраземообразующего компонента: *water**hog** – потребитель, безответственно расходующий воду*, где зооморфизм *-hog* развивает неодобрительную потенциальную сему *«безответственность»*.

Осложнённый случай словообразовательных процессов по аналогии демонстрируют такие речевые образования, как: ***TV licence** dodger* (*тот, кто уклоняется от абонентской платы за телевизионную антенну*), ***soap**-dodger, **bath**-dodger* (*нечистоплотный человек*); ***coffin**-dodger* (*старый человек*)**,** ***devil**-dodger* (*религиозный человек*), ***salad**-dodger* (*человек с избыточным весом, избегающий здоровой пищи*)**.** По данным Г.Г. Бондарчук, даже если понимать аналогию в узком смысле, т.е. как образование лишь одного нового слова на основе одной уже существующей лексемы, это не исключает того, что новое аналогическое образование может послужить со временем толчком к образованию ещё одного или нескольких слов по аналогии с ним [2, с. 142]. Это, несомненно, произошло в вышеприведённых знаках вторичного семиозиса со вторым компонентом ***dodger***. Покажем, как шёл процесс словообразования на узуальных единицах: *to dodge* (*уклоняться, маневрировать*) > *dodg**er*** (*изворотливый человек, хитрец*) > ***draft** dodger* (*лицо, уклоняющееся от призыва на военную службу*), ***tax** dodger* (*тот, кто уклоняется от уплаты налогов*).

Недобросовестные водители, нарушители правил дорожного движения, получают колоритные названия, выраженные речевыми образованиями. Это яркий пример того, как прагматический контекст в конкретном дискурсивном пространстве может заставлять говорящего находить новый ракурс фраземоупотребления в зависимости от интен-

ции. *Водитель*, управляющий движущим средством и одновременно *разговаривающий по мобильному телефону*, – явление нередкое, такого водителя называют *drive-dialler*: *Since this February* ***drive-diallers*** *will be even more heavily fined if caught* [6, с. 202]. Так называемый *ускользающий водитель*, снижающий скорость в местах, где установлены камеры наблюдения, награждается прозвищем *camera surfer*: *The new scheme is aimed at* ***camera surfers*** *and is operational in Camden* [6, с. 131]. Данная ФЕ образована по модели узуальной единицы *спортсмен-виндсёрфер: windsurfer*. Нельзя не упомянуть ФАН *net-surfer веб-сёрфер – тот, кто «путешествует» по ссылкам на сайтах*: *And then there are interactive notice boards, which function on internet chat sites, allowing the* ***net-surfer*** *to read anything anyone has written on the topic. The facility also allows* ***surfers*** *to make their own contribution to the Kashmir debate* [12].

Иногда в результате неоднозначной оценки обществом каких-либо сфер деятельности человека возникают комбинированные наименования. ФАН *lager lout – подвыпивший юнец-хулиган* – ёмко объединяет внешнюю характеристику и типичное поведение: *rowdy or aggressive young drunk male.* Образован данный знак в результате соединения двух смыслов: первый компонент *lager – lager beer* – вербализует причину социально опасного поведения слоняющихся по ночам нетрезвых юнцов, а второй компонент *lout* – описывает хулиганскую манеру их поведения. Примером употребления данного ФАН может послужить заголовок к статье в английской газете, призывающей избавить измученных жителей от бесчинств пьяных подростков в ночное время: *Keep* ***lager louts*** *off our neighbourhood at night* [6, с. 380].

Известны традиционно образованные существительные с суффиксом *-er* со значением действующего лица на основе процесса, что представляет собой обычную грамматическую аналогию: *backbiter, double-crosser, egg chaser*. Установлено, что среди изучаемых единиц есть целый ряд ФАН на *-er*, образованных не от глагольной, а от субстантивной основы: *ice creamer, wooden spooner, empty nester.* Рассмотрим несколько подробнее одну из вышеперечисленных ФЕ. ФАН *empty nester – a parent whose child or children have reached adulthood and moved away from home – пожилой родитель*, чьи дети покинули родной дом и начали самостоятельную жизнь: *A couple of* ***empty nesters*** *was brutally assaulted yesterday in the early hours of the morning* [6, с. 219]. Образной основой данной единицы является метафорическое представление о доме пожилых людей как об опустевшем родовом гнезде: *home>empty nest*.

ФАН *возрастной отказник – age refusenik* образован как сложнопроизводное слово, сложением субстантивной основы *age* и глагольной основы *refuse* с добавлением русского суффикса ***-nik*** от лексемы *отказ**ник***, изначально употреблявшейся в бывшем Советском Союзе для обозначения гражданина, которому отказано в праве эмиграции. Такой социальный типаж – «*возрастной отказник*» – настолько релевантен для современного западного общества, что он даже упоминается в числе социальных стереотипов. Нам удалось найти зарисовку, посвящённую молодящейся особе, под заголовком «***The Age Refusenik***» [11, с. 45].

Разбогатевшего среднего англичанина уничижительно называют *burberry ape*. Проанализируем подробнее способ образования данного ФАН, декодирование значения которого требует привлечения экстралингвистических знаний. Данная ФЕ – результат соединения двух смыслов: названия общепризнанного бренда ***Burberry*** *– trademark a light good-quality raincoat, especially of gabardine* – некоего маркера уровня благосостояния индивида и зооморфного компонента (*barbary*) ***ape*** *– берберийская макака*: *Finally! The* ***Burberry apes*** *are moving out of central London* [6, с. 126]. Неодобрительное отношение к разбогатевшим представителям среднего класса ярко демонстрирует метафорическое сравнение «*нувориша*» с приматом.

ФАН *pramface*, образованный по аналогии с узуальными ФЕ *dogface* (*солдат, пехотинец*) и *ratface* (*хитрец, проныра*), представляется не менее колоритным языковым знаком. Этим ФАН обозначают малообеспеченную, как правило, *несовершеннолетнюю мать,* которая растит ребёнка в неполной семье. Первый компонент *pram* ФАН ***pram****face* эксплицитно указывает на наличие маленького ребёнка у такой женщины, поскольку он означает «*детская коляска*». Соматизм *face* метонимически замещает человека. Из этого описания следует, что, как правило, это девочка-подросток, воспитывающая ребёнка без мужа, которая неухожено выглядит, не отличается чистоплотностью, живёт на пособие в муниципальном доме в неблагополучном районе, едва сводя концы с концами. Такая неухоженная женщина из простонародья противопоставлена в английском обществе известной состоятельной молодой женщине, так называемой «иконе стиля» – *yummy mummy* (АСС – *красивая мамочка*), ежеминутно находящейся под прицелом видеокамер, располагающей временем и средствами, чтобы быстро восстановиться после родов и вновь обрести безупречную физическую форму.

Выявленные и проанализированные нами речевые образования подтверждают выводы языковедов и показывают, что за каждым индивидуализированным, авторским употреблением стоит фразеологический инвариант как категориальная единица языка. Возникающие в тексте окказионализмы функционируют как маркеры определённой фразеологической модели, концептуализирующие явления действительности с различных мировоззрен-

ческих позиций. Окказиональные слова изначально неразрывно связаны с контекстом, в котором они возникают и функционируют. Однако такие новообразования способны приобретать статус автономных языковых знаков, что доказывают вышеприведённые примеры из нашей выборки.

Библиографический список

1. *Алефиренко Н.Ф.* Фразеология в свете современных лингвистических парадигм. – М.: Элпис, 2008. – 271 с.

2. *Бондарчук Г.Г.* Семиотические аспекты описания категории предметных имён. – М.: ИПК МГЛУ «Рема», 2010. – 178 с. (Вестн. Моск. гос. лингвист. ун-та; вып. 577. Сер. Языкознание).

3. *Гак В.Г.* Языковые преобразования. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1998. – 768 с.

4. *Лаптева О.А.* Русский разговорный синтаксис. – М., 1976. – 399 с.

5. *Мартине А.* Принцип экономии в фонетических изменениях (приёмы диахронической фонологии). – М.: Наука, 1960. – 262 с.

6. Современный англо-русский словарь живого английского языка. – М.: АСТ: Астрель: Полиграфиздат, 2010 – 896 с.

7. *Суперанская А.В.* Общая теория имени собственного. – Изд. 3-е, испр.– М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. – 368 с.

8. *Fry S.* The Liar. – London: Arrow Books, 2004. – 430 p.

9. The Independent: Classified. – 2010. – August 6.

10. Longman Dictionary of Contemporary English Third Edition with New Words Supplement / Harlow and London, 2001. – 1668 p.

11. *Mather V.* The Smelly Dog: Social Stereotypes from The Telegraph Magazine / V. Mather, S. Macartney-Snape. – London: John Murray (Publishers), 2006. – 96 p.

12. The BBC News / World: South Asia Kashmir's cyberwar / June 28, 1999 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://news.bbc.co.uk/2/hi/south_asia/380179.stm

УДК 803

Щербакова Екатерина Владимировна
Московский городской педагогический университет
esherbakova@mail.ru

СЛОВА-РЕАЛИИ КАК ВЫРАЖЕНИЕ СПЕЦИФИЧЕСКИХ ЧЕРТ АВСТРАЛИЙСКОГО ВАРИАНТА АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА

В статье рассматриваются слова-реалии австралийского варианта английского языка, источники их формирования, представлена классификация слов-реалий по тематическим группам. Особое внимание уделяется группе слов-реалий, связанных с флорой и фауной страны.

Ключевые слова: *австралийский вариант английского языка, реалия, лакуна, тематическая классификация, картина мира.*

Речь австралийцев, равно как и произношение, всегда были и остаются причиной теоретических и практических разногласий. Развиваясь в условиях географической и культурной изоляции, под влиянием особенностей окружающей природы и образа жизни, контактирующих языков, английский язык в Австралии приобрел ряд особенностей, которые позволяют определить его статус как австралийского национального варианта английского языка. Австралийский английский язык не занимает подчиненного положения по отношению к английскому языку Великобритании, как это свойственно территориальным диалектам, он не ограничен сферой бытовой устной речи. Он используется в государственных учреждениях, образовательных учреждениях, является языком средств массовой коммуникаций и художественной литературы.

Проблема языковых контактов и заимствований для английского языка в Австралии в ранний и поздний периоды его становления является крупной историко-лексикологической проблемой. Самобытность этого варианта определяется не только лингвистическими, но и историческими, социокультурными и другими экстралингвистическими факторами, поскольку язык не существует вне культуры, то есть вне социальных, материальных сфер, национальных традиций и идей, характеризующих образ жизни того или иного лингвокультурного сообщества. История становления человека показывает, что практическое освоение мира есть одновременно и его осмысление, закрепление в познании обнаруженных и успешно используемых свойств предметов, явлений природы и процессов [1, с. 8].

Уникальная картина мира австралийцев находит отражение в процессах номинации: например, в австралийском английском внутренние районы страны обозначаются в языке и, очевидно, в сознании говорящего не в отношении к стране, континенту в целом, а в отношении к населенной, обжитой, цивилизованной части страны, расположенной по ее периферии. Поэтому по отношению к *bush, bush-country* говорится не *in* – в, а *out* – вне. Отсюда синоним к слову *bush – outback.*

В языковой картине мира австралийцев отражается особенный тип отношения человека к окру-

© Щербакова Е.В., 2012

жающему миру (природе, животным, самому себе как элементу мира), задаются нормы поведения человека в мире.

Когнитивные процессы, обусловленные особенностями культурно-исторического развития нации, способствуют своеобразию лексико-семантической системы языка [2, с. 555]. Одним из важных стимулов, определивших становление австралийского варианта английского языка, явилось первоначальное положение Австралии в качестве британской колонии, освоение которой относится к XVIII веку.

Разговорный вариант английского языка в Австралии, который подвергся серьезному влиянию разговорной разновидности британского английского, имеет достаточно широкое распространение и функционирование. Основная причина этого заключается в том, что изначально носителями английского языка на новом континенте были ссыльные британцы, которые преимущественно являлись носителями арго и кэнта [3, с. 172].

Следующим фактором развития австралийского варианта английского языка являлись контакты с культурой аборигенов, которые были исключительно специфичными. В процессе колонизации Австралии первым поселенцам пришлось осваивать явления и предметы, незнакомые им ранее. В их словарном запасе не имелось точных словарных эквивалентов, чтобы назвать эти понятия, что привело к появлению в языке так называемых лакун. Под «лакуной» понимают отсутствие в одном из языков наименования того или иного понятия. Как правило, в других языках не будет и однословных словарных эквивалентов для их передачи (*bandicoot, betton, corroboree, dingo*) [4, с. 15].

Для заполнения этих пробелов в лексике поселенцы использовали слова из родного языка, которые вызывали ассоциации с новой реальностью. Таким образом, происходило переосмысление слов. Однако не все явления, с которыми столкнулись колонизаторы, могли быть объяснены через имеющиеся в их словаре слова. Следствием этого стало заимствование слов из языка аборигенов для обозначения новых понятий. В дальнейшем переосмысление и заимствование стали основными способами формирования австралийского варианта английского языка.

Слова- реалии являются неотъемлемой частью лексики любого языка и отражают специфическую картину мира людей, говорящих на этом языке. Реалии представляют собой слова и словосочетания, называющие предметы, явления, объекты, характерные для жизни, быта, культуры, социального и исторического развития одного народа и малознакомые или чуждые другому народу, выражающие национальный колорит, не имеющие, как правило, точных соответствий в другом языке и требующие особого подхода при переводе.

В настоящее время в научной лингвистической литературе представлены различные классификации реалий по временным, местным, семантическим, грамматическим, фонетическим и прочим признакам.

На основе уже существующих классификаций нами разработана классификация реалий наиболее часто встречающихся в словарном составе австралийского варианта английского языка. Она основывается на предметном принципе и выглядит следующим образом:

1. Слова-реалии, связанные с названием страны.
2. Слова-реалии, связанные с понятием «внутренняя часть страны».
3. Слова-реалии, связанные с колонизацией и освоением Австралии.
4. Слова-реалии, связанные с названиями флоры и фауны.
5. Имена реалии.

Следует отметить, что именно названия флоры и фауны лежат в основе специфики австралийского варианта языка, часто употребляются в речи. Многие из слов-реалий указанной выше четвертой группы стали интернациональными терминами. Их рассмотрение позволит нам получить широкое представление о картине мира австралийцев.

Эта группа подразделяется на две подгруппы:

– *слова, образованные из английских составляющих*;

– *слова, заимствованные из языка аборигенов*.

Наиболее часто употребимое в Австралии название эвкалипта – gumtree – образовано по модели N+N (gum + tree). Gum – смолистое выделение, клей. Tree – дерево. Древесина многих разновидностей эвкалипта выделяет сок, затвердевающий на воздухе, отсюда и произошло это название. Слово gumtree практически вытеснило слово эвкалипт, и теперь большинство видов эвкалипта включают в свое название слово *gum*. Известны следующие разновидности эвкалипта: *apple gum, black gum, blue gum, desert gum, flooded gum, gumghost gum, scribbly gum, sugar gum*. Например, название *blue gum* связано с голубоватым цветом древесины. Эти словосочетания образованы по модели A+N, где на первом месте стоит уточняющее прилагательное, а на втором существительное gum.

Широкое распространение слова gum привело к образованию большого количества фразеологизмов: *to be up a gumtree* – быть в затруднительном положении, *fix the old gumtree* – зажить оседлой жизнью [5, p. 216]. Необходимо отметить, что эвкалипт является неотъемлемой частью пейзажа Австралии, образа жизни населения и, соответственно, неотъемлемой частью картины мира.

Часто наименования объектам флоры давались по сходству с уже знакомыми европейскими названиями. Так, например, термин *ash* был применен для обозначения дерева, древесина которого по сво-

им свойствам напоминала европейский ясень, при внешней непохожести. В основном, словом **ash** назывались деревья тех же эвкалиптов.

Alpine ash – эвкалипт гигантский, самое высокое из австралийских деревьев, которое достигает 90 м, обладает ценной древесиной. Дерево это произрастает в горных районах острова Тасмания и штата Виктория. Скорее всего, первый элемент словосочетания *Alpine* (альпийский, высокогорный; произрастающий, обитающий в горной местности) ассоциировался у австралийских поселенцев с местом произрастания этого вида. Как и в Европе, он растет в горных районах страны.

Подобным образом по модели A+N назывались и другие виды деревьев, знакомые поселенцам: *apple, cedar, cherry, mahogany* и *oak*. В позиции A чаще всего использовался описательный (различительный) эпитет: *red mahogany, swamp mahogany, desert oak, forest oak, she-oak, river oak, silky oak* [6, p. 241].

Чтобы отличить австралийское растение или животное от европейского, с которым оно сравнивалось, нужно знать, что австралийскому слову, часто предшествовало слово *native*: *native* artichoke, *native* bee, *native* bluebell, *native* bread, *native* cat, *native* dog, *native* cherry, *native* cucumber, *native* grape, *native* mulberry.

Во второй подгруппе объединены слова аборигенского происхождения, которые пополнили лексику английского языка.

Многие из них, такие как *kangaroo, koala,* прочно вошли в лексическую систему современного английского языка и даже стали интернациональными. Наибольшее распространение получили именно названия объектов флоры и фауны.

Например, колонисты усвоили много аборигенских названий растений, употребляемых в пищу. Они обнаружили, что шишки дерева *bunya bunya* высоко ценились местными жителями из-за их питательных свойств. А семена растения *nardoo* можно было перемалывать в муку [7, p. 96].

Из приведенных примеров очевидно, что слова заимствовались из языков аборигенов для того, чтобы наиболее полно адаптироваться к новым условиям окружающей среды. Не все слова используются в языке в данный момент, но те, что закрепились в нем, постепенно стали частью австралийского варианта английского языка, а некоторые – международными терминами (*boomerang, bush, cockatoo, corroboree, dingo, drongo, emu, koala, wattle).*

Таким образом, изучение отдельных вариантов английского языка в данный момент актуально, а лингвокультурологический подход эффективен и способствует глубокому пониманию картины мира австралийцев.

Библиографический список

1. *Колшанский Г.В.* Объективная картина мира в познании и языке. – М.: Наука, 1990. – С. 108.

2. *Кубрякова Е.С.* Язык и знание: На пути получения знаний о языке: части речи с когнитивной точки зрения. Роль яз. в познании мира. – М.: Яз. славян. культуры, 2004. – С. 555.

3. *Орлов Г.А.* Современный английский язык в Австралии. – М.: Высшая школа, 1978. – 172 с.

4. *Попова З.Д.* Язык и национальная картина мира. – Воронеж: ВГУ, 2002. – 60 с.

5. *Moore B.* What's their story? A History of Australian Words. – Oxford: University Press, 2010. – P. 216.

6. *Turner G.W.* The English Language in Australia and New Zealand. – London, 1972. – P. 241.

7. *Wilkes G.A.* Exploring Australian English – Sydney: ABC Enterprises, 2001. – P. 96.

УДК 882.09

Котлов Александр Константинович
кандидат филологических наук
Костромской государственный университет им. Н.А. Некрасова
ak_kotlov@inbox.ru

ЛИЧНЫЕ ИМЕНА И ТОПОНИМЫ КАК ХУДОЖЕСТВЕННО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ МАРКЕРЫ В «КАЗЕННОЙ СКАЗКЕ» ОЛЕГА ПАВЛОВА

В статье рассматривается семантическая поливалентность фамилии главного героя и ключевых топонимов в «Казенной сказке» современного прозаика О. Павлова.

Ключевые слова: *филологический анализ текста, ономастика, топоним, хронотоп, фольклорно-мифологические мотивы, перевод, О. Павлов, «Казенная сказка».*

Соединение лингвистических и литературоведческих подходов к анализу художественного текста позволяет глубже раскрыть в нем семантические связи разноуровневых компонентов. Это особенно важно при исследовании модернистских и неомодернистских прозаических текстов с их подчеркнуто поэтической образностью. Неомодернистской по своей стилистике, на наш взгляд, является и повесть «Казенная сказка» (1994) Олега Олеговича Павлова [5].

«Место в степи», указываемое в экспозиции повести «Казенная сказка», – Карабас, что в переводе обозначает «Черная Голова» [с. 7]. Действительно, есть реальный (ныне вымирающий) поселок Карабас в Казахстане, известный по Карлагу, – один из островов запечатленного Солженицыным Архипелага, а также существует не менее реальная Караганда, откуда грянут на голову капитана громы и молнии государевой власти и куда отправится павловский правдоискатель в поисках этой самой правды. Однако сами названия, где первая часть «кара» переводится как «черный», несут множественные художественные смыслы, являясь обобщенными, метафизическими маркерами пространства, на котором развиваются как события повести, так и жизненная драма Ивана Яковлевича Хабарова. Не случайно сам автор в интервью Т. Бек определит Карабас словом «мифический» [6].

Слова «черный, чернеть, чернота», а также по отношению к ним такие контекстные синонимы, как «темный, темнеть, темнота; мглистый, мгла; сумерки, сумеречный», часто встречаются в тексте «Казенной сказки». Причем «плотность» их употребления увеличивается от начала повести к финалу.

Так, в экспозиционной первой главе «Жили-были» «черный» встречается лишь опосредованно в названиях Карабас и Угольпункт, «темный», «мглистый» и словообразования от них вообще отсутствуют. Лагерное житье-бытье буднично, бесцветно, «будни дышали кислыми щами и текли долго, тягостно, наплывая, будто из глубокой старины» [с. 9], утверждая здешних обитателей в том, что «всему свой черед» [с. 7].

В светлой, несмотря ни на что, второй главе «Картошка» автор делает акцент на свете, а не на темноте. Вследствие этого слово «мглинка», само по себе за счет суффикса уменьшающее вполне зловещее значение, в синтагматических связях с другими словами, так сказать, семантически нейтрализуется. А вместо тьмы – весенняя предутренняя, предрассветная «полутьма»: «…Капитан поднялся еще в полутьме и сел у оконца. На его глазах небо светлело, распахивалось, а из мглинки выступали бескрайние степные перекаты» [с. 22]. «Перекаты» создают образ не столько сухопутный, сколько водный, – речного пространства, своей безмерностью напоминающего океан, на просторы которого словно бы собирается вывести свое судно морской, а не лагерный капитан.

Отсутствие черного цвета в главе третьей, об особисте Скрипицыне и его расправе над Хабаровым и делом рук его, возможно, обусловлено самой спецификой воплощенного в этом герое отечественного бюрократизма, равнодушного, серого – цвета грязи, особистской шинели и «болотных» [с. 36] погон. Образы грязи и шинели выступают почти синонимами и встречаются часто. Впоследствии Скрипицын будет уподоблен еще одному серому созданию – мыши (а затем и крысе) [с. 56]. (О данном образе и воплощении бюрократической темы в произведении, гоголевских мотивах в ее разработке, – разговор особый.)

Ощущение «плотной» темноты в начале главы «Государственное дело», представляющей пространство «*сумеречной*» [с. 51] Караганды, Карагандинского полка, почти инфернально по восприятию. Образ серой слякоти в описании соединяется с чернотой. Напоминанием Дантовой адской воронки мыслится бесконечный забор, который объезжает Скрипицын, возвращающийся в расположение полка. Этот забор многозначительно заканчивается воротами (вратами?) в темноту: «Забор требовалось объехать …далеким окружным путем, что *затягивал воронкой*, пока не вырастали вдруг *ворота*, похожие на пропасть – *черное стальное зияние*…» (здесь и далее в тексте произведения выделено нами. – *А.К.*) [с. 52]. Не случайно Илья Перегуд, не ожидавший возвращения своего капитана из полка живым и здоровым, скажет: «Значит, с того света на этот» [с. 118].

© Котлов А.К., 2012

Метафизически представленным образом Петербурга А. Белого «дышит» описание полка, который «к этому часу вымирал»: «Над огромным полковым плацем сгущалось почти зримое *черное облако*, в котором жилкой в луче прожектора билась непонятного происхождения искра, – это сам воздух превратился *в казенную машину*, годную, чтобы вдыхать и выдыхать» [с. 54].

В дальнейшем повествовании «черный, темный» начинают выявлять состояние не столько окружающего героев мира, сколько психологического сюжетного пространства. Солдаты долго избивают до полусмерти («до темноты» [с. 82]) доносчика, написавшего когда-то жалобу на самоуправство Хабарова с казенной картошкой. После этого «Карабас окунулся в *черную* студеную ночную воду. На затянувшейся, будто ожоговой, глади плыли огни лагерных фонарей» [с. 83]. Образы, соотнесенные с водной стихией, вновь появляются, но они эмоционально окрашены иначе, чем во второй главе: будто после атаки, корабль «степного капитана» практически идет ко дну.

Онтологическая по своей сути темнота над лагерем начинает сгущаться: «За оконцем клубилась рассеянная, будто дым, и по-зимнему долгая *темнота*» [с. 87]. Однако главный герой еще готов сражаться за правду. Он не воспримет как предостережение пейзаж, сопровождающий начало его пути в Караганду – к мифическому генералу, тому знаменитому «барину», который обязательно «рассудит». Природа словно отражает надежды капитана и одновременно предостерегает его, – как в сказке, она пытается уберечь героя от тяжелых испытаний: «В степи забрезжил свет, голое вспухшее небо выплывало из-под ночи, похожее на *утопленника*. Рассвет был синеватый, холодный – без солнышка, облаков, птиц» [с. 88]. Слово «утопленник» пророчит печальную судьбу Хабарову, не оставляющему капитанского мостика и в минуту кораблекрушения.

В главе шестой «Страсти по приказу», в которой воссоздан образ еще одной жертвы «казенной машины» (печальная ирония здесь в том, что Калодин – шофер казенной машины, колеса которой давили в голой степи капитанову картошку по приказу Скрипицына), на первый план вновь выходит «серая» фигура Скрипицына. Как следствие, слова с семантикой «черный» практически исчезают. Только о Калодине, сожженном самим же хозяином, сказано: «Прах сожженца до последней *черной* косточки …ссыпали в мешочек, не глядя нагребли и мелких железок, гаек, пружин, потому что отделять их от останков было трудно, в огне все сплавилось и смешалось, – и мешочек позвякивал» [с. 110]. Калодин – и жертва казенщины, и часть этой «машины».

Символически в следующей главе «Вся правда» выглядит описание дороги, «бока которой уже оплывали в *сумерках*» [с. 119], – дороги, приведшей капитана к «могильнику» картошки. Как результат – психологический слом капитана, а из степи на него «дышала *черная* непроглядная пропасть» [с. 120]. Эпитет «черная» приобретает здесь характер экзистенциального по отношению к герою определения-приговора.

Кажется, только некая сказочная живая вода может воскресить похоронившего себя заживо капитана-«утопленника». Таковым «спасителем» мог бы стать для Хабарова генерал Добычин, приезжающий с проверкой в полк (глава «Новые времена»). Но не внушает доверия уже сама фамилия этого персонажа, и в портрете его, хотя и «не по*черн*енном злостью» [с. 130], но диссонансном по отношению к главному герою и всей окружающей обстановке, почувствуется нечто «страшное», «беспощадное» [с. 131]. Бюрократический механизм, представленный столичным генералом-ревизором, прозванным Батыем, перемелет кости «своим» – смерть полковника Победова тому доказательство. Мрак превращается в единственную, метафизическую по сути, субстанцию, поглотившую полк. Черный цвет функционально превращается теперь в единственно возможный – похоронный, цвет смерти: «*Черные*, точно бы затянутые в лакированные мундиры, машины скоро выехали из *умершего* полка. …Полк погрузился в *мертвый мрак*. Принужденные неусыпно стоять на постах, караульные той ночью пребывали в унынии. Они вглядывались в *железную черноту*, чуть различая в ней глухие очертания строений полка, и вздрагивали от всякого звука за своей спиной, чего прежде отнюдь не было» [с. 137]. Оксюморонное сочетание «мертвый мрак» выявляет высшую степень «омертвения», и «механическая» жизнь полка «двигалась сама по себе, по-заведенному» [с. 138].

«Мертвой водой», заживляющей раны, станут для главного героя, уже не надеявшегося воскреснуть, забота и речи Скрипицына, восстановленного в своей должности Добычиным. А «живым» для капитана станет Свет: он «взглядывал на свет, и глаза его удивленно слезились» [с. 142]. Заявляет о себе мотив воскрешения, когда герой «распеленался», чтобы вновь обратиться лицом к миру с по-христиански всепрощающим словом: «Я тебя простил, и ты прости…» [с. 143].

Как ни странно, предельная концентрация черного наблюдается в кульминационной в сюжете повести главе «Зимний подвиг». Зима, начавшаяся с запозданием, в феврале, приносит Карабасу еще большие испытания, наступает «отчаянная пора», соответственно образно отмеченная: «сизая *мгла*» [с. 144]; «стужа и *чернота*» [с. 145]; «*темнота*»; «лагерные вышки громоздились что лесенки в *мглистое* небо» [с. 148], «канул в *темноту*» [с. 150]. «*Сумеречным* днем», днем, который «был похож на *сумерки*», отправляется в «*сумеречную* степь» капитан Хабаров, успокаивая ропщущих

солдат обещанием принести задерживаемые полковыми властями деньги [с. 151]. Во всех выделенных словах сохраняется изначальный корень «мрак». На борьбу с этим мраком, на неравный бой с ним, и выступит отнюдь не богатырь Иван Яковлевич Хабаров.

Непогода настигнет героя практически в самом начале его пути. Оказавшись «на распутье», как былинный герой, капитан не по-богатырски испытывает страх, – «такая перед ним открылась даль, еще и *потемненная* вьюгой» [с. 152]. Вместе со стихией, набирающей силу, в сознании героя начинает появляться ощущение ускоряющегося времени («Может, не часы тогда проходили, а дни?..» [там же]), чтобы затем «*тьма* времени» [с. 153] поглотила его навсегда. Разыгрывающийся буран предвещает природа – «когда начало *чернеть* небо» [с. 152]. Автор подчеркивает двойственность происходящего: буран, словно искупительную жертву за черноту мира (определение «черный» навсегда уйдет из текста), погубит капитана, тогда как тот же самый ветер окажется «сильнее всех – и снегов, и стужи», он «крушит зиму» [там же].

Однако для русского человека первая часть таких географических названий, как Карабас и Караганда, («кара») связывается в первую очередь не с определением «черный», а непосредственно с карой – «суровым наказанием, возмездием» [8, с. 31]. В народном же сознании – с Божьей карой, карой небесной, так как именно подобные сочетания еще удерживают само бытование данного слова, давно приобретшие такие семантические связи. Так, в словаре В.И. Даля, где лексема «кара» представлена как «казнь, наказанье, строгое взысканье», приведены следующие примеры: «*Кара Божеская – не людская. Худая жена – кара Господня*» [1, с. 89]. К слову же «карать», то есть «казнить, наказывать», – «*Покарали его за дело. Докарала его судьба, искарала вконец. Накаралась над ним. В неправде Бог карает (запинает). Карать да миловать – Богу да царю*» [там же]. В контексте «Казенной сказки» примечателен последний оборот, связующий два плана повести – социальный и метафизический, временное и вечное.

Одновременно возможно и условное соотнесение печальной «Сказки» с таким восточнославянским мифологическим образом, как Карна, упоминаемым в «Слове о полку Игореве». По мнению В.В. Иванова и В.Н. Топорова, Карна и Ж(е)ля – «вероятные персонификации плача и горя, связанных с погребальными обрядами», «по-видимому, Карна образовано от глагола карити (ср. др.-рус. “карить по своей сестре” в смысле “оплакивать”); Желя – древнерусское обозначение плача» [3, с. 624].

Кроме того, столь же мифологически окрашено слово «лихо» в следующей фразе, находящейся в экспозиции повести: «Попавши в караульную роту, Хабаров скоро понял, что никакой службы здесь нет. А есть одно *лихо* на всех…» [с. 9]. И чуть позже: «Даже если всего хватало, он (капитан. – *А.К.*) опять же откладывал, ожидая *лиха*, точно бы накликал беду» [с. 14]. Как существительное, данная лексема в современных словарях имеет значение (с пометой «просторечное и народнопоэтическое») «зло, беда, несчастье» [8, с. 189]. В «Толковом словаре живого великорусского языка» – лишь «зло» [1, с. 257]. Данная семантика уточняется В.И. Далем следующими изречениями, часто пословичного характера, помогающими погрузить сюжет павловской повести в национальный контекст: «*Лихо помнится, а добро забывается. Не делай людям добра, не увидишь и лиха. Беды по бедам, да и лихо пришло к нам. Лихо не лежит тихо: либо катится, либо валится, либо по плечам рассыпается. ...Лихо думаешь, так непочто Богу молиться. ...Лихо бы с рук, а с ног и собаки стащат*» [там же]. Как известно, Лихо – «в восточнославянской мифологии персонифицированное воплощение злой доли, …горя» [4, с. 66].

Можно продолжить звуко-смысловые соответствия типологического характера. Например, странным образом, на наш взгляд, такое название, как Карабас (оставляем в стороне литературные ассоциации), соотносится в контексте произведения со словом «карбас» (от греч. *karabos* – «корабль» [7, с. 282]) – «грузовое гребное или небольшое парусное судно на Белом море и реках, в него впадающих» [8, с. 32]. И не только потому, что мы отметили сквозную «морскую» линию в разработке автором образа капитана Хабарова. В поэтической по своей природе прозе Павлова не может быть случайных звуковых соответствий, да и сам лагерь уподобляется автором барже: «Карабас разделялся на две части, из которых самой невзрачной была лагерная рота, а другая, *прущая по степи навроде баржи*, – лагерем» [с. 8]. И чуть позже: «Попавши в караульную роту, Хабаров скоро понял, что никакой службы здесь нет. А есть одно лихо на всех, *одна лямка, чтобы волочь и лагерную баржу, и тех, кто на ней катается, нагуливая блевоту*» [с. 9–10].

Образ степи – как бескрайнее водное пространство, лагерь – как баржа. Карабас и греческое «karabos» звучат довольно сходно. У В.И. Даля слово «карбас» имеет помету «арх.», то есть бытовавшее в Архангельской губернии. Кроме того, он отмечает: «*Холмогорский карбас* больше, с казенкою в корме» (курсив В.И. Даля. – *А.К.*) [1, с. 91]. Замечательно уже название «казенка», которое в рассматриваемом словаре имеет и следующие диалектные семантические изводы: «|| Каморка в виде арестантской *дон.* || Рубка или каютка на речных судах, где живет хозяин или приказчик и хранятся деньги и пр. || Кабинетец, тайничек» и т.д. [1, с. 7]. Данное слово, безусловно, перекликается с заглавным определением произведения Павлова – «ка-

зенный». Вместе с тем важно и то, что «карбас» – поморское слово. Почему же?

Иван Яковлевич, главный герой «Казенной сказки», носит фамилию Хабаров. Для русского человека это знаковая фамилия, сопряженная, прежде всего, с такой незаурядной и противоречивой личностью, путешественником, как Ерофей Павлович Хабаров. Он жил в переломный для отечественной истории период перехода от допетровской Руси к Российской империи. А вот детство его прошло в деревне Святица, располагающейся на территории нынешней Архангельской области. Вспомним, что единственным отрадным, почти идиллическим воспоминанием павловского героя будет картина зимы в деревне: «В такую зиму на русских равнинах окуриваются печным дымом избушки, точно ладаном. Деревни *на огромных просторах* стоят заиндевелые и погруженные в высокую тишину неба. Даже собаки не брешут по дворам, и дремлет крещеный мир *в пышных снегах*. Хоть свечку ставь перед той картиной, чудеснейшей, чем образа… Эту тихую морозную зиму горемычный наш капитан помнил с детства, быть может, больше хорошего он и не видел» [с. 144]. При всей слабой узнаваемости конкретной русской территории, скрывающейся за этим пейзажем, нельзя не заметить его б*о*льшую соотнесенность с российским Севером, нежели с капризным по своему климату Югом.

К тому же нельзя не вспомнить и еще одного главного героя Павлова из последнего произведения трилогии «Повести последних дней» – Алешу *Холмогорова* («Карагандинские девятины») (напомним: «холмогорский баркас» у В.И. Даля). Здесь продолжится смысловое сцепление текстов: в названном персонаже сильны еще и *кара*мазовские черты. (Однако данный момент – предмет иного исследования).

Стоит сказать и об истоках самой фамилии Хабаров. Помимо тюркского происхождения, запечатлевшего в ней семантику «вести, известия», В.И. Даль отмечает и другие, в том числе диалектные, значения слова «хабар». Так, «хабара» – «барыши, нажива; пожива, срыв или взятка. *Он таки хватил тут хабары*», что в соотнесении с бессребренической натурой героя, его скудной жизнью звучит горько-иронично. Еще б*о*льшие оттенки придает зафиксированное В.И. Далем вологодское (снова – северно-русское) слово «хабар» – «счастье, удача, лафа». Словарный пример усиливает ощущение несоответствия между тем, что должна нести фамилия Ивану Яковлевичу, и тем, что предлагает ему судьба: «*Ему все хабарит*, …везет, счастливит, все удача» [2, с. 540].

Отмеченные нами смысловые ассоциации еще более погружают повествование в произведении Павлова в открытое художественное пространство фольклорно-мифологического свойства, окрашивая все происходящее в возвышенно-скорбные тона. Несмотря на то что местом действия «Казенной сказки» становятся казахские степи, указанные структурно-семантические связи компонентов текста выводят сюжет на общерусский национальный простор, открывая древние культурные коды, словно прорастающие сквозь реалии конца XX века.

Библиографический список

1. *Даль В.* Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. Т. 2. – М.: Рус. яз., 1989. – 779 с.

2. *Даль В.* Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. Т. 4. – М.: Рус. яз., 1991. – 683 с.

3. Мифы народов мира. Энциклопедия: в 2 т. / гл. ред. С.А. Токарев. – М.: Рос. энциклопедия, 1994. – Т. 1. – 671 с. с ил.

4. Мифы народов мира. Энциклопедия: в 2 т. / гл. ред. С.А. Токарев. – М.: Рос. энциклопедия, 1994. – Т. 2. – 719 с. с ил.

5. *Павлов О.* Казенная сказка. Повесть // Павлов О.О. Повести последних дней: трилогия. – М.: ЗАО Изд-во Центрполиграф, 2001. – 494 с. (В тексте статьи произведение цитируется по данному изданию с указанием страницы.)

6. *Павлов О.* Я пишу инстинктом // Вопросы литературы. – 2003. – №5. (Публикации в «толстых» журналах цитируются по электронным версиям с сайта: http://www.magazines.russ.ru.)

7. Словарь иностранных слов / под ред. И.В. Лёхина и проф. Ф.Н. Петрова. – 3-е изд., перераб. и доп. – М.: Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1949. – 806 с.

8. Словарь русского языка: в 4 т. / под ред. А.П. Евгеньевой. – 3-е изд., стереотип. – Т. 2. – М.: Русский язык, 1986. – 736 с.

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

УДК 808.2

Андреева Валерия Геннадьевна
Костромской государственный университет им. Н.А. Некрасова
lanfra87@mail.ru

ПРЕДИСЛОВНЫЕ РАССКАЗЫ И РАССКАЗЫ О ГЕРОЯХ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ И.С. ТУРГЕНЕВА И Л.Н. ТОЛСТОГО

Автор статьи рассуждает о предисловных рассказах и рассказах о героях в произведениях Тургенева и Толстого, отмечает их функциональные особенности и специфику, связанные с манерой, стилем, художественным методом писателей.

***Ключевые слова**: предисловный рассказ, рассказ о герое, изобразительное и выразительное начала, всеведение автора, причинно-следственные связи, композиция.*

Впервые понятие «предисловный рассказ» использовал Д.С. Лихачев в статье «“Предисловный рассказ” Достоевского», опубликованной в сборнике статей 1971 года [1]. Лихачев принес в литературоведение словосочетание самого Ф.М. Достоевского, а в своей статье остановился как раз на предисловных рассказах в романах «Бесы» и «Братья Карамазовы».

По форме предисловный рассказ, как правило, является сообщением о событиях, произошедших с героями романа ранее. В предисловном рассказе дается биография персонажа, сообщаются ключевые или имеющие смысл для дальнейшего повествования происшествия из его прошлого. По сути дела, основой предисловного рассказа является история героя, сведения о нем, поэтому «предисловному рассказу» отчасти синонимично понятие «рассказ о герое».

По-нашему мнению, именно о «предисловном рассказе» говорить уместно тогда, когда сведения о жизни персонажа или нескольких героев даны обособлено от всего повествования и, самое главное, предшествуют появлению того или тех, о ком пойдет речь, в крайнем случае, представлены буквально сразу же после первой встречи читателя с новым лицом. Кроме того, эти сведения должны быть исчерпывающими, охватывать довольно продолжительное время из жизни героя. Понятно, что такое понимание предисловного рассказа оставляет нам для сопоставления лишь небольшой, ограниченный круг примеров. Предисловные рассказы у Тургенева мы видим в романах «Дворянское гнездо» и «Отцы и дети». У Толстого «найти» предисловные рассказы еще труднее, поскольку он умел представить всю прошлую жизнь героя в одном большом абзаце (вспомним историю Оленина). Конечно, с уверенностью можно назвать «предисловным рассказом», к примеру, историю Катюши Масловой в романе «Воскресение». Однако в данной статье мы постараемся показать основные функциональные отличия не только предисловных рассказов, но, что значительно объемнее, рассказов о героях в романах Тургенева и Толстого.

Самое главное отличие заключается в различном соотношении изобразительного и выразительного начал в историях о жизни героев в произведениях Тургенева и Толстого. Кроме того, варьируется это соотношение и у обоих авторов, что связано, в первую очередь, с основной целью каждого из рассказов.

А.Г. Цейтлин отметил, что «создавая характеристику персонажа, Тургенев очень часто подкреплял ее подробной биографией» [5, с. 135]. Литературовед подчеркнул, что не во всех своих романах Тургенев одинаково использовал возможность этого композиционного приема, а созданию развернутых биографий Тургеневым могло способствовать чтение романа И.А. Гончарова «Обрыв» или повести А.И. Герцена «Долг прежде всего». А.Г. Цейтлин справедливо констатирует разницу в предисловных рассказах. В зависимости от объема приведенных событий из жизни героя, от временного охвата, который характерен для рассказа о герое, он может выполнять разные функции. К примеру, показывать генетическое происхождение персонажа, объяснять противоречия его настоящего положения далеким прошлым (может быть, смешением кровей) или, наоборот, событиями не столь отдаленными.

В «Дворянском гнезде» автор очень подробно рассказывает историю Лаврецкого, посвящая ей несколько глав. В деталях Тургенев описывает воспитание Лаврецкого, его занятия, стремления и увлечения. В этом романе предисловный рассказ находится в соответствующей пропорции с дальнейшим повествованием, ведь в судьбе Лаврецкого просматриваются не только факты из жизни самого Тургенева, но история существования всего дворянского сословия. Предисловные рассказы содержательно и формально поддерживают композицию романа. К примеру, автор рассказывает историю героини («Читатель знает, как вырос и развился Лаврецкий; скажем несколько слов о воспитании Лизы» [4, т. 6, с. 107]) после чудесной музыки Лемма, когда герои (Лаврецкий и Лиза) духовно близки, переполнены волнующими их чувствами: «Лаврецкий до утра не мог заснуть; он всю ночь проси-

© Андреева В.Г., 2012

дел на постели. И Лиза не спала: она молилась» [4, т. 6, с. 107].

В «Отцах и детях» мы видим три предисловных рассказа, ни один из которых не посвящен главному герою, но все три эти рассказа помогают лучше понять Евгения Базарова. В «Дыме», а тем более в «Нови», изобразительная сила предисловных рассказов Тургенева немного слабеет, однако и в этих романах Тургенев остается мастером описаний, будь то любовная история молодых Литвинова и Ирины, столь подробно и красочно освещенная автором, или, к примеру, история Машуриной. При этом в романе «Новь» Тургенев уделяет историям второстепенных героев едва ли не большее внимание, нежели прошлому Нежданова и Марианны, вспомним, хотя бы, описание событий жизни Маркелова. Таким образом, автор подводит читателя к мысли о важности настоящего момента, о ценности текущей жизни.

Примечательно наличие в романе «Новь» истории Фомушки и Фимушки Субочевых, которая представляет собой не предисловный рассказ, а, скорее, «вставной рассказ», настолько, на первый взгляд, небольшое повествование о прошлом, о законсервированном быте двух до смешного похожих друг на друга супругов, не согласуется с целым произведения. Но эта история, где вновь проявляется мастерский изобразительный талант Тургенева, создавшего «живые» описания «дедовского деревянного дома на краю города» Субочевых, своеобразного «оазиса», оттеняет непонимание некоторыми героями романа течения настоящей жизни с ее неуклонными, но постепенными изменениями.

В произведениях Толстого рассказы о героях также очень важны. Но, в отличие от предисловных рассказов Тургенева, у Толстого изобразительное начало уступает выразительному, особенно в романе «Анна Каренина». У Толстого мы улавливаем еще большую зависимость характера рассказов о героях от основной цели автора и композиции произведения.

Во-первых, рассказ о герое может сообщать читателю об этапах духовного развития, которые проходил персонаж Толстого ранее, или о его душевном опыте, что особенно важно тогда, когда автор показывает нам «растущего», нравственно совершенствующегося, меняющегося человека. Уместно вспомнить тут Оленина, в рассказе о котором автор не только упоминает о его действиях и поступках, но и описывает огромные возможности этого человека, его духовный потенциал, способность совершить «неповторяющийся порыв»: «Оленин слишком сильно сознавал присутствие в себе этого всемогущего бога молодости, эту способность превратиться в одно желание, в одну мысль, способность захотеть и сделать, способность броситься головой вниз в бездонную пропасть, не зная, за что, не зная, зачем. Он носил в себе это сознание, был горд им и, сам не зная этого, был счастлив им» [3, т. 6, с. 8].

Во-вторых, история героя может быть призвана сообщить нам о его происхождении и воспитании. И здесь все произведения Толстого пронизывает одна система ценностных ориентиров, близкая и дорогая самому писателю. Ведь, как отметила Н.А. Никитина, «Толстой имел уникальный генофонд…», «всю свою жизнь стремился продолжить дело князя Волконского…», более того, писатель впитал созданную дедом и отцом философию сельского хозяйства, «понимаемую как культ семьи, как состояние счастливой безмятежности и покоя» [2, с. 15, 17, 40]. К примеру, Константин Левин и Алексей Вронский в романе «Анна Каренина» с самого начала резко противопоставлены с точки зрения наличия семейных ценностей и отношения к родным людям.

В «предисловном рассказе» в романе «Воскресение» мы видим историю падения, нравственной деградации героини. Продуманный, четко и без лишних сведений и деталей написанный предисловный рассказ помогает читателю понять, что приезд к тетушкам Нехлюдова, конечно, сыграл в жизни Катюши роковую роль, однако, помимо этого, была в героине предрасположенность к чему-то нехорошему, наследственная, врожденная ограниченность, может быть, еще и усиленная воспитанием тетушек.

Часто именно рассказы о героях помогают читателю понять, как важно для Толстого было самовоспитание, самосовершенствование человека – способность, свойство, которым в разной степени наделены его герои. Создавая в уме своеобразную характеристику героев, выстраивая их иерархию, которую невозможно представить без сопоставления персонажей, читатель должен учитывать как отправную точку героя, тот потенциал, который ему дан, так и силы персонажа, его способность сосредоточиться, заняться работой.

В «Анне Карениной» мы видим еще одну интересную особенность рассказа о герое, заключающуюся в его способности некоторым образом изменять уже сформированное читательское мнение о том или ином персонаже. Например, Толстой сообщает о прошлом Каренина только во втором томе романа, когда Анна уезжает с Вронским, а Алексей Александрович остается один с сыном. В данном случае рассказ о прошлом Каренина призван скорректировать отношение читателя к этому герою как к «министерской машине». Толстой дает нам понять, что почти ни один человек не может быть оценен однозначно и наверняка, раз и навсегда. Разумеется, появление рассказа о герое в определенном месте романа у Толстого продумано, психологически обосновано. Потеря Анны, ее отъезд делают Каренина абсолютно одиноким: «Отчаяние его еще усиливалось сознанием, что он был совер-

шенно одинок со своим горем» [3, т. 19, с. 176–177]. В этот момент и вспоминаются герою все подобные мгновения жизни, на протяжении которой Каренин по-разному скрывался от одиночества, старался его избежать. Мы узнаем, что после смерти матери самым близким человеком Каренину был брат. Брат умер сразу после женитьбы, но Алексея Александровича стала поддерживать Анна, с отъездом которой одиночество, наконец, оказалось катастрофическим.

Между предисловным рассказом и дальнейшим произведением существует особая временная граница, которая может быть различной. Иногда автор подводит предисловный рассказ, рассказ о герое к последним дням «до событий в романе», чтобы до начала действия, до завязки оставался один шаг. Такой предисловный рассказ мы видим в «Казаках» Толстого.

Как мы уже отмечали, предисловный рассказ, расположенный в самом начале произведения, предваряет основные сюжетно-композиционные элементы романа. Однако бывает и так, что по мере развития произведения в нем возникают новые герои, и автор рассказывает об этих лицах перед их появлением или сразу после него. Подобную организацию мы видим в романе «Отцы и дети», где три предисловных рассказа расположены в тексте произведения не друг за другом.

В «Отцах и детях» один рассказ посвящен истории жизни Николая Петровича Кирсанова и находится в самом начале произведения, другой повествует о прошлом Павла Петровича Кирсанова и представлен уже после появления и первого знакомства читателя с Базаровым, третий содержит сведения о жизни Анны Сергеевны Одинцовой до встречи с Базаровым. Эти три рассказа абсолютно самостоятельны, однако в художественном целом романа они соотносимы друг с другом и со всем текстом. Все три рассказа представляют собой три не очень счастливые истории жизни. Соотнесение всех трех предисловных рассказов просто необходимо читателю для создания объективной картины. Но важнее другое: читатель должен увидеть не время, а *людей в определенном времени*. Он должен осознать, уловить единый взгляд на этих героев. Во всех трех предисловных рассказах мы видим мотив напрасного старания, даром потраченных сил, который потом получит многочисленные реализации в связи с развивающимся конфликтом Базарова с миром и собой.

Тот факт, что в предисловных рассказах о Павле Кирсанове и Анне Одинцовой мы не увидим определенных дат, имеющихся в рассказе о Николае Петровиче, позволяет нам предположить, что Николай Петрович в значительно большей степени, нежели два других персонажа, плывет по течению жизни. Такая ситуация создает и определенный парадокс, который прояснится лишь в дальнейшем, по мере развития действия в романе: несмотря на деятельный характер Павла Петровича и Одинцовой, на систему существующих у них прочных убеждений, эти люди, стремившиеся по-своему выстроить свою судьбу, оказываются обманутыми жизнью, тогда как Николай Петрович остается счастлив и спокоен. В предисловном рассказе о Николае Кирсанове нет ни слова о его счастливой жизни с молодой Феничкой. Это происходит потому, что именно в романе, уже в действии, в реальности, автору нужно создать систему сопоставлений и противопоставлений на основе жизненных ценностей, образа существования.

В романе «Отцы и дети» предисловные рассказы позволяют лучше понять поступки героев. К примеру, в предисловном рассказе, посвященном Анне Сергеевне Одинцовой, мы видим мотив рукотворности жизни и противопоставленный ему мотив ее предрешенности. Указанные мотивы у Тургенева являются основой для изображения характера героини. Оказывается, она решительна, смела и пассивна одновременно: «Бывало, выйдя из благовонной ванны, вся теплая и разнеженная, она замечтается о ничтожности жизни, об ее горе, труде, и зле… Душа ее наполнится внезапною смелостию, закипит благородным стремлением; но сквозной ветерок подует из полузакрытого окна, и Анна Сергеевна вся сожмется, и жалуется, и почти сердится, и только одно ей и нужно в это мгновение: чтобы не дул на нее этот гадкий ветер» [4, т. 7, с. 84].

Более того, легкие антитезы предисловного рассказа в тексте романа оборачиваются трагедиями сомневающихся и колеблющихся натур. Павел Петрович живет по «остаточному» принципу, Одинцова хочет чего-то, сама не зная чего. Загоняя себя в рамки определенного образа, поведения, герои Тургенева перестают понимать и других, и себя. «Я и себя не понимала», – подумает Одинцова, написав в записке Базарову о взаимном непонимании [4, т. 7, с. 98].

Сопоставление рассказов о героях у обоих авторов позволяет нам отметить, что Тургенев чаще старается объяснить читателю недосказанности, прорисовать существующие причинно-следственные связи. Именно поэтому в рассказах о героях и предисловных рассказах у Тургенева так ярко чувствуется авторское всеведение, которое, кстати, если говорить о художественных произведениях в целом, намного в большей степени характерно для Толстого.

Ближе всего к Толстому, постоянно увлекающему читателя в скрытые параллели и сравнения, Тургенев окажется в «Нови». Именно в этом романе читатель впервые не найдет «ключа» для понимания того или иного образа, реципиенту придется идти путем аналитической работы, чтобы собрать целое. Это очень хорошо заметно и по историям

героев в этом романе, по описаниям их жизни и быта. При внимательном чтении становится заметно, что мотив немощности, ярко реализованный в описании Паклина («Головка эта осмотрелась, закивала, засмеялась – причем выказала множество крошечных белых зубков – и вошла в комнату вместе со своим тщедушным туловищем, короткими ручками и немного кривыми, немного хромыми ножками» [4, т. 9, с. 137]) будет относиться и к другим положительным героям: Машуриной, Маркелову, самому Нежданову. Даже в описании усадьбы Маркелова увидим мы что-то очень напоминающее по впечатлению портрет Паклина: «Амбарчик, конюшня, погребок, избушка с полуобвалившейся соломенной крышей – с одной стороны; с другой – крохотный пруд, огородец, конопляники другая избушка с такою же крышей…» [4, т. 9, с. 198]. *Не расцветшими*, не способными вполне понять жизнь с ее богатством оказываются многие герои «Нови». К ним, кстати, отчасти примыкает и Марианна («Марианна принадлежала к особенному разряду несчастных существ… [4, т. 9, с. 209]), то страдающая, то возмущающаяся и негодующая, но не ценящая жизни.

У Толстого чаще, нежели у Тургенева, мы встречаемся с непосредственным рассказом героя о себе. Как правило, это происходит тогда, когда автору принадлежат описания других лиц, обстановки, природы, когда писателю необходимо показать уникальный мир другой души, иную систему ценностей, особый взгляд на жизнь, который, по какой-либо причине, не подвластен описанию от третьего лица. Вспомним, к примеру, «Холстомера» или «Хаджи-Мурата».

В пределах небольшой повести контраст между рассказом самого автора о лошади и рассказом о Никите Серпуховском был бы резким, мог показаться гиперболизированным, кроме того, он звучал бы несколько навязчиво и неправдоподобно на фоне описания лошадей. А вот голос пегого мерина, рассказанная им самим история еще более усиливают контраст между двумя мирами, которым никогда не понять друг друга. Д.П. Святополк-Мирский назвал «Холстомера» сатирой на человеческую цивилизацию с точки зрения лошади. Примерно то же самое, то есть непреодолимую пропасть между двумя укладами жизни, двумя мирами, видим мы в «Хаджи-Мурате». О своем прошлом, по просьбе князя Воронцова, Хаджи-Мурат рассказывает сам, и читатель видит всего героя, отмечая его искренность (Хаджи-Мурат не скрывает однажды нашедшего на него испуга), целеустремленность, жизненную мудрость и последовательность в неприятии не свойственного ему образа жизни.

Таким образом, предисловные рассказы и рассказы о героях в произведениях Тургенева и Толстого имеют свои особенности, связанные с манерой и художественным методом авторов. Изобразительное начало в рассказах Тургенева позволяет читателю в большей степени представить образ человека, портрет, уловить черты его характера, которые проявятся в последующем. В толстовских рассказах о героях мы находим те особенности представляемой писателем личности, которые позволяют нам создать ее духовно-нравственный облик, увидеть его формирование, предположить возможность его преображения или искажения в будущем.

Библиографический список

1. *Лихачев Д.С.* «“Предисловный рассказ” Достоевского» // Поэтика и стилистика русской литературы. – Л.: Наука, 1971. – С. 189–194.

2. *Никитина Н.А.* Повседневная жизнь Льва Толстого в Ясной Поляне. – М.: Молодая гвардия, 2007. – 395 с.

3. *Толстой Л.Н.* Полн. собр. соч. в 90 тт. – М.: Худ. лит, 1928–1958.

4. *Тургенев И.С.* Полн. собр. соч. в 30 тт. – М.: Наука, 1978–1999.

5. *Цейтлин А.Г.* Мастерство Тургенева-романиста. – М.: Сов. писатель, 1958. – 435 с.

УДК 82.161.1

Баталова Тамара Павловна
кандидат филологических наук
Московский государственный областной социально-гуманитарный институт
slava964964@mail.ru

СТИХОТВОРЕНИЕ Н.А. НЕКРАСОВА «УТРЕННЯЯ ПРОГУЛКА» КАК ИТОГ ЭВОЛЮЦИИ СЮЖЕТА «О БЕДНОМ ЧИНОВНИКЕ» В ЛИТЕРАТУРНОМ КОНТЕКСТЕ 1833–1859 гг.

Автор статьи пытается показать стихотворение Н.А. Некрасова «Утренняя прогулка» (цикл «Уличные впечатления», 1859) как итог эволюции сюжета «О бедном чиновнике» в литературном контексте 1833–1859 г.

Ключевые слова: *Пушкин, Гоголь, Достоевский, Некрасов, сюжет, мотив.*

Говоря о литературном контексте 1833–1859 гг., в данной статье мы обращаемся к поэме А.С. Пушкина «Медный Всадник», повестям Н.В. Гоголя «Невский проспект» и «Шинель», роману Ф.М. Достоевского «Бедные люди». В указанном контексте стихотворение Н.А. Некрасова «Утренняя прогулка» всего ближе к роману Ф.М. Достоевского «Бедные люди» (1845). Подбирая для главного героя имя, гармонирующее с заглавием произведения, писатель, вероятно, имел в виду популярную пословицу: «На бедного Макара шишки падают».

Поэт по-своему реализует этот замысел: Старушонка называет покойного: «Вот уж подлинно бедный Макар!» [5, с. 176]. Образ главной героини стихотворения как бы впитал в себя, обобщив, черты своих предшественников. В данном литературном контексте образ Старухи впервые возникает в повести Н.В. Гоголя, открывая ироническое описание Невского проспекта: «Начнём с самого раннего утра, когда весь Петербург пахнет горячим только что выпеченным хлебом и наполнен старухами в изорванных платьях и салопах, совершающих свои наезды на церкви и сострадательных прохожих» [1, с. 10].

В «Бедных людях», в сцене похорон Покровского, этот образ усиливает трагизм ситуации. За гробом шёл один отец покойного, «на углу улицы увязалась с ним вместе провожать гроб какая-то нищая старуха» [3, с. 45]. Макар Алексеевич, пытаясь убедить Вареньку не поступать в гувернантки, вызывает её сочувствие к себе по этому поводу, напоминает ей эти впечатления: «Хочется, видно, вам, чтобы меня ломовой извозчик на Волково свёз; чтобы какая-нибудь там нищая старуха-пошлёпница одна мой гроб провожала, чтобы меня там песком засыпали да прочь пошли, да одного там оставили» [3, с. 48].

В романе возникает и образ Старушки с другими коннотациями. Девушкин рассказывает Вареньке о своей бывшей хозяйке: «Тихо жили мы, Варенька; я да хозяйка моя, старушка, покойница. Вот и старушку-то мою с грустным чувством припоминаю теперь! Хорошая она была женщина и недорого брала за квартиру [3, с. 20].

Образ некрасовской Старушонки, Старухи не только вобрал в себя черты подобных ей героинь Гоголя и Достоевского, он был разработан автором. Главное действующее лицо, квартирная хозяйка умершего («Надо места искать у Другова!» [5, с. 177], она сдерживает свои переживания: «Что жалеть! нам жалеть недосужно! // Что жалеть? хоронить теперь нужно!» [5, с. 177]. Она организует похороны, не смущаясь расходами: «На кладбище-то место купить, // Да попу, да на гроб, да на свечи…» [5, с. 177], пренебрегая посланной судьбой возможностью избежать этих расходов: гроб с покойным мог «нечаянно» сгореть. Старуха вспоминает:

Дом-то, где его тело стояло,
Загорелся, – забыли о нём, –
Я схватилась: побились немало,
Да спасли-таки гроб целиком... [5, с. 176]

И только опустив гроб в могилу, старуха не смогла полностью сдержать себя. Наблюдающий лирический герой заключает:

Я взглянул на неё – и заметил,
Что старухе-то жаль бедняка:
Бровь одну поводило слегка… [5, с. 178]

Сюжетная роль образа Старухи заключается и в том, что он вводит образ Подлинно бедного Макара. Это чиновник, «вечный титулярный советник». Она рассказывает о нём:

«Кто он был? да чиновник, известно;
В департаментах разных служил <...>
Целый век по квартирам таскался <...>
А уж службой себя как неволил!
В будни сиднем сидел да писал,
А по праздникам ноги мозолил –
Всё начальство своё поздравлял.
Вот и кончилось тем – простудился!» [5, с. 176]

Подлинно бедный Макар как бы завершает галерею подобных ему образов данного контекста. В рассматриваемых произведениях изображены жизненные драмы и трагедии бедных чиновников. Об их смерти говорится лаконично.

Лирический «Я» «Медного Всадника» сообщает:

Остров малый
На взморье виден.
<...> Наводненье
Туда, играя, занесло
Домишко ветхий. Над водою

 © Баталова Т.П., 2012

Остался он, как чёрный куст.
Его прошедшею весною
Свезли на барже. Был он пуст
И весь разрушен. У порога
Нашли безумца моего,
И тут же хладный труп его
Похоронили ради Бога [6, с. 143].

О гибели Башмачкина сказано ещё короче: «Наконец, бедный Акакий Акакиевич испустил дух. <...> Акакия Акакиевича свезли и похоронили» [2, с. 168–169].

О смерти Макара Алексеевича можно заключить, читая его последнее, неоконченное, неподписанное, неотправленное письмо.

В отличие от этих произведений некрасовское стихотворение, как бы завершая сюжет «О бедном чиновнике», посвящено похоронам Подлинно бедного Макара. В этой ситуации возникают мотивы «шинели» и «сапог», характерные для сюжета «О бедном чиновнике». «Провожавшая гроб старушонка» была «в кацавейке, в мужских сапогах» [6, с. 176]. Сапоги «подарил» ей умирающий, но «кацавейка» в такую погоду («День, по-прежнему гнил и не светел, // Вместо града дождём нас мочил» [5, с. 178]) свидетельствует о том, что шинели у «бедняка» не было.

Мотив «шинели» в данном контексте восходит к «Медному Всаднику» (1833). Через образ Евгения выражен деспотизм абсолютизма Петра I. По происхождению, вероятно, из крупных бояр, «наш герой» – бедный чиновник:

Прозванья нам его не нужно.
Хотя в минувши времена
Оно, быть может, и блистало,
И под пером Карамзина
В родных преданьях прозвучало;
Но ныне светом и молвой
Оно забыто. Наш герой
Живёт в Коломне; где-то служит,
Дичится знатных и не тужит
Ни о почиющей родне,
Ни о забытой старине [6, с. 139].

Говоря о Евгении, автор, думается, не случайно акцентирует его бережное отношение к «шинели»:

Итак, домой пришед, Евгений
Стряхнул шинель, разделся, лёг [6, с. 139].

Акцентируя «шинель», автор подчёркивает её роль партикулярного платья. Это подтверждается и тем, что во время скитаний Евгения (т.е. при потере им статуса чиновника) внимание обращается на его «одежду ветхую». Следовательно, образ «шинели» является здесь пересечением трёх мотивов: Петровского (падение блистательного рода Евгения – исторический итог петровского абсолютизма), Чиновничества, Бедности. Можно допустить, что этот впечатляющий поэтический момент вдохновил гений Гоголя на создание петербургских повестей. В них пушкинский Петровский мотив, выражающий деспотизм власти первого русского императора, уточнён, конкретизирован. В этих произведениях Гоголя мы видим протест против регламентации русской жизни.

Достоевский «по-своему подхватывает и тему овеществления души, всепроникающую у Гоголя» [1, с. 227]. При этом он как бы раздваивает мотив «шинели». Заметим, что Достоевский «воспользовался» сиротским «наследством» Акакия Акакиевича: «оставалось очень немного наследства, именно: пучок гусиных перьев, десть белой казённой бумаги, три пары носков, две-три пуговицы, оторвавшиеся от панталон, и уже известный читателю капот. Кому всё это досталось, Бог знает: об этом, признаюсь, даже не интересовался рассказывающий сию повесть» [2, с. 168].

Этот гоголевский пассаж, проникнутый грустным юмором, стал литературным источником мотива «пуговок» Макара Алексеевича, виртуозно завершившегося трагикомической сценой в кабинете Генерала, где униженность человеческого достоинства достигла предела. Мотив «шинели» здесь как бы снижается и этим усиливается. Та же тенденция проявляется и в «замещении» мотива «шинели» мотивом «сапог». Их взаимосвязь, острота выражаются в осмыслении Девушкиным (в отличие от бессловесного Башмачкина) «функции» шинели и сапог в чиновничьем мире: «Ведь для людей и в шинели ходишь, да и сапоги, пожалуй, для них же носишь. Сапоги в таком случае <...> нужны мне для поддержки чести, и доброго имени» [3, с. 76].

Казалось бы, возмущение Макара Алексеевича писателями, подобными автору «Шинели», можно рассматривать как противопоставление Достоевского Гоголю: «И они ходят, пасквилянты неприличные, да смотрят, что, дескать, всей ли ногой на камень ступаешь или носочком одним, что-де вот у такого-то чиновника, такого-то ведомства, титулярного советника, из сапога голые пальцы торчат» [3, с. 68–69]. Но этот монолог – результат синтеза нескольких ситуаций из Гоголя и Некрасова.

Гоголевский фельетонист (экспозиция «Невского проспекта») размышляет: «Есть множество таких людей, которые, встретившись с вами, непременно посмотрят на сапоги ваши, и, если вы пройдёте, они оборотятся назад, чтобы посмотреть на ваши фалды <...> Сначала я думал, что они сапожники, но однако же, ничуть не бывало: они большею частию служат в разных департаментах <...> словом, большею частию все порядочные люди» [2, с. 13].

Эти рассуждения перекликаются с иронически-ми наблюдениями о «брате-чиновнике» рассказчика повести «Шинель»: «молодой чиновник <...> заметит даже, у кого на другой стороне тротуара отпоролась внизу панталон стремешка, – что вызывает всегда лукавую усмешку на лице его» [3, с. 145]. Он же сообщает: для того, чтобы накопить на новую шинель, «Акакий Акакиевич думал, думал и решил, что нужно будет уменьшить обыкно-

венные издержки <...> ходя по улицам, ступать как можно легче и осторожнее, по камням и плитам, почти на цыпочках, чтобы таким образом не истереть скоровременно подмёток» [3, с. 154].

Ю.В. Лебедев указывает на близость жизненных установок Макара Девушкина и героя стихотворения Некрасова «Говорун» (1843).

Над нами сочинители
Смеются в повестях…
А чем мы их обидели?
Будь я в больших чинах
Тотчас благоразумие
Внушил бы им, ей-ей!
Давай нам остроумие,
Но трогать нас не смей! [4, с. 111].

В «Бедных людях» мотив «сапог» получает и социальное звучание. Девушкин размышляет о «богатейшем лице» из «позлащённых палат», которому «сапоги снятся»: «Полно, дескать, о таком думать, о себе одном думать, для себя одного жить, ты, дескать, не сапожник <...> оглянись кругом, не увидишь ли для забот своих предмета более благородного, чем свои сапоги!» [3, с. 88–89].

Таким образом, в петербургских повестях Гоголя показана сущность чиновничьей морали, обусловленной регламентацией государственной жизни. В «Бедных людях» дана оценка этой морали как низкой, «сапожной».

Некрасов в стихотворении «Утренняя прогулка» (цикл «Уличные впечатления», 1858–1859) мотиву «сапог» придаёт обобщённый характер. Он как бы впитал в себя и подытожил развитие данного мотива в рассмотренных произведениях. Благодаря этому через него раскрывается историософский смысл, латентно присутствующий во всех его мотивах. Благодаря тому, что «Утренняя прогулка» посвящена похоронам Подлинно бедного Макара, автор получает возможность показать тип Бедного чиновника. Вместе с тем, поэтическое пространство «освобождается» для раскрытия темы Вечности: двух стихий – Огня и Воды. В подтекст здесь введён «Медный Всадник», где взаимосвязь этих мотивов проявляется:

Но, торжеством победы полны,
Ещё кипели злые волны,
Как бы под ними тлел огонь [5, с. 143].

У Некрасова: «И четырнадцать раз погорал» [4, с. 176]. Количество служебных неудач героя, повторяя число разрядов в «Табели о рангах», указывает на гнёт этой системы. О его силе метафорически говорит и то, что бедняге «пришлося терпеть и по смерти».

Пушкинский подтекст ощущается уже и в исходной ситуации произведения:

Слава Богу, стрелять перестали!
Ни минуты мы нынче не спали,
И едва ли кто в городе спал:
Ночью пушечный гром грохотал,
Не до сна! Вся столица молилась,
Чтоб Нева в берега воротилась,
И минула большая беда –
Понемногу сбывает вода [4, с. 175].

Петровский мотив здесь переосмыслен: «минула большая беда». Но отступило только наводнение – выражение бунтующей рекой всего спуда последствий петровских реформ. Но их тяжесть не ослабевает: её передают «туманы сырые», «дожди» и «снега»:

Начинается день безобразный –
Мутный, ветреный, тёмный и грязный.
Ах, ещё бы на мир нам с улыбкой смотреть!
Мы глядим на него через тусклую сеть,
Что как слёзы струится по окнам домов
От туманов сырых, от дождей и снегов! [4, с. 175]

Заметим, что оборот «как слёзы» выражает здесь не столько сравнение, сколько страдания человека.

Мотив «инобытия реки», возникая в концовке произведения, окольцовывает его, благодаря чему усиливается его смысл. Безысходность такого состояния русской жизни передаётся через кладбищенские картины, мотив Вечности и образ всеобъемлющей, непобедимой Водной стихии:

Средь могил, по мосткам деревянным
Довелось нам долгонько шагать.
Впереди, под навесом туманным
Открывалась болотная гладь:
Ни жилья, ни травы, ни кусточка,
Всё мертво – только ветер свистит. <...>
По танцующим жёрдочкам прямо
Мы направились с гробом туда <...>
В эту воду мы гроб опустили,
Жидкой грязью его завалили,
И конец! [4, с. 178]

Мотив «сапог» выражает здесь попытку ослабить страдания от этой гнетущей силы. (Старуха провожает гроб «в мужских сапогах»). Она вспоминает о Подлинно бедном Макаре:

Подари, – говорю, – сапоги, <...>
Неравно, в самом деле, умрёшь,
В чём пойду провожать на кладбище? [4, с. 176]

Таким образом, мотивы «шинели», «пуговок», «сапог», образующие сюжет «о Бедном чиновнике», в рассмотренном литературном контексте получают определённое развитие, завершающееся в некрасовском стихотворении «Утренняя прогулка».

Как бы впитывая и развивая традиции Пушкина, Гоголя, Достоевского, это стихотворение выражает историософскую мысль о необходимости преобразований русской общественной жизни, укрепления в ней демократических институтов.

Библиографический список

1. *Викторович В.А.* Гоголь в творческом сознании Достоевского // Достоевский. Материалы. Исследования. – СПб., 1997. – С. 216–233.

2. *Гоголь Н.В.* Полн. собр. соч. В 14 т. – М.: АН СССР, 1937–1952. –Т. 3.

3. *Достоевский Ф.М.* Полн. собр. соч. В 30 т. – Л., 1972 – 1990.

4. *Лебедев Ю.В.* Н.А. Некрасов и Ф.М. Достоевский. // Карабиха: Историко-литературный сборник. Вып. VII. – С. 105–125.

5. *Некрасов Н.А.* Полн. собр. соч. В 15 т. – СПб., 1981–2000. – Т. 2.

6. *Пушкин А.С.* Полн. собр. соч. В 20 т. – М., 1996–1998. – Т. 5.

УДК 882.09

Глазунова Софья Ивановна
Костромской государственный университет имени Н.А. Некрасова
profhom@yandex.ru

К ВОПРОСУ О ЖАНРЕ КОММЕНТАРИЯ В ТВОРЧЕСТВЕ В. НАБОКОВА

В статье сопоставляются комментарии В. Набокова к роману А.С. Пушкина «Евгений Онегин» и комментарий, созданный Ч. Кинботом, героем романа «Бледный огонь». Раскрываются особенности содержания и структуры набоковского комментария к пушкинскому роману. Характеризуется специфика творческих поисков Набокова, связанная с проблемой интерпретации художественного текста.

Ключевые слова: *В. Набоков, А.С. Пушкин, комментарий, интерпретация, литературная критика.*

Жанр комментария широко использовался Владимиром Набоковым в его научных работах и педагогической практике. Писатель подготовил два комментированных перевода (перевод романа «Евгений Онегин» и «Слова о полку Игореве»), а опубликованные фрагменты лекций по русской литературе свидетельствуют о желании Набокова создать комментарий к роману Л.Н. Толстого «Анна Каренина». Экспериментируя с этим жанром, Набоков написал роман «Бледный огонь», в котором в новом свете показал специфику комментария художественного текста. Он также обнаружил опасность, порой стоящую перед комментатором, – увидеть в произведении дорогую для себя мысль и увлечься анализом этой идеи настолько, что забыть о самом тексте.

Комментированный перевод романа А.С. Пушкина «Евгений Онегин» по праву может считаться вершиной набоковского творчества. По признанию самого Владимира Владимировича, работа над переводом и комментариями продолжалась с 1949 по 1963 год, и вплоть до начала 1963 года он продолжал пересматривать текст и вносить изменения, которые задерживали публикацию перевода [1, с. 562].

Пользуясь классификацией, предложенной Б.В. Томашевским [6, с. 198], и учитывая особенности, связанные с тем, что перед нами комментарий к переводу, нам кажется уместным разделить все комментарии на две большие группы: комментарии к роману и комментарии к переводу. Промежуточное положение занимают автобиографические комментарии, которые не связаны напрямую ни с оригинальным текстом, ни с его переводом. Внутри каждой группы можно выделить подгруппы, обладающие указанными Томашевским классифицирующими признаками: историко-текстовый, историко-литературный, лингвистический, литературный и реальный (или исторический) типы комментариев.

Реальные комментарии представляют собой одну из наиболее многочисленных групп комментариев, однако можно обратить внимание на то обстоятельство, что объем этих примечаний очень неравноценен и зависит, в первую очередь, от личного отношения автора к рассматриваемому явлению. Подробно освещая вопрос о ботаническом виде акации из шестой главы [2, с. 440–441], Набоков редуцирует комментарий о Я.Б. Княжнине до формальной справки из нескольких предложений [2, с. 136]. Княжнин, Вольтер и Набоков оказываются связаны одним комментарием, и становится очевидно, что данное примечание говорит читателю больше о литературных вкусах самого комментатора, чем о Княжнине, который формально является объектом этого комментария.

Важно, что в «Комментарии» находит отражение характерное для эмиграции восприятие дореволюционной России как потерянного рая. Подробные комментарии, описывающие историко-культурные реалии страны, которой больше не существовало, позволяют Набокову не только воскресить дорогие ему воспоминания, но и, что важно, зафиксировать, канонизировать их в тексте научного исследования к знаменитому шедевру русской литературы.

Автобиографические комментарии, не будучи связаны напрямую как с комментариями к роману, так и с комментариями к переводу, занимают особое положение. Появление такого типа комментариев в тексте исследования пушкинского романа выглядит несколько самонадеянно. Набоков словно утверждает, что его личность, его биография представляют не меньший интерес для читателя, чем биография Пушкина.

Набоков не ограничивается демонстрацией собственного литературного вкуса через нарочито-субъективные оценки художественных произведений и включает в «Комментарий» информацию, касающуюся своей биографии. Это могут быть отрывочные сведения (как в случае с упоминанием

© Глазунова С.И., 2012

о том, что Владимир Владимирович посетил Бахчисарай в 1918 году во время экспедиции на чешуекрылых [2, с. 623]), так и целые автобиографические отступления (например, воспоминания Набокова об имении Батово [2, с. 358]). М. Новикова указывает на значимость интеграции переводчика в культуру страны – родины переводимого произведения: «Разумеется, фундамент всякого (переводческого в том числе) творчества – родная культура творящего. Причем опять-таки культура как содержательная система, то есть контекст» [4, с. 60]. Сам Набоков не раз подчеркивал, что по-настоящему понять художественное произведение может только тот читатель, который знает реалии, описанные в тексте. И автобиографические комментарии позволяют ему подчеркнуть, что он родился в координатах той же культуры, что и Пушкин, что он гулял по тем улицам, которые описаны в романе, и совершенно точно знает, что такое «иссеченные льды» из восьмой главы романа. Таким образом, автобиографические комментарии должны доказать читателю, что Набоков может дать адекватную интерпретацию и перевод текста.

Анализ различных групп комментариев дает возможность говорить о том, что набоковское исследование не вполне соответствует задачам, присущим комментарию к художественному тексту. В то время как С.А. Рейсер указывает на то, что любой комментарий – это сателлит текста [5, с. 293], работу Набокова правомерно рассматривать не только как комментарий, к которому обращаются за разъяснением отдельных непонятных читателю фрагментов текста, но и как цельное исследование романа, предполагающее, что его будут читать не фрагментарно, а как единый текст.

В комментарии к первой строке романа Набоков утверждает необходимость некоторых предварительных сведений о месте Пушкина среди архаистов и новаторов: «Начало с точки зрения переводчика не самое благодатное, и перед тем, как двинуться дальше, следует задержать внимание читателя на некоторых фактах» [2, с. 102]. Фраза «перед тем, как двинуться дальше» может быть понята двояко: двинуться дальше по тексту комментария к конкретной строке или комментария ко всему роману. Несмотря на то, что формально комментарий развивается вслед за текстом романа, он имеет и внутреннюю движущую силу – биографию Пушкина. Вокруг жизненного и творческого пути поэта и разворачивается набоковское повествование о шедевре русской литературы, ставшем частью истории страны, которой в период создания «Комментария» уже не существовало.

Сопоставив разные группы комментариев, можно сделать вывод о том, что Набоков рассматривал свое исследование не в качестве справочника для читателя, желающего получить информацию о каком-то упоминаемом в романе явлении, но как единый текст, позволяющий получить максимально полное представление как о произведении, так и о культурно-историческом контексте, с которым оно связано. Многие сведения, представленные в «Комментарии», можно обнаружить только при сплошном чтении текста. Так, информация о Болдинской осени представляет собой вставной комментарий в примечании к словосочетанию «степных селений» из 3 строки XVII строфы восьмой главы [2, с. 551–552]. И только внимательный читатель, у которого хватит терпения добраться до конца длинного и запутанного комментария, получит награду – возможность прочесть великолепные строки, которые, по мнению Набокова, являются лучшими не только в романе, но и во всем творчестве Пушкина, но были исключены из окончательного текста «Евгения Онегина» [2, с. 572].

Таким образом, формально сохраняя структуру научного комментария, труд Набокова оказывается шире жанровых рамок. Нарочитый субъективизм, проявляющийся не только в оценке литературных произведений, но и в самом отборе материала, включенного в примечания, высокая степень образности речи комментатора, высказывание своих взглядов на различные проблемы истории и теории искусства, указывают на связь этой работы Владимира Владимировича с методом писательской критики. Набоков и сам не скрывает того, что рассматривает Пушкина не только как объект литературоведческого осмысления, но и как собрата по перу, помещая в своем исследовании не только биографические комментарии о жизни Пушкина, но и автобиографические комментарии.

Роман «Бледный огонь» был опубликован в апреле 1962 года и вызвал неоднозначную реакцию в прессе. Необычная структура романа и обилие туманных намеков, которые порой получали у читателей противоположные толкования, вызывали недоумение. Исследователи спорили даже о том, является ли Шейд плодом воображения Кинбота, или Кинбот – это один из героев поэмы Шейда.

Работа над романом велась одновременно с подготовкой комментированного перевода «Евгения Онегина» (первые упоминания о возникновении творческого замысла будущего произведения Б. Бойд датирует 1956 годом [3, с. 352]). И, несомненно, творческие поиски оптимальной формы для литературоведческого исследования наложили отпечаток и на структуру «Бледного огня». Формально роман состоит из «вступления комментатора», поэмы «Бледный огонь», принадлежащей перу Дж. Шейда, комментария Ч. Кинбота и указателя к комментарию. Это дает возможность расценивать роман как пародию на комментарий к переводу «Евгения Онегина». Мы полагаем, что Набоков не случайно выбрал композицию романа, сходную с композицией его литературоведческого исследования. Чтобы понять причины такого писательского хода, мы сопоставим

«Комментарий к роману А.С. Пушкина “Евгений Онегин”» с романом «Бледный огонь».

В романе нас интересуют два главных героя – писатель и комментатор его поэмы. Так же и в комментарии к «Евгению Онегину» присутствует не только Пушкин, но и Набоков, фигура которого проникает на страницы исследования посредством автобиографических комментариев. Автобиографические комментарии присутствуют и в романе, и в «Комментарии», но их функции неодинаковы. В своем исследовании пушкинского романа Набоков стремится подчеркнуть общность между собой и Пушкиным, усматривая в этом одно из условий верной интерпретации романа. Чарльз Кинбот, напротив, стремится продемонстрировать разницу с Шейдом, связанную с тем, что они являются представителями разных культур и разных социальных групп. Мы видим, что Кинбот даже в мелочах является полной противоположностью Джона Шейда. Шейд еле ходит, в то время как Кинбот передвигается летящей походкой [3, с. 523], Шейд счастлив в браке, в то время как Набоков регулярно напоминает читателю, что брак Кинбота фиктивен [3, с. 456], даже пристрастия к еде у них противоположны. При первой встрече с Кинботом поэт предлагает ему присоединиться к трапезе его коллег-преподавателей, но Кинбот не может на это согласиться: «Его лаконическое предложение “отведать свинины” меня позабавило. Я – неукоснительный вегетарьянец и предпочитаю сам готовить себе еду. Проглотить что-либо, побывавшее в лапах человеческой твари, сообщил я румяным сотрапезникам, столь же для меня отвратительно, сколь съесть любую другую тварь, включая сюда и, – понизив голос, – мякотную, с хвостиком на голове студентку, которая обслужила нас и обслюнила карандаш» [3, с. 300–301]. Важно отметить, что Кинбот не просто придерживается взглядов, отличных от представлений Шейда, но относится к поэту свысока, считая его привычки ошибочными. Не пытаясь понять «своего поэта», Кинбот оказывается неспособным и к адекватному постижению текста.

Кинбот искренне старается с максимальной полнотой прокомментировать каждую строку поэмы, но для него «Бледный огонь» – это не автобиографическое произведение Шейда (хотя Кинбот не отрицает присутствие биографических аллюзий в тексте), а повествование о Зембле. Разочарованный содержанием поэмы, Кинбот начинает домысливать авторский текст. И, несмотря на то, что в его примечаниях к поэме есть и комментарии, связанные с историей текста, основной объем занимают реальные комментарии, описывающие историю бегства последнего короля Земблы, Карла-Ксаверия Возлюбленного. Мы знаем, что в комментарии к роману «Евгений Онегин» также присутствует большое число реальных комментариев. Возможно, во время работы над своим исследованием пушкинского текста Набоков задавался вопросами о границах комментария. Чувствуя, что его желание рассказать о России может привести к тому, что в результате его труд превратится из комментария к роману в очерк быта российского дворянина XIX века, Набоков мог попытаться отрефлексировать свои сомнения через художественное творчество, позволив Кинботу то, что не решался сделать сам.

Как и Владимир Набоков, Чарльз Кинбот стремится дать свою интерпретацию текста, с недоверием относясь к мнению других исследователей. Однако ошибка Кинбота в том, что он пишет комментарий не к созданной Шейдом поэме, а к некоему образу поэмы, сформировавшемуся в его воображении. Он не просто невнимателен к тексту, но даже с некоторым презрением относится к созданной Шейдом поэме, поскольку она не соответствует его собственному замыслу. Кинбот совершает один из грехов, которые Набоков считал непростительными для интерпретации литературного произведения, – он допускает возможность искажения текста. В комментарии Кинбот оценивает строки поэмы не с точки зрения их художественных достоинств, а только на основании соответствия их земблянской теме. Кинбот говорит о возможности замены текста, включенного в окончательную редакцию, черновым вариантом только потому, что он видит в строках черновика намек на свою историю: «Слово “град” и первых две буквы слова “усталый” образуют имя убийцы, чей shargar [тщедушный призрак] вскоре предстанет перед светлой душой поэта. <…> Этот вариант настолько изумителен, что лишь ученая щепетильность и совестное уважение к истине мешают мне вставить его в поэму, изъяв откуда-либо четыре строки (скажем, слабые строки 627–630), дабы сохранить их число» [3, с. 476]. Кинбот даже признается в намеренном искажении одного чернового варианта поэмы, которое дало ему возможность оправдать свои собственные комментарии, содержащие подробные сведения о Зембле: «Только там, один-единственный раз во все то время, что я пишу этот многотрудный комментарий, разочарование и обида довели меня до порога подлога» [3, с. 473]. Несмотря на это признание, Кинбот добавляет, что у него нет времени на такие «глупости», как исправление того неверного комментария. Конечно, в своем комментарии к «Евгению Онегину» Набоков не мог допустить подобного. Однако он не мог не понимать, что сравнение его комментария с псевдокомментарием Кинбота неизбежно, поэтому мы полагаем возможным расценивать данное признание Кинбота как провокацию. Узнав о возможности подлога со стороны одного комментатора, читатель может задаться вопросом, нет ли подобных искажений и у другого. Сложности с получением доступа к черновикам Пушкина для американского читателя того времени не позволили бы ему проверить правильность

набоковских прочтений черновых рукописей. В той ситуации читателю оставалось только довериться научной щепетильности Набокова.

Сопоставление научного комментария с псевдокомментарием Кинбота позволяют сделать выводы о качествах, необходимых ученому для адекватной интерпретации художественного текста. Мы видим, что Набоков видел опасность, возникающую из-за его стремления дать в комментарии к роману как можно больше сведений о своей родной стране. В романе «Бледное пламя» Набоков наглядно демонстрирует, к чему может привести такое чрезмерное увлечение не текстом, а своим представлением о тексте. Несмотря на то, что Кинбот способен на самостоятельное творчество, он не в состоянии отвлечься от собственной истории и проанализировать чужое произведение.

Библиографический список

1. *Бойд Б.* Владимир Набоков: Американские годы: Биография – М.: Издательство Независимая Газета; СПб.: Издательство «Симпозиум», 2004. – 928 с.

2. *Набоков В.В.* Комментарий к роману А.С. Пушкина «Евгений Онегин». – СПб.: Искусство – СПб: Набоковский фонд, 1998. – 928 с.

3. *Набоков В.В.* Американский период. Собрание сочинений в 5 т. – СПб.: Симпозиум, 2004. – Т. 3. – 702 с.

4. *Новикова М.* Переводческие контексты // Мастерство перевода: сб. 13. – М.: Советский писатель, 1990. – 544 с.

5. *Рейсер С.А.* Палеография и текстология нового времени. – М.: Просвещение, 1970. – 335 с.

6. *Томашевский Б.В.* Писатель и книга. – СПб.: «Прибой», 1928. – 229 с.

УДК 882.09

Голенчукова Светлана Владимировна
Костромской государственный университет им. Н.А. Некрасова
s-svetlana-wg@yandex.ru

ПОНЯТИЕ «ВРЕМЕНИ» В ЭПИСТОЛЯРНОМ НАСЛЕДИИ И.С. ТУРГЕНЕВА 1853–1860 гг.

В статье рассматривается понятие «времени», представленное в эпистолярном наследии И.С. Тургенева.
Ключевые слова: *И.С. Тургенев, эпистолярное наследие 1853–1860 гг., время, эпоха.*

Современный этап развития филологической науки характеризуется многочисленными попытками ученых заново осмыслить традиционные понятия и явления. Одним из таких понятий является «время». Возникновение интереса к данному понятию рождается вместе с миром: «И назвал Бог свет днем, а тьму ночью. И был вечер, и было утро: один день» [2, с. 5]. С тех пор интерес человека к данному понятию не угасает. И.С. Тургенев очень часто в своем эпистолярном наследии обращается к понятию времени. Концепт времени, представленный в его письмах в период 1853–1860 годов, позволяет сделать вывод о том, какое значение понятия «время» писатель чаще всего использовал в обращении к тем или иным адресатам и какой смысл вкладывал в эти слова. Такие наблюдения в дальнейшем помогут подтвердить тесную связь между содержанием отдельных писем Тургенева и ключевыми мыслями его романов (в каких значениях, например, и в отношении каких героев писатель использует то или иное значение данного понятия).

Период 1853–1860 годов выбран не случайно: это время написания романа «Отцы и дети», время, когда И.С. Тургенев чаще находился за границей, чем в России, рассуждал о «напрасно проживаемой жизни». Разочарованный отсутствием семейного очага, Иван Сергеевич начинает анализировать свою жизнь: обращается к прошлому, сравнивает его с настоящим и пытается спрогнозировать будущее. Кроме того, период 1853–1860 годов – это предреформенное время, которое будит в уме писателя размышления о той эпохе, в которую он живет.

В письмах И.С. Тургенева за 1853–1860 годы [7] очень часто встречается понятие «время». Оно используется писателем в разных ситуациях и для решения конкретных задач: для обозначения эпохи, состояния погоды, длительности существования, характеристики досуга, философских размышлений. Частое употребление данного понятия свидетельствует о повышенном внимании к нему И.С. Тургенева. Рассмотрим, как это выражено в письмах 1853–1860 гг.

Наиболее часто понятие «время» заявляет о себе в письмах Тургенева в следующих значениях:

1. Период жизни, эпоха (в жизни человечества, какого-либо народа, государства, общества): «Время такое тяжелое и смутное…» [7, с. 15]. «Тяжкие времена, в которые мы находимся, заставляют меня обратиться к Вам с просьбой: не можете ли Вы заплатить мне за последнюю мою повесть?..» [7, с. 20]

2. Длительность существования всего происходящего, всех явлений и предметов, измеряемая годами, месяцами, днями, часами и т.п.: «Я теперь до Петрова дня никуда ни ногой – стало быть, ты меня во всякое время застать можешь» [7, с. 23]. «Мы увидимся, вероятно, у хлыща Бурдина, до того времени – до свидания» [7, с. 357].

© Голенчукова С.В., 2012

3. Досуг; промежуток в последовательной смене часов, дней, не занятый делом, свободный от обычных обязанностей: «Сегодня Виардо уехали на день в Париж – и я берусь за перо, пользуясь свободным временем» [7, с. 126]. «Я не имел времени прочесть всего номера “Современника” – но он мне кажется приятно и удачно составлен – а по заглавию – 6-й – еще лучше» [7, с. 31].

Гораздо реже И.С. Тургенев употребляет слово время в значении «погода, состояние воздуха», имеющем просторечный оттенок: «Время стояло превосходное – и я вполне насладился весною» [7, с. 27].

В значении «более или менее определенный промежуток, отрезок в последовательной смене часов, дней, месяцев и т.п.» понятие «время» употребляется еще реже: «Часто я вспоминал вас во время дороги – и теперь мне все мерещится ваша квартира со своими фантастическими стульями и ужасными картинами» [7, с. 10]. А в философском значении: «одна из основных форм существования материи, проявляющаяся в длительности бытия», в лингвистическом значении: «форма глагола, указывающая, что действие или состояние относится к прошлому, настоящему или будущему в отношении к моменту речи» и просторечном понимании «счастье» понятие «время» не употребляется вообще.

Показательным является тот факт, что по частотности употребления смыслов рассматриваемого понятия значение «эпоха, период жизни» выходит на первый план, занимая при этом первое место. Это свидетельствует о том, что И.С. Тургенева очень волновало положение России перед реформой 1861 года. Примечательно, что аналогичная частотность использования тех или иных значений понятия время проявляется и в романе «Отцы и дети». Кроме того, анализ писем позволяет сделать вывод о том, что чаще всего И.С. Тургенев использует понятия время в значении «эпоха, период жизни» в письмах к Полине Виардо, графине Ламберт и Боткину. Именно в письмах к этим адресатам отражены многие ключевые идеи романа «Отцы и дети».

Опираясь на богатый эпистолярный материал писем И.С. Тургенева, можно выделить и несколько основных тематических подгрупп с общим значением времени.

ЛТП № 1. Общие наименования. Это самая большая подгруппа, поскольку она включает как общие названия (месяц, неделя, год), так и конкретные (названия месяцев, периодов года, дней недели, чисел): «На **весну, лето** и **осень** у меня очень много литературных планов…» (здесь и далее выделено мной. – *С.Г.*) [7, с. 19]. «Некрасов теперь у себя в деревне – в **мае месяце** будет у меня, а **осенью** непременно поедет за границу» [7, с. 22].

ЛТП № 2. Наименование временных отрезков, значительных по длительности и характеризующих длительные интервалы (эпоха, годы, давно): «Бывают **эпохи**, где литература не может быть только художеством – а есть интересы высшие поэтических интересов» [7, с. 33]. «Отчего все это сделалось – долго рассказывать – притом **годы** взяли свое» [7, с. 170].

ЛТП № 3. Наименование временных отрезков, коротких по длительности и характеризующих короткие интервалы (момент, тотчас, непременно): «**Момент** самопознания и критики так же необходим в развитии народной жизни, как и в жизни отдельного лица – но ты знаешь, что я хочу сказать» [7, с. 33]. «Я Искандеру написал о его просьбе – и как только получу ответ, **тотчас** дам знать в Петербург» [7, с. 131].

ЛТП № 4. Наименование временных отрезков, имеющих семантику отнесенности к определенному времени: «…Жизнь прошла – и в то же самое время Вы чувствуете, что она не начиналась, – и впереди у Вас неопределенность **молодости** со своей бесплодной пустотой **старости»** [7, с. 314].

ЛТП № 5. Наименование временных отрезков, имеющих значение недавнего совершения действия: «Я воспользовался невозможностью ездить на охоту – и **вчера** окончил большую повесть листов в семь печатных» [7, с. 49]. «**Сегодня** вечером, многоуважаемый Александр Васильевич, Огарев читает у меня свою поэму» [7, с. 76].

Чаще всего И.С. Тургенев употребляет в период 1853–1860 годов слова первой лексико-тематической подгруппы – общие наименования. К таким словам относятся: *понедельник, весна, лето, май, момент, эпоха* и некоторые другие. И.С. Тургенев в это время проводил гораздо больше времени за границей, чем в России. Туда ему присылали письма, пересылали журналы и критические статьи на его произведения. Именно поэтому для классика важным было указать точную, конкретную дату. Что касается второй, третьей и четвертой тематических групп, то слова «эпоха», «годы», «времена», «момент», «старость», «молодость» чаще встречаются в письмах к Марье Толстой, Полине Виардо, графине Ламберт, Боткину и Анненкову.

В письмах И.С. Тургенев очень часто обращается к фразеологизмам с общим значением времени. Это характерно для творчества И.С. Тургенева в целом и его эпистолярного наследия в частности. Фразеологизмы *третьего дня, до сих пор, все время, на днях* встречаются на страницах писем И.С. Тургенева наиболее часто.

Таким образом, внимание писателя к понятию «время» обусловлено рядом внешних и внутренних факторов. К внешним обстоятельствам следует отнести предчувствие Тургеневым надвигающейся эпохи безвременья, обусловившей напряженные раздумья писателя о путях выхода России из состояния внутреннего и внешнего хаоса. К факторам субъективного значения – нарастающее ощущение впустую потраченного жизненного времени, даром пропадающих творческих сил.

Библиографический список

1. *Ахмерова Л.Р.* О некоторых особенностях восприятия времени // II Международные Бодуэновские чтения: В 2 т. – Т. 1. – Казань: Казанский университет, 2003. – 190 с.

2. Библия: Первая книга Моисеева. – М.: Сибирская Благозвонница, 2007. – 1275 с.

3. *Вернадский В.И.* Проблема времени в современной науке// Философские мысли натуралиста. – М.: Наука, 1992. – 519 с.

4. *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. – Т. 1. – М.: Русский язык, 1978. – 699 с.

5. Словарь литературоведческих терминов / под ред. Л.И. Тимофеева. – М.: Просвещение, 1974. – 509 с.

6. *Тургенев И.С.* Полное собрание сочинений и писем: В 30 т. – Т. 2. – М.: Наука, 1987. – 622 с.

7. *Тургенев И.С.* Полное собрание сочинений и писем: В 30 т. – Т. 3. – М.: Наука, 1987. – 701 с.

8. Фразеологический словарь русского языка / под ред. А.И. Молоткова. – М.: «Русский язык», 1986. – 543 с.

УДК 82-312.9

Дворак Максим Александрович
Max-Dvorak@yandex.ru

САТИРА И ЖАНРОВЫЙ СИНКРЕТИЗМ В РОМАННОМ ЦИКЛЕ ХОЛЬМА ВАН ЗАЙЧИКА «ПЛОХИХ ЛЮДЕЙ НЕТ (ЕВРАЗИЙСКАЯ СИМФОНИЯ)»

Данная статья посвящена исследованию концепции сатиры на актуальные особенности современной социальной проблематики в фантастических (альтернативно-исторических) романах Вячеслава Рыбакова и Игоря Алимова (псевдоним – Хольм ван Зайчик).

Ключевые слова: *сатира, утопия, фантастика, альтернативная история, жанр фантастики.*

Нетрудно догадаться, что Хольм ван Зайчик – это литературный псевдоним. За ним скрывается известный российский писатель-фантаст Вячеслав Рыбаков, а также ученый-китаевед Игорь Алимов. Вместе они разработали подробную легенду «еврокитайского гуманиста» Хольма ван Зайчика, родившегося в Голландии, большую часть жившего в Китае и, собственно, написавшего произведения цикла «Плохих людей нет».

«Этот известный всему китайскому народу автор писал много и плодотворно. Труды его пользовались в Китайской Народной Республике всеобщей любовью и уважением, будучи поистине жемчужиной Поднебесной: не было ни города, ни села, где не шли бы пьесы, поставленные по сюжетам знаменитого писателя» [1, с. 6], – так говорится в предисловии «от редактора» к первой книге цикла.

Внтересно, что данный псевдоним является отсылкой к реальному голландскому писателю Роберту ван Гулику, автору цикла известных детективных повестей о китайском фольклорном персонаже судье Ди (позаимствованном, в свою очередь, из китайского романа XVIII века «Ди Гун Ань», который был основан на жизни реальной исторической личности VII века).

Каждый из романов, в соответствии с авторской аллюзией на ван Гулика, представляет собой не слишком длинную детективную историю, в которой непосредственно расследование играет если не второстепенную роль, то, по крайней мере, не более важную, чем иные элементы. Среди них можно назвать и религиозный мотив, и мифологический (которые абсолютно равноправны и в утопическом государстве уживаются очень хорошо, что видно на примере романа «Дело лис-оборотней»).

Утопия сама по себе является наиболее значимым мотивом представленных романов, поскольку именно она символизирует большую часть той сатиры, которую хотели донести до читателя авторы.

В чем она заключается? Вот что говорится во вступлении к первой книге:

«Великая Ордусь…

История этой удивительной страны началась в шестидесятых годах тринадцатого века, когда Александр Невский и его побратим, сын Батыя Сартак, вступивший после смерти отца на ордынский престол, договорились о партнерском объединении Святой Руси и Золотой Орды ради блага населяющих их народов <…>

Усилия побратимов оказались столь успешными, а возникшая держава столь благоденствовала, что полутора веками позже <...> смертельно уставшая от неурядиц и междоусобиц Поднебесная Империя предпочла войти в состав Ордуси на правах одного из улусов.

Так на просторах Евразии возникла колоссальная империя с чрезвычайно специфической культурой. Именно эта культура – культура уважительности к иному, культура способности все считать родным и все приспосабливать для пользы народа – к двадцатому веку сделала Ордусь величайшим, богатейшим и гуманнейшим государством мира. Оно раскинулось от сияющих просторов Индокитая и Тайваня до холодных вод Суомского залива, и каждый из составляющих его семи улусов имел сообразно своей исторической традиции свою столицу. Императорских же ре-

© Дворак М.А., 2012

зиденций было всего три: Халбалык на востоке, Каракорум в центре и…

И – Александрия Невская на северо-западе» [1, с. 7].

Уже по этим словам можно заподозрить нестандартную игру с читателем. То, что Хольм ван Зайчик преподносит с необычайной почтительностью, у Вячеслава Рыбакова вполне может оказаться весьма тонким юмором. Это видно и из развития сюжета в книге, причем практически с первых же страниц. Примером может послужить упоминание *«великого аглицкого сыскаря прошлого века по имени Холэмусы»*, к которому далее идет примечание: «По-китайски это выглядит так: *визуальное изображение иероглифов “Холэмусы”*. Как обычно, ван Зайчик столь тщательно подобрал здесь иероглиф для транскрипции, что, если прочесть их по смыслу, получится фраза, много говорящая сердцу любого оперативника: “Пылко радовать родное учреждение”» [2, с. 29].

Отметим, что вышеприведенные примеры – только легкая сатира. Гораздо интереснее, какие вторые и третьи смыслы скрывают собой сюжетные и модельные покровы книг этого цикла. Как и должно быть в утопии, выстроенный здесь общественный строй во многом идеален: работники любят свою работу, государство любит и заботится о подданных, объемы производства соответствуют спросу, а доходы – расходам. Бандиты в этих книгах тоже совсем не плохие люди, поскольку таких, согласно названию цикла, не бывает (в этом авторы четко следуют букве их же художественного закона). Бандиты в Ордуси хорошие, просто жить им тяжело. Либо от финансового недостатка (мнимого, конечно), либо от неизвестной болезни (лечить которую тут же принимаются лучшие ученые страны), либо даже от скуки, и так далее.

Однако утопичность романов опровергается другим жанром, который можно отнести к циклу: жанром романа-детектива, конфликт в котором является в принципе неисключаемой составляющей. Более того, параллельно этому выстраиваются конфликты любовные (главный герой, грозный «человекоохранитель» Багатур «Тайфэн» Лобо – несчастный, влюбленный в принцессу – как иронич ен этот конфликт!), религиозные (жена второго главного героя, истового христианина Богдана Руховича Оуянцева-Сю, мусульманка, находит своему мужу вторую жену – француженку-атеистку… – тоже яркий пример сатиры), моральные (их десятки, встречаются они в каждой главе).

Что кроется за этой иллюзорной абсурдностью – совмещением несовместимого? Разумеется, сатира, причем сатира на наш настоящий мир, который по отношению к романам ван Зайчика абсолютно противоположен: что для Ордуси естественно, для нас – утопия. И что для той сказочной страны – небывалый кошмар, для нас – суровая реальность. Это можно увидеть даже на примере совершенно невинной, казалось бы, мелочи: «У Медного Всадника народу, как всегда, было особенно много. <…> Почему-то гости очень любили фотографироваться на фоне Святого Благоверного князя Александра. Памятник, что ни говори, был хорош… Уже четыре с лишним века закованный в древнерусские доспехи воитель на вздыбленном коне высился в названной его именем Северной столице и могучий конь его, как и в те времена, когда о глобализации слыхом не слыхивали, неутомимо вдавливал Копытов в карельский гранит змеюку с католической образиной, которую древний скульптор, специально вызванный из Лояна, для вящей образности наделил множеством явно видимых признаков конфессиональной принадлежности, вплоть до архиепископской тиары на узенькой гадючьей головке с торчащим из пасти жалом. <…> …перед Всадником, которого в последнее время все чаще называли не Медным, а Жасминовым из-за обилия тщательно взращиваемых и буйно цветущих вокруг него нежных и сказочно ароматных кустов…» [1, с. 33–35]

Мы видим, что здесь ведется игра с читателем на поле конфликтного утопического мира. Эта игра построена на многочисленных противоречиях между утопией и реальностью. Один из исследователей современной литературы отмечает: «Герои населяют мир, где “хорошо, приятно, вольготно”, где хочется жить, потому, что главным его атрибутивным признаком является стабильность. И в отношениях, и в чувствах, и в связях, если нарушается целостность, появляются рыцари в светлых доспехах и наводят порядок. Вяч. Рыбаков даже склонен называть свой текст иронической доброй сказкой. Свобода, стабильность, безопасность, уверенность доминируют в создаваемом мире» [5, с. 60].

Однако даже эта сатира все еще довольно мягкая. Есть и более жесткая. Так, в аннотации к «Делу о полку Игореве» приводится цитата из вымышленной, двадцать второй главы «Суждений и бесед» Конфуция (которая, согласно авторской легенде, была найдена ван Зайчиком, а, на самом деле, попросту придумана Рыбаковым и Алимовым – немного подробнее об этом будет сказано ниже). В ней Учитель рассказывает своим ученикам Му Да и Мэн Да о фантастическом звере пицзеци, появление которого *«в мире всегда предвещает наступление суровой эпохи Куй»*. Вероятно, не имеет смысла расшифровка данных паронимов. Тем более что данные образы разворачиваются в приложении к роману [3, с. 403–411].

Утопичность же реализации указанного приема заключается в том, что герои и персонажи пользуются данными и прочими подобными словопостроениями практически постоянно. При этом они понимают друг друга намного лучше, чем один реальный человек понимает другого, поскольку

в подобных «китаизмах» всегда скрывается как минимум один дополнительный смысловой слой, понятный всем без исключения персонажам вымышленного мира. А для читателя сделаны специальные сноски, по объему порой занимающие несколько страниц, но необходимые для полного понимания всех возможных смысловых слоев. Иногда это делается с какой-то определенной целью, оправданной развитием сюжета или структурной концепцией романа, но чаще всего – в рамках масштабной или не очень масштабной шутки.

Упомянутая двадцать вторая глава также является своего рода жестоким юмором. Так, на протяжении всех романов герои постоянно на нее ссылаются: «Ведь не зря в двадцать второй главе “Лунь юя” Учитель сказал: “Женщина – друг человека”» [3, с. 38] или «Богдан боялся, что после этого сокрушительного, убийственного успеха, с такой чернотой на душе, как сегодня, обязательно переберет, непременно напьется, и одной бутылки окажется мало. А зачем? К чему? Еще Конфуций сказал в двадцать второй главе, что истинный благородный муж не может всерьез надеяться рисовым вином поправить несовершенство мира. И Богдан поехал домой» [3, с. 391].

Помимо подобных высказываний, которые являются прямым источником авторских идей, эта глава «Суждений и бесед» имеет и иной, макросмысл. Вот что о ней сказано в примечаниях в начале каждого романа: «Дошедшие до нас списки “Лунь юя” (“Суждений и бесед”) насчитывают двадцать глав. Двадцать вторая глава, представляющая собою, по свидетельству некоторых древних комментаторов, квинтэссенцию конфуцианской мудрости и написанная Учителем собственноручно за несколько месяцев до кончины, считалась утерянной… Однако мы не исключаем, что в руки столь пытливого исследователя и неистового коллекционера, каким был Х. ван Зайчик, каким-то образом мог попасть текст драгоценной главы…» [1, с. 10].

Таким образом, ироничный тон не только к этой самой главе, но и ко всему циклу романов задается с самого начала и поддерживается до конца. Стоит на секунду увлечься сюжетом, забыться в перипетиях тайных замыслов и интриг, забыть об иронии, как очередная цитата вновь выполняет свою художественно-сатирическую функцию.

Из всего вышесказанного можно сделать вывод о том, что основная доля авторской иронии основана на конфуцианских и иных китайских учениях. Но это было бы ошибкой, поскольку мир Ордуси соткан из гармоничного единения разных религий, веры и неверия, религии, мифологии и науки в едином государстве. Очевидно, подобный синкретизм также нужно расценивать как элемент утопии и насмешку над реальностью.

Вот что говорят об этом синкретизме «исследователи творчества ван Зайчика» Рыбаков и Алимов: «…ван Зайчик, как и Конфуций, не выдумывает, но только п е р е д а е т… <…> В Ордуси – с ее многообразием конфессий и этносов – различные религии успешно сосуществуют в рамках конфуцианского учения о цзюньцзы (“благородном муже”). Иными словами, буддистом можешь ты не быть, но благородным мужем быть обязан. <…> Взаимовлияние религиозных элементов создает удивительные ситуации. Так, домовые, лешие, овинники, гуменники, полевики и прочие персонажи русских народных верований служат под началом *тудишеня* – духа-покровителя местности…» [4, с. 5–7]

Это только небольшая выдержка из объемного «аналитического» текста, который является предисловием к роману «Дело лис-оборотней».

Итак, художественная социальная система, выстроенная в цикле «Плохих людей нет», не является примером для подражания или его противоположностью. Она создавалась исключительно с целью выражения авторского мнения по поводу отдельных социальных, экономических, религиозных, психологических и прочих проблем, а также поиска путей их решения.

В отличие от других книжек Вячеслава Рыбакова, в которых основным эмоциональным мотивом является горечь и обида, здесь выбран прием сатирической утопии – очень логичный способ показать все несовершенство реального мира, которое писателя так волнует.

Стоит также сказать несколько слов о сквозном мотиве всех романов цикла: «Плохих людей нет». Его разгадка кроется именно в том, что авторами был использован мотив мифа и утопии. Эта система априорно подразумевают отсутствия «плохих» людей как класса. Она вообще не признает ничего «плохого»: ни обстоятельств, ни людей. В ней все «хорошо». Следовательно, ничего «плохого» нет в принципе. В том числе и людей.

Библиографический список

1. *Ван Зайчик Х.* Дело жадного варвара. – СПб., 2000. – 288 с.

2. *Ван Зайчик Х.* Дело незалежных дервишей. – СПб., 2001. – 352 с.

3. *Ван Зайчик Х.* Дело о полку Игореве. – СПб., 2001. – 416 с.

4. *Ван Зайчик Х.* Дело лис-оборотней. – СПб., 2001. – 352 с.

5. *Колядич Т.М.* От Аксенова до Глуховского. Русский эксперимент. Экстремальный путеводитель по современной русской литературе. – М., 2010. – 352 с.

УДК 820/89

Дмитриенко Иван Константинович
Институт международного права и экономики им. Грибоедова
smart-e1@mail.ru

ОНТОЛОГИЯ РОМАНТИЗМА В РУССКОЙ ПОСТМОДЕРНИСТСКОЙ ПРОЗЕ: ДЕКОНСТРУКЦИЯ РЕАЛЬНОСТИ В ТВОРЧЕСТВЕ ВИКТОРА ПЕЛЕВИНА

На материале произведений В. Пелевина рассматривается актуализация проблемы реальности в эстетике постмодернизма. Автор рассматривает преемственность в разработке указанной проблемы по отношению к литературе предыдущих эпох, наблюдает за динамикой ее развития, выявляет отличительные особенности ее реализации в постмодернизме.

Ключевые слова: *постмодернистская эстетика, культурно-историческая эпоха романтизма, знаковая система, деконструкция и виртуализация реальности, мотивно-образный плюрализм.*

Исследование природы реальности, сопровождающееся отказом от единой объективной действительности и «умножением» ее за счет введения в мотивно-образную структуру текста альтернативных миров, является одним из отличительных признаков постмодернистской эстетики и отвечает основополагающим идеологическим установкам этого направления. Вместе с тем, постмодернистов нельзя считать первооткрывателями данной темы. Новаторство в вопросе пересмотра традиционной философской посылки о всеобъемлющей объективной реальности принадлежит представителям эпохи романтизма. Именно тогда, на рубеже XVIII–XIX веков, западноевропейское общество открыло принципиальную ограниченность и несовершенность созданной модерном картины мира – «логоцентристской» мысли Нового времени, краеугольным камнем которой был культ разума и соответствующая ему уверенность в видимой, «общей» действительности как гаранте и источнике онтологических интенций.

Грандиозные социальные катаклизмы той эпохи, ознаменовавшие становление нового этапа развития западной цивилизации, нельзя было воспринимать рассудочно, аналитически бесстрастно, что вызвало переориентацию общественной психологии, поворот интереса от внешней жизни человека и его деятельности в обществе к проблемам духовной, эмоциональной стороны личности. Реабилитация сферы духовного включала в себя поиск трансцендентных, экзистенциальных и культурных оснований внутреннего мира человека, а также абсолютизацию и мистификацию общественных противоречий. По выражению Жирмунского, романтики были нацелены на «обнаружение связи между духовным и телесным миром», на *«спиритуализацию бытия»* [7, с. 26]. Мистицизм признавался ими способом проникновения в тайны жизни: мистическое начало можно проследить и в творческой интуиции романтиков, и в их теоретических взглядах, культивировавших таинственность мира. Показательны слова Новалиса: «Мир должен быть романтизирован <…> Я романтизирую его, придавая ему высший смысл: вещам обычным – таинственную внешность, известным – достоинство тайны, законченным – видимость бесконечности» [14, с.118]. Установка на разрушение, преодоление границ, интуитивное прозрение, особым образом сочетается с предметом интереса романтиков: «проблемой и содержанием коллизии становится сама действительность, в собственном ее лице, – что она такое, чего она стоит, насколько она подлинна или неподлинна» [2, с. 86]. То, что в эпоху Просвещения считалось обыкновенным и понятным, романтики ставят под сомнение. Более того, за романтическим искусством отмечалась тенденция к духовно-художественному отстранению от объективной реальности и даже *«эстетизация процесса уничтожения жизни»* [10]. Последовали этого направления провозглашали «одновременность существования и противоположность являющих между собой контраст миров» [12]. Отсюда знаменитый разлад между идеалом и действительностью, который был зафиксирован и в литературе более ранних эпох, но лишь в романтизме приобрел статус сюжетообразующего принципа произведения. Обычно этот феномен называют *«романтическим двоемирием»*, однако на деле это упрощенное и не совсем верное определение: говоря о творчестве Гофмана, А. Ботникова делает вывод, что «мир у Гофмана един, но ему свойственна двойственность (Duplizitat) и вообще принципиальная множественность» [3, с.149].

Последнее особенно важно применительно к рассмотрению романтической традиции в постмодернистских текстах, где филологи отмечают «множество реальностей, существующих в современном мире, конкурирующих друг с другом и сталкивающихся между собой» [6]. В этом писатели-постмодернисты отвечают нынешним требованиям культуры, которые гласят, что оперирование лишь одной реальностью, всеобъемлющей и неприкосновенной, уже неспособно отразить всю многоликость и противоречивость сегодняшнего мира. К столь высоким требованиям привело значительное усложнение всех сфер жизни, вызванное социальным и научно-техническим развитием: «Сны и кинематограф – это было начало века, а к концу его слово «виртуальный» стало едва ли не самым

© Дмитриенко И.К., 2012

модным и многозначительным. <…> Границы между техниками стираются – по театральным спектаклям делают кинофильмы, кинофильмы транслируют по телевидению, телевидение транслируют через Интернет – образуется единая виртуальная среда» [20].

Умножение сетей массовой коммуникации, медиатизация и виртуализация жизни усиливают эффект ее иллюзорности: ежедневно в той или иной мере соприкасаясь с компьютерно-телевизионным, «вторичным» миром, человек оказывается под угрозой замены им мира первичного. Отсюда возникают сомнения не только в значении понятия «объективная реальность», но в самом ее существовании – как и в романтизме, она принадлежит к разряду проблемных категорий. Не вызывает сомнений, что в постмодернистской литературе виртуальность и интерактивность обоснованно выведены на передний план, на уровень ведущих, краеугольных мотивов произведения.

Более того, само понятие «реальность» лишается всякого смысла – это всего лишь артефакт, сконструированный посредством языка и культуры. Данное соображение важно: противопоставлять виртуальные миры настоящему (отдавая приоритет последнему) с успехом могла бы и реалистическая литература, однако в контексте постмодернистского мироощущения такой подход выглядит устаревшим. Для него характерно ликвидация реального мира, «зато мир текстов со множеством знаков в замкнутом “библиотечном” круге размножается и разделяется в бесконечные, безграничные, многослойные мирки» [8, с. 197]. Согласно современным философам, «реальность есть ничто иное, как знаковая система, состоящая из множества знаковых систем разного порядка, то есть настолько сложная знаковая система, что средние пользователи воспринимают ее как незнаковую» [19, с. 17].

В данном контексте крайне показательно творчество одного из виднейших отечественных постмодернистов Виктора Пелевина. Определяя *«атом реальности»* как «точку пересечения двух разнородных знаковых систем», К. Фрумкин считает, что Пелевин занимается подробным изучением этого атома реальности: «Пелевин занят едва ли не составлением периодической таблицы таких атомов» [20]. Таким образом, в отличие от реалистического письма, в котором произведение строится на фундаменте некоторой незыблемой точки присутствия, гарантирующей читателю смысл и подлинность, проза Пелевина, созданная в русле постмодернистской традиции метаповествования, рассеивает значение в бесконечной генеалого-цитатной сети.

Приложение данной темы к пелевинским текстам следует предварить замечанием о ее особенной актуальности в описываемый писателем период исторического развития России. Переход от советского строя к новой России произошел стремительно. Для большинства населения, которое «было запрограммировано на жизнь в одной социально-культурной парадигме, а оказалось в совершенно другой» [17, с. 68], эти гротескные, не поддающиеся контролю изменения были обескураживающими. Дискредитация привычных устоев поставила под вопрос первичные основания бытия – «второстепенные, ранее незаметные, новые миры заняли свое место в гонке за лидерство, почуяв благоприятную почву под ногами» [13]. «Чем сон отличается от яви? – вопрошает Фрумкин. – Тем, что явь последовательно развивается изо дня в день, события сегодняшнего дня логично продолжают события вчерашнего. А когда одна реальность резко сменяет другую, то вчерашняя явь начинает казаться далеким сном. <…> В такую эпоху Пелевин, исследующий сочетания миров, закономерен, как боевик про Ирак или Косово» [20].

Примечательно, что сочетания миров заинтересовали не только Пелевина: можно вспомнить и Владимира Орлова, автора «Альтиста Данилова», и Сергея Лукьяненко, названия романов которого говорят сами за себя – «Императоры иллюзий», «Лабиринт отражений», «Фальшивые зеркала». Но к подлинной постмодернистской эстетике приближается, пожалуй, только Андрей Лазарчук в своих «Солдатах Вавилона». Примечателен следующий монолог одного из героев, касающийся представленных в этом романе параллельных измерений: «Тебе не приходило в голову, что никаких уровней, никаких слоев вообще не существует? И это все — лишь наше истолкование – примитивное – того, что все происходит с нами, здесь и сейчас?» [11, с. 472]. Эти слова можно назвать точкой отсчета для Пелевина: по выражению из «Чапаева и Пустоты», его мир *«имеет свойство деваться непонятно куда»* [17, с. 408]. На вопрос, существует ли этот мир вообще, сложно ответить однозначно – он столь же реален, как комдив Чапаев, пересозданный и увековеченный народной памятью в анекдотах. Ссылаясь на А. Гениса, можно утверждать, что он не является истинным, «но и ложным его назвать нельзя, во всяком случае до тех пор, пока кто-нибудь в него верит» [5, с. 230].

Переходя к анализу конкретных примеров, оговоримся, что в данной работе цитируются не все тексты Пелевина, в которых наличествует тот или иной способ совмещения миров, поскольку в творчестве писателя непросто найти такие произведения, где этот элемент поэтики не предусмотрен. Обратим внимание, что это совмещение происходит естественно. Достаточно, например, ударить в бубен. «Маша потрясла головой, чтобы прийти в себя, и огляделась. Ей показалось, что составные части окружающего, все эти кусты и деревья, травы и темные облака, только что плотно смыкавшиеся друг с другом, раздвинулись под ударами буб-

на, и в просветах между ними открылся на секунду странный, светлый и незнакомый мир», – читаем в рассказе «Бубен верхнего мира» [15, с. 274]. Любопытные эксперименты над реальностью проводятся в рассказе «Тарзанка»: «Ну хорошо. Вам что-нибудь говорит слово «лунатик»? – «Лунатик? Это что, который ночью не спит, а по карнизам разгуливает? Ну знаю… О Господи!» <…> Петр Петрович посмотрел себе под ноги и увидел, что тонкая дорожка серебристого цвета, по которой он так долго шагал, была на самом деле довольно тонким жестяным карнизом, изрядно выгнувшимся под тяжестью его тела». Однако этим дело не ограничивается: если бы описывался лишь случай лунатизма, что не раз встречалось и в реалистической литературе, герой остался бы в «нормальной» реальности, на карнизе. Но чуть ниже Пелевин пишет: «Он повернул назад, шагнул за угол и легко соскочил на пару метров вниз, туда, где идти было удобнее. <…> Он последний раз посмотрел по сторонам, потом кротко глянул вверх, улыбнулся и медленно побрел по мерцающей серебристой полосе» [15, с. 318–319]. Бессмысленно гадать, какая из реальностей первична: они сравнимы с ракурсами нацеленной на героя фотокамеры, а ракурсы сменяются столь плавно, что место, где заканчивается один и начинается другой, не поддается вычислениям.

Рассмотрим роман «Чапаев и Пустота», где «сначала весь мир пелевинского героя оказывается ложью, и потом герой сам часто теряет способность хоть что-нибудь познавать» [1]. Метаморфозы не сходят со страниц романа: в сознании протагониста Петра Пустоты санитары превращаются в матросов, врач Тимур Тимурович – в Чапаева, а в «алхимическом браке» России и Америки последняя представлена в образе Арнольда Шварценеггера. Петр видит сны про себя в роли адъютанта комиссара Чапаева в 1918-м году и записывает их, а адъютант записывает сны про пациента Петра из 1990-х; наконец, Барон Юнгерн приводит его в место, где оба его «навязчивых сна одинаково иллюзорны». «Во всех этих переходах явственно ощущается, как посредством наркотического слова нас слегка заводит в «альтернативные состояния» сознания, при этом показывая мастерство эквилибристики на грани сдвинутых реальностей», – утверждает М. Кожевникова [9, с. 77]. Впрочем, по-видимому, стоит вести речь не о «гранях» как таковых, а о том, что «время/пространство завивается в замысловатую петлю» [22, с. 4].

Довольно необычно построен рассказ «Вести из Непала». В нем описывается ничем не примечательный рабочий день Любочки, однако по ходу текста читатель встречается со странными эпизодами – то промелькнут фантастические «перепончатокрылые твари», то пройдут люди в длинных ночных рубашках, один из которых, отвечая на Любочкин вопрос, не холодно ли им, говорит, что все это им снится. Лишь позже выяснится, что Пелевин описывает реальность загробных видений: в начале рассказа Любочка, выйдя из троллейбуса, попадает под машину и гибнет, но, благодаря немаркированности перехода в посмертное состояние, читатель о нем не подозревает. Информация о том, что Любочка и ее сослуживцы умерли, произносится в самом финале произведения в радиорепортаже – и после этого уже не вызывает удивления, что «все сослуживцы, столпившись, стояли у окна и наблюдали за двумя небесными всадниками, иногда выныривавшими из низких туч» [16, с. 125–139].

В повести «Принц Госплана» служащие госучреждений живут в обыденной реальности и одновременно в той или иной компьютерной игре. Чем бы ни занимался протагонист Саша Лапин – выполнял ли поручения своего шефа Бориса Григорьевича, обедал ли в столовой, стоял ли в очереди за портвейном – его существование протекает в виртуальном мире, графическом пространстве монитора, заполненном игровыми командами. Символично заглавие произведения, в котором объединены атрибут советского, повседневного мира (Госплан) и название компьютерной аркады «Принц Персии», сюжет которой разрушает и подчиняет себе идентичность героя [16, с. 72–108].

Показательно описание эффекта от психотропных веществ, благодаря которым «окружающие предметы потеряли свою бесчеловечность» и «мир как-то разгладился», в рассказе «Музыка со столба». Протагонист-сварщик внезапно обретает второе «я»: «Матвей сидел спиной к борту и думал то об одном, то о другом. <…> Потом солнце ушло за тучу, и стало совсем нечего делать, хоть в кармане кителя и лежал томик Гете, вытаскивать его сейчас было бы опрометчиво, потому что фюрер, сидевший на откидной лавке напротив, терпеть не мог, когда кто-нибудь из окружающих отвлекался на какое-нибудь мелкое личное дело. Гиммлер улыбнулся, вздохнул и поглядел на часы: до Берлина оставалось совсем чуть-чуть, можно было и потерпеть» [16, с. 253–264].

«Омон Ра», «Generation ‘П’», «Жизнь насекомых», «Священная книга оборотня», «Желтая стрела», «Спи» – в этих и во многих других произведениях Пелевина также имеет смысл проследить игры с реальностью в случае более развернутого обращения к данной теме. Может показаться, что его изощренные, многоуровневые конструкции, характерные для постмодернистских текстов, не имеют ничего общего с наивными по сегодняшним меркам фантазиями романтиков. Но сущностные характеристики описываемого феномена неизменны, различаются же лишь дополнительные признаки, как-то масштаб и разнообразие пространственно-временных «сдвигов».

Подытоживая пелевинское решение проблемы реальности, стоит привести формулировки авторитетных исследователей: это *«череда искусственных конструкций»* [5, с. 230], *«бесконечный ряд встроенных друг в друга клеток»* [4], границы между которыми «размыты, неопределяемы» [21]. Строя «сюжетные, жанровые и тематические коллажи, интерактивность которых соответствует повышенной разветвленности и виртуальности современного мира» [1], Пелевин умело эксплуатирует всеобщую тревогу перед тотальной компьютеризацией и дигитализацией. Но он также нашел способ сопрячь крайнюю злободневность с «вечным» культурным феноменом трансцендентности, основанном на подспудном стремлении человеческой психики к удвоению действительности (религиозное удвоение мира [18]). «Человеческая мысль все время ищет вторую реальность, будь это мир идей Платона, Царство Божие, или виртуальная компьютерная реальность. Пелевин решил создать коллекцию всего, что было выработано человечеством в деле удвоения действительности» [20], – заключает Фрумкин. Психоанализ и сновидения, философия и буддизм, сумасшествие и трансвестизм, магия и шаманизм, галлюцинаторные и психоделические воздействия – отечественному литературоведению еще предстоит создать полный перечень тех техник, которые используются им для своеобразного «переключения режимов», в качестве окон между мирами.

Библиографический список

1. *BattisMatthias.* ОВП «РусПУКС» – Приватизация русской литературы [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.pelevin.nov.ru/stati/s-Matthias.doc

2. *Берковский Н.Я.* Романтизм в Германии. – Л.: Художественная литература, 1973.

3. *Ботникова А.Б.* Немецкий романтизм: диалог художественных форм. Монография. – Воронеж, 2003.

4. *Быков Д., Басинский П.* Два мнения о романе Виктора Пелевина «Чапаев и Пустота» // Литературная газета. – 1996. – №22 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.pelevin.nov.ru/stati/o-dva/1.html

5. *Генис А.А.* Беседа десятая: Поле чудес. Виктор Пелевин // Звезда. – 1997. – № 12.

6. *Гурин С.* Феномен Пелевина [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.russned.ru/literatura/fenomen-pelevina.

7. *Жирмунский В.М.* Немецкий романтизм и современная мистика. – СПб.: Типография Товарищества А.С. Суворина «Новое Время», 1914.

8. *Квон Чжен Им.* Современная русская постмодернистская проза: Венедикт Ерофеев и Саша Соколов: Дис. ... канд. филол. наук. – М., 1999.

9. *Кожевникова М.* Буддизм в зеркале современной культуры: освоение или присвоение? // Буддизм России. – 1996. – №27.

10. *Кривцун О.А.* Эстетика: Учебник. – М.: Аспект Пресс, 2000. – 434 с. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.deol.ru/users/krivtsun/aesthetics.htm

11. *Лазарчук А.Г.* Солдаты Вавилона. – Красноярск: Универс, 1995.

12. *Майер Г.* Литература искусственного рая [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.nb-info.ru/orden/artparadise.htm

13. *Макеева К.А.* Герой В. Пелевина: в поисках своего «Йа» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.zhurnal.lib.ru/m/makeewa_k_a/pelevin2.shtml

14. *Назиров Р.Г.* Автономия литературного героя // Назиров Р.Г. Русская классическая литература: сравнительно-исторический подход. Исследования разных лет: Сборник статей. – Уфа: Изд-во Башкирского университета, 2005.

15. *Пелевин В.О.* Все рассказы: Авторский сборник. – М.: Эксмо, 2005. – 512 с.

16. *Пелевин В.О.* Синий фонарь. – М.: Текст, 1991. – 320 с.

17. *Пелевин В.О.* Чапаев и Пустота. – М.: Вагриус, 2001. – 416 с.

18. *Розет И.М.* Психологические аспекты религиозного удвоения мира // Розет И.М. Психология фантазии: экспериментально-теоретическое исследование внутренних закономерностей продуктивной умственной деятельности. – Минск: Изд-во Белорусского университета, 1991. – С. 315–329.

19. *Руднев В.П.* Текст и реальность: Направление времени в культуре. – Wien: Wienerslawistischer Almanach, 1986.

20. *Фрумкин К.Г.* Эпоха Пелевина [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.pelevin.nov.ru/stati/o-frum/1.html

21. *Цыганов А.* Мифология и роман Пелевина «Чапаев и Пустота» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.pelevin.nov.ru/stati/o-myths/1.html

22. *Шохина В.* Чапай, его команда и простодушный ученик // Независимая Газета – Exlibris. – 5.10.2006.

УДК 882.09

Ильина Наталия Кирилловна
кандидат филологических наук
Костромской государственный университет им. Н.А. Некрасова
nk_ilina@mail.ru

К ВОПРОСУ О РИТМИКЕ ДРАМАТУРГИЧЕСКОГО ПРОИЗВЕДЕНИЯ (на материале пьесы А.Н. Островского «Гроза» и пьесы Н.С. Лескова «Расточитель»)

В статье раскрываются особенности ритмической структуры в пьесах А.Н. Островского «Гроза» и Н.С. Лескова «Расточитель»; характеризуются истоки художественного метода каждого из драматургов.

***Ключевые слова**: пьеса, драматург, ритм, ритмическая структура, героиня, народная песня, фольклор, хорей, ямб, дактиль, анапест, амфибрахий.*

Драматургическое произведение – это особым образом организованная речь, отличная от устной разговорной речи, так как несет в себе черты художественной завершенности. И вместе с тем, речь персонажей в пьесе не противопоставлена обиходной речи, она узнаваема и часто сама формирует устные речевые образцы. Как стихи, так и художественная проза, в том числе драматургические произведения, обладают ритмической организацией, отличной от научной, деловой, разговорной речи. Однако ритмическая своеобычность художественной прозы заключается в ее ненормативности, хотя в ней на всех уровнях обнаруживаются метрические, ритмико-синтаксические и звуковые соотношения, типичные для стихотворной речи. В данной статье будет подвергнута анализу метрическая составляющая ритма драматургического произведения, то есть определены метризованные отрывки, так называемые «случайные метры» в двух пьесах: «Грозе» А.Н. Островского и «Расточителе» Н.С. Лескова.

«Случайными метрами» В.Е. Холшевников [7, с. 74] предложил называть такие фрагменты прозаического текста, которые метрически организованы согласно законам поэтической строки (в прозе ей соответствует колон). Стихотворные размеры усиливают ритмическую составляющую прозаического текста и несут дополнительные функции, функциональные и орнаментальные.

Метрическими эпизодами в прозаическом тексте считаются двусложные размеры, состоящие минимум из 4-х стоп, и трехсложные размеры протяженностью не менее 3-х стоп. Принятые условные обозначения такие же, как и в поэтическом тексте: Х – хорей, Я – ямб, Дак – дактиль, Ан – анапест, Амф – амфибрахий. Цифра после размера обозначает количество стоп метрического отрывка; буквы м, ж, д, гд обозначают тип клаузулы – мужская, женская, дактилическая, гипердактилическая; одной косой чертой отделяются границы условных строк одного метра, двумя косыми чертами – границы условных строк разных метров.

В сопоставительном анализе драмы А.Н. Островского «Гроза» (1859) и драмы Н.С. Лескова «Расточитель» (1867) мы рассматриваем соотношение «случайных метров» в репликах героинь, Катерины («Гроза») и Марины («Расточитель»), а также противостоящих им героев, Марфы Кабановой («Гроза») и Фирса Князева («Расточитель»). Обработке подвергнуты все монологи героев и все их реплики (из реплик Фирса Князева, насчитывающих 5123 слова, проанализировано 2836 слов, что сопоставимо с объемом высказываний других героев).

Чувства героинь Островского и Лескова сходны как по образам их фантазий, так и по способам выражения этих образов: выбору слов и построению фраз. Обе страстные мечтательницы и грезят о несбыточном. Катерина: *«... упаду на колена, молюсь // и плачу, и сама не знаю,* о чем молюсь и о чем плачу*...»* (Ан3м+Я4ж) [Действие 1, явление 7]; Марина: *«Я горькими слезами плакала, // о чем – и сама я не знала...»* (Я4д+Амф3ж) [Действие 4, явление 1]. Катерина ощущает присутствие незримого возлюбленного: «Ночью, Варя, не спится мне, *все мерещится шепот какой-то*: (Ан3ж) кто-то так ласково говорит со мной, точно голубь воркует <…> точно меня *кто-то обнимает так // горячо-горячо и ведет* (Х4м+Ан3м) меня куда-то, *и я иду за ним, иду...* (Я4м)» [Действие 1, явление 7]. Влюбленная Марина тоже мечтает: «*О полудне, как жар, бывало, / нахлынет, разморит всех, спят, а я уйду // тихонько под скрынь, где вода бьет с колес, / и веришь ли - кто-то со мною там все говорил / и я не боялася этого говора... // я сама говорила о чем-то...»* (Я4ж+Я6м+Амф4м+Амф5м+Амф4д+Ан3ж) [Действие 4, явление 1].

Монологи обеих героинь вполне сопоставимы по содержанию и по объёму. В пьесе «Гроза» семь монологов Катерины. Марина в пьесе Лескова появляется только в третьем действии, где произносит всего 4 реплики. Ее образу отводится центральное место в четвертом и особенно пятом действиях.

Речь героинь в пьесах Островского и Лескова метризована, однако речь Катерины Кабановой метрически более насыщена: в ее монологах метрических фрагментов на фоне общего объема реплик больше, чем у героини Лескова.

Из таблицы 2 следует, что в речи Катерины среди метризованных отрывков превалируют хореи-

© Ильина Н.К., 2012

Таблица 1

Сравнение монологов Катерины и Марины

Монологи Катерины	Тема	Кол-во слов	Монологи Марины	Тема	Кол-во слов
Действие 1, явл. 7	О своем детстве	142	Действие 4, явл. 1	О детстве своем и Ивана Максимыча	142
Действие 1, явл. 7	О фантазиях и снах	216	Действие 4, явл. 1	О любви к Ивану Максимычу	331
Действие 1, явл. 7	Мечты о любви	119			
Действие 3, явл.8	Об одиночестве в доме мужа	125	Действие 5, явл. 1	Об одиночестве и предчувствии смерти	402
Действие 3, явл. 9	Борьба с чувствами к Борису	281			
Действие 5, явл. 2	О Борисе и его судьбе	289	Действие 5, явл. 5	О матери и ее защите	305
Действие 5, явл. 4	О смерти	169			
Всего слов		1341			1180

Таблица 2

«Случайные метры» в монологах Катерины

№ монолога	1-ый	2-ой	3-ий	4-ый	5-ый	6-ой	7-ой	
Кол-во слов	142	216	119	125	281	289	169	1341
«Случайные метры»	*Кол-во*	*Кол-во*	*Кол-во*	*Кол-во*	*Кол-во*	*Кол-во*	*Кол-во*	*Всего*
Ямб	4	8	5	6	9	7	4	43 (25%)
Хорей	4	7	4	2	8	15	12	52 (31%)
Всего двусложников	*8*	*15*	*9*	*8*	*17*	*22*	*16*	*95 (56%)*
Дактиль	3	6	2	5	10	5	3	34 (20%)
Анапест	2	3	3	1	7	5	3	24 (14%)
Амфибрахий	3	4	2		2	3	2	16 (10%)
Всего трехсложников	*8*	*13*	*7*	*6*	*19*	*13*	*8*	*74 (44%)*
Итого	16	28	16	14	36	35	24	169

ческие фрагменты, их преобладание над ямбами составляет 6%. Далее в убывающем порядке следуют случаи употребления дактиля, анапеста и амфибрахия. Интересно, как от монолога к монологу меняется соотношение ямбов и хореев в речи Катерины: в первых трех монологах их употребление почти равное, в четвертом монологе хореев почти нет, затем случаи ямбических и хореических метрических отрывков снова выравниваются, а в последних монологах наступает перелом и резко возрастает употребление хореев. Случайно ли это? Последние монологи героини глубоко трагичны. Катерина тоскует от разлуки с любимым. Ее слова идут из глубины страдающего сердца, напоминая грустные народные песни, протяжные, повторяющие основную мысль: «*Ветры буйные, перенесите вы ему мою печаль-тоску!*» (Х10м) [6, с. 235]. Лейтмотивом последнего монолога стала фраза «Что домой, что в могилу <…> *Все равно, что смерть придет, / что сама… а жить нельзя!*» (Х4м+Х4м) [6, с. 237]. Эта мысль пересиливает даже страх перед грехом самоубийства, поднимая из глубин сознания языческие представления о единении с природой и круговороте жизни: «*Под деревцем могилушка... как хорошо!..* (Я6м) Солнышко ее греет, дождичком *ее мочит... весной на ней травка* (Ан3ж) вырастет, мягкая такая... *птицы прилетят на дерево* (Х4д), будут петь, детей *выведут, цветочки расцветут…* (Х5м)» [6, с. 237]. Преобладание среди «случайных метров» хореических фрагментов, вероятно, связано как раз с обращением к фольклорным истокам русской речи, отдающей предпочтение хорею. Ученые не раз писали об этой яркой черте русского фольклора [1, с. 396].

Подобный вывод можно сделать, проанализировав монологи героини Лескова (см. табл. 3), в которых количество хореев также превышает количество остальных метрических фрагментов. Далее наблюдаются случаи употребления дактилей, затем амфибрахиев, анапестов, а ямбов среди «случайных метров» менее всего (их на 10% меньше, чем хореев).

Во всех монологах Марины, которые строятся как исповедь глубоко страдающей души, звучат трагические ноты. Некоторые фрагменты вольно или невольно выстраиваются как стихотворные строки:

«*…и Калина Дмитрич нынче что-то запоздал...* / (Х7м)

Не могу сидеть одна… / (Х4м)

Таблица 3

«Случайные метры» в монологах Марины

№ монолога	Первый	Второй	Третий	Четвертый	
Кол-во слов	142	331	402	305	1180
«Случайные метры»	*Кол-во*	*Кол-во*	*Кол-во*	*Кол-во*	*Всего*
Ямб	4	3	9	5	21 (15,8%)
Хорей	2	4	19	9	34 (25,6%)
Всего двусложников	*6*	*7*	*28*	*14*	*55 (41,4%)*
Дактиль	3	10	12	6	31 (23,3%)
Анапест		12	4	7	23 (17,3%)
Амфибрахий	5	9	5	5	24 (18%)
Всего трехсложников	*8*	*31*	*21*	*18*	*78 (58,6%)*
Итого	14	38	49	32	133

дверь нарочно отперла... / (Х4м)

Все вот будто смерть / (Х3м)

мне в глаза засматривает: нет-нет да и вздрогну (Х7ж)

[Действие 5, явление 1].

Любовь Марины к Ивану Максимычу изначально обречена, и она понимает это, понимает и свою горькую участь, а потому готова к смерти, так как для ее гордой натуры смерть это единственный способ остаться самой собой. Ей близки языческие обряды, и в своем поведении она руководствуется скорее интуицией и издревле укоренившимся в сознании народа пониманием добра и зла, высшей справедливости и небесной кары, чем привнесенными церковью понятиями о бесконечном терпении и жертвенности. Ее не останавливает грех самоубийства, а заповеди господа, хоть и признаются разумом, оказываются не столь сильными, чтобы заставить ее смириться. Речь Марины ритмически тоже связана с песенным фольклором, она часто вспоминает строки из народных песен: «*Прошло лето, прошла осень, прошла теплая весна: / наступает злое время - то холодная зима*» (Х8м х 2) [Действие 5, явление 1], «*Уж ты молодость, / моя молодость! / Красота ль моя, / краса девичья!..*» (Х2д х 4) [Действие 5, явление 1]. В ее речи звучит поэзия народа: «Звезды небесные, закройте ваши *светлые глазки, пока пробегу я!*» (Дак4ж) [Действие 5, явление 5].

Исследователи не раз отмечали, что Лесков использовал дактили «как для стилизации и выделения речи “романтических” персонажей, так и вне конкретной функциональной закрепленности» [5]. Романтическую натуру Марины в пьесе также характеризует обилие дактилей в ее монологах.

Противостоящие трагическим героиням персонажи в обеих пьесах – личности властные, привыкшие подчинять себе других, не терпящие неповиновения. И Фирс Князев в драме Лескова, и Марфа Кабанова у Островского представлены как люди старой формации, чье время уходит, но они цепляются за прошлое, когда они чувствовали себя вольготно и никто не смел им возражать. Но если Кабанова только предчувствует перемены, то Князева уже настиг новый закон, положивший предел его безнаказанности. Роль Князева в пьесе Лескова – центральная, его монологи раскрывают характер человека подлого, коварного, склонного к интри-

Таблица 4

Сравнение монологов Князева и реплик Кабанихи

Монологи Князева	Тема	Кол-во слов	Реплики Кабановой	Тема	Кол-во слов
Действие 1, явл. 1	Возмущен письмом стряпчего из Петербурга	251	Действие 1, явл. 5	Обвиняет молодых в пренебрежении к матери	57
Действие 1, явл. 3	Рассуждает о женщинах, которых любит. Уверен, что Марина покорится	373	Действие 1, явл. 5	Ханжески кается в том, что напрасно упрекнула сына в неуважении к ней	58
Действие 1, явл.8	Планирует сделку продажи дома обернуть против Молчанова	133	Действие 1, явл. 5	Выговаривает невестке, что ее чувство к мужу показное	48
Действие 1, явл. 9	Радуется, что нашел выход из затруднительной ситуации	121	Действие 1, явл. 5	Упрекает сына в том, что тот хочет жить по-своему	59
Действие 2, явл. 8	Обвиняет Ивана Максимыча в расточительстве	133	Действие 1, явл. 5	Наставляет сына, что жена должна бояться мужа	94
Действие 3, явл. 3	Думает о Марине, которой он одержим	149	Действие 2, явл. 6	Сетует на молодежь, которая не уважает старых порядков	129

Таблица 5

Монологи Фирса Князева

№ монолога	Первый	Второй	Третий	Четвертый	Пятый	Шестой	
Кол-во слов	251	373	133	121	133	149	1160
Случ. метры	*Кол-во*	*Кол-во*	*Кол-во*	*Кол-во*	*Кол-во*	*Кол-во*	*Всего*
Ямб	10	15	5	9	5	8	52 (36%)
Хорей	11	7	11	1	6	4	40 (27%)
Всего двусложников	21	22	16	10	11	12	92 (64%)
Дактиль	2	10	7		2	2	23 (16%)
Анапест	3	6				2	11 (8%)
Амфибрахий	6	8	2	1	1		18 (12%)
Всего трехсложников	11	24	9	1	3	4	52 (36%)
Всего	32	46	25	11	14	16	144

Таблица 6

Развернутые реплики Марфы Кабановой

№ реплики	Первая	Вторая	Третья	Четвертая	Пятая	Шестая	
Кол-во слов	57	58	48	59	94	129	445
Случ. метры	*Кол-во*	*Кол-во*	*Кол-во*	*Кол-во*	*Кол-во*	*Кол-во*	*Всего*
Ямб	3		1	3	2	4	13 (23%)
Хорей	1	2	1	2	5	6	17 (30%)
Всего двусложников	4	2	2	5	7	10	30 (53%)
Дактиль	1		1	2	2	1	7 (13%)
Анапест	1	2	2	1	1	3	9 (16%)
Амфибрахий	2	3			2	2	10 (18%)
Всего трехсложников	4	5	3	3	5	6	26 (47%)
Всего	8	7	5	8	12	16	56

Таблица 7

Статистические данные по репликам Катерины в «Грозе» (3226 слов) и Марины в «Расточителе» (2706 слов)

Колич-во стоп	РЕПЛИКИ КАТЕРИНЫ					РЕПЛИКИ МАРИНЫ				
	Количество «случайных метров» - 349					Количество «случайных метров - 288				
	Я	Х	ДАК	АН	АМФ	Я	Х	ДАК	АН	АМФ
3-стопный			43	33	26			30	21	19
4-стопный	37	59	11	8	8	29	32	12	4	10
5-стопный	19	28	3	4	4	27	14	6	6	2
6-стопный	10	13	4	2	2	19	10	3		1
7-стопный	7	6		6		6	9		1	1
8-стопный	3	6			1	6	3		1	
9-стопный	2	1				4	3			
10-стопный	1							1		1
11-стопный										
12-стопный						4				
13-стопный	1	1								
14-стопный						1				
15-стопный						1				
16-стопный										
17-стопный										
18-стопный						1				
Всего	80	114	61	53	41	98	71	52	33	34
В процентах	23%	33%	17%	15%	12%	34%	25%	18%	11%	12%

гам. Он ловко манипулирует людьми, но не может обуздать свои инстинкты: «*А я вот... я все чувствую... как только вспомню про Марину... так физические нервы / мои болят. Особенно вот тут, вот в самых в пальчиках…*» (Я12ж+Я7д) [Действие 3, явление 3].

У Марфы Кабановой нет больших высказываний, но ее поучения молодым в пространных репликах звучат как бесконечный монолог, поскольку она никому из них не дает высказать свое мнение.

Несмотря на то, что количество слов в речи Князева в два с половиной раза превышает количество слов в репликах Кабановой, их речь в равной степени метризована. Однако в монологах Князева среди «случайных метров» преобладают ямбические фрагменты, а в репликах Кабанихи – хореические (см. таблицы 5 и 6).

Чтобы сделать окончательные выводы и выявить общие закономерности метризованных отрывков в речи героев, необходимо проанализировать не только их монологи, но и реплики в диалогах с другими персонажами, то есть общее количество произнесенных ими слов.

Сравнение данных по метризованным отрывкам в монологах Катерины и в общем количестве ее реплик подтверждает преобладание хореев над остальными размерами, им принадлежит третья часть всех «случайных метров». Сохраняется и постепенное убывание количества метрических фрагментов от ямба и дактиля к анапесту и амфибрахию. Большую часть «случайных метров» составляют 4-х и 5-ти-стопные ямбы и хореи, а также 3-х и 4-х-стопные трехсложные размеры. Анализ всего речевого материала делает более убедительным предположение о фольклорной основе речи героини Островского.

Совершенно противоположная картина выявилась после обработки всех реплик героини Лескова. На первый план среди «случайных метров» вышли ямбы, которые составили треть всех метрических фрагментов в ее речи, а хореи – лишь четверть. Дактилический размер, обильный в монологах, занял в общем объеме речи Марины третье место, амфибрахий сохранил небольшое преимущество перед анапестом. Большая часть метрических фрагментов, как и в репликах Катерины, падает на 4-х и 5-ти-стопные двусложные размеры и 3-х и 4-х-стопные трехсложники. Реплики Марины изобилуют метризованными фрагментами из ямбических цепочек, складывающихся в лирические строки:

«Все это я решила кончить. / (Я4ж)

Я с ним, как сказано, поеду в Петербург... / (Я6м)

поеду для того, чтоб поддержать его теперь... / (Я7м)

а там, как он с делами справится, / (Я4д)

я скроюсь... пропаду... со слуху сгину... / (Я5ж)

Он попечалится; тоска в делах пройдет…» (Я6м)

[Действие 4, явление 1].

В общении с другими персонажами Марина остается эмоционально взволнованной, но ее речь приобретает новые черты. Автор подчас придает ее репликам, как и репликам Князева, некую пафосность, высокопарность.

Марина: *Воды мне!.. снегу!.. льду!.. Я умираю!.. / Везде... везде огонь... Огонь и тут и там, везде огонь...* (Я5ж+Я8м) [Действие 5, явление 9].

Таблица 8

Статистические данные по репликам Ф. Князева в «Расточителе» (2836 слов) и М. Кабановой в «Грозе» (1442 слова)

Колич-во стоп	РЕПЛИКИ ФИРСА КНЯЗЕВА					РЕПЛИКИ МАРФЫ КАБАНОВОЙ				
	Количество «случайных метров» - 309					Колич-во «случайных метров - 174				
	Я	Х	ДАК	АН	АМФ	Я	Х	ДАК	АН	АМФ
3-стопный			26	15	23			19	16	12
4-стопный	27	30	12	4	9	18	31	5	5	8
5-стопный	32	15	3	1	1	11	21	1	2	
6-стопный	20	8	3	2		3	10	1		
7-стопный	14	8		1		4	5		1	
8-стопный	7	9					1			
9-стопный	4	5								
10-стопный	3									
11-стопный	2	3								
12-стопный	3	1								
13-стопный	6	1								
14-стопный	2	1								
15-стопный		2								
16-стопный	1									
17-стопный	1	1								
18-стопный	1									
Всего	124	84	44	23	34	36	68	26	24	20
В процентах	40%	27%	14%	8%	11%	21%	39%	15%	14%	11%

Князев. *Что ж это вы меня живьем, что ли, хотите в руки выдать! / Ты говоришь, что поздно красть! Так я же буду резать! жечь!.. душить!..* (Я8ж+Я9м) [Действие 1, явление 6].

Поэтическое искусство 19 века отдавало предпочтение ямбам, на что указывал в своих исследованиях М.М. Гаспаров: в 1830–1870-х годах ямбическая поэзия составляла 51,5% всех стихотворных текстов, в то время как хореями было написано только 23% стихотворных текстов [2, с. 51]. Лесков сознательно выстраивал метрические отрывки своей пьесы, ориентируясь на эту тенденцию, так как считал «что проза – это одна из форм поэзии, по крайней мере, род творчества, никак не противостоящий поэзии» [5]. На присутствие ямбов в прозе Лескова указывал еще М.П. Штокмар, исследуя роман «Островитяне» [8].

Преобладание ямбов среди «случайных метров» в монологах Фирса Князева и хореев в пространных репликах Марфы Кабановой убедительно подтверждается на материале общего объема их речи, подвергнутой анализу (см. табл. 8).

Обилие ямбов в речи Князева и хореев в речи Кабановой по сравнению с другими «случайными метрами» в процентном соотношении оказывается почти одинаковым. Однако ритмические характеристики речи по-разному окрашивают их образы: Марфа Кабанова неотделима от той среды, корни которой уходят в народный быт и в которой домостроевские понятия регламентируют неписаные законы жизни. Фирса Князева трудно представить человеком патриархальных привычек. Он давно утратил связь со своими корнями, приобрел лоск и даже употребляет в речи иностранные слова. Он говорит, тщательно подбирая слова, которые без промаха бьют в цель. Автор намеренно придает его речи ритмическое разнообразие, однако обилие ямбических цепочек носит функциональный характер. Ю.Б. Орлицкий пишет об ироническом употреблении ямба Лесковым в ряде его прозаических произведений и в пьесе «Расточитель», где автор дистанцируется от героев-«романтиков» [4]. Фирс Князев далеко не романтический герой, но он также вызывает неприятие автора. Вот почему ямбическая тенденция в репликах героя иронически работает против него.

Князев: *…Беги сюда хоть ночь, хоть за полночь... / да не ломись двором, где люди видят, а оттуда, знаешь, с выгона подергай за веревку. / Я сам тебя впущу в садовую калитку* (Я4д+Я13ж+Я6ж) [Действие 1, явление 2].

Таким образом, и Лесков, и Островский организуют речь персонажей не только лексически и синтаксически, но и на ритмическом уровне, добиваясь максимальной достоверности их образов.

Библиографический список

1. *Бейли Джеймс*. Избранные статьи по русскому народному стиху. Пер. с англ. под общей ред. М.Л. Гаспарова. – М.: Языки русской культуры, 2001.

2. *Гаспаров М.Л.* Современный русский стих. Метрика и ритмика. – М.: 1974.

3. *Лесков Н.С.* Расточитель // Н.С. Лесков. Полное собрание сочинений. В 30 тт. Т. 5. – М., 1998. – С. 390–484.

4. *Орлицкий Ю.Б.* О функциях силлабо-тонического метра в прозе Н. Лескова (предварительные замечания) // Творчество Н.С. Лескова в контексте русской и мировой литературы. – Орел, 1995. – С. 42.

5. *Орлицкий Ю.Б.* Функции силлабо-тонического метра в романе Н.С. Лескова «Обойденные» // Ученые записки. Т. III. Лесковский сборник. – Орел: ОГУ, 2006.

6. *Островский А.Н.* Гроза // Островский А.Н. Пьесы. – М., 2006. – С. 185–240.

7. *Холшевников В.Е.* Случайные четырехстопные ямбы в русской прозе // Холшевников В.Е. Стиховедение и поэтика. – Л., 1991. – С. 75–84.

8. *Штокмар М.П.* Ритмическая проза в «Островитянах» Лескова // Ars poetica. II. Стих и проза. Сб. статей под ред. М. Петровского и Б. Ярхо. – М.: Изд. Гос. Академии Худож. Наук, 1928.

УДК 882.09

Котлов Александр Константинович
кандидат филологических наук
Костромской государственный университет им. Н.А. Некрасова
ak_kotlov@inbox.ru

АНТИБЮРОКРАТИЧЕСКИЕ МОТИВЫ И ОБРАЗЫ В «КАЗЕННОЙ СКАЗКЕ» ОЛЕГА ПАВЛОВА

В статье в контексте русской литературной традиции рассматривается антибюрократическая тема и связанные с нею мотивы и образы как основа социально-философской проблематики «Казенной сказки» современного прозаика О. Павлова.

Ключевые слова: *тема, мотив, система образов, русская литературная традиция, О. Павлов, «Казенная сказка».*

«Традиционной» для русской литературы стала антибюрократическая тема, воплощение которой чаще всего отмечено сатирическим пафосом (в XIX веке – Гоголь, Салтыков-Щедрин, Чехов и др.; в XX – Маяковский, Аверченко, Черный, Булгаков, Зощенко и др.). Эпитет «казенная» в заглавии произведения Павлова уже соединяет «Сказку» с этой традицией, так как «казна, казенный» и тем более «казенщина» – в современном русском языке слов*а* с подчеркнуто неодобрительной стилистической окраской. Причем на Руси путь от исходного значения слова «казенный» – «государственный» – к таким переносным, как «формальный, бюрократический» и «лишенный индивидуальных особенностей, шаблонный, стандартный» [10, с. 14], оказался вовсе не долгим. По-видимому, с укреплением русской государственности изменялось и отношение к казне и людям, якобы блюдущих ее интересы. Так, в некоторых русских сказках А.Н. Афанасьева солдат, аттестуя себя как человека казенного, не без самоиронии произносит: «Ничего! Солдат – казенный человек, а казенное ни в воде не тонет, ни в огне не горит»; или (в другой сказке): «Нет, голубушка! Солдат – человек казенный; их есть нельзя» [тексты сказок см.: 7]. Примечательно, что обе процитированные сказки входят в раздел «Рассказы о мертвецах (Страшные сказки)». Не менее страшной окажется и павловская сказка.

Как солдат в народных произведениях, собранных А.Н. Афанасьевым, все превозмогающий и не пасующий ни перед какими невзгодами, живет и главный герой «Казенной сказки» Иван Яковлевич Хабаров, не серчая на армейские тяготы, вовлеченный в подневольную государеву службу сначала в чине старшины. При этом автор замечает: «Да будет известно, что в старшины попадается совестливый человек, труженик, который все выдюжит, сколько бы ни взваливали, и притом не уберегая своего живота, не пьянствуя, не воруя из общего котла или распяленного казенного кармана» [8, с. 6]. Тем печальнее, что «казенная машина» [с. 54] безжалостно перемелет кости этого труженика, теперь в чине капитана. Данный конфликт отнюдь не равных сил составляет основу внешнего, социального конфликта в повести, безусловно, не ограниченной только подобной коллизией, приобретающей в произведении характер общенациональной.

Кажется, героя отличают покорность и безволие: «Иван Яковлевич Хабаров явился на казенную службу не по расчету или принуждению…»; «Поворачивать некуда, надо терпеть» [с. 6, 7]. Однако не стоит забывать и авторское уточнение после первой из этих фраз: «хоть добрая воля мало что прибавляла» [с. 6]. У героя нет развернутой предыстории в той части, что касается его детства, родителей. Судьбу Хабарова с юности определяет государство. Почему же так безропотно принимает герой подобное развитие своей жизни?

О безрадостном житье-бытье в деревне опосредованно говорится: «Хабаров родился *у простых людей*, которыми и назван был как проще. Не имел семи пядей во лбу, *не имел готового наследства* и уже поэтому увяз в той гуще, из которой появился на свет. Суждено ему было, вот уж правда, замешаться в ней комком» (здесь и далее курсив в тексте произведения наш. – *А.К.*) [с. 7]. Нет в повести ни родительских наказов, ни примеров из жизни в деревне. Но есть главное – то, что сформировалось в нем, в сознании и в душе, и что опосредованно определяется поведением капитана.

Именно оттого его психологию отличают те черты, что присущи русскому народному сознанию. Для него далеко не пустой звук нравственные императивы, что приведены нами выше в характеристике его как старшины. Попав в караульную роту, герой «скоро понял, что никакой службы здесь нет. А есть одно лихо *на всех*…». Но «искать виноватых, увиливать» герой «не умел» [с. 9]. Последнее слово говорит не об отсутствии «навыка», а о врожденной стыдливости Хабарова. Оно употреблено не в значении отсутствия «умения делать что-л. благодаря знаниям или навыку к чему-л.» (за свои отнюдь не малые годы он видел всякое – «научиться» мог бы). Здесь другое: не «быть в состоянии», не «мочь сделать что-л.». В современном словаре, кстати, это значение дается как «устаревшее» [11, с. 491], тогда как у В.И. Даля «уметь» – это, прежде всего, «знать, понимать, разуметь», а потом уже идут другие значения этого слова [4, с. 497]. Пото-

© Котлов А.К., 2012

му, видя, по всей вероятности, совсем другое, «Иван Яковлевич не любил лагерного начальства, не уважал выездных судов… Это же горе, и присутствовать при нем должны, как на похоронах, разве что родные и близкие, кому дорог, а не выставлен на показ, под плевки этот одинокий человек» [с. 10].

В герое стойко понимание жизни миром. Оттого-то в забытом на краю земли и, кажется, проклятом месте, «там, где могли бы только помереть в одиночку, жили *скопом*, укрепленные теснотой, что не давала упасть даже мертвому» [с. 10]. Не случайно в словаре В.И. Даля есть и такое диалектное слово, отмеченное собирателем в архангельских говорах, как «скоп (скопка)» – «сбор, сходка, мир на сходке, на думе» [4, с. 192]. В современном же языке «скопом» – разговорное наречие, обозначающее «все вместе, сообща» [11, с. 116]. Герой повести Павлова из породы тех русских людей, что по-каратаевски, по-шуховски чувствуют себя частью общего мира, не позволяя себе быть бесполезными: «За себя он не боялся, скоро ведь уж была пенсия. Однако спокойней Хабарову в земле сохнуть, если бы знал, что была и от его жизни *польза* какая-нибудь *для людей*» [с. 21]. И мысль о возможности вырастить картошку и накормить оголодавших солдатиков овеществляет эту мысль Хабарова.

Столкновение человека с миром казенщины – тот конфликт, что движет, как уже сказано, внешний сюжет. Но волею судьбы Хабаров и сам человек «казенный», живущий в канцелярии, он сам часть огромной казенной машины, часть, естественно, «чернорабочая». Оттого солдаты относятся к нему несколько отчужденно – все-таки начальник: «был чужим, его боялись или уважали» [с. 13]. В то же время он своей манерой командовать подчиненными в силу обстоятельств отнюдь не всегда по уставу выбивается из общего ряда, и история с картошкой лишь самое яркое выражение подобных взаимоотношений. Следовательно, и психологический конфликт, раскрывающий внутренний мир главного героя повести, неизбежен.

Символическим образом, воплощающим государственную власть, на первый взгляд, является Скрипицын. В то же время мир бюрократии в «Сказке» сложнее, вспомним Победова, Добычина, а именно: можно увидеть гоголевскую «трехкомпонентность» воссоздания образа давящей казенной жизни. Вспомним сначала мир «тоненьких» и «толстых» чиновников города NN («Мертвые души»): «существование» первых «как-то слишком легко, воздушно и совсем ненадежно», вторые же «уж если сядут где, то сядут надежно и крепко, так что скорей место затрещит и угнется под ними, а уж они не слетят» [3, с. 139]. Кроме того, «венчает» образ чиновничьей России в гоголевской поэме «вельможа» (он же: «государственный человек», «министр», «генерал») в «Повести о капитане Копейкине» (в редакции, запрещенной цензурой). В «Казенной сказке» подобную функцию в сюжете выполняет образ генерала Добычина. (По словам, О. Славниковой, «Гоголем …пронизана вся “Казенная сказка”» [9].) Скрипицын у Павлова, таким образом, лишь «винтик казенной машины», по определению С. Крыловой [5, с. 166].

Образ этого героя соткан из легко узнаваемых предметных художественных деталей, которые в контексте русской литературной традиции воспринимаются некими символами: портфель, бумаги, шинель, стол, – и создают важную часть своего рода мифологемы «государство», рассматриваемой чаще всего сквозь призму бюрократической темы (вернее, антибюрократической). По словам О. Славниковой, «всякое сравнение, относимое к Скрипицыну, работает в тексте как заклинание» [9]. Это происходит в том числе и благодаря глубокой укорененности в сознании русского человека этих бюрократических знаков. Так, портфель как символ встречается очень часто в литературе 20-х – начала 30-х годов XX века. Можно вспомнить обыгрывание данной детали в «Мандате» Н. Эрдмана («Ну, с портфелем, Павел, и без билета всюду пропустят»), «Собачьем сердце» («Ошейник – все равно, что портфель!») М. Булгакова (кстати, смех Скрипицына однажды автор сравнивает с «дыханием бегущей по следу овчарки» [с. 67]) и многих других произведениях. В популярной в те годы пьесе А. Файко она в заглавии – «Человек с портфелем». Ее мы видим и в центре анекдотической истории М. Зощенко «Парусиновый портфель». Даже в знаменитом фильме Г. Александрова «Весна» звучит шуточная песня, где герой все тот же – человек с портфелем.

В «Казенной сказке» конца XX века узнаваемый «говорящий» предмет значительно трансформирует образ Скрипицына, появляясь в его руках, – и вот уже «средненький» [с. 36] человек разительно преображен: «Стоя с ним, возвышаясь на крыльце, и сам Скрипицын вмиг обрел новый вид. *Нечто тяжелое, вместительное* явилось и в его сутуловатой фигуре, и в руках, похожих на весла» [с. 39]. Не меняется лишь взгляд: «с любопытством и брезгливостью» [с. 36, 40] герой смотрит на окружающих его людей. Однако сам портфель – «из рода обыкновенных, делающих и человека существом невзрачным, унылым» [с. 39]. Почему же одних этот предмет усредняет, тогда как Скрипицына – «возвышает»? Здесь не глупо-напыщенное самомнение булгаковского Аллилуи («Зойкина квартира») – «Ты видишь, я с портфелем? Значит, /лицо/ должностное, неприкосновенное. Я всюду могу проникнуть» [2, с. 162]. У Павлова: «Обтертый будто наждаком, давно потерявший крепкую форму, этот портфель *служил явно сверх положенного срока, что придавало ему зловещий вид*. Он походил на короб, и казалось, что *приспособлен был уже для переноски тяжестей*, а не бумаг» [с. 39].

Содержимое портфеля, а не сам по себе предмет играет здесь роль (см. явные переклички: портфель – «*приспособлен был для переноски тяжестей*»; герой – «*нечто тяжелое, вместительное*»). Если помнить о том, что портфель особиста наполнялся не простыми бумагами, а вроде тех, что привез Скрипицын, где за строками анонимок, доносов, приказов встают людские судьбы, понятно указание на его «зловещий вид» – зло вещающий. Это впечатление усиливается сравнением героя (с этим портфелем в руках) с фельдшерами «в безвестных армейских госпиталях», теми лекарями, «которые если лечат, то калечат». А в их портфелях – «не иначе как набор пилок и молотков – инструмент» [с. 40]. Палачом (а потом и «фельбшером») для Хабарова, обреченного на его «пытки», станет и Скрипицын.

Такая деталь, как портфель, сопровождает образ данного героя и далее в главе «Товарищ Скрипицын»: «установил портфель» [с. 41]; «потянулся рукой за портфелем, заглянул в его глубь и, всунув затем руку чуть не по локоть, разворошил глухую утробу и вытащил наружу картонную папку» [с. 42]; «запрятал все обратно в портфель», «схватил в охапку портфель» [с. 46].

Совсем иначе та же деталь представляет этого героя в штабе полка (глава «Государственное дело»): рядом с «толстым» – полковником Победовым. Здесь портфель – уже «жалкий и уродливый». Его Скрипицын «не выпускал из рук, точно меньшого брата» [с. 58]. А после этой сцены, когда особист, кажется, ушел, взгляд Победова «как бы столкнулся с мешковатой, *скривленной портфелем* фигурой, что вдруг вроде бы выросла в тусклом штабном коридоре наподобие пугающей тени…» [с. 64]. Здесь портфель – знак причастности Скрипицына к канцелярскому миру, и герой опасается утратить эту связь.

В главе «Новые времена», описывающей «ревизию», проводимую генералом Добычиным, портфеля в руках героя нет: он отстранен от дел, перед генералом – человек, «похожий на приговоренного к расстрелу, поглупевший, с какой-то рыбьей холодной тяжестью, ушедшей в почти безумные, широко распахнутые глазищи» [с. 137]. На голову Скрипицына обрушится сначала гнев генерала, чтобы затем этот же «барин» перед самым отъездом из полка объявил ему свою «милость»: благодаря «угрюмо» брошенному на ходу слову о нем, «винтик» будет вновь вкручен в «казенную машину» – без него нельзя, так как последняя и рассыпаться может.

Дополняет образ казенщины и такая традиционная деталь, как бумаги (деталь вновь традиционная; вспомним, например, гротесковую картину в «Бумажных ужасах» В. Маяковского). Так, доносы на самоуправство капитана, позволившего себе без приказа накормить вволю своих солдат не гнилой, а свежей картошкой, предстают бумагами, «похожими на чьи-то содранные шкурки» [с. 42]. Власть этих бумаг, по мысли человека, облеченного хотя бы малой властью, и заключается в том, чтобы «шкуру содрать» со своевольного капитана или ему подобного служаки.

Бюрократ, как свидетельствует «Словарь синонимов русского языка» Т.С. Алиевой, – это и «бумажная (чернильная) душа» [1, с. 37]. Данный метафорический образ может ярко представить неуловимый характер Скрипицына, являющегося на страницах повести то «развернутым», то «скомканным». Перед Хабаровым и солдатами он и «рявкнуть» может [с. 47], а в расположении полка, как увидим позже, уподобляется юркой мыши. При этом сам образ «бумажной души» в повести зеркально отражается в своей противоположности: для штабных, конечно, не они сами, а те, кто в их подчинении, не живые, а «бумажные души». (Семантический «перевертыш» наподобие гоголевских «мертвых душ».) Не случайно все три комнатки, где царствует Победов, «загружали …несгораемые шкафы с тайными бумажными душами» [с. 66].

Причем Хабаров и Скрипицын совершенно поразному выказывают свое отношение к бумагам. Капитан «взял *с огорчением* все бумаги без разбору» [с. 42]; «когда бумаги были прочитаны, Хабаров разложил их *молча* на столе» [с. 43]; «*со всего размаху смел* со стола застелившие его доносы» [с. 45]. Особиста же «*заворожило*, как *просто и легко* капитан скинул на пол бумаги, что еще легче могли бы его погубить, пущенные в ход. / Могло показаться поэтому, что капитану было известно даже нечто посильнее этих бумаг. / Присев, особист принялся *пугливо* собирать с пола свои документы» [с. 45]. Что-то богатырское чувствуется в тех словах, что определяют поведение Хабарова: расправа с чиновничьей бумагой видится не иначе как богатырским подвигом. Оттого Скрипицын «заворожен» происходящим и одновременно испуган: Хабаров так «просто и легко» расправился с казенными бумагами. Одного в своей простоте не учел капитан: не несколько бумажек встали против него, а весь казенный механизм готов заменить его на нечто более надежное. Вспомним, как изображает этот «механизм» Гоголь в седьмой главе «Мертвых душ» (сцена посещения Чичиковым и Маниловым присутственных мест), когда «какая-то светло-серая куртка» «выписывала бойко и замашисто какой-нибудь протокол об оттяганье земли или описке имения» [3, с. 244]. Такой же «светло-серой курткой», пишущей то, что решит впоследствии людские судьбы, является у Павлова Скрипицын. Лишь меняется на более узнаваемый тот атрибут, что сопровождает героя, – шинель.

Шинель в русской литературной традиции с гоголевских времен становится в том числе и символом «футляра» чиновничьей жизни. Когда главный

герой распахнет дверь перед Скрипицыным, особист – «в шинели», в то время как он сам – «полуголый» [с. 41]. «Защищенность» одного символически контрастирует с уязвимостью другого. Однако, поскольку речь идет об армейской жизни, то и сама деталь прочитывается двояко: шинель – это предмет, с одной стороны, связывающий в повествовании армейскую казенщину с чиновничьей, а с другой – задающий иной тон в повествовании о русском капитане.

Почему «шинель не красила» Скрипицына, «а как раз обнаруживала всю его нескладность», вызвав улыбку на лице караульного «татарчонка» [с. 36]? Это *армейская* шинель «не красит» Скрипицына. Он вовсе не честный служака наподобие Хабарова, а, как выяснится, чиновник от армии, особист, работающий с людьми, как с бумагами. Не случайно после варварского уничтожения картошки в степи в штабе перед Победовым он предстанет в грязной шинели – замаранной, как мы понимаем, в том числе и подлостью: «…Вся шинель его была в бурой степной грязи, ошметья которой прилепливались орденами прямо на грудь» [с. 59].

Цвет шинели Скрипицына и особенности его психологического портрета позволяют автору повести развернуть и еще одно сравнение особиста – с мышью. Таковым он покажется, конечно же, не в сцене противостояния с Хабаровым, а в штабе – там, где «тонкий» Скрипицын на глазах меняется, превращаясь практически в призрак, в незаметную мышь: «Уменьшившись, сжавшись, Скрипицын *юркнул* в штабную дверь, *точно мышь в половичную щель*. Чтобы пробраться в штаб, такой ловкости не требовалось, но подавленный случившимся (самовольным уничтожением картошки. – *А.К.*) особист так и *чувствовал себя – мышью*». Глаголы, описывающие действия Скрипицына, развивают заявленный мотив: «шмыгнул», «замер», «пробежал», «затаился» [с. 56].

Интересно, что писарице, вышедшей из канцелярии и напуганной неожиданным появлением героя, он мог показаться «не мышью, а крысой» [с. 56]. В цитированном словаре Т.С. Алиевой у слова «бюрократ», помимо всего прочего, указан и синоним «чернильная крыса» [1, с. 66], а в обиходной речи частотно неодобрительное «канцелярская крыса». Подобные смысловые ассоциации проявляют символику эпизода смерти Победова, фактически преданного сослуживцами и забытого в армейском клубе: «За ту ночь голодные клубные крысы погрызли умершему полковнику ноги, сожрав с них прежде яловые офицерские сапоги, от которых остались под столом президиума куски каменных подошв и гвоздики» [с. 136].

Мыши живут и в канцелярии Хабарова, которая давно стала для капитана и единственным его приютом. Они явятся в повествовании именно в тот момент завязки действия, когда бессонной ночью капитан ждет утра, чтобы отправить ничего не подозревающих солдат сажать картошку: «По канцелярии рыскали голодные мыши и грызли, то есть брали на зубок, все нехитрое канцелярское оборудование» [с. 22]. Появление этого образа «в начале славных дел» героя выглядит дурным знаком. Мышь – древний мифологический образ, соединенный в некоторых верованиях и гаданиях с приходом беды. По словам В.Н. Топорова, «часто с мышью связываются предзнаменования смерти, разрушения, войны, мора, голода, болезни, бедности» [6, с. 190]. Даже в сцене после молитвы Хабарова перед днем уборки картошки «ответный» тихий шепот, почудившийся герою, по словам автора, возможно, был лишь от тех же мышей: «Может, это мыши скреблись да шуршали…» [с. 30].

Эта сцена в чем-то объясняет, почему оптимистическое окончание эпизода с картошкой является ложной кульминацией данной истории. В «светлой тишине» наступающего утра, после молитвы, «жалко Хабарову было *себя*», да такой была эта «нечаянная жалость», «что даже спохватывало дыхание» [с. 30]. Только в главе «Зимний подвиг» кульминация истинна: герой сознательно жертвует собою, отводя беду (в случае мятежа) не от себя (ему терять нечего), а от солдат. Не случайно С. Крылова не соглашается с О. Славниковой [5, с. 165], утверждавшей, что «картошка для Хабарова то же, что шинель для Башмачкина» [9]. Думается, для героя во второй главе повести подобное соотнесение все же истинно: ему еще необходимо «снять» с себя шинель Башмачкина, чтобы, когда весной его найдут, быть только в армейском мундире.

О. Славникова, кроме того, отнюдь не считает Скрипицына «антиподом» Хабарова. По ее мнению, он – «изнанка и оболочка каждой ситуации, каждого героя романа» [9]. Да, у Хабарова и Скрипицына, например, есть нечто родственное. Так, они оба бессемейны, «бездомны»: ни слова в повести о родственниках капитана – детдомовец особист («…У тебя есть отец, мать?» – «Отсутствуют…»); оба (кто больше, кто меньше) живут в канцелярии; и тот, и другой – служивые люди. Однако, как мы отметили выше, если Хабарова воспитала русская деревня, то Скрипицына – государство, а потому и нравственные посылы в жизни этих героев разные, потому и получает в финале повести один из них *дом* (комнату), а другой – *домовину* (гроб). (На значимость подобной образно-смысловой «паронимичности» в прозе Павлова указала Ю. Щербинина [12].)

Образ Скрипицына, безусловно, многопланов: реалистически усложняют данный характер и сцена в канцелярии (слово «отец», обращенное к решившему умереть Хабарову, забота о нем), и эпизод похорон капитана, организованных особистом. В то же время в конце последнего эпизода мы ви-

дим неспособность этого героя к перерождению: «После парада Скрипицын, равнодушный ко всему вокруг, шатаясь и что-то с обидой бормоча, ходил у ставшей одинокой могилы капитана, *но потом вдруг отрезвел, огляделся – и пошагал прочь*» [с. 163]. Не «по пути» этим героям, остающимся все-таки антиподами.

Таким образом, на наш взгляд, именно антибюрократическая тема в повести с многозначительным заглавием «Казенная сказка» организует систему образов и становится основой для развития общенациональной и метафизической проблематики произведения.

Библиографический список

1. *Алиева Т.С.* Словарь синонимов русского языка. – М.: ЮНВЕС, 1999. – 480 с.

2. *Булгаков М.А.* Пьесы 1920-х годов. – Л.: Искусство, 1989. – 591 с.

3. *Гоголь Н.В.* Избранные сочинения: в 2 т. Т. 2 / примеч. Ю. Манна. – М.: Худож. лит., 1978. – 477 с.

4. *Даль В.* Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. Т. 4. – М.: Рус. яз., 1991. – 683 с.

5. *Крылова С.* Архетип героя в повести Олега Павлова «Казенная сказка» // Studia Rossica Posnaniensia. – 2011. – Vol. XXXVI. – P. 161–171.

6. Мифы народов мира. Энциклопедия: в 2 т. / гл. ред. С.А. Токарев. – М.: Рос. энциклопедия, 1994. – Т. 2. – 719 с. с ил.

7. Народные русские сказки А.Н. Афанасьева: в 3 т. Т. 3. – М.: Наука, 1985. – С. 60–70; 75–82.

8. *Павлов О.* Казенная сказка. Повесть // Павлов О.О. Повести последних дней: трилогия. – М.: ЗАО Изд-во Центрполиграф, 2001. – 494 с. (В тексте статьи произведение цитируется по данному изданию с указанием страницы.)

9. *Славникова О.* Повесть о капитане Хабарове // Урал. – 1996. – № 2 (Публикации в «толстых» журналах цитируются по электронным версиям с сайта: http://www.magazines.russ.ru.)

10. Словарь русского языка: в 4 т. / под ред. А.П. Евгеньевой. – 3-е изд., стереотип. – Т. 2. – М.: Русский язык, 1986. – 736 с.

11. Словарь русского языка: в 4 т. / под ред. А.П. Евгеньевой. – 3-е изд., стереотип. – Т. 4. – М.: Русский язык, 1988. – 800 с.

12. *Щербинина Ю.* Сквозное сердце: Очерк творчества Олега Павлова // Знамя. – 2012. – № 3.

УДК 821 (470.64)

Кушхова Асият Лиуановна
Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова
asya_kushhova@mail.ru

СЮЖЕТНО-КОМПОЗИЦИОННЫЕ ОСОБЕННОСТИ РОМАНА «ВЕРШИНЫ НЕ СПЯТ» А. КЕШОКОВА

Статья посвящена исследованию сюжетно-композиционных особенностей романа «Вершины не спят» кабардинского писателя А. Кешокова.

Ключевые слова: *роман-эпопея «Вершины не спят», сюжет и композиция, антитеза, вставные конструкции, форма «хабара», хронотоп, диалоги и монологи.*

Алим Пшемахович Кешоков (1914–2001) занимает в истории кабардинской литературы особое место. Поэт, прозаик, драматург, публицист, литературный критик, автор произведений для детей, он многое сделал для формирования родной художественной словесности, совершенствования кабардинского литературного языка.

Историко-революционный роман «Вершины не спят» занимает в творческом наследии писателя особое место как первое крупномасштабное эпическое полотно. Произведение состоит из двух частей – «Чудесное мгновение» (1958) и «Зеленый полумесяц» (1965).

Действие в романе «Чудесное мгновение» начинается вскоре после Зольского восстания 1913 года: «Не успела еще сойти та луна, при зарождении которой окружной суд приговорил отца Эльдара, табунщика Мурата, …к ссылке в Сибирь» [5, с. 8]. Временные рамки произведения охватывают период с Зольского восстания до установления советской власти в Кабарде. Причем упоминание о событиях 1913 года – это не только дань прошлому, но и художественное средство создания эпического фона, масштабности действия.

Первая часть «Чудесное мгновение» получает продолжение в романе «Зеленый полумесяц» (1965), в котором изображается послереволюционная жизнь аула Шхальмивоко. Первую и вторую части дилогии объединяют общая идейно-тематическая направленность и герои, переходящие из одного романа в другой: Астемир, Думасара, Лю, Тембот, дед Баляцо, Казгирей Матханов, Инал Маремканов и многие другие.

Между романами «Чудесное мгновение» и «Зеленый полумесяц» «по логике описываемых событий и логике характера одного из главных героев – Жираслана – «вклинивается» роман «Сабля для эмира» [7, с. 73], однако мы рассматриваем «Вершины не спят» именно как дилогию, а «Саблю для

© Кушхова А.Л., 2012

эмира» как отдельный историко-революционный роман, посвященный процессу самоопределения абрека Жираслана в новой действительности.

«Вершины не спят» – это роман-эпопея о напряженном историческом времени в жизни кабардинского народа. Реалистическое воспроизведение действительности и воплощение авторского замысла поддерживает поэтика произведения. Своеобразной является композиционная форма, которую избирает писатель для повествования: роман состоит из отдельных новелл-хабаров, связанных друг с другом идейно и тематически. Жанровую форму «хабара» Кешоков заимствует из адыгского фольклора.

Жанр «хабара» (каб. «хъыбар») становится для национальных литератур фундаментом в период зарождения эпических жанров литературы: рассказа, новеллы, повести, а впоследствии и романа. «Как известно, первые адыгские романы создавались как циклы разрозненных новелл, лишь потом образуя романное целое» [8, с. 250], – пишет Ю.М. Тхагазитов. Он же называет написание «Вершин…» в форме «хабаров» «закономерным этапом» на пути развития кабардинской литературы.

В романе «Вершины не спят» автор выступает в роли рассказчика, делящегося с читателем историей о своих «добрых знакомых». Вообще, само понятие «хабар» (в переводе с каб. – «новость», «известие») предполагает наличие реального происшествия, о котором рассказывается.

«Информационный» аспект фольклора отмечает и Е.М. Мелетинский: «Исполнение произведения является передачей некоего сообщения – из прошлого в настоящее, от предков к потомкам, от богов (духов) к людям, и, соответственно, в семантике жанрового термина заключены такие понятия, как «сообщение, известие, весть»: чукотское пыныл – «вести», энецкое деречу – «весть, известие» и т.п.» [6, с. 210].

В «Вершинах…» применение фольклорной конструкции «хабара» придает повествованию непринужденность, течению сюжета – естественность, простоту и легкость в общении «автор – герои – читатель».

Перейдем к особенностям пространственно-временной организации дилогии «Вершины не спят». Художественное время и художественное пространство, как известно, – это основные категории произведения, которые воссоздают реальную действительность в тексте средствами языка. Пространство и время в произведении искусства выступают взаимосвязанными и взаимодействующими системами, благодаря которым художественный мир предстает перед нами как целостность. Для обозначения единства времени и пространства М.М. Бахтин ввел в литературоведение понятие «хронотоп»: «Существенную взаимосвязь временных и пространственных отношений, художественно освоенных в литературе, мы будем называть «хронотопом» (что значит в дословном переводе «времяпространство»). Хронотоп мы понимаем как формально-содержательную категорию литературы» [2, с. 234].

Время и пространство в творчестве А. Кешокова характеризуются тем, что писатель соотносит данные категории не столько с широкими абстрактными понятиями «история», «революция», сколько с главным объектом своего изображения – человеком. Автор художественно осмысливает отношения «человек – история», «человек – природа», «человек – время» и др. Как двигается «колесо истории»? Может ли человек управлять движением истории? Как изменяется жизнь? И как вообще время меняет человека?.. На эти и на многие другие вопросы писатель пытается дать ответы в своих произведениях.

Исторические события показаны сквозь призму жизни одной семьи, одного села, общее сочетается с частным, этнографические детали и подробности быта кабардинского села – с широкоохватностью, внутренние тонкости психологических переживаний героев – с внешним, обобщенным показом происходящих в стране перемен.

Необходимо отметить динамичность сюжетно-композиционной организации «Вершин…». В романном тексте присутствует пейзаж и достаточно развит портрет, тем не менее, действия и поступки персонажей, а также диалоги и монологи превалируют. Благодаря этому сюжет романа предстает не как застывшая, а как постоянно развивающаяся форма. Причем цепочка событий не всегда развивается линейно и последовательно. В романе много вставных конструкций: это легенды, притчи, вводимые в текст произведения. Нередко в основной сюжет включается другой, дополнительный, который позволяет раскрыть действие или характер глубже, представить его яснее.

Автор использует самые разнообразные приемы, средства и элементы композиции, которые способствуют наиболее полному раскрытию идеи произведения: это антитеза (в основном образная), диалоги и монологи, вставные конструкции (письма деда Баляцо, Казгирея Матханова, а также легенды и притчи), ретроспективный прием (главы «Предание о воздержанных и невоздержанных», «Старый Кургоко», история о свадьбе Астемира и Думасары), «зеркальный» прием (когда герои в настоящем видят свое прошлое отражение: Астемир, споры Инала и Казгирея), повторы (легенд, преданий, тем, образов), пространственно-временной континуум и т.д.

Не раз в критике отмечалось умение А. Кешокова «зримо и отчетливо слышно» воспроизводить естественную живую речь, строить острые и напряженные диалоги. В романе «Вершины не спят» писатель уделяет особое внимание такому средству характеристики персонажей как речь. Речь персо-

нажей – внешняя и внутренняя – индивидуализирована и является правдивым отражением не только их психологических переживаний, но и выступает мерилом нравственно-этических качеств героев, свидетельствует об уровне их внутреннего мира. «Среди всех средств изображения человека (его наружность, обстановка, жесты, поступки, переживания, относящиеся к нему события) особое место принадлежит внешней и внутренней речи действующих лиц… Прямая речь персонажей обладает поэтому возможностями непосредственного и как бы особенно достоверного свидетельства их психологических состояний» [4, с. 150], – указывает Л. Гинзбург.

Приведем характерные выражения речи, которые любит употреблять Инал Маремканов, руководитель большевиков: «Невозможно больше терпеть!»; «Не хотят – надо заставить»; «Вы не можете, найдутся такие, которые смогут, я и без голосования обойдусь»; «Не знаю, ничего не знаю, не хочу ничего знать»; «Найдем способ, раздавим этот орешек» [5, с. 190, 214, 215, 253] и т.д.

Очень часто в романе за внешним диалогом стоит другой смысловой план – более глубокий и значительный. Так, многозначен и символичен диалог Казгирея Матханова и Инала Маремканова, приведенный в главе «Реки текут в разные стороны». Дискуссия выражает заложенное во взаимоотношениях героев идеологическое противостояние. Непреодолимая пропасть между этими людьми рождена была еще в детстве, и это отнюдь не конфликт, основанный на кровной мести (отец Казгирея убил отца Инала), а противоборство двух сильных личностей, соревнующихся с малых лет. Два человека смотрят на мир по-разному, они мыслят неодинаково, различно представляют способы и методы управления, жизненные дороги их не должны пересекаться (любопытно сравнение с двумя реками, вышедшими из одного источника).

На образную антитезу как на композиционный прием, очень важный для национальной романистики и имеющий фольклорные истоки, обращали внимание в северокавказском литературоведении неоднократно. Так, А.Х. Мусукаева пишет, что использование антитезы особенно часто «на начальной стадии развития литератур, когда преобладает прямое, лишенное психологизма противопоставление враждующих персонажей» [3, с. 71]. Далее исследователь отмечает, что «в прозе 50–70-х годов этот, казалось бы, примелькавшийся прием находит совершенно новое применение как в композиции произведения, так и в решении других идейно-художественных задач» [3, с. 72]. Обогащение и обновление традиционного приема и его глубокую смысловую нагрузку в романе «Вершины не спят» подчеркивает и Л.А. Бекизова [1].

Антитеза «Инал Маремканов – Казгирей Матханов» сложна и трудноразрешима в силу своей психологической специфики. На протяжении дилогии автор не единожды сталкивает героев друг с другом, а также с окружающими. Неодинаковые точки зрения антиподы выражают в эмоционально насыщенных и символически емких разговорах и спорах. Здесь не только «видимый контекст ситуации», но и «внутренний психологический контекст» (термины Л. Гинзбург). Языковая стихия романа – необычайно живая, народная, сочная, выразительная, психологически насыщенная и напряженная, когда того требуют идейно-тематические «обстоятельства» художественного произведения.

Таким образом, дилогия А. Кешокова «Вершины не спят» – это художественная летопись, где правдиво раскрывается тема революции и гражданской войны в Кабардино-Балкарии. Сюжет и архитектоника произведения обусловлены основной идеей романа – художественно убедительно и реалистически верно воссоздать грандиозные события начала XX века. Многопроблемность романа и идейно-тематическая направленность, широта охвата действительности требуют достаточно сложного сюжета, что, в свою очередь, диктует определенные законы композиции произведения. Композиция выступает как органичная форма, в которую ложится емкое содержание о переломном этапе в судьбе кабардинского народа.

Библиографический список

1. *Бекизова Л.А.* Литература в потоке времени. – Черкесск: Карачаево-Черкесское отделение Ставропольского кн. изд., 2008. – 416 с.

2. *Бахтин М.М.* Вопросы литературы и эстетики. – М.: Художественная литература, 1975. – 504 с.

3. Всадник чести: А. Кешоков: Жизнь и творчество. – Нальчик: Эльбрус, 2003. – 288 с.

4. *Гинзбург Л.Я.* О литературном герое. – Л.: Советский писатель, 1979. – 221 с.

5. *Кешоков А.П.* Вершины не спят. Роман в двух книгах. – М.: Сов. Россия, 1970. – 448 с.

6. *Мелетинский Е.М., Неклюдов С.Ю., Новик Е.С.* Статус слова и понятие жанра в фольклоре // Историческая поэтика. Литературные эпохи и типы художественного сознания. – М.: Наследие, 1994. – С. 39–104 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.ruthenia.ru/folklore/meletneklgrinc.htm

7. *Мусукаева А.Х.* Северокавказский роман (художественная и этнокультурная типология). – Нальчик: Эльбрус, 1993. – 192 с.

8. *Тхагазитов Ю.М.* Эволюция художественного сознания адыгов. (Опыт теоретической истории: эпос, литература, роман). – Нальчик: Эльбрус, 2006. – 280 с.

УДК 882.09

Налетова Татьяна Борисовна
Костромской государственный университет имени Н.А. Некрасова
naletova.tatiana@ yandex.ru

ХРИСТИАНСКИЕ МОТИВЫ ВОЗМЕЗДИЯ И ПУТИ СПАСЕНИЯ ДУШИ В РАННЕМ ТВОРЧЕСТВЕ Н.В. ГОГОЛЯ

Автор статьи пытается показать, что христианские мотивы в раннем творчестве Н.В. Гоголя воплощают собой важнейшие концепции христианского мировидения – возмездия за грехи и пути спасения души.

Ключевые слова: *христианские мотивы, мотив возмездия, осмеяние, мотив пути спасения души.*

Вопрос о христианских мотивах в раннем творчестве Н.В. Гоголя важен и актуален. Духовно-нравственные аспекты произведений писателя раннего периода творчества были рассмотрены в научных работах В.В. Зеньковского, К.В. Мочульского, И.А. Виноградова, В.А. Воропаева, С.А. Гончарова, И.А. Есаулова и других исследователей. Проблема православного миросозерцания писателя была затронута в статье В.В. Лепахина «Икона в жизни и творчестве Гоголя». Эта статья играет немаловажную роль для понимания христианской направленности раннего периода творчества Н.В. Гоголя.

Икона – символ православного мира, скрепляющее звено между земным и небесным. Безусловно, в своём раннем творчестве Гоголь не обошёл стороной этот образ. В.В. Лепахин отмечает: «Особое внимание Гоголя к иконе не могло не отразиться на отношении к ней героев его художественных произведений» [8, с. 253].

В литературоведческих исследованиях, посвященных творчеству Н.В. Гоголя, прослеживается устойчивая тенденция – акцентировать особенности христианского мировоззрения, когда речь идет о последних годах жизни писателя, о периоде «Выбранных мест из переписки с друзьями» и, наоборот, анализируя его ранние повести, сосредоточивать внимание на славянской демонологии. Разумеется, эта точка зрения требует пересмотра.

В.А. Воропаев справедливо считает, что «раннее творчество Гоголя, если взглянуть на него с духовной точки зрения, открывается с неожиданной для обыденного восприятия стороны: оно не только собрание веселых рассказов в народном духе, но и обширное религиозное поучение, в котором происходит борьба добра и зла, и добро неизменно побеждает, а грешники наказываются (“Ночь перед Рождеством”, “Сорочинская ярмарка”, “Вий”). Эта же борьба, но уже в более утонченной форме, иногда со злом невидимым, – явлена и в “петербургских повестях”…» [2, с. 24]. Действительно, в творчестве Гоголя 1830-х годов борьба добра и зла имеет ключевое значение для понимания авторской концепции повестей, в финале которых мы слышим аккорды торжества доброго и благодетельного начал над злым. Противостояние этих двух начал в ранних повестях Гоголя тесно взаимосвязано с фольклорными и народными традициями. Но христианское мировоззрение автора «Вечеров на хуторе близ Диканьки» и «Миргорода», на наш взгляд, уже явно прослеживается на первых этапах его творчества.

Религиозная специфика раннего творчества Н.В. Гоголя связана с двумя важнейшими концепциями христианского мировидения – возмездия за грехи и пути спасения души. Соответственно, появляются в творчестве Гоголя мотив возмездия и мотив спасения.

По словам В.В. Зеньковского, Гоголь – «пророк православной культуры» [7, с. 14], чье творчество символизирует духовный порыв к христианизации всей жизни, преодолению ее несовершенств. Не случайно в письме к матери от 2 октября 1833 года из Петербурга, говоря о воспитании младшей сестры Ольги, Николай Васильевич замечал: «Внушите ей правила религии. Это фундамент всего». И далее Гоголь вспоминает один случай, навсегда оставшийся в его памяти: «Я просил вас рассказать мне о Страшном суде, и вы мне, ребенку, так хорошо, так понятно, так трогательно рассказали о тех благах, которые ожидают людей за добродетельную жизнь, и так разительно, так страшно описали вечные муки грешных, что это потрясло и разбудило во мне всю чувствительность. Это заронило и произвело впоследствии во мне самые высокие мысли» [2, с. 18]. Уместно здесь вспомнить слова К.В. Мочульского, относящиеся к детству Гоголя и оказавшиеся пророческими: «…его религиозное сознание вырастет из сурового образа Возмездия» [10, с. 20].

Возмездие как духовная категория установления справедливости в земном мире играет значимую роль в психологии раннего творчества писателя. Оно выполняет морально-нравственную функцию, ориентированную на исправление людских пороков путём воздаяния и наказания. В.А. Воропаев в монографии «Николай Гоголь. Опыт духовной биографии» отмечет: «Если брать нравоучительную сторону раннего творчества Гоголя, то в нем есть одна характерная черта – намерение вести людей к Богу путем исправления их недостатков и общественных пороков – то есть путем внешним. Вторая половина жизни и творчества Гоголя ознаменована направленностью к искоренению

© Налетова Т.Б., 2012

недостатков в себе самом – и таким образом он идет к более сложному и высокому, вступая на путь богословски оправданной аскетики...» [2, с. 25].

Гоголь полагал, что эстетические переживания возвышают душу над земным миром и очищают ее. Не случайно в литературном сознании Гоголя доминировал эстетический критерий, при котором он, давая эстетические оценки, боролся с пошлостью в жизни. Примечательно, что у Гоголя эстетическое с этическим сливается воедино.

Мотив возмездия в раннем творчестве Н.В. Гоголя является сквозным. В нём раскрывается воздаяние героям за отступление от христианской морали в их жизни. Значимость этой христианской концепции была отмечена К.В. Мочульским в монографии «Духовный путь Гоголя»: «В душе Гоголя первичны переживание космического ужаса и стихийный страх смерти; и на этой языческой основе христианство воспринимается им как религия греха и возмездия» [10, с. 21].

Так, на страницах повести «Страшная месть», входящей в сборник «Вечера на хуторе близ Диканьки», мы встречаем легенду о братоубийстве Иваном Петра. Из зависти убивает брат брата, как в библейском сюжете о Каине и Авеле. Как и в Библии, в художественную ткань гоголевской легенды вкрапляется Божий суд и момент возмездия. «Как умер Петро, призвал Бог души обоих братьев, Петра и Ивана, на суд. «Великий есть грешник сей человек! – сказал Бог. – Иване! Не выберу я ему скоро казни; выбери ты сам ему казнь!» [4, с. 185]. Обещав выполнить своё слово, Бог его сдержал. Но Божья кара и наказание у писателя постигли обоих братьев: «Пусть будет всё так, как ты сказал, но и ты сиди вечно там на своем коне, и не будет тебе царствия небесного…» [4, с. 186], поскольку оба брата были «великими грешниками». Воздаяние за грехи проявляется через изгнанничество и отрешённость от царствия небесного.

Исследователи обращали внимание на эту повесть, особо выделяя в ней мотив возмездия как особый способ воплощения страшной мести. Ю.В. Манн в монографии «Поэтика Гоголя» рассматривает её в ракурсе легенд о «великом грешнике», получившем прощение после раскаяния, подвигов поста и молитвы. Но в повести «Страшная месть» важнейшим смысловым концептом является концепт Божьего суда как вершителя справедливости.

В повести «Вечер накануне Ивана Купала» возмездие в виде муки забвения, бешенства и сумасшествия настигает Петра Безродного за убийство шестилетнего Ивася и алчность к золоту: «Часто дико поднимается с своего места, поводит руками, вперяет во что-то глаза свои, как будто хочет уловить его; губы шевелятся, будто хотят произнесть какое-то давно забытое слово, – и неподвижно останавливаются…Бешенство овладевает им; как полоумный, грызёт и кусает себе руки и в досаде рвёт клоками волоса, покамест, утихнув, не упадёт, будто в забытьи, и после снова принимается припомнить, и снова бешенство, и снова мука…» [3, с. 51]. И это не случайно, поскольку Петр связался с «нечистым», а, как известно всем христианским людям, «от чёрта не будет добра…» [3, с. 49].

Возмездие героям в виде муки безумия и сумасшествия – достаточно частый приём в творчестве Н.В. Гоголя 1830-х годов. Сумасшествием закончилась судьба Чарткова из повести «Портрет», Поприщин из «Записок сумасшедшего» попал в сумасшедший дом, а Ковалев из повести «Нос» чуть не сошел с ума.

Алчность, стремление к богатству, золоту и кладам – весьма негативные и греховные качества героев Гоголя, за которые, безусловно, им приходится расплачиваться. Своеобразное возмездие за своё стремление к нечистому богатству получил дед Фомы Григорьевича из повести «Заколдованное место». Дед Максим стал обладателем «призрачного» богатства, которое оказалось «сором» и «дрязгом» [3, с. 221].

В повести «Пропавшая грамота» расплата за греховность также весьма ярко выражена в художественной ткани произведения. Дав Богу клятву освятить жилище, дед дьяка Фомы Григорьевича не сдержал её, поэтому «в наказание, что не спохватился тотчас после того освятить хату, бабе ровно через каждый год, и именно в то самое время, делалось такое диво, что танцуется, бывало…» [3, с. 95]. За пьянство и попойку дед Максим оказался у чёрта в самом пекле, откуда едва выбрался. И это не случайно, поскольку дед «спросивши треть ведра на троих, отправился в сарай» [3, с. 87], а когда его глаза начали смыкаться, то он принужден был их «ежеминутно протирать кулаком и промывать оставшеюся водкой» [3, с. 87].

Аналогична причина возмездия в повести «Вий», хотя грех главного героя имеет весьма сложный характер. Хома Брут – типичный представитель семинаристов, ведущих весьма «безбожный» образ жизни. Семинарист перед тем, как явиться в церковь, не забывал «подкрепить себя кружкой горелки» [4, с. 180], а перед третьей (и последней ночью в церкви) «вытянул немного не полведра (сивухи), так что… пустился среди двора на расчищенном месте отплясывать тропака» [4, с. 189]. Хома Брут не соблюдает христианских заповедей, учась при этом в семинарии. Своим образом жизни он своеобразно «предает» церковное дело, которому посвятил свою жизнь. В финале повести Хома Брут погибает. Погибает «оттого, что побоялся» [4, с. 192]. И обуявший его страх – это возмездие за пьянство и неправедную жизнь. «Философ перевернул один лист, потом перевернул другой и заметил, что он читает совсем не то, что писано в книге. Со страхом перекрестился он и начал

петь…» [4, с. 190]. В церкви его разум и сознание не были глубоко погружены в молитву Божию, поскольку вера Хомы Брута была поверхностна.

Своеобразным «завуалированным» возмездием за грех на страницах гоголевских повестей «Сорочинская ярмарка», «Майская ночь, или Утопленница» и «Ночь перед Рождеством», на наш взгляд, является осмеяние. Осмеяние героя как расплата за его греховность представляет собой своеобразный юмористический способ гоголевского повествования. Так, в «Сорочинской ярмарке» Солопий Черевик был осмеян за несправедливость по отношению к Грицку, а Хивря – за жестоконравие и сварливость. На страницах повести «Майская ночь, или Утопленница» Евтух Макогоненко не отличался мягкостью характера и благочестием, и «…об чём бы ни заговорили с ним, всегда умел поворотить речь на то, как он вёз царицу и сидел на козлах царской кареты» [3, с. 62]. Справедливо, что голова был осмеян Левко и парубками за злонравие, прелюбодеяние и тщеславие. В повести «Ночь перед Рождеством» голова, дьяк и Чуб за грех прелюбодеяния оказались в комичной ситуации осмеяния читателем.

Повесть «Ночь перед Рождеством» весьма интересна с точки зрения мотива возмездия. Чёрт как носитель дьявольского начала получает возмездие за злые дела от Вакулы – героя богобоязливого и глубоко верующего. Чёрт осмеян, поруган и «одурачен» Вакулой.

А.Х. Гольденберг в монографии «Архетипы в поэтике Н.В. Гоголя» в сюжете повести «Ночь перед Рождеством» выделяет мотив оплёвывания, неразрывно связанный с христианской спецификой писателя. Исследователь отмечает: «Оплевывание у Гоголя — мотив знаково-ритуальный. В “Вечерах…” плевком посрамляется нечистая сила» [6, с. 92]. Кузнец Вакула на стене церкви «…намалевал…<…>…чёрта в аду, такого гадкого, что все плевали, когда проходили мимо» [3, с. 145].

Этот мотив, по наблюдению В.В. Лепахина, напоминает повторение ритуального действия из таинства крещения, когда «после чтения священником специальных “молитв запрещения” крещаемый отрекается от сатаны и всех дел его, а затем, повернувшись для произнесения этих слов лицом к западу, по повелению священника трижды дует и плюет в ту сторону» [8, с. 261].

Проводя параллели с древнерусской литературой, А.Х. Гольденберг отмечает интересную закономерность: «В житиях юродивых мотив оплевывания носит двойственный характер. С одной стороны, юродивого, чья праведность скрыта от всех, преследуют *насмешками и плевками.* С другой, он сам становится субъектом агрессивного оплевывания не только окружающих его людей, но и сакральных объектов – икон и храмов, поскольку замечает рядом с ними бесов» [6, с. 92].

В повести «Ночь перед Рождеством» аспекты осмеивания и оплёвывания, на наш взгляд, тесно взаимосвязаны между собой, поскольку реализуют важнейший христианский мотив произведения – возмездие за грехи. В повести «Старосветские помещики» мотив возмездия также присутствует. Афанасий Иванович в разговоре с Пульхерией Ивановной любил пошутить: «А что, Пульхерия Ивановна, говорил он, – если бы вдруг загорелся дом наш, куда бы мы делись?» [4, с. 17]. На всевозможные возмущения своей супруги он продолжал рассуждать про сгоревшие кухню и кладовую. На это Пульхерия Ивановна восклицала: «Бог знает что вы говорите!...<…> …Грех это говорить, и Бог наказывает за такие речи» [4, с. 17]. Примечательно, что греховная сущность беседы была отмечена глубоко верующей Пульхерией, поскольку рассуждения такого рода выражают отступления от истинно христианского поведения. Через некоторое время Пульхерия Ивановна умерла. Можно предположить, что смерть жены стала своеобразным возмездием – «наказанием» за греховные речи Афанасия Ивановича.

Следующий особо важный христианский мотив раннего творчества Н.В. Гоголя – мотив пути спасения. Положительные герои, наделённые христианскими добродетелями, в повестях Гоголя находят путь царствия небесного, путь святости и божьей благодати. Примечательно, что нравственный путь к спасению у некоторых героев гоголевских повестей соотносится с евангельскими заповедями Нагорной проповеди Христа в Священном писании. Так, в повести «Ночь перед Рождеством» кузнец Вакула не сходит с истинного пути примерного христианина. Будучи богобоязненным, Вакула не посмел оскоромиться непостной пищей Пацюка в канун Рождества. Он верит в Бога и пишет иконы.

Восьмая заповедь Нагорной проповеди Иисуса Христа гласит: «Блаженны чистые сердцем, ибо они Бога узрят» [1, с. 1015]. Кузнец в гоголевской повести наделён чистым сердцем и доброй христианской душой. Вакула, на наш взгляд, находится на «пути спасения», поскольку вера кузнеца глубока.

В повести «Вечер накануне Ивана Купала» мотив пути спасения вбирает в себя традиции древнерусской литературы, особым смысловым акцентом в произведении является уход главного героя в монастырь как способ найти духовное пристанище и спасение, ориентированное на евангельское учение смирения и кротости. А.Х. Гольденберг отмечает: «В сложившейся жанровой системе древнерусской литературы Священное Писание занимает верхнюю ступень литературной иерархии как текст, авторитетность которого абсолютна» [6, с. 104].

Шестая заповедь Нагорной проповеди звучит так: «Блаженны алчущие и жаждущие правды, ибо они насытятся» [1, с. 1015]. Жаждущий правды Левко в повести «Майская ночь, или Утопленни-

ца» добился справедливости и свадьбы с Ганной. Левко Макогоненко – истинно положительный герой. Не случайно его взор сумел отличить ведьму от всех остальных утопленниц.

Седьмая новозаветная заповедь проповеди Христа гласит: «Блаженны милостивые, ибо они помилованы будут» [1, с. 1015]. Ее специфику, на наш взгляд, можно соотнести с судьбами гоголевских героев в повести «Старосветские помещики». Пульхерия Ивановна и Афанасий Иванович отличались порядочной и добродетельной жизнью, и милосердие, радушие, готовность помочь другому человеку кротко выражались на их лицах. Эти качества в характерах гоголевских героев были следствием «чистой, ясной простоты их добрых, бесхитростных душ» [4, с. 18]. Примечательно, что смерть старосветских помещиков была такой же тихой и кроткой, как они сами. Пульхерия Ивановна «после долгого молчания, как будто хотела … что-то сказать, пошевелила губами – и дыхание её улетело» [4, с. 25]. А Афанасий Иванович «таял, как свечка и наконец угас так, как она, когда уже ничего не осталось, что бы могло поддержать бедное её пламя» [4, с. 30]. Гоголевское сравнение смерти помещика с угасанием свечи символично. Здесь уместно вспомнить слова Иисуса Христа из Нагорной проповеди: «Вы – свет мира... И, зажегши свечу, не ставят её под сосудом, но на подсвечнике, и светит всем в доме. Так да светит свет ваш перед людьми…» [1, с. 1015]. Христианская специфика жизни Товстогуба в повести «Старосветские помещики» у Н.В. Гоголя представляет собой образное воплощение горящей свечи, дарящей людям свет и добро. Безусловно, благодетельная жизнь героев повести представляет собой путь к их душевному спасению.

Итак, отмеченное нами эстетическое единство мотивов возмездия за грехи и пути спасения души в гоголевских произведениях 1830-х годов позволяет говорить о религиозном мировоззрении писателя, ориентированном на новозаветные истины Нагорной проповеди Христа.

Библиографический список

1. Библия. Книги Священного писания Ветхого и Нового завета. – М.: Издание Московской Патриархии, 1992. – 1372 с.

2. *Воропаев В.А.* Николай Гоголь. Опыт духовной биографии. – М., 2008 – 96 с. [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://www.portal-slovo.ru/philology/37069.php. (дата обращения 10.03.2012)

3. *Гоголь Н.В.* Собрание сочинений в шести томах. – М.: Худ. лит, 1952. – Т. 1. – 352 с.

4. *Гоголь Н.В.* Собрание сочинений в шести томах. – М.: Худ. лит, 1952. – Т. 2. – 340 с.

5. *Гоголь Н.В.* Собрание сочинений в шести томах. – М.: Худ. лит, 1952. – Т. 3. – 320 с.

6. *Гольденберг А.Х.* Архетипы в поэтике Н.В. Гоголя. – Волгоград: Издательство ВГПУ «Перемена», 2007. – 260 с.

7. *Зеньковский В.В.* Н.В. Гоголь // Духовный путь Н.В. Гоголя. В двух частях. Часть 2: Гоголь в русской и религиозно-философской критике. – М.: Русское слово, 2009. – 400 с.

8. *Лепахин В.В.* Икона в жизни и творчестве Гоголя // Духовный путь Н.В. Гоголя. В двух частях. Часть 2: Гоголь в русской и религиозно-философской критике. – М.: Русское слово, 2009. – 400 с.

9. *Манн Ю.В.* Поэтика Гоголя. – М.: Худ. лит., 1978. – 386 с.

10. *Мочульский К.В.* Духовный путь Гоголя. – М.: Просвещение, 1995. – 640 с.

УДК 821(4)09+ 821.161.1.09«18»

Слободина Вера Александровна
Башкирский государственный университет, Уфа
ruslit408@yandex.ru

«ПУТЕШЕСТВИЕ ВОКРУГ МОЕЙ КОМНАТЫ» КСАВЬЕ ДЕ МЕСТРА В ТВОРЧЕСКОМ ОСМЫСЛЕНИИ А.С. ПУШКИНА

Автор статьи предполагает, что в ходе работы над «Евгением Онегиным» А.С. Пушкин учитывал опыт Ксавье де Местра, написавшего своеобразный лирический роман «Путешествие вокруг моей комнаты», широко известный в России в XIX веке.

Ключевые слова: *стернианство, путешествие, лирический роман, образ автора, «Евгений Онегин».*

Проблема «А.С. Пушкин и Ксавье де Местр» уже поднималась отечественными литературоведами. А.И. Некрасов в статье 1934 г. «К вопросу о литературных источниках “Кавказского пленника” Пушкина» стремился доказать зависимость замысла «южной» поэмы от сюжета новеллы Местра «Пленники Кавказа» [4]. В 2004 г. вышла работа М.А. Тахо-Годи «“Капитанская дочка” Пушкина и “Молодая сибирячка” Ксавье де Местра». Исследовательница полагает, что история помилования Петра Гринева могла быть «подсказана» Пушкину повестью о Параше Лупаловой, пришедшей из Ишима в Петербург, чтобы испросить у царя прощения для своего отца [7]. Однако никто из пушкинистов, насколько мы можем судить, не рассматривал до сих пор самое значительное, пожалуй, сочинение Местра – «Путешествие вокруг моей комнаты».

© Слободина В.А., 2012

Опубликованное в Турине в 1794 г., «Путешествие» принесло писателю неожиданный успех. Книга быстро завоевала признание европейской и русской публики и, породив ряд подражаний [10, p. 306], переиздавалась на протяжении всего XIX века.

Пушкин, без сомнения, знал это произведение. А граф Местр, эмигрировавший в Россию в 1800 г., был хорошо знаком с родителями поэта. Согласно О.С. Павлищевой, он «почти ежедневно» [5, с. 31] навещал их в Москве в 1802–1805 гг. Вероятно, общение продолжилось и позднее, в Петербурге: наряду со знаменитым портретом Надежды Осиповны сохранился, по свидетельству Н.А. Раевского, карандашный рисунок этого талантливого миниатюриста – изображение «Левушки», выполненное около 1824 г. [6, с. 59].

Можно предположить, что некоторые художественные особенности «Путешествия» привлекли внимание Пушкина и были творчески переосмыслены им в пору работы над «Евгением Онегиным».

По общему признанию, сочинение Местра выдержано в русле стернианской традиции. Как отмечает Б. Эйхенбаум, преемственность очевидна: от «пародирования сюжетной схемы» до «обращений к некой Jenny и сравнений с дядей Тоби» [9, с. 70]. Но обыгрывая достижения своего предшественника, «французский стернианец» превращает путевой дневник в «свободный» лирический роман, органично соединяющий в себе «роман автора» и «роман романа».

Важнейшим «противоречием» пушкинского текста является «двуипостасность», по выражению Ю.Н. Чумакова [8, с. 179], его художественного пространства, которая реализуется, прежде всего, в неоднозначной позиции романного «я». С точки зрения С. Бочарова, образ повествователя здесь «ступенями переходит от «приятеля» или частного Пушкина к сознанию автора, ставшему объективным миром романа…» [1, с. 127]. Авторская игра в «Путешествии» не столь тонка, однако в какой-то мере она, возможно, предвосхищает поэтическое новаторство «Онегина».

В начале произведения Местр сообщает читателям о намерении довериться воображению и следовать за ним «без всяких правил и методы» [3, с. 13]. В результате сюжет путешествия разворачивается в двух планах: «вояж» по комнате перебивается увлекательными экскурсами в область воспоминаний, размышлений рассказчика. Мы любуемся портретом госпожи де Откастель и погружаемся в мир Гомера и Мильтона; берем «уроки человеколюбия» [3, с. 66] у слуги и собаки и вслушиваемся в беседу античных мудрецов; нас посвящают в историю засохшего цветка и «метафизическую» теорию о человеческой природе…При этом облик «я» в «Путешествии» постоянно колеблется, двоится. Обращаясь к широкой аудитории («рассудительному» [3, с. 11] и «скромному» [3, с. 16] читателю, «всем ленивым», «скучающим со всего света» [3, с. 10] и т.д.), носитель речи комментирует творческий процесс, анализирует собственную писательскую манеру, т. е. выступает в роли творца, создателя текста: «Как славно <…> вдруг явиться в ученом свете с книгою открытий в руках <…>. Нет, не буду долее таить моей книги; вот она, милостивые государи, читайте» [3, с. 7]. Особенно любопытны его суждения об известной самостоятельности, непредсказуемости творчества: «<…> Некоторые главы выскакивают или, лучше сказать, иные стекают с пера моего как бы против моей воли и расстраивают мои предприятия» [3, с. 82]. Имитация диалога с читателем усиливает иллюзию спонтанного, непринужденного, «нелитературного» повествования – тот эффект «болтовни» в полной мере воплотится, по наблюдению Ю.М. Лотмана, в поэтической структуре пушкинского романа в стихах [2, с. 428].

И вместе с тем «автор» оказывается центральным персонажем собственного произведения, «путешествующим» по комнате в настоящий момент. Писатель подчеркивает двойственность романного «я», сталкивая порой обе функции в пределах одного высказывания: «Прошу только вспомнить, что мы оставили половину меня самого <…> возле самой стены, в четырех шагах от моего бюро» [3, с. 29]; «Падение моей почтовой коляски услужило читателю сокращением целой дюжины глав…» [3, с. 76]. Ярким примером подобной игры могут служить XI–XIII главы «Путешествия»: «Однажды восходили мы с трудом по крутой дороге. Милая Розалия шла впереди <…>. И вдруг, дойдя до вершины пригорка, она остановилась отдохнуть <…>. Разгоревшиеся щечки ее, алые губки, белоснежная улыбка, алебастровая шея на фоне зеленой травы поразили взоры всех» [3, с. 29–30]. Нахлынувшие воспоминания заставляют повествователя прервать рассказ. «Сегодня я не пойду далее» [3, с. 30], – говорит он и сводит следующую главу к единственному слову – «возвышенность» [3, с. 31]. А потом признается, что «это сложный участок» [3, с. 32]. Пригорок, возникший на пути героя, оборачивается препятствием для автора, сочиняющего роман. Несовместимые, на первый взгляд, процессы – путешествие и рассказ о нем, жизнь и описание этой жизни – сближаются, мыслятся как протекающие одновременно, параллельно друг другу. Примечательно, что такой параллелизм отражается в архитектонике произведения, сорок две главки которого соответствуют сорока двум дням «поездки» персонажа. Поэтому и в призыве «Итак, дерзайте, поедем» [3, с. 9] можно услышать приглашение отправиться вместе с «путешественником» по комнате и – с автором – по страницам открывающейся книги.

По мнению С. Бочарова, единство «Евгения Онегина» «естественно мотивировано» единством

«я» – «человека и автора вместе» [1, с. 120]. Ксавье де Местр, как впоследствии Пушкин, конструирует образ повествователя так, что он прямо соотносится в сознании читателя с личностью самого романиста. Это достигается, например, с помощью особых изобразительных приемов.

Путешествие приурочено к дням ежегодного масленичного карнавала, шум которого доносится до слуха рассказчика. Писатель словно «карнавализирует» художественную реальность, устраивает ее по законам игры. Здесь шаткий стул превращается в экипаж, домашний костюм – в дорожное платье, а ограниченный пределами «каморки» затворник обретает невероятную свободу – «гуляет» «вдоль и поперек» [3, с. 84] по времени и пространству: от Древней Греции до современной Франции, «от крайнего дна ада до последней неподвижной звезды за Млечным путем» [3, с. 84]. В условиях карнавала комната вырастает до масштабов terrae incognitae, достойной добросовестного, скрупулезного исследования. Не случайно «вояж» начинается с указания на ее географическое положение: «Комната моя лежит под сорок восьмым градусом широты по измерению отца Беккария и находится между востоком и западом; она составляет продолговатый четырехугольник, имеющий тридцать шесть шагов во всех сторонах, если сильно прижиматься к стене» [3, с. 13]. Подобные, пародийно звучащие, фразы не раз появляются в тексте («После кресла, если идти к северу, видна моя кровать <…>» [3, с. 15], «<…> Это первый предмет и приметнейший, который встречается взорам путешественника, следующего по предписанному мною тракту» [3, с. 76]).

Травестируя жанр путевых заметок, Местр насыщает произведение бытовыми подробностями – зримыми приметами нового, только что открытого «странником» мира. Действительность не делится автором на «высокую» и «низкую». Увядший цветок может быть так же ценен, как портрет Рафаэля, а один лишь вид чашки со сливками может вызвать полный патетики монолог. На протяжении почти двух глав писатель слагает настоящий гимн кровати. Важнейшим событием романа оказывается падение с кресла: «<…> Сзади недоставало одного кирпича; движение было так скоро, что почтовая моя коляска совсем свернулась с центра тяжести и опрокинулась на меня» [3, с. 64–65]. Внимательного, заинтересованного взгляда художника заслуживают самые незначительные, казалось бы, детали – нитка жемчуга, лежащие на углях щипцы, содержимое бюро: «Выдвинув первый ящик, находим чернильницу, всякого рода бумагу, совсем очиненные перья и сургуч. <…> В ящике напротив лежат без разбору записки трогательной истории «Пиньерольской узницы» <…>. Между этими двумя ящиками есть впадина, в которую я бросаю все письма по порядку получения их<…>» [3, с. 76–77]. Местр обнаруживает поэзию простых, прозаических вещей, поэзию быта: «Я задремал слегка, пока грелась вода. <…> Приятный стук, производимый Жоаннетти кофейником в камине, отдавался в мозгу моем и потрясал чувства, как щипок струны арфы производит звук октавный. <…> Ах! Какой запах! Какой приятный сюрприз! Кофе! Сливки! Пирамида гренок! Любезный читатель, позавтракай со мною!» [3, с. 92–93]. Талантливый живописец, он способен передать предмет в наиболее характерных чертах, создать зримый, осязаемый образ реальности: «После кресла, если идти к северу, видна моя кровать, которая поставлена в глубине комнаты и имеет весьма приятный вид. Она находится в счастливейшем положении: первые лучи солнца ударяют в ее полог. В прекрасные летние дни я вижу, как они, по мере восхождения солнца, приближаются вдоль белой стены: густые вязы, растущие перед моими окнами, разбивают их разнообразно и колеблют на моей розовой с белым кровати, и этими прекрасными цветами расцвечивается вся моя комната» [3, с. 15].

Комната, по которой «путешествует» рассказчик, становится своего рода персонажем произведения. Окружающая героя обстановка воспринимается как подлинная, действительно существующая. Читателя не покидает ощущение, что Местр описывает интимно близкий, прекрасно известный ему мир – свой собственный мир.

Повествователь «Путешествия», подобно лирическому «я» «Онегина», автобиографичен: наделен некоторыми перипетиями судьбы, особенностями мировоззрения и даже «коньком» своего создателя. И так же как у Пушкина, впечатление совпадения, тождества романного «я» и биографического автора усиливается здесь благодаря включению в текст внетекстовых реалий. Так, «путешественник» обладает творческим опытом самого художника: наброски «Пиньерольской узницы», неосуществленного замысла Местра, хранятся, как мы помним, в ящике бюро. Интересны и отмеченные ранее обращения к «некой Jenny». Отсылая к «Тристраму Шенди», они указывают в то же время на сестру писателя Женни-Франсуазу (в замужестве де Бютте): «<…> Милая моя Женни, ты, лучшая и более всех любимая из женщин, ты, лучшая и любимая из всех сестер, тебе посвящаю мое сочинение <…>» [3, с. 52].

Кроме того, автор мастерски воссоздает атмосферу Турина, города, в котором был написан роман. Например, значимыми пространственными ориентирами в произведении служат хребет Монвизо и парк Валентина («Это было поутру на самом рассвете; лучи солнечные позолотили вдруг вершину горы Визо и вершины высоких гор на противоположном нам острове <…>» [3, с. 89]). Туринские знаменитости – от Джованни Баттисты Беккариа (1716–1781), выдающегося физика и ас-

тронома, создателя «Туринского меридиана» («Gradus Taurinensis»), до модистки мадемуазель Рапу – упоминаются или прямо, на правах персонажей, входят внутрь воображаемой реальности.

Один из самых замечательных эпизодов «Путешествия» – сновидение героя в XLII главе. Во сне к невольному затворнику приходят весьма необычные посетители – Гиппократ, Платон, Перикл с Аспазией и «недавно скончавшийся» [3, с. 99] известный туринский ученый Джованни Франческо Чинья (1734–1790). Но Местр придает визиту исключительно прозаический, обыденный характер. Аспазия, положив «голые ноги свои на соломенный стул» [3, с. 103] и облокотившись «на широкое плечо Платона» [3, с. 103], листает модный журнал; вздыхает над «книжкой Монитора» [3, с. 102] Перикл; а доктор Чинья лишается парика: «При сем вопросе честный доктор потупил глаза и отвечал только слезами. Начав вытирать их платком, он своротил парик так, что часть лица его закрылась» [3, с. 103].

Показателен и открытый (во всех отношениях) финал произведения: «Вот я одет; дверь моя отворяется, прохожу под обширными аркадами улицы По; тысячи прелестных видов толпятся вокруг меня – да, вот этот дом – эта дверь – эта лестница <…>» [3, с. 104]. Вымышленный персонаж выходит в реальный мир, роман распахивается навстречу жизни.

Итак, развивая повествовательные принципы «Тристрама Шенди» и «Сентиментального путешествия», Ксавье де Местр создает, по определению М. Сент-Бева, «что-то вроде исповеди, но исповеди, произнесенной в шутливом тоне» [11, p. X]. К сожалению, мы не располагаем документальными свидетельствами знакомства А.С. Пушкина с «Путешествием вокруг моей комнаты». Но в произведении Местра счастливо соединилось то, что окажется чрезвычайно важным для поэтики «Евгения Онегина»: игра авторскими масками, подчеркнутая субъективность повествования, имитация «болтовни» при лаконизме и прозрачности формы. Все это, на наш взгляд, позволяет рассматривать «Путешествие» как один из возможных источников пушкинского романа в стихах.

Библиографический список

1. *Бочаров С.* «Форма плана» (некоторые вопросы поэтики Пушкина) // Вопросы литературы. – 1967. – № 12. – С. 115–136.

2. *Лотман Ю.М.* Пушкин: биография писателя: статьи и заметки 1960–1990; «Евгений Онегин»: комментарий. – СПб.: Искусство – СПБ, 2009. – 847 с.

3. *Местр Ксавье де.* Путешествие вокруг моей комнаты. – М.: Грейта, 2003. – 160 с.

4. *Некрасов А.И.* К вопросу о литературных источниках «Кавказского пленника» Пушкина // Сборник статей к сорокалетию ученой деятельности академика А.С. Орлова. – Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1934. – С. 153–163.

5. Пушкин в воспоминаниях современников. В - 2 т. – Т. 1. – СПб.: Академический проект, 1998. – 528 с.

6. *Раевский Н.А.* Портреты заговорили: историко-литературные исследования. – Киев: Мыстэцтво, 1991. – 512 с.

7. *Тахо-Годи М.А.* «Капитанская дочка» Пушкина и «Молодая сибирячка» Ксавье де Местра [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.darial-online.ru/2004_4/taho-god.shtml (дата обращения 01. 09. 2011).

8. *Чумаков Ю.Н.* Стихотворная поэтика Пушкина. – СПб.: Государственный Пушкинский театральный центр в Санкт-Петербурге, 1999. – 432 с.

9. *Эйхенбаум Б.* О литературе: работы разных лет. – М.: Сов. пис-ль, 1987. – 544 с.

10. *Berthier A.* Xavier de Maistre: étude biographique et littéraire: nombreux documents rares ou inédits. – Lyon – Paris: Vitte, 1918. – XXVII, 381 p.

11. *Sainte-Beuve M.* Notice sur le comte Xavier de Maistre // Maistre Xavier de. Oeuvres complètes. – Paris: Garnier frères, 1889. – P. I – XL.

УДК 808.2

Устинов Алексей Валерьевич
Костромской государственный университет им. Н.А. Некрасова
1013801@mail.ru

ОБРАЗ ПРОТОПОПА АВВАКУМА В РОМАНЕ Д.Л. МОРДОВЦЕВА «ВЕЛИКИЙ РАСКОЛ»

В статье рассматриваются художественные приёмы раскрытия характера протопопа Аввакума в романе Д.Л. Мордовцева «Великий раскол»

Ключевые слова: *раскол, историзм, документализм и художественность.*

Роман Д.Л. Мордовцева впервые был опубликован в журнале «Русская мысль» (1880), а на следующий год вышел и отдельной книгой. Произведение посвящено событиям XVII века, предшествующим периоду петровских преобразований и традиционно именуемым «расколом русской церкви». В числе действующих героев романа выведены исторические лица – царь Алексей Михайлович, патриарх Никон, протопоп Аввакум, боярыня Феодосия Морозова и др. Написанию романа предшествовало изучение автором исторической основы – как историографических произведений, так и подлинных документов эпохи, среди которых особое место занимает «Житие протопопа Аввакума, им самим написанное» [1].

После двухсотлетних репрессий со стороны имперских властей по отношению к «раскольникам», к 70-м годам XIX века складывается понимание необходимости изучения этого сложнейшего и многообразного явления. Вместе с либерализацией взглядов на старообрядчество менялось и восприятие лидеров «раскола» – в первую очередь, протопопа Аввакума. Публикация его «Жития» (1861) стала отправной точкой на пути общественной дискуссии относительно событий второй половины XVII века. Свою роль в этом сыграло и понимание того, что «привнесение розни в среду миллионов русских людей» не могло быть следствием «отступления во второстепенных подробностях от религиозного догматизма и церковной обрядности» [2, с.1].

Появление романа «Великий раскол», в котором протопоп Аввакум был изображен сложной и многогранной личностью, было встречено читающей публикой с большим интересом. Симпатии автора склонялись более на сторону «раскольников», поэтому роман натолкнулся на отрицательные отзывы в миссионерской среде.

Н.И. Субботин выступил на страницах «Русского вестника» с подробной статьей «Историк-беллетрист» (1881), в которой подверг автора и его произведение резкой критике [21]. Н.С. Лесков, рассуждая об Аввакуме в статье «Церковные интриганы» (1882), охарактеризовал протопопа как узкого, но неугомонного фанатика, с которым «современные нам исторические романисты носятся как с “тихою лампадою”» [19].

Сам же Мордовцев, вероятно, ориентировался на более объективные оценки личности протопопа со стороны историка С.М. Соловьева, назвавшего протопопа Аввакума «богатырём», подчеркнув при этом особое значение его «Жития»: «Важность памятника заключается в том, что он лучше других памятников переносит нас в Россию XVII века, от которой мы отошли так далеко и явления которой мы с таким трудом понимаем» [20, т. 13, с. 206].

Впоследствии к образу протопопа Аввакума чаще всего обращались поэты – Д.С. Мережковский (поэма «Протопоп Аввакум», 1888), М.А. Волошин (поэма «Протопоп Аввакум»), В.Т. Шаламов (поэма «Аввакум в Пустозерске», опубликованная в 1998 году). Своим «прадедом» называл Аввакума Н.А. Клюев. «Аввакумовские» следы обнаруживаются у многих писателей советской эпохи – В.С. Гроссмана, О.Ф. Берггольц, Ф.В. Гладкова, К.А. Федина, К.А. Тренёва, М.М. Пришвина, Л.М. Леонова [16, с. 443–444]. Одной из центральных фигур предстает Аввакум в романе современного писателя В.В. Личутина «Раскол» [15].

На основе романа «Великий раскол» была создана и опубликована Игуменом Самуилом (Верным) «историко-богословская повесть «Великое падение» (2011). С помощью «художественно-исторического повествования» автор поставил в ней задачу открыть «истину в развитии жизненных сюжетов и действий государственных лиц» [9, с. 3]. Роман Д.Л. Мордовцева начинает входить и в педагогическую практику в качестве художественной иллюстрации к событиям церковного раскола XVII века [3].

Среди работ, посвященных роману «Великий раскол», следует отметить кандидатскую диссертацию Ким Сунн Хуна «Аввакум и его сочинения в русской науке и литературе 2-й половины XIX – начала XX века» (2001), отдельный параграф которой посвящён художественному воплощению образа Аввакума в романе Мордовцева [10, с. 123–140]. Заслуживают внимания вступительная статья С.И. Панова и А.М. Ранчина «Д.Л. Мордовцев и его историческая проза» к изданию романов писателя «За чьи грехи» и «Великий раскол» [16, с. 5–29], вступительная статья Ю.В. Лебедева к «Собранию сочинений Д.Л. Мордовцева в 2-х томах» [13, с. 5–41].

© Устинов А.В., 2012

По мысли самого Мордовцева, все персонажи романа «Великий раскол» представлены на единой театральной сцене разделёнными на два лагеря – «правый» и «левый». К правой части принадлежат «актеры с чисто русским типом, с великими, шекспировскими характерами вроде Аввакума, Морозовой и их последователей», к «левой» – «князь-кесарь Федор Юрьич Ромодановский, Андрей Иваныч Ушаков, Степан Иваныч Шешковский» [17, с. 579–580]. Автор не указывает на принадлежность Никона к одной из этих сторон, но противопоставление с Аввакумом позволяет отнести отрешённого патриарха к представителям «левой» партии [17, с. 345–346].

Для русского писателя третьей четверти XIX века такое противопоставление является достаточно смелым, поскольку роль Никона в отношении событий, приведших к расколу, в официальной историографии всячески оттенялась. «Умным пастырем» назвал Никона историк-демократ Щапов [23, 48]. В числе причин, приведших Никона к опале, официальный церковный историк митрополит Макарий (Булгаков) указывал на «личную ненависть» со стороны «убеждённых по жалкому невежеству» Аввакума, Ивана Неронова, Павла Коломенского [24, с. 163–164]. Сам же Никон в интерпретации митрополита предстает как «истинный пастырь, ревнующий о соблюдении веры и обрядов во всей их чистоте и неповреждённости», который «имел несчастие лишиться милости своего доброго монарха» [24, с. 167].

Событийная основа романа строится на зафиксированных историографической литературой фактах. Художественное воплощение получают в романе исторические документы, среди которых важнейшее место занимают произведения протопопа Аввакума – «Житие...» и различные «Послания...». Следуя за Аввакумом, Мордовцев отбирает «из пестрого жизненного материала самое важное, самое характерное, самое яркое» [7, с. 197].

Главной художественной «пружиной» произведения является противопоставление «космоса» «хаосу», гармонии – конфликту, что вполне соответствует обозначенной в названии романа теме «раскола».

Протопоп Аввакум под пером Мордовцева – фигура крайне противоречивая. Наставник, вероучитель, безусловный моральный авторитет для своих сподвижников, и, в то же время, – бунтарь, сумасброд, провокатор и даже шут. Если в начале романа Мордовцев называет его «благообразным» и «благочестивым» старцем [17, с. 248], то по мере развития событий эпитеты становятся все более аскетичными. Подчёркивая фанатизм героя, автор постепенно изменяет не только его внешность, но и сам характер изображения. Если вначале автор допускает развернутые описания, вводит в роман бытовой колорит, то с приближением развязки обыденное отступает на задний план, а образ Аввакума наполняется евангельской символикой.

«Высокий, широкоплечий мужчина с длинною апостольской седою бородою и такими же седыми курчавыми волосами, с длинным, тонким, красиво очерченным носом, с серыми большого разреза и длинными глазами и низеньким лбом, на который красиво падали седые кудерьки, – точь-в-точь святительский лик, какие можно видеть на старинных иконах суздальского письма. Серые, с длинным разрезом и длинными ресницами глаза смотрели ласково и по временам зажигались прекрасным, каким-то согревающим светом. Это были совсем отроческие глаза под седыми бровями» [17, с. 236] – так автор рисует портрет своего героя в начале произведения. Но проходят годы и после нескольких лет в заточении внешность протопопа уже несёт на себе отпечаток тяжелейших невзгод: перед вселенскими патриархами Аввакум предстает «худым, оборванным и обезображенным стрижкой» [17, с. 340].

Проходя через испытания, Аввакум словно лишается телесности. Рисуя мученическую кончину протопопа и его товарищей (глава XXII. «Сожжение Аввакума»), автор внешность своего героя описывает уже предельно лаконично: «Седая голова его тихо качалась. Нечёсаные космы свесились на лицо» [17, с. 581]. Портрет Аввакума утрачивает статичность, описания становятся всё более динамичными. Выйдя из подземелья, Аввакум *радостно тряхнул головой* [17, с. 583], *размашисто перекрестился* [17, с. 583], *радостно всплеснул руками* [17, с. 583], *быстро нагнулся* [17, с. 584]. Момент смерти мученика не обозначен, смерти протопопа вообще как бы нет, автор только подчеркивает – «*раздался из пламени сильный, резкий голос*» [17, с. 584]. Перед нами – святой, лишённый телесности, ждёт и даже желает искупительного страдания. Все борения остались в прошлом: Аввакум восходит ко Господу по Его стопам – через мученическую смерть.

Трагический подвиг сопровождают евангельские образы: *на кресте* каркает ворона, обращаясь к которой, протопоп уверенно замечает, что не ей достанется его «мясцо», тем самым сопоставляя себя с «агнцем» – Христом. Он читает отрывок из своего «Жития», в котором повествуется о бесовском искушении: «Аз же, Богу помолясь, осенил рукою мертвеца, и бысть по-прежнему все, ино ризы и стихари летают с места на место, устрашая меня. Аз же, помолися и поцеловав престол, рукою ризы благословил и пощупал, приступя: а они по-старому висят» [17, с. 581]. Ср.: «Тогда Иисус говорит ему: отойди от Меня, сатана, ибо написано: Господу Богу твоему поклоняйся и Ему одному служи» [Матф. 10:4].

Перед выходом из узилища Аввакум получает записку от старицы Мелании, полную характерных

для духовной литературы образов: «Смиренная и убогая старица Мелания преподобному Аввакуму, *пророку и посланнику* Бога живого, *столпу непоколебимому православия, солнцу правды, адаманту веры правыя,* о Христе радоватися. Приспе бо час твой. Уготована *убо огненная колесница,* на ней же ныне вознесешись ко Господу. Аминь».

«Правое» место на исторической сцене романа теперь полностью совпадает с церковной традицией «правого пути». Приготовление Аввакума к смерти напоминает ночь Спасителя в Гефсиманском саду: «Что выражало лицо его, неизреченное ли блаженство или невыразимый ужас, когда он упал этим лицом на солому и не своим голосом выкрикнул: “Да будет воля твоя!” – это известно только тем, которые *умирали за идею*» (курсив мой. – *А.У.*) [17, с. 582.]. (Ср.: «Еще, отойдя в другой раз, молился, говоря: Отче Мой! если не может чаша сия миновать Меня, чтобы Мне не пить ее, да будет воля Твоя». – [Матф. 26:42]).

С другой стороны, понятие «*смерти за идею*» далеко от евангельского и скорее характерно для мироощущения современной Мордовцеву русской демократической интеллигенции 1870–1880-х годов. Так что косвенно утверждаемая им параллель между подвижниками раскола и современными мучениками за идею социальной справедливости далеко не случайна. Духовный облик социалистов-пропагандистов 1870-х годов Д.Н. Овсянико-Куликовский считал «одним из ярких выражений их психологической религиозности; они религиозно веровали в идеал социализма, как в своего рода “откровение”, и приписывали почти чудесную силу исповеданию этой “веры”, пропаганде социализма. Кроме того, нельзя не видеть здесь отпечатка той религиозности, которою характеризовалось первоначальное христианство, религиозности евангельской, выдвигавшей идею не насилия, а самопожертвования. Не все, быть может, но очень многие из тех, которые “ходили в народ”, увлекались – одни сознательно, другие бессознательно – идеалом евангельского служения ближнему, отречения от всех благ земных, от личного счастья. <…> Другим проявлением психологической религиозности мирных пропагандистов 70-х годов были их упования на близость “социального переворота”, напоминавшие веру первых христиан в близость второго пришествия Христа и водворения Царства Божия на земле» [18, с. 193–194].

В духе времени Мордовцев связывает возникновение раскола с протестом против насилия как в делах веры, так и во внутренней политике государства, породившей всеобщее недовольство. «Оно проявилось не только в сопротивлении церковным реформам “сверху”, но и в периодических бунтах против боярского утеснения, вылившихся в крестьянскую войну под руководством Степана Разина. На почве социального протеста возник, по Мордовцеву, союз аскетического раскола с разинской вольницей. Главную причину раскола писатель видит в том, что русское самодержавие насилием старалось опередить историю и разрушало органический процесс развития общества. В эпоху Мордовцева такая трактовка раскола была довольно смелой и прогрессивной. Она воспринималась как “новое слово” в понимании судьбоносного для России события» [13, с. 32].

По этой причине автор ставит Аввакума в один ряд с протестантами Нового времени. Это переплетение нескольких культурно-исторических пластов: общехристианского, древнерусского и современного характерно и для всего романа в целом.

Мордовцев понимает, конечно, что исторический Аввакум шёл на смерть не «за идею», а ради спасения бессмертной души перед лицом Антихриста, утверждающего себя в этом мире. Не случайно Мордовцев широко использует текст известного ему «Жития протопопа Аввакума...». Автор допускает не только прямое цитирование, но добавляет в речь протопопа контекстуально необходимые, с точки зрения романиста, элементы. Этому способствует и особый лад «автобиографии» протопопа – «глубоко личный тон простодушно-доверчивого рассказчика» [5, с. 209].

Вот, например, типичный в этом смысле фрагмент романа: «И волею Божиею прибило нас к берегу; Бог берег меня, свою козявку бедную. Бог берег, так Пашков, в угоду Никону, души моей искал. Взлютовал он на меня крепко, стал из дощеника выбивать: “для-де тебя дощеник худо идет, еретик-де ты, поди-де по горам, а с нами не ходи”» [17, с. 240]. Обратим внимание, что в имитируемую Мордовцевым речь протопопа вставляется прямая цитата из «Жития»: «На другом, Долгом пороге стал меня из дощенника выбивать: “для-де тебя дощенник худо идет! еретик-де ты! поди-де по горам, а с казаками не ходи!”» [1, с. 31]. Формально весь отрывок выглядит как цитата, но в действительности собственно заимствованным отрывком являются слова воеводы Пашкова. При этом Мордовцев «упрощает», «обмирщает» речь протопопа: это пока не тот мученик, восхождение к которому описывается писателем на протяжении всего романа, но ещё «обычный» человек, со своими слабостями, и вместе с этим во всем видящий «раскол», козни «никонианства»: не самочинно Пашков притесняет Аввакума, но в угоду Никону.

Завершая «аввакумовские» сцены, Мордовцев приводит точную цитату из «Жития...»: «Ну, старец, моего вяканья ведь много ты слышал…» и т.д. [17, с. 581–582] и [1, с. 117–118], вместе с протопопом ставя точку в его земной жизни, и открывая жизнь новую – теперь уже как вождя и пророка. Глава «Сожжение Аввакума» заканчивается прямым указанием на бессмертие протопопа: «Аввакум был прав, говоря о сожигаемых: “Из каждой

золинки их, из пепла, аки из золы феникса, изростут миллионы верующих...”» [17, с. 585]. Теперь же эта фраза – одно из часто используемых выражений, характеризующих личность протопопа Аввакума [6].

Но не только Аввакум-проповедник интересует Мордовцева. Для романиста протопоп ещё и яркая личность, способная на глубокие, искренние чувства. Тонким лиризмом окрашены его послания боярыне Морозовой, на их основе строит романист взаимоотношения своих героев. «Свет моя! Еще ли ты дышишь? Друг мой сердечной! ...Чадо церковное, чадо мое драгое, Феодосья Прокопьевна! ...О светила великия, солнце и луна Руския земли, Феодосия и Евдокия... О, две зари, освещающия весь мир на поднебесный!» – обращается к своим духовным дочерям протопоп в послании к Морозовой и Урусовой [22, с. 191–195]. Сцена с чтением Морозовой этого послания – одна из самых лирических в романе (глава XV «Морозова в заточении»). Мордовцев с каждой новой фразой цитируемого им послания показывает развитие героини, восхождение к подвигу, укрепление духа, решимости. «Глубоко любовным отношением» к своим духовным детям, полны послания протопопа, отмечает биограф Аввакума В.А. Мякотин [24, с. 130]. «Так некогда первые христиане служили для язычников примером истинной любви», – пишет К.Я. Кожурин о влиянии протопопа на окружающих, стремившихся к отстаиваемой им старой вере [11, с. 320].

Для создания эффекта исторической достоверности, Мордовцев широко использует эпистолярные произведения Аввакума [22]. Вместе с этим, язык протопопа Аввакума в романе близок к языку простого народа: «Что меня, старого-то ворона, жалеть, *осударыня* царевна!» [17, с. 246]; «Ох! *Ужли это* она?» [17, с. 316]; «Аминь, аминь! *трикраты* аминь!» [17, с. 316]; «*Ишь* напечатал на соблазн людям!» [17, с. 321]. Выделенные слова указывают на элементы просторечной лексики в прямой речи Аввакума. Писатель подчеркивает нелитературный характер речи персонажей из народа: «*Мотри-мотри,* братцы, мышь бежит» [17, с. 531]; «Что у вас *тутай-ка,* братцы?» [17, с. 547].

Вместе с тем речи Аввакума присущи образы древнерусской книжности: «Господь с тобой, дочушка моя по Христе» [17, с. 243]; «Недаром Господь жену создал из ребра мужчины, а мужа из персти земной, из грязи» [17, с. 244]; «Когда Мелетий патриарх антиохийский ругался с проклятыми арианами насчет перстного сложения» [17, с. 268]. Аввакум предстаёт в романе человеком образованным, стойким, крепким и физически, и в своей вере: он прекрасно понимает взаимосвязь духовного и телесного, ему чужды лицемерие и ханжество. Аввакум в «Великом расколе» – плоть от плоти народа, его нравственный и духовный лидер.

Раскрытие образа Аввакума в романе невозможно без упоминания его главного идейного противника – патриарха Никона. Автор на протяжении всего произведения сопоставляет их, эти два персонажа двигаются параллельными курсами. Но если движение Аввакума – это восхождение от борца к святому, то Никон изображен, скорее, по нисходящей проекции. По точному замечанию одного из исследователей романа, «образ одного создается с помощью деталей, характерных для другого» [10, с. 133]. В произведении оба героя попадают в оппозиционную по отношению к государственной власти ситуацию, в то время как им по силам было бы претендовать на место «истинных пастырей православного народа» [10, с. 134].

Раскрывая характеры своих героев, Мордовцев использует приём сопоставления с помощью определенных символов, беря за основу одну из художественных особенностей «Жития...». Обильное привлечение Аввакумом не только анималистической лексики, но и разнообразных сопутствующих ему на жизненном пути животных, позволяет Мордовцеву искусно сопоставлять своих персонажей, показывая их во взаимодействии с теми или иными «божьими тварями». Аввакум всегда выступает в роли их защитника: «Он, сидя в своём подземелье, всё молился да разговаривал то с вороною, каркавшею у него на кресте землянки, то с воробьем, прилетавшим на его оконце клевать крошки, насыпаемые туда узником, то с мышонком, что погрызывал его сухарики, то, наконец, с пауком, спускавшимся с потолка на звон его цепей, говорил затем, чтоб не разучиться говорить и Бога славить, говорил, молился и писал, без конца писал, рассылая свои послания по всей русской земле с помощью уверовавших в него тюремщиков» [17, с. 580].

Иначе ведёт себя Никон. Чаще всего он раздражается на животных, «божьи твари» вызывают у него неприятные ассоциации: «Выбрось его в окно, – продолжал Никон брезгливо, – это бес в образе нетопыря (летучей мыши – *А.У.*)» [17, с. 425]. А одну из птиц – баклана – Никон даже подстреливает, тоже приняв её за «беса» (глава IV, Баклан и Киликейка) [17, с. 435–437].

Важно и то, что основной причиной конфликта, описанного в главе III «Мучительная ночь», явилось непонимание Никоном речи своего прислужника – тот говорил «добро-ста», а Никону казалось «Добр Астарт». Эта коллизия раскрывает ещё одно противоречие между Никоном и Аввакумом: протопоп до конца остается верен народу, тогда как Никон перестает быть его частью.

Описывая характер протопопа Аввакума, Мордовцев использует принцип противопоставления. «Несокрушимая воля» героя оказывается у него «мягкой и тягучей, как золото, в делах добра и железной в других случаях…» [17, с. 257].

В целом, можно утверждать, что создание художественного образа Аввакума в романе «Великий раскол» восходит к традициям древнерусской житийной литературы, для которой были характерны внутренняя напряженность, важность внутреннего смысла, а не внешнего сходства [14, с. 110]. По мере развития действия, когда Аввакум превращается в настоящего мученика за веру, в его образе всё отчетливее становятся заметны агиографические черты. Эта проблема проявления древнерусской культурной традиции видится интересной и перспективной, поскольку к середине XIX века, казалось, было утрачено понимание той средневековой эпохи, которая, по словам В.Г. Белинского, была прервана эпохою Петра [4, Т.1, с. 92–93]. Мордовцев же свое произведение пишет в русле современной ему реалистической литературы, но при этом использует элементы поэтики, присущие литературе древнерусской.

Библиографический список

1. *Аввакум Петров.* Житие протопопа Аввакума, им самим написанное. Издано под редакцией Н.С. Тихонравова. – СПб.: Общественная польза, 1861. – 118 с.

2. *Андреев В.В.* Раскол и его значение в русской народной истории. Исторический очерк. – СПб.: Тип. М. Хана, 1870. – 411 с.

3. *Безродных Г.И., Левковская Н.Н.* Тема раскола (противоборство светской и духовной власти) в литературе и искусстве (материалы фестиваля педагогических идей “Отрытый урок”) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://festival.1 september.ru/articles/597429/

4. *Белинский В.Г.* Полн. собр. соч.: Т. I–XIII. – М.: Изд-во АН СССР, 1953–1959.

5. *Виноградов В.В.* О задачах стилистики. Наблюдения над стилем Жития протопопа Аввакума // Русская речь: Сборники статей / под ред. Л.В. Щербы. – Пг.: Издание фонетич. ин-та практич. изучения языков, 1923. – [Ч.] I. – С. 195–293. – (Труды фонетич. ин-та практич. изучения языков / под ред. И.Э. Гиллельсона).

6. Встреча старообрядцев мира «Путь Аввакума» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.semeyskie.ru/so vr_uu.html

7. *Гусев В.Е.* О жанре Жития протопопа Аввакума // ТОДРЛ / АН СССР. Ин-т. рус. лит. (Пушкин. дом); отв. ред. Д.С. Лихачев. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1958. – Т. XV. – С. 192–202.

8. *Епископ Михаил (Семенов).* Горящий огнем: Повесть из жизни протопопа Аввакума. – М.: Союз старообрядч. начетчиков, 1909. – 18 с.

9. *Игумен Самуил (Верный).* Великое падение. Историко-богословская повесть. – Алматы: «Ценные бумаги», 2011. – 360 с.

10. *Ким Сунн Хун.* Аввакум и его сочинения в русской науке и литературе 2-й половины XIX – начала XX века: Дис. ... канд. филол. наук. – М.: МГУ, 2001. – 185 с.

11. *Кожурин К.Я.* Протопоп Аввакум. – М.: Молодая гвардия, 2011. – 400 с. – Серия «Жизнь замечательных людей».

12. *Кучинский Р. Ю.* «Житие протопопа Аввакума» в поэтических переложениях конца XIX – первой половины XX века: функционирование и жанровая специфика: Дис. ... канд. филол. наук. – Владивосток, 2009.

13. *Лебедев Ю.В.* Даниил Лукич Мордовцев // Мордовцев Д.Л. Соч.: В 2 т. – Т. 1. – М.: Художественная литература, 1991. – С. 5–41.

14. *Лихачев Д.С.* Изображение людей в житийной литературе конца XIV–XV вв. // ТОДРЛ / АН СССР. Ин-т рус. лит. (Пушкин. дом); отв. ред. И.П. Еремин. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1956. – Т. XII. – С. 105–115.

15. *Личутин В.П.* Раскол. Исторический роман в 3-х книгах. – М.: Информпечать, 2000.

16. *Малышев В.И.* Библиография сочинений протопопа Аввакума и литературы о нем 1917–1953 годов // ТОДРЛ / Академия наук СССР; Ин-т рус. лит. (Пушкин. дом); отв. ред. В.П. Адрианова-Перетц. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1954. – Т. X. – С. 435–446.

17. *Мордовцев Д.Л.* За чьи грехи? Великий раскол / вступ. ст. и комм. С.И. Панова и А.М. Ранчина. – М.: Правда, 1990. – 624 с.

18. *Овсянико-Куликовский Д.Н.* Собр. соч. Т. 8: История русской интеллигенции. Часть вторая. От 50-х до 80-х годов. – СПб.: Общественная польза, 1911. – 256 с.

19. *Серман И.З.* Протопоп Аввакум в творчестве Н.С. Лескова // ТОДРЛ / АН СССР. Ин-т рус.-лит. (Пушкин. дом); отв. ред. В.И. Малышев. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1958. – Т. XIV. – С. 404–407.

20. *Соловьев С.М.* История России с древнейших времен. Т. 13. – М., 1863. –779 с.

21. *Субботин Н.* Историк-беллетрист // Русский вестник. – 1881. – Т. 253. – С. 149–216.

22. *Субботин Н.* Материалы для истории раскола за первое время его существования, издаваемые Братством св. Петра митрополита. Т. 5. – СПб., 1879.

23. *Щапов А.П.* Русский раскол старообрядчества. – Казань: Иван Дубровин, 1859. – 550 с.

24. *Макарий (Булгаков).* История русского раскола, известная под именем старообрядчества. – СПб.: Тип. Королева и К., 1855.

25. *Мякотин В.А.* Протопоп Аввакум, его жизнь и деятельность: Биографический очерк. – СПб., 1893.

УДК 808.2

Шаваринская Светлана Руфимовна
Костромской государственный университет им. Н.А. Некрасова
institut.k@yandex.ru

ДОСТОЕВСКИЙ И ТОЛСТОЙ: ДИАЛОГ О РУССКО-ТУРЕЦКОЙ ВОЙНЕ 1877–1878 гг.

В статье раскрывается суть творческого диалога Достоевского и Толстого, который посвящен Восточному вопросу и основан на религиозных воззрениях двух великих писателей.

Ключевые слова: *Достоевский, Толстой, русско-турецкая война, духовно-нравственные смыслы, диалог.*

Поход Русской Армии в 1877–1878 годах на Балканы вошёл в историю как Освободительный. Русский народ откликнулся на призыв о помощи южных славян, в течение пяти веков находившихся под турецким игом. Ещё до начала сербско-турецкой войны, в 1876 году, поддерживая русское добровольческое движение, Достоевский показал себя его горячим сторонником.

В апрельском выпуске «Дневника писателя» за 1876 год Достоевский утверждает устами «парадоксалиста»: «Дикая мысль, <…> что война есть бич для человечества. Напротив, самая полезная вещь. Один только вид войны ненавистен и действительно пагубен: это война междоусобная, братоубийственная. Она мертвит, разлагает государство, продолжается всегда слишком долго и озверяет народ на целые столетия. Но политическая, международная война приносит лишь одну пользу, во всех отношениях, а потому совершенно необходима. <…> Нет выше идеи, как пожертвовать собственною жизнию, отстаивая своих братьев и своё отечество или даже просто отстаивая интересы своего отечества. Без великодушных идей человечество жить не может, и я даже подозреваю, что человечество именно потому и любит войну, чтоб участвовать в великодушной идее» [2, т. 22, с. 122–123].

Примечательно, что и сам автор, оппонируя «парадоксалисту», оставляет без комментариев ряд аргументов: «Христианство само признаёт факт войны и пророчествует, что меч не прейдет до кончины мира… » [2, т. 22, с. 124]. «Война есть повод массе уважать себя, а потому народ и любит войну <…> пролитая кровь важная вещь! Нет, война *в наше время* необходима; без войны провалился бы мир или, по крайней мере, обратился бы в какую-то слизь, в какую-то подлую слякоть, заражённую гнилыми ранами…» [2, т. 22, с. 126].

12(24) апреля 1877 года Александр II объявил войну Турции, русские пошли в бой за освобождение «братьев во Христе». В «Дневнике писателя» за апрель 1977 года Достоевский откликается на это долгожданное событие сразу четырьмя статьями. Этика писателя уходит корнями в учение Нового Завета: «Нет больше той любви, как если кто положит душу свою за други своя». Мессианское предназначение требует от России вступления в освободительную войну. В.Г. Андреева констатирует: «Судьба Восточного вопроса прочно соединена в воображении Достоевского с обязанностью страны как хранительницы православия, именно поэтому движение русских добровольцев в Сербию воспринимается Достоевским как героизм» [1, с. 266].

Автор «Дневника» патетически восклицает: «Это сам народ поднялся на войну, с царём во главе. Когда раздалось царское слово, народ хлынул в церкви, и это по всей земле русской. Когда читали царский манифест, народ крестился, и все *поздравляли* друг друга с войной. <…> Крестьяне в волостях жертвуют по силе своей деньги, подводы, и вдруг эти тысячи людей, как один человек, восклицают: “Да что жертвы, что подводы, мы все пойдём воевать!” <…> Весь народ поднялся за истину, за святое дело…» [2, т. 25, с. 94–95].

Духовно понимая порыв народа, определяемый не рассудком, а живым ощущением богопричастности, Достоевский откровенен и искренен в желании поддержать войну во имя справедливости. Он убеждён: нет подвига «святее и чище такой войны, которую предпринимает теперь Россия» [2, т. 25, с. 99]. Подчеркнём, что идеи, высказанные автором, буквально «висели в воздухе»: «Спросите народ, спросите солдата: для чего они подымаются, для чего идут и чего желают в начавшейся войне, – и все скажут вам, как един человек, что идут, чтоб Христу послужить и освободить угнетённых братьев, и ни один из них не думает о захвате. Да, мы тут, именно в теперешней же войне, и докажем всю нашу идею о будущем предназначении России в Европе, именно докажем, что, освободив славянские земли, не приобретём из них себе ни клочка <…> А если так, то идея наша свята, и война наша <…> первый шаг к достижению того вечного мира, в который мы имеем счастье верить, к достижению *воистину* международного единения и *воистину* человеколюбивого преуспеяния! Итак, не всегда надо проповедовать один только мир, и не в мире одном, во что бы то ни стало, спасение, а иногда и в войне оно есть» [2, т. 25, с. 100].

Русская идея, которую С.А. Кибальник снисходительно именует «утопической концепцией Достоевского», состоит в том, что историческая миссия России есть «жертва, потребность жертвы даже собою за братьев», чтобы «основать вперед великое всеславянское единение, во имя Христовой истины, т. е. на пользу, любовь и службу всему чело-

© Шаваринская С.Р., 2012

вечеству, на защиту всех слабых и угнетённых в мире» [2, т. 23, с.103].

Писатель убеждён в очищающем влиянии войны на общество: «Нам нужна эта война… для собственного спасения…» [2, т. 25, с. 95]. «…Для заражённого организма и такое благое дело, как мир, обращается во вред. Но всё-таки полезною оказывается лишь та война, которая предпринята для идеи, для высшего и великодушного принципа…» [2, т. 25. с. 103].

Достоевский ищет духовно-нравственные смыслы освободительной войны: «…Война из-за великодушной цели, из-за освобождения угнетённых, ради бескорыстной и святой идеи… лечит душу, прогоняет позорную трусость и лень, объявляет и ставит твёрдую цель, даёт и уясняет идею, к осуществлению которой призвана та или другая нация. Такая война укрепляет каждую душу сознанием самопожертвования, а дух всей нации сознанием взаимной солидарности и единения всех членов, составляющих нацию. А главное, сознанием исполненного долга и совершённого хорошего дела…» [2, т. 25, с. 102].

У писателя нет сомнения в победе того, чьё дело правое: «…Нам нужна война и победа. С войной и победой придёт новое слово, и начнётся живая жизнь…» [2, т. 25, с. 96]. «Победа» у Достоевского имеет значение видимое и невидимое, материальное и духовное: «Мы непобедимы ничем в мире», «мы можем, пожалуй проигрывать битвы, но всё-таки останемся непобедимыми именно единением нашего духа народного и сознанием народным» [2, т. 25, с. 97]. Мысль автора принимает геополитические масштабы: «…Колосс – вся наша сила перед Европой, где все теперь чуть не сплошь боятся, что расшатается их старое здание и обрушатся на них потолки. Колосс этот есть народ наш» [2, т. 25, с. 96].

У Достоевского диалектика «естественного и возможного» добра не отделима от религии, а мессианская идея тесно связана с особой ответственностью русского народа перед Всевышним. Указывая на глубокие исторические корни Восточного вопроса, Достоевский приводит слова «тишайшего» царя Алексея Михайловича: «…“Бог призовёт меня к отчёту в день Суда, *если, имея возможность освободить их, я пренебрегу этим <…> я боюсь вопросов, которые мне предложит Творец в тот день: и порешил в своем уме, если Богу угодно, что потрачу все свои войска и свою казну, пролью свою кровь до последней капли, но постараюсь освободить их”*. На всё это вельможи отвечали ему*: “Господи, даруй по желанию сердца твоего*”» [2, т. 25, с. 103–104].

Именно в этот период, когда одна за другой появляются в «Дневнике писателя» статьи Достоевского, посвящённые Восточному вопросу, Л.Н. Толстой приступает к завершению своего романа «Анна Каренина». Восьмая глава в нём «сводила своды» романа, стала их «замком». Она была необходима писателю, так как в ней чётко выявлялась авторская позиция, соединяющая в одно художественное целое две линии романа – линию Анны и линию Левина. Эта глава не только несла в себе явные следы знакомства Толстого со взглядами Достоевского на Восточный вопрос, но и оказалась полемически направленной против этих взглядов. Не исключено, что и задержка Толстого с завершением эпилога романа была связана с тем, что он внимательно, заинтересованно и раздражённо следил за развёртыванием мыслей Достоевского о войне и освобождении южных славян на страницах «Дневника писателя».

Отношение Толстого к идеальному народному порыву (да и к патетике Достоевского) иронично. Исследователи даже отмечают сходство образа писателя-публициста Кознышева, увлечённого добровольческим движением, с Федором Михайловичем Достоевским: «…Толстой в лице Сергея Ивановича Кознышева создает своеобразную “пародию” на Достоевского с его любимыми и пропагандируемыми идеями взаимоотношений России и Европы…» [1, с. 267].

Толстой не щадит в «Анне Карениной» приятелей Кознышева, которые «ни о чем другом не говорили и не писали, как о Славянском вопросе и Сербской войне. Всё то, что делает обыкновенно праздная толпа, убивая время, делалось теперь в пользу Славян…» [5, т. 19, с. 352]. Устами Кознышева Толстой как будто бы критикует это легковесное поветрие толпы: «…славянский вопрос сделался одним из тех модных увлечений, которые всегда, сменяя одно другое, служат обществу предметом занятия; <…> много было людей, с корыстными, тщеславными целями занимавшимися этим делом <…> газеты печатали много ненужного и преувеличенного, с одною целью – обратить на себя внимание… при этом общем подъеме общества выскочили вперед и кричали громче других все неудавшиеся и обиженные…» [5, т. 19, с. 352].

Но Кознышев, как и Достоевский, высоко ценит при этом «энтузиазм, соединивший в одно все классы общества». «Резня единоверцев и братьев славян вызвала сочувствие к страдающим и негодование к притеснителям. И геройство сербов и черногорцев, борющихся за великое дело, породило во всём народе желание помочь своим братьям уже не словом, а делом» [5, т. 19, с. 353]. Подобно Достоевскому, Сергей Иванович радуется: «Народная душа получила выражение. <…> Это было дело, долженствующее получить громадные размеры, составить эпоху» [5, т. 19, с. 353]. Он говорит Левину: «Все разнообразнейшие партии мира интеллигенции, столь враждебные прежде, все слились в одно. Всякая рознь кончилась…» [5, т. 19, с. 390]. «Каждый член общества призван делать свойственное ему дело. <…> И люди мысли ис-

полняют своё дело, выражая общественное мнение. <…> Слышен голос русского народа, который готов встать, как один человек, и готов жертвовать собой для угнетенных братьев; это великий шаг и задаток силы» [5, т. 19, с. 391].

Толстой с Кознышевым не солидарен. Официально-патриотическую и славянофильскую позиции отказываются принять близкие Толстому скептики – старый князь Щербацкий и Левин, не отделяющий себя от народа: «Он не мог согласиться с тем, что десятки людей <…> имели право <...> говорить, что они с газетами выражают волю и мысль народа, <…> которая выражается в мщении и убийстве. Он <…> не видел выражения этих мыслей в народе <…> и не находил этих мыслей в себе (а он не мог себя ничем другим считать, как одним из людей, составляющих русский народ), <…> он вместе с народом не знал, не мог знать того, в чем состоит общее благо, но твердо знал, что достижение этого общего блага возможно только при строгом исполнении того закона добра, который открыт каждому человеку, и потому не мог желать войны и проповедывать для каких бы то ни было общих целей. <…> Если общественное мнение есть непогрешимый судья, то почему революция, коммуна не так же законны, как и движение в пользу Славян?» [5, т. 19, с. 392].

В черновой редакции романа этот аргумент сформулирован ещё более остро: «…Левину хотелось сказать Кознышеву…: “за что же ты осуждаешь коммунистов и социалистов? Разве они не укажут злоупотреблений больше и хуже болгарской резни? <…> не обставят свою деятельность доводами более широкими и разумными, чем сербская война? <…> У вас теперь угнетение славян – и у них угнетение половины рода человеческого…”» [5, т. 20, с. 572].

Как бы в ответ на размышления Достоевского о нравственно очищающем влиянии войны, Толстой даёт описание встречи Катавасова с добровольцами. Среди них молодой промотавшийся московский купец, уже считающий себя героем, отставной гвардеец, не нашедший себе применение в мирной жизни, немолодой «юнкер в отставке»… Недоучившийся артиллерист на вопрос Катавасова о причинах отъезда в Сербию отвечает: «Да что ж, все едут. Надо тоже помочь и сербам. Жалко» [5, т. 19, с. 357]. Там же старичок-военный говорит, что из его города пошёл воевать «только один солдат бессрочный, пьяница и вор, которого никто уже не брал в работники» [5, т. 19, с. 358].

Отрицательное отношение Толстого к добровольческому движению выражено и в сцене с Вронским, говорящим о себе: «Я, как человек <…> тем хорош, что жизнь для меня ничего не стоит. <…> Я рад тому, что есть за что отдать мою жизнь, которая мне не то что не нужна, но постыла. Кому-нибудь пригодится» [5, т. 19, с. 361]. И мать Вронского замечает: «Да после его несчастия, что ж ему было делать? <…> Это Бог нам помог – эта сербская война» [5, т. 19, с. 359, 360].

Достоевский, разумеется, не мог не заметить полемического подтекста в этой главе романа Толстого. Его ответ автору «Анны Карениной» прозвучал в «Дневнике писателя» за июль–август 1877 года по горячим следам публикации заключительной части романа. Высоко оценивая «Анну Каренину» в целом, Достоевский подчеркивал, что не верит словам Левина: «Я сам народ». По мысли писателя, Толстой и его герой разошлись с «огромным большинством русских людей» в отношении к борьбе «братьев-славян» против турок, которая воспринималась как «кровное и личное дело». Достоевский видел здесь «подъем духа народного» и считал, что долг писателя – поддержать его, разъяснить предназначенную русскому народу миссию: быть объединителем славянских народов.

Но нельзя не заметить, что позиция Толстого в «Анне Карениной» ведь тоже далеко не однозначна. Левин не отрицает полностью эту войну. Он допускает возможность участия «в таком жестоком, ужасном деле» человека и христианина при условии, если ответственность начать войну берет на себя «правительство, которое призвано к этому и приводится к войне неизбежно», а «граждане отрекаются от своей личной воли» [5, т. 19, с. 387]. Спор же Кознышева с Левиным и князем Щербацким происходит до объявления войны. Не случайно князь иронизирует: «Да кто же объявил войну туркам? Иван Иванович Рагозов и графиня Лидия Ивановна с мадам Шталь?» [5, т. 19, с. 387].

В.Г. Андреева отмечает, что позиция Левина, осуждающего любое зло и убийство, есть отражение главного принципа Толстого: «В размышлении о восточном вопросе в романе “Анна Каренина” мы видим уже ростки мыслей автора о “непротивлении злу силой зла”. Кознышев выступает оппонентом самого автора» [1, с. 268].

В то же время нельзя не заметить, что позиция Левина по Восточному вопросу глубоко противоречива, хотя в основе своей и эгоистична: «Несмотря на то, что недослушанный план Сергея Ивановича о том, как освобожденный сорокамиллионный мир славян должен вместе с Россией начать новую эпоху в истории, *очень заинтересовал его* <…> – как только он остался один, выйдя из гостиной, он тотчас же вспомнил свои утренние мысли. И все эти соображения о значении славянского элемента во всемирной истории показались ему так ничтожны в сравнении с тем, что делалось в его душе, что он мгновенно забыл все это и перенесся в то самое настроение, в котором он был нынче утром» (курсив мой. – *С.Ш.*) [5, т. 19, с. 395].

Поскольку Левин в романе является вторым «я» автора, индивидуалистическая позиция доминирует у Толстого по отношению к общественной.

И Достоевский «нутром» чувствует ложь такого «обособления», так как, по его убеждению, эгоцентризм в вопросах, представляющих национальный интерес, для любого русского писателя непозволителен.

Неприятие Левиным добровольческого движения Достоевский объясняет тем, что он барин, не сумевший принять народную правду: «…Он доказывает, <…> что русский народ вовсе не чувствует того, что могут чувствовать вообще люди… Он объявляет, что “непосредственного чувства к угнетению славян нет и не может быть” – то есть не только у него, но и у всех русских не может быть: я, дескать, сам народ. Слишком уже они дешево ценят русский народ. Старые, впрочем, оценщики…» [2, т. 25, с. 206].

Конец статьи Достоевского об «Анне Карениной» однозначен: «Этим ли закончил Левин свою эпопею? Его ли хочет нам выставить автор как пример правдивого и честного человека? Такие люди, как автор “Анны Карениной”, – суть учители общества, наши учители, а мы лишь ученики их. Чему ж они нас учат?» [2, т. 25, с. 223].

Но отрицательное отношение к Балканской войне 50-летнего Толстого не помешало ему в период неудач русских на Балканах рваться в действующую армию. С.А. Кибальник, ссылаясь на журналиста суворинского «Нового времени» Ксюнина, побывавшего в Ясной Поляне после похорон писателя, приводит слова его вдовы: «…Ведь Лев Николаевич хотел идти в ряды армии в турецкую войну. “Вся Россия там, я должен идти”. – Каких только трудов стоило уговорить его остаться, объяснить, что своим пером он может принести большую пользу России…» [3, с. 42]. Свидетельство об этом эмоциональном порыве, позволяет предположить, что душа и сердце писателя были порой не в ладу с его «неорелигиозными» размышлениями.

Г.М. Фридлендер указывал, что сцена, где Левин не решается заколоть «турку» и спасти ребенка, а уходит к Кити [2, т. 25, с. 220], «сочиненная» Достоевским в «Дневнике писателя» за июль–август 1877 года, заставляет усомниться в человеколюбии толстовского героя. Но это пародия лишь на Левина. И поскольку «в самом Толстом была не только львиная доля Левина, но и частичка Вронского» [3, с. 42], то Достоевский спорит здесь не столько с Толстым, сколько с Левиным и старым князем Щербацким – т.е. с позицией отдельных героев, не обязательно полностью совпадающей с авторской.

Библиографический список

1. *Андреева В.Г.* «Бесконечный лабиринт сцеплений» в романе Л.Н. Толстого «Анна Каренина». – Кострома: Авантитул, 2012. – 296 с.

2. *Достоевский Ф.М.* Полн. собр. соч.: В 30 т. – Л.: Наука, 1972. – 1990.

3. *Кибальник С.А.* Споры о Балканской войне на страницах «Анны Карениной» // Русская литература. – 2010. – № 4. – С. 39–44.

4. *Матюшкин А.В.* Парадокс Достоевского о войне [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http:// iff.kspu. karelia.ru DswMedia/paradox dost.htm (дата обращения 17.10.12).

5. *Толстой Л.Н.* Полн. собр. соч.: В 90 т. – М.: Худ. лит., 1928 – 1958.

6. *Фридлендер Г.М.* Достоевский и Толстой // Достоевский и мировая литература. – М., 1979. – С. 313.

УДК 82

Шпилевая Галина Александровна
доктор филологических наук, профессор
Воронежский государственный педагогический университет
19alex04@mail.ru

А.А. ШКЛЯРЕВСКИЙ И Э. ГАБОРИО: РОДОНАЧАЛЬНИКИ «ПОЛИЦЕЙСКОГО» РОМАНА

В статье проводится сравнение некоторых поэтологических аспектов произведений двух «детективщиков» или авторов-зачинателей жанра «полицейского» романа: Э. Габорио и А. Шкляревского, создававших свою беллетристическую прозу на реальном материале – судебных и следственных историях. Занимательные фабулы, «эффект задержания», упрощенный психологизм стали абъектом анализа в данной работе.

***Ключевые слова**: беллетристика, герой-следователь, повествовательная манера, человеческая психология, фабульная основа.*

А.А. Шкляревский (1837–1883), прозванный «русским Габорио», родился на Полтавщине, затем будущий писатель переехал в Харьков, потом в Воронежскую губернию. Он служил учителем в воронежском Павловске, после этого, при содействии известного критика М.Ф. Де-Пуле, – и в самом губернском городе (1863 г.) в качестве учителя приходских училищ и женской гимназии. В 1869 г. Шкляревский, гонимый нуждой, болезнью (порок сердца), в надежде на успех своих произведений и улучшение материального положения переезжает в Петербург. В столице Шкляревский получил поддержку А.Ф. Кони, и был «зачислен кандидатом на судебную должность при следователе по

© Шпилевая Г.А., 2012

особо важным делам» [5, с. 3]. Писатель публиковал свои произведения в «Петербургских ведомостях», «Сыне Отечества», «Новом времени».

О жизни Шкляревского в Петербурге известно немного, тем не менее, можно утверждать, что судьба его была типично «разночинская». Современники причисляли его к богеме «второго разряда»: «В шестидесятых годах в первом разряде богемы числились: Мей, Кроль, Решетников, Сергей Максимов, Михневич, Помяловский, Жулев, Лейкин, Иванов-Классик и многие другие. Ко второму разряду принадлежали: Шкляревский, Кущевский, Ломачевский, Крутиков, Волокитин и другие. Первые выбирали для своих сходбищ рестораны почище и подороже, вторые ютились в подвальных ресторанчиках, которые так и звались “ямками”» [6, с. 291].

Известна весьма характерная история о том, как Шкляревский «поставил на место Некрасова». Последний при посещении бедствующего Шкляревского сделал ему внушение по поводу пьянства: «Разве ты так бы писал, если бы жил трезвее?» [6, с. 292]. Шкляревский парировал: «Не тебе обо мне судить, потому что ты сам писать не умеешь. Ты вон свое стихотворение “Еду ли ночью по улице темной”», шедевром считаешь, а стихотворение – дрянь и в основе ложное. “Она” идет торговать собою, чтобы “добыть” на гроб сыну и на ужин отцу, и при этом надевает свое хорошее подвенечное платье. Но подумай! Зачем ей было идти торговать собою, когда за ту же цену можно было продать хорошее платье и сделать гроб и накормить отца?» [6, с. 292].

Этот разговор двух «покорителей» Петербурга очень значим, ведь упрек Шкляревского не только согласуется с мнением тех, кто порой упрекал «певца народного горя» в неискренности, но он заставил задуматься и самого Некрасова, который так передавал свои чувства: «Осенил он меня своею критикою» [6, с. 292].

Обосновавшись в Петербурге, Шкляревский должен был искать материальных средств для поддержания себя и своей семьи. А.Ф. Кони помог литератору занять должность при следователе по особо важным делам. Чуть позже Шкляревский стал «поверенным-стряпчим удельного ведомства по Симбирской, Казанской и Пензенской губерниям» [5, с. 7]. Скорее всего, писатель, ставший свидетелем событий, связанных с судебной реформой 1866 г., смог получить достаточно «криминальных» впечатлений.

Сходные перипетии судьбы испытал и Э. Габорио, «признанный отец европейского детективного романа» [1, с. 9, 11], который «некоторое время исполнял обязанности помощника клерка в одной нотариальной конторе» [1, с. 11] и получил много неизгладимых впечатлений от «французской жизни времен Второй империи с ее блеском и нищетой» [1, с. 11].

На этом, конечно, сходство двух детективщиков-современников не заканчивается, тем более, что здесь же кроется и различие: по мнению одного из исследователей, Шкляревский не только положил свой «полицейский» жизненный опыт в фабульную основу своих книг. Писатель-юрист «просто отдавал героям свою биографию (причем, что поразительно, нередко – преступникам) или излагал те или иные эпизоды из собственной жизни» [5, с. 10]. Об Э. Габорио (1835–1873) этого сказать нельзя, в центре его внимания – объективно изображенное преступление и его раскрытие (сказывается западная традиция, идущая от П. Феваля, Э. По и др.). Такое изображение затем воплотилось в многочисленных последующих детективных моделях, где социальные условия и психологическая мотивация часто представлены в редуцированном виде. У Шкляревского же в большинстве произведений «основной акцент сделан не на расследовании, а на биографии преступника (иногда эти части даже сюжетно не стыкуются)» [5, с. 10–11]. Здесь сказывается русская традиция сочувствия к бедствующему человеку, во многом идущая от Ф.М. Достоевского и других писателей (например, ориентированных на поэтику «натуральной школы»).

Наиболее органичный жанр для Шкляревского – повесть. Повесть – русский жанр, подчеркнуто ориентированный на достоверное изложение событий. Повесть, по наблюдениям теоретиков, дает главным персонажам соответствующее *задание*, выполнение которого является сигналом для завершения произведения. Завершением повестей Шкляревского является не столько раскрытие убийства, сколько итоговое объяснение каких-то социально-психологических причин произошедшего.

Габорио в своих произведениях, безусловно, старается *развлечь* читателя, для чего применяет массу приемов, свойственных беллетристике, которая имитирует жанровые данности, например, романные: широкое социальное полотно, экстенсивную сюжетную картину, активность (интеллектуальную и физическую) героя, имеющего как частные, так и общественные интересы.

О художественных задачах Габорио-романиста и его читателя было совершенно верно сказано следующее: «Роль читателя состоит в том, чтобы установить убийцу, роль автора – в том, чтобы сбить читателя с правильного пути» [1, с. 13]. Отношения *автор-«концепированный» – читатель* у Шкляревского принципиально иные: художественное сознание направлено на сочувствие человеку и понимание различных кризисных ситуаций, возникших вследствие психологической несовместимости людей, их подверженности порокам и слабостям.

Несмотря на то, что психологизм имеет в беллетристике весьма относительный и редуцированный характер, фабульно-сюжетные отношения

в произведениях русского «детективщика» имеют более сложный характер, нежели у Габорио, что позволяет видеть в его произведениях подтекст, хотя лишь намеченный и неразработанный.

Габорио в своих произведениях не столько пытается углубиться в тайны человеческой психики, сколько дает широкую панораму «реальной жизни». В этом отношении Габорио действительно подобен Бальзаку, «который обращался к людям самых разных социальных слоев, пытаясь показать их связь и взаимозависимость» [1, с. 13]. Шкляревского же чаще всего интересуют «просто люди».

Чтобы показать, насколько по-разному два сведенных молвой («русский Габорио»!) беллетриста подходили к изображению действительности, достаточно рассмотреть их манеру рисовать топосы преступления и расследования.

«Дело вдовы Леруж» Габорио открывается «элегантным» описанием места действия, читатель как бы приглашается в тот самый Буживаль или деревню Ла-Жоншер, где произошло событие: «Буживаль – очаровательное местечко, по воскресеньям сюда стекается множество любителей и любительниц прогулок на лодках; здесь порой совершаются всякие правонарушения, но настоящие преступления редки…» [2, с. 15]. Такая повествовательная манера одновременно и успокаивает нетерпеливого читателя детектива (подобно пространным сравнениям Гомера), и интригует его, создавая эффект сюжетного «задержания».

Безусловно, нужно согласиться с исследователем, который отметил, что Габорио «прописывает» персонажей «Вдовы Леруж» там, где им положено находиться: «Богатый особняк графа Коммарена расположен в аристократическом предместье, маркиза де Арланж живет в центре города недалеко от Дома Инвалидов, ушедший на покой сыщик Табаре – вблизи вокзала Сен-Лазар, откуда рукой подать до рабочих кварталов, следователь Дабюрон – на левом, “интеллектуальном”, берегу Сены, любовница Ноэля Жерди Жюльетта Шафур – на улице Фабур-Монмартр, где живет немало женщин сомнительного поведения» [1, с. 15]. Такая убедительная и достоверная картина «проживания» располагала читателя к тому, чтобы верить самым фантастическим поворотам в сюжете *преступника* и *следователя*.

Как видно, Габорио достаточно «артистичен» для автора «полицейского» романа в живописании французских топосов. Шкляревский демонстрирует совершенное равнодушие к «красотам» Петербурга, его архитектуре и культуре. Персонажи Шкляревского (офицеры, мещане, крестьяне, горничные, благородные дамы, актрисы, помещики, авантюристы без возраста и национальности) много разъезжают по всему миру. На страницах «полицейских» повестей речь идет о Германии, Англии, Америке, Крыме, Москве, южных русских провинциях (видимо, о Воронеже или Полтаве). Однако чаще всего действие происходит в Санкт-Петербурге, где какое-то время жил сам автор, близкий к полицейским кругам. Повествование во всех произведениях ведется от лица рассказчика-очевидца, следователя, живущего в Петербурге и лишь иногда покидающего его по служебным или «приватным» надобностям.

«Что побудило к убийству? (Рассказ следователя)» (1873) – одно из произведений Шкляревского, начинающееся с описания Петербурга и напоминающее тем самым завязку «Преступления и наказания» Ф.М. Достоевского. Повесть «русского Габорио» также начинается с описания петербургской жары, сколь редкой, столь и нездоровой, а потому провоцирующей героев совершать неадекватные поступки (преступления): «Происшествие, которое я хочу вам рассказать, случилось в Петербурге, в 186* году в сентябре, отличавшемся в тот год необыкновенными жарами» [8, с. 3]. Итак, Петербург – это место, где совершаются кровавые преступления, ибо именно здесь, по Шкляревскому, напряжение в отношениях между людьми приходит к своей последней, завершающей фазе.

Убийца в произведениях Шкляревского не злодей, а мститель, причем спонтанный. К преступлению его «побуждают» действия человека эгоистичного, злого, грубого, одним словом, заслуживающего определенного наказания.

Персонажи повести «Что побудило к убийству? (Рассказ следователя)» постоянно курсируют из северной столицы в свои провинциальные имения. Эти перемещения часты, и поэтому читатель уверен: сложные и запутанные отношения завершатся кровавой развязкой. Так и случилось: отвергнутый сын убивает (в Петербурге!) отца-самодура, заступившись за свою обиженную мачеху, которая в отношении к нему проявила себя как благородный и заботливый человек.

Шкляревский рисует Петербург – место убийства, прибегая к точным деталям. Читатель абсолютно *уверен*, что действие происходит именно на углу Петровской и Павловской, в доме № 29/17, в «обширной квартире со множеством комнат и роскошно меблированной» [8, с. 15]. Даже абстрактное и наивное уточнение («роскошно») не колеблет этой уверенности. Однако читатель также отмечает, что и автор-повествователь, и герой-убийца не являются коренными петербуржцами. Басков переулок, Вознесенский проспект обрисованы условно, остраненно.

В «Рассказе судебного следователя», впервые опубликованном в газете «Санкт-Петербургские ведомости» (1872), Петербург также становится местом убийства молодой женщины. Преступление совершает родная сестра, ошибочно решив, что этим поступком спасает близкую родственницу от дальнейшего грехопадения. Персонажи этой «кро-

вавой» повести являются участниками почти неправдоподобных событий, что сочетается с реалистически и даже натуралистически обрисованными образами. Герои также постоянно курсируют из провинции в Петербург и обратно, автор упоминает Валдайскую улицу, Невский, Адмиралтейство, гостиницу «Вена», расположенные рядом магазины, где были куплены злополучные ремешки (один из них стал орудием убийства). Повествователь отмечает, что в столице люди чувствуют себя комфортнее, нежели в провинции. В Петербурге легче «затеряться», здесь не смеются над неграмотным выговором простолюдинок («колидор», «молонья», «шинпанское» и др.), в столице человек более одинок, но менее унижен.

У героя-следователя в повестях Шкляревского нет наивного и честного помощника, подобного доктору Ватсону, являющемуся посредником между читателем и детективом. Именно поэтому подробно объясняется *как* и *почему* всезнающий «я» распутал сложнейший узел отношений – страстей и конфликтов.

Одна из самых экзотических «уголовных» повестей Шкляревского – «Секретное следствие». Ее персонажи путешествуют по всему свету, в одной из стран «злодей» Кебмезах приобретает «курарин яд», которым травит несчастных жертв. «Центральное» убийство происходит все в том же Петербурге, который описан очень подробно: главный авантюрист-отравитель «жительство имеет в Спасской части, 2 квартала, по Невскому проспекту, дом № 0, кв. 3» [8, с. 169]. По странной случайности рассказчик-следователь живет в доме напротив и имеет возможность следить за гостями злодея и даже незаметно (!) проникать в его покои.

Итак, «главное» отравление произошло в Петербурге посредством экзотического яда, которым «дикие индейцы намазывают стрелы» [8, с. 145]. В Петербурге же в медико-хирургической академии получает образование доктор Михайловский, с помощью которого разоблачается преступление. Однако проясняются мотивы убийства в «южной провинции», связанной (как всегда у Шкляревского) со столицей прочными тайными нитями. Создается впечатление, что герои «полицейских» повестей Шкляревского курсируют из Петербурга в «южные губернии» только для того, чтобы запутать следы и сделать работу следователя-рассказчика увлекательной, сложной, интеллектуально напряженной – таковы особенности беллетристики: неверный и неточный (без должной мотивации и психологизма) сюжетно-композиционный рисунок постоянно дает о себе знать и заставляет вспомнить классику, где все многопланово и *естественно* (адекватно жизни).

Петербург Шкляревского – это место, где совершаются преступления, где вынашиваются планы их разоблачения, где жертвы и убийцы встречаются в первый и последний раз. Это город, необходимый автору-детективщику, потому что именно с его помощью наиболее ярко можно воплотить в образы основной закон жанра «полицейского» романа, в котором «поэзия мысли сталкивается с прозой жизни» [7, с. 14].

Исследуя беллетристические тексты, ученые сравнивают их с классическими, авторы которых, как правило, тоже начинали в качестве беллетристов. Габорио сопоставляют со Стендалем, Э. По, О. Бальзаком. Шкляревского (интересно то, что он с иронией отзывался о «деятельности… Лекоков», т.е. героев Габорио, у которого сам многое заимствовал) сравнивают, прежде всего, с Ф.М. Достоевским. К Достоевскому «второстепенный детективщик» относился двойственно. Он признавал его своим учителем, равнялся на него, но нередко и обижался. Однажды Шкляревский отнес рукопись своей очередной повести Достоевскому, а затем, безрезультатно посетив его еще несколько раз, обиделся и бросил при очередной встрече: «Я не мальчик и не лакей! Я не привык дожидаться в прихожей!... Я такой же писатель, как вы!» [6, с. 294–295].

Обращаясь к Достоевскому, автор настоящей статьи вовсе не ставит своей целью лишний раз доказать, что «полицейский» роман Габорио и Шкляревского – это «формульная литература, отличающаяся высокой степенью стандартизации» [4, с. 233]. Переходя от беллетристики «детективщиков» к классике, всегда четче видишь особенности поэтики представителей двух разных разделов «оценочной вертикали» литературы.

Обратимся к началу (к экспозиции) «Преступления и наказания» Достоевского: «В начале июля, в чрезвычайно жаркое время, под вечер, один молодой человек вышел из своей каморки, которую нанимал от жильцов в С – м переулке, на улицу и медленно, как бы в нерешимости, отправился к К-ну мосту. Он благополучно избегнул встречи с своею хозяйкой на лестнице. Каморка его приходилась под самою кровлей высокого пятиэтажного дома и походила более на шкаф, чем на квартиру. Квартирная же хозяйка его, у которой он нанимал эту каморку с обедом и прислугой, помещалась одною лестницей ниже, в отдельной квартире, и каждый раз, при выходе на улицу, ему непременно надо было проходить мимо хозяйкиной кухни, почти всегда настежь отворенной на лестницу. И каждый раз молодой человек, проходя мимо, чувствовал какое-то болезненное и трусливое ощущение, которого стыдился и от которого морщился. Он был должен кругом хозяйке и боялся с нею встретиться» [3, с. 5].

Читая эти строки, мы лишний раз убеждаемся, как многопланов текст классической литературы, как много смог сказать Достоевский на первой же странице своего произведения: действительно, все

сложности ситуации, в которую попал убийца-философ, уже обрисованы. В произведении беллетристического уровня текст равен высказыванию и не отличается неисчерпаемостью.

Однако не будем забывать, что Э. Габорио и А.А. Шкляревский также были одаренными литераторами, имели свой «голос» и «почерк». Изображая свою эпоху, они не вышли за рамки «полицейского» романа, и их попытки подойти к уровню серьезного социального или философского произведения не увенчались успехом. Но этот путь за них (и рядом с ними) проделали выдающиеся писатели, двигаясь с авторами «легкого чтива» в едином литературном процессе.

Библиографический список

1. *Балахонов В.Е.* От Лекока до Люпена // Габорио Э. и др. Дело вдовы Леруж... – М..: Прогресс; Мн.: Беларусь, 1991. – 608 с.

2. *Габорио Э.* и др. Дело вдовы Леруж… – М.: Прогресс; Мн.: Беларусь, 1991. – 608 с.

3. *Достоевский Ф.М.* Полн. собр. соч.: В 30 т. – Т. 6. – Л.: Наука, 1973. – 370 с.

4. *Мельников Н.Г.* Понятие «массовая литература» в современном литературоведении // Литературоведение на пороге XXI века. – М., 1996. – С. 229– 234.

5. *Рейтблат А.И.* «Русский Габорио» или ученик Достоевского? // А. Шкляревский. Что побудило к убийству? (Рассказы следователя). – М.: Худож. лит., 1993. – 303 с.

6. *Соколов А.А.* Из моих воспоминаний // А. Шкляревский. Что побудило к убийству? (Рассказы следователя). – М.: Худож. лит., 1993. – 303 с.

7. *Филюшкина С.Н.* Жанр детектива как объект эстетических раздумий // Acta Neophilologica. VIII. Wydawnictwo Uniwersytetu Warminsko – Mazurskego Olsztyn, 2006. – P. 12–14.

8. *Шкляревский А.* Что побудило к убийству? (Рассказ следователя). – М.: Худож. лит., 1993. – 303 с.

УДК 821.161

Яковлева Любовь Анатольевна

Технический институт (филиал) «Северо-Восточного федерального университета им. М.К. Аммосова» в г. Нерюнгри

yakovlyubov@rambler.ru

К КАТЕГОРИИ ВРЕМЕНИ В ПОЭЗИИ АННЫ АХМАТОВОЙ: ДИАЛОГ С ФОЛЬКЛОРНОЙ И РЕЛИГИОЗНО-МИФОЛОГИЧЕСКОЙ ТРАДИЦИЕЙ

Статья посвящена специфике воплощения категории времени в поэзии Анны Ахматовой. По версии автора статьи, концепция времени разрабатывается поэтессой в проекции на фольклорное и мифологическое время, что в итоге приводит к появлению магического хронотопа в ее поэтике.

Ключевые слова: *категория времени, фольклор, миф, святочный календарь, пасхальные даты, хронотоп.*

В поэзии Анны Ахматовой особую художественную значимость обретает категория времени.

Что войны, что чума? – конец им виден скорый,
Им приговор почти произнесен.
Но кто нас защитит от ужаса, который
Был бегом времени когда-то наречен? [1, с. 237].

– писала она в 1961 году. Именно так – «Бег времени» – назвала Ахматова свой последний прижизненный сборник стихов (1965).

Психологическому и творческому преодолению «ужаса времени» способствовала *магическая* концепция времени, которая сложилась в картине мира и поэтике Ахматовой в диалоге с фольклорной и религиозно-обрядовой традицией.

Время в фольклоре – это условное время, которое всегда замкнуто. Благодаря замкнутости оно способно «повторяться». Время в фольклоре зачастую становится смыслообразующей категорией. Мифологическое время вбирает в себя не только прошлое, оно почти всегда спроецировано на будущее: через апелляцию к коллективной памяти строится образ будущего. Но любой фольклорный текст – это актуализация настоящего. Через прошлое постигается настоящее и устанавливается связь с будущим.

Осмысление времени в раннем творчестве А. Ахматовой связано с календарной символикой. Фольклорные образы при этом переплетаются с религиозно-православными. Во многих стихотворениях течение времени фиксируется православными датами, приходящимися на христианские праздники, – *Рождество, Крещение, Пасха, Благовещенье, Вознесение.* Ср.: «И милый сон под *Рождество*, / И *Пасхи* ветер многозвонный…» [1, с. 87], «О нем гадала я в канун *Крещенья*…» [1, с. 29]; «…Через неделю настанет *Пасха*» [1, с. 125]; «Горят твои ладони, / В ушах *пасхальный* звон…» [1, с. 52], «Выбрала сама я долю / Другу сердца моего: / Отпустила я на волю / В *Благовещенье* его…» [1, с. 107]; «Твой месяц – май, твой праздник – *Вознесенье*» [2, с. 103]; «За окном крылами веет / Белый, белый *Духов день*» [1, с. 113]. Ахматова строит собственные причинно-следственные отношения между окружающими явлениями, заимствуя из фольклора принцип симпатических свя-

© Яковлева Л.А., 2012

зей, в которые втягиваются сакральные даты христианского календаря.

Проиллюстрируем данный принцип на примере стихотворения «8 ноября 1913 года». Вынесение в заглавие сакральной даты становится смысловым ключом к стихотворению: 8 ноября по старому стилю – день архангела Михаила и именины М.Л. Лозинского, которому посвящено стихотворение. Ср.:

Солнце комнату наполнило
Пылью желтой и сквозной.
Я проснулась и припомнила:
Милый, нынче праздник твой [1, с. 62].

Этот «двойной» праздник, по логике автора, служит «чудесной» причиной преображения природы, погоды, самочувствия героини.

Однако представление о времени в творческом сознании Ахматовой эволюционирует. Иная концепция времени возникает в эпоху исторических потрясений, наступившую с началом Первой мировой войны. Переосмысление феномена времени начинается с осознания распавшейся связи времен, что обусловливает противопоставление *недавнего прошлого* (времени гармонического и идиллического) и *настоящего* (времени гибельного, трагического, эсхатологического):

Думали: нищие мы, нету у нас ничего,
А как стали одно за другим терять,
Так, что сделался каждый день
Поминальным днем, –
Начали песни слагать
О великой щедрости Божьей
Да о нашем бывшем богатстве [1, с. 110].

Поэтому если в «Вечере» и «Четках» превалирует целостное, «гармоничное» время, то, начиная с «Белой стаи» (1917), «Подорожника» (1921) и «Anno Domini MCMXXI» (в переводе: В Лето Господне, 1921), время меняет свою природу: оно становится дискретным, энтропийным, «апокалиптическим» [7, с. 47–55]. Данное положение подтверждается иной, нежели в первом периоде творчества Ахматовой, сочетаемостью на лексическом уровне. В сборнике «Белая стая» лексемы с темпоральным значением, сочетаясь с прилагательными *мертвенный, страшный*, входят в один синтагматический ряд с доминантой *смерть*. Например: «Под крышей промерзшей пустого жилья / Я мертвенных дней не считаю…» [1, с. 83], «Я гощу у смерти белой / По дороге в тьму…» [1, с. 88], «А теперь пора такая, / Страшный год и страшный город» [1, с. 105].

Апокалипсические предчувствия лирической героини достигают кульминации в следующих строках:

И вижу дивный град, и слышу голос милый,
Как будто нет еще таинственной могилы,
Где день и ночь, склонясь, в жары и холода,
Должна я ожидать Последнего суда [1, с. 117].

Апокалипсические образы постоянно проскальзывают у Ахматовой – как в прозе, так и в поэзии 1930-х – при описании эпохи, став уже ее привычным фоном и в то же время выражая ее суть. «Время тогда было апокалипсическое», – записывает она в «Листках из дневника», характеризуя период разгара репрессий. Эпиграфы из Апокалипсиса поставлены к поэме «Путем всея земли» («И Ангел поклялся живущим, что времени больше не будет» [1, с. 232], стихотворению «Лондонцам» («И сделалась война на небе» [1, с. 205]. Апокалипсической образностью насыщен цикл «Реквием» («Звезды смерти стояли над нами…» [1, с. 197]; «И скорой гибелью грозит огромная звезда» [1, с. 199]).

Таким образом, в художественной системе Ахматовой выявляются определенные точки времени, которые адсорбируют информацию о событиях, с ними связанных. Это могут быть как традиционно-ритуальные рубежи годового цикла (Святки, Крещение, Рождество, Пасха), так и даты, в которые случилось то или иное важное событие. Особенность же этих дат не только в том, что они хранят память о прошлом, но и в том, что они начинают притягивать к себе аналогичные события из настоящего и будущего.

Прошлое с будущим, как и в мифопоэтической модели, оказывается связанным телеологической связью: в прошлом уже хранится «зародыш» будущего. Ср.:

Как в прошедшем грядущее зреет,
Так в грядущем прошлое тлеет –
Страшный праздник мертвой листвы [1, с. 324].

Отсюда и ахматовская нумерология (рифмовка дат), и тенденция к стиранию граней между прошлым и настоящим. Ахматова отстаивает мысль о вневременном характере подлинных событий. Нечто раз случившееся уже не исчезает никогда, запечатлеваясь не только в сознании и памяти субъекта, но как бы и объективно: пространство, вещный мир хранят память о происшедшем, о людях, связанных с тем или иным местом, городом, домом. Эта идея «сгустилась» в творчестве Ахматовой в мифологему Петербурга [6, с. 11–121], «который стал «резервуаром памяти» о событиях здесь происшедших и произведениях, в которых он отражался (ср. «Стихи о Петербурге» и «Поэма без героя»).

В смысловой структуре «Поэмы без героя» Анны Ахматовой огромную роль играет святочный календарь, который становится неким смысловым интегратором, втягивающим в свою сферу временную, пространственную и фабульную семантику поэмы.

Исследователями давно отмечено, что время действия в Части Первой «Поэмы» приурочено к Святкам. На Святки Ахматова прямо указывает в третьей главе «Петербургской повести»:

Были святки кострами согреты,
И валились с мостов кареты,
И весь траурный город плыл
По неведомому назначенью,

По Неве иль против теченья, –
Только прочь от своих могил [1, с. 332].

Много в поэме и косвенных указаний на святочный хронотоп и связанные с ним обряды: в эпиграфах из Жуковского и Пушкина, в подзаголовках и датировках 1-го и 3-го «посвящений».

Святки, святые дни, по православному календарю празднуются с Рождества до Крещения (25 декабря – 6 января – по старому стилю; 7–19 января по новому стилю). Примечательно, что поэтесса в указании святочных дат придерживается старого стиля, но иногда Ахматова намеренно смешивает даты григорианского и юлианского календарей, что приводит к совмещению православных и католических праздников.

Так, к «Третьему и последнему» посвящению, вводящему в «Поэму» святочный код, поэтесса дает подзаголовок: *«Le jour des rois»*, к которому делает два примечания: сначала в сноске предлагает дословный перевод с французского: «День царей» [1, с. 321], а в «Примечаниях редактора» пишет: «*Le jour des rois* (франц.) – канун Крещения: 5 января» [1, с. 345]. Действительно, словосочетание «Le jour (или la fête) des Rois» в буквальном переводе с французского означает *день царей (королей, волхвов)* и представляет собой идиоматическое выражение, обозначающее Крещение Господне или Богоявление, празднуемое католиками 6 января. Этимологически эта идиома объясняется тем, что у католиков центральным содержанием праздника Крещения (Богоявления) является церковное сказание о поклонении младенцу Иисусу трех волхвов (трех царей) – Каспара, Мельхиора и Валтасара, пришедших с дарами в Вифлеем.

На католический характер праздника указывает и подзаголовок на французском и дата под посвящением – 5 января, которая в сочетании с эпиграфом из Василия Жуковского «Раз в Крещенский вечерок…» [1, с. 321] явно указывает на католический Крещенский Сочельник.

В «Примечаниях редактора» автор эту святочную дату однозначно относит к католическому календарю. Возникает вопрос: почему? Нам кажется, что здесь Ахматова руководствовалась следующими мотивами.

Во-первых, для воплощения собственной хронотопической концепции, предполагающей изображение временного «стыка» и временной «петли», ей важно предварительно зафиксировать в сознании читателей «ощущение канунов, Сочельников». Крещенский Сочельник как раз входит в пограничную временную парадигму.

Во-вторых, здесь скрыт биографический подтекст. «Третье и последнее» <Посвящение> обращено к Исаии Берлину, который именно 5 января 1946, по его воспоминаниям, пришел «во дворец Фонтанный» к Ахматовой с прощальным визитом [3, с. 439]. И дата написания «Третьего и последнего» посвящения – *5 января 1956* – знаменует 10-ю годовщину этого события. Кроме того, следует подчеркнуть, что Исаия Берлин – правоверный католик, поэтому тема Крещенского Сочельника наверняка возникала в ходе его прощальной беседы с Ахматовой.

Но современный план «Поэмы» разворачивается в новом летоисчислении, в котором «День Царей» (*Le jour des rois*), начинает работать и как «рождественский код». Дело в том, что праздник Крещения (Богоявления) в православной традиции связан не с приходом волхвов, а с Крещением Иисуса Христа в водах Иордана (отсюда традиция Крещенского купания). А приход Волхвов, дары волхвов ассоциируются все-таки с Рождеством.

Согласно Евангелию от Матфея, волхвы по явлению чудесной звезды узнали о рождении «Царя Иудейского», и, следуя за звездой, пришли в Вифлеем и поднесли Младенцу Иисусу дары («золото, ладан и смирну») вскоре после его рождения (Матф. 2:1–11), т.е. евангельский мотив царей-волхвов скорее соотносится с семантикой *Рождества* Иисуса Христа, нежели Его *Крещения*. Отсюда традиция дарения подарков на Рождество.

Исходя из этого День царей в православной традиции можно истолковать как преддверье Рождества – Рождественский Сочельник. Он связан с другим биографическим событием: 6 января (24 декабря по старому стилю) Ахматова познакомилась с Николаем Гумилевым. Подруга Анны Ахматовой Валентина Срезневская свидетельствует: «С Колей Гумилевым, тогда еще гимназистом седьмого класса, Аня познакомилась в 1903 году, в Сочельник» [9, с. 6].

Тогда становится понятным, почему Ахматова в постраничной сноске дает *буквальный перевод* французского названия праздника: «День царей». Это их с Гумилевым дата, день *поэтов-царей*. Ведь для Ахматовой звание поэта приравнивается к царскому статусу.

Ахматова, разумеется, хорошо помнила, что Гумилев «примерял» в своих стихах «царские одежды» (ср. в его стихотворении «Память»: «Он хотел стать богом и царем…» [4, с. 288]. Но главное, что в пору страстной влюбленности в Анну Горенко он буквально отождествлял ее с царицей. Свидетельства тому – дарственные надписи на «Романтических цветах» (1908): «Моей прелестной царице и невесте…» и на «Жемчугах» (1910): «Анне Горенко / Кесарево кесарю / автор» [8, с. 312].

И на этом смысловом перекрестке в тексте «Поэмы без героя» возникает мифологема царя Давида как библейского прототипа Поэта, соединяющего в себе царственную власть и песенный дар, данный Господом. Ср.:

…Поэтам
Вообще не пристали грехи.
Проплясать пред Ковчегом Завета
Или сгинуть!... [1, с. 325].

Пред Ковчегом Завета плясал, как известно, царь Давид, что было воспринято его женой Мелхолой как унижение. Для Ахматовой эта библейская ассоциация настолько важна, что она в «Примечаниях редактора» отсылает читателя к «Книге Царств». Во 2-й книге Царств читаем: «И сказал Давид Мелхоле: Пред Господом *плясать буду* <…>; пред Господом играть и плясать буду; и я еще больше унижусь, и сделаюсь еще ничтожнее в глазах моих, и пред служанками, о которых ты говоришь, я буду славен» (2 Царств, 6:21–22).

Отсюда следует, что подзаголовок (*Le jour des rois*) <День царей> знаменует и канун Крещения (Крещенский сочельник); и канун православного Рождества. А в биографическом контексте – и судьбоносный день встречи будущих поэтов (24 (6) января 1903 года), и роковой день встречи автора с адресатом посвящения, имевшей фатальные последствия для России и Европы. Ср.:

Но мы с ним такое заслужим,
Что смутится Двадцатый век [1, с. 321].

Однако не столь важно, с католической (крещенской) или православной (рождественской) традицией связывает читатель «День царей»: образ волхвов вызывает ассоциации с царственными дарами. Именно этот мотив в финале «Третьего и последнего» посвящения получает трагическое разрешение (в модальности будущего времени):

…Не кольцо, не сладость молений –
Он погибель мне принесет [1, с. 322].

Таким образом, «Третье и последнее» посвящение содержит в свернутом виде весь святочный календарь, а точнее, святочные кануны, включая канун Нового года (ср.: «Он ко мне во дворец Фонтанный / Опоздает ночью туманной / Новогоднее пить вино» [1, с. 322], что придает ему совершенно особый статус – некоей «магической» увертюры, которая разыгрывается в тексте Поэмы в трех временных измерениях – прошлом, настоящем и будущем.

Вместе с тем, в эту святочную парадигму органически встраиваются фольклорные реминисценции. Ведь празднование Святок на Руси вплоть до начала XX века представляло собой смешение языческих и христианских обрядов, мифологическим содержанием которых было общение с *миром мертвых*: от последних зависело благополучие живых. В народном календаре особыми, магически отмеченными датами были даты, знаменующие *границу*, *переход*: Сочельник (канун Рождества), Васильев Вечер (канун Нового года) и Крещенский Сочельник (канун Крещения). Именно эти даты считались самыми благоприятными для гадания и ряженья.

Не случайно действие *Части первой* («Девятьсот тринадцатый год») начинается 31 декабря 1940 года. Этот святочный канун (Васильев вечер, когда поощрялись святочные игры, ряженье и девичьи гадания) особенно значим для Ахматовой. Примечательно, что она в начале «Поэмы» четыре раза упоминает ситуацию встречи Нового года. Первый раз новогодняя ситуация представлена в «Третьем и последнем» посвящении:

Я его приняла случайно
За того, кто дарован тайной,
С кем горчайшее суждено,
Он ко мне во дворец Фонтанный
Опоздает ночью туманной
Новогоднее пить вино [1, с. 321].

Второй раз новогодний мотив всплывает в эпиграфе (к *Главе первой*) – автоцитате из стихотворения 1914 года: «Новогодний праздник длится пышно, / Влажны стебли новогодних роз» [1, с. 322]. В третий раз канун Нового года маркирован в ремарке к *Главе первой*: «Новогодний вечер. Фонтанный Дом…». И, наконец, четвертый раз встреча Нового – сорок первого – года (с отсутствующим героем) открывает действие Поэмы, служа ее сюжетной завязкой:

Я зажгла заветные свечи,
Чтобы этот светился вечер,
И с тобою, ко мне не пришедшим,
Сорок первый встречаю год [1, с. 322].

Но какая же тогда святочная дата знаменует развязку «Поэмы»? По сюжетной логике, сюжетным завершением «Поэмы без героя» является *Часть вторая* («Решка»), время действия которой указано в авторской ремарке: «…Время – 5 января 1941 г.» [1, с. 335], по старому стилю – канун Крещения и завершение Святок. Таким образом, круг замыкается: действие «Поэмы» предваряется этой датой, заданной в «Третьем и последнем» посвящении, и ею же заканчивается. Дата оказывается роковой, несущей «погибель». Не случайно тема гибели, заданная в 3-м Посвящении, реализуется (как бы сбывается) в лирическом пространстве «Решки», особенно в ее «реквиемных» строфах.

Сюжет «Поэмы», завязка и развязка которого явно спроецированы на святочные кануны, должен иметь некий инвариант, общий знаменатель, обусловленный святочным хронотопом. Таковым, на наш взгляд, является архетипический мотив *прихода мертвеца / призрака / неких инфернальных сил в мир живых*. Именно этот сюжетный мотив, как доказывает Л.Г. Кихней [5, 382–386], становится семиотическим ядром «Поэмы» и объединяет целый ряд, казалось бы, разнородных литературных и мифопоэтических рецепций в единую смысловую парадигму.

Библиографический список

1. *Ахматова А.* Сочинения: В 2 т. / сост., примеч. М.М. Кралина. – М.: «Правда», 1990. – Т. 1.

2. *Ахматова А.* Сочинения: В 2 т. / сост., примеч. М.М. Кралина. – М.: «Правда», 1990. – Т. 2.

3. *Берлин Исайя.* Из воспоминаний «Встречи с русскими писателями» // Воспоминания об Анне Ахматовой. – М.: Советский писатель, 1991.

4. *Гумилев Н.* Соч.: В 3 т. – М.: Художественная литература, 1991. – Т. 1.

5. *Кихней Л.Г.* Потаенный сюжет «Поэмы без героя» Анны Ахматовой в зеркале интертекста // Русская литература XX–XI веков: проблемы теории и методологии изучения: Мат-лы Второй Международной конференции (16–17 ноября 2006 г.). – М.: Изд-во Моск. ун-та, 2007.

6. *Кихней Л.Г.* Поэзия Анны Ахматовой: Тайны ремесла. – М.: «Диалог МГУ», 2007.

7. *Кихней Л.Г.* Эоническое и апокалиптическое время в поэтике акмеизма // Le temps dans la poétique acméiste. – Lyon: Lyon III-CESAL, 2010. – P. 29–59.

8. *Сиротинская И.П.* Моей прелестной царице… // Встречи с прошлым: Сб. материалов Рос. гос. архива литературы и искусства. Вып. 8. – М., 1996. – С. 310–321.

9. *Срезневская В.С.* Дафнис и Хлоя // Воспоминания об Анне Ахматовой. – М., 1991.

ИСТОРИЯ

УДК 93: 355.212.2 «187/19»

Гончар Михаил Игоревич
Институт гуманитарных наук Сыктывкарского государственного университета
mikh.gonchar@yandex.ru

ВВЕДЕНИЕ ВСЕОБЩЕЙ ВОИНСКОЙ ПОВИННОСТИ В РУССКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ ДО 1917 г.

В статье представлен анализ осмысления дореволюционными историками и общественными деятелями введения всеобщей воинской повинности в России. Исследователями были рассмотрены такие проблемы, как подготовка реформы, изменения сроков службы в пореформенной армии, анализ теоретических проблем комплектования вооруженных сил. Некоторые аспекты введения указанной государственной меры не получили должного освещения (финансирование), не было создано обещающей работы, посвященной введению всеобщей воинской повинности.

Ключевые слова: *историография, всеобщая воинская повинность, военная реформа.*

Военные реформы 60–70-х годов XIX века обозначили переход вооруженных сил Российской империи на качественно новый уровень. Изменилась система управления армией, подготовки кадров и другие важнейшие компоненты. В 1874 году был осуществлен переход к новой системе комплектования армии на основе всеобщей воинской повинности. Между тем, вклад дореволюционных исследователей в изучение процесса введения всеобщей воинской повинности в России недооценен. Например, в фундаментальном исследовании П.А. Зайончковского, посвященном военным реформам в России второй половины XIX века, автор указывает на наличие только одной работы (Г. Джаншиева), в которой предпринята попытка анализа процесса введения новой системы комплектования [8, с. 368].

Анализ пореформенной системы комплектования армии в России начался лишь спустя 20 лет после введения в действие закона от 1 января 1874 года. Это связано с тем, что основной задачей поначалу было ознакомление населения с принципами набора в войска. Этому процессу способствовали комментированные издания Устава от 1 января 1874 года, предназначенные для «молодых людей и членов их семей» [3], и так называемые «чтения для народа» [13]. К указанной тенденции примыкает труд В. Андреева [1]. В популярной форме автор знакомит читателя с повседневной жизнью пореформенного солдата [1, с. 293–297], обращает внимание на сложные экономические условия, описывает внешний вид новобранцев [1, с. 296].

Одной из первых работ, посвященных анализу Великих реформ Александра II, являлась монография Г. Джаншиева, содержащая и материал по введению всеобщей воинской повинности [6]. Автор считает, что реформа 1 января 1874 года была важнейшим государственным актом Александра II, однако запоздала на 10 лет. Указанный тезис позднее будет активно использоваться советской историографией для доказательства несовершенства реформы. Необходимость реорганизации вооруженных сил России видится нам в свете предпосылок внутренних (естественная необходимость в переустройстве армии) и предпосылок внешних (победы прусской армии) [6, с. 543]. Джаншиев уделяет внимание подготовке Устава о воинской повинности, обозначает основные дискуссионные вопросы, возникшие в ходе обсуждения. В качестве общего вывода автор еще раз подчеркивает большую значимость реформы 1874 года для русской армии и отмечает войну 1877–1878 года как способ проверки эффективности переустройства русской вооруженной силы [6, с. 895].

В 1899 году полковником Ф. Зейном был прочтен доклад, посвященный сравнению основополагающих документов о воинской повинности в Российской империи и в Финляндии как части империи [4]. По мнению автора, уставы различаются по длительности военной службы, их компетенции, количеству призываемых и призванных на военную службу, объему средств, выделяемых на содержание одного новобранца [4, с. 6–7]. Среди прочих отличий отметим роль жребия, как одной из основных процедур при определении новобранцев на военную службу. При поступлении на службу в Российской империи процедура жребия, проводимая до медицинского освидетельствования, определяла, поступит ли новобранец в войска или будет зачислен в ратники ополчения. В Финляндии же жребию отводилась менее значимая роль: в соответствии с ним присутствие определяло, поступит ли новобранец в действующую армию или отправится в запас. Решающим фактором при поступлении на военную службу в Финляндии было мнение членов уездного по воинской повинности присутствия [4, с. 18–19]. Разнился и состав органов, ответственных за проведение призыва: в Российской империи доминировали военные чиновники, а в Финляндии – гражданская администрация [4, с. 21].

Введение всеобщей воинской повинности нашло свое отражение и в работе П.А. Гейсмана о Русско-Турецкой войне 1877–1878 гг. «Организационные работы по введению новой системы комплектова-

© Гончар М.И., 2012

ния были прерваны войной 1877 года», – считает автор. Именно поэтому русская армия не успела сравниться по количеству солдат с вооруженными силами европейских держав [5, с. 3]. Противоположной точки зрения придерживается С.С. Татищев. По его словам, мобилизационные мероприятия 1876–1878 гг. стали проверкой эффективности Устава 1 января 1874 года, что подтверждается статистическими данными.[16, с. 539]

Труд А. Елишева, вышедший в 1906 году, посвящен анализу повинностей русского крестьянства. В числе прочих упомянута и обязанность населения отбывать службу в рядах армии Российской империи. Отмечая принцип всеобщности государственной меры, автор хотя и упоминает закон 1906 года – очередное изменение сроков службы в русской армии, – но не дает себе труда обратиться к анализу данного закона [7, с. 18–19].

Введение новой системы комплектования армии нашло свое отражение в трудах известного русского историка В.О. Ключевского. В частности, в «Кратком пособии по русской истории» отмечалось, что Устав «составил один из важнейших моментов в уравнительном переустройстве русского общества». Вслед за кратким изложением основных положении Устава, ученый анализирует размер армий России, Германии и Австрии и отмечает явное превосходство в количестве вооруженных сил Австрии и Германии. Данная диспропорция привела к изменениям в сроках службы. Так, по закону от 14 июня 1888 года срок службы в действительной армии был сокращен на 1 год и одновременно увеличен срок пребывания в запасе на три года. Вместе с тем был увеличен срок стояния в запасе до 43 лет, были предприняты меры по обеспечению армии образованными офицерскими чинами [11, с. 181, 182]. Мы видим, что основной вклад историка в рассматриваемую проблему концентрируется на анализе динамики сроков службы во второй половине XIX – начале XX веков.

С конца 90-х годов XIX века предпринимаются попытки обобщить накопленный материал. Указанная тенденция находит отражение в выходе обобщающих работ по истории русской армии и публикации статей в изданиях энциклопедического и справочного характера. В Энциклопедии Брокгауза и Эфрона, вышедшей в 1898 году, дана дефиниция воинской повинности [18, т. 13. с. 925–928], и отмечено, что реформа «примыкала к общему преобразовательному течению, направленному против старого сословного общественного устройства» [18, т. 55. с. 487–488].

Авторы «Истории русской армии и флота», наряду с перечислением основных положений Устава, особо отмечают «легкость военной службы» [10, 20]. Тем не менее, реформа 1874 года была рассчитана на длительную перспективу, и ее плоды никак не могли сказаться к началу Русско-Турецкой войны 1877–1878 годов. Исследователи доказывают это недостачей в 10% от числа призванных в ряды армии к 1877 году [10, 21]. При всех минусах проведения первой предвоенной мобилизации составители «Истории русской армии» склонны оправдывать введенную систему комплектования, а трудности списывать на особенности призыва запасных нижних чинов (систематический характер, впервые широкое использование железных дорог.) [10, с. 44]. Гораздо более полный анализ воинской повинности дан в вышедшей в 1911 году военной энциклопедии Сытина. В статье, принадлежащей перу В. Верещагина, раскрыты теоретические основания новой организации воинской повинности, дан подробный исторический очерк развития этого института, указаны причины, приведшие к пересмотру Устава от 1 января 1874 года [2, с. 625–642]. К обобщающим работам стоит отнести и монографию А.А. Корнилова, представляющую собой сжатый курс русской истории XIX века. Солидаризируясь со всеми исследователями, автор отмечает огромное значение реформы 1 января 1874 года для русской армии. Признавая необходимость проведения модернизации набора в армию «с технической стороны», историк указывает и демократизирующее значение введенной меры. Отмечая рост грамотности в России, исследователь видит в пореформенной армии школу для народа [12, с. 573]. Не менее значима идея автора о роли экономической составляющей при проведении в жизнь Устава о воинской повинности. Речь идет о строительстве железных дорог, развернувшемся в царствование Александра II [12, с. 571].

Монография А.А. Титова, посвященная анализу реформ Александра II, явилась крупным шагом в осмыслении перехода к новым принципам организации русской вооруженной силы [17]. Одним из первых в историографии автор акцентирует внимание на изменении сроков службы ко времени выхода закона от 14 июня 1888 года, сократившего военную службу до 2, 3–5 лет, однако оценивает его негативно – всему виной «обнищание» гражданской интеллигенции при незначительном пополнении рядов «интеллигентных» офицеров [17, с. 142]. В качестве решающей предпосылки автор отмечает отмену крепостного права, земскую и судебную реформы, «вписывая» введение всеобщей воинской повинности в контекст реформаторской политики Александра II [17, с. 133]. Не остается в стороне и предпосылка введения Устава от 1 января 1874 года, то есть «война между прусаками и французами», которая «показала, как важно иметь хорошо устроенную армию» [17, с. 134] .

Работа профессора Добровольского является попыткой теоретического осмысления нового закона комплектования армии [14, с. 131]. Вслед за В. Верещагиным автор выделяет принципы (ограничена во времени, равная для всех, общеобяза-

тельная, личная) [14, с. 18–66] и условия возникновения (гражданство, достижение определенного возраста, физическая годность и нравственное достоинство) [14, с. 75–90] всеобщей воинской повинности. Как и Ф. Зейн, Добровольский выделяет три инстанции, ответственные за проведение призыва, одновременно сводя их в систему, каждая ступень которой обладает свойственными только ей исполнительными или распорядительными функциями. Особо автор подчеркивает коллегиальность и смешанный характер органов власти, ответственных за проведение призыва [14, с. 90].

В том же 1912 году был произнесен и издан доклад И.А. Ивановского, посвященный реформаторской деятельности Д.А. Милютина [9]. Важен вывод автора о том, что реформа улучшила не только материальное благосостояние русского солдата, но и повлияла на его нравственность, сблизив армию и население[9, с. 9–10].

Наконец, в 1914 году был создан исторический очерк деятельности Военного министерства. Особый интерес для нас представляет четвертый том, посвященный комплектованию армии в 1855–1902 гг. Авторы анализируют манифест о введении всеобщей воинской повинности [15, с. 95–98], положения Устава от 1 января 1874 года [15, с. 98–101]. Основным достоинством монографии является анализ авторами статистических данных о призыве на военную службу в пореформенной армии. Были рассмотрены такие проблемы, как убыль и поступление на службу новобранцев, проанализированы статистические данные по росту, уровню образования призывников, льготному обеспечению [15, с. 152–169, 229–261]. Не получили должного освещения такие вопросы, как изменение сроков службы в армии, финансирование призыва.

Таким образом, 1874–1917 гг. представляют собой особый этап в осмыслении проблем введения всеобщей воинской повинности в России. Начавшаяся в конце 90-х годов XIX века рефлексия исследователей была направлена на освещение проблем подготовки реформы, выявление ее ключевых предпосылок (естественная необходимость в переустройстве русских вооруженных сил и победы прусской армии) (Г. Джаншиев). По мнению А.А. Титова, решающим фактором стала отмена крепостного права в России. Он же впервые обратил внимание на изменения сроков службы в пореформенной армии (анализ закона 14 июня 1888 года). К этой же законодательной инициативе обратился несколько позже и В.О. Ключевский, отмечая диспропорцию в размерах вооруженных сил Российской империи и ведущих европейских держав как причину ее принятия. Отметим и появление аналитических работ, посвященных теоретическим проблемам комплектования армии в пореформенной России (работы профессора Добровольского, В. Верещагина). Новшеством стало также появление обобщающих работ по истории русской армии, содержащих сведения о введении всеобщей воинской повинности. Достижения дореволюционных историков очевидны, но некоторые аспекты введения указанной государственной меры не получили должного освещения (к примеру, проблема финансирования), не было создано обобщающей работы, посвященной введению всеобщей воинской повинности.

Библиографический список

1. *Андреев В.* Современная Россия. – Киев: Тип. Е.А. Федорова, 1876. – 480 с.

2. *Верещагин В.В.* Воинская повинность // Военная энциклопедия / под ред. В.Ф. Новицкого. – Т. VI. – СПб.: Т-во И.Д. Сытина, 1911. – С. 625–642.

3. Всесословная воинская повинность. Руководство к наглядному ознакомлению с правилами устава о воинской повинности по 1 декабря 1874 года с дополнениями и пояснениями, вышедшими по 1 декабря 1874 года / сост. Н. Шехирев. – Ирбит: Тип Е.С. Хитровой, 1875. – 45 с.

4. Воинская повинность в Финляндии по сравнению с общеобязательной повинностью в Империи [сообщение Генерального Штаба подполковника Зейна, составленное по официальным источникам и прочитанное 10–11 декабря в Гельсингфорсском военном собрании]. –СПб.: Тип. Главного Управления уделов, 1899. – 23 с.

5. *Гейсман П.А.* Русско-Турецкая война 1877–1878 гг. – СПб.: Тип. В.Д. Смирнова, 1903. – 33 с.

6. *Джаншиев Г.* Эпоха Великих реформ. – М.: Типо-литогр. А.Ф. Александрова, 1898.

7. *Елишев А.И.* Подати и воинская повинность. – М.: Типо-литогр. И. Ефимова, 1906. – 25 с.

8. *Зайончковский П.А.* Военные реформы 1860–1870 годов в России. – Л.: Изд-во Ленинградского гос. ун-та, 1952. – 372 с.

9. *Ивановский И.А.* Обзор государственной деятельности графа Дмитрия Алексеевича Милютина. – СПб.: Первая женская тип. Т-ва Печатного станка, 1912. – 16 с.

10. История русской армии и флота / под ред. А.С. Гришинского и В.П. Никольского. Вып. 11. – М.: Изд-во «Образование», 1913. – 206 с.

11. *Ключевский В.О.* Краткое пособие по русской истории. Репринт. изд. – М.: Прогресс-Пангея, 1992. – 208 с.

12. *Корнилов А.А.* Курс истории России XIX века / Александр Корнилов; [Вступ. ст. А.А. Левандовского]. – М.: АСТ: Астрель, 2004. – 862 с.

13. *Острогорский М.Я.* Общая воинская повинность // Приложение к журналу Народная Школа. – СПб.: Тип. В.П. Воленса, 1876. – 16 с.

14. *Проф. Добровольский.* Воинская повинность. Конспект лекций. – СПб.: Типо-литогр. Маркова. – 131 с.

15.Столетие Военного министерства 1802–1902. Главный Штаб. Исторический очерк. Комплектование армии с 1855 по 1902 год. Т. 4. Кн. 1. Отд. 2. – СПб.: Тип. поставщиков двора Его Императорского Величества В.О. Вольфа, 1914. – 324 с.

16. *Татищев С.С.* Император Александр II. Его жизнь и царствование. В двух томах. – СПб.: Издание Суворина А.С., 1903. – 538 с.

17. *Титов А.А.* Реформы Александра и их судьба (в общедоступном изложении). – М.: Типогр. Сытина И.Д., 1910. – 200 с.

18. Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Эфрона. – СПб.: Типо-литография И.А. Эфрона, 1899. – Т. 13. – С. 925–928., Т. 55. – С. 487–488.

УДК 02(09):021.2(471.317)

Горохова Ольга Вячеславовна

Костромской государственный университет им. Н.А. Некрасова

СКВОРЦОВСКИЕ БИБЛИОТЕКИ

В статье рассказывается о том, что в 1875–1916 годах на средства фабрикантов Скворцовых и Павловых в селах Писцове и Середе было открыто несколько фабричных, народных, приходских и училищных библиотек, уставы которых публикуются впервые.

Ключевые слова: *библиотека, устав библиотеки, фабрикант, благотворительность, Костромская губерния, Ивановская область.*

В истории отечественного библиотечного дела известны лишь так называемые Павленковские библиотеки, которые открывались земствами и безвозмездно комплектовались книгами на сумму 50 рублей по завещанию книгоиздателя и популяризатора науки Флорентия Федоровича Павленкова (1839–1900). Скворцовских библиотек история не знает, но они также существовали, хоть и в границах одного уезда. А основателем их был не столичный просветитель, а сельский фабрикант, выкупившийся на свободу из крепостных крестьян и, казалось бы, не склонный к непроизводственным расходам.

Иван Иванович Скворцов (1819–1892) родился в селе Упино-Середа Нерехтского уезда Костромской губернии (ныне город Фурманов Ивановской области), однако в конце жизни свою предпринимательскую и благотворительную деятельность распространил также на село Писцово (ныне Комсомольского района Ивановской области), где в 1889 году приобрел бумаготкацкую фабрику «Торгового дома А. Павлова сыновей», один из которых, Петр Александрович, женился, впрочем, на его дочери Матрене.

Миткалево-ткацкая фабрика в деревне Фроловке Середской волости, построенная Иваном Ивановичем в 1871 году, через два десятилетия насчитывала 1124 станка и 1530 рабочих, производивших продукции на 1,75 миллиона рублей в год, а Писцовская бумаготкацкая фабрика – 448 станков и 670 рабочих, производивших продукции на 0,42 миллиона рублей в год [29, с. 50].

В 1873 году Скворцов открыл на родине больницу, состоявшую из амбулатории и госпитального отделения, а в 1875 году – двухклассное мужское училище, библиотека которого ежегодно пополнялась учебниками и внеклассной литературой, а к 1899 году имела 3016 книг на сумму 1378 рублей 3 копейки и 181 учебник на сумму 290 рублей 50 копеек [26, с. 196; 28, с. 17–20].

Имя умершего в отрочестве внука Скворцова, Володи Павлова (1883–1894), получили открытые его родителями в новопостроенных двухэтажных каменных зданиях в 1894 году Писцовское одноклассное женское [22, с. XXI; 28, с. 20–22, 30] и в 1895 году Середское двухклассное мужское [22, с. XVII; 27, с. 64, 122] земские училища, учительская библиотека первого из которых при открытии насчитывала 445 книг, ученическая – 764 учебников. [27, с. 98]. Непроизводственные расходы, как видно, не являлись лишними и покрывали недостатки государственного управления и местного самоуправления.

В 1896 году, к примеру, в Писцове и Середе при волостных правлениях открылись народные библиотеки, однако в 1902 году Писцовская из волостного правления, выделявшего ей всего 20 рублей, перебралась в чайную Нерехтского уездного комитета попечительства о народной трезвости [16, с. 131–132; 17, с. 11–12, 190–191; 28, с. 22], отпускавшему ей по 70 рублей в год, хотя и этого для ее содержания и удовлетворения читательских потребностей было недостаточно. Библиотекарь Александр Александрович Поляков в 1910 году писал губернскому комитету попечительства о том, что «желательно бы получать одну местную газету, одну Московскую и одну Петербургскую… для удовлетворения деловой и крестьянская публики – Правительственный вестник… журналы «Русский паломник» и «Кормчий», «Родина», «Вокруг света» (эти журналы и есть самые ходовые в местной публике)… страшная нужда в детских книжках и журналах, особенно же в сказках, чего библиотека совершенно не имеет» [12, л. 61–61 об.].

© Горохова О.В., 2012

После закрытия чайной в 1906 году Писцовская библиотека была в доме крестьянина Василия Матвеевича Филатова, а в 1907 году при Писцовской бумаготкацкой фабрике Товарищества мануфактур, основанных И.И. Скворцовым, в специально построенном здании, вмещавшем до 600 человек и использовавшемся также для чтений, спектаклей и концертов, открылась библиотека-читальня, которой в первом году было выделено 616 рублей 31 копейка и в дальнейшем ежегодно выделялось от 200 до 400 рублей. В 1912 году ее фонд составлял 60 томов периодических изданий и 1827 томов книг, разделенных на духовно-нравственный (157), литературный (1147), исторический (173), географический (78), естественно-научный (94), прикладных знаний (84) и экономический (34) отделы, которыми пользовалось 304 абонента [10, л. 45 об.; 27, с. 93–95].

Наблюдателем и заведующим писцовскими народной и фабричной библиотеками служил священник писцовской Троицко-Воскресенской церкви (09.01.1874), законоучитель Писцовского начального народного (01.01.1877) и четырехклассного (01.09.1909) училищ и благочинный VI Нерехтского округа (08.08.1905–04.10.1910) Алексей Александрович Победимский (1848–1919) [4, л. 22–23; 5, л. 1–5; 7, л. 7 об.–8 об.; 9, л. 83; 13, л. 258 об.–259].

Середская народная библиотека, попечителем которой с открытия также являлся Петр Александрович Павлов, наблюдателями – священники середской Воскресенской церкви Петр Васильевич Звездкин (1832–1902), Сосипатр Владимирович Добровольский (1839–1919) и Николай Васильевич Богданов (1886 – не ранее 1919), а заведующими – учителя Середского земского начального училища Александр Авксентьевич Тиханов, Николай Аркадьевич Вознесенский и Сергей Иванович Соболев, в 1900 году насчитывала 675 названий книг и 5 периодических изданий на сумму 442 рубля 23 копейки, 458 читателей и 3646 книговыдач [8, л. 1–13; 20, с. 13, 182–185; 24].

Примечательно, что ответом на открытие Середской народной библиотеки (19.12.1896) стало открытие Середской публичной библиотеки (17.02.1898) [9, л. 84] другим крупным середским фабрикантом и не менее выдающимся благотворителем Григорием Клементьевичем Горбуновым (1836-1920) [25, с. 9]. Таковы на самом деле были купеческие нравы в прошлом.

«Пройдут десятки лет, может быть, и родственники почившего Ивана Ивановича Скворцова также помрут, местные жители позабудут о нем, но не забудут его облагодетельствованные им церкви, в которых непрестанно будет возноситься молитва щедром благотворителе» [14, с. 242], – писал в его некрологе священник середской Воскресенской церкви Петр Васильевич Звездкин.

Ивана Ивановича Скворцова похоронили при середской Никольской церкви, ктитором которой он состоял на протяжении многих лет. А сам он в 1887 году построил кладбищенскую Богородице-Скорбященскую церковь, которую через десять лет его наследники принялись расширять. Наконец, 13 февраля 1905 года во Фроловке была освящена церковь, одновременно вмещавшая 2500 прихожан и за полмиллиона рублей возведенная московским архитектором Петром Петровичем Зыковым [15, ч. 2, с. 333].

По мере перестройки Богородице-Скорбященской церкви в 1900 году при ней сложилось приходское общество трезвости, членами которого за 15 лет перебывали 13500 человек, бесплатно получивших 113600 книг и брошюр трезвеннического содержания. С открытием церкви в ней разместилась приходская библиотека с 2000 книг, читальным залом, книжным и иконным складами, из которых за 15 лет было продано 12300 икон, 9600 богослужебных и 32500 книг религиозно-нравственного содержания. Читальный зал использовался также для религиозно-нравственных чтений с демонстрацией туманных картин, для которых за 1000 рублей был приобретен волшебный фонарь со множеством картин [1, с. 204; 9, л. 84 об.].

Заведовал книжным и иконным складами, библиотекой, читальным залом, чтениями и туманными картинами священник (28.04.1895), законоучитель середских начального народного училища (01.09.1895) и Богородице-Скорбященской церковно-приходской школы (25.11.1897) и протоиерей (06.05.1906) Федор Александрович Даниловский (1867 – не ранее 1917) [6, л. 3 об.–4], а церковным старостой стал наследник Петра Александровича и Матрены Ивановны Павловых, Николай Петрович Павлов [27, с. 60].

В 1908 году в Середе он построил новую пятиэтажную фабрику на 1750 станков с котельной и электростанцией [29, отд. «К», № 459], но не забывал и о «социалке», и если в 1901 году библиотека Середского двухклассного мужского училища состояла из 3700 томов книг, то к 1913 году – из 3861 учебника и примерно 2000 книг для внеклассного чтения [22, с. XXI; 27, с. 95–96], а Середская народная библиотека с 675 названий книг в 1900 году к 1909 году выросла до 1649 названий книг и 5000 книговыдач [21, с. 43; 24].

То же самое происходило в Писцове, и если в 1899 году учительская и ученическая библиотеки Писцовского одноклассного женского училища вместе насчитывали 1656 томов, то к 1912 году первая из них – до 1200 томов, вторая – до 7000 учебников и до 1000 книг для внеклассного чтения, не считая периодических изданий [27, с. 64, 98]. Писцовская фабричная библиотека к 1913 году увеличилась до 1827 томов, половину из которых пожертвовал ее почетный попечитель Николай Петрович Павлов [27, с. 93–95].

К 90-летию со дня рождения Ивана Ивановича Скворцова его имя получило Писцовское высшее начальное училище, открытое в новопостроенном двухэтажном каменном здании Товариществом мануфактур, основанных И.И. Скворцовым. Фундаментальная библиотека училища к 1913 году состояла из 719 книг, ученическая – из 658 книг, библиотека учебников – из 1742 томов [18; 27, с. 102].

Строитель больницы (1904), училища (1909) и памятника императору Александру II (08.06.1914) в Писцове и устроитель Нерехтской мужской гимназии (05.09.1911), кавалер орденов Святого Станислава II (1911) и III (1908) степеней и потомственный почетный гражданин Николай Петрович Павлов 4 мая 1912 года удостоился звания почетного гражданина города Нерехты [23, с. 13].

Осталось сказать, что в первый день 1916 года библиотека-читальня Товарищества мануфактур, основанных И.И. Скворцовым, открылась и при Фроловской фабрике [3, л. 1–3 об.; 11, л. 1–9 об.]. В том же году Нерехтская уездная земская управа намеревалась сделать общедоступными и управляемыми на коллегиальных началах библиотечными советами восемь пришкольных библиотек уезда, а на основе Середской народной библиотеки – воплотить проект районного просветительного центра, учитывая, что это не требовало практически никаких расходов [2, с. 161–164; 19, с. 12–13].

Приложения

Устав народной бесплатной библиотеки, учрежденной Писцовским сельским обществом. Утвержден губернатором 17 мая 1896 г.

[5, л. 2–2 об.]

1. Писцовская народная бесплатная библиотека учреждается для того, чтобы доставить всем жителям села Писцова бесплатное пользование книгами для чтения на дому.

2. На содержание библиотеки Писцовское сельское общество отпускает ежегодно не менее 10 руб. Кроме того, средствами содержания библиотеки служат: а) пожертвования деньгами и книгами от учреждений и частных лиц; б) сборы с гуляний и др. увеселений, устраиваемых с разрешения подлежащего начальства и т.п.

3. Библиотека состоит из книг, журналов и газет, допущенных действующими узаконениями и правилами.

4. Ответственным лицом по библиотеке считается библиотекарь, избираемый советом библиотеки и утверждаемый в этой должности Губернатором по преставлению Земского начальника.

5. Для заведования библиотекою в хозяйственном отношении избирается совет библиотеки из 3-х лиц.

6. В нем председательствует попечитель, избираемый сельским сходом также как и члены совета.

7. Совет библиотеки и библиотекарь представляют ежегодный отчет о своих действиях Писцовскому сельскому сходу.

8. Пользование библиотекой бесплатно: ни платы за чтение, ни залогов, ни штрафа за просрочку, порчу и утрату книг не взимается, но с лица, утерявшего или испортившего книгу, может быть потребована уплата ее стоимости.

9. Лица, нарушившие правила библиотеки, могут быть лишены советом права пользования библиотекой на срок.

10. Совет устанавливает дни и часы, когда библиотека должна быть открыта для пользования.

11. В библиотеке должна быть особая книга, в которую посетители записывают свои желания о выписке новых книг и указания на замеченные неудобства.

12. Библиотекарь ведет: 1) записи выдаваемых книг и читателей; 2) инвентарную книгу; 3) систематический каталог библиотеки.

13. Устав библиотеки и правила пользования ею должны быть вывешены на видном месте для всеобщего сведения.

Устав для народной библиотеки Нерехтского земства. Утвержден костромским губернатором 19 декабря 1896 г.

[8, л. 11–13]

1. Народная библиотека-читальня Нерехтского земства в селе Середе имеет целью предоставить всем жителям Нерехтского уезда бесплатное пользование книгами для чтения.

2. Означенная библиотека-читальня учреждается на основании постановления Костромского губернского земского собрания от 16 декабря 1894 г. на средства, ассигнованные этим собранием и содержится: а) пособиями, назначаемыми губернским и уездным земскими собраниями и волостными и сельскими сходами; б) на пожертвования деньгами и книгами, поступающими от разных учреждений и частных лиц, сборами с подписок, спектаклей, концертов и т.п., устраиваемых на общем основании, с разрешения подлежащего начальства.

3. Сказанная библиотека-читальня находится в Середе, помещение, отопление, освещение и содержание прислуги для нее обеспечивается из земских сумм.

4. Библиотека-читальня имеет отдельное помещение при Середском волостном правлении согласно приговору волостного схода от 9 июня 1896 года – достаточное и удобное для хранения, выдачи и чтения в нем книг.

5. Библиотека-читальня состоит из книг и периодических изданий, допущенных действующими узаконениями и правилами.

6. Библиотека-читальня пополняется ежегодно книгами, газетами и журналами.

7. Составление списка подлежащих выписке книг лежит на обязанности попечителя библиотеки и заведующего ею (библиотекаря).

8. На каждые три года Нерехтское уездное земское собрание, на основании ст. 105 Положения о земских учреждениях, избирает попечителя библиотеки.

9. Библиотекарь состоит ответственным пред правительством лицом в открываемой библиотеке.

10. Библиотекарь назначается Нерехтской уездной земской управою по возможности из лиц свободных от других служебных занятий.

11. Библиотекарь получает вознаграждение за труд по определению Нерехтского уездного земского собрания сообразно с местными средствами.

12. Библиотекарь выдает книги, дает читателям необходимые разъяснения и советы, наблюдает за порядком в читальне, ведет инвентарные и другие книги и ежегодно составляет отчет о деятельности библиотеки. Примечание: в случае надобности к библиотекарю может быть выбираем помощник, за действия которого ответственность должна быть на библиотекаре.

13. Порядок распределения сумм и отчетности библиотеки определяется Нерехтским уездным земским собранием.

14. Книги из библиотеки выдаются: а) для чтения на дом всем жителям Нерехтского уезда, б) для чтения в читальном помещении всем посетителям его.

15. Библиотекарь не взимает ни платы за чтение, ни залогов, ни штрафов за просрочку, порчу и утрату книг.

16. Библиотека открыта ежедневно: в будни с 3 часов до 8 по полудни, а в праздничные дни с 12 часов дня до 6 часов.

17. Библиотека закрыта: в первые два дня праздника Пасхи, 24 декабря и 5 января и первые два дня Рождества Христова.

18. Каждому читателю выдается на дом одна книга. Не выдаются на дом и оставляются в помещении а) два последних нумера газет и последних книжек журналов, б) словари и справочные книги и в) особо ценные и редкие книги по списку, составленному заведующим библиотекой.

19. Выданные на дом книги возвращаются в определенный библиотекарем срок, и отсрочка определяется лишь с его согласия.

20. Для посетителей имеется особая книга, в которую они записывают свом желания по выписке книг и указания на замеченные недостатки и неудобства.

21. Правила библиотеки вывешиваются на видном месте для всеобщего сведения.

22. Лица, нарушившие правила чтения, могут быть лишены права пользования книгами на срок, определенный заведующим библиотекою.

23. Составленный библиотекарем отчет представляется Нерехтскому уездному земскому собранию на утверждение.

24. В библиотеке ведутся записи, как выдаваемых книг, так и читателей их.

25. В библиотеке имеются: а) инвентарная книга и б) систематический каталог.

Устав библиотеки-читальни при фабриках Товарищества мануфактур, основанных И.И. Скворцовым при д. Фроловке близ с. Середа Костромской губернии Нерехтского уезда. Утвержден в 1916 г.

[3, л. 3–3 об.]

1. Библиотека-читальня имеет целью дать возможность служащим и рабочим фабрик Товарищества, а также и их семьям пользоваться книгами, периодическими журналами и газетами, как для чтения в помещении библиотеки, так и на дому.

2. Заведывание библиотекой лежит на обязанности библиотекаря.

3. Библиотекарь назначается администрацией фабрики с утверждением его в этой должности губернатором.

4. В помощь библиотекарю администрацией библиотеки назначаются три лица, которые составляют комитет библиотеки под председательством библиотекаря.

5. Библиотека-читальня помещается на фабричном дворе Товарищества и открыта ежедневно с 8 час. утра до 2 час. дня и с 5 час. до 8 час. вечера в будни, а в праздники с 10 час. утра до 6 час. вечера.

6. Содержание библиотеки-читальни и средства на приобретение книг, журналов и газет даются от Товарищества.

7. Библиотека может устраивать платные спектакли, концерты и лекции для увеличения своих средств.

8. Пользоваться книгами на дому могут лица обоего пола не моложе 15 лет.

9. За чтение книг, журналов и газет на дому и в помещении библиотеки платы не полагается.

10. Лица, неизвестные комитету библиотеки, вносят залог в размере половины стоимости книги, если берут ее на дом.

11. Книги и журналы считаются новыми в течении 2-х месяцев со дня их получения в библиотеку и для чтения на дому не выдаются.

12. Книги и журналы допускается держать на дому не больше 2 недель.

13. Лица, продержавшие книгу или журнал больше 2 недель, уплачивают в пользу библиотеки за каждый просроченный день 2 коп. с книги.

14. Больше одной книги или журнала на одно лицо не выдается. Больше 2 книг на одно семейство не выдается.

15. Выписка новых книг и журналов производится библиотекарем из числа книг и журналов, одобренных комитетом библиотеки.

Библиографический список

1. *Баженов И.В.* Краткие статистические сведения о приходских церквах Костромской епархии. Справ. книга. – Кострома: Губерн. тип., 1911. – XXI, 406 с.

2. *Горохова О.В.* Нерехтское уездное земство и народные библиотеки // Земства, советы, муниципалитеты: исторический опыт: Матер. Всерос. науч.-практ. конф. 27–28 мая 2005 г. – Иваново: ИвГУ, 2005. – С. 161–164.

3. Государственный архив Ивановской области (ГАИО). Ф. 145. Оп. 1. Д. 746.

4. Государственный архив Костромской области (ГАКО). Ф. 130. Оп. 7. Д. 184.

5. ГАКО. Ф. 130. Оп. 7. Д. 641.

6. ГАКО. Ф. 130. Оп. 9. Д. 2129.

7. ГАКО. Ф. 130. Оп. 11. Д. 2335.

8. ГАКО. Ф. 133. Оп. 2. Д. 10812.

9. ГАКО. Ф. 133. Оп. 2. Д. 12815.

10. ГАКО. Ф. 133. Оп. 2. Д. 13867.

11. ГАКО. Ф. 133. Оп. 2. Д. 14144.

12. ГАКО. Ф. 174. Оп. 1. Д. 172.

13. ГАКО. Ф. 174. Оп. 1. Д. 182.

14. *Звездкин П.В.* Свящ. Иван Иванович Скворцов. (Некролог) // Костромские епархиальные ведомости. – 1892. – № 10. – Ч. н. – С. 239–245.

15. *Кондаков С.Н.* Юбилейный справочник Императорской Академии художеств. 1764–1914. – Пг.: Т-во Р. Голике и А. Вильборг, 1914. – Ч. 1–2.

16. Костромское Попечительство о народной трезвости. Отчет о деятельности… за 1903 год. – Кострома: Губерн. тип., 1904. – 173 с.

17. Костромское Попечительство о народной трезвости. Отчет о деятельности… за 1905 год. – Кострома: Б.и., 1906. – 252 с.

18. Крестьянин с. Писцова А.П. С. Писцово, Нерехтского уезда // Поволжский вестник. – 1909. – № 999.

19. Нерехтская уездная земская управа. Доклады к очередному земскому собранию сессии 1916 г. Ч. 4. – Кострома: Тип. Х.А. Гелина, 1916. – 38 с.

20. Нерехтская уездная земская управа. Отчет… за 1897 г. – Кострома: Губерн. тип., 1898. – 232, 15 с.

21. Нерехтская уездная земская управа. Отчет… за 1909 г. – Кострома: Губерн. тип., 1910. – VI, 425 с.

22. *Нерехтский Б.В.* Краткий очерк деятельности Нерехтского уездного земства в области народного образования за 1865–1912 гг. / сост. секретарь управы Б.В. Нерехтский. – Кострома: Типо-литогр. А.Н. Чемоданова, 1913. – 29, XXVII с.

23. Отчет Нерехтского городского управления за 1912 год. – Нерехта: Типо-литогр. А.В. Беляева, 1913. – 50 с.

24. Отчет о деятельности народной библиотеки-читальни в с.Середе Нерехтского уезда // Костромской листок. – 1901. – № 17.

25. *Резепин П.П.* Костромское купечество от А до Я: Горбуновы // Костромской предприниматель. – 2004. – № 4. – С. 9.

26. Местные известия // Костромские губернские ведомости. – 1875. – № 30. – Ч. н. – С. 196.

27. Товарищество мануфактур, основанных Иваном Ивановичем Скворцовым. Описание Середских и Писцовской фабрик, изданное в память Губернской Земской выставки в городе Костроме в ознаменование 300-летия царствования Дома Романовых. – М.: Т-во тип. А.И. Мамонтова, 1913. – 7, 120 с.: портр.

28. *Токмаков И.Ф.* Историко-статистическое описание села Писцово (Нерехтского уезда, Костромской губ.). – М.: Город. тип., 1901. – 30 с.: ил.

29. Указатель фабрик и заводов Европейской России. Материалы для фабрично-заводской статистики / сост. по официальным сведениям Департамента Торговли и Мануфактур П.А. Орлов и С.Г. Будагов. – 3 изд., испр. и значительно доп. – СПб.: Тип. В. Киршбаума, 1894. – XVI, 826 с.

30. Фабрично-заводские предприятия Российской Империи / Совет съездов представителей промышленности и торговли. – 2 изд. – СПб., 1914. – 1842 с.

УДК 930.1(09)

Гулин Александр Олегович
Костромской государственный университет им. Н.А. Некрасова
holst90@mail.ru

ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ СОВРЕМЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

В статье анализируются основные направления отечественной историографии Первой мировой войны, дается обзор современной научно-исследовательской литературы по данной тематике.

Ключевые слова: *Первая мировая война, историография, новые тенденции.*

Актуальность изучения всех аспектов истории Первой мировой войны сегодня определена спецификой протекающих в стране процессов исторической преемственности, масштабностью преобразований в обществе, государственном устройстве и экономике. Нет сомнения в том, что успешные результаты этих преобразований невозможны без учета опыта прошлого. В этом плане научный анализ итогов и перспектив изучения российской истории периода 1914–1918 годов приобретает большую практическую значимость, позволяет определить основные направления и темы дополнительного изучения истории России первой четверти XX века.

Целью данной статьи мы видим определение сущности и значения новых подходов и тенденций в отечественной историографии Первой мировой войны в период двух последних десятилетий.

Изменение обстановки в стране после событий 1991 года положило начало критическому наступлению на советскую историографию, ее основные положения, методологию. Как писал В.Н. Виноградов, «рухнули многие возведенные прежде искусственные конструкции, на смену изобличительной заданности пришел академический исследовательский метод» [7, с. 67–68]. В историографии Первой мировой войны были подняты новые темы, исчез классовый подход, который суживал выводы. В этот период началось переосмысление старых постулатов, произошел отказ от схематических представлений, державшихся на ограниченной базе источников и подчиненных политико-социальному заказу. Период ознаменовался открытием целого ряда архивов и архивных фондов, широким выбросом зарубежной, эмигрантской литературы.

Одной из первых работ о новых подходах к историографии войны стала статья Ю.А. Писарева, опубликованная в 1993 году в журнале «Новая и новейшая история» [32]. Критикуя прошлые формы и методы разработки темы, автор указал те положения, которые сохранили свое право на существование и сегодня, обратил внимание на вопросы о происхождении и характере войны. Ю.А. Писарев предлагал и требующие разработки новые темы: о патриотизме воевавших, о внутриблоковых противоречиях, о значении выступления России в защиту Сербии. «Ю.А. Писарева поддержали В.Н. Виноградов, В.Л. Мальков, З.П. Яхимович, Ю.В. Кудрина, Т.М. Исламов и многие другие ведущие историки» [20, с. 19]. Вновь проводились дискуссии, «круглые столы», были выпущены сборники материалов, опубликованы многочисленные журнальные статьи. В Москве была создана Ассоциация историков Первой мировой войны, которую возглавил Ю.А. Писарев, а затем П.В. Волобуев и В.Л. Мальков.

Большая заслуга в создании современной историографии Первой мировой войны принадлежит В.Л. Малькову – ответственному редактору сборника статей под общим названием «Первая мировая война. Пролог XX века» [31]. В этот сборник включены выступления видных ученых, представляющих как отечественную, так и зарубежную науку на различных форумах, организованных и проведенных Ассоциацией историков Первой мировой войны за период 1993–1997 годов. Данная работа свидетельствует о преодолении изолированности отечественной исторической науки от исследовательской практики за рубежом и о международном признании проекта издания сборника. Во введении к данной работе редактор отметил факт создания национальной школы истории войны и указал, что первый шаг к новому, заключающийся в отказе от морализирующей истории, заранее предрасположенной к тем или иным выводам и оценочным суждениям, уже сделан. «Как методологический принцип, правило разделения причин любой войны на отдаленные и ближайшие, имеет универсальное значение, предупреждая от соблазна скоропалительных приговоров, партийной предвзятости и желания поучать», – отметил в своем выступлении В.Л. Мальков [31, с. 11]. З.П. Яхимович подчеркнула, что сегодня не правомерно «не заметить у нас серьезной научной разработки ряда тем, достаточной изученности многих проблем» [45, с. 17–18].

В свете утверждения о том, что анализ истории войны должен даваться с учетом ее многоплановости и многообразия, страноведческих особенностей и принципа толерантности, сегодня имеют право на существование разнообразные направления в изучении истории Первой мировой войны. Например, еще в 1990 году известный ученый Е.Б. Черняк [42], отдавая дань старой методологии, поставил под сомнение тезис о неизбежности Первой мировой войны. По его мнению, к 1914 году в Европе не было еще тоталитарных государств, од-

© Гулин А.О., 2012

нозначно склонных к агрессии, а поле для поиска компромиссов было шире, чем, например, в 1939 году. Он утверждал, что в тот период экономические противоречия не решали вопросов войны и мира, а монополии не имели контроля над лицами, принимавшими тогда политические решения.

Помимо обсуждения дальнейших направлений развития отечественной историографии, в этот период многое было сделано для пополнения знаний по истории Первой мировой войны и более глубокого ее осмысления. В России были изданы мемуары и труды эмигрантов – участников и современников войны. Среди них нельзя не назвать книги П.Н. Милюкова, С.Д. Сазонова, В.Н. Коковцова, А.Ф. Керенского, князя Г.Н. Трубецкого и других политиков и дипломатов, генералов А.И. Деникина, Ю.Н. Данилова, А.С. Лукомского, П.Г. Курлова и других. Отечественные историки, опираясь на ставшие доступными новые архивные фонды, обратились и к новым темам исследований. Появилась работа В.И. Шеремета [44], написанная на основе неизвестных ранее документов российской внешней разведки. Это позволило автору по-новому раскрыть старую тему взаимоотношений России и Турции в годы Первой мировой войны и предложить ее новое прочтение. Оригинальное исследование об участии российского казачества в Первой мировой войне представил в 1994 году Г.Л. Воскобойников [8]. Тематическая новизна, объективный подход, использование недоступных ранее источников помогли автору показать реальное состояние казачьих войск, привести яркие примеры их участия в боях на всех фронтах Первой мировой войны.

В работе Р.М. Португальского, П.Д. Алексеева и В.А. Рунова «Первая мировая война в жизнеописаниях русских военноначальников» [33] созданы портреты и представлены биографии видных русских полководцев: Великого князя Николая Николаевича, генералов Н.Н. Юденича, П.К. Ренненкампфа, адмирала Н.О. Эссена и других. В прошлом году журнал «Вопросы истории» напечатал большие статьи, посвященные жизни и деятельности генералов Н.В. Рузского и М.В. Алексеева.

А.Д. Богатуров [5] представил интересные сведения о содержании и влиянии на обстановку в мире геополитики, ее роли в международных отношениях в период подготовки и ведения войны с позиции системно-структурного подхода. Появились работы, представляющие не изучавшиеся темы и проблемы истории войны. В 1999 году вышла работа С.Г. Нелиповича «В поисках «внутреннего врага»: депортационная политика России» [29]. Актуальны сегодня и работы Е.С. Сенявской по военной психологии [38; 39; 40], в которых автор освещает ряд интересных тем, рассуждая об «образе врага» в менталитете воевавших, о патриотизме и войне, о женщине на войне, о войне и религии.

В последнее десятилетие наиболее заметным трудом обобщающего характера по истории Первой мировой войны стал коллективный труд «Мировые войны XX века» в четырех томах [27]. Первые два тома посвящены Первой мировой войне (первый том содержит исторический очерк, второй – подборку документов). Впервые в исследовательской практике особое внимание уделяется таким темам, как становление государственной идеологии, эволюция общественного сознания, психология участников войны. Авторы приходят к заключению о том, что преобладание в политике правительства элементов консервативного традиционализма мешало налаживанию эффективного сотрудничества власти и общества. Лейтмотивом исследования проходит мысль о том, что российское общество, поддержавшее войну, «было вправе рассчитывать хотя бы на некоторую либерализацию правительственного курса, легализацию профессиональных союзов, ослабление цензуры, более благожелательное отношение к политическим партиям и общественным организациям» [27, с. 21].

Нельзя обойти вниманием написанную в 2003 году работу В.Е. Шамбарова «За веру, царя и Отечество!» [43]. Как отмечает сам автор, целью работы он видел не создание «“нетрадиционного” взгляда на войну, а, наоборот, восстановление настоящей исторической картины, расчистку ее от ложных представлений, клеветы и случайных наслоений» [43, с. 630]. В. Шамбаров показывает войну не как явление «преддверия» распада России, ее кризиса и надлома, он стремится показать величие России, ее непобедимость, существовавшие в то время, когда Россия была единой. Автор анализирует начальный этап, основные сражения и операции Первой мировой войны, подводит итоги войны, мирных переговоров по подписанию Версальского договора, проводит параллели с началом Второй мировой войны.

Важной особенностью современных исторических исследований в области массовой психологии, социального поведения является отказ от идеологических установок. Внимание историков привлекают новые аспекты духовной жизни россиян в годы войны. Мы можем выделить работы А.И. Иванова и И.П. Щербинина, В.С. Измозика, Б.И. Колоницкого, И.П. Лейберова, Г.В. Лобачевой [15; 16; 21; 23; 25]. Наиболее значимыми работами, освещающими социальную проблематику Первой мировой войны, остаются монографии О.С. Поршневой [34; 35]. На основе обширного круга источников автор показывает восприятие войны рабочими и крестьянами, эволюцию этого восприятия у солдат, делает интересные наблюдения о природе революционного насилия и анархии, исследует классовое единство пролетариата и его взаимоотношения с властью. О.С. Поршнева приходит к заключению о стихийном характере возникновения и раз-

вития революции, о совершенно разных представлениях о ней у различных социальных групп. Признавая новизну подобного вывода, следует отметить необходимость проведения подобных исследований на основании изучения других групп и слоев российского населения, изучении влияния военных условий жизни страны на «бытие и сознание простых граждан». Мы считаем, что поднятая тема настолько многогранна, что последующие поколения историков будут находить в ней новые нюансы.

Многоаспектность исследований, расширение географии мест написания работ и изучаемых тем – вот основные направления, характеризующие вопросы историографии войны сегодня. Подтверждением этому служат работы Ю.И. Кирьянова, Г.Н. Кочешкова, Г.Н. Ульяновой, Т.А. Белогуровой, Е.К. Максимова и В.П. Тотфалушина [4; 19; 22; 26; 41]. И.Н. Гребенкин [10] в своей работе рассмотрел вопросы прохождения службы, быта, нравственного облика, обучения офицерского состава русской армии в военные и революционные годы. Интересную тему о русских пленных в Германии в годы войны подняла О.С. Нагорная, она же рассмотрела некоторые параллели с проблемами иностранных пленных в России [28]. Экономику российского рынка в начале XX века, его функционирование и работу железнодорожного транспорта рассмотрел в своем исследовании М.А. Давыдов [13]. К проблемам патриотического движения ярославцев в начале войны обратилась в своей работе Д.А. Отбоева [30].

В исследовании, посвященном российской провинции, И.Б. Белова рассмотрела хозяйственно-экономические, миграционные и общественно-политические аспекты жизни и деятельности Калужской и Орловской губерний в период 1914–1917 годов [2]. Основываясь на многочисленных архивных данных, материалах краеведческих исследований, обзорах губернской и уездной прессы тех лет, автор представила картину провинциальной жизни, сделав вывод о том, что Первая мировая война стала тяжелым испытанием как для населения удаленных от центра российских регионов, так и для их административного руководства, поскольку «невиданная по масштабам война опровергла прогнозы политиков и военных о ее краткосрочности и потребовала мобилизации всех внутренних сил страны для ее ведения» [2, с. 221].

Обобщающий труд по истории Первой мировой войны пока не написан, и вряд ли его создание возможно без опоры на определенное количество региональных исследований, выполненных на основе местных архивных источников. В этой связи нельзя не сказать о тех научных работах и изысканиях, которые велись и ведутся в различных регионах нашей страны по самому разнообразному перечню вопросов, отражающих участие всей страны и отдельных ее провинций в Первой мировой войне. Наиболее характерными мы считаем работы Е.В. Алехиной, Т.В. Беловой, С.В. Букаловой, Я.А. Голубинова, А.Н. Грицаевой, Д.Г. Гужвы, Р.Н. Евдокимова, К.С. Рубанкова, А.М. Семененко и др. [1; 3; 6; 9; 11; 12; 14; 36; 37].

Представляет определенный интерес диссертационная работа А.В. Карлебы [18], посвященная вопросам правосознания российского населения в условиях войны. Автором проведен глубокий анализ деструктивных изменений в правосознании россиян и государственных приоритетов борьбы с ними, определены тенденции числа противоправных проявлений в условиях углубления кризиса государственной власти. В работе подробно описаны процессы трансформации и деформации правосознания, сделаны выводы о том, что от уровня правового послушания и сознания общества зависит не только состояние законности и правопорядка, но и характер развития базовых экономических и социально-политических процессов в стране.

Вопросам материального снабжения действующей армии в годы Первой мировой войны посвящена диссертация Д.В. Литвиненко [24]. В работе дана оценка деятельности военных органов управления, состояния промышленной базы страны и обеспеченности армии вооружением и боеприпасами, указаны причины так называемого «снарядного голода», показана зависимость состояния армии от экономических возможностей страны. Главный вывод, сделанный Д. Литвиненко, заключается в том, что войны XX века не могли вестись с использованием только заблаговременно заготовленных средств: необходим был перевод промышленности и всего народного хозяйства на военные рельсы, при этом переход должен был планироваться заранее, чтобы предприятия начинали военное производство даже упреждая начало боевых действий.

С.В. Казаковцев [17] весьма актуально и своевременно провел исследование по вопросу мобилизации ресурсов, выполненное на материалах Вятской губернии. Он воссоздал полную и достоверную картину губернской жизни периода 1914–1918 годов, на конкретных примерах показал, как экономический потенциал и внутренние ресурсы региона были использованы в деле укрепления боеспособности страны. Исследователем отмечена эволюция промышленности и сельского хозяйства губернии, изменения в деятельности политических партий и общественных организаций в деле оказания помощи раненым, больным и эвакуированным. Изучение соответствующих проблем позволило автору диссертации определить роль тыловой губернии в общероссийских мобилизационных процессах, проследить изменения в общественных настроениях жителей, проанализировать состояние благотворительной деятельности в регионе в годы Первой мировой войны.

Таким образом, новый поворот в развитии историографии Первой мировой войны, обозначившийся в последнее десятилетие XX века и первое десятилетие XXI века, определяется сегодня общими сдвигами в развитии отечественной исторической науки: расширением базы источников, обновлением и дополнением тематики научных работ, освобождением от идеологической и иной ангажированности, снятием запретов на изучение различных эпизодов войны, диктовавшимся политической конъюнктурой, утверждением плюрализма мнений и развитии творческого сотрудничества, интеграцией исследований российских и зарубежных специалистов. Однако пока нет обобщающих трудов, подводящих итоги почти столетнего изучения одной из важнейших проблем исторической науки. Основу для создания таких разработок, на наш взгляд, будут составлять труды региональных исследователей, изучающих историю российской провинции на основе местных архивных источников.

Библиографический список

1. *Алехина Е.В.* Деятельность Тамбовского земства в годы Первой мировой войны: 1914–1918 гг.: Дис. … канд. ист. наук. – Тамбов, 2005. – 197 с.

2. *Белова И.Б.* Первая мировая война и российская провинция. 1914–февраль 1917 г. – М.: АИРО-XXI, 2011. – 288 с.

3. *Белова Т.В.* Стачечное движение в губерниях Верхнего Поволжья в годы Первой мировой войны: Дис. … канд. ист. наук. – Кострома, 1993. – 300 с.

4. *Белогурова Т.А.* Русская периодическая печать и проблемы внутренней жизни страны в годы Первой мировой войны (1914 – март 1917 г.). – Смоленск: ФГУ «Смоленский ЦНТИ», 2006. – 130 с.

5. *Богатуров А.Д.* Введение // Мир между войнами. Избранные документы по истории международных отношений 1910–1940. – М.: МГИМО МИД РФ, 1997. – 147 с.

6. *Букалова С.В.* Орловская губерния в годы Первой мировой войны: социально-экономический, организационно-управленческий и общественно-политический аспекты (дореволюционный период: июль 1914 – февраль 1917 года): Дис. … канд. ист. наук. – Орел, 2005. – 294 с.

7. *Виноградов В.Н.* Еще раз о новых подходах к истории Первой мировой войны // Новая и новейшая история. – 1995. – №5. – С. 62–74.

8. *Воскобойников Г.Л.* Казачество в Первой мировой войне 1914–1918 годов. – М.: Издательство Российской киновидеокомпании, 1994. – 174 с.

9. *Голубинов Я.А.* Продовольственный вопрос в Среднем Поволжье в годы Первой мировой войны: Дис. … канд. ист. наук. – Самара, 2009. – 236 с.

10. *Гребенкин И.Н.* Русский офицер в годы мировой войны и революции. 1914–1918 гг. – Рязань: Рязанский гос. ун-т, 2010. – 400 с.

11. *Грицаева А.Н.* Благотворительность в России в годы Первой мировой войны (1914 – февраль 1917 г.): опыт помощи пострадавшим от военных действий: Дис. … канд. ист. наук. – М., 2009. – 289 с.

12. *Гужва Д.Г.* Российская военная периодическая печать в годы Первой мировой войны 1914–1918 гг.: Дис. … канд. ист. наук. – М., 2008. – 220 с.

13. *Давыдов М.А.* Всероссийский рынок в конце XIX – начале XX века и железнодорожная статистика. – М.: Алетейя, 2010. – 848 с.

14. *Евдокимов Р.Н.* Казачьи войска в условиях Первой мировой войны: кавказский фронт: Дис. … канд. ист. наук. – М., 2005. – 360 с.

15. *Иванов А.И., Щербинин П.П.* Женщина и война в поэзии и повседневности в период Первой мировой войны 1914–1918 гг. – Тамбов: Издательство ТГТУ им. Г.Р. Державина, 2001. – 131 с.

16. *Измозик В.С.* К вопросу о политических настроениях российского общества в канун 1917 года (по материалам перлюстраций) // Россия и Первая мировая война. – СПб.: Дмитрий Буланин, 1999. – С. 47–63.

17. *Казаковцев С.В.* Мобилизация людских и материальных ресурсов в Вятской губернии в годы Первой мировой войны: Дис. … канд. ист. наук. – Киров, 2007. – 222 с.

18. *Карлеба А.В.* Деформация правосознания населения России и борьба с противоправными проявлениями в условиях Первой мировой войны: 1914–1917 гг.: Дис. … канд. ист. наук. – Краснодар, 2005. – 209 с.

19. *Кирьянов Ю.И.* Социально-политический протест рабочих России в годы Первой мировой войны (июль 1914 – февраль 1917 гг.). – М.: ИРИ РАН, 2005. – 215 с.

20. *Козенко Б.Д.* Отечественная историография Первой мировой войны // Новая и новейшая история. – 2001. – №3. – С. 3–27.

21. *Колоницкий Б.И.* «Политическая порнография» и десакрализация власти в годы первой мировой войны (слух и массовая культура) // 1917 год в судьбах России и мира. – М., 1998. – С. 67–81.

22. *Кочешков Г.Н.* Русский провинциальный менталитет в период Первой мировой войны // Социальные и гносеологические проблемы общества. – Ярославль, 2004. – С. 205–211.

23. *Лейберов И.П.* Патриотические настроения, их проявление и угасание в годы Первой мировой войны // проблемы социально-экономической и политической истории России XIX–XX века. – СПб., 1999. – С. 19–31.

24. *Литвиненко Д.В.* Деятельность военных органов управления России по развитию артиллерийского снабжения в годы Первой мировой войны: 1914–1918.: Дис. … канд. ист. наук. – СПб., 2009. – 251 с.

25. *Лобачева Г.В.* Крах монархического идеала в общественной психологии накануне февраля

1917 года // Проблемы философии, истории, культуры. – Саратов, 1993. – С. 15–21.

26. *Максимов Е.К.*, *Тотфалушин В.П.* Саратовское Поволжье в годы Первой мировой войны. – Саратов: Научная книга, 2007. – 124 с.

27. Мировые войны XX века. Кн. 1. Первая мировая война. Исторический очерк / отв. ред. Г.Д. Шкундин. – М.: Наука, 2002. – 686 с.

28. *Нагорная О.С.* «Другой военный опыт»: российские военнопленные Первой мировой войны в Германии (1914–1922). – М.: Новый хронограф, 2010. – 440 с.

29. *Нелипович С.Г.* В поисках «внутреннего врага»: депортационная политика России (1914–1915) // Первая мировая война и участие в ней России: 1914–1918: Сб. материалов. – М., 1994. – Ч. 1. – С. 51–64.

30. *Отбоева Д.А.* Патриотическое движение в Ярославском крае в связи с началом Первой мировой войны // Ярославский педагогический вестник. Серия «Гуманитарные науки». – 2011. – №2. – С. 313–317.

31. Первая мировая война: Пролог XX века / под ред. В.Л. Малькова. – М.: Наука, 1998. – 692 с.

32. *Писарев Ю.А.* Новые подходы к изучению истории Первой мировой войны // Новая и новейшая история. – 1993. – №3. – С. 46–57.

33. *Португальский Р.М., Алексеев П.Д., Рунов В.А.* Первая мировая война в жизнеописаниях русских военноначальников. – М.: «Компания Арсенал-Пресс», 1994. – 400 с.

34. *Поршнева О.С.* Крестьяне, рабочие и солдаты России накануне и в годы Первой мировой войны. – М.: РОССПЭН, 2004. – 368 с.

35. *Поршнева О.С.* Менталитет и социальное поведение рабочих, крестьян и солдат России в период Первой мировой войны. – Екатеринбург: УрО РАН, 2000. – 359 с.

36. *Рубанков К.С.* Правомонархическое движение в российской провинции. 1905 – февраль 1917 гг.: на материалах Костромской и Владимирской губерний: Дис. … канд. ист. наук. – Кострома, 2007. – 187 с.

37. *Семененко А.М.* Общественно-политическая деятельность либерально-демократической интеллигенции в 1910 – феврале 1917 гг.: По материалам Владимирской, Костромской, Тверской и Ярославской губерний: Дис. … канд. ист. наук. – Иваново, 2004. – 249 с.

38. *Сенявская Е.С.* История войн России XX века в человеческом измерении. Проблемы военно-исторической антропологии и психологии: Курс лекций. – М.: РГГУ, 2012. – 332 с.

39. *Сенявская Е.С.* «Образ врага» в сознании участников Первой мировой войны // Вопросы истории. – 1997. – №3. – С. 140–145.

40. *Сенявская Е.С.* Человек на войне. Историко-психологический очерк. – М.: Институт российской истории РАН, 1997. – 232 с.

41. *Ульянова Г.Н.* Благотворительность в Российской империи XIX – начала XX века. – М.: Наука, 2005. – 403 с.

42. *Черняк Е.Б.* Монополистический капитализм первой половины XX в. в исторической ретроспективе // Новая и новейшая история. – 1990. – №2. – С. 25–27.

43. *Шамбаров В.Е.* «За веру, царя и Отечество!». – М.: Алгоритм, 2003. – 656 с.

44. *Шеремет В.И.* Босфор, Россия и Турция в эпоху Первой мировой войны (по материалам русской военной разведки). – М.: Технологическая школа бизнеса, 1995. – 288 с.

45. *Яхимович З.П.* О некоторых вопросах методологии исследования происхождения Первой мировой войны // Первая мировая война: Пролог XX века. – М.: Наука, 1998. – С. 16–21.

УДК 947

Комиссаров Павел Андреевич
Костромской государственный университет им. Н.А. Некрасова
pavel88-11@mail.ru

КАДРОВЫЙ СОСТАВ КОСТРОМСКОЙ ДУХОВНОЙ КОНСИСТОРИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА

На основе изучения архивных источников в статье приводится описание состава присутствия и канцелярии Костромской духовной консистории, а также анализ материального положения, происхождения, вознаграждения за труд членов консисторского присутствия и канцелярских чиновников.

Ключевые слова: *духовная консистория, присутствие, канцелярия, чиновники.*

Духовная консистория являлась присутственным местом, осуществляющим управление и духовный суд в епархии и находившимся под непосредственным начальством епархиального архиерея. Структурно консистория подразделялась на присутствие, куда входили члены консистории, и канцелярию. Рассмотрим эти два подразделения более подробно.

Присутствие состояло из архимандритов, игуменов, иеромонахов, протоиереев и иереев, заслуживающих преимущественное доверие по образованности, опытности, примерному поведению; и, по представлению епархиального Архиерея, утверждалось Синодом [12, с. 254]. Согласно указу Святейшего Синода от 30 мая 1835 года в члены Консистории не допускались протодиаконы, диаконы и светские лица [21, с. 12]. Количество членов консисторского присутствия было ограничено до 1869 года только уставом духовных консисторий, согласно которому в нем могло быть от 5 до 7 членов [12, с. 254], но на практике в Костромской епархии требования устава не выполнялись. Так, в 1857 году насчитывалось 10 членов консистории, среди которых был 1 архимандрит, 6 протоиереев и 3 священника [11, с. 22]. По новым штатам 1869 года количество столов должно было равняться четырём, равно как и число членов, так как помимо слушания дел каждый из присутствующих осуществлял общий контроль над делопроизводством вверенного ему стола. С этого же времени члены консисторий стали получать и материальное вознаграждение за службу. Оно состояло из жалования и столовых денег, всего по 500 рублей в год на каждого, за исключением Санкт-Петербургской и Московской духовных консисторий, где сумма годового дохода устанавливалась в 1000 рублей [13, с. 95]. Члены Консистории сохраняли право на пенсию за службу по Министерству народного просвещения с 1877 года [8, с. 108]. Так, протоиерей костромской духовной консистории Г. Пернаткин, бывший преподавателем духовной семинарии, являясь членом консистории, в 1883 году получал 500 рублей годового жалования и пенсию [18, л. 1 об.].

Несмотря на принятие новых штатов, количество членов Костромской консистории изменилось не сразу. Например, в 1870 году Присутствие составляли 1 архимандрит, 2 протоиерея и 4 священника. Из них 2 протоиерея и 2 священника состояли штатными членами, а 1 архимандрит и 2 священника сверхштатными [16, л. 1], но, согласно изъявленному ими желанию, продолжали службу бесплатно. К 1873 году 3 члена по-прежнему числились сверхштатными. [17, л. 2]

С 1876 года члены консистории не допускались к прохождению благочиннических должностей. Согласно указам Святейшего Синода от 20 августа 1870 и 23 сентября 1875 годов, не могли быть избираемы в депутаты и председатели съездов духовенства по училищным делам. Признано было неудобным и избрание членов консистории членами от духовенства в семинарские и училищные правления [20, 21, с. 12]. А в 1889 году консисторским присутствующим запретили быть членами и председателями в советах епархиальных женских училищ. Дети лиц, служащих в Консистории, освобождались от платы за обучение в духовно-учебных заведениях [20, с. 428]. Причём данное правило распространялось также и на детей канцелярских чиновников.

Поскольку работа консисторий происходила на постоянной основе, то они обычно комплектовались из лиц архиерейской свиты, духовенства кафедрального собора, церквей и монастырей епархиального центра по выбору архиерея и утверждались Синодом. Членами консисторий Устав считал и ректора семинарии, но не требовал от него обязательного посещения всех заседаний [19, с. 79]. Многие духовные лица, служащие в консистории, имели и награды. Сравним состав присутствия Костромской духовной консистории за 1868 и 1903 годы.

В 1868 году в присутствии было 7 членов: 1) Настоятель Железноборовского монастыря Архимандрит Иаков с 1857 г. (орден Св. Анны 2-й степени); 2) Ключарь Костромского Кафедрального Успенского Собора Островский П.Ф. с 1855 г. (золотой наперсный крест); 3) Протоиерей Малиновский В.П. с 1854 г. (орден Св. Анны 2-й степени); 4) Протоиерей Потапов А.С. с 1854 г. (золотой наперсный крест); 5) Священник Богословский П.В. с 1867 г. (скуфья); 6) Священник А.В. Невский с 1867 г. (камилавка); 7) Священник Левашев Г.Ф. с 1867 г. (скуфья) [10, с. 15].

К 1903 году присутствие составляли 5 человек, причем 1 числился заштатным. 1) Кафедральный

© Комиссаров П.А., 2012

протоиерея Иоанн Яковлевич Сырцов, магистр богословия. Находился на службе в консистории с 18 февраля 1903 г. Был награждён орденом св. Анны 2-й степени. 2) Ключарь кафедрального собора Павел Богословский, член консистории с 15 декабря 1867 года. Имел орденом Св. Владимира 3-й степени в 1898 году. 3) Протоиерей Александр Красовский, 65 лет, выпускник Костромской духовной семинарии, находился на службе в консистории с 16 декабря 1868 года, причем на правах сверхштатного члена до марта 1882. Был награжден орденом Св. Владимира 3-й степени в 1902 году. 4) Протоиерей Костромской Богородицкой церкви Александр Троицкий (52 года), окончил духовную семинарию, а затем и духовную академию со степенью кандидата богословия. Членом консистории был с 1894 года и имел награду – орден Св. Анны 3-й степени. 5) заштатный кафедральный протоиерей Иоанн Поспелов. Магистр богословия, 81 год. На службе в консистории находился с 1890 года. Он был единственным присутствующим, кто имел Орден Св. Анны 1 степени, пожалованный ему в 1899 году. [15, л. 1–1 об.]

Таким образом, каждый член консистории в рассматриваемое время имел определенные награды, включая ордена Св. Владимира и Св. Анны разных степеней. В 1868 году был только один представитель черного духовенства в составе консистории, большинство же составляли протоиереи и священники костромских церквей и соборов. С середины 1870-х годов и до окончательного упразднения консистории (1918 г.), в ней числились только лица белого духовенства. Состав присутствия был возрастным, что не могло не влиять на деятельность и продуктивность консисторской работы.

Задача присутствия состояла в слушании дел, которые готовились канцелярией, и вынесении резолюций на суд архиерея. Присутствие собиралось в 9–10 часов утра и продолжалось до обеда в рабочие дни. При необходимости присутствующие собирались и в субботу [12, с. 255]. Каждый член консистории, имея духовное звание, помимо собственно консисторских обязанностей, нес духовную службу в церквах и соборах Костромы. Более того, некоторые члены консистории совмещали указанные прямые обязанности с иной деятельностью. Например, в 1891 году Иоанн Поспелов и Александр Невский, являвшиеся членами консистории на тот момент, проводили противораскольнические собеседования, инициатором которых было Костромское Федоровско-Сергиевское братство [2, л. 20 об.]. При этом Поспелов был председателем совета данного объединения против раскола и членом комитета Православного миссионерского общества, участниками которого являлись и прочие члены консистории [9, с. 116–117].

Иногда посторонние обязанности мешали членам консистории исполнять службу по духовному управлению. В 1910 году, когда Костромская консистория переживала настоящий «кадровый кризис», вынужден был оставить службу священник Н. Краснопевцев, для которого по «другим служебным обязанностям» оказалось невозможным всегда являться в положенные часы на службу в Консисторию [3, л. 2 об. – 3].

Таким образом, консисторское присутствие состояло из лиц духовного звания, как правило, в ранге протоиереев и священников, служащих в костромских церквах и соборах и имевших различные награды за свою службу. Учитывая тот факт, что консистория рассматривала административные, хозяйственные и следственные вопросы, с которыми священнослужителям приходилось сталкиваться очень редко, можно предположить, что решение во многом зависело не столько от мнения присутствия, сколько от преподнесения присутствию каждого отдельного дела канцелярскими чиновниками в настольных докладных реестрах. Нужно учитывать, что практически каждый член консистории совмещал богослужения, работу в присутствии, преподавательскую и иную общественную деятельность.

Что же из себя представляли канцелярские чиновники костромской консистории?

По штату консисторий 1869 г. в составе канцелярии числились следующие должности, дававшие соответствующее право на чин согласно «Табели о рангах»: секретарь с содержанием 1500 рублей в должности VII класса; четыре столоначальника с содержанием 600 руб. в должности IX класса; казначей (он же смотритель дома) [По Уставу духовных консисторий 1841 года именовался «приходорасходчик»] с годовым содержанием 500 рублей в должности IX класса, регистратор с содержанием 500 рублей в должности X класса, архивариус с содержанием 500 рублей в должности X класса [13, с. 95]. В штат входил и секретарь при епархиальном архиерее с содержанием 600 руб. в должности IX класса.

Секретарь стоял во главе канцелярии, назначался обер-прокурором, но был подотчетен и епископу, выполняя предписания и того, и другого. Столоначальники заведовали столами, количество столоначальников совпадало с числом столов и, соответственно, варьировалось в каждой консистории по-разному. Регистратор распределял бумаги по столам, вел расписание об отправке срочных сведений из консистории. На Казначея и смотрителя дома возлагалась обязанность контроля получения и хранения денежных сумм. Консисторским архивом заведовал архивариус, избираемый из «благонадежных чиновников канцелярии» [12, с. 262]. В его обязанность входили прием и хранение решенных консисторских дел, которые не могли оставаться на руках у столоначальников не более трех лет. В штат включались также канцелярские слу-

жители и вольнонаемные писцы, обязанности которых заключались в ведении консисторского письмоводства, причем количество и содержание тех и других определялось епархиальным начальством.

Все чиновники канцелярии за службу получали денежное вознаграждение, которое складывалось из трех составляющих: 1) жалование, 2) столовые деньги, 3) экстраординарные консисторские суммы. Причем жалование составляло две трети годового содержания, а столовые деньги одну треть [13, с. 95]. Дополнительные выплаты из консисторских сумм осуществлялись на усмотрение епархиального начальства.

Рассмотрим состав канцелярии костромской духовной консистории за 1898 год.

Во главе стоял секретарь – надворный советник Александр Александрович Пятницкий, 40 лет, кавалер орденов: Св. Станислава и Св. Анны 3 степени. Он окончил юридический факультет в Санкт-Петербургском университете и поступил на службу в уголовный кассационный департамент Правительствующего Сената. Однако уже 30 апреля этого же года по прошению был причислен к канцелярии Обер-прокурора Святейшего Синода. В мае 1890 года он был назначен исполняющим должность секретаря Костромской консистории. Кроме собственно консисторских обязанностей, он был избран членом Костромской Государственной Ученой архивной комиссии (КГУАК), почетным членом Костромского Александровского православного братства, а также членом Костромского Епархиального Училищного Совета [4, л. 3об. – л. 5об.]

Секретарем при епархиальном архиерее был сын причетника, коллежский регистратор Александр Иванович Крылов, выпускник Костромской духовной семинарии 1886 года, которому было 34 года. Столоначальники: Александр Страхов (41 год), Александр Соловьев (48 лет), Павел Уханов (71 год) были выходцами из семей причетников. Страхов был выпускником Галичского духовного училища, а Соловьев и Уханов были отчислены из Костромской духовной семинарии: первый – по собственному прошению, второй – за плохое поведение. Павел Уханов поступил на службу в консисторию в 1852 году простым канцелярским служителем. После почти 30 лет службы 1 декабря 1881 года был назначен на должность регистратора. Ему не раз приходилось замещать должности архивариуса, столоначальника, казначея. Только в 1895 году он был произведен в столоначальники и уже через 3 года был уволен за штат, прослужив, таким образом, в консистории почти 46 лет [4, л. 6 об. – л. 22об.].

Другой столоначальник, коллежский асессор Василий Михайловский (38 лет), окончивший в 1878 году Костромское духовное училище, был сыном канцелярского служителя Ивана Михайловского, который к 1898 занимал должность архивариуса. Последний был отчислен из Костромской духовной семинарии еще в 1847 году. И с 1849 года состоял на службе в консистории. Он за «беспорочную службу» также был удостоен ордена Св. Владимира 4 степени. Сын священника Арсений Алфеев (46 лет) занимал должность казначея, обязанности регистратора исполнял пятидесятилетний выходец из семьи священника Александр Весновский, находящийся на службе в консистории с 1870 года. Он был и делопроизводителем при попечительстве о бедных духовного звания, которое находилось в консисторском доме. Алфеев и Весновский учились в Костромской духовной семинарии, но были отчислены оттуда [4, л. 18 об – 33 об.]. В штате Костромской духовной консистории числилось 5 канцелярских служащих, занимавшихся письмоводством. Средний возраст их составлял 31 год. Только двое из них полностью окончили курсы духовных училищ, остальные были отчислены [4, л. 35 об.].

Итак, практически все канцелярские чиновники были выходцами из семей, имевших непосредственное отношение к духовному ведомству. Чаще всего это были сыновья священнослужителей и церковнослужителей Костромской епархии, за исключением секретаря, назначавшегося обер-прокурором. Стремясь пойти по стопам отца, будущие канцелярские чиновники поступали на учебу в духовно-учебные заведения – духовные училища и семинарию.

Однако далеко не все из них благополучно заканчивали учебу, многие отчислялись по собственным прошениям и по усмотрению педагогов. Вообще, во второй половине XIX века одним из главных пороков народа, а вместе с ним и духовных лиц, была нетрезвость. Красочное описание жизни семинаристов мы находим в мемуарах митрополита Евлогия «Путь моей жизни» [14, с. 87–122], где указывается на многочисленные пороки семинаристов: пьянство, буйство, из-за которых многим не суждено было благополучно закончить учебу. Если взять статистику по Костромской епархии, мы увидим, что за 1898 год из духовных училищ и семинарии было отчислено 110 человек, причем только 37 из них по прошениям [5, л. 76 об.] из учившихся 1445 воспитанников [1, с. 29]. Получается, в год приходилось 1 отчисление на 14 учащихся. Некоторые из отчисленных за пороки находили пристанище в консистории, получая сначала низшие должности, а затем поднимаясь выше, как, например, Иван Михайловский или Павел Уханов.

Процесс осуществления письмоводства был весьма трудоемким, учитывая тот факт, что многие документы приходилось переписывать от руки в нескольких копиях. Штатным канцелярским чиновникам такая задача была не под силу, для помощи им нанимали писцов, количество которых зависело от усмотрения епархиального начальства.

В 1891–1893 годах в документах о расходовании сумм на содержание личного состава о писцах вообще нет упоминаний, зато указано жалование 8 канцелярским служащим – по 20 руб. в месяц на каждого [6, л. 11 об. – 12]. А к 1902 году штатных канцелярских служащих, занимающихся письмоводством, было только трое, зато число вольнонаемных писцов, числившихся за январь, составило 13, с жалованием от 13 до 26 рублей. Их возраст колебался от 16 до 62 лет [7, л. 4]. В штате консистории было 3 сторожа с ежемесячным жалованием 16 рублей и 1 дворник.

Всего в 1902 году в Костромской духовной консистории числилось без учета вольнонаемных писцов 19 человек, из которых 5 входили в состав присутствия (один на правах заштатного члена) [15, л. 1–3 об.].

Итак, на основе анализа архивных документов и исторической литературы мы установили, что количество членов и служащих в Костромской духовной консистории не было одинаковым в рассматриваемый период. Время от времени оно подвергалось изменениям, как со стороны законодательства Российской империи, так и со стороны местного епархиального начальства. Присутствие консистории состояло из белого духовенства (за редким исключением, характерным для середины XIX века), главным образом протоиереев костромских церквей и соборов. Большинство из них окончило духовные семинарии, а некоторые и духовные академии. За свою службу каждый член присутствия имел различные награды: от скуфьи или камилавки до ордена Св. Анны 1 степени. Канцелярские чиновники были выходцами из семей лиц духовного звания или чиновников по духовному ведомству. Причем многие были отчислены из духовно-учебных заведений по собственным прошениям или за пороки. Секретарь играл огромную роль для организации консисторской деятельности, и вопрос о личностях секретарей Костромской духовной консистории следует рассмотреть отдельно. Служащие консистории, как члены, так и чиновники, нередко совмещали свои обязанности по консистории с иной деятельностью, что не могло не сказываться на работе каждого из них.

Библиографический список

1. Всеподданнейший отчет обер-прокурора Святейшего Синода по ведомству Православного вероисповедания за 1898 год. – СПб, 1898.
2. ГАКО. Ф. 130. Оп. 7. Д. 124. За 1891 г. Т. 3.
3. ГАКО. Ф. 130. Оп. 7. Д. 135. За 1910 г.
4. ГАКО. Ф. 130. Оп. 7. Д. 25. За 1898 г.
5. ГАКО. Ф. 130. Оп. 7. Д. 131. Т. 4.
6. ГАКО. Ф. 130. Оп. 7. Д. 116. За 1891–1893 гг.
7. ГАКО. Ф. 130. Оп. 7. Д. 116. За 1902 г.
8. *Ивановский Я. И.* Обозрение церковно-гражданских узаконений по духовному ведомству (применительно к уставу духовных консисторий и своду законов). – СПб., 1900.
9. Костромской календарь на 1895 г. – Кострома, 1895.
10. Месяцеслов на 1868 г. – Кострома, 1868.
11. Памятная книжка Костромской губернии на 1857 г. – Кострома, 1857 г.
12. Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. Т. 16. Отд. 1. – СПб., 1842.
13. Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. Т. 44. Отд. 3. 46899.
14. Путь моей жизни. Воспоминания митрополита Евлогия (Георгиевского), изложенные по его рассказам. Т. Манухиной. – М., 2003.
15. РГИА. Ф. 796. Оп. 445. Д. 191.
16. РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 375.
17. РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 529.
18. РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 1008
19. *Римский С.В.* Российская церковь в эпоху великих реформ (Церковные реформы в России 1860–1870-х годов). – М., 1999.
20. Церк. Вестник. – 1880. – № 44.
21. *Чижевский И.* Устройство Православной Русской церкви, ее учреждений и действующих узаконений по её управлению. – Харьков, 1898.

УДК 94(470)"1919-1920"

Лобанов Владимир Борисович
кандидат исторических наук
Санкт-Петербургский государственный лесотехнический университет им. С.М. Кирова
lobanov19772009@yandex.ru

ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА НА ЮГЕ РОССИИ: БЕЛОГВАРДЕЙСКАЯ КАВКАЗСКАЯ АРМИЯ В 1919–1920 гг.

В статье рассматриваются эпизоды Гражданской войны на юге России, связанные с участием Кавказской армии Вооруженных сил юга России в реализации «Московской директивы» главнокомандующего ВСЮР генерала А.И. Деникина от 20 июня (3 июля) 1919 г. Проанализированы бои за Царицын и Астрахань, показаны причины поражения Кавказской армии на рубеже 1919–1920 гг.

Ключевые слова: *Врангель, Деникин, Эрдели, Кавказская армия, Волжская флотилия, Царицын, Астрахань.*

Лето и осень 1919 г. были временем наивысшего накала Гражданской войны на юге России. Вооруженные силы юга России во главе с генералом А.И. Деникиным, преодолевая сопротивление армий Южного фронта РСФСР, неуклонно продвигались к Москве. К лету 1919 г. одной из составных частей белых вооруженных сил на южном театре боевых действий была Кавказская армия во главе с ее командующим генералом П.Н. Врангелем. Она была создана 8 (21) мая приказом Главкома ВСЮР генерала А.И. Деникина для борьбы с красными силами на царицынско-астраханском направлении и в результате победы белогвардейцев под Великокняжеской.

На 5 (18) мая 1919 г. белые войска, действовавшие на царицынском направлении, насчитывали в своих рядах более 20 тыс. человек, 88 орудий различных калибров, 432 пулемета, 11 самолетов, 1 бронепоезд, 5 бронеавтомобилей [1, д. 34, л. 65 об. – 68]. Позже эти войска, переименованные в Кавказскую армию, получили легкие и тяжелые танки [2, д. 584, л. 18]. С этими силами П.Н. Врангель должен был овладеть Царицыным, который обороняла хоть и разгромленная, но не потерявшая боеспособность 10 армия Южного фронта РСФСР. Сроки выхода на подступы к городу определялись Верховным командованием в три недели. Петр Николаевич ставил некоторые условия для взятия города, в частности, необходима была присылка пехотных частей и дополнительных технических средств [3, с. 182]. Все это было продиктовано предыдущим горьким опытом. Донская армия на протяжении всей второй половины 1918 г. и начала 1919 г. так и не смогла захватить «Красный Верден» без технического обеспечения и значительных пехотных соединений. Опыт подсказывал П.Н. Врангелю, что кавалерия хороша в маневренной войне, при наступлении, но не пригодна для осады хорошо укрепленного города. Именно этим объясняются постоянные настоятельные просьбы генерала не забирать войска его армии на другие участки фронта, уделять его направлению должное внимание. Ситуация осложнялась еще и тем, что наступать приходилось в крайне тяжелых климатических условиях, по безлюдным и безводным, выжженным солнцем степям и полупустыням, при слаборазвитом железнодорожном сообщении, затруднявшем переброску дополнительных войск и боеприпасов на фронт. Однако даже в этих условиях войскам генерала П.Н. Врангеля удалось после трех недель ожесточенных боев выйти к Царицыну. Вот здесь и сказалась техническая необеспеченность операции. Недаром город называли «Красным Верденом». Большевики, имевшие в этом уездном центре Саратовской губернии значительное влияние (на 200 тыс. жителей – 35 тыс. рабочих, из которых 7 тыс. металлистов) [4, с. 80], укрепили город, превратили его в непреступную крепость. С ходу Царицын взять не удалось, Кавказская армия с большими потерями отступила. На 20 мая (2 июня) 1919 г. в армии было менее 13 тыс. человек при тех же технических средствах [1, д. 34, л. 153–154], следовательно на пути к Царицыну ее состав уменьшился на треть. С этим силами крайне трудно было овладеть городом. Советское руководство сознавало стратегическое значение Царицына в системе обороны республики Советов. Председатель СНК В.И. Ленин неоднократно указывал на важность и необходимость обороны Царицына до последней возможности. За две недели до взятия белыми города он с тревогой телеграфировал в РВС Южного фронта: «Принимаете ли все меры по поддержке Царицына? Оттуда просят 15000 пехоты и 4000 конницы. Удержать Царицын необходимо. Сообщите, что сделано и делается» [5, с. 266]. В белом стане накануне взятия Царицына также царила нервная атмосфера. Генерал П.Н. Врангель в крайне резком тоне критиковал главное командование ВСЮР за нерасторопность и невнимание к его участку фронта, в ультимативной форме требовал подкреплений. Позже, уже в эмиграции, генерал А.И. Деникин, полемизируя с П.Н. Врангелем в своих знаменитых «Очерках русской смуты» и в ряде газетных и журнальных статей, терпеливо объяснял общественности причины тех или иных своих поступков. В частности, по поводу «невнимания» к нуждам Кавказской армии перед очередным штурмом Царицына Антон Иванович писал, что причиной этого был не его злой умысел, а всего лишь то, что было нарушено железнодорожное сообщение. Крас-

© Лобанов В.Б., 2012

ные, отступая, разрушили мост через реку Сал. Для его починки требовалось время. А.И. Деникин писал о том, что П.Н. Врангель был в курсе этого, однако реакция последнего была не совсем адекватной [6, с. 15]. Как только движение было восстановлено, сразу же «вслед за этим подвезены к армии бронепоезда, танки, новые авиационные средства…» [6, с. 16]. Только получив к 15(28) июня обещанное, П.Н. Врангель с рассвета 16 (29) июня начал повторный штурм. Основной удар наносила с юга группа генерала С.Г. Улагая (2 и 4 корпуса). При массированной поддержке танков и кавалерии к вечеру 18(31) июня Царицын был освобожден от красных. Позднее выяснилось, что победе белых в немалой степени способствовало предательство военспеца Н. Всеволодова [7], 9 армия которого своевременно не оказала помощь 10 армии военспеца, подполковника царской армии Л.Л. Клюева, сменившего в мае на этом посту раненого на реке Сал А.И. Егорова. Все это происходило на фоне общего победоносного наступления ВСЮР на всем фронте. Особенно ликовали на Дону. Местные газеты так и писали, что только со взятием Царицына полностью освобождена Область Войска Донского [8].

Захват Царицына открывал радужные перспективы соединения с Уральской армией генерала В.С. Толстова, то есть произошло бы непосредственное соединение с белыми антибольшевистскими силами на востоке России. На этом особенно настаивал командующий Кавказской армии, он видел в этом залог общей победы над большевизмом. По поводу направления дальнейшего наступления у Врангеля постоянно происходили перепалки с генералом А.И. Деникиным, который не разделял оптимизма последнего. «Московская директива», опубликованная 20 июня (3 июля) в только что взятом Царицыне, предполагала, что Кавказская армия только в качестве вспомогательной меры направляет свои части на соединение с уральцами, основное же направление намечалось на Саратов-Ртищево-Балашов и далее на Москву [1, д. 38, л. 103]. Правым флангом армия должна была содействовать войскам Северного Кавказа под командованием генерала И.Г. Эрдели (Астраханский отряд генерала Д.П. Драценко) в овладении Астрахани. Помимо всего прочего приказом А.И. Деникина на нижней Волге создавался отряд речных судов (Волжская речная флотилия) в составе Кавказской армии для выполнения вспомогательных задач. Во главе этой флотилии был поставлен капитан 1 ранга А.Н. Заев, а формировалась флотилия на основе местных средств и судов Черного моря и Дона [9, д. 56, л. 110].

С этого момента войска Кавказской армии были сосредоточены на двух направлениях: камышинском (наступление на Саратов) и черноярском (наступление на Астрахань), где часть сил было переведено на левый берег Волги. Силы армии после взятия Царицына на 20 июня (3 июля) 1919 г. составляли более 9 тыс. человек, при том же количестве артиллерии и пулеметов, зато были усилены бронесилами [1, д. 34, л. 194 об. – 196]. К 5(18) июля численность армии возросла до 15 тыс. человек [1, д. 34, л. 230–231], однако состав воинских частей и само их количество было нестабильным, они постоянно перебрасывались на более важные по мнению Верховного командования участки фронта. Из рук вон плохо обстояло дело со снабжением армии обмундированием и обувью, остро стоял вопрос с продовольствием для чинов армии и его конного состава [10, д. 4, л. 3–12]. В связи с этим возникали постоянные перебранки командования ВСЮР и Кавказской армии, последнее постоянно указывало на невозможность выполнить поставленные цели с имеющимися незначительными силами [1, д. 10, л. 45, 48]. Тем не менее, выполняя задачи, поставленные «Московской директивой», войска армии на северном участке своего фронта в результате ожесточенных боев занимают 15(28) июля Камышин [11, с. 57], еще один уездный центр Саратовской губернии, белые все ближе подходят к губернскому центру. На восточном участке фронта кубанский казачий разъезд 19 июля (1 августа) в районе озера Эльтон соединился с уральским казаками из состава Урало-Астраханского корпуса Уральской армии [12; 1, д. 10, л. 137].

Казалось бы, эти события должны были рисовать радужные перспективы дальнейшей борьбы против большевиков, однако все было совсем наоборот. К этому времени армии адмирала А.В. Колчака, потерпевшие поражение в весенне-летних боях, отходили на восток. Естественным образом это отразилось и на южном участке фронта Гражданской войны. Сюда были переброшены дивизии Восточного фронта РККА, в частности, под Камышин и Астрахань. Бывший командарм 2 Восточного фронта военспец, бывший полковник царской армии В.И. Шорин был поставлен во главе сил, боровшихся в том числе и с Кавказской армией: 10(23) июля 9 и 10 армии были выделены из состава Южного фронта и получили название Особой группы. Соединение с уральцами не принесло ощутимых результатов, так как восточный белый фронт неуклонно отступал. Уральская армия фактически оказалась отрезанной от основных сил, к тому же все попытки совместными усилиями Кавказской, Уральской армий и войсками Северного Кавказа захватить советскую Астрахань, оставшуюся в белом тылу, провалились [13, с. 56].

Красные же в полной мере воспользовались плодами своих побед на востоке. Речь, прежде всего, идет о поступлении новых пополнений в красные войска, в то время как белые постоянно испытывали нехватку личного состава и вооружений. Не последнюю роль в этой связи играло противостоя-

ние добровольческого командования и части кубанского руководства. Шла постоянная подспудная борьба кубанских самостийников за создание Кубанской армии как еще одного козыря в политической борьбе, Кавказскую же, состоявшую на ¾ из кубанцев, но не подчинявшуюся непосредственно им, они не считали своей. Естественно, что командованию Кавказской армии, то есть П.Н. Врангелю и П.Н. Шатилову, постоянно приходилось оказывать давление на Екатеринодар, чтобы пополнить ее состав [1, д. 10, л. 68, 103, 151], взывать к местному патриотизму. В этих крайне сложных условиях, при нехватке всего и вся, на северном участке фронта 8 (21) августа пришлось без боя оставить с таким трудом завоеванный Камышин [14, д. 1, л. 39]. Началось отступление к Царицыну [15, с. 285]. Красными было предпринято общее августовско-сентябрьское контрнаступление против ВСЮР. Главная роль в нем отводилась Особой группе В.И. Шорина в направлении на Ростов-Новочеркасск, 10 армия, действовавшая непосредственно против Кавказской армии, 14 (27) августа нанесла удар в направлении Царицына. Через неделю красные вышли на подступы к городу. В ходе упорных боев 23–27 августа по ст.ст., используя технические средства и укрепления Царицынского оборонительного района, Кавказской армии удалось отбить наступление красных [16, с. 202]. При этом, ожидая неминуемого захвата города, белым удалось успешно его эвакуировать благодаря неустанной заботе начальника военных сообщений армии генерала П.С. Махрова [17, с. 83]. Красные еще два раза пытались взять город штурмом: 7–13 сентября с севера и 1–10 сентября с востока и с 28 сентября по 4 октября с севера, но были отбиты на всех участках [3, с. 258–266].

Борьба принимала все более ожесточенный характер. Красные вполне отчетливо понимали важность разгрома Кавказской армии, являвшейся правым флангом ВСЮР. Именно для борьбы с ней приказом советского главкома, военспеца, бывшего полковника царской армии С.С. Каменева от 17 (30) сентября 1919 г. был образован Юго-Восточный фронт из 9, 10, вновь созданной 11, позднее 8 и 1-й Конной армий, Волжско-Каспийской флотилии [18, с. 675]. Всей этой массе войск Кавказская армия на 20 сентября (3 октября) могла противопоставить всего лишь чуть более 13 тыс. человек, более 100 орудий, 400 пулеметов и некоторого количества технических средств и бронетехники [1, с. 35, л. 134]. С такими силами даже обороняться можно было с трудом, о наступлении не могло идти и речи. Тем более белый фронт на юге России рухнул в ходе октябрьско-ноябрьского красного контрнаступления 1919 г. в районе Орла, Воронежа и Курска. Советские войска на плечах отступающего врага начинают на рубеже 1919–1920 гг. наступление силами Южного и Юго-Восточного фронтов, намереваясь полностью разгромить южную контрреволюцию.

В самый разгар советского наступления происходят изменения в комсоставе Кавказской армии. Ввиду угрожающей обстановки, сложившейся на центральном участке ВСЮР, то есть в полосе Добровольческой армии, талантливый военачальник генерал П.Н. Врангель был назначен ее командующим вместо генерала В.З. Май-Маевского. Во главе же Кавказской армии становится с 25 ноября (8 декабря) 1919 г. командующий 1-м Кубанским казачьим корпусом, герой Царицына и Камышина генерал В.Л. Покровский [19]. Многим кубанским деятелям это назначение не пришлось по вкусу, так как именно этот генерал принимал непосредственное участие в разгроме Кубанской Рады в ноябре 1919 г. На этом посту В.Л. Покровский оставался ровно 2 месяца, до 26 января (8 февраля) 1920 г. и ничем выдающимся себя не проявил. Это было время агонии всего Белого юга, в том числе и Кавказской армии. Фронт разваливался, началось повальное дезертирство. К началу декабря 1919 г. пришлось эвакуировать войска с левого берега Волги, красная артиллерия начала беспрепятственно обстреливать Царицын. Остатки армии закрепились в укрепрайоне к северу от города, но ненадолго. Ввиду угрозы попасть в окружение части армии 20 декабря 1919 г. (3 января 1920 г.) без боя оставили Царицын. Несмотря на приказы генерала Деникина, остатки армии безостановочно отступали. К 4(17) января части Кавказской армии сосредоточились за рекой Сал, а к 13(26) января – за рекой Маныч [11, с. 301, 382]. Фактически Кавказская армия как организованное воинское формирование перестала существовать. С началом нового года Белую армию добивали уже части не Юго-Восточного, а Кавказского фронта, во главе которого с 4 февраля 1920 г. стоял еще один военспец, бывший гвардии поручик М.Н. Тухачевский. Идя на поводу у кубанских самостийников и, может быть, надеясь хоть как-то исправить положение на Северном Кавказе, белое командование приняло решение переименовать Кавказскую армию в Кубанскую. Белое командование желало сыграть на патриотизме кубанского казачества, тем более что фронт неумолимо приближался к границам Кубанского края. Во главе армии был поставлен популярный на Кубани генерал А.Г. Шкуро [20]. Однако переименование ничего существенного не дало. История этой армии, которая стала заложницей политики самостийников, была еще более краткой, чем история Кавказской. Она просуществовала с февраля по май 1920 г. и бесславно капитулировала в районе Адлера.

Библиографический список

1. Российский Государственный Военный Архив (РГВА) Ф. 39540. Оп. 1.

2. Государственный Архив Российской Федерации (ГАРФ) Ф. р-5881. Оп. 2.

3. *Врангель П.Н.* Записки. Часть первая. – М., 1995. – 432 с.

4. История гражданской войны в СССР. Т. 2. Великая пролетарская революция (октябрь-ноябрь 1917 года). – М., 1943. – 656 с.

5. Директивы командования фронтов Красной Армии (1917–1922 гг.). Т. II. Март 1919 г. – апрель 1920 г. – М., 1972. – 804 с.

6. Иллюстрированная Россия (Париж). – 1930. – № 24(265). – 24 с.

7. Вечернее время (Новороссийск). – 20 января 1920 г. – № 453.

8. Донские ведомости (Новочеркасск). – 19 июня 1919 г. – № 140.

9. Российский Государственный Архив Военно-Морского Флота (РГА ВМФ). Ф. Р–87 (Штаб речных сил юга России (белых)) Оп. 1.

10. Архив Гуверовского института войны, революции и мира Стэнфордского университета (АГИ) Гейден Д. Ящ. 1.

11. *Деникин А.И.* Очерки русской смуты: Вооруженные силы юга России. Заключительный период борьбы. Январь 1919 – март 1920. – Минск, 2002. – 464 с.

12. Станичник (Екатеринодар). – 23 июля 1919 г. – № 7.

13. *Ефимов Н.А.* Сергей Миронович Киров // Вопросы истории. –1995. – № 11–12. – С. 49–67.

14. ГАРФ. Ф. р–5853. Оп. 1.

15. *Клавинг В.* Гражданская война в России. Белые армии. – М., 2003. – 640 с.

16. *Попов К.* Воспоминания кавказского гренадера. 1914–1920. – М., 2007. – 240 с.

17. *Махров П.С.* В Белой армии генерала Деникина: Записки начальника штаба Главнокомандующего Вооруженными Силами Юга России. – СПб., 1994. – 300 с.

18. Гражданская война и интервенция в СССР: Энциклопедия. – М., 1983. – 704 с.

19. Утро Юга (Екатеринодар). – 27 ноября 1919 г. – № 265.

20. Утро Юга (Екатеринодар). – 25 января 1920 г. – № 19.

УДК 947

Околотин Владимир Сергеевич
кандидат исторических наук
Ивановская государственная текстильная академия

О ПЕРИОДИЗАЦИИ ИССЛЕДОВАНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ НКФ СССР ПО РАЗРАБОТКЕ И РЕАЛИЗАЦИИ НАЛОГОВОЙ ПОЛИТИКИ В 1928–1941 гг. (по материалам Центральной России)

В статье предлагается периодизация исследования деятельности НКФ СССР по разработке и реализации налоговой политики в 1928–1941 гг. Она основана на признании кризисных явлений в плановой экономике и различных форм ее построения. В совокупности они оказывали заметное воздействие на формирование и реализацию налоговой политики.

Ключевые слова: *плановая экономика, продуктообмен, «свободная» государственная торговля, кризисные ситуации, налоговая политика, трансформация, периодизация.*

В советской историографии длительное время утверждалось, что достоинством плановой экономики, созданной в ходе реализации пятилетних планов, являлась ее способность к непрерывному поступательному развитию, устойчивость к различным потрясениям и отсутствие в ней кризисных явлений. В рамках «архивной революции», имевшей место в России в 1990-е годы, появились исследования российских и зарубежных историков, в которых было подвергнуто сомнению данное утверждение. В них называется ряд кризисных ситуаций при построении плановой экономики в означенный период. Более того, получило признание и то, что они оказали заметное воздействие на внутреннюю политику советского государства, заставили его внести существенные коррективы в построение плановой экономики. Все это позволяет утверждать, что достигнуть непрерывного равновесного состояния народного хозяйства и его поступательного развития в процессе построения плановой экономики в 1930-е годы так и не удалось.

По мнению автора данной статьи, усилению этого представления способствует обращение к деятельности государственных органов управления, которые несли на себе всю нагрузку по претворению в реальность установок правящей партии и государства. Более того, в условиях кризисных ситуаций именно среди сотрудников наркоматов и их структурных подразделений на местах выискивались «вредители» и «враги народа», которые якобы своей противоправной деятельностью наносили вред советскому государству. Примером такого подхода, несомненно, является Наркомат финансов СССР, налоговая политика которого была направлена на максимальное изъятие средств из промыш-

 © Околотин В.С., 2012

ленности и у населения для капитализации экономики. Кроме решения социально-экономических задач она была подчинена выполнению политической задачи, а именно: путем высоких налогов создать невыносимые условия для частного капитала и ликвидировать предпосылки для его воспроизводства. Исследование реализации налоговой политики по материалам промышленных регионов Центральной России, которая являлась важной частью хозяйственного потенциала советского государства, наиболее привлекательно. Это объясняется тем, что любая информация о социальной напряженности в них, вызванная политикой государства, воспринималась в центре гораздо весомее, чем та, которая поступала из более отдаленных краев и областей. Концентрация же в регионах большого количества рабочих исключала любую возможность военного подавления каких-либо волнений, поскольку кроме опасности социального взрыва, возникала потенциальная возможность «краха пролетарской диктатуры». Промышленная часть Центральной России интересна и тем, что здесь достаточно полно представлены основные категории налогоплательщиков того времени, на которых апробировались различные административные и организационные инициативы по превращению Москвы, Московской области и ИПО в образцовые для других регионов.

Исходя из признания кризисных ситуаций в построении плановой экономики, целесообразно определиться с периодизацией исследования деятельности НКФ СССР по разработке и реализации налоговой политики. Для этого обратимся к сущности понятия «налоговая политика» и разграничим его с пониманием термина политика налогов. Прежде всего, следует согласиться с авторитетным суждением А.В. Брызгалина о том, что под налоговой политикой следует понимать систему актов и мероприятий, проводимых государством в области налогов и направленных на реализацию тех или иных задач, стоящих перед обществом [10, с. 30]. По утверждению С.Г. Верещагина, налог определяется как политическая воля (политический акт) лиц, представляющих государство на определенном этапе исторического развития, реализованная в законах и квазизаконах (иных актах, содержащих требование платить налоги) и обеспеченная государственным принуждением. Реализация налоговой политики осуществляется в виде применяемых налогов, величинах налоговых ставок, установлении круга налогоплательщиков и объектов налогообложения, в налоговых льготах и т.д. Ее параметры в обязательном порядке должны быть закреплены в принятых от имени государства нормативных актах. Таким образом, налоговая политика вторична по отношению к налогу как политической категории (политика налогов) и они (политика налогов и налоговая политика) соотносятся как содержание и форма. То есть политическая воля государства в налоговой сфере (политика налогов) – это содержание, а закрепление этой политической воли в виде законов и иных нормативных актов (налоговая политика) – это форма [1, с. 35].

Разделяя данное суждение, автор статьи все же полагает, что из перечня элементов налоговой политики, приводимых С.Г. Верещагиным, необоснованно исключен налоговый аппарат, который осуществлял реализацию политической воли государства. Кроме того, указанными исследователями не затронута еще одна важная особенность налоговой политики. Это ее способность трансформироваться под воздействием кризисных явлений в экономике и принимать то содержание, которое соответствует конкретным условиям. Исследование такой трансформации невозможно без обращения к состоянию научных знаний, определявших сущность налоговой политики в конкретный исторический период, которые в виде законодательных инициатив воплощались в нормативных актах правительства и ведомственных документах НКФ СССР. В нашем случае это особенно важно, поскольку их рассмотрение помогает представлять налоговую политику не как застывшее явление, а как динамично развивающийся процесс, подверженный воздействию как со стороны государства, так и со стороны налогоплательщиков.

Итак, в основе периодизации, используемой в советский период для изучения налоговой политики, длительное время лежало «учение Сталина о двух фазах развития социалистического государства». При этом вторая фаза полностью включала в себя период построения плановой экономики [17, с. 2]. В постсоветский период преобладающей стала точка зрения, согласно которой в развитии советской налоговой системы следует различать два этапа: первый – до налоговой реформы 2 сентября 1930 г., второй – после ее проведения. Данное утверждение вполне объяснимо, поскольку система налоговых отношений в национальной экономике, сложившаяся до 1930 г., характеризовалась множественностью платежей, позволявших максимально настигать доходы хозяйствующих субъектов в условиях многоукладной экономики. В процессе огосударствления экономики и полного вытеснения из нее частного капитала такая система налогообложения перестала соответствовать формирующимся представлениям о плановой экономике. Поэтому начало второго периода и окончательное свертывание нэпа справедливо увязывают с проведением налоговой реформы и унификацией налоговых платежей [9, с. 281]. Однако относительно целостности второго периода появляются серьезные вопросы. Они возникают в связи с изучением архивных источников, публикаций того времени, а также современных исследований [12, с. 168]. Так, в одном из делопроизводственных докумен-

тов на имя наркомфина СССР А.Г. Зверева утверждалось, что функции налогов проявляются на разных этапах строительства социализма неодинаково, поскольку «каждому из этапов социалистического строительства соответствует определенная совокупность мероприятий в области экономической политики» [14, ф. Р.-7733, оп. 17. д. 159, л.63.].

Что же это за этапы и как их полновесно аргументировать? В целом в советской и российской историографии они получили такие определения: переходный этап, этап построения основ социализма, неорганизованного и организованного рынка и т.д. Однако такой подход предполагает поступательное развитие плановой экономики и не позволяет определить причины возникновения кризисных явлений и роста социальной напряженности в обществе. Поэтому для преодоления этого противоречия уместно назвать формы построения плановой экономики в исследуемый период. В публикациях того времени, а также в официальных документах активно использовались два понятия, имевшие свои временные рамки. Это продуктообмен и «свободная» государственная торговля. Их обоснованию были посвящены различные публикации в центральной прессе и ведущих периодических журналах: «Проблемы экономики», «Вестник финансов», «Финансовые проблемы» и др. Переход от одной формы к другой сопровождался серьезными коррективами в хозяйственном и налоговом законодательстве, изменением форм и методов в реализации налоговой политики. Более того, отказ от одной (продуктообмена) был вынужденным явлением, поскольку данная форма не обеспечивала экономического роста государства, приводила к росту социальной напряженности и, что особенно ценно для нашего исследования, не способствовала увеличению собираемости налоговых платежей. Но и переход к свободной государственной торговле не привел к автоматической защите плановой экономики от кризисов, о чем свидетельствовали сразу две кризисные ситуации в предвоенные годы.

Руководствуясь логикой исторического процесса, в целях объективного исследования деятельности НКФ СССР по разработке и реализации налоговой политики в 1928–1941 гг. целесообразно прибегнуть к дроблению его на четыре этапа. Первым является этап, границами которого выступают 1927/28 хозяйственный год – сентябрь 1930 года, когда в условиях свертывания нэпа осуществлялись поиск и разработка оптимального варианта налоговой системы, отвечавшего представлениям о плановой экономике. Второй этап (октябрь 1930–1932 гг.) связан с применением новой налоговой системы к условиям формирующегося продуктообмена, как форме построения плановой экономики. Третий этап уместно определить рамками 1933–1936 гг., когда продуктообмен был отнесен к вредным заблуждениям и стал вытесняться другой формой построения плановой экономики, основанной на развитии «свободной» государственной торговли. Этот переход был более длительным и сопровождался соответствующей трансформацией содержания налоговой политики, усилением внимания к доходной части различных категорий налогоплательщиков, привлечением к этой работе общественности не только на основе патриотизма, но и посредством материального и финансового стимулирования. В ряде современных исследований этот период получил определение «сталинский неонэп», характеризовавшийся «известной либерализацией экономических отношений, частичным возвращением к рыночным, разрушенным в предшествующие годы» [13, с. 8]. О «распределении» и «рынке» как формах плановой экономики говорит в своих исследованиях Е.А. Осокина [11, с. 22]. Хотя в 1936 г. и произошло конституционное закрепление основ плановой экономики, оно не освободило налоговую систему страны от противоречий между научными представлениями и практической стороной их реализации. Попытка их устранения, усугубленная двумя кризисными ситуациями в экономике, массовым террором, военными конфликтами, финской кампанией и другими обстоятельствами была предпринята в предвоенные годы. Поэтому к четвертому этапу следует отнести 1937–1941 гг., когда осуществлялась организационная перестройка аппарата и техники взимания налоговых платежей. В этот период происходило отмежевание от «вредительской» политики, осуществлявшейся прежним руководством НКФ СССР и его структурными подразделениями на местах, реорганизации аппарата взимания налоговых платежей, возвращение к научным поискам в рамках наркомата, попыткам их совмещения с требованиями практики, «перестройка» налогового законодательства и порядка взимания налоговых платежей.

Особую ценность для автора статьи представляют выводы исследователей относительно хронологических рамок, определяющих границы этих этапов и аргументации при их определении. В научной литературе вопрос о хронологических рамках нэпа до сих пор остается дискуссионным. Большинство исследователей началом его свертывания считают 1928 г. Окончательную же ликвидацию элементов нэпа связывают с «изменением управления и проведением ряда реформ, обусловивших становление командной модели экономического развития» [5, с. 375]. Более конкретную дату называет В.М. Пушкарева, которая утверждает, что «постановлением ЦИК и СНК СССР от 2 сентября 1930 г. о налоговой реформе нэп прекратил свое функционирование» [11, с. 168–169]. На базе налоговой системы СССР 1921–1930 гг. была создана иная система, функционирование которой было направлено на максимальную мобилизацию средств для модернизации экономики [11, с. 97].

Ее отличительными чертами стали жесткая централизация в государственном бюджете подавляющей части налоговых доходов, ущемление местных бюджетов и практика безвозвратных изъятий с бюджетных счетов денежных средств. Однако образованная в ходе реформы система налогообложения обобществленного сектора, а также городского и сельского населения была создана под продуктообмен как форму построения плановой экономики. Поскольку эта форма не принесла ощутимых экономических и финансовых результатов, а попытки компенсации ее издержек через усиленную мобилизацию средств населения способствовали росту социальной напряженности, возникла вынужденная необходимость ее переосмысления. По мнению ряда исследователей, к причинам такого переосмысления отнесены кризисные явления в экономике, рабочие волнения и выступления крестьян в ходе коллективизации. В российской историографии первые публикации на эту тему появились в 1990-е годы. Однако «пальму первенства» в этом вопросе следует отдать представителям «левой оппозиции» М.Н. Рютину [15] и Х.Г. Раковскому» [8, с. 326–334]. Их рукописи под названиями «Сталин и кризис пролетарской диктатуры», «Назад к партийной программе, к советской конституции, ленинизму», соответственно, были изъяты органами ОГПУ в октябре 1932 г. и тогда же представлены И.В. Сталину. Долгое время они были недоступны для исследователей и в научный оборот введены только в 1992 и 2003 гг.

Согласно утверждению исследователей Р.У. Девиса и О.В. Хлевнюка, рабочие волнения в ИПО в апреле 1932 г. создали предпосылки к либерализации экономических отношений в СССР [2, с. 120–172]. О том, что волнения на текстильных предприятиях ИПО заставили режим «смягчить его экономическую политику», утверждают также Дж. Кип и А. Литвин [7, с. 78]. В ряде работ российских историков, в частности В.З. Роговина, этот период получил название «сталинский неонэп» [13]. О противоречиях между плановой системой и объективной логикой развития национальной экономики, проявившихся в различных кризисных явлениях, говорит и Т.М. Тимошина [18, с. 259]. Попыткам советского руководства частично вернуться к принципам нэпа после кризиса 1932–1933 гг. посвящена работа И.Е. Зеленина» [3, с. 105–121]. «Кризисы снабжения» в 1932–1933 гг., 1936–1937 гг. и 1939–1941 гг. убедительно исследованы Е.А. Осокиной [11]. Для данной статьи это особенно важно, так как переход к «сталинскому неонэпу» и «колхозному неонэпу в сталинском исполнении», а также «кризисы снабжения» сопровождались значительным изменением форм реализации налоговой политики.

На 1937–1941 гг., отнесенные автором к четвертому этапу, приходится реализация положений вновь принятой Конституции СССР, массовый политический террор, начало второй мировой войны, присоединение к СССР западных областей Украины и Белоруссии, районов Бессарабии, вхождение в состав страны Литвы, Латвии и Эстонии, а также война с Финляндией. Его начало и завершение совпали с двумя кризисными ситуациями, нашедшими освещение в российской и зарубежной историографии. Наиболее полно они отражены в трудах российского историка Е.А. Осокиной. По мере разрастания кризисной ситуации 1936–1937 гг. усиливалось социальное недовольство, охватившее как сельское, так и городское население. Хлебные очереди в рабочих поселках, недовольство жителей существующим снабжением вкупе с экономическими проблемами вновь напомнили руководству страны о кризисе 1932 г. Согласно утверждению Е.А. Осокиной, география «хлебных затруднений» затронула промышленные центры России, в том числе Ивановскую, Калининскую и другие области» [11, с. 268]. Ее аргументацию, касающуюся данных по Ивановской области автор статьи усилил в монографии «Деятельность Наркомфина СССР по разработке и реализации налоговой политики в 1928–1941 гг. (По материалам Центральной России), опубликованной в 2012 году.

Все это накладывало определенный отпечаток на реализацию налоговой политики. Самобичевание и поиски вредителей среди финансовых работников после февральско-мартовского Пленума ЦК ВКП(б) 1937 г., репрессии в отношении руководителей и работников НКФ СССР и РСФСР, а также местных финаппаратов усиливали драматизм кризисной ситуации. В сентябре 1937 г. на страницах «Экономической жизни» утверждалось, что «среди руководящих работников местных финорганов РСФСР в последнее время разоблачено много троцкистско-бухаринских представителей, шпионов и диверсантов. Эти подлые фашистские выродки в течение долгого времени переоблагали трудящихся, потворствовали кулацким элементам, расхищали государственные средства» [4].

Поиск врагов народа среди финработников проходил практически по одному и тому же сценарию. В НКФ РСФСР была репрессирована группа работников во главе с наркомфином В.Н. Яковлевой. Был арестован и в марте 1939 г. расстрелян завоблфинотделом Московской области П.И. Баранников. В Калининской области 23 июля 1937 г. по обвинению во вредительстве, контрреволюционной агитации, участии в контрреволюционной организационной деятельности и подготовке терактов арестован завоблфо А.И. Цимблер. По делу правотроцкистского блока в Ярославле среди других партийных и советских руководителей в июне 1937 г. были арестованы начальник облфинуправления Н.М. Сиганов и заведующий горфинотделом г. Ярославля Н.В. Лыжин. О том, что пришлось пе-

режить Н.М. Сиганову в «старой, екатерининских времен, тюрьме в местечке Коровники за рекой Которослью», а также в лагерях и послевоенной ссылке, он рассказал в своих воспоминаниях. Пройдя все испытания, он только через семнадцать лет вернулся к гражданской жизни и отразил пережитое на страницах рукописи, впервые введенной в научный оборот автором монографии и опубликованной при его непосредственном участии в 2003 г. [16]. Трагическая судьба постигла завоблфо П.И. Тройникова и других руководителей Ивановской области.

Отрицательную роль сыграли и аграрные мероприятия, осуществлявшиеся на местах по выполнению постановления ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 27 мая 1939 г. «О мерах охраны общественных земель колхозов от разбазаривания» [6, с. 109–115]. Летом и осенью 1939 г. проводились обмеры земель, и все излишки сверх установленной у крестьян нормы отбирались у крестьян и возвращались в «лоно общественного землепользования». Эти меры больно ударили по обеспечению трудящихся продуктами питания. В июле 1939 г. нарком НКВД Л.П. Берия информировал СНК СССР о больших перебоях в государственной и кооперативной торговле печеным хлебом, образовании громадных очередей и недовольстве потребителей в Рязанской, Калининской, Московской и других областях. В подавляющем большинстве районов Калининской и Рязанской областей «ощущается острый недостаток в торговле сахаром, колбасными и табачными изделиями, мылом, спичками и др. предметами первой необходимости» [19, с. 443–444]. Очереди имели место и в Ивановской области. Так в Селивановском и Кинешемском районах был отмечен большой приток граждан из Горьковской области с целью приобретения черного хлеба. Приезжие скупали черный хлеб до 100 кг. на человека. Такая усиленная скупка НКВД объяснялась тем, что в «некоторых районах враждебные элементы распространяли провокационные слухи о предстоящей якобы войне, в связи с чем, необходимо, мол запасаться хлебом» [19, с. 463].

Объявленная в сентябре 1939 г. частичная мобилизация усилила спрос на продукты и товары первой необходимости. Для борьбы с ажиотажным спросом на продовольственные товары прокуратура Ивановской области по распоряжению из центра стала санкционировать аресты и возбуждать уголовные дела за скупку муки, крупы и других продуктов питания с обвинениями в спекуляции и дезорганизации советской торговли» [20, с. 195]. Однако апогей предвоенного кризиса снабжения (1939–1941 гг.) пришелся на время «финской кампании». Даже Москва переживала продовольственные трудности. И все же, несмотря на продовольственный кризис и рецидивы различных способов распределения, ЦК ВКП(б) и СНК СССР не торопились вводить карточную систему образца 1931–1934 гг., справедливо полагая, что «дорога к социализму» и процветающей экономике опирается на «свободную» государственную торговлю.

Экономика, финансы и налоговая система, а также общественные уклады новых территорий, вошедших в состав СССР, не соответствовали советским. Многие законы, которые принимались в рамках «перестройки» налоговой системы СССР в предвоенные годы, содержали оговорки, что они не распространяются на указанные территории. Таким образом, предлагаемая периодизация не противоречит исторической логике и позволяет выявить все многообразие налоговой политики как при ее разработке, так и реализации в условиях различных форм построения плановой экономики, сглаживания кризисных явлений в стране и капитализации советской экономики. Они нашли свое выражение в существенных изменениях ее содержания, воплощенных в организационных мероприятиях и налоговом законодательстве.

Библиографический список

1. *Верещагин С.Г.* Налог как политическая категория: история и современность. – Владивосток. Издательство ВГУЭС. 2006.

2. *Девис Р.У., Хлевнюк О.В.* Развернутое наступление социализма по всему фронту // Советское общество: Возникновение, развитие, исторический финал. – М. 1997.

3. *Зеленин И.Е.* Был ли «колхозный неонэп» // Отечественная история. – 1994. – №2.

4. *Ильин П.* Об аппарате Наркомфина РСФСР // Экономическая жизнь. – 1937. – 16 сентября.

5. *Кашникова Т.В., Костенко Е.П.* История экономики: учебник. – Ростов-на-Дону: Феникс. – 2006.

6. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т. 7. – М., 1985.

7. *Кип Дж., Литвин А.* Эпоха Иосифа Сталина. Современная историография / пер. с англ. В.И. Матузовой. 2-е изд., пер. и доп. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН); Фонд Первого Президента России Б.Н. Ельцина. – 2009.

8. Лубянка. Сталин и ВЧК-ГПУ-ОГПУ-НКВД. Архив Сталина. Документы высших органов партийной и государственной власти. Январь 1922 – декабрь 1936 / под ред. А.Н. Яковлева; сост. В.Н. Хаустов, В.П. Наумов, Н.С. Плотникова. – М.: МФД. 2003.

9. *Майбуров И.А.* Теория и практика налогообложения: учебное пособие. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2010.

10. Налоги и налоговое право: учебное пособие / под ред. А.В. Брызгалина. – М.: Аналитика – Пресс, 1997.

11. *Осокина Е.А.* За фасадом «сталинского изобилия»: Распределение и рынок в снабжении населения в годы индустриализации. 1927–1941. – 2-е изд. доп. – М.: Российская политическая энцикло-

педия (РОССПЭН); Фонд первого президента России Б.Н. Ельцина, 2008.

12. *Пушкарева В.М.* Налоговая система Союза СССР (1921–1930): учебное пособие. – М.: Вузовский учебник: ИНФРА-М, 2011.

13. *Роговин В.З.* Сталинский неонэп. – М., 1994.

14. Российский государственный архив экономики.

15. *Рютин М.Н.* На колени не встану / сост. Б.А. Старков. – М.: Политиздат., 1992.

16. *Сиганов Н.М.* Записки и воспоминания о нашей родословной, отдельных фактах жизни и пережитом. – Иваново: Юнона, 2003. – 258 с.

17. *Тамарченко М.* Фазы развития социалистического государства и финансы // Финансовая газета. – 1939. – 10 декабря.

18. *Тимошина Т.М.* Экономическая история России: учебное пособие. – М.: Информационно-издательский дом «Филинъ», Юридический дом «Юстициформ». 1998.

19. Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. Документы и материалы. Т. 5. 1937–1939. Кн. 2. 1938–1939 / под ред. В.П. Данилова. – М.: РОССПЭН. 2006.

20. *Чеботарев А.А., Пестова О.А., Олейник И.И.* На службе закону: очерк истории прокуратуры Ивановской области / под общ. ред. Н.С. Гамзина. – Иваново: ИвГЭУ, 2000.

УДК 94(73)"1945/1953" + 94(569.4)

Устюгова Галина Игоревна

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова

galina23.11@mail.ru

ПАРТИЙНО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ ДИСКУССИЯ В КОНГРЕССЕ США ПО ПРОБЛЕМЕ АРАБО-ИЗРАИЛЬСКОГО КОНФЛИКТА В 1948–1949 гг.

После образования государства Израиль в 1948 г. и начала арабо-израильской войны (1948–1949) США вынуждены были корректировать свой внешнеполитический курс в ближневосточном регионе. В определении круга вопросов, с которыми столкнулись США в процессе формирования ближневосточного курса после геополитических изменений на Ближнем Востоке, важную роль сыграл Конгресс США.

Ключевые слова: *Ближний Восток, Палестина, Израиль, внешняя политика США, Конгресс США.*

Образование государства Израиль в мае 1948 г. стало важным событием в ближневосточном регионе и получило большой резонанс в мире. Соединенные Штаты Америки принимали самое активное участие в продвижении идеи образования независимого еврейского государства в Палестине, начиная с 1946 г. После признания администрацией США государства Израиль де-факто через несколько часов после его провозглашения, казалось, что вся ближневосточная политика США будет ориентирована на американо-израильские отношения.

Однако ситуация оказалась гораздо сложнее. Во-первых, единого мнения по вопросу образования и степени поддержки независимого еврейского государства и тесного сотрудничества с Израилем в правительстве и Конгрессе США не сложилось. В 1948 г. в США состоялись президентские выборы. Президент Г. Трумэн был переизбран на второй срок. В период предвыборной кампании внешнеполитические вопросы ненадолго отошли на второй план. Уже в первые месяцы 1949 г. Г. Трумэн выдвигает новую внешнеполитическую программу, включавшую материальную и техническую помощь слаборазвитым странам, назначает нового государственного секретаря Дина Ачесона, сторонника взвешенной политики на Ближнем Востоке. Эти изменения нашли свое отражение в дискуссии в Конгрессе, которая постепенно сокращается после смещения внимания администрации США с ближневосточных проблем на Дальний Восток после победы революции в Китае в октябре 1949 г.

Позиция Конгресса и его роль в формировании внешнеполитического курса США, особенно в вопросах урегулирования арабо-израильского конфликта и выстраивания прочных отношений с участниками этого конфликта, мало рассматривается исследователями в контексте изучения американо-израильских отношений в период 1948–1949 гг. Однако именно изучение материалов Конгресса помогает определить тот круг вопросов, который рассматривался США для достижения мира в Палестине, проведения долгосрочной политики в регионе.

Вопросы, составлявшие стержень дискуссии по ближневосточной проблеме, можно подразделить на две категории: стратегические и тактические. Выстраивание стратегии взаимодействия со странами ближневосточного региона подразумевало выбор политических и экономических партнеров на долгий срок сразу после появления новой политической единицы – государства Израиля. К тактическим можно отнести вопросы, требовавшие незамедлительного использования материальных и человеческих ресурсов от Соединенных Штатов: отправка войск на Ближний Восток, оказание финансовой и технической поддержки слаборазвитым странам региона.

Неравномерное развитие дискуссии, чередующиеся периоды активизации и затишья, разные

© Устюгова Г.И., 2012

аспекты проблемы отражены в совокупности мнений групп внутри Конгресса. Эти группы часто были не сопоставимы по уровню влияния как в Конгрессе, так и в политической жизни страны в целом.

Условно можно выделить две группы: первая – проеврейская, ее представляли конгрессмены, поддерживавшие идею всесторонней поддержки Израиля, в том числе с помощью вооруженных сил. Кто же с наибольшим постоянством поддерживал Израиль? Неизменными сторонниками поддержки Израиля были Э. Селлер (конгрессмен от штата Нью-Йорк, демократ), Дж. Джавитс (конгрессмен от штата Нью-Йорк, республиканец), Л. Исаксон (конгрессмен от рабочей партии США от штата Нью-Йорк). Все конгрессмены представляют штат Нью-Йорк, имеющий самый высокий процент еврейского населения среди электората США. Перед нами лица, представлявшие интересы еврейского электората.

Вторая группа не была гомогенной. Часть членов Конгресса возражала против активной поддержки Израиля, делая акцент на внутриполитических проблемах США и роли Конгресса в принятии внешнеполитических решений. Другие поддерживали развитие американского нефтяного бизнеса на Ближнем Востоке, в первую очередь в арабских странах. Однако прямо лоббировать свои интересы эта группа не могла, поскольку в этот период сложилась неблагоприятная для нефтяного лобби обстановка. К сторонникам взаимодействия с арабским миром мы можем отнести и ту группу конгрессменов, которая делала акцент на ближневосточной политике Великобритании, но не касалась вопросов поддержки Израиля. В нее входили У. Морс (сенатор от Орегона, республиканец), Р. Тафт (сенатор от штата Огайо, республиканец), А. Ванденберг (сенатор от штата Мичиган, республиканец), Э. Госсет (конгрессмен от штата Техас, демократ), А. Мюлтер (конгрессмен от штата Нью-Йорк, демократ), К. Пеппер (сенатор от штата Флорида, демократ), Л. Смит (конгрессмен от штата Висконсин, республиканец). Особенно стоит выделить фигуру Артура Ванденберга – одну из ключевых в формировании внешней политики США в тот период, а также Роберта Тафта – одного из лидеров республиканцев.

Одним из важных факторов, повлиявших на ход дискуссии, стали президентские выборы 1948 г., во время которых внимание конгрессменов сместилось с внешнеполитических задач на внутреннюю политику. Было известно также, что, несмотря на то, что позиция президента США после начала войны в Палестине позиционировалась как нейтральная, Г.Трумэн был сторонником поддержки государства Израиль, поэтому его победа или поражение на выборах не могли не сказаться на дальнейшем развитии дискуссии вокруг арабо-израильского конфликта [3, p. 167].

Если создать схему позиций конгрессменов в период первой арабо-израильской войны, получится следующее. Острой ближневосточной проблемой стал арабо-израильский конфликт. Своей задачей Соединенные Штаты видели укрепление своего влияния в регионе, проводя максимально гибкую политику (найти виновных, в первую очередь, не испортив отношения ни с одной из сторон конфликта) [1, pp. 614–615] Одним из итогов в Конгрессе оказались многочисленные негативные высказывания в адрес политики Великобритании – главного конкурента в регионе.

Поскольку США после Второй мировой войны оказывали активную финансовую помощь странам Западной Европы, нагрузка на американских налогоплательщиков резко увеличилась. Великобритания получала значительную часть экономической помощи, предоставляемой Европе, восстанавливавшей свою экономику после войны, так как в Соединенных Штатах ее рассматривали как главный оплот демократии и западного образа жизни в Европе. В связи с этим разногласия с Великобританией по ближневосточному конфликту, по вопросу торговли оружием с ближневосточными странами во время первой арабо-израильской войны в 1949 г. резко возросли. США наложили эмбарго на торговлю оружием со странами Ближнего Востока. Великобритания продавала оружие арабским странам, чем вызывала негативные отклики в Конгрессе США. Великобританию обвиняли в агрессии по отношению к Израилю. 19 января 1949 г. Абрахэм Мюльтер заявил, что «средства, выделяемые в соответствии с планом Маршалла, не должны получать страны, нарушающие Устав ООН» [7, pt. 12. p. A119, A258]. Однако взгляды конгрессменов расходились, поскольку торговля оружием осуществлялась также между США и Великобританией.

Важный вопрос в рамках арабо-израильского конфликта, который требовал разрешения, – это вопрос арабских беженцев, спешно покинувших Израиль после начала войны. В Конгрессе сторонники решения проблемы в пользу арабов предпочли приписать Великобритании империалистические устремления, обвинив ее в разжигании конфликта посредством торговли оружием. Приток беженцев создавал нестабильность на границах государства Израиль [6, part. 3, p. 2805]. Абрахэм Мюлтер 11 июня 1949 г. оценил ситуацию с беженцами в Палестине следующим образом: «Нынешний мир на Ближнем Востоке не мир, а перемирие. Мира не будет, пока не решится проблема 700–800 тыс. человек, которые во время войны покинули свои дома. Беженцы сейчас содержатся во временных лагерях, снабжаемых ООН, лагеря эти переполнены» [7, part. 14, p. A3943].

Вопрос об использовании вооруженных сил США в ближневосточном конфликте можно назвать одним из ключевых в дискуссии вокруг арабо-из-

раильского конфликта. Конгрессмены обсуждали возможность отправки войск в Палестину, но не готовы были дать однозначную рекомендацию относительно использования американских войск на Ближнем Востоке, поэтому предпочли обратиться к ООН. Артур Ванденберг отметил в связи с этим: «По-моему, наш акт о вступлении в ООН заранее подразумевает полномочия президента по использованию вооруженных сил, что равнозначно ратифицированному соглашению. Но такого соглашения до настоящего момента не существует, так как ничего подобного раньше не было» [4, part 4, p. 4747]. Также нашлись и противники отправки войск в Палестину. Сенатор Клод Пеппер предложил поддержать ООН, так как тогда организация сможет применить свои санкции, и не нужно будет посылать в Палестину войска [4, part. 4, p. 4747]. Конгрессмен Лоуренс Смит, ссылаясь на президента Трумэна, заявил: «Администрация готова применить ту силу, которая, в случае использования, положит конец этой трагической главе. Остин (Уоррен Остин – представитель США в ООН. – *Г.У.*) заявил, что США собирается направить свои войска в Палестину, если другие страны присоединятся. Остину хотелось заметить и государственному департаменту, что подобные заявления должны быть согласованы с Конгрессом. Использование войск в Палестине приведет к войне, и этому нет оправданий» [4, part. 3, p. 3239]

Следующим объектом для критики в Конгрессе служат нефтяные промышленники США. Однако нефтяное лобби, о котором с таким негодованием говорят, не предпринимает столь бурных попыток защитить свои позиции (в отличие от еврейского) даже перед лицом опасности потерять нефтяные концессии на Ближнем Востоке и не выступает в поддержку арабской стороны открыто. Поскольку в это период имели место около 20 расследований в Конгрессе, связанных с обвинением нефтяных монополий в искусственном взвинчивании цен, очевидно, что разбирательства в Конгрессе препятствовали активности сторонников арабских стран во время дебатов. В 1948 г. Лео Исаксон сформулировал свое видение проблемы следующим образом: «Америка думает только о своей выгоде в нефтяном бизнесе. Эти факты – обвинение нашего правительства в том, что оно позволило нефтяному лобби, которое представляет собой самую крупную спекуляцию в зарубежных инвестициях, скрутить своими скользкими от нефти пальцами нашу национальную политику, чтобы смешать с грязью на мировой арене нашу честь» [4, pt. 3, p. 3239].

По мере углубления арабо-израильского конфликта позиция администрации США все больше дистанцируется от обеих его сторонам. В Конгрессе тема Израиля и ближневосточного конфликта становится более спекулятивной, что отметил еще в феврале 1948 г. сенатор Роберт Тафт, заявивший, что «многие политики предпочитают ограничить свои высказывания по Палестине неясными общими фразами о том, что надо сделать, вместо более конкретных, как это сделать. Вторая проблема заключается в том, что политики говорят то, что на руку им, а не на благо евреям Палестины» [5, part. 9, p. A1119].

К популистским темам для обсуждения можно отнести вопрос международного статуса Иерусалима. Во время обсуждения проблемы святых мест в Палестине 7 июня 1949 г. были озвучены следующие мнения. «Раздел ничего не дал христианину, а, напротив, отнял большую часть того, что тот имел, мало что оставив сверх возможности существовать… Арабы, проживающие на территории еврейского государства, по большей части христиане», – заявил Лоуренс Смит (конгрессмен от штата Висконсин, демократ). В противовес вышесказанному Эмануэл Селлер (конгрессмен от штата Нью-Йорк, демократ) выступил с весьма пространной речью, суть которой сводилась к тому, что евреи делают все возможное, чтобы оберегать святые места, а все остальное, по мнению Селлера, – пропаганда [7, part. 14, p. 3866].

После победы Г. Трумэна на выборах внешнеполитическая стратегия снова становится одной из приоритетных задач, в которой ближневосточному региону отведено особое место. В связи с растущим национально-освободительным движением в странах «третьего мира» администрация США искала способы укрепления своего влияния в этих странах. Согласно 4 пункту инаугурационной речи Трумэна, произнесенной 20 января 1949 г., Соединенные Штаты готовы были оказывать техническую помощь отстающим и слаборазвитым странам, которые поддерживали идеи демократии. Во время обсуждения в Конгрессе вопроса о помощи ближневосточным странам, в частности Израилю, на повестку дня все чаще ставилась проблема финансирования этого мероприятия, а также проблема ослабления собственной защиты. В начале 1949 г. остро стоял вопрос о завершении арабо-израильского конфликта. [2, p. 444]. В случае его продолжения оказание технической помощи какой-либо стороне не принесло бы однозначной выгоды ни в стратегическом, ни в пропагандистском плане. А нагрузка на бюджет США в связи с экономической поддержкой европейских стран была и так значительной.

Дискуссия в Конгрессе США по проблеме арабо-израильского конфликта характеризуется двумя отличительными признаками.

Во-первых, выстраивание ближневосточного курса, урегулирование арабо-израильского конфликта и укрепление своих позиций в регионе оставались важными внешнеполитическими направлениями в политике США как до президентских выборов, так и после.

Во-вторых, это отсутствие четкого деления по партийному признаку между конгрессменами, а также отсутствие межпартийного консенсуса. Можно выделить две группы конгрессменов. Первая состояла из сторонников произраильской политики, настаивавших на активной поддержке молодого государства; во вторую группу входили противники произраильской политики, предлагавшие действовать только в рамках ООН и сохранять дружественные отношения с арабами.

Перечень насущных вопросов в рамках ближневосточной политики США в период 1948–1949 гг. включал в себя участие в урегулировании арабо-израильского конфликта, укрепление отношений с арабским миром, материальную и техническую поддержку слаборазвитых стран региона, оттеснение на второй план Великобритании на Ближнем Востоке. Все это было необходимо для усиления позиций США, что и нашло отражение в дискуссии в Конгрессе в тот период.

Библиографический список

1. Foreign Relations of the United States. Vol. 6. – Washington: United States Government Printing Office, 1949. – 1852 p.

2. Public Papers of the Presidents of the United States, Harry S. Truman, 1945–1953. 1949. – Washington, United States Government Printing Office, 1966. – 671 p.

3. *Truman H.S.* Years of Trial and Hope. Memoirs of Harry S. Truman 1945–1953. – Suffolk: Hodder and Stounghton, 1956. – 587 p.

4. United States Congress. Congressional Record. Proceedings and Debates. Vol. 94. – Washington: United States Government Printing Office, 1948. – 10316 p.

5. United States Congress. Congressional Record. Proceedings and Debates. Vol. 94. – Washington: United States Government Printing Office, 1948. Appendix. – 5384 p.

6. United States Congress. Congressional Record. Proceedings and debates. Vol. 95. – Washington: United States Government Printing Office, 1949. – 15152 p.

7. United States Congress. Congressional Record. Proceedings and debates. Vol. 95. – Washington: United States Government Printing Office, 1949. Appendix. – 6800 p.

СОЦИОЛОГИЯ

УДК 316

Попова Ирина Викторовна
доктор социологических наук, профессор
Костромской государственный университет им. Н.А. Некрасова
pivik@list.ru
Албегова Ирина Федоровна
доктор социологических наук, профессор
Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова
alba50@yandex.ru

РОЛЬ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ КАК ИНСТИТУТОВ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА В РЕСОЦИАЛИЗАЦИИ БЫВШИХ ЗАКЛЮЧЕННЫХ В УСЛОВИЯХ МЕСТНОГО СОЦИУМА

Особое место в ресоциализации бывших заключенных принадлежит современным институтам гражданского общества – общественным организациям и объединениям. В статье показано, что неприятие бывших осужденных местным социумом и обществом, нежелание заниматься разрешением их социальных проблем способствует обострению криминогенной обстановки.

Ключевые слова: *ресоциализация, реабилитация, местный социум, рецидив.*

Реформирование уголовно-исправительной системы Российской Федерации предполагает активное участие в этом процессе не только государственных органов, но и широкой общественности: СМИ, попечительских Советов, религиозных, образовательных и других организаций. Особое место в реализации реформы и ресоциализации бывших заключенных принадлежит современным институтам гражданского общества – общественным организациям и объединениям.

В Ярославской области первой и единственной правозащитной общественной организацией, по собственной инициативе начавшей сотрудничество с пенитенциарной системой и желающей внести свой вклад в ресоциализацию бывших заключенных, стала общественная организация Ярославской области «Социум».

Определяя основные направления своей деятельности в области реформирования уголовно-исправительной системы и ресоциализации бывших заключенных, члены организации понимали ее сложность, многоаспектность и специфику, что определилось новизной данной деятельности для некоммерческих общественных организаций, которая должна осуществляться как в закрытых и изолированных социальных учреждениях (ИВС, СИЗО, ИУ), так и вне этих учреждений. Ее объектами стали лица с высоким индексом социального неблагополучия и повышенной стрессогенностью, отличающиеся друг от друга полом, возрастом, социальным происхождением, сроками заключения и, как следствие, особенностями состояния психики, поведения, потребностями, способностями и т.д.

Эта деятельность всегда проводится в обстановке антагонизма противостоящих этико-правовых концепций, обусловленных менталитетом «тюремного персонала» и менталитетом «тюремного мира (населения)» и проходит как в условиях исполнения уголовного наказания, так и не прекращается с окончанием исполнения наказания, так как бывший заключенный нуждается в ресоциализации, реабилитации и адаптации к внешнему миру, интеграции в новый для него социум. Она не может проводиться автономно, без активного участия администраций учреждений, их попечительских Советов, государственных органов социальной защиты, образования, здравоохранения, учреждений по вопросам занятости, общественных организаций и других инновационных институтов гражданского общества.

Эта деятельность некоммерческих общественных организаций имеет свои особенности в отдельных регионах России, ее областях и городах, что связано с их географическим и экономико-политическим положением, исторически сложившимися традициями, определяется количеством учреждений уголовно-исправительной системы, их плотностью, числом тюремного населения и его характеристиками. Она имеет определенную специфику ее проведения в отдельных ИВС, СИЗО и ИУ, что связано с рядом объективных и субъективных причин, факторов и условий.

К ним можно отнести степень отдаленности закрытых учреждений от населенных пунктов, количество и состав тюремного населения в них, открытость и готовность администраций учреждений к социальным изменениям, их демократичность, методы и способы воздействия на своих подопечных, наличие или отсутствие попечительских Советов, уровень их активности и осуществляемые направления деятельности, осознание как заключенными, так и персоналом учреждений необходимости реформы уголовно-исправительной системы, места и роли в этом процессе общественных организаций.

© Попова И.В., Албегова И.Ф., 2012

Все перечисленное объективно заставляет членов любой общественной организации или инициативной группы, прежде чем начать заниматься данным видом деятельности, реально и объективно оценить свои потенциальные возможности. Данное обстоятельство не способствует росту числа организаций на местах, участвующих в реформировании уголовно-исправительной системы и ресоциализации бывших заключенных.

Члены общественной организации Ярославской области «Социум» к участию в реформировании уголовно-исправительной системы и ресоциализации бывших заключенных подошли логично. Расширяя сферу своих интересов и клиентов, они уже имели достаточный опыт работы с различными категориями слабозащищенных граждан (подростки, дети, беженцы, пожилые, безработные, бомжи), понимали всю сложность новых задач и объективно оценивали свои ресурсы.

Деятельность ООЯО «Социум» по реформированию уголовно-исправительной системы распространялась только на Ярославскую область, где существуют два СИЗО (г. Ярославль, г. Рыбинск), изолятор временного содержания УВД Ярославской области (г. Ярославль), шесть ИУ (по два в г. Ярославле, г. Рыбинске, г. Угличе). В них содержится 12 тысяч человек, 30% которых не имеют работы из-за отсутствия заказов. Систематическая нехватка денежных средств практически во всех СИЗО и ИУ привела к стойкому дефициту питания, вещевого довольствия, моющих и дезинфицирующих средств. На фоне сложившейся ситуации серьезной проблемой стало и оказание социально-психологической, духовно-культурной и правовой помощи лицам, находящимся в местах лишения свободы и проходящим ресоциализацию после освобождения.

Начиная с 1999 года, члены ООЯО «Социум» разрабатывают и реализуют ряд социально значимых программ и проектов, направленных на оказание помощи заключенным и лицам, проходящим ресоциализацию и адаптацию после освобождения. Перечислим некоторые проекты. Проект «Доброта спасет мир» 1999 г. прошел слушания в Калифорнийской тюрьме г. Сан-Диего, получил высокую оценку (отзыв на проект имеется в библиотеке Конгресса США), участвовал в конкурсе проектов ИОО. Суть проекта – создание комплексной, постоянно действующей системы оказания социально-психологической, духовно-культурной и правовой помощи лицам, находящимся в исправительных учреждениях Ярославской области и не имеющим социальной поддержки со стороны родных и близких. Проект «Взаимодействие и сотрудничество» 2000 г. участвовал в конкурсе проектов ИОО. Сутью проекта является разработка, апробация и внедрение модели комплексной психосоциальной и юридической помощи освобождающимся гражданам, оказание содействия в их реабилитации и ресоциализации. Проект «Возвращение» 2000 г. участвовал в конкурсе проектов фонда «Международная тюремная реформа». Цель проекта – создание в учреждении ЮН – 83/2 при активном содействии попечительского Совета и общественных организаций эффективной, постоянно действующей системы социально-психологической ресоциализации осужденных и реадаптации освобождающихся, а также системы психологической поддержки персонала учреждения. В частности, проект «Возвращение» является попыткой создания определенной модели социально-психологической ресоциализации осужденных и реадаптации освобождающихся, а также системы психологической поддержки персонала в конкретном ИУ.

В рамках проекта была проведена социальная работа как с осужденными, так и с освобождающимися, а также с персоналом учреждений. Были заключены договоры о сотрудничестве с организациями разного типа, размещены материалы в местных газетах, проведены информационно-обучающие семинары для участников проекта и его волонтеров, на которых были распространены информационные листки и принята «Программа действий» по гуманизации отношений «внешнего мира» и заключенных. В рамках проекта были организованы встречи с представителями учреждения ЮН – 83/2, с отцом Василием (В.Н. Денисов), членом попечительского Совета учреждения, с отдельными заключенными, теми, чьи потребности в литературе и обучении удалось выяснить. Например, встречи с работниками Рыбинского муниципального учреждения «Социальная служба», 40% клиентов которой составляют бывшие уголовно-наказуемые, позволили выяснить их потребности и потенциал общественной организации «Социум» по их удовлетворению.

Широкая общественность г. Ярославля и г. Рыбинска получила достаточно большой объем информации о тюремной реформе и о роли общественных организаций в ее проведении.

В ходе реализации проекта было выяснено, что неприятие бывших осужденных местным социумом и обществом, нежелание заниматься разрешением их социальных проблем способствует обострению криминогенной обстановки. Неустроенность этих людей – это причина совершения ими повторного преступления, другими словами, – это рецидив. Поэтому целью социологического исследования, проведенного авторами в 2010 году в городе Костроме среди 100 бывших заключенных-рецидивистов, было выявление путей и средств снижения рецидива со стороны лиц, освобождающихся из мест лишения свободы. Для достижения поставленной цели в исследовании решались следующие задачи: выявление причин криминального поведения данной категории граждан; влияние семьи на формирование криминального поведения; изучение соци-

ального положения лиц, вышедших на свободу; оценка со стороны этих людей качества помощи, оказываемой государством и определение путей, наиболее эффективной помощи. Среди опрошенных лиц мужчины составили 55,7%, женщины – 44,3%. Возрастной состав данной группы таков: от 20 до 30 лет – 60,3%; от 31 до 40 лет – 14,0%; от 41 до 50 лет – 18,5% и старше 50 лет – 7,2%. По срокам пребывания в местах лишения свободы респонденты распределились следующим образом: от 1 до 5 лет провели в местах лишения свободы – 63,1%; от 6 до 10 лет провели в местах лишения свободы – 28,5% и свыше 10 лет – 8,4%. По количеству судимостей: одна судимость – 52,8%; две – 21,4%; три – 14,3%; четыре – 7,1%; пять – 2,9%; восемь – 1,5%. Семейное положение респондентов таково: состоят в первом браке – 18,6%; состоят в повторном браке – 5,7%; разведены – 11,4%; вдовец (вдова) – 4,3%; состоят в гражданском браке – 34,3%; в браке не состояли – 25,7%.

Наличие детей у респондентов таково: имеют детей – 48,6%; не имеют детей – 51,4%. По срокам освобождения: освободились меньше года назад – 20,5%; год назад – 15,9%; два года назад – 22,7%; более двух лет – 40,9%.

Среди всех отбывающих наказание в исправительных колониях России более 80% моложе 30 лет. Наше исследование показало, что основная часть людей, попадающих в заключение – это люди в возрасте от 18 до 25 лет. А именно: до 18 лет – 26,1%; от 19 до 21 года – 31,4%; от 22 до 25 – 18,6%; от 26 до 28 – 7,1%; от 29 до 32 – 4,2%; от 33 до 35 – 5,5%; старше 35 – 7,0%. Полученный результат однозначно показывает, что становление на путь преступлений происходит в том возрасте, когда человек находится или должен находиться под контролем семьи. Поэтому важно было установить, действительно ли мы можем говорить о том, что ответственность за рост преступности, в первую очередь, ложится на семьи. Для этого задавался вопрос: «Как бы Вы охарактеризовали отношения, которые были в семье Ваших родителей?», на который получены следующие ответы: «у нас была хорошая семья, родители заботились о детях» – 32,9%; «нас воспитывала одна мама, но мы ни в чем не нуждались» – 20%; «в нашей семье каждый жил сам по себе» – 17,1%; «нас воспитывала мама, но ей было не до нас» – 7,1%; «родители пили, мы росли сами по себе» – 8,6%; «не было семьи, был детский дом» – 7,1%; затруднились ответить – 7,2%. Анализ ответов показывает, что количество людей, которые воспитывались в хорошей семье, составляет треть, а остальные воспитывались в неблагополучных семьях, 27,1% – в неполной семье, а детдомовских среди респондентов было всего лишь 7,1%.

Значит, неблагополучная семья является более сильным фактором, чем отсутствие семьи. Это необходимо учитывать, когда решается вопрос о детях, чьи родители ведут асоциальный образ жизни. Оставлять детей в такой семье хуже, чем отправить их в детский дом. Можно сделать вывод, что профилактика правонарушений должна начинаться с подросткового возраста и с семьи. Это же подтверждают и 33% респондентов, которые сказали, что до них в их семье были судимые и 10% знали о том, что такое зона от своих родителей.

Другим сильным фактором, определяющим криминальное поведение, является окружение, среда, в которой вращается подросток. Об этом говорит то, что 40% респондентов знали о зоне от своих друзей. Это дает представление о той среде, в которой общаются дети из неблагополучных семей. Среда затягивает подростка в преступность, не случайно 26,1% из них попали в места лишения свободы до 18 лет. 15,7% из них на момент осуждения не учились и не работали, 62,8% – работали и только 20% – учились.

Что касается пребывания в местах лишения свободы, важным, с точки зрения цели исследования, было понять, в каком положении находились эти люди, насколько это сказалось, например, на их возможности трудоустроиться после освобождения. Для этого задавался вопрос: «Кто поддерживал Вас в период отбывания наказания?». Полученный результат позволяет сказать, что, в первую очередь это родственники: 65,7% ответили, что это были родители; 41,4% – братья, сестры; 24,3% – друзья; 17,1% – муж (жена).

Анализ обеспеченности работой в местах лишения свободы показал следующее: 35,7% опрошенных респондентов сказали, что в зоне, где они отбывали наказание, работой они были обеспечены; 38,6% отметили, что работа была время от времени; 25,7% – работы почти не было, 68,6% сказали, что никакой профессии в местах лишения свободы они не получили, а 31,4% – получили профессию. Среди полученных профессий были названы следующие: электрик, сварщик, фрезеровщик, швея. Важно обратить внимание на то, что почти 70% респондентов не получили никакой профессии, при этом почти 60% попали в заключение в возрасте до 21 года, не имея профессии, то есть, выйдя на свободу, они окажутся не конкурентоспособными на современном рынке труда. А то, что они проводят какое-то время не работая, отучает их от работы, лишает мотивации к работе вообще. Поэтому в исследовании были важны ответы на вопросы, направленные на выявление периода трудоустройства после освобождения и желания трудоустроиться. На вопрос: «Сколько времени Вам понадобилось, чтобы устроиться на работу?» были получены следующие ответы: больше года – 11,4%; сразу устроился(ась) – 42,9%; до сих пор не имею постоянной работы – 37,1%; не ответили – 8,6%. 30% опрошенных сказали, что среди их знакомых

больше тех, кто сами не хотят работать. Это позволяет сделать важный вывод: нахождение в местах лишения свободы не приучает людей к работе, не воспитывает у них необходимость работать и мотивацию к работе. А это самый важный вопрос их ресоциализации: нежелание работать становится причиной рецидива. Причем, по мнению самих бывших осужденных, работу найти можно, многие возвращаются на прежнюю работу и их там принимают. Бывшие осужденные считают, что дело только в нежелании работать. В ходе исследования удалось выяснить, что в удержании людей в криминальной среде большую роль играет «общак». На сегодняшний день «общак» – это хорошо организованная структура, которая занимается поддержанием людей на зоне, обеспечением их жильем, когда они выходят. Есть информация о том, что «общак» организует фиктивные браки и содержит на свои деньги женщин, которые в качестве законной жены ездят на дополнительно положенные свидания, брак дает право на условно-досрочное освобождение, то есть речь идет о сильной организации, альтернативной государству. Делается это не из милосердия, а для того, чтобы люди, находясь в зависимости от нее, не могли уже вырваться из этой среды никогда.

Что касается решения жилищного вопроса, который является важным при освобождении и дальнейшей ресоциализации, то результаты исследования показали, что 25% освобожденных лиц живут со своей семьей; 31,8% – с родителями; 4,5% – у друзей; 34,2% – с сожителем (сожительницей); 4,5% – не имеют постоянного жилья. При этом надо отметить, что более трети этого контингента не оформляют официально свой брак (в этой среде принято сожительство). Возможно, поэтому их дети тоже пополняют криминальную среду, и в процессе ресоциализации необходимо уделять внимание формированию такой ценности как семья.

На вопрос: «Было ли Вам где жить на момент освобождения?» ответы распределились следующим образом: да, я вернулся(лась) в свою семью – 24,3%; да, я вернулся(лась) к своим родителям – 37,1%; а, у друзей – 1,4%; да, у меня есть свое жилье – 28,6% и нет, жить было негде – 8,6%. Результаты показали, что тех, для кого существует проблема жилья после освобождения не так уж много, однако большая часть выходит из положения за счет родителей, а не за счет собственных возможностей.

Одной из причин, осложняющей период ресоциализации и адаптации людей, освободившихся из мест заключения, может быть состояние их здоровья. Много говорится о том, что в местах заключения люди становятся больными. Для того чтобы понять, что на самом деле происходит со здоровьем, как сказывается пребывание в зонах на их здоровье, в исследование был включен специальный блок вопросов. Первым в этом ряду был вопрос: «Как Вы оцениваете свое здоровье?», ответы на который были следующие: «здоровье хорошее, ничем не болею» – 25,7%; «иногда болею, но в целом здоровье хорошее» – 47,1%; «имею хронические заболевания, здоровье слабое» – 25,7%; «имею группу инвалидности» – 1,4%.

Уточняющий вопрос: «Имеете ли Вы заболевания, которые получили в местах лишения свободы и каков характер заболеваний?» выявил: туберкулез – 10,0%; заболевания желудочно-кишечного тракта – 25,7%; сердечно-сосудистые заболевания – 5,7%; никаких заболеваний не получили – 57,1%.

Для полной картины задавался вопрос: «Среди тех, кто отбывал с Вами срок, многие получили заболевания?», ответы на который распределились следующим образом: «немногие» – 52,9%; «примерно половина» – 32,9%; «почти все получили какое-то заболевание» – 14,2%.

Анализ ответов показал, что заболевания в местах лишения свободы получают примерно 40% заключенных. Состояние здоровья оказывает существенное влияние на ресоциализацию и адаптацию этих людей к обычной жизни, поэтому, в первую очередь, необходимо оказать им социально-медицинскую помощь по восстановлению здоровья.

Для определения путей и средств решения проблем ресоциализации лиц, вышедших из мест лишения свободы, в исследовании ставились вопросы, позволяющие посмотреть на данную проблему глазами людей, которые знают об этом из собственного опыта. Первым в ряду таких вопросов был вопрос, касающийся оценки помощи со стороны государства. По оценке респондентов получается, что такой помощи реально нет (так ответили 53% опрошенных) и «она есть, но не достаточна» – 23%, еще 24% затруднились ее оценить. Это подтверждает и тот результат, что при освобождении никто из опрошенных не рассчитывает на помощь государства. 70% рассчитывают они на помощь родных и близких, 30% ни на чью помощь не рассчитывают.

С целью разработки действенной помощи и эффективных методов ресоциализации бывших заключенных задавался вопрос: «Какую помощь хотели бы получить от государства именно Вы?» (можно было выбрать три варианта ответа, поэтому сумма больше 100%), ответы распределились следующим образом: помощь в трудоустройстве на работу – 48,6%; помощь в предоставлении жилья – 37,1%; устройство в дом-интернат – 1,4%; помощь в лечении от пьянства – 1,4%; помощь в поправке здоровья – 20,0%; психологическую помощь – 25,7%; никакой помощи от государства мне не нужно – 25,7%.

При разработке программы по ресоциализации лиц, вышедших из мест заключения, которая должна иметь своей целью, прежде всего, снижение рецидива, необходимо учитывать мнение самих

бывших заключенных, но необходимо учитывать и мнение специалистов в данной проблематике. Так, например, незначительное число отметило помощь в лечении от алкоголизма, и это понятно, однако, известно, что именно пристрастие к алкоголю и наркотикам является существенной причиной рецидивов. С другой стороны, то, что каждый четвертый отметил необходимость психологической помощи и помощи в восстановлении здоровья, требует особого внимания.

Важны и результаты, полученные при оценке эффективности периода подготовки к освобождению: 67,2% респондентов отметили, что никакого толка от подготовки к освобождению нет, это формальность. Еще 21,4% сказали, что лично им это ничего не дало, но это необходимо делать и 11,4% ответили, что им это реально помогло при освобождении.

Исследование позволило развеять миф о том, что те, кто не может после освобождения устроиться в жизни, специально совершают преступления, чтобы вернуться в зону. На вопрос: «Много ли таких среди Ваших знакомых?» только 14,3% ответили, что таких людей много. Остальные ответили: «такие есть, но их немного» (30%), «таких нет среди моих знакомых» (34,3%), «многие опять совершают преступления, но не специально» (21,4%). 93% респондентов согласны с тем, что «как бы трудно ни было, но свобода всегда лучше, чем зона». Эти ответы позволили выявить трудности периода ресоциализации и реабилитации и показали наличие у бывших заключенных желания не возвращаться в зону. Значит, есть смысл в помощи этим людям. Должна быть четкая программа совместных действий всех специалистов, государственных, общественных, религиозных и медицинских организаций и учреждений по ресоциализации, реадаптации и реабилитации бывших заключенных, освоению ими ценностей и стандартов современной политико-правовой культуры.

УДК 316.354:351/354

Савельев Олег Николаевич
ЗАО «ОКБ микроэлектроники», г. Калуга
SawelewOKBMEL@yandex.ru

СОЦИОЛОГИЧЕСКОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ИННОВАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ НА ПРЕДПРИЯТИИ (на примере ООО МНПО «Флагман»)

В статье идет речь о вопросах социологического обеспечения инноваций. Представлены результаты социологического исследования отношений различных групп работников относительно конкретного нововведения. Рассмотрены инновационные процессы на предприятии.

Ключевые слова: *нововведение, инновации, социологическое исследование, социология инноваций, социология управления, социологическое обеспечение инноваций.*

Значительное увеличение количества нововведений – одна из важнейших особенностей современного производства, но нововведения нарушают равновесие в организациях, вызывают ряд вторичных и не всегда благоприятных последствий. В этой связи весьма интересным и перспективным направлением исследований следует признать анализ взаимоотношений различных групп (профессиональных, организационных, малых) в инновационных процессах. Почему это важно? Трудности на пути нововведений возникают именно из-за противоречий между названными группами. Это касается и известного феномена «сопротивления» нововведениям, т.е. стереотипных представлений о «психологическом барьере». Безусловно, предрассудки, инертность и недоверие к новой технике – серьезные трудности. Но важнее обратиться к тем объективным изменениям в положении людей на производстве, которые могут вызвать негативное отношение к новому у целых категорий работников, отнюдь не отрицающих инноваций в принципе. Нередко слабая проработка предлагаемых конструкций, технологий, организационных структур вызывает реакцию отторжения именно потому, что еще на стадии разработки не были учтены особенности человеческого восприятия, в частности, и межколлективные проблемы нововведений в общности.

Предметом исследования явился анализ целей различных групп участников нововведения и сам процесс его осуществления на примере общества с ограниченной ответственностью «Многопрофильное научно-производственное объединение “Флагман”», занимающегося проектированием объектов промышленного и гражданского назначения и литейным производством алюминиевых и цинковых сплавов и деталей. Реализация на втором направлении деятельности инноваций и явилась объектом исследования. Проблема заключается в соотношении между назначением и вкладом каждой группы, т.е. между той ролью, которая закреплена за нею в структуре инновационного процесса, и фактическим влиянием на него.

В ходе анализа нововведения на литейном производстве предприятия был принят ролевой под-

© Савельев О.Н., 2012

ход, отражающий социальную проблематику инновационного процесса. Согласно такому подходу, среди участников инновационного процесса был выделен ряд групп: руководители, конструкторы, технологи, литейщики, сбытовики.

Организацией производственного цикла заняты руководители различных звеньев управления предприятия. Разработку новых изделий ведут высококвалифицированные инженеры-конструкторы, а обеспечение процесса производства – инженеры-технологи. Литейный цех предприятия состоит из следующих участков: подготовки шихты (исходных материалов для загрузки их в плавильные установки), плавки металла, подготовки формовочной смеси, стержней, формовки, заливки, выбивки отливок, термообработки и отделки. Изготовлением литейных заготовок заняты металлурги-литейщики. Сбытом готовой продукции ведают специалисты отдела сбыта.

С целью выявления ролевой позиции каждой из групп в рамках инновационного процесса по отношению к конкретному нововведению (инициатива, содействие, противодействие, бездействие) методом анкетного опроса было проведено социологическое исследование, которое выявило преимущественное распределение ролей. В анализируемом случае оно выглядело следующим образом:

- руководители – содействие;
- конструкторы – инициатива;
- технологи – содействие;
- литейщики – противодействие;
- сбытовики – бездействие.

Видно, что наиболее активной социальной группой здесь выступают конструкторы (разработчики), с наибольшими трудностями нововведение встречается у изготовителей готовой продукции – рабочих литейного производства.

Особенность участия конструкторов в данном инновационном процессе в том, что они выполняют значительно более широкий круг функций, чем тот, который задан им извне. Главный побудительный мотив активности конструкторов — стремление к самоактуализации, т.е. реализация своего творческого потенциала. Вместе с тем организационно-экономический механизм осуществления нововведений не обеспечивает их успешного продвижения от стадии к стадии. В силу этих причин для конструкторов профессиональной группы характерна ролевая позиция «инициатива» как на ранних, так и на последующих стадиях инновационного процесса. Фактическое их участие распространяется и на сферу организации этого процесса, стыковки других участников. По данным социологического наблюдения от 50 до 75% рабочего времени ведущих конструкторов уходит на внешние организационные вопросы. Согласно наблюдению за внедрением инноваций высокая мотивация (неэкономическая) конструкторов, их повышенная инновационная активность имеют одно неблагоприятное следствие в сознании работников, а именно: убеждение в том, что там, где разработчики сами занимаются внедрением своих разработок, успех нововведения налицо. Фактически это действительно так, но перекладывание на разработчиков функций по активизации всего инновационного процесса неверно в принципе, ибо они этим занимаются в ущерб своей основной работе.

Если конструкторы стремятся к высокой новизне будущих новшеств, их отличию от предшественников и аналогов, то технологи на производстве, напротив, склонны к использованию типовых решений. Что же касается рабочих-литейщиков, занятых изготовлением продукции, то они заинтересованы в максимальном удлинении срока производства уже освоенных изделий и нередко уклоняются от перехода на новую продукцию.

Сбытовики же часто небезосновательно опасаются за надежность новой продукции в широкой эксплуатации, отчего тоже воспринимают новшества настороженно.

Наконец, высшие руководители производства (работники административного аппарата предприятия), не располагая эффективными средствами воздействия на ролевые позиции участников нововведения, принимают затягивание переходного процесса как неизбежность.

В процессе внедрения нововведения между группами возникали конфликты, складывались профессиональные предубеждения [8, с. 57]. Подобные противоречия были вызваны, к примеру, системой показателей оценки деятельности коллектива. Примером социологических методов решения возникающих проблем могут служить использование в процессе нововведения метода фокус группы с проведением деловых встреч для рассмотрения сложившихся негативных ситуаций; изучение проблем посредством участвующего наблюдения; организация межпрофессионального диалога с помощью переговорщиков со стороны администрации и работников при участии медиатора; организация деловых игр; создание межролевых групп, объединяющих на общей задаче участников разных стадий инновационного процесса, особенно – начальной и финишной, или «проектирование» и «производство» и т.п. Кроме того, участие социолога в инновационных процессах в роли исследователя, консультанта по управлению может дать руководителям информацию, которую они не получают никаким иным путем, а также найти решения некоторых проблем, требующих именно социологического подхода.

В данном исследовании далеко не исчерпаны все возможные направления деятельности социолога, а перечислены лишь некоторые из них, причем решение инновационных проблем предполагает не только учет социальных последствий внедрения

новой техники, но и создание социальных условий активизации нововведений.

Библиографический список

1. *Аверин Ю.П.* Люди управляют людьми: модель социологического анализа. – М.: Изд-во МГУ, 1996. – 144 с.

2. *Желобановой И.Н.* Взаимосвязь инновационных процессов в управлении предприятием [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.xserver.ru/user/vipup/index.shtml

3. *Зародин В.В., Самсонов В.В.* Социальные инновации: организация и контроль. – Саратов.: Сарат. ун-т, 1999. – 148 с.

4. Инновационная деятельность и инвестиционная привлекательность предприятия: Сборник статей Международной научно-практической конференции. – Пенза, 2004. – 204 с.

5. Инновационная деятельность предприятия: анализ, перспективы, активизация: Сб. науч. тр. / под ред. В.Д. Попова; Яросл. гос. техн. ун-т. – Ярославль, 1997. – 148 с.

6. Как реализовать инновационный потенциал предприятия? [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.allmedia.ru/newsitem.asp?id=771796.

7. *Кройтор С.Н.* Инновация, нововведение, новшество как социологические категории // Социология. – 2008. – № 4. – С. 122–130.

8. *Кучко Е.Е.* Инновационный процесс: особенности и факторы реализации // Современное русское зарубежье. Антология. В семи томах // Т. 6. Кн. 2. Социология. – М.: Академика. – 2010. – 528 с.

9. *Кучко Е.Е.* Научный дискурс изучения инноваций: особенности формирования и специфика современной реализации // Социология. – 2008. – №2. – С. 83–90.

10. *Ламанов А.В.* Мотивация персонала в инновационном бизнесе // Человек и труд. – 2003. – №2. – С. 78–80.

11. Материалы конференции «Инновационные процессы в области образования, науки и производства». В 2 т. Т. 2 / под ред. В.И. Елизарова, В.П. Баранов, М.Л. Закиров. – Казань: Учреждение-Редакция «Бутлеровские сообщения», 2004. – 363 с.

12. *Марченко Г.Н., Михайлов С.Н.* Инновационная и инвестиционная деятельность предприятия. – Казань: Казан. гос. энерг. ун-т, 2005. – 88 с.

13. Материалы международной научной конференции «Ломоносов-2004». Россия и социальные изменения в современном мире. Сборник статей молодых ученых. – М.: МАКС Пресс, 2004. – 360 с.

14. *Рычев М.В.* Инновации и инвестиции в процессе становления рыночной экономики в современной России // Вестник СамГУ. – 2007. – № 1(51). – С. 85–94.

15. Социально-экономическое развитие России в XXI веке: Сборник статей VIII Всероссийской научно-практической конференции. – Пенза: Приволжский Дом знаний, 2009. – 80 с.

16. *Фролов С.С.* Социология организаций. Основные причины сопротивления инновациям [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://society.polbu.ru/frolov_esociology/ch47_i.html

17. *Щербакова Д.В.* Сопротивление организационным инновациям: методология социологического исследования // Журнал социологии и социальной антропологии. – 2006. – Т. IX. – № 4. – С. 89–99.

ПОЛИТОЛОГИЯ

УДК 32.001

Зайцев Александр Владимирович
кандидат философских наук
Костромской государственный университет им. Н.А. Некрасова
aleksandr-kostroma@mail.ru

ЮРГЕН ХАБЕРМАС И ЕГО ДИАЛОГИКА: ПОНЯТИЕ И СУЩНОСТЬ

В статье рассказывается о диалогической основе коммуникативной философии Ю. Хабермаса, которую автор статьи трактует как его диалогику. Под диалогикой Ю. Хабермаса понимается интенция, предполагающая установку на дискурсивное преодоление конфликтности, агрессивности и противоречий.

Ключевые слова: *диалог, диалогика, коммуникация, дискурс, взаимодействие, взаимопонимание, консенсус.*

Юрген Хабермас известен как выдающийся современный немецкий политический философ и социолог, автор многочисленных работ, получивших мировое признание, а также идеолог германской социал-демократии. Свою социально-философскую концепцию политической коммуникации и общественного диалога Ю. Хабермас разрабатывает как теорию социального взаимодействия. При этом он говорит не просто о коммуникации, а о коммуникативном действии как о фундаментальном типе социального действия. Данное понятие становится одним из центральных для всей хабермасовской теории коммуникации, которую в силу ее всеобъемлющего диалогического характера мы будем называть диалогикой.

Под «коммуникативным действием» немецкий мыслитель понимает «взаимодействие как минимум двух способных говорить и действовать субъектов, вступающих (с помощью вербальных или невербальных средств) в межличностные отношения. Действующие субъекты ищут взаимопонимания относительно ситуации действия с целью взаимосогласованного координирования своих планов действия, а, следовательно, и своих действий» [12, с. 11]. Понятие коммуникативного действия проистекает из факта, что именно «язык является посредником такого рода процесса взаимопонимания, в ходе которого участники, устанавливая отношение к миру, взаимно выдвигают притязания на значимость, которые могут быть приняты и оспорены» [12, с. 23].

Ю. Хабермас исходит из такого понимания коммуникации, которая, в отличие от лингвистически ориентированных концепций, трактуется им как непосредственные активные межсубъектные связи во всех сферах человеческого бытия, в том числе таких, где человек выступает как субъект гражданских и общественно-политических отношений. В таком контексте коммуникация выступает не просто как межсубъектные отношения, а как интерсубъективное взаимодействие, а человек – как активный субъект действия. Ю. Хабермаса интересует не субъект вообще (человек как таковой), а субъект направленной социально-политической активности, который может выступать в таких модальностях, как отдельный индивид, социальная группа и даже гражданское общество или социум в целом.

У Ю. Хабермаса диалогическая интенция предполагает установку на преодоление конфликтности, агрессивности и противоречий. Но не с помощью административных или властно-силовых методов, а посредством риторического убеждения, аргументов и диалога, в результате которого достигается одобрение определенной нормы или нормативного документа. Риторическое влияние индуцирует особое эмоциональное поле, через которое осуществляется «заражение» партнеров по диалогу определенными аргументами, склоняющими их к принятию нормы, символизирующей общее, дискурсивно полученное решение.

Основной коммуникативной формой деятельности, согласно Ю. Хабермасу, должен стать опыт непосредственной коммуникации («Fachkommunikation»), построенный на диалогическом принципе. При этом диалог понимается им как свободное взаимодействие индивидов, в котором индивидуальность не подавляется, а, напротив, проявляется во всем ее богатстве. В такой коммуникации личность удовлетворяет и свою насущную потребность в общении, в трансляции своих взглядов, ценностных представлений, проявлении чувственных впечатлений и т.д., которые иным способом не проявляются и не передаются. Это предполагает определенное коммуникативное поведение, культуру общения и диалога, а также этику коммуникации. Все перечисленное выше, с его точки зрения, способствуют созданию в обществе обстановки терпимости к чужому мнению, понимания и учета позиций и взглядов других участников диалоговой коммуникации и субъект–субъектного дискурса.

Ю. Хабермас выделяет два типа властного действия: стратегическое и коммуникативное. В стратегическом действии одна сторона воздействует на другую при помощи угрозы применения санкций или прорисовывает перспективы материального вознаграждения для того, чтобы принудить к взаи-

© Зайцев А.В., 2012

модействию. Коммуникативное же действие предполагает такие интеракции, в которых их участники согласуют и координируют планы своих действий в целях достижения согласия и признания значимости позиций обеих сторон. При этом под коммуникативным действием Ю. Хабермас понимает равноправное участие его сторон в дискурсе, основанном на сотрудничестве и согласовании интересов. Такая коммуникация осуществляется в режиме переговорного процесса, в основе которого лежит принцип достижения консенсуса. Совокупность условий, обеспечивающих в ходе переговоров коммуникативный консенсус, обозначается понятием «этика дискурса».

Рассматривая этику дискурса в качестве инструмента публичной политики, Ю. Хабермас формулирует свою концепцию делиберативной или диалогической политики, построенной не на силе принуждения, не на рыночной прагматике и экономическом расчете, а на диалоге, в основе которого лежат принципы взаимопонимания и признания политических притязаний всех сторон. Соблюдение этих коммуникативных процедур и диалогических принципов Ю. Хабермас считает возможным при условии перехода общества от либерально-рыночной политической практики, подчиненной логике рынка, к политике иного типа – делиберативной политике и делиберативной модели демократии. Делиберативная теория, развиваемая немецким мыслителем, представляет собой особую коммуникативную формацию, присущую такому гражданскому обществу, где все вопросы решаются методом открытой публичной дискуссии, нацеленной на достижение общественного согласия. В этом нормативном политическом пространстве «формирование общественного мнения и политической воли в публичной сфере и парламенте подчиняется не структуре рыночных процессов, но самобытной структуре публичной коммуникации, ориентированной на достижение взаимопонимания. Для политики в смысле практики гражданского самоопределения парадигмой является не рынок, а диалог» [10, с. 388].

Ни один из участников коммуникации не обладает монополией на ее интерпретацию. В интерпретации важнейшая роль принадлежит когнитивному аспекту в истолковании ситуации диалога и координации действий субъектов коммуникации. Задача интерпретации состоит в том, «чтобы включить толкование ситуации, принадлежащее другому, в свое собственное толкование таким образом, чтобы в пересмотренном варианте “его” внешний мир и “мой” внешний мир оказались бы соотнесенными на фоне “нашего жизненного мира” с “миром”, а разнящиеся друг с другом определения ситуации – в достаточной степени совмещенными» [12, с. 24]. Результаты коммуникативного взаимодействия, по Хабермасу, могут быть различны, и их можно рассматривать как «*координацию* целенаправленных действий разных участников взаимодействия; как взаимопереплетение эгоцентрических подсчетов собственной выгоды (причем степень конфликта и кооперации изменяется вместе с имеющейся на данный момент совокупностью интересов); как интегрирующее в социальном плане согласие относительно ценностей и норм, регулируемое культурной традицией и процессом социализации; как консенсуальное отношение между публикой и исполнителем роли; как взаимопонимание в смысле взаимного процесса истолкования» [12, с. 24].

Делиберативность, по мнению Ю. Хабермаса, представляет собой политическую установку, направленную на социальное и политическое сотрудничество, на открытость, готовность внимать разумным доводам других лиц так же, как своим собственным. Пространство публичной делиберативной коммуникации создает благоприятные условия для добросовестного обмена мнениями. Диалог мнений, вынесенный на общественно-политическую арену, обладает силой легитимации, поскольку в нем проявляется отношение граждан к существующей власти, а также политическая воля граждан, требующая своего воплощения в нормах закона и в административных практиках демократических государственных институтов. Делиберативная политическая практика рассматривается Ю. Хабермасом с позиции легитимации демократической дискурсивной процедуры, управляющей переговорным процессом и механизмом принятия решений.

Исходя из процедуры интерсубъективной интерпретации и истолкования результатов интеракции, коммуникация у Ю. Хабермаса предстает как «механизм координации действий» [12, с. 24], то есть как «коммуникативное действие». Но коммуникативное действие не растворяется в акте взаимопонимания. В процессе речевого взаимодействия один из участников коммуникации может согласиться с говорящим или не согласиться с ним, даже поняв сказанное. Согласие достигается далеко не в каждом акте коммуникации. Термин «коммуникативное действие» у Ю. Хабермаса обозначает такой тип социального взаимодействия, который координируется посредством речевых действий, но, в то же время, не совпадает с ними.

Наряду с «коммуникативным действием» Ю. Хабермас использует еще одну категорию – «дискурс». «Итак, – пишет Хабермас, – мы можем различать две формы коммуникации (или речи): коммуникативное действие (интеракция) – с одной стороны, дискурс – с другой. В первом случае, значимость наивно предполагается смысловой связностью в целях обмена информацией, связанной с приобретенным опытом. Здесь высказываются проблемные значимые требования по соответствующему вопросу, но информацией не обмениваются. В дискурсах же мы ищем проблематизирован-

ное соглашение, которое возникло в коммуникативном действии посредством основания: впредь в этом смысле (дискурсивном) я говорю о взаимопонимании. Взаимопонимание задается целью преодолеть ситуацию, которая возникает в результате проблематизирования наивно предполагаемых значимых требований в коммуникативном действии» [13, s. 114–115].

Таким образом, взаимопонимание, по мнению Хабермаса, ведет к дискурсивно достигнутому, мотивированному соглашению. Дискурс служит для мотивировки проблематизированных значимых требований, выраженных во мнениях и нормах. Как подчеркивает немецкий ученый, дискурс предполагает, во-первых, то обстоятельство, что все мотивы приведут к заключению соглашения; во-вторых, виртуализацию значимых требований, то есть такое состояние, когда высказанные мысли дискутируются, обстоятельства дела могут быть или не быть, а рекомендации будут являться верными или неверными.

Действительно, Ю. Хабермас в своей политической философии использует семантически многозначный и лингвистически довольно расплывчатый термин «дискурс», который в его политической философии практически полностью совпадает с диалогом. На это обстоятельство указывает целый ряд современных исследователей. Так, О.Ф. Русакова пишет: «По Хабермасу, дискурс представляет собой диалог, – согласование спорных притязаний на значимость с целью достижения согласия» [6, с. 54].

Современная российская политическая философия и политология придерживаются такого понимания концептов дискурс и диалог, которое близко к пониманию Хабермаса. «Термином “дискурс” в политологии называют не межперсональный, имеющий только личное значение, диалог как “речевое событие”, а социальный диалог, происходящий через общественные институты между общественными и политическими акторами», – отмечает известный российский политолог Л.Н. Тимофеева. По ее словам, «политический дискурс – это обмен обоснованными позициями, взглядами в соответствии с определенными правилами, в результате чего предпринимаются действия для решения социально значимых проблем» [8, с. 3]. Схожую точку зрения занимает и А.В. Дука, который пишет: «Значение термина “дискурс” в социологии и политологии в значительной степени метафорично; он определяет не межперсональный диалог как речевое событие, а социальный диалог, происходящий посредством и через общественные институты между индивидами, группами и организациями, а также между самими социальными институтами, задействованными в этом диалоге» [2, с. 94–95].

Еще один известный советский исследователь творчества Ю. Хабермаса В.Л. Шульц, критически оценивая его политическую и социальную философию, назвал ее «диалогикой», вынеся это определение в название одной из своих статей. «Излагая “коммуникативную диалектику”, или диалогику, Хабермас ведет речь об общении двух субъектов, их сознаний через языковую коммуникацию. Источник социальных связей – материальные общественные отношения – в его диалогике не присутствует или представлены в снятом, неразвернутом виде», – пишет В.Л. Шульц [10, с. 138].

Ю. Хабермас, представитель Франкфуртской философской школы, не испытал сильного влияния со стороны марксизма и неомарксизма. Однако он постепенно отошел от этих взглядов, посчитав, что К. Маркс переоценил роль труда и недооценил значение языка и коммуникации в жизни человека и общества. С точки зрения зрелого Ю. Хабермаса, экономический фактор в развитии общества доминирует только на этапе раннего капитализма. Ю. Хабермас соглашается с Карлом Марксом относительно того, что труд и язык являются основными факторами антропогенеза, и что именно они и отличают человека от животных. Однако он считает, что К. Маркс придает преувеличенное значение труду, забывая при этом о роли языка. Сам же Ю. Хабермас рассматривает труд и его порождение – «инструментальный разум» – как одно из измерений человеческой жизни, однако он доказывает, что сам по себе социально организованный труд недостаточен для выделения человека из животного мира. Фактически же, язык и коммуникации являются факторами, окончательно выделяющими человека из животного мира, а абсолютизация роли труда, по мнению Ю. Хабермаса, привела К. Маркса и его последователей в ловушку инструментального рассуждения, выражающуюся в «экономическом сверхдетерминизме». Именно этим и рядом других обстоятельств была обусловлена критика его «диалогики» советской философией в СССР.

Несмотря на довольно обширный объем научной литературы, изучающей различные аспекты коммуникации, проблема соотношения монологической и диалогической коммуникации все еще остается остро дискуссионной. Б.Ю. Городецкий назвал эту проблему «одним из наиболее запутанных узлов теории общения» [1, с. 3]. В диалоге коммуникативные позиции участников интеракции строго не закреплены, в процессе его развертывания идет обоюдный обмен ролями, происходит взаимодействие акторов. В то время как монолог – это однонаправленное, линейное воздействие (проповедь, исповедь, пропаганда, дискурсивное управление, манипулирование) субъекта на объект (конкретное лицо, аудиторию, публику, читателей, слушателей, зрителей, потребителей, избирателей и так далее).

Диалог требует соблюдения определенных неписаных и официально не закрепленных принци-

пов (культуры диалога или регламента его проведения) со стороны всех участников, равенства и симметрии их дискурсивных позиций, возможности не только выслушать чужую, но высказать и аргументировать свою собственную позицию, возразить партеру (оппоненту) по диалогу, затем вновь толерантно выслушать замечания или критику в свой адрес. «Участники диалога, стремящиеся преодолеть трудности понимания, могут <…> в итоге прийти к удовлетворительному решению, потому что распределение в диалоге ролей «говорящего» и «адресата» всегда уже предполагает существование той глубинной симметрии, которая необходима для любых ситуаций вербального общения. Каждый компетентный «говорящий» участник диалога уже научился пользоваться системой личных местоимений; кроме того, он умеет обмениваться в разговоре перспективами первого и второго лица. В динамике такого взаимного обмена перспективами и имеет свое основание процесс совместного создания горизонта значений, в котором обе стороны способны прийти… к интерсубъективно разделяемой интерпретации» [12, с. 23].

С точки зрения теории коммуникации, монолог и диалог – это две различные модели реальных коммуникативных процессов, отличающиеся друг от друга по ряду признаков.

1. *Количество субъектов коммуникации.* Для монолога достаточно одного субъекта (адресанта) коммуникации. В то время как количество объектов (адресатов) монологической модели коммуникации не ограниченно. Для диалога необходимо как минимум два субъекта коммуникации.

2. *Мена ролей.* В монологической модели коммуникации статус субъекта (адресанта) и объекта (адресата) коммуникации строго зафиксированы. В процессе монологической коммуникации осуществляется субъект – объектное асимметричное взаимодействие или воздействие первого коммуниканта на второго участника интеракции. Диалогическая модель – это коммуникация, которая предполагает мену коммуникативных ролей в процессе субъект – субъектного взаимодействия. Каждый из коммуникантов поочередно выступает то в роли отправителя информации, то в статусе ее получателя.

3. *Роль адресата.* В процессе монологической коммуникации адресат или же, как его еще принято называть, реципиент, выступает в роли пассивного получателя информации. В диалоге роль адресата является активной.

4. *Степень импровизированности коммуникации.* В условиях монолога, развертывающегося по заранее намеченному плану, импровизированность коммуникации достаточно мала. Диалог отличается большей спонтанностью, непредсказуемостью и соответствующей импровизацией.

5. *Прямые и обратные связи.* Для монолога наличие обратной связи факультативно, что позволяет адресанту более последовательно реализовывать свою коммуникативную стратегию. Обратная связь если и используется, то в основном для получения информации об эффекте воздействия субъекта на объект коммуникации. В условиях монологической модели коммуникации решающая роль принадлежит прямым связям, существующим в процессе интеракции между адресантом и адресатом. Взаимодействие между адресатом и адресантом в процессе диалога предполагает обязательное наличие обратной связи между субъектами коммуникации. На обратной связи коммуниканты трансформируют свои первоначальные позиции и корректируют коммуникативные стратегии и тактики.

6. *Респонзивность и ригидность.* Субъекту монологической коммуникации органически присуще такое социально-психологическое качество, как ригидность, то есть консерватизм, инертность, предвзятость, отсутствие гибкости, невосприимчивость к внешнему воздействию, к чужим взглядам и мнениям, к сигналам, исходящим от объекта взаимодействия. Для субъектов диалогической коммуникации свойственна респонзивность, то есть не только внимательность к позиции партнера по коммуникации, но и способность в процессе интеракции изменять свои ранее существовавшие взгляды и установки.

7. *Коммуникативная симметрия и асимметрия.* Монолог – это изначально асимметричная коммуникация, что выражается в неравенстве коммуникативных ролей между адресантом и адресатом, между субъектом и объектом монологической интеракции. Диалог может быть как симметричным, так и асимметричным. Симметричный диалог подразумевает примерное равенство между субъектами коммуникации. В несимметричном или доминантном диалоге один из участников коммуникации реализует свое статусное (институциональное) преимущество и большие полномочия воздействия на процесс, процедуры и правила осуществления коммуникации, нежели чем другие акторы.

8. *Вертикальные и горизонтальные коммуникации.* В современных демократических государствах взаимодействие органов власти с различными участниками политического процесса обеспечивается использованием инструментов политической коммуникации и выстраиванием механизмов обратной связи. Роль коммуникации в системе государственного управления постоянно возрастает, а коммуникационная составляющая политической действительности усложняется, что связано, прежде всего, с развитием современных информационных технологий

С точки зрения В.М. Сергеева, изложенной им в монографии под названием «Демократия как переговорный процесс», наиболее естественной формой принятия решений являются переговоры, синонимичные с точки зрения норм современного

русского языка по отношению к обсуждаемому нами понятию общественного диалога. Следовательно, как утверждает автор этой монографии, демократия, понимаемая как подлинное «народовластие», – это не электоральные процессы, не политические свободы, не местное самоуправление, многопартийность и не референдумы, а система общественных переговоров, диалог власти и общества. В.М. Сергеев отмечает: «Каждое правительство может существовать достаточно долго только тогда, когда оно легитимно, то есть, по крайней мере, терпимо для значительного большинства подданных… Следовательно, правительство или господствующая элита должны в определенной мере всегда принимать во внимание интересы других групп и слоев общества… Но это можно сделать только в результате некоторого обмена информацией о положении дел с представителями этих групп и слоев. Фактически, такой обмен информацией и учет требований выливается в систему переговоров... Степень институционализации таких переговоров может быть различный – от «молчаливого торга» в стиле Т. Шеллинга, т.е. обмена значимыми и интерпретируемыми символами, без того, чтобы брать на себя какие-то обязательства по поддержанию контактов, до установления специальных институтов, обеспечивающих интеграцию мнения тех или иных групп населения в процесс принятия решений» [7, с. 16–17]. Институционализация переговорно-диалогового взаимодействия приводит к появлению новых демократических дискурсивных практик. А возникновение системы таких практик, покрывающей собой основные социальные группы и «вводимая в действие в случае обсуждения наиболее важных для общества проблем», позволяет «говорить о демократической политической системе. При этом предполагается, что демократическая практика затрагивает не только взаимоотношения власти и других социальных субъектов общества, но и взаимоотношения самих этих социальных субъектов – индивидуумов, групп, корпораций, политических партий и т.д.» [7, с. 17]. Такая «эффективная система переговоров между социальными субъектами» позволяет «поддерживать значительный запас легитимности политического режима» [7, с. 17].

В западноевропейских моделях демократии такая разновидность демократии называется делиберативной, то есть совещательной, диалоговой, переговорной демократией. Делиберативная демократия (от английского слова «deliberate» – совместно обсуждать) является такой разновидностью демократии, при которой основную роль в политических процессах в обществе играют граждане. Поэтому зачастую этот вид демократии еще именуют и «гражданской» демократией, поскольку диалогу государства (власти) и гражданского общества (народа) в ней отводится решающая роль в принятии социально значимых общественно-политических решений. Делиберативная демократия и делиберативная политика – понятия, идущее от Дж. Дьюи и развиваемые в современной политической теории такими авторами, как Джозеф М. Бессет, Й. Коген, К.-П. Рипп, Ю. Хабермас, С. Бенхабиб, Д. Коэн, Дж. Роллз, Дж. Фишкин и другие. Не смотря на разницу в их подходах, делиберативная демократия рассматривается и как политическая процедура, и как нормативная модель рационального дискурса или диалога, обсуждения, убеждения, аргументации, толерантности и компромисса. Основной тезис делиберативной теории, по удачной формулировке Ш. Муфф, «заключается в том, что благодаря соответствующим процедурам обсуждения можно достичь согласия, которое отвечало бы требованиям как рациональности (понимаемой как защита либеральных прав), так и демократической легитимности (представленной народным суверенитетом)» [9, с. 183]. Кроме этого, «в научной литературе наряду с термином «делиберативная демократия» с подачи Ю.Хабермаса употребляется еще и такое определение, как «дискурсивная демократия» (discursive democracy)» [3, с. 9].

В своей политической философии Ю. Хабермас опирался на лингвофилософские исследования американца Н. Хомского и англичан Дж. Остина и Дж. Сёрла. Н.Хомский проводил различие между языковой компетентностью и осуществлением языка. Лингвистически компетентен тот, кто знает правила языка и может, используя их, образовать сколько угодно предложений. Правила грамматики Н. Хомский считал аналогами аксиом и правил вывода в логике. Дж. Остин и Дж. Сёрл развили теорию речевых актов, согласно которой высказывания (предложения) имеют практическое значение, поскольку их автор принимает на себя некоторую роль спрашивающего, соглашающегося, ставящего задачу и т.д. По Дж. Сёрлу, речевые акты содержат в себе правила коммуникации. Политическая рецепция этих идей Ю. Хабермаса состоит в том, что правила речевого действия могут стать темой диалога, разговора, дискуссии, одним словом, дискурса.

«*Дискурс* – это больше, чем свободный разговор, в котором собеседники не думают о соблюдении правил речевой коммуникации. *Дискурс – это* диалог, ведущийся с помощью аргументов, позволяющих выявить общезначимое, нормативное в высказываниях», – пишет В.А. Канке [4, с. 37]. И если обнаружена нормативность высказываний, то тем самым задана и нормативность поступков. Дискурс обеспечивает коммуникативную компетентность. Вне дискурса она отсутствует.

Но «дискурсом является не любой диалог, а достигший известной стадии зрелости. Для характеристики этой стадии Хабермас использует термин Mündigkeit (мюндихкайт), что в переводе с немецкого означает совершеннолетие. Дискурсом явля-

ется тот диалог – напомним читателю, что по определению в диалоге может участвовать сколь угодно большое число лиц, – который покинул стадию недостаточного совершенства, инфантильности (т.е. детскости в рационально-лингвистическом смысле)» [4, с. 37]. В идеале дискурс по Ю. Хабермасу – это образец, модель выработки коммуникативной компетенции. Конкретные дискурсы могут быть более или менее успешными, но не исключены споры, обиды, несогласия (дисконсенсусы). Для Хабермаса важнейшее значение имеет сам факт актуальности дискурса или общественного диалога. Именно в нем коллективно вырабатываются правила совместного общежития людей, в том числе и в публичной сфере, где осуществляется политическая коммуникация и дискурс (диалог) власти и общества.

С точки зрения Ю. Хабермаса, в процессе коммуникации и дискурса субъекты стремятся «взаимно убедить друг друга в правомерности притязаний на значимость, выдвигаемых пропонентами в отношении своих высказываний, которые они готовы защищать перед оппонентами». В таком диалогическом отборе лучших аргументов, «организуется *основанное на сотрудничестве* состязание», ориентированное, в конечном итоге, «на достижение взаимопонимания» [11, с. 115]. При этом процесс аргументации должен иметь следующие основания:

«а) никто из желающих внести релевантный вклад в дискуссию, не может быть исключен из числа ее участников;

б) всем предоставляются равные шансы на внесение своих соображений;

в) мысли участников не должны расходиться с их словами;

г) коммуникация должна быть настолько свободной от внешнего или внутреннего принуждения, чтобы позиции принятия или непринятия относительно критикуемых притязаний на значимость мотивировались исключительно силой убеждений или весомых оснований» [11, с. 115]. Наиболее благоприятными для формирования в обществе нормативного дискурса Ю. Хабермас считает «условия публичной, равноправной и непринужденной коммуникации, соблюдаемые в сократическом диалоге» [11, с. 76]. В отличие от представителей постмодернистской традиции дискурс-анализа он сознательно сужает свою трактовку дискурса до определенной нормы коммуникативной практики.

Кроме этого Ю. Хабермас создал еще и свою собственную этическую теорию дискурса, получившую название «этика дискурса», которая рассматривается им как альтернатива теории рационального выбора и исходит из принципа эгоистического поведения индивида в условиях конкуренции. Рационально-эгоистической коммуникации Хабермас противопоставляет дискурсивную коммуникацию, в основе которой лежат принципы особой этики – этики дискурса. Этика дискурса, по Хабермасу, включает принципы справедливости и солидарности. Моральный принцип заложен в самой диалогической интенции дискурса, поскольку диалог ориентирован на процедуру вовлечения и включения «Другого» в делиберативный процесс в качестве равноправного участника и полноценного субъекта коммуникации.

Асимметрию властных отношений призваны «сглаживать» разного рода посредники, «медиаторы», в роли которых выступают демократические институты: общественные организации, политические партии, выборы, парламент и другие формальные и неформальные практики и процедуры. Однако в условиях отсутствия возможностей для осуществления прямой коммуникации между представителями власти и общественностью многие демократические формы и институты, как убедительно доказывает Ю. Хабермас, не только замещают непосредственные коммуникации между ними, но и подменяют их демонстративной и манипулятивной публичностью институций, действующих «через голову публики». При этом гражданскому обществу нередко отводится роль стороннего наблюдателя, зрителя в этом процессе, интересы, мнение и потребности которого не учитываются. Таким образом, общество в своей совокупности сводится к «человеку голосующему», «зрителю/участнику политических событий», инициируемых или провоцируемых власть имущими прежде всего в сфере публичной коммуникации [5, с. 3]. Поэтому, в качестве альтернативы ныне реально существующим формам и разновидностям демократии немецкий философ предлагает свою нормативную теорию делиберативной или дискурсивной демократии, где важнейшая роль отводится диалоговым механизмам и процедурам принятия важнейших, то есть социально значимых политических решений.

Суть диалогики Ю. Хабермаса состоит в обосновании всеобъемлющего характера диалогово-дискурсивной природы самого общества. Этот подход имеет глубокий социальный подтекст, связанный с его стремлением найти относительно безболезненный для современного общества и государства способ их «терапии». При этом Ю. Хабермас убежден, что современное либерально-демократическое общество не ставит преград для развития производительных сил, демократизации политических отношений и т.д. Трудности и недоразумения, по Ю. Хабермасу, возникают лишь тогда, когда государство бесконтрольно и неоправданно вторгается в сферу духовной жизни общества, в сферу человеческих потребностей и интересов. Вмешательство государства в этих областях обусловливает возникновение препятствий для создания свободной от внешнего давления межличностной коммуникации на основе гражданского диалога. Тео-

ретическое обоснование такой диалогики приводит Ю. Хабермаса к поиску ненасильственных средств для разрешения конфликтов, возникающих в общественно-политической и хозяйственно-экономической жизни, то есть на коммуникативной основе, путем широкой общественной делиберации и институционализированного дискурсивного взаимодействия власти и граждан, государства и гражданского общества в публичной сфере современного информационно-коммуникативного общества.

Библиографический список

1. *Городецкий Б.Ю.* От редактора // Семененко Л.П. Аспекты лингвистической теории монолога. – М., 1996.

2. *Дука А.В.* Политический дискурс оппозиции в современной России // Журнал социологии и социальной антропологии. – 1998. – Т. 1. – Вып. 1.

3. *Зайцев А.В.* Теория делиберативной демократии и диалог государства и гражданского общества // Демократия в России: проблемы и перспективы развития. Материалы Всероссийской (с международным участием) научно-практической конференции, посвященной 80-летию ДГУ, 22–24 сентября 2011г. – Кизляр, 2011.

4. *Канке В.А.* Основные философские направления и концепции науки. Итоги XX столетия. – М.: Логос, 2000.

5. *Кобелева Х.А.* Особенности взаимоотношений государства и гражданского общества в России и Украине в конце XX – начале XXI в. // Вестник Томского государственного университета. – 2009. – № 319.

6. *Русакова О.Ф., Русаков В.М.* PR и дискурс: теоретико-методологический анализ. – Екатеринбург, 2007.

7. *Сергеев В.М.* Демократия как переговорный процесс. – М.: Московский общественный научный фонд, 1999.

8. *Тимофеева Л.Н.* Власть и оппозиция в России: проблемы политического дискурса (К «совершеннолетию» российской оппозиции) // Власть. – 2007. – № 4.

9. *Муфф Ш.* К агонистической модели демократии // Логос. – 2004. – №2 (42).

10. *Шульц В.Л.* Критика «диалогики» Ю. Хабермаса // Материалистическая диалектика. В 5 т. Т. 5. – М.: «Мысль», 1985.

11. *Хабермас Ю.* Вовлечение другого. Очерки политической теории. – СПб.: Наука, 2001.

12. *Хабермас Ю.* Расколотый Запад / пер. с нем. – М.: Изд-во «Весь Мир», 2008.

13. *Хабермас Ю.* Отношения к миру и рациональные аспекты действия в четырех социологических понятиях действия / пер. с нем. Т. Тягуновой // Социологическое обозрение. – 2008. – Т. 7. – №1.

14. *Habermas J., Luhmann N.* Theorie der Gesellschaft oder Sozialtechnolgie. Was leistet die Systemforschung? – Frankfurt a. – M.: Suhrkamp, 1971.

УДК 354.00.93

Соснин Сергей Александрович
Костромской государственный технологический университет
sosnin-kostroma@yandex.ru

СУЩНОСТЬ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ В ГОСУДАРСТВОВЕДЧЕСКОЙ КОНЦЕПЦИИ РОССИЙСКОГО КОНСЕРВАТИЗМА КОНЦА XIX – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XX ВВ.

В статье рассматриваются интегральные представления российских консерваторов конца XIX – первой половины XX вв. о сущности государственной власти и взгляды на проблему её ограничения.

Ключевые слова: *власть, правда, естественное право, консерватизм, традиция, государство.*

Феномен власти является одним из центральных в науке государствоведения. Природа власти, проблема её легитимности, правовое измерение процесса властвования – всё это вопросы, являвшиеся предметом изучения многих мыслителей в области политики и права, в том числе, представителей российского консерватизма. Примечательно, что данное понятие всегда фигурирует в определениях концепта «государство», поэтому исследование консервативного взгляда на сущность власти имеет прямое отношение к раскрытию консервативного подхода к пониманию феномена государства.

При этом отметим, что в качестве исследовательской задачи мы ставим перед собой не обнаружение различных подходов к пониманию власти или моделей конфигурации её институтов, предлагаемых теми или иными группами консерваторов [4, с. 11], а, напротив, нахождение интегрального представления российских консерваторов о сущности феномена государственной власти.

Представляется, что рассмотрение вынесенного в заголовок статьи вопроса в контексте консервативной идеологии России конца XIX – первой половины XX вв. следует начать с выяснения того, к какой группе подходов к пониманию сущности

© Соснин С.А., 2012

власти как социального явления необходимо отнести подход, используемый в трудах консервативной направленности.

Авторы монографии «Государство, общество, личность: проблемы совместимости» выделяют два класса научных концепций понимания феномена власти. Концепции, включаемые авторами в первый класс, именуются атрибутивно-субстанциональными. В рамках такого подхода власть трактуется как атрибут, субстанциональное свойство субъекта. Концепции второй группы, именуемые как «реляционные», описывают власть как социальное отношение или взаимодействие на элементарном или сложном коммуникативных уровнях [1, с. 183–184].

Анализ работ представителей российского консерватизма рассматриваемого периода свидетельствует, на наш взгляд, об однозначной приверженности авторов к первому подходу, включающему, в том числе, волевые концепции. Именно волевая трактовка власти прослеживается в трудах отечественных консерваторов. Так, например, И.А. Ильин, подробно разбирая вопрос о природе власти в книге «О сущности правосознания», дает её определение, исходя из этого подхода: «Власть по родовой сущности своей есть сила, и притом волевая сила, а по видовому отличию своему она является правовою силою» [3, с. 357].

Другие авторы, не ставившие перед собой задачу дать точное определение феномену власти, тем не менее, также исходят из её волевой трактовки. Так, например, К.П. Победоносцев в статье «Великая ложь нашего времени» пишет: «Государственная власть призвана действовать и распоряжаться; действия ее суть проявления единой воли, без этого немыслимо никакое правительство» [6].

Однако раскрытие консервативного взгляда на сущность государственной власти невозможно без рассмотрения одной из «вечных» проблем политических учений, проблемы определения пределов такой власти. Данный вопрос всегда оставался в повестке дня различных социальных концепций самых разных эпох, поскольку он имеет не только теоретическое, он и прикладное значение.

Решение данной проблемы находило свое выражение в констатации факта связанности власти определенными неинституциональными факторами. На наш взгляд, при исследовании данного вопроса с опорой на культурологический поход к социальным явлениям необходимо различать западную и российскую традицию понимания такого ограничения.

Так, в западной политической традиции одной из смысловых доминант в идеологическом поле в эпоху Нового времени становится утверждение определенных правовых принципов в качестве общезначимых, универсальных регуляторов общественных отношений. Данные правовые принципы носят ярко выраженный антропоцентричный характер. Выражаясь словами греческого философа Протагора, в Западной Европе берется на вооружение тезис о том, что «человек – это мера всех вещей». Тем самым ограничения политической власти полагаются через природу человека как автономного существа. При этом речь всегда идет о «человеке вообще», то есть о его универсальных, онтологических свойствах вне зависимости от его принадлежности к тому или иному микросоциуму.

Данная социально-политическая реальность детерминирована конкретными историческими факторами, среди которых к числу важнейших необходимо отнести религиозный раскол, произошедший в Европе в XVI веке. Так, Йозеф Ратцингер (Бенедикт XVI) пишет, что в этот период «пришлось искать предшествующий догматам правовой минимум, имеющий основания не в вере, а в природе, в человеческом разуме. Гуго Гроций, Самуэль фон Пуфендорф и другие разработали идею естественного права как рационального права, которое, преодолевая границы между вероучениями, вводит в действие разум как орудие совместного правообразования» [11, с. 95]. Как следствие, учение о неотчуждаемых правах человека как высшей ценности становится гарантией от внешнего по отношению к автономной личности произвола, в том числе, со стороны государственной власти.

Сама же политическая власть в главной работе Д. Локка «Два трактата о правлении», написанной с целью «найти иную причину возникновения правления как такового, другой источник политической власти и другой способ определения и узнавания тех лиц, которые ею обладают, чем те, которым учил нас сэр Роберт Ф.», [5] получает рационально-правовую легитимацию, выводимую из естественного состояния людей.

Логическим завершением развития западной политической мысли по данному вектору в эпоху Нового времени становится идея ограничения власти посредством установления нормативно определенных (институциональных) механизмов (принцип «разграничения властей», конституционная (ограниченная) монархия, парламентаризм, многопартийность и т.д.).

Таким образом, принципиальным отличием западной традиции решения проблемы ограничения власти является её секулярный характер. В рамках такой традиции власть получает в качестве своей основы секулярную концепцию естественных прав человека и оформляется в реальные социально-политические технологии принятия управленческих решений.

На наш взгляд, такая традиция понимания связанности власти факторами юридического содержания может быть названа правоцентристской.

Выразителями отечественной традиции понимания природы власти в контексте ограничения её неинституциональными факторами являются, по

нашему мнению, именно отечественные консерваторы, поскольку они представляют направление политической мысли, опирающейся на отечественную традицию. Коммунистическая и либеральная идеологии, нашедшие свое выражение в отечественном философско-правовом дискурсе в работах тех или иных идеологов, являются продуктами эпохи Модерна и представляют собой результат интеллектуальной зависимости от западной политической мысли, то есть не имеют своим основанием российскую традицию.

В отечественной консервативной политической мысли, опирающейся на культурологический подход к обществу и находящейся в традиционалистской (не секулярной) парадигме, обозначенная проблема находит свое выражение как проблема *этики* власти и оформляется в соответствующие этому концепты и концепции (власть как служение, «государство правды» и т.д.).

Сказанное не означает, что проблема юридического измерения процесса властвования не находит своего отражения в трудах отечественных консерваторов. Напротив, Л.А. Тихомиров, И.А. Ильин при исследовании вопросов функциональных свойств власти выступают в качестве представителей естественно-правовой концепции, находя в естественном праве предел государственной власти в её взаимоотношениях с личностью.

Однако при рассмотрении *онтологических* свойств власти, вопрос о её нравственном содержании, обусловленном религиозным фактором, занимает первенствующее место в консервативном политическом дискрурсе. Так, общим местом для работ отечественных консерваторов является утверждение этической компоненты политической власти, раскрываемой через традиционный для русской культуры концепт «правда» [9]. По представлениям российских консерваторов, правда имманентна государственной власти, что является залогом подчинения ей человека, который в силу своей социально-психологической природы стремится к правде как к некоей высшей реальности. Так, К.П. Победоносцев пишет: «…На правде основана, по идее своей, всякая власть, и поелику правда имеет своим источником и основанием Всевышнего Бога и закон Его, в душе и совести каждого естественно написанный, то и оправдывается в своем глубоком смысле слово: несть власть, аще не от Бога <…> Первый момент мироздания есть появление света и отделение его от тьмы. Подобно тому и первое отправление власти есть обличение правды и различение неправды: на этом основана вера во власть и неудержимое тяготение к ней всего человечества. Сколько раз и повсюду вера эта обманывалась, и все-таки источник ее остается цел и не иссякает, потому что без правды жить не может человек» [6]. На К.П. Победоносцева ссылается в своей работе «Монархическая государственность» Л.А. Тихомиров, выявлявший причину подчинения людей государственной власти [10, с. 18].

Религиозно-нравственное содержание власти фиксирует в своих работах И.Л. Солоневич. Формулируя политические тезисы Российского народно-имперского (штабс-капитанского) движения, мыслитель пишет: «Русский национализм, как идея, государственно оформляющая нацию, неразрывно связан с единоличной наследственной монархической властью, олицетворяющей в себе религиозный смысл нашего социального бытия. Республиканский национализм – если бы он и существовал – означал бы отрыв России от её глубочайших религиозно-нравственных истоков» [8]. В работах Солоневича концепт «правда» занимает видное место и ассоциируется с отражением должного социального порядка (правда как социальная справедливость): «Русское – не византийское – православное сознание ищет Правды – Справедливости, достигаемой не путём насилия и обмана, а путём понимания и любви, на путях преобладания во всех человеческих отношениях духовного элемента над материальным» [8].

На сакральные корни государственной власти указывает И.А. Ильин: «…Воля государства как разновидность человеческой воли не беспредметна и не развязана, но предметно связана этическим содержанием <…> Государственная власть соблюдает свою истинную духовную природу только тогда, если она остается верна своей цели, своим путям и средствам; она получает свое священное значение только из этой последней, духовной, нравственной и религиозной глубины» [3, с. 359–360].

В консерватизме изложенное понимание власти, которая, по словам Н.Я. Данилевского, в России «имеет большую силу материальную и еще большую нравственную» [2, с. 240], выводится из ментальных особенностей русского народа. Так, названный социолог подробно разбирает особенности «психического строя» русского народа в его сравнении с европейским складом, и приходит к выводу, что «не интерес составляет главную пружину, главную двигательную силу русского народа, а внутреннее нравственное сознание» [2, с. 241].

Таким образом, имея в качестве исторической предпосылки религиозный консенсус в обществе, российская политическая мысль в качестве важнейшей темы имеет тему утверждения этической константы, которая имманентна политической власти и имеет сакральную природу. Данная проблематика основана на давней философской традиции, находившей свое выражение на начальных этапах развития отечественной политической мысли в форме повышенного интереса к *проблеме личности монарха* (правителя) в социально-политической рефлексии Д. Заточника, И. Волоцкого, А. Курбского, С. Полоцкого, Ю. Крижанича, И. Посошкова, Н. Карамзина.

Как следствие, идея создания механизмов ограничения власти монарха не является доминирующей в идеологическом и историко-политическом пространстве России. Последнее обстоятельство вызвано, на наш взгляд, ещё и тем, что «слабым» местом российского государства является, скорее, не монарх, а политическая элита («семибоярщина», «бироновщина» и т.д.).

Вопрос институционального ограничения власти монарха на повестку дня политической жизни России конца XIX – начала XX века был, прежде всего, привнесен извне вместе с западными политическими теориями и, в меньшей степени, вызван внутренними политическими или идейными причинами. Так, Н. Я. Данилевский, констатируя в качестве национальной особенности русского народа умение повиноваться, писал, что «Россия есть едва ли не единственное государство, которое никогда не имело (и, по всей вероятности, никогда не будет иметь) политической революции, то есть революции, имеющей целью ограничение размеров власти» [2, с. 595]. Сейчас, с позиций исторической ретроспективы, такой тезис кажется слишком самонадеянным. Однако, на наш взгляд, произошедшие в XX веке события не умаляет его значения, поскольку он фиксирует тот факт, что в повестке политической мысли России конца XIX – начала XX вв., опирающейся на отечественную Традицию (консерватизм), вопрос создания механизмов ограничения власти не является первостепенным.

Таким образом, правда в консервативной мысли выступает как онтологическое свойство власти, указывающая на её связь с Богом, в то время как естественное право, имея исключительно человеческое измерение, заключает в себе правила коммуникации между членами общества, а также между государством и личностью, отражая тем самым лишь функциональные (внешние) процессы властвования.

Отечественный подход к исследованию обозначенной проблемы может быть, на наш взгляд, назван этикоцентристским.

Полагаем, что сущностное отличие несекулярной традиции решения проблемы ограничения верховной власти от западноевропейского подхода удачно, в концентрированной форме выражают слова В.С. Соловьева: «Как помазанник Божий, царствующий Божиею милостию христианский государь независим от народного своеволия. Но, неограниченная снизу, власть христианского царя ограничена сверху: будучи отцом и владыкой народа, христианский царь должен быть сыном церкви» [7].

Библиографический список

1. Государство, общество, личность: проблемы совместимости / под общ. ред. Р.А. Ромашова, Н.С. Нижник. – М.: Юристъ, 2005. – 303 с.

2. *Данилевский Н.Я.* Россия и Европа. – М.: ТЕРРАВ – Книжный клуб, 2008. – 704 с.

3. *Ильин И.А.* Общее учение о праве и государстве. – М.: АСТ МОСКВА: ХРАНИТЕЛЬ, 2006. – 510 с.

4. *Комова Н.Б.* Монархическая власть в консервативных государственно-правовых учениях Росси XVIII – XX вв.: Автореф. … д-ра юрид. наук. – Н. Новгород, 2012. – 57 с.

5. *Локк Д.* Два трактата о правлении [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.reformed.org.ua/2/86/Locke (дата обращения: 13.09.2012).

6. *Победоносцев К.П.* Московский сборник [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.wco.ru/biblio/books/pobedonoscev1/main.htm (дата обращения: 19.10.2012).

7. *Соловьев В.С.* Еврейство и христианский вопрос [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.magister.msk.ru/library/philos/solovyov/solovv14.htm (дата обращения: 13.09.2012).

8. *Солоневич И.Л.* Политические тезисы российского народно-имперского (штабс-капитанского) движения [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://gosudarstvo.voskres.ru/heald/slnevch3.htm (дата обращения: 13.09.2012).

9. *Степанов Ю.С.* Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1997. – 824 с.

10. *Тихомиров Л.А.* Монархическая государственность. – М.: Айрис-пресс, 2006. – 624 с.

11. *Хаберамас Ю., Ратцингер Й.* (Бенедикт XVI). Диалектика секуляризации. О разуме и религии. – М.: Библейско-богословский институт св. апостола Андрея, 2006. – 112 с.

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

УДК 342

Коваль Сергей Петрович
Ивановский государственный университет
petrovitsch17@mail.ru

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ ФЕДЕРАТИВНЫХ ОТНОШЕНИЙ В РОССИИ

Статья посвящена анализу проблем федеративного устройства и новых тенденций в его развитии. Основанный на этническом принципе федерализм выступает в качестве угрозы целостности России. Переход на правовой федерализм позволит снять напряжённость между населением субъектов РФ.

Ключевые слова: *федерализм, федерация, субъект федерации, укрупнение субъектов федерации, федеральные округа, этнический.*

Исследование эволюции федеративных отношений показывает, что тот путь, который прошла страна, был необходимым периодом в становлении России как федеративного государства. Стремление регионов к самостоятельному социальному творчеству отвечает логике российской федеративной государственности. В ситуации постоянных политических изменений именно федерализм стал гибкой и действенной формой государственной власти, обеспечивающей стабильность и согласие между всеми составляющими федеративного сообщества. Речь идёт о формировании такого типа федерации, который предполагает организацию отношений между центром и регионами на основе партнёрства, разграничения предметов ведения и полномочий. Центр и регионы должны обладать правами, обязанностями и ресурсами, которые были бы адекватны их базовым целям и функциям. Начиная с 1990-х гг., федеративные отношения в России постоянно видоизменялись. Российский федерализм, политико-правовые основы и методы реализации неоднократно подвергались жёсткой критике сторонниками унитарного государства и централизации.

На современном этапе развития федерализма в России можно выделить следующие основные черты: смешанный этнотерриториальный характер субъектов РФ; ассиметричность РФ и наличие сложнопостроенных субъектов; нарастающая экономическая, социальная и политическая дифференциация регионов; дотационность, а, следовательно, высокая степень зависимости большинства регионов от федеральной власти [8, с. 118].

Среди первых шагов Президента РФ В.В. Путина, направленных на изменение модели федеративных отношений, следует назвать: создание первоначально семи федеративных округов; учреждение в них института полномочных представителей Президента РФ и иных органов федеральной власти; запуск механизмов реальной конституционно-правовой ответственности. Эти реформы восприняли в стране по-разному: некоторые учёные увидели в реформах Президента РФ тенденцию к унификации, другими создание системы федеральных округов рассматривается как «унитаристская надстройка над федерацией» [6, с. 32].

Существует множество концепций, определяющих ту или иную модель федерализма. Имелось предложение ввести в России дореволюционную систему деления страны на ведомственные округа (военные, таможенные и т.п.). Также существовала идея о построении федерации на основе территориального начала. Некоторые учёные предлагают усилить процессы интеграции в рамках ассоциаций экономического взаимодействия [2, с. 74].

В соответствии с Указом Президента РФ от 13 мая 2000 г. № 849 «О полномочном представителе Президента РФ в федеральном округе» образование федеральных округов стало определённым этапом в развитии федеративных отношений в нашей стране. Систему федеральных округов следует рассматривать как один из административных способов поиска форм управления системой федеративных отношений, сглаживания проблем чрезмерной асимметричности и многосубъектности России, территориального приближения федеральной власти к субъектам РФ.

Образование федеральных округов не вносит изменений в административно-территориальное устройство России, в правовой статус субъектов РФ, не меняет их территориальные границы. Федеральные округа не являются самостоятельными субъектами России, и объединение в большей степени носит условный, формальный характер. В федеральных округах отсутствуют органы государственной власти, возможность проводить собственное нормативно-правовое регулирование и иные определяющие статус субъекта РФ признаки. Все государственные органы власти в федеральных округах – федеральные органы государственной власти. Если принять во внимание важную роль системы федеральных округов в укреплении федеративных горизонтальных связей между субъектами РФ, то именно федеральный округ должен стать тем

 © Коваль С.П., 2012

полем, в границах которого необходимо последовательно реализовывать политику интеграции регионов [1, с. 88].

Многие исследователи утверждают, что федеральные округа являются основой укрупнения субъектов РФ, унификации их правового статуса. Данное обстоятельство приобретает особое значение в перспективе процесса объединения субъектов РФ, который, может распространиться на целый ряд субъектов федерации, в том числе, Ненецкий автономный округ и Архангельскую область, Еврейскую автономную область и Хабаровский край, Алтайский край и Республику Алтай, Краснодарский край и Республику Адыгея, города федерального значения: Москву, Санкт-Петербург и прилегающие к ним области.

В связи с необходимостью законодательного закрепления правовых основ региональной управленческой стратегии, предлагаю принять ряд законов: об общих основах регионального развития и регионального управления, о региональной политике субъектов РФ, об административно-территориальном устройстве России.

Конституция РФ не исключает возможности укрупнения субъектов РФ, принципы и процедура данного процесса не конкретизированы. Укрупнение субъектов – это сложная политическая и правовая проблема. Решение этой проблемы учёные видят: в преобразовании субъектов РФ в однотипные губернии, республики и земли; в сокращении количества субъектов; в экономическом районировании; в административно-территориальной реформе. Наиболее обсуждаемая концепция развития России – идея изменения субъектного состава федерации. Изменение количества субъектов РФ потребует солидной юридической базы, которая может быть создана только путём пересмотра Конституции РФ [5, с. 2421].

Тяжелое экономическое положение отдельных субъектов РФ, стихийное установление межрегиональных связей заставляет говорить о слабой управляемости большого количества регионов, о необходимости укрупнения территорий. Противоречия между федерацией и её субъектами, постоянно возникающие спорные ситуации между ними приводят к неизбежности внесения дополнений и изменений в Конституцию РФ 1993 г. Эти изменения призваны закрепить механизмы развития государственного устройства страны.

В настоящее время идёт поиск оптимального пути формирования российского федерализма. Для этого требуется объединение усилий политологов, социологов, экономистов, юристов, научные исследования которых будут направлены на разработку критерия совершенствования эффективности деятельности федеративных и региональных органов власти; профессиональную оценку нормативных правовых актов; прогноз на дальнейшее развитие ситуации. В результате сложной политической практики, борьбы компромиссов, наработки конкретного опыта наметилась тенденция переосмысления федерализма в России. Формируется новая концепция кооперативного федерализма.

Современная российская модель федерализма оказалась следствием федералистской революции во всём мире. Почти 80% мирового населения проживает либо в федеративных государствах, население которых составляет более 2 миллиардов человек (Индия, США, Россия, Бразилия и т.д.), либо в децентрализованных государствах с федеральной ориентацией, самыми крупными из которых являются Китай, Великобритания, Италия и Испания. Но известны примеры, когда более десятка федераций, просуществовав незначительные сроки, подверглись распаду.

Изучая историю российской государственности можно утверждать, что в России существовал свой особый федерализм – имперский. На всех этапах истории России ей были присущи черты империи, которые выражались в неравноправном положении входящих в единое государство составляющих частей. Фактически федерализм был органически несовместим с политическими режимами, хотя элементы федерализма имели место в процессе становления и развития российского государства. Российская империя представляет собой пример долговечности федерализма. Имперский федерализм в России, как правило, сводился к территориально-административному устройству государства. Например, в «Церковных ведомостях» 1910 года отмечалось следующее: «Не признавая себя нераздельной частью России, отвергая российские основные государственные законы, Финляндия объявляет своими “коренными” и “основными” законами шведские законы 1772 (форма правления) и 1789 (акт соединения и безопасности) годов. Но какое отношение могут иметь эти шведские законы к той части Финляндии, которая была присоединена окончательно к России ещё Петром Великим, т.е. давно уже не принадлежала Швеции» [11, с. 604].

На сегодняшний день модель федерализма в России исчерпала себя. Россия в настоящее время использует крайне опасную модель – на основе национального признака. Этнический фактор опасен для государства, в чём Россия и Европа уже убедилась. От такого этнического подхода к федеративному устройству пострадали СССР, Югославия и Чехословакия. Национальный принцип формирования территориальной структуры государства выступает одной из причин многочисленных межнациональных политических конфликтов, порождает сепаратизм по мере развития отсталых этносов. В настоящее время возникла острейшая необходимость деэтнизации российской государственности. Этнически ориентированная национальная

политика государства по определению является дискриминационной, поскольку нельзя сделать «приоритетными» все этносы. Крайне опасным является также и искусственное наделение того или иного этноса элементами государственности. На практике это ведёт к ослаблению всей системы государственной власти [3, с. 40].

Нельзя забывать и о том, что российская модель федерализма была рождена как компромисс между субъектами федерации, которые неожиданно получили независимость. Эта модель федерализма на определённом этапе сослужила положительную роль, в определённой мере предотвратив распад государства. Данная модель не имеет корней в российской государственности, на сегодняшний момент она проста вредна. Вредоносность заключается в договорном характере отношений между субъектами РФ. Это предполагает определённое своеволие руководителей, торги с центром, создаёт из федерации достаточно неустойчивое государственно-правовое образование. В России давно созрела необходимость скорректировать модель федерализма, закреплённую в Конституции РФ.

Имеется суждение, что возникновение и развитие федерализма идёт в одном русле со становлением идеи правовой государственности. В федерализме российские учёные видят альтернативу глобализму, «поскольку предусматривается такой политический порядок, который в состоянии обеспечить свободу политического самовыражения, как небольшого сообщества, так и объединенного многообразия сообществ посредством распределения власти снизу вверх» [4, с. 4].

В свете прозападной российской идеологии США выступает как оплот федерализма. Иными словами, нигде раньше, кроме как в США, федерализма просто не существовало. Но ещё Сталин И.В. вскрыл суть федерализма США: «В результате дальнейшей эволюции Соединенные Штаты из федерации превращаются в унитарное (слитное) государство с едиными конституционными нормами, с ограниченной автономией (не государственной, а административно-политической) штатов, допускаемой этими нормами». Предметы ведения субъектов федерации США постоянно сужаются и, по-видимому, этот процесс необратим. Права штатов в должной мере не гарантируются Конституцией США. Её X поправка фактически превратилась в «мёртвую букву» [10, с. 25].

Полномасштабный федерализм может привести к уничтожению федерального государства. Отдельные элементы федерализма жизненно необходимы для России, населённой множеством народов. Необходимо вспомнить исторические традиции Российской империи, которая стремилась учесть национальные особенности различных народов. Сейчас такой учёт практически отсутствует. Нецелесообразно предавать законам универсальный характер, распространяя их действие на всех субъектов без исключения. Для народов, которые исповедуют ислам, конфликт ислама с законом приведёт к игнорированию закона, что и происходит в повседневной жизни. Законодатель должен находить общность в правовых ментальностях народов с целью обнаружения необходимого компромисса. Российский законодатель не всегда учитывает национальную специфику права. Статья 71 Конституции РФ относит гражданское законодательство к исключительному федеральному ведению. К совместному ведению федерации и её субъектов ст. 72 Конституции РФ относит такие отрасли законодательства, как семейное, жилищное, земельное, водное, лесное законодательство. Идёт постоянное противоречие между федеральным законодательством и правовыми обычаями. Такое противоречие решается не в пользу федеральной власти и нуждается в скорейшем пересмотре. Гражданское, семейное право должно находиться в ведении субъектов РФ.

Попытки Советского правительства «цивилизовать» чеченский народ были безуспешны. Несмотря на все требования властей ввести российские нормы в судебную практику, традиционные предписания адатов и шариата продолжали широко бытовать, лишь уйдя в подполье. Брачный выкуп никогда не выходил из обыкновения: он был более скрытым во времена террора и более явным во времена относительной либерализации. Так же обстояло дело с многоженством. Многоженцы, опасавшиеся своих односельчан, проживали с разными женами врозь, часто поочередно. При проведении государственной правовой политики необходимо учитывать особенности национальной правовой ментальности. Единые обезличенные правовые стандарты только ухудшат обстановку. Выходом может быть конкретное обозначение общностей и различий правовых культур российских народов. Данная проблема является актуальной и для других стран. Известно, что архиепископ Кентерберийский Роуэн Уильямс заявил о неизбежности включения некоторых норм шариата в британское законодательство. Духовный лидер англичан считает, что это будет способствовать сохранению единства в британском обществе [9, с. 11].

Оптимальное число субъектов в России ещё никто не определил. Оптимальную численность населения государства и размер его территории предлагал Аристотель. Состав и численность субъектов федерации определяются разнообразными причинами (историческими, политическими, географическими, национальными), поэтому встречаются федерации с различным количеством субъектов: от 2 до 50 и более. Субъекты, как и сами федеративные государства, различаются и по масштабам территорий, и по экономической мощи. Например, Орловскую область не сравнишь с Красноярским краем, а Ка-

лифорнию, которая по своей экономической мощи занимает шестое место в мире, с такими штатами, как Арканзас или Мичиган.

Дестабилизирующую ситуацию для федераций создают экономические, политические противоречия и удручающий правовой нигилизм. Национальный фактор не является для России настолько опасным, каким его считают многие учёные, политики. Не является угрожающим пороком и так называемое «наделение республик статусом государств». Если имеется в виду ч.2 ст.5 Конституции РФ, в которой указано, что республика (государство) имеет свою конституцию и законодательство, то это не даёт оснований для каких-либо опасений. Трактовка «государство» никак не вытекает ни из первой, ни из других частей данной статьи. Затем такая интерпретация не находит подтверждения в ст. 65–67, 72–73, 76–77 Конституции РФ, которые фактически определяют статус субъектов РФ. В ч.2 ст.5 не определяется статус республики как государства, а говорится, что она имеет конституцию и законодательство. Появление в скобках слова «государство» объясняется желанием ослабить мелочные политические страсти и погасить непомерные амбиции одних и удовлетворить порывы либерализма других фигур, которые культивировали себя в начале 1990-х годов в федеральном центре идеологами либерализма [7, с. 38].

В федеративном государстве сложности связаны, прежде всего, с экономической разновеликостью субъектов и исторической нестандартностью их развития, что влияет на состояние общей, правовой культуры, состояние правового нигилизма. В России все эти своеобразия усугубляются национальными и религиозными различиями.

Уникальность федеративному устройству России придают следующие факторы: 1) национальные субъекты, которые отличаются не только национальным составом населения, но и культурными и религиозными особенностями; 2) Российская Федерация состоит из асимметричных по территории, экономической мощи, энергетическим ресурсам, культурному и политическому потенциалу субъектов; 3) субъекты неоднородны по своей привлекательности для инвесторов; 4) субъекты неодинаковы по своим потенциальным возможностям освоить современные технологии; 5) в структурно-функциональном и правовом плане остаются «представительными» учреждения федеральных округов; 6) субъекты различаются по состоянию экологической проблемы.

Необходимо сглаживать асимметричность субъектов РФ. Не следует делать это самоцелью, тем более, что такие усилия останутся тщетными. Не сможет Ивановская область сравняться по своей экономической мощи с Краснодарским краем. Следует делиться результатами использования своих возможностей, что будет способствовать обогащению и ускорению эволюции каждого из субъектов.

Опираясь на результаты исследования теории федерализма и самого федеративного государства, можно дать достаточно оптимистический прогноз. Предполагаю, что в условиях глобализации государства будут всё больше тяготеть к федеративным началам и к смешанным союзам. Для Российской Федерации такое государственное устройство является наиболее предпочтительным, перспективным.

Современная форма государственного устройства России свидетельствует об уникальности российского федерализма по сравнению с классическими федерациями зарубежных стран. Эта уникальность есть отражение сложного исторического развития территориальных форм власти в России, полиэтничности её населения, самобытности отечественной государственности и культуры. Поэтому специфика и особенности российского федерализма нуждаются не в устранении, приспособлении под известные образцы, а в выверенной программе развития.

Библиографический список

1. *Александров В.М., Семёнов А.В.* Состояние и перспективы развития федеральных округов Российской Федерации // Правоведение. – 2002. – №3. – С. 80–90.

2. *Бусыгин А.Н.* Федеральные округа: настоящее и будущее // Федерализм. – 2003. – №3. – С. 73–75.

3. *Бочарников И.В.* Противодействие сепаратизму: теоретико-политологический анализ: Автореф. дис. … д-ра полит. наук. – М., 2008. – 40 с.

4. *Гоптарева И.Б.* Политическая концепция федерализма: теоретические истоки и современность: Дис. … д-ра полит. наук. – М., 2003.

5. *Григорьев А.В.* К вопросу о развитии федеративных отношений в современной России // Право и политика. – 2009. – №10. – С. 2420–2424.

6. *Зубов А.Б.* Унитаризм или федерализм: к вопросу о будущей организации государственного пространства России // Полис. – 2003. – №5. – С. 30–34.

7. *Конюхова И.А.* Структура Российской Федерации: современное состояние и перспективы совершенствования // Государство и право. – 2007. – №2 – С. 37–45.

8. *Мириханов Н.М.* Федерализм, многонациональность, государственность: новый курс российской власти // Федерализм. – 2002. –№3. – С. 117–122.

9. *Нечепуренко П.Я.* Процессы чеченского этносоциалистического самоопределения: государственно- правовая институализация: Дис. … канд. юрид. наук. – Ростов-на-Дону, 2002. – 11 с.

10. *Сталин И.В.* Собр. соч.: В 12 т. – М., 1946. – Т. 3. – С. 22–27.

11. Церковные ведомости. Прибавления. – СПб., 1910. – №13. – 604 с.

УДК 347.455

Моисеева Ольга Владимировна
Нижегородская Правовая Академия (институт)
nechaeva.olga@mail.ru

ДОГОВОР ПОТРЕБИТЕЛЬСКОГО КРЕДИТА

В статье рассматривается законопроект «О потребительском кредите» и его соотношение с действующим законодательством Российской Федерации. На основе проведенного исследования автором выявлены основные проблемные аспекты законопроекта, предложены изменения его положений.

Ключевые слова: *кредитный договор, договор займа, защита прав потребителей, субъекты кредитных правоотношений, договор присоединения.*

Возросшая роль правоприменительной и судебной практики в регулировании гражданско-правовых отношений является следствием необходимости законодательного закрепления новых правовых отношений хозяйственного оборота Российской Федерации.

В настоящее время основное внимание уделяется проекту Федерального Закона «О внесении изменений в части первую, вторую, третью и четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации, а также в отдельные законодательные акты Российской Федерации». В связи с тем, что объем изложенных в законопроекте изменений значителен и не может быть полностью рассмотрен в рамках одной статьи, остановимся на анализе отдельных предложений законопроекта, а именно на ст. 821, устанавливающей новую разновидность договора кредита – потребительский кредит.

Статья 821 проекта федерального закона изложена в следующей редакции.

По договору потребительского кредита банк или иная кредитная организация (кредитор) обязуются предоставить денежные средства (кредит) заемщику-гражданину исключительно для личных, семейных, домашних или иных нужд, не связанных с предпринимательской деятельностью, в размере и на условиях, предусмотренных договором, а заемщик обязуется возвратить полученную денежную сумму и уплатить проценты по ней.

До заключения договора потребительского кредита кредитор обязан предоставить заемщику информацию о порядке, сроках и условиях предоставления кредита, о размере процентов за пользование кредитом и иных платежах по договору, о порядке и сроке возврата кредита (графике платежей по договору) и последствиях его несоблюдения заемщиком, а также об иных обстоятельствах, влияющих на стоимость потребительского кредита. В случае несоблюдения кредитором данных требований, заемщик вправе отказаться от договора потребительского кредита с возвратом полученного кредита и уплаты процентов за время фактического пользования кредитом в размере ставки рефинансирования.

Заемщик в течение четырнадцати дней со дня наступления предусмотренного договором срока предоставления кредита вправе отказаться от договора потребительского кредита, возвратив полученную сумму кредита с процентами за время фактического пользования кредитом. Заемщик, не отказавшийся от договора потребительского кредита, сохраняет право на досрочное исполнение договора потребительского кредита (пункт 2 статьи 810). В части, не урегулированной настоящей статьей, отношения по договору потребительского кредита регулируются законом о потребительском кредите и законодательством о защите прав потребителей [1].

Таким образом, данная статья имеет ссылку на закон «О потребительском кредите», проект которого был предложен Министерством финансов 30 марта 2012 г. и законодательство о защите прав потребителей. В связи с этим хотелось бы исследовать предлагаемые гарантии защиты интересов заемщиков, а также рассмотреть вопрос о том, насколько целесообразно будут урегулированы отношения в сфере потребительского кредитования.

Законопроект «О потребительском кредите» дает следующее понятие данного договора: договор потребительского кредита – это кредитный договор (договор займа), заключенный между заемщиком и кредитором и предусматривающий предоставление потребительского кредита, в том числе, в форме кредитования банковского счета заемщика (овердрафт). Указанный договор имеет целью регулирование отношений, возникающих в связи с предоставлением кредитной организацией потребительского кредита физическому лицу в целях, не связанных с осуществлением предпринимательской деятельности этим физическим лицом.

Под кредитором понимается кредитная организация, предоставляющая или предоставившая потребительский кредит (ст. 3 Законопроекта «О потребительском кредите») [2].

Согласно ст. 1 ФЗ «О банках и банковской деятельности» кредитная организация – юридическое лицо, которое для извлечения прибыли как основной цели своей деятельности на основании лицензии Центрального банка Российской Федерации имеет право осуществлять банковские операции, предусмотренные настоящим Федеральным законом. Кредитная организация образуется на основе любой формы собственности как хозяйственное общество [3].

© Моисеева О.В., 2012

В настоящее время на основании ФЗ «О микрофинансовой деятельности и микрофинансовых организациях» договоры займа как средство извлечения прибыли могут заключать юридические лица имеющие статус микрофинансовой организации.

Микрофинансовая организация – юридическое лицо, зарегистрированное в форме фонда, автономной некоммерческой организации, учреждения (за исключением бюджетного учреждения), некоммерческого партнерства, хозяйственного общества или товарищества, осуществляющее микрофинансовую деятельность и внесенное в государственный реестр микрофинансовых организаций.

Следует также отметить, что в соответствии со ст. 3 ФЗ «О микрофинансовой деятельности и микрофинансовых организациях» правовые основы микрофинансовой деятельности определяются Конституцией Российской Федерации, Гражданским кодексом Российской Федерации, настоящим Федеральным законом, другими федеральными законами, а также принимаемыми в соответствии с ними иными нормативными правовыми актами. А кредитные организации, кредитные кооперативы, ломбарды, жилищные накопительные кооперативы и другие юридические лица осуществляют микрофинансовую деятельность в соответствии с законодательством Российской Федерации, регулирующим деятельность таких юридических лиц.

Положения ФЗ «О микрофинансовой деятельности и микрофинансовых организациях» не содержат нормы о применении к данным отношения положений Закона РФ «О защите прав потребителя». В законе также не имеется указания о том, что микрозаймы предоставляются только для личных, семейных, домашних и иных нужд, не связанных с осуществлением предпринимательской деятельности, а порядок и условия предоставления микрозаймов устанавливаются микрофинансовой организацией в правилах предоставления микрозаймов, утверждаемых органом управления микрофинансовой организации [4, п. 2 ст. 8].

Таким образом, микрофинансовая организация вправе заключать договоры займа, но Закон РФ «О защите прав потребителей» к данным отношениям не применяется. Это подтверждается и принимаемыми судебными решениями [5]. Для всестороннего анализа данных отношений следует ответить на вопрос, будут ли распространяться положения законопроекта «О потребительском кредите», закона РФ «О защите прав потребителей» на договоры займа, заключенные кредитной организаций, внесенной в реестр микрофинансовых организаций и учрежденной в виде хозяйственного общества? Учитывая положения ГК РФ, ФЗ «О микрофинансовой деятельности и микрофинансовых организациях», применимость законодательства о защите прав потребителей будет ставиться в зависимость от условий договора займа. При наличии в договоре условий о том, что он заключен на основании правил предоставления микрозаймов, положения Закона «О потребительском кредите» в случае его принятия и Закона РФ «О защите прав потребителей» применяться не будут. Учитывая низкую правовую грамотность российского населения, нарушения прав заемщиков неизбежны.

Вопросы, связанные с единством практики применения законодательства Российской Федерации возникают и при сравнительном анализе законопроекта «О потребительском кредите» и Обзора судебной практики по некоторым вопросам, связанным с применением к банкам административной ответственности за нарушение законодательства о защите прав потребителей при заключении кредитных договоров принятого Высшим Арбитражным судом РФ 13 октября 2011г. Согласно п. 6 Обзора, условия договора, включающие в договор с заёмщиком-гражданином положения о том, что заключённый сторонами кредитный договор не рассматривается ими в качестве договора присоединения и к отношениям, возникающим между сторонами, не подлежат применению правила статьи 428 ГК РФ, нарушают законодательство о защите прав потребителей и ущемляют установленные законом права потребителя [6].

Тем не менее, в законопроекте «О потребительском кредите» предлагается на законодательном уровне закрепить положение о том, что к условиям договора потребительского кредита не применяются нормы статьи 428 Гражданского кодекса Российской Федерации о договоре присоединения [2, п. 2 ст. 5].

К вопросам, требующим уточнения, для предотвращения возможного злоупотребления кредитором своими правами, следует отнести и п. 11 ст. 6 законопроекта «О потребительском кредите», который устанавливает право кредитора при заключении договора потребительского кредита потребовать от заемщика за свой счет застраховать от рисков утраты и повреждения заложенное имущество на сумму, не превышающую размера обеспеченного залогом требования, а также застраховать иной страховой интерес заемщика. Данная норма не содержит разъяснения, какие именно страховые интересы заемщика должны быть обеспечены договором страхования.

Следует также отметить, что ст. 11 законопроекта «О потребительском кредите» и ст. 810, 812 проекта федерального закона «О внесении изменений в части первую, вторую, третью и четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации, а также в отдельные законодательные акты Российской Федерации» требуют иного изложения в части касающейся прав заемщика на отказ от получения кредита и права на досрочный возврат потребительского кредита.

В соответствии со ст. 11 законопроекта «О потребительском кредите» заемщик вправе отказать-

ся от получения потребительского кредита полностью или частично, уведомив об этом кредитора до установленного договором срока его предоставления, если отсутствие необходимости таких уведомлений не установлено. Заемщик в течение десяти календарных дней с даты получения потребительского кредита имеет безусловное право досрочно вернуть всю сумму потребительского кредита без предварительного уведомления кредитора с уплатой процентов за фактический срок кредитования.

Пункт 3 ст. 821 Проекта Федерального закона «О внесении изменений в части первую, вторую, третью и четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации, а также в отдельные законодательные акты Российской Федерации» устанавливает право заемщика в течение четырнадцати дней со дня наступления предусмотренного договором срока предоставления кредита отказаться от договора потребительского кредита, возвратив полученную сумму кредита с процентами за время фактического пользования кредитом.

Таким образом, законопроект «О потребительском кредите» устанавливает право заемщика отказаться от заключения договора до его получения, а законопроект «О внесении изменений в части первую, вторую, третью и четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации, а также в отдельные законодательные акты Российской Федерации» наделяет заемщика правом отказаться от договора потребительского кредита в течение четырнадцати дней со дня наступления предусмотренного договором срока предоставления кредита. На наш взгляд, более целесообразным было бы включение положений об отказе заемщика от договора потребительского кредита в один нормативный правовой акт.

Несмотря на некоторые спорные положения, изложенные в законопроекте «О потребительском кредите», он предоставляет следующие гарантии защиты прав заемщика:

– законодательное закрепление безвозмездного осуществления операций по банковскому счету, связанных с открытием, выдачей и возвратом потребительского кредита;

– установление обязанности кредитора предоставить бесплатный способ исполнения денежных обязательств заемщика в пределах соответствующего субъекта Российской Федерации по месту заключения договора потребительского кредита;

– определение максимального размера неустойки (штрафов, пеней) по договору потребительского кредита, который не может превышать меньшую из двух величин: двойной размер средней ставки рефинансирования Центрального банка Российской Федерации в процентах годовых, действовавшей в период нарушения обязательства, либо двух третей средней ставки процентов годовых по договору потребительского кредита за период нарушения обязательства;

– установление иного, чем предусмотрено ст. 319 ГК РФ порядка погашения обязательств заемщика, а именно: сумма произведенного заемщиком платежа по договору потребительского кредита в случае ее недостаточности для полного исполнения обязательств заемщика погашает, прежде всего, просроченную задолженность по процентам и основному долгу, затем неустойку, затем сумму процентов и сумму основного долга, начисленного в текущем периоде платежей, а в оставшейся части – иные платежи [2, п. 15 ст. 5].

Однако в случае принятия данной нормы в представленной редакции будет целесообразным внести изменения в ст. 319 ГК РФ, которая предусматривает изменения порядка очередности погашения требований по денежному обязательству только по соглашению сторон денежного обязательства, а не по требованию специального закона;

– закрепление права кредитора требовать досрочного расторжения договора и возврата всей оставшейся суммы потребительского кредита с процентами только в случае нарушения заемщиком условий договора потребительского кредита по сроку возврата основного долга и (или) уплаты процентов общей продолжительностью свыше шестидесяти календарных дней в течение последних ста восьмидесяти календарных дней. В данном случае кредитор будет обязан письменно уведомить о расторжении договора заемщика, а также предоставить разумный срок возврата кредита, который не может быть менее тридцати календарных дней [2, ст. 15].

Учитывая широкую применимость договора потребительского кредита, специальный нормативный акт, регулирующий данные отношения необходим, и им должен стать закон «О потребительском кредите». Однако для защиты прав заемщиков, для предотвращения злоупотреблений со стороны кредиторов следует не только отразить в нем уже сложившуюся судебную и правоприменительную практику, но и предусмотреть возможные причины нарушений прав потребителей при дальнейшем развитии данных правоотношений гражданского оборота Российской Федерации.

Библиографический список

1. Проект Федерального закона «О внесении изменений в части первую, вторую, третью и четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации, а также в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Российская газета [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.rg.ru/2011/09/14/gk-izm-site-dok.html (дата обращения: 15.10.2012).

2. Проект закона «О потребительском кредите» // Министерство финансов [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www1.minfin.ru/common/img/uploaded/library/2012/03/P._Kredit.zip (дата обращения 12.10.2012).

3. Федеральный закон от 02.12.1990 N 395-1 (ред. от 29.06.2012) «О банках и банковской деятельности» // СЗ РФ. – 1996 – № 6. – Ст. 492.

4. Федеральный закон от 2 июля 2010 года N 151-ФЗ «О микрофинансовой деятельности и микрофинансовых организациях» // Российская газета [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.rg.ru/2010/07/07/mikrofinans-dok.html (дата обращения: 20.10.2012.)

5. Решение Нижегородского районного суда по делу № 2-3018/12 // Нижегородский районный суд [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://nizegorodsky.nnov.sudrf.ru (дата обращения: 06.06.2012).

6. Обзор судебной практики по некоторым вопросам, связанным с применением к банкам административной ответственности за нарушение законодательства о защите прав потребителей при заключении кредитных договоров от 13 октября 2011г. // Высший Арбитражный Суд РФ. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.arbitr.ru/as/pract/vas_info_letter/39104.html (дата обращения: 20.10.2012).

УДК 340

Рощин Борис Евгеньевич
Костромской государственный университет им. Н.А. Некрасова
pravoborise@mail.ru

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ БОРЬБЫ С РОССИЙСКОЙ КОРРУПЦИЕЙ В ПЕРИОД ПРОВЕДЕНИЯ НОВОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ: ИСТОРИКО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ

В статье рассмотрены основные нормативно-правовые источники, обеспечившие правовые способы решения коррупционных проблем в российском обществе в период практического осуществления советским государством системы, известной под названием «новая экономическая политика». Приведены соответствующие идеологические установки, характерные для рассматриваемого периода, послужившие императивной основой для принятия правовых нормативов.

Ключевые слова: *новая экономическая политика, социалистическая организация труда, идеологические установки, правовые нормативы, коррупционные явления, взяточничество, уголовно-правовые средства воздействия.*

У политически просвещённого народа взяток не будет.

В.И. Ленин

Как известно, современная российская коррупция – явление весьма устойчивое, сложное, многогранное, способное трансформироваться и приспосабливаться к разнообразным условиям соответствующей общественной системы. Коррупцию можно образно представить как хроническую болезнь этой системы и, следовательно, борьба с коррупцией (как с любой тяжелой болезнью) неизбежна и закономерна. Как показала мировая история, панацеи от этой болезни никогда не существовало и не существует в настоящее время. Тем не менее, государства разных общественно-экономических формаций (в конкретно-исторических условиях) были вынуждены осуществлять соответствующие функции по борьбе с данным явлением, признавая коррупцию как средство «отравления» и разрушения государственно-общественного организма, и предпринимали попытки отыскать эффективное «противоядие».

Несомненно, для правильного понимания и осмысления современных коррупционных явлений и проблем борьбы с ними, необходимо учитывать исторический опыт. Вполне очевидно, что нужно «…изучать прошлое, чтобы понять настоящее и получить более или менее надежные ориентиры на будущее. Прошлое, словно корневая система дерева, определяет всё то, что происходит теперь, предопределяя будущее» [1, с. 10].

Целью работы является краткий анализ основных правовых нормативов, обеспечивших борьбу советского государства с коррупционными явлениями в период проведения новой экономической политики (1921–1929 гг.). Современная российская коррупция возникла не на пустом месте, она уходит своими корнями в историческое (в том числе советское) прошлое, и рассмотрение основных направлений государственной политики соответствующего периода позволяет глубже понять суть нынешних проблем и более эффективно противодействовать данному явлению.

В 1921 году российское руководство вынуждено осуществило переход от политики «военного коммунизма» к «новой экономической политике» (НЭП). Данная политика содержала определенные реформы советской экономики и предполагала «…не ломать старого общественно-экономического уклада, торговли, мелкого хозяйства, мелкого предпринимательства, капитализма, а оживлять торговлю, мелкое предпринимательство, капитализм, осторожно и постепенно овладевая ими или получая возможность подвергать их государственному регулированию лишь в меру их оживле-

© Рощин Б.Е., 2012

ния» [3, с. 353]. Конечная цель данной политики – это высокий подъем производительных сил и максимальное улучшение положения рабочих и крестьян. Для достижения данной цели формулировался комплекс соответствующих задач: 1) укрепление союза рабочего класса и крестьянства на экономической основе; 2) развитие промышленности на базе электрификации; 3) кооперирование населения России; 4) использование товарно-денежных отношений, значительно ограниченных в период «военного коммунизма»; 5) внедрение хозрасчета; 6) личная заинтересованность работников в результатах труда; 7) временное допущение капиталистических элементов в экономику; 8) совершенствование государственного планирования и управления; 9) борьба с бюрократизмом; 10) повышение культуры во всех сферах жизнедеятельности [12, с. 217].

В.И. Ленин – один из решительных идеологов и инициаторов новой экономической политики – полагал, что «во-первых, нужна известная свобода оборота, свобода для частного мелкого хозяина, а, во-вторых, нужно достать товары и продукты. Что за свобода оборота, ежели нечего оборачивать, и свобода торговли, ежели нечем торговать!» [4, с. 274]. Таким образом, был дан «зеленый свет» свободе товарно-денежных отношений, осуществлявшихся под жестким контролем государства. Это не могло не привести к всплеску коррупционных явлений (даже по сравнению с периодом «военного коммунизма»), поскольку корень коррупции (по заверениям марксистско-большевистских теоретиков) следовало искать именно в товарно-денежных (рыночных) отношениях. В.И. Ленин убеждал: «…Раз господствует товарное производство… – подкуп… осуществим при любой форме правления…» [5, с. 98].

Многие представители новой власти, волею судеб оказавшиеся во властных структурах, стали активно использовать открывшиеся возможности и в своих корыстных целях. «Кто был ничем, тот станет всем!» – гласили известные слова. Многие восприняли данный призыв по-своему. Разрастанию коррупции также способствовало то, что на первоначальном этапе социалистической организации труда (1918–1920 гг.) стихийно возникло множество исторически новых, ранее неизвестных советских государственных органов и общественных организаций, призванных представлять интересы российских трудящихся. Кроме того, заметно активизировались соответствующие структуры, созданные ранее. Среди данных организаций наиболее ярко выделялись:

1) фабрично-заводские комитеты, которые возникли достаточно стихийно ещё в марте 1917 года, а в период новой экономической политики стали низовыми звеньями системы российских профсоюзов;

2) российские профсоюзы, которые были легализованы еще в 1906 г., а в рассматриваемый период подверглись тотальному «огосударствлению» и постепенно становились неким придатком государственного аппарата;

3) органы рабочего контроля, которые, согласно декрету «О рабочем контроле» (от 14.11.1917 г.) имели право осуществлять наблюдение над всеми сферами работы производства, «устанавливать минимум выработки предприятия и принимать меры к выяснению себестоимости производимых продуктов» и принимать соответствующие решения, обязательные для работодателей [2, с. 174];

4) товарищеские суды, которые были учреждены положением Совета Народных Комиссаров «О рабочих дисциплинарных товарищеских судах» (от 14.11.1919 г.) в целях «поднятия трудовой дисциплины и производительности труда до наивысших пределов и целесообразного использования всех производительных сил, имеющихся в стране…» [11, с. 537];

5) биржи труда, отделы по распределению рабочей силы, инспекции труда и другие организации.

Подобные структуры обладали соответствующими государственно-властными полномочиями и, следовательно, работу (службу) в большинстве данных органов можно отнести к коррупциогенной. В условиях тяжелейшего хозяйственного кризиса, переживаемого российским населением в рассматриваемый период, корыстные преступления на практике приобретали следующие формы: бесконтрольный отпуск топлива и продовольствия; необоснованное снижение плановых заданий; удостоверение «липовых» документов; сокрытие различных махинаций; назначение на «выгодные» должности и другие. Подобные преступления имели корыстный мотив (незаконное извлечение наживы) и корыстную цель в виде (как правило) получения взятки (в денежной или вещественной форме). Среди «коррупциогенных» (современное понятие) должностей госорганов и общественных организаций выделились следующие: а) должностные лица правительства; б) должностные лица бирж труда; в) инспектора трудинспекции; г) члены фабрично-заводских комитетов; д) председатели профкомов и другие.

В целом советская власть расценивала коррупцию как позорное, остаточное проявление обломков капитализма. В связи с этим достаточно суровые меры, применяемые ревтрибуналами в период «военного коммунизма», имели сугубо классовый характер и были направлены на уничтожение буржуазных элементов.

Первоначальный период НЭПа ознаменовался началом процесса систематизации (в форме кодификации) советского законодательства. Довольно оперативно были приняты качественно новые фундаментальные нормативно-правовые акты, среди

которых: 1) Декларация и Договор об образовании СССР (декабрь 1922 г.); 2) Конституция СССР 1924 г.; Гражданский кодекс (31 октября 1922 г.); Уголовный кодекс (26 мая 1922 г.); Кодекс законов о труде (9 ноября 1922 г.); Кодекс законов о браке и семье (19 ноября 1926 г.); Земельный кодекс (30 октября 1922 г.); Уголовно-процессуальный кодекс 1922 г. и 1923 г.; Исправительно-трудовой кодекс (16 ноября 1924 г.) и ряд других нормативов. «Быстроты законодательства, подобной нашей, другие державы, к сожалению, не знают», – констатировал В.И. Ленин в своём выступлении на IV сессии ВЦИК IX созыва 31 октября 1922 года [6, с. 451].

Реалии новой политики явно показали недостаточность и неэффективность регулирования общественной сферы при помощи революционного правосознания и других жестких внеправовых методов, имевших широкое применение в эпоху «военного коммунизма». Проведённая в короткие сроки кодификация советского законодательства заложила более стабильную и цивилизованную основу правового регулирования общественных отношений и охраны прав граждан и, в конечном итоге, закономерно легла в фундамент системы советского права.

Политика советского государства в период НЭПа, направленная на борьбу с коррупционными явлениями при помощи уголовно-правовых средств, нашла свое воплощение в соответствующих уголовно-правовых нормах Уголовного Кодекса 1922 г. (УК РСФСР). Так, гл. II УК РСФСР содержала перечень должностных (служебных) преступлений, среди которых: 1) злоупотребление властью (ст. 105); 2) превышение власти (ст. 106); 3) бездействие власти (ст. 107); 4) халатное отношение к службе (ст. 108); 5) дискредитирование власти (ст. 109); 6) постановление судьями неправосудного приговора (из корыстных и личных побуждений) и другие. Непосредственно взяточничеству посвящены ст. 114, 115 УК РСФСР. Ст. 114 предусматривала основной и квалифицированный составы данного преступления как основания для наступления уголовной ответственности. Анализ диспозиции уголовно-правовой нормы ст. 114 показывает, что объектом данного состава преступления являлись общественные отношения, обеспечивающие законную деятельность органов государственной, союзной или общественной службы. Предметом состава преступления являлась сама взятка («в каком бы то ни было виде»). Объективная сторона состава преступления состояла в общественно опасных действиях в виде получения взятки за действия, входящие в круг обязанностей субъекта. Субъективная сторона предполагала вину в форме прямого умысла (следовательно, субъект осознавал преступный характер своих действий и желал их совершить). Мотив и цель – корыстные (т.е. незаконное извлечение наживы). Субъект общего состава преступления специальный – служащие государственных, союзных, общественных органов (например, лидеры российских профсоюзов). Санкция статьи предусматривала уголовное наказание (по ч. 1 ст. 114) в виде лишения свободы на срок до 5 лет с конфискацией имущества (или без таковой). Кроме того, ч. 2 ст. 114 в качестве субъектов состава преступления предусматривала посредников и укрывателей взяточничества. При данных обстоятельствах санкция предусматривала лишение свободы на срок до 2 лет (в отношении указанных субъектов) с конфискацией имущества (или без таковой). Квалифицированный состав преступления предусматривал получение взятки при отягчающих обстоятельствах. Такими обстоятельствами могли быть: а) особые полномочия взяточника; б) нарушение субъектом служебных обязанностей; в) вымогательство взятки (либо шантаж). Санкция предусматривала «вплоть до высшей меры наказания». Взяткодатель, как правило, также подлежал уголовной ответственности. Исключение составляли случаи вымогательства взятки. При этом взяткодатель должен был своевременно заявить о вымогательстве и оказать содействие в раскрытии преступления. В противном случае санкция предусматривала наказание в виде лишения свободы на срок до 3 лет. Интересно отметить, что провокация взятки каралась вплоть до высшей меры наказания (ст. 115 УК РСФСР 1922 г.).

Следует также отметить, что положения ст. 114 УК РСФСР во многом совпадают с положениями декрета «О взяточничестве» (от 8 мая 1918 года), но оба нормативно-правовых акта не конструировали четкого и однозначного определения взятки, что способствовало широкой трактовке данного понятия. Таким образом, в период проведения политики «военного коммунизма» были определены, а в период НЭПа получили свое дальнейшее развитие уголовно-правовые способы воздействия на данное социальное явление.

24 октября 1922 года Совет труда и обороны (СТО) принял подзаконный нормативно-правовой акт – инструкцию «О порядке проверки личного состава в государственных учреждениях». Согласно данной инструкции проверке подлежали лица, которые по характеру и условиям своей работы наиболее подвергались влиянию взяточничества. Кроме того, документ предписывал незамедлительно удалить из государственных учреждений лиц, опороченных своим поведением. Следует также заметить, что и второй в нашей истории КЗоТ РСФСР, принятый 30 октября 1922 года, предусматривал в качестве основания для прекращения трудовых отношений «преступное» поведение работника. Так, п.д.ст. 47 КЗоТ 1922 г. гласил, что трудовой договор (как бессрочный, так и срочный) может быть расторгнут до истечения срока по требованию нанимателя, вследствие совершения на-

нявшимся уголовно-наказуемого деяния, непосредственно связанного с его работой и установленного вступившим в силу приговором суда, а также в случае пребывания (более 2 месяцев) нанявшегося под стражей [10, ст. 903].

В рассматриваемый период стало окончательно понятно, что коррупция – это не пережиток капитализма, а сложное и устойчивое явление любого государства, которое не может быть уничтожено лишь сменой общественно-исторической формации. Очевидно, если коррупция процветает в недрах власти, то не приходится ожидать решительной и бескомпромиссной борьбы с ней на всех уровнях власти.

Частичное решение столь глобальной проблемы виделось в создании системы всеобщего пролетарского контроля за всеми сферами жизнедеятельности российского общества. В.И. Ленин в своей известной работе «Удержат ли большевики государственную власть» провозгласил основные принципы такого контроля: «…Рабочий контроль может стать всенародным, всеобъемлющим, вездесущим, точнейшим и добросовестнейшим…» [7, с. 180]. Однако в реальной действительности рабочий контроль не стал панацеей от всех проблем (в том числе, от коррупционных явлений), так как органы рабочего контроля имели классовую сущность и сами, обладая властными полномочиями, были способны стать одним из источников российской коррупции.

Правительство понимало, что взяточничество и другие коррупционные формы не искоренить только исключительными мерами. Очевидно, что суровые меры наказания не всегда способны эффективно снизить уровень преступности, особенно когда «материя определяет сознание». Стало ясно, что коррупция коренится не только в товарно-денежных отношениях, но и в сознании людей (по причине отсутствия у основной массы населения правовой культуры). В связи с этим на практике совершенствовались не только карательные санкции, но и повсеместно провозглашались нормы социалистической нравственности (или коммунистической морали).

В рассматриваемый период наблюдается крайне негативное отношение к бюрократизму, поскольку бюрократизм – почва для коррупции. Так, «накануне» провозглашения новой экономической политики на смену Государственному контролю (как в центре, так и на местах), пришел единый орган социалистического контроля под названием «Рабоче-крестьянская инспекция». ВЦИК, согласно декрету «О рабоче- крестьянской Инспекции» (от 08.02.1920 г.), в частности, определял основные задачи данной инспекции, среди которых: «борьба с бюрократизмом и волокитой в советских учреждениях, усиление фактического контроля путем летучих ревизий и обследования всех органов Советской власти как в области административного управления, так и в области хозяйственной, а также общественных организаций, наблюдение за проведением в жизнь всех декретов и постановлений Советской власти… и за целесообразным их применением в условиях переживаемого времени…» [13, ст. 94].

Выступая на IV сессии ВЦИК IX созыва (31 октября 1922 года) В.И. Ленин резюмировал: «В 1918 г. …мы произвели перепись нашего аппарата в Москве. Мы получили число 231000 государственных служащих в Москве…, в октябре 1922 г. мы произвели эту перепись еще раз, уверенные, что мы сократили наш раздутый аппарат… он оказался равным 243000 человек…, наш аппарат,… который раздут гораздо больше, чем вдвое, который очень часто работает не для нас, а против нас, – …будет улучшен… годы должны пройти, чтобы мы добились улучшения нашего государственного аппарата, подъема его – не в смысле отдельных лиц, а в полном объеме – на высшие ступени культуры» [8, с. 453].

Как отмечалось выше, в период проведения новой экономической политики стало вполне очевидно, что коррупция – это социальное явление, которое с успехом способно пережить смену любой общественно-экономической формации, приспособиться и эволюционировать в новых условиях политической системы государства. Вероятно, будучи абсолютным прагматиком, признав объективность и неизбежность существования данного явления в обществе, В.И. Ленин констатировал, что советская демократия «не устраняет коррупцию, а делает борьбу с ней чище, шире, открытее, резче» [9, с. 126].

Следует особенно подчеркнуть, что в рассматриваемый период понятие «коррупция» почти не употреблялось. Согласно идеологическим установкам такое явление (при активном построении основ социализма) не могло существовать по определению. При отсутствии четко сформулированного понятия данного явления не могла практически функционировать система, нацеленная на эффективное разрешение коррупционной проблемы.

В заключение следует отметить, что любые социальные явления, как известно, существуют и развиваются в рамках объективных исторических условий. Безусловно, борьба советской власти с коррупцией потерпела крах не только в рассматриваемый исторический период, но и в более поздний советский период она явно не увенчалась успехом. Более того, история наглядно показала, что советский фундамент стал благоприятной почвой для процветания данного явления. В результате идеализации социализма в стране сложилась обстановка, при которой реально существующие социальные явления, чуждые советским идеалам (среди которых коррупция занимала не последнее место), оставались в стороне от официальной власти. На практике реакция советского государства на коррупционные явления (особенно в так называемый

период «развитого социализма») была достаточно избирательна. Так, высшие партийные чиновники были практически неприкосновенны для советского правосудия, хотя иногда имели место почти единичные показательные процессы над советскими коррупционерами (например, процесс над Соколовым – директором «Елисеевского гастронома» в Москве), а советский суд, в свою очередь, нередко выступал своего рода «приводным ремнем» партийно-коррупционной системы.

Очевидно, любые исторические параллели лишь отчасти (своими отголосками и прообразами) имеют отношение к современной реальности. Разумеется, исторический опыт не дает готовых рецептов, но способен указать на определенные тенденции; «озарить» соответствующими идеями; предоставить отдельные эффективные способы, средства и приемы воздействия (в том числе и в борьбе с коррупцией); вдохновить на дальнейшие позитивные действия.

Библиографический список

1. *Баландин Р.К.* Тайны завещания Ленина. – М.: «Алгоритм», 2007.
2. Вестник Народного Комиссариата труда. – 1918. – № 1.
3. *Ленин В.И.* Избранные произведения в 4 томах. Т. 4. – М.: Политиздат, 1988.– 586 с.
4. Там же.
5. *Ленин В.И.* Полн. собр. соч., изд. 4. – Т. 30.
6. *Ленин В.И.* О трудовом законодательстве. – М.: Госполитиздат, 1959. – 519 с.
7. Там же.
8. Там же.
9. *Ленин В.И.* Полн. собр. соч., изд. 4. – Т. 30.
10. Собрание Узаконений № 70. – 1922.
11. Собрание Узаконений № 50. – 1919.
12. Страницы истории КПСС: факты, проблемы, уроки / Под ред. В.И. Купцова. – М.: «Высшая школа», 1988.
13. Собрание Узаконений № 16. – 1920.

УДК 339.1

Туленев Анатолий Иванович
Российская таможенная академия
tylenev64@mail.ru

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ТЕРМИНОЛОГИИ И ПОНЯТИЯ ТАМОЖЕННЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Статья посвящена комплексному исследованию наименования и понятия группы общественно опасных деяний, совершаемых в таможенном деле «таможенные преступления» в условиях динамично меняющейся правовой системы, работы Таможенного союза и ЕврАзЭС в рамках единого экономического пространства.

Ключевые слова: *таможенные преступления, таможенная сфера, внешнеэкономическая деятельность, сфера деятельности, преступления в сфере ВЭД, признаки таможенных преступлений, единая таможенная территория Таможенного союза в рамках ЕврАзЭС.*

Борьба с таможенными преступлениями в соответствии с п. 3 ч. 2 ст. 157 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации является неотъемлемым элементом компетенции таможенных органов в сфере правоохранительной деятельности.

Понятие преступления содержится в ст. 14 Уголовного кодекса Российской Федерации, согласно которой преступлением признается виновно совершенное общественно опасное деяние, запрещенное Уголовным кодексом РФ под угрозой наказания. Все правонарушения общественно вредны, но только часть из них общественно опасна. Вред, причиненный конкретным противоправным деянием, его степень и характер являются одним из основных критериев разграничения преступлений и административных правонарушений [26].

На таможенные преступления в юридической литературе обратили внимание с введением в действие Уголовного кодекса Российской Федерации 1996 года, который предусматривал ответственность по статьям 188, 189, 190, 193, 194.

К вопросам о понятии и перечне преступлений в таможенной сфере обращались многие ученые. Среди них Б.В. Волженкин, Л.Д. Гаухман, Ю.П. Гармаев, Т.А. Диканова, В.А. Жбанков, С.Ю. Иванова, Л.Д. Ларичев, А.И. Сучков, П.С. Яни и др. При этом полемику вызывали вопросы определения наименования и понятия таможенных преступлений.

Так, группу общественно опасных деяний, совершаемых в таможенном деле, называют таможенными преступлениями [3; 9; 14; 31], преступлениями в таможенной сфере [7, с. 4], преступлениями в сфере таможенной деятельности [17, с. 55], преступлениями в сфере внешнеэкономической деятельности [30, с. 95–96].

Однако термин «внешнеэкономическая деятельность» (далее ВЭД), несмотря на частое применение как в разноотраслевом законодательстве, так и в литературе, до настоящего времени не имеет ни универсального законодательного определения, ни устоявшегося доктринального [3]. Проблему не следует воспринимать как исключительно терминологическую, потому как она тесно связана с определением видового объекта преступлений.

Так, Ю.И. Сучков определяет видовой объект преступлений в сфере ВЭД как внешнеэкономическую

© Туленев А.И., 2012

деятельность хозяйствующих субъектов всех форм собственности [28, с. 104]. Кроме того, Л.Ю. Родина к данному видовому объекту относит и экономическую безопасность государства [27, с. 11].

Внешнеэкономическая деятельность определяется как совокупность направлений, форм, методов и средств торгового, производственного, научно-технического, валютно-финансового и кредитного сотрудничества государства с зарубежными странами, а также одну из сфер хозяйственной деятельности юридических и физических лиц, связанных с международной научно-технической кооперацией и выходом на внешний рынок [18, с. 34–37].

В криминалистическом значении «сфера деятельности» относится к элементам обстановки совершения преступления. Сфера деятельности – это «кусок», «участок» социальной действительности, к которому прикладывается деятельность того или иного индивида [23, с. 56; 102–103].

А сфера внешнеэкономической деятельности, прежде всего, содержит: внешнеторговые, финансовые, производственные и инвестиционные отношения. Причем каждая из перечисленных сфер внешнеэкономической деятельности имеет собственную структуру.

В российском законодательстве внешнеторговая деятельность определяется как предпринимательская деятельность в области международного обмена товарами, работами, услугами, информацией к результатам интеллектуальной деятельности [24].

То есть ВЭД значительно более широкая сфера, имеющая различные, разноотраслевые источники правового регулирования и иные криминалистически значимые признаки. Преступная деятельность в сфере ВЭД нарушает нормы не только и не столько таможенного законодательства [3].

Л.Д. Гаухман, С.В. Максимов и другие ученые формируют понятие «преступления в сфере ВЭД» через определение более широкого видового объекта преступного посягательства – общественные отношения, обеспечивающие интересы внешнеэкономической деятельности [5, с. 19]. Кроме того, преступления в сфере ВЭД нельзя ограничивать только рамками тех нарушений, которые посягают на деятельность таможенных органов и по которым они проводят неотложные следственные действия.

Такой подход, по мнению Ю.П. Гармаева, связан, прежде всего, с разграничением, «преступлений в сфере ВЭД» в его методико-криминалистическом значении на таможенные преступления; сопутствующие преступления в сфере экономики; сопутствующие служебные преступления; иные сопутствующие [3].

Изложенное еще раз подчеркивает, что понятием «преступления в сфере ВЭД» охватывается более широкий круг преступлений, предусмотренных Уголовным кодексом Российской Федерации.

Однако следует отметить, что и эта позиция не является бесспорной. Так Б.В. Волженкин понятие «преступления в сфере ВЭД» уравнивает с понятием «таможенные преступления» [2, с. 58]. В целом данную позицию разделяет и О.А. Берзинь, по мнению которой внешнеэкономическими преступлениями в чистом виде являются только таможенные преступления [1, с. 207]. При этом учитывается, что совершение данных преступлений, их подготовка и сокрытие могут быть связаны с другими видами преступных деяний. Но в таких случаях преступления, совершаемые в сфере ВЭД, будут являться одной из составляющих преступной деятельности, связанной с мошенничеством, легализацией преступных доходов, коррупцией и т. п. [1, с. 207].

Все приведенные выше аргументы показывают, что сфера ВЭД – это не таможенная сфера, а таможенные преступления, это преступления в сфере таможенного дела.

Таким образом, краткий анализ позволяет с высокой долей релятивности утверждать, что в настоящее время наиболее устоявшимся является термин «таможенные преступления».

Между тем, нет единства среди ученых и в определении понятия «таможенные преступления». Исследование их работ показывает, что к данному понятию они подходят по-разному.

Так С.Ю. Иванова под таможенными преступлениями понимает общественно опасные виновные посягательства, существенно нарушающие деятельность таможенных органов по реализации ими целей и задач, установленных законодательством [11, с. 21]. А также указывает, что: «таможенные правонарушения вообще и таможенные преступления, в частности, характеризуются специфической особенностью: они представляют собой сложный поведенческий акт, выражающийся в невыполнении или ненадлежащем выполнении нормативного предписания» [13, с. 63].

Таможенные преступления ряд ученых понимает как перемещение товаров, ценностей и других объектов через таможенную границу в результате внешнеэкономической деятельности. Так Б.В. Волженкин определяет таможенные преступления как преступления против внешнеэкономической деятельности [2, с. 179], а Ю.И. Сучков – как преступные деяния в сфере внешней экономической деятельности, которые в теории уголовного права нередко именуются «таможенными преступлениями» [29, с. 8].

С точки зрения В.М. Малиновской, таможенное преступление – запрещенное уголовным законом виновное общественно опасное деяние, посягающее на экономическую безопасность государства, его финансовые интересы и выраженное в нарушении правил, установленных законодательством о таможенном деле [21, с. 371–487].

С позиции В.И. Картавцева и А.В. Нестерова таможенные преступления – это общественно опасные, виновные, наказуемые деяния, посягающие на сферу экономической деятельности, связанную с порядком вывоза и возврата на территорию России товаров и ценностей через таможенную границу вопреки правовому запрету [15].

В свою очередь Л.Д. Ларичев подчеркивает, что это преступления, «...которые в ряде работ получили наименование “таможенных преступлений” очевидно в связи с тем, что их совершение связано с пересечением таможенной границы» [20, с. 95].

Таможенная преступность, по определению А.И. Долговой, – это совокупность экономических преступлений, связанных с нарушением порядка вывоза и ввоза, возврата на территорию РФ через таможенную границу товаров и ценностей [19, с. 761].

В.И. Михайлов и А.В. Федоров делают акцент на уголовно процессуальной деятельности таможенных органов. Они полагают, что указанные преступления являются таможенными в соответствии с Федеральным законом Российской Федерации №160 ФЗ от 21 декабря 1996 г. «О внесении изменений и дополнений в уголовно процессуальный кодекс РСФСР и Исправительно-трудовой кодекс РСФСР в связи с принятием Уголовного кодекса Российской Федерации». Законом внесены изменения в статью 117 УПК РСФСР, согласно этим изменениям таможенные органы определены как органы дознания по перечисленной категории преступлений [22, с. 5]. Данную позицию разделяет Ю.П. Гармаев [4, с. 237].

Ю.Г. Гончан указывает, что все преступления, относящиеся к компетенции таможенных органов, «можно безболезненно объединить понятием “таможенные преступления”» [6, с. 83]. Объединяющим критерием в данном случае он предлагает считать «необычный признак – охраняемую сферу деятельности» [6, с. 84] таможенных органов [10, с. 9].

А.И. Чучаев и С.Ю. Иванова отмечают, что таможенные преступления – это общественно опасные, виновные, наказуемые деяния, посягающие на сферу экономической деятельности, связанную с порядком перемещения и возврата на территорию России товаров и ценностей через таможенную границу вопреки правовому запрету [12, с. 40–46].

Д.А. Постнова под таможенными преступлениями понимает противоправные, виновные, наказуемые деяния, совершая которые, лицо, достигшее возраста уголовной ответственности, посягает на установленный национальными и международными правовыми актами о таможенном деле порядок перемещения через таможенную границу товаров, их таможенного оформления, уплаты таможенных платежей, предоставления различных льгот или пользования ими, а также соблюдения государственных мер регулирования внешнеэкономической деятельности, при проведении предварительного расследования уголовных дел, о которых, в соответствии с УПК РФ, таможенные органы Российской Федерации наделены правом осуществления дознания и производства неотложных следственных действий (ст. 188, 189, 190, 193, 194 УК РФ) [26, с. 14].

Указанное определение, на наш взгляд, во-первых, излишне перегружено таможенными терминами. Во-вторых, громоздко. В-третьих, подведомственность не является признаком преступлений.

Все вышеизложенное дает основания утверждать, что нарушение порядка и условий перемещения товаров, ценностей и транспортных средств через таможенную границу является криминалистически значимым признаком таможенных преступлений. Для криминалистической характеристики механизм совершения, связанный с перемещением через таможенную границу, имеет главное значение.

Анализ рассмотренных работ позволил выделить следующие признаки таможенных преступлений: повышенная общественная опасность; совершение преступлений в результате внешнеэкономической деятельности; пересечения товаров, ценностей и транспортных средств через таможенную границу при их ввозе, вывозе и возврате; нарушения установленных норм таможенного и уголовного законодательства; подведомственность таможенным органам.

Кроме того, следует учитывать современную реальность, участие нашей страны в Евразийском экономическом сообществе [8].

С 1 июля 2011 г. на внутренних границах Российской Федерации, Республики Беларусь, Республики Казахстан снят контроль за перемещением товаров. Одновременно прекратил свое действие Таможенный кодекс Российской Федерации, не стало таможенной территории Российской Федерации (она вошла в состав единой таможенной территории Таможенного союза в рамках ЕврАзЭС) и, соответственно, таможенной границы Российской Федерации. При этом пределы таможенной территории Таможенного союза являются таможенной границей Таможенного союза в рамках ЕврАзЭС.

То, что Уголовный кодекс РФ позволяет привлекать к ответственности лиц, не соблюдающих нормы запрета таможенного законодательства, совершивших контрабандное перемещение через таможенную границу Таможенного союза в рамках ЕврАзЭС на любом участке этой границы, подтверждает и ратифицированный Российской Федерацией Договор об особенностях уголовной и административной ответственности за нарушения таможенного законодательства Таможенного союза и государств, являющихся членами Таможенного союза (Астана, 5 июля 2010 г.) [32].

Все вышесказанное дает основание сформулировать понятие «таможенного преступления».

Таможенное преступление – это запрещенное уголовным законом под угрозой наказания общественно опасное виновное деяние (действие или бездействие), совершаемое лицами, достигшими возраста уголовной ответственности, посягающими на установленный порядок перемещения товаров, транспортных средств и иных ценностей через таможенную границу Российской Федерации, Таможенного союза государств – членов ЕврАзЭС в рамках единого экономического пространства (ЕЭП), на порядок их таможенного оформления и таможенного контроля, а также на порядок взимания и уплаты таможенных платежей.

Таможенные преступления наносят серьезный урон экономической безопасности Российской Федерации. В этой связи одним из важных средств положительного влияния на ситуацию может служить криминалистическое обеспечение деятельности таможенных органов по выявлению, предупреждению и пресечению таможенных преступлений [16].

Библиографический список

1. *Берзинь О.А.* Понятие и криминалистическая классификация внешнеэкономических преступлений, совершаемых в организованных формах // Экономическая безопасность России: политические ориентиры, законодательные приоритеты, практика обеспечения // Вестник Нижегородской Академии МВД России. – 2006. – №6. – С. 207.

2. *Волженкин Б.В.* Экономические преступления. – СПб.: Изд-во «Юридический центр Пресс», 1999. – 312 с.

3. *Гармаев Ю.П.* Преступления в сфере внешнеэкономической деятельности и криминалистическая методика расследования [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.lawmix.ru/comm/5182/ (дата обращения 05.11.2012).

4. *Гармаев Ю.П.* Теоретические основы формирования криминалистических методик расследования преступлений. – Иркутск: Изд-во ИЮИ ГП РФ, 2003. – С. 237.

5. *Гаухман Л.Д., Максимов С.В.* Преступления в сфере экономической деятельности. – М.: Учебно-консультационный центр «ЮрИнфоР», 1998. – С. 19.

6. *Гончан Ю.Г.* Таможня как орган дознания: Дис. ... канд. юрид. наук. – Н. Новгород, 2000. – 275 с.

7. *Диканова Т.А., Осипов В.Е.* Борьба с таможенными преступлениями и отмыванием «грязных» денег / под ред. В.А. Морозова. – М.: Закон и право, ЮНИТИ-ДАНА, 2000. – С. 4.

8. Договор об учреждении Евразийского экономического сообщества (Астана, 10 октября 2000 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2002. – № 7. – Ст. 632 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=123807 (дата обращения 18.11.2012).

9. *Жбанков В.А.* Таможенные преступления: Сущность и проблемы выявления // Сибирский Юридический Вестник. – 2004. – № 4 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.lawinstitut.ru/ru/science/vestnik/20044/gbankov.html (дата обращения 05.11.2012).

10. *Жданов С.П.* Использование специальных познаний при расследовании преступлений, совершаемых в сфере внешнеэкономической деятельности (ВЭД): монография / под ред. С.В. Бажанова. – Владимир: Транзит-Икс, 2009. – С. 9.

11. *Иванова С.Ю.* Уголовно-правовое обеспечение деятельности таможенных органов России: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Ульяновск, 1999. – С. 21.

12. *Иванова С.Ю., Чучаев А.И.* Таможенные преступления в новом УК РФ // Государство и право. – 1998. – № 11. – С. 40–46 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.portalus.ru/modules/russianlaw/special/tamojennoe_pravo/9_1.htm (дата обращения 10.11.2012).

13. *Иванова С.Ю.* Уголовно-правовая охрана деятельности таможенных органов России / отв. ред. А.И. Чучаев. – Ульяновск: УлГУ, 2000. – С. 63.

14. *Кравцов Р.В.* Контрабанда и иные таможенные преступления: проблемы разграничения // Сибирский Юридический Вестник. – 2002. – № 4 [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://www.lawinstitut.ru/ru/science/vestnik/20024/kravcov.html (дата обращения 05.11.2012).

15. *Картавцев В.И., Нестеров А.В.* Использование специальных знаний в раскрытии и расследовании таможенных преступлений // Электронный каталог библиотеки юридического факультета СПбГУ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.law.edu.ru/doc/document.asp?docID=1308682 (дата обращения 09.11.2012).

16. *Колесникова М.М.* Криминалистическое обеспечение деятельности таможенных органов по выявлению, предупреждению и пресечению таможенных преступлений: Автореф. дис. … канд. юрид. наук. – Иркутск, 2008 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.dissercat.com/content/kriminalisticheskoe-obespechenie-deyatelnosti-tamozhennykh-organov-po-vyyavleniyu-preduprezh (дата обращения 18.11.2012).

17. *Кочубей М.А.* Безопасность в сфере таможенной деятельности (уголовно правовой и криминологический аспект) // Приложение к журналу «Вестник Московского университета МВД России» – М.: ЮНИТИ: Закон и право, 2005. – С. 55.

18. Краткий внешнеэкономический словарь-справочник. – М.: Международные отношения, 1988. – С. 34–37.

19. Криминология: учебник для вузов / под ред. А.И. Долговой. – 4-е изд. – М.: НОРМА, 2010. – С. 761.

20. *Ларечев В.Д.* Преступность в сфере внешнеэкономической деятельности / В.Д. Ларечев, Е.В. Милякина, Е.А. Орлова, В.Ф. Щербаков, О.Г. Шикунова. – М.: Экзамен, 2002. – С. 95.

21. *Малиновская В.М.* Таможенное право России: Учебник по публичному и частному праву в 2-х томах. Т. 1: Публичное право. – М.: Статут, 2008. – С. 371–487 [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://www.mgimo.ru/files/33516/33516.pdf (дата обращения 08.11.2012).

22. *Михайлов В.И.* Таможенные преступления / В.И. Михайлов, А.В. Федоров. – СПб.: Изд-во «Юридический центр Пресс»., 1995. – С. 5.

23. *Образцов В.А.* Криминалистическая классификация преступлений. – Красноярск: Изд-во Краснояр. ун-та, 1988. – С. 56, 102–103.

24. Понятие ВЭД [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://studentu-vuza.ru/grazhdanskoe-pravo/mezhdunarodnoe-chastnoe-pravo/ponyatie-ved.html (дата обращения 14.11.2012).

25. Понятие и виды преступлений в сфере таможенного дела [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.transportall.org/customs/index.php?SECTION_ID=327&ELEMENT_ID=2308 (дата обращения 05.11.2012).

26. *Постнова Д.А.* Развитие теоретико-правовых и организационных основ международного сотрудничества таможенных органов Российской Федерации при выявлении и расследовании таможенных преступлений: Автореф. дис. … канд. юрид. наук. – М., 2006. – 29 с.

27. *Родина Л.Ю.* Ответственность за контрабанду: социально-экономические, криминологические и уголовно-правовые аспекты: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 1998. – С. 11.

28. *Сучков Ю.И.* Защита внешнеэкономической деятельности РФ по уголовному и таможенному законодательству (проблемные аспекты теории и законодательства): Дис. ... д-ра юрид. наук. – Калининград, 1997. – 467с.

29. *Сучков Ю.И.* Таможенные преступления: Учеб. пособие. – Калининград, 2000. – 82 с. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://window.edu.ru/resource/723/22723/files/suchkov.pdf (дата обращения 09.11.2012).

30. *Сучков Ю.И.* Преступления в сфере внешнеэкономической деятельности. – М.: Экономика, 2007. – С. 95–96.

31. *Фесенко Н.П.* Таможенные преступления и возможности их предотвращения // Законодательство и экономика. – 2006. – № 12. – С. 56–60.

32. Федеральный закон от 05.04.2011 № 59-ФЗ «О ратификации Договора об особенностях уголовной и административной ответственности за нарушения таможенного законодательства Таможенного союза и государств – членов Таможенного союза» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2011. – № 15. – Ст. 2032 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.szrf.ru/doc.phtml?nb=00_00&issid=2011015000&docid=16 (дата обращения 18.11.2012).

ЭКОНОМИКА

УДК 336.025

Айтхожина Гульнар Сейтахметовна
кандидат экономических наук
Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского
ags8@mail.ru

ФОРМИРОВАНИЕ ИНСТРУМЕНТОВ ПАРТНЕРСТВА В НАЛОГОВОЙ СФЕРЕ

В статье обосновывается актуальность проблематики формирования партнерских отношений в сфере налогообложения и налогового контроля в современных условиях. Раскрываются объективные предпосылки трансформации налоговых отношений, определены основные принципы партнерства и меры по внедрению инструментов партнерства для эффективного управления налоговыми рисками государства.

Ключевые слова: *налоговые отношения, налоговый контроль, партнерство.*

Необходимость трансформации отношений с налогоплательщиками и ФНС России осознана и обществом, и правительством. Пришло понимание того, что налоги не могут собираться лишь путем принуждения и наказания. В современной ситуации условием успешно функционирующей налоговой системы является сотрудничество налоговых органов с налогоплательщиками [1]. На Международной налоговой конференции, проведенной ФНС России в ноябре 2011 года, отмечалось, что принуждение к соблюдению законодательства уже сформировано, а в отношении мер по поддержке добровольного соблюдения требований закона только осознана необходимость их формирования и развития. Но это осознание есть на всех уровнях [4].

Глобализация экономики, усложнение хозяйственных связей и характера операций экономических субъектов, бизнес-процессов и бизнес-структур, активизация перемещения капиталов, использование передовых информационных технологий осложняют налогообложение и налоговый контроль.

Как отмечает профессор МГУ им. М.В. Ломоносова И.В. Цветков, сопоставляя известные в мировой практике подходы к построению системы взаимоотношений в налоговой сфере (с позиции силы, с позиции права, с позиции интересов), в России в настоящее время действует некий переходный вариант между подходом на основе силы и подходом на основе права [7, с. 25–26]. Основываясь на опыте зарубежных стран, он подчеркивает, что система партнерских взаимоотношений проявляет себя самой эффективной в сфере налогообложения, предоставляя каждой из сторон налоговых отношений те выгоды, которые лучшим образом (без угроз и репрессий) заставляют их действовать в желаемом для общества и экономики направлении [7, с. 23]

Налоговые отношения содержат в себе объективное противоречие, имеют высокий конфликтный потенциал. В целях предупреждения налоговых правонарушений важнейшей задачей является формирование стратегически приоритетного типа взаимоотношений между сторонами налоговых отношений на основе сочетания принципов партнерства и взаимной ответственности. Это обеспечит интересы каждой из сторон: и государства, и субъектов налогообложения. Инструменты партнерства создают мотивацию к надлежащему исполнению налоговых обязательств и ведут к укреплению устойчивости в обществе.

Указывая на необходимость развития инструментов партнерства в налоговой сфере, под партнерством понимается не законодательное определение социального партнерства в Трудовом кодексе России (статья 23) как система взаимоотношений между работниками, работодателями, органами государственной власти, органами местного самоуправления, направленная на обеспечение согласования интересов работников и работодателей по вопросам регулирования трудовых отношений и иных непосредственно связанных с ними отношений [6], а как «система взаимодействия между различными социальными субъектами, обеспечивающая согласование и реализацию интересов этих субъектов» [2, с. 84], как сотрудничество.

Реальные, на поверхности – разнонаправленные, интересы государства и налогоплательщиков, в конечном счете, в современных условиях направляют каждую из сторон к выстраиванию партнерских отношений в налоговой сфере.

Изучая социальное партнерство как феномен цивилизации, С.А. Иванов подчеркивает, что активизация влияния феномена социального партнерства на различные сферы общественной жизни отмечается всеми исследователями. При этом акцентируется значимость при реализации практических задач управления социально-экономическим развитием использования потенциала данного феномена [2, с. 84] Одновременно им подчеркивается двойственная природа социального партнерства. Социальное партнерство является продуктом культуры сторон отношений, выступает как средство формирования, поддержания и развития культуры.

И если в трудовых отношениях нормы социального партнерства в определенной степени выработаны и внедрены, то в налоговых отношениях это

© Айтхожина Г.С., 2012

только начало перехода на качественно новый уровень взаимоотношений, которые должны строиться на принципах:

– уважения и учета интересов сторон,

– добровольности принятия сторонами на себя обязательств,

– реальности принимаемых на себя сторонами обязательств,

– обязательности выполнения соглашений,

– контроля за выполнением принятых соглашений,

– ответственности сторон за невыполнение по их вине соглашений (взаимной ответственности).

Соответственно, для обеспечения системы налоговых отношений наиболее оптимальными инструментами превентивного воздействия при управлении рисками налоговых правонарушений необходимо формирование системы планирования налогового контроля как открытой (публичной), одновременно обеспечивающей интересы и государства, и субъектов налогообложения, ориентированной на партнерство, на взаимодействие с субъектами налогообложения и иными заинтересованными лицами, на создание их мотивации к надлежащему исполнению налоговых обязательств.

Учитывая тот факт, что налоговое законодательство Российской Федерации практически не предусматривает мер превентивного характера, а в качестве основной меры по предупреждению налоговых правонарушений определена только разъяснительная работа налоговых органов, целесообразно включить в правовое оформление налоговых отношений комплекс положений, ориентированных на внедрение и развитие отношений партнерства.

Во-первых, для стабилизации условий функционирования хозяйствующих субъектов, возможностей прогнозирования и планирования перспектив развития на длительный горизонт, условия налогообложения должны быть достаточно заблаговременно известны налогоплательщику. Еще основоположник теории налогообложения А. Смит, в числе выдвинутых основных условий налогообложения, определенность по значимости приравнивал к справедливости. Конечно, в процессе реформирования налоговой системы в России, ее совершенствования, сформировались нормы, обеспечивающие заблаговременное принятие законодательных актов, вносящих изменения в условия налогообложения (статья 5 Налогового кодекса РФ). Вместе с тем, критический срок – 1 календарный месяц – наглядно свидетельствует о формальном решении вопроса предсказуемости налогообложения. Для реализации приоритетного принципа партнерства – уважения и учета интересов сторон, необходимо установление реальных сроков (как минимум, год) заблаговременного извещения налогоплательщиков об изменении условий налогообложения.

Во-вторых, в целях реализации принципа добровольности и реальности принимаемых на себя сторонами обязательств, целесообразно внедрение согласительных процедур в виде:

– предварительных соглашений о налогообложении между налоговыми органами и налогоплательщиками, не ограничиваясь законодательными новациями в Налоговом кодексе РФ в сфере трансфертного ценообразования, а устанавливая принципы конструктивного диалога сторон;

– соглашений о реструктуризации налоговой задолженности, особенно в части образовавшейся по результатам налоговых проверок.

Логическим завершением введения института соглашений является урегулирование ответственности сторон за невыполнение согласованных обязательств. Это создаст основу для реализации принципа обязательности выполнения соглашений.

В-третьих, важнейшим инструментом партнерских отношений, обуславливающим предупреждение налоговых правонарушений, выступает налоговое консультирование. Развитие его необходимо одновременно в двух направлениях:

– повышение качества и широты охвата консультированием со стороны государственных налоговых органов, в первую очередь, за счет наиболее прогрессивных и востребованных способов консультирования (видеоконференций, вэбинаров, инфографики и т.п.);

– развитие рынка профессиональных налоговых консультантов на основе правового оформления основ их деятельности, в том числе партнерства с налоговыми органами и налогоплательщиками (придание профессиональным налоговым консультантам статуса участников согласительных процедур, участников налоговых проверок).

Это будет способствовать созданию делового, партнерского климата в налоговых отношениях, установлению цивилизованных отношений между хозяйствующими субъектами и государством, предотвращению ненамеренных и части намеренных налоговых правонарушений.

Исходя из того, что добровольное исполнение налоговых обязательств обусловлено доверием к налоговым органам, необходимо формировать это доверие через определенность и понятность изложения норм налогового законодательства, качество обслуживания и консультирования налогоплательщиков при непосредственном и опосредованном взаимодействии, оперативности и публичности результатов реагирования на жалобы и предложения налогоплательщиков и т.п.

По результатам исследования в сфере экономической психологии поведения налогоплательщика установлено, что недостаток ясности налоговой системы усиливает неудовлетворительное отношение к налогам как общественному бремени [3].

Усилят формирование доверия процедуры публичного обсуждения законопроектов в сфере налогообложения с обязательным гласным обзором результатов обсуждения, так как такие решения будут восприниматься гражданами более справедливыми, построенными в соответствии с принципом участия.

Поскольку добросовестное исполнение налоговых обязательств прямопропорционально осознанию неотвратимости привлечения к ответственности, необходима гласность о включении принципа случайного выбора при отборе объектов для включения в план выездных налоговых проверок. Знание налогоплательщиком о вероятности проведения в отношении его налоговой проверки на уровне 30% существенно снижает налоговые риски.

Обозначенные меры являются взаимовыгодными и для государства, и для налогоплательщиков. Они направлены как на снижение коррупционной составляющей, так и на создание благоприятных условий для развития деловой активности, а также на сокращение издержек на налоговое администрирование, включая непосредственный контроль. Данные меры определяют качественно новый уровень профилактики налоговых правонарушений как одной из ведущих задач налогового контроля на основе формирования отношений партнерства между субъектами налоговых правоотношений, и являются важной составляющей управления налоговыми рисками государства.

Содержательно, потенциал экономического эффекта предупреждения налоговых правонарушений определяется возможностями сокращения источников ошибок, сфер рисков – основных причин налоговых правонарушений. По сути, реальный экономический потенциал внедрения инструментов партнерства в налоговой сфере – это качественно новый уровень налоговых отношений.

Библиографический список

1. *Андрющенко С.Н.* Партнерство в сфере налогового контроля // Налоговая политика и практика. – 2011. – № 12. – С. 17–20.

2. *Иванов С.А.* Социальное партнерство как феномен цивилизации // Журнал социологии и социальной антропологии. – 2005. – Т. VIII. – № 3. – С. 79–99.

3. *Кирхлер Э.* Экономическая психология поведения налогоплательщика: обзор литературы и способы уклонения. Доклад // Международный семинар «Рациональность, Поведение, Эксперименты» 1–3 сентября 2010 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.opec.ru/1318632.html

4. *Кристенсен С.* Международное налоговое правоприменение: от взаимодействия к координации. Думая о налогах по-новому [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.nalog.ru/conf2011/ru/

5. Приветственное слово Председателя Правительства Российской Федерации В.В. Путина [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://nalog.ru/conf2011/ru/word_p.html

6. Трудовой кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс] // Справочно-правовая система "Консультант-Плюс".

7. *Цветков И. В.* Партнерство в налоговой сфере: Миф и реальность? // Налоговед. – 2008. – № 6. – С. 22–27.

8. Экономические обзоры ОЭСР. Российская Федерация. Декабрь 2011 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.oecd.org/eco/49234694.pdf

УДК 338(470)

Базанкова Дарья Николаевна
Костромской государственный университет им. Н.А. Некрасова
dasa-sun@mail.ru

МЕСТО РОССИИ В МИРОВОЙ ДИНАМИКЕ ИННОВАЦИЙ

В статье рассмотрена роль России в мировой динамике инноваций после кризиса 2008–2009 годов.

Ключевые слова: *динамика инноваций, экономический кризис 2008–2009 годов, положительные и отрицательные тенденции научной сферы экономики.*

Мировой экономический кризис 2008–2009 годов замедлил экономический рост и динамику инноваций стран БРИКС. В 2011 году страны БРИКС (Бразилия, Россия, Индия, Китай, Южно-Африканская республика) вместе составили около четверти мировой экономики [1]. Как отмечает Goldman Sachs, темпы экономического роста БРИКС оставляют желать лучшего. В последнем квартале 2011 г. они были самыми низкими за два последних года. Согласно данным МВФ, средний прирост ВВП по странам БРИКС в 2012 г. должен был составить 6,1%, тогда как в 2007 г. он был 9,1%. В то же время мировая экономика вырастет на 4%, сдерживаемая слабым ростом в еврозоне – на 1,1%. Впрочем, CEBR обещает России выход на четвертое место в числе самых крупных экономик мира к 2020 г. Индии – на пятое. Бразилия, по данным CEBR, уже стала шестой экономикой мира, обойдя Великобританию, и этой позиции не уступит [2].

Для того чтобы определить тенденции экономической динамики инноваций развивающихся стран в сравнении с наиболее крупными развитыми экономиками, рассмотрим статистические данные.

© Базанкова Д.Н., 2012

Таблица 1

Численность персонала, занятого ИиР в странах БРИКС, тыс. чел.

Страны	2000 г.	2002 г.	2003 г.	2004 г.	2005 г.	2006 г.	2007 г.	2008 г.
Россия	1007,3	986,9	973,4	951,6	919,7	916,5	912,3	869,8
Китай	922,1	1035,2	1094,8	1152,6	1364,8	1502,5	1736,2	1965,4
ЮАР	-	-	25,2	29,7	28,8	31,0	31,4	-
Бразилия	119,0	124,7	141,9	163,9	196,3	213,0	-	-

Таблица 2

Внутренние затраты на ИиР в странах БРИКС (млн. долл. США)

Страны	2000 г.	2002 г.	2003 г.	2004 г.	2005 г.	2006 г.	2007 г.	2008 г.
Россия	10726,9	14563,6	16317,2	16487,8	18115,0	20210,3	23501,0	23402,5
Китай	26862,2	39200,8	46654,4	57332,8	71063,4	86747,7	102428,4	121426,5
ЮАР	-	-	2727,4	3166,4	3654,3	4103,5	4358,5	-
Бразилия	11507,7	12052,7	12155,3	12397,4	15338,7	17336,5	-	-
США	268121,0	277066,0	289736,0	300293,0	323047,0	347809,0	373185,0	398194,0
Япония	98896,0	108166,2	112275,4	117453,0	128694,6	138917,7	147939,2	149212,9
Германия	52348,3	56657,0	59409,2	61318,9	64298,8	68515,1	72241,9	76796,9

Таблица 3

Внутренние затраты на ИиР в странах БРИКС (в % к ВВП)

Страны	2000 г.	2002 г.	2003 г.	2004 г.	2005 г.	2006 г.	2007 г.	2008 г.
Россия	1,05	1,25	1,28	1,15	1,07	1,07	1,12	1,04
Китай	0,90	1,07	1,13	1,23	1,34	1,42	1,44	1,54
ЮАР	-	-	0,79	0,85	0,90	0,94	0,92	-
Бразилия	0,94	0,91	0,88	0,83	0,97	1,02	-	-
США	2,71	2,62	2,61	2,54	2,57	2,61	2,66	2,77
Япония	3,04	3,17	3,20	3,17	3,32	3,41	3,44	3,42
Германия	2,45	2,49	2,52	2,49	2,49	2,53	2,53	2,64

О состоянии динамики инноваций в странах БРИКС сегодня можно судить по индикаторам инновационной деятельности, которые публикует Росстат. Сравним динамику инновационных процессов России и ее компаньонов по группе БРИКС и развитых стран. Для этого начнем с характеристики численности персонала, занятого ИиР в странах БРИКС (табл.1) [3, с. 316].

На основании данных, приведенных в таблице 1, можно сделать вывод, что в России численность персонала, занятого ИиР, с 2000 г. по 2008 г. постоянно снижалась, в то время как в других станах БРИКС эта численность росла. С 2000 г. по 2008 г. численность персонала, занятого ИиР, в России снизилась на 13,6% и составила в 2008 г. 869,8 тыс. человек, что меньше численности персонала в Китае более чем в 2 раза. В Китае, наоборот, с 2000 г. по 2008 г. эта численность увеличилась более чем в 2 раза и составила в 2008 г. почти 2 млн. чел.

По абсолютным масштабам своего исследовательского сектора Россия по-прежнему занимает одно из ведущих мест в мире, уступая лишь Китаю, США и Японии. Однако по числу исследователей на 1000 занятых в экономике Россия уступает более чем двадцати государствам, в том числе Финляндии, Франции, Германии, США, Японии и др.

Рассмотрим динамику изменения суммы внутренних затрат на ИиР в странах БРИКС (табл. 2) [3, с. 317].

На основании данных, приведенных в таблице 2, можно сделать вывод, что динамика изменения внутренних затрат на ИиР в России и в других странах БРИКС с 2000 г. по 2008 г. положительная. В России в этот период расходы на исследования и разработки увеличились более чем в 2 раза, а в Китае – более чем в 4 раза и составили 121426,5 млн. долларов, что в 4 раза больше, чем в России. В Китае этот показатель превысил уровень развитой экономики Германии, приблизился к показателю Японии.

На протяжении 2000-х гг. внутренние затраты на ИиР в РФ в абсолютных цифрах неуклонно возрастали, и увеличились с 48 млрд. рублей в 1999 г. до 485,8 млрд. рублей в 2009 г. В итоге Россия входит в первую десятку ведущих стран мира по общему объему таких затрат, хотя и существенно отстает от лидеров по такому показателю как доля затрат исследования и разработки в ВВП (1,24% по сравнению с 2,77% в США, 2,64% в Германии и 4,86% в Израиле). Рассмотрим данные таблицы 3 [3, с. 318].

На основании данных, приведенных в таблице 3, можно сделать вывод, что внутренние затраты на ИиР в странах БРИКС колеблются на уровне 1% от ВВП, но в Китае этот показатель увеличился на 0,4% от ВВП и составил в 2008 г. 1,5% от ВВП. В развитых странах этот показатель составляет 2–4% от ВВП.

Таблица 4

Финансирование науки из средств федерального бюджета

	2000 г.	2005 г.	2006 г.	2007 г.	2008 г.	2009 г.
Расходы федерального бюджета на науку, млн. руб.	17396,4	76909,3	97363,2	132703,4	162115,9	219057,6
в том числе:						
фундаментальные исследования	8219,3	32025,1	42773,4	54769,4	69735,8	83198,1
прикладные научные исследования	9177,1	44884,2	54589,8	77934,0	92380,1	135859,5
в процентах						
к расходам федерального бюджета	1,69	2,19	2,27	2,22	2,14	2,27
к ВВП	0,24	0,36	0,36	0,40	0,39	0,56

Таблица 5

Распределение внутренних затрат на ИиР в странах БРИКС по секторам науки в 2008 г., %

Страны	Всего	Государственный сектор	Предпринимательский сектор	Сектор высшего образования	Сектор некоммерческих организаций
Россия	100	30,1	62,9	6,7	0,3
Китай	100	18,3	73,3	8,5	-
ЮАР	100	21,7	57,7	19,4	1,2
Бразилия	100	21,3	40,2	38,4	0,1
США	100	10,6	72,6	12,8	3,9
Япония	100	8,3	78,5	11,6	1,6
Германия	100	13,8	69,9	16,2	-

Другой проблемой является то, что ни частный, ни государственный сектор не проявляют достаточной заинтересованности во внедрении инноваций. Уровень инновационной активности предприятий значительно уступает показателям стран-лидеров в этой сфере. Расходы на НИОКР в 2008 г. в России оцениваются в 1,04% ВВП, против 1,43% ВВП в Китае, и 2,3% в странах ОЭСР, 2,77% ВВП в США, 3,44% ВВП в Японии (табл. 4) [4, с. 406].

Несмотря на выдающиеся успехи отдельных российских ученых, Россия все хуже представлена в мировой науке. Так, в 2008 г. на Россию приходилось всего 2,5% научных статей (публикуемых в научных журналах, индексируемых в базе данных Web of Science), тогда как на Францию – 5,5%, Германию – 7,5%, Китай – 9,7%. По своему удельному весу в общем объеме научных публикаций Россия находилась между Бразилией (2,6%) и Нидерландами (2,5%).

Сохраняется достаточно низкий уровень цитирования работ российских ученых, что говорит о недостаточной их востребованности мировым научным сообществом. За период 2004–2008 гг. в среднем на одну статью, опубликованную российскими авторами, приходилось лишь 2,4 ссылки со стороны ученых всего мира. Для сравнения, для Китая этот показатель равен 2,9, для Японии – 4,6, Франции – 5,5, Германии – 6,1.

На основании данных, приведенных в таблице 5 [3, с. 319], можно сделать вывод, что в России затраты на ИиР покрываются государственным сектором (30%), в то время как в остальных странах государственный сектор тратит в среднем от 10 до 20% внутренних затрат. Остальная доля затрат приходится на предпринимательский сектор и сектор высшего образования.

На основании данных, приведенных в таблице 6 [3, с. 320–321], можно сделать вывод, что результативность ИиР в странах БРИКС (как и в странах с развитой экономикой) постоянно растет, Россия находится на втором месте после Китая среди стран БРИКС по количеству выданных патентов.

Все же, по мнению В.В. Путина, позитивная динамика отмечается по всем ключевым показателям развития России. Россия быстрее других стран восстановилась после последствий мирового кризиса и демонстрирует самые высокие темпы роста экономики среди государств «восьмерки»: «Спад у нас был значительным, но и восстановились мы гораздо быстрее, чем многие другие страны. Сегодня у нас самые высокие темпы роста экономики среди государств «восьмерки», и одни из самых высоких среди крупнейших экономик мира». ВВП увеличился на 4,3%, уровень инвестиций в основной капитал в минувшем году «достиг рекордной величины» в 10,8 трлн. рублей. Прибыль российских предприятий в 2011 г. возросла почти на 16%,

Таблица 6

Выдано патентов в патентных ведомствах страны в странах БРИКС

Страны	2000 г.	2008 г.
Россия	17592	28808
Индия	1263	7539
Китай	13058	93706
Бразилия	3219	2451
США	157496	157772
Япония	125880	176950
Германия	14707	17308

а налоговые поступления в консолидированный бюджет страны – на 27%.

Инфляция за прошедшие четыре года снизилась с 13,3% до 6,1%. Такого низкого уровня инфляции в новейшей истории России не было никогда. У США госдолг превысил 100%, в Еврозоне – почти 90%, в России же – ниже 10% от ВВП. Это один из самых лучших показателей в мире – лучший среди стран «восьмерки», «двадцатки» и БРИКС [5].

За последние годы увеличено финансирование науки за счет государства, в том числе, через механизм федеральных целевых программ, через государственные фонды финансирования науки. Значительные усилия предприняты в стимулировании исследовательской деятельности и инновационного развития в высшем образовании. Реализована финансовая поддержка инновационных программ 57 вузов (в 2005–2008 гг. на эти цели было выделено 30 млрд. рублей), почти трем десяткам университетов на конкурсной основе был присвоен статус национальных исследовательских университетов, получателям которого выделены средства на реализацию программ развития, включая создание инновационной инфраструктуры, развитие исследовательской деятельности (в 2009–2010 гг. на программы развития было выделено 8,42 млрд. руб.).

Начата работа по формированию национальных исследовательских центров (например, на базе Курчатовского института). Сформирована инфраструктура поддержки инновационной деятельности – технико-внедренческие особые экономические зоны, предусматривающие значительные льготы инновационным компаниям, технопарки, бизнес-инкубаторы при вузах, центры трансфера технологий. Начата на конкурсной основе поддержка создания и развития инновационных кластеров. Положено начало созданию новой российской «территории инноваций» в подмосковном центре Сколково, где создается беспрецедентный правовой режим, минимизирующий административные барьеры и налоговое бремя для компаний-резидентов. Принят закон, разрешающий бюджетным учреждениям образования и науки создавать малые инновационные предприятия, за первый год его применения уже создано около 600 малых инновационных предприятий при вузах и научных организациях.

Мировой экономический кризис 2008–2009 гг. серьезно усложнил для России выход на траекторию инновационного развития. Государственные средства, выделяемые на научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы, в большинстве секторов экономики расходуются недостаточно эффективно. Не в полной мере удалось решить проблему старения научных кадров, хотя для улучшения ситуации государство предприняло значительные усилия.

Вместе с тем одним из важнейших с точки зрения инновационного развития сохраняющихся у России конкурентных преимуществ является человеческий капитал. По доле населения с высшим и дополнительным профессиональным образованием (22,8 процента численности населения в возрасте от 25 до 64 лет) Россия находится на уровне таких ведущих зарубежных стран, как Великобритания, Швеция и Япония, а также опережает Германию, Италию и Францию. Особенно важен с точки зрения создания эффективной инновационной системы сохраняющийся высокий уровень высшего образования по естественно-научным и инженерно- техническим специальностям.

Однако ситуация в указанной сфере характеризуется рядом негативных тенденций, которые в перспективе могут фактически девальвировать это конкурентное преимущество. Сохраняются проблемы по достижению надлежащего качества образования на всех уровнях – от общего, начального и среднего профессионального образования до высшего и послевузовского профессионального образования. Согласно международным рейтингам, российские вузы практически не попадают в первую сотню мировых лидеров.

Эти негативные тенденции обусловлены, в том числе, и недофинансированием сферы образования в конце XX – начале XXI века. В последние годы наметилось некоторое улучшение ситуации, но по относительным показателям государственного финансирования этой сферы Россия по-прежнему значительно уступает странам-лидерам, а также значительному числу стран, идущих по пути догоняющего развития. По данным Федерального казначейства и Организации экономического сотрудничества и развития, в 2009 году Россия расходовала на образование 4,6 процента валового внутреннего продукта, тогда как Швеция – 6,1 процента, Финляндия и Франция – 5,5 процента, Бразилия и Великобритания – 5,2 процента и Соединенные Штаты Америки – 5 процентов [6]. Недостаток финансирования существенно усугубляется структурными проблемами, включая устаревшие модели управления учебным процессом, нехватку в системе образования современных кадров, в том числе, управленческих. При этом оценка качества образования, которую дают российские работодатели, в целом невысокая.

Кроме качества образования значительную роль для будущего инновационного развития играют и формируемые у человека жизненные установки и модели поведения. Ключевые для инновационного предпринимательства личностные качества – мобильность, желание обучаться в течение всей жизни, склонность к предпринимательству и принятию риска в целом недостаточно развиты по сравнению со странами с высокой инновационной активностью. В России, по данным Федеральной службы государственной статистики, участие населения (в возрастной группе 25–64 года) в непре-

рывном образовании в 2008 году составило 24,8 процента (в Великобритании – 37,6 процента, Германии – 41,9 процента и Финляндии – 77,3 процента).

Библиографический список

1. БРИКС договорились давать друг другу кредиты в национальной валюте [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://lenta.ru/news/2012/03/29/brics/ (дата обращения 10.06.2012).

2. *Мереминская Е.* БРИК, который лопнул [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.gazeta.ru/financial/2011/12/28/3949573.shtml (дата обращения 10.06.2012).

3. Россия и страны мира. 2010: Стат. сб. / Росстат. – М., 2010.

4. Россия в цифрах. 2011: Крат. стат. сб. / Росстат. – М., 2011.

5. *Путин В.* По всем ключевым показателям развития в России наблюдается позитивная динамика [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://russian.cri.cn/841/2012/04/11/1s422749.htm (дата обращения 10.06.2012).

6. Стратегия инновационного развития Российской Федерации на период до 2020 года [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.economy.gov.ru/minec/activity/sections/innovations/doc20101231_016 (дата обращения 10.06.2012).

УДК 330 + 332.1

Грабова Ольга Николаевна
доктор экономических наук
Свиридов Николай Никитович
доктор экономических наук, профессор
Костромской государственный университет им. Н.А. Некрасова
graon07@mail.ru

РЕГИОНАЛЬНЫЙ МЕНЕДЖМЕНТ И КАЧЕСТВО ЖИЗНИ НАСЕЛЕНИЯ

Целью исследования является решение проблем оценки эффективности управления регионами на основе получения полной, достоверной, объективной и непротиворечивой информации о динамике качества жизни населения.

Ключевые слова: *управление регионом, качество жизни населения.*

В современных условиях одной из приоритетных задач социально-экономического развития России является повышение эффективности государственного и муниципального управления на основе обеспечения устойчивой динамики повышения качества жизни населения. Экономическая теория качества жизни – это самостоятельная проблема. И здесь мы будем опираться на ранее полученные результаты и выводы. «Качество жизни можно трактовать как интегральную категорию, всесторонне характеризующую уровень и степень благосостояния, свободы, социального и духовного развития человека, а также его физическое здоровье. Качество жизни населения и отдельного человека интерпретируется как целевая функция стратегии развития государства и его отдельных субъектов. Критерии качества жизни населения территории – это совокупность признаков, посредством которых дается оценка достигнутого уровня и динамики социально-экономической результативности развития территории. Интегральный подход предполагает применение методологии и методики, основанной на двух типах оценок: объективной (на основе официальных статистических данных) и субъективной (на основе общественного мнения – социологических опросов и экспертных оценок) [7, с. 55–84]. Другой поворот проблемы – это определение механизма, обеспечивающего обратную связь качества жизни населения и деятельности региональной власти.

На сегодняшний день наработана определенная нормативная база, обеспечивающая возможность оценки деятельности регионального и муниципального менеджмента во взаимосвязи с критериями качества жизни населения. В соответствии с Указом Президента «Об оценке эффективности деятельности органов муниципального самоуправления городских округов и муниципальных районов» от 28 апреля 2008 г. № 607 [6] в России Минрегионразвития с 2008 года проводит мониторинг эффективности деятельности органов государственной и муниципальной власти по 329 показателям в 11 сферах жизнедеятельности. Начиная с 2010 года, ведомством применяется комплексный поход, который охватывает как достигнутые показатели эффективности деятельности власти в регионах, так и динамику их развития. При этом используются уже 74 показателя по четырем сферам: госуправление, образование, здравоохранение и ЖКХ. Учитываются результаты работы региональной власти, оценка их населением, а также эффективность расходования бюджетных средств.

Указом Президента РФ № 1199 от 21.08.2012 «Об оценке эффективности деятельности органов исполнительной власти субъектов РФ» [5] вводится перечень показателей эффективности регионального управления. К ним относятся: 1) ожидаемая продолжительность жизни при рождении; 2) численность населения; 3) объем инвестиций в основной капитал (за исключением бюджетных средств);

© Грабова О.Н., Свиридов Н.Н., 2012

4) оборот продукции (услуг), производимой малыми предприятиями, в том числе микропредприятиями и индивидуальными предпринимателями; 5) объем налоговых и неналоговых доходов консолидированного бюджета субъекта Российской Федерации; 6) уровень безработицы в среднем за год; 7) реальные располагаемые денежные доходы населения; 8) удельный вес введенной общей площади жилых домов по отношению к общей площади жилищного фонда; 9) доля выпускников государственных (муниципальных) общеобразовательных учреждений, не сдавших единый государственный экзамен, в общей численности выпускников государственных (муниципальных) общеобразовательных учреждений; 10) смертность населения (без показателей смертности от внешних причин); 11) оценка населением деятельности органов исполнительной власти субъекта Российской Федерации. Сегодня мы видим усилия власти, добивающейся такого положения, чтобы результаты экономической и социальной деятельности власти напрямую коррелировали с уровнем жизни населения, при этом оценка работы органов власти должна основываться на прозрачных и внятных критериях, в том числе на общественном мнении. Правительство намеревается, с одной стороны, – оптимизировать систему оценки эффективности деятельности региональной власти и, с другой стороны, – увеличить материальное поощрение для передовых территорий.

При написании авторами использованы данные официальной статистической отчетности [3, 4], материалы ЦСКП [1, 2] (один из авторов – О.Н. Грабова, доктор экономических наук, является официальным экспертом ЦСКП по оценке качества жизни в Костромской области), а также собственные исследования и наблюдения авторов.

В ходе исследования сравнительному анализу подвергались отдельные параметры, отражающие базовые характеристики качества жизни населения регионов ЦФО, по официальным данным Федеральной службы государственной статистики.

Общая рождаемость. Значение коэффициента общей рождаемости в регионах ЦФО по итогам 2011 года устойчиво занимает одно из самых низких мест по России. Можно выделить две группы регионов ЦФО: первая группа, где коэффициент общей рождаемости выше среднего значения по ЦФО. Это Белгородская, Брянская, Владимирская, Калужская, Курская, Московская, Ярославская области. Вторая группа, где значение коэффициента ниже или равно среднему по ЦФО. В этой группе Воронежская, Ивановская, Костромская, Липецкая, Орловская, Рязанская, Смоленская, Тамбовская, Тверская, Тульская области и г. Москва. Анализ этого демографического показателя за пять лет позволяет сделать вывод о том, что рост рождаемости в регионах ЦФО существенно замедлился, а в некоторых областях снизился по сравнению с предыдущим годом. Это произошло в большинстве регионов ЦФО.

Общая смертность. Значение коэффициента общей смертности в 2011 году в регионах ЦФО остается среди самых высоких по России. Наибольшее значение в Тверской области (18,7 промилле), наименьшее – в Москве (9,7 промилле, что ниже, чем средний показатель по РФ). В целом по России в 2011 году значение коэффициента общей смертности составило 13,5 промилле, а по ЦФО – 14,0 промилле. Анализируя динамику коэффициента общей смертности в регионах ЦФО за 2007–2011 гг. можно отметить, что в абсолютном большинстве регионов ЦФО смертность уменьшается, за исключением Костромской области, где за последние три года наблюдается увеличение этого показателя.

Воспроизводство населения. При анализе воспроизводства населения в 2011 году большинство регионов ЦФО (кроме г. Москвы) оказались в числе вымирающих территорий, т.е. наблюдается естественная убыль населения. Наиболее неблагоприятная ситуация по-прежнему отмечается в Тверской и Тульской областях (–8,0 и –8,3 промилле соответственно). А в г. Москве впервые за период мониторинга отмечен естественный прирост населения. При этом практически во всех регионах ЦФО скорость естественной убыли населения по сравнению с *2010 годом снизилась*.

Материальная дифференциация особенно обозначилась в размерах среднедушевых доходов населения России (это характерно в разной степени и для других стран). Анализ среднедушевых доходов в 2010 по сравнению с 2009 годом по регионам ЦФО позволил выделить следующие группы по этому показателю. Первая группа, где увеличение среднедушевых денежных доходов населения незначительное. В этой группе г. Москва (1,02). Вторая группа, где значение этого показателя не превышает 1,1. Это Воронежская, Липецкая и Московская области. Третья группа, где показатель превышает или равен 1,1. В эту группу вошли: Белгородская, Брянская, Владимирская, Ивановская, Калужская, Костромская, Курская, Орловская, Рязанская, Смоленская, Тамбовская, Тверская, Тульская и Ярославская области. При этом в целом по России отношение указанного показателя равно 1,1. В ЦФО он составляет 1,08. Как показал анализ данных официальной статистики, среднедушевые денежные доходы населения во всех субъектах ЦФО росли по отношению к прошлым годам. Однако увеличение не везде одинаковое. Наблюдается четкая дифференциация регионов по величине среднедушевых доходов в ЦФО. По итогам 2010 года наиболее высокий уровень среднедушевых денежных доходов населения наблюдается в г. Москве (42591,8 рублей) и в Московской обла-

Таблица 1

Характеристика регионов ЦФО России по качеству жизни

Показатель	Отличаются в позитивную сторону	Отличаются в негативную сторону
Индекс развития человеческого потенциала (ИРЧП) в регионах ЦФО	Липецкая обл. (0,816)	Ивановская обл. (0,757)
	Московская обл. (0,806)	Брянская обл. (0,770)
	Орловская обл. (0,797)	Владимирская обл. (0,77)
Индекс образования в регионах ЦФО, 2008 г.	Г. Москва (0,999)	Московская обл. (0,870)
	Курская обл. (0,929)	Костромская обл. (0,883)
	Воронежская обл. (0,925)	Липецкая обл. (0,885)
Среднедушевой доход в регионах ЦФО, 2009 г., рублей	Г. Москва (41890,8)	Ивановская обл. (9343,2)
	Московская обл. (20754)	Костромская обл. (10442)
	Липецкая обл. (14686,0)	Орловская обл. (10660,2)
Покупательная способность: отношение среднедушевого дохода к стоимости прожиточного минимума, 2009 г., раз	Г. Москва (5,67)	Ивановская обл. (2,00)
	Московская обл. (3,59)	Костромская обл. (2,21)
	Белгородская обл. (3,45)	Владимирская обл. (2,23)
Уровень абсолютной бедности по доходам: доля населения с доходами ниже величины прожиточного минимума, 2009 г., в %	Липецкая обл. (9,8)	Ивановская обл. (22,7)
	Белгородская обл. (10,1)	Воронежская обл. (21,3)
	Московская обл. (10,1)	Костромская обл. (19,7)
Соотношение доходов 10 % наиболее и 10 % наименее обеспеченного населения, 2010 г., раз	Ивановская обл. (10,4)	г. Москва (27,8)
	Тверская обл. (10,5)	Московская обл. (15,2)
	Владимирская обл. (10,8)	Тамбовская обл. (14,8)
Введено в действие общей площади жилых домов в расчете на 1000 человек населения (годовая), 2009 г., метр квадратный	Московская обл. (1255)	Ивановская обл. (174)
	Белгородская обл. (718)	Тульская обл. (255)
	Липецкая обл. (630)	г. Москва (257)
Ожидаемая продолжительность жизни при рождении, 2009 г., лет	г. Москва (73,6)	Тверская обл. (65,3)
	Белгородская обл. (71,1)	Смоленская обл. (65,6)
	Воронежская обл. (68,9)	Владимирская обл. (66,2)

сти (22200,1 рублей). Вторая группа регионов, где уровень среднедушевых доходов населения в сравнении с другими регионами также выше при относительно одинаковой численности населения, но его показатели гораздо ниже, чем в Москве и Московской области и чем в среднем по ЦФО: Белгородская (16621,3 руб.), Липецкая (15735,7 руб.), Тульская (15311,4 руб.), Калужская (15236,7 руб.) области. Самый низкий уровень – в Ивановской области (10922,1 руб.).

На этом этапе исследования следует констатировать, что сохраняются неблагоприятные тенденции в регионах ЦФО: низкий уровень рождаемости; высокий уровень смертности; высокая естественная убыль населения; низкая ожидаемая продолжительность жизни при рождении; дифференциация регионов по величине среднедушевых доходов населения при относительно одинаковой численности населения в ряде регионов и их низкий уровень при сохраняющемся темпе роста цен и отстающей индексации пенсий и зарплат (исключение составляет г. Москва).

Обобщение данных, отражающих основные показатели и параметры качества жизни населения в регионах ЦФО, позволяет выделить регионы, отличающиеся в позитивную и негативную сторону (табл. 1).

Анализ результатов пятилетнего мониторинга по динамике экспертной оценки качества жизни населения позволяет сгруппировать регионы ЦФО в следующие группы (табл. 2):

– «лидеры», где качество жизни и его показатели, как правило, оцениваются наиболее высоко – «выше среднего»;

– стабильные «середняки» – в этих регионах ЦФО наблюдаются незначительные изменения экспертных оценок в пределах «среднего» значения;

– неустойчивые «середняки», где по экспертным оценкам качество жизни характеризуется «провалами»;

– «аутсайдеры», где экспертные оценки качества жизни «ниже среднего» и «неудовлетворительные».

Как показывают данные, приведенные в таблице 2, в 2010 году среди регионов ЦФО никто не вышел в «лидеры». По мнению экспертов, на состояние и оценку качества жизни в регионах во многом оказали влияние последствия волн мирового финансово-экономического кризиса. Анализ данных, представленных в Таблице свидетельствует о том, что Московская и Липецкая области из «лидеров» в 2008 году переместилась в неустойчивые «середняки» в 2012 году. Напротив, Ярославская и Ивановская области с позиций «аутсайдеров» поднялись в группу стабильных середняков. Представляется возможным проанализировать кумулятивный балл экспертной оценки качества жизни в регионах ЦФО, полученный в результате пятилетнего мониторингового исследования по облас-

Таблица 2

Распределение регионов ЦФО по группам и годам

Группы	2008 г.	2009 г.	2010 г.	2011 г.	2012 г.
«Лидеры»	Белгородская Калужская Липецкая Московская	Белгородская Московская	-	Белгородская	Белгородская Владимирская
Стабильные «середняки»	Брянская Владимирская Воронежская г. Москва Орловская Рязанская Тамбовская Тульская	Владимирская Воронежская Ивановская Калужская Костромская г. Москва Липецкая Орловская Рязанская Тамбовская Тульская Ярославская	Белгородская Владимирская Воронежская Ивановская Калужская Липецкая г. Москва Орловская Рязанская Смоленская Тамбовская Тульская Ярославская	Владимирская Воронежская Ивановская Калужская Костромская Липецкая Орловская Рязанская Смоленская Тамбовская Тульская Ярославская	Воронежская Ивановская Калужская Костромская г. Москва Орловская Рязанская Смоленская Тамбовская Тульская Ярославская
Неустойчивые «середняки»	Смоленская Тверская	Смоленская Тверская	Брянская Московская	Брянская г. Москва Московская	Липецкая Московская Курская
«Аутсайдеры»	Ивановская Костромская Курская Ярославская	Брянская Курская	Костромская Курская Тверская	Тверская Курская	Тверская

тям ЦФО: Белгородская – 18,3; Московская – 16,9; Липецкая – 16,4; Тамбовская – 15,9; г. Москва – 15,9; Калужская – 15,8; Воронежская – 15,7; Владимирская – 15,6; Тульская – 15,2; Смоленская – 15,2; Брянская – 15,1; Рязанская – 15,1; Орловская – 14,9; Ивановская – 14,7; Ярославская – 14,5; Костромская – 14,2; Тверская – 14,0; Курская – 13,3. В целом эти результаты можно считать рейтингом регионов ЦФО по критерию качества жизни.

Качество жизни в регионах ЦФО оценивалось и по основным сферам жизнедеятельности. Анализ результатов исследования показывает, что в начале 2012 г. В целом по ЦФО качество жизни населения по основным сферам жизнедеятельности оценено практически без изменений по отношению к аналогичному периоду 2011 года. Исключение составили только сферы культуры, досуга и спорта, а также сфера духовного развития, где экспертные оценки снизились до «среднего» уровня. Ситуация выглядит следующим образом: оценка «выше среднего» выставлена в сферах образования и торгового обслуживания; оценка «ниже среднего» – в сферах здравоохранения, материального благосостояния и социальной активности населения ЦФО; «неудовлетворительно» – сфера жилищно-коммунального обслуживания. Вместе с тем, по сравнению с результатами мониторингового исследования в 2011 году, экспертные оценки качества жизни характеризуются выраженной дифференциацией. Так, оценки «хорошо» были выставлены в Белгородской области в сферах торгового, бытового, транспортного обслуживания, в сфере охраны правопорядка и обеспечения безопасности личности, в сфере культуры, спорта и досуга; во Владимирской, Воронежской, Ивановской, Костромской, Курской, Рязанской, Смоленской, Тамбовской, Ярославской и в г. Москве – в сфере торгового обслуживания. «Неудовлетворительные» оценки были выставлены качеству жизни в следующих сферах: в Калужской, Костромской, Орловской, Смоленской, Тульской областях – в сфере жилищно-коммунального обслуживания, при этом «крайне неудовлетворительные» оценки в этой сфере отмечены в Брянской, Курской, Липецкой и Тверской областях; в Костромской области – в сфере здравоохранения (очень коррелирует со статистическими данными по росту коэффициента общей смертности, следовательно, экспертные оценки достаточно точны); в Липецкой – в сфере экологии и среды обитания; в Тверской области – в сфере материального благосостояния и транспортного обслуживания. Кроме того, на «неудовлетворительно» оценена степень социальной активности населения в Костромской и Курской областях.

Рельефно качество жизни характеризуют выделенные первоочередные проблемы регионов ЦФО. Наиболее актуальные проблемы проявляются в материальной и социальной сферах, а также в сферах ЖКХ, управления, образования и здравоохранения. Причем акцент в содержании проблем за последние три года несколько сместился. *На первом месте* по рангу значимости сохраняется, как и три года назад, проблема закрытия предприятий и учреждений и отсутствие в этой связи рабочих мест (в 2009 году на нее указали почти 48% респондентов, а в начале 2012 года – около 80%). *На*

втором месте – проблема бесконечного и неконтролируемого роста тарифов на коммунальные услуги при снижающемся объеме и качестве оказываемых услуг (в 2009 году отметили 20% и в 2012 году 70% экспертов). *На третьем месте* – рост цен на энергоресурсы и ГСМ. Здесь же, на третьей позиции по уровню значимости, стоит проблема, связанная с низким уровнем жизни и социальным расслоением основной части населения страны, а также – с низким уровнем зарплат в бюджетной и социальной сферах, пенсий. Идет углубление имущественной дифференциации населения. Зарплаты бюджетников, несмотря на декларируемые реформы, остались на прежнем уровне. В обществе нарастают настроения неудовлетворенности. *На пятое место (со второго в 2009 году)*, при своей актуальности, переместилась проблема платных медицинских и образовательных услуг. В результате реформы системы здравоохранения закрыты сотни учреждений здравоохранения и сокращено количество социальных мест в муниципальных больницах и поликлиниках. Сокращается бесплатное медицинское обслуживание, происходит рост платных услуг в области здравоохранения на фоне сокращения доступности услуг населению. *Шестое место*. Актуальной остается и проблема коррупции в основных сферах обеспечения жизнедеятельности: правоохранительная, образовательная, здравоохранение, ЖКХ, сфера управления. Сфера жилищно-коммунального хозяйства, в частности управляющие компании, не справляются со своими обязанностями. Эта сфера по-прежнему «черная дыра» с неподконтрольным движением финансовых ресурсов.

На фоне реформ и модернизации всех сфер жизнедеятельности в проблемное поле вынесена *новая проблема* – низкая эффективность государственного и муниципального управления (практически более 50% экспертов указали на нее в 2012 году).

Резюмируя результаты исследования, можно сделать следующие выводы. Исходя из декларации России социальным государством, критерием эффективности управления должно стать качество жизни населения территорий и страны в целом. При этом необходимо учитывать важное положение о том, что фактическое качество жизни – это и своеобразный индекс удовлетворенности населения регионов тем, как государство в лице органов государственного и муниципального управления всех уровней и ветвей власти исполняет свои обязанности перед гражданами по обеспечению качества жизни во всех основных сферах жизнедеятельности.

Библиографический список

1. Качество жизни населения регионов Центрального Федерального округа: динамика и социальная эффективность управления. – М.: Проспект, 2012. – 44 с.

2. Оценка социальной эффективности управления в регионах Центрального федерального округа по критерию качества жизни населения. – М.: ЦСКП в ЦФО, 2011. – 68 с.

3. Российский статистический ежегодник. 2011: Стат. сб. / Росстат. – М, 2011. – 795 с.

4. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2011: Стат. сб. / Росстат. – М., 2011. – 990 с.

5. Указ Президента РФ № 1199 от 21.08.2012 «Об оценке эффективности деятельности органов исполнительной власти субъектов РФ».

6. Указ Президента РФ№ 607 от 28.04.2008 «Об оценке эффективности деятельности органов муниципального самоуправления городских округов и муниципальных районов»

7. *Свиридов Н.Н., Грабова О.Н.* Социально-экономические проблемы провинций России. – Кострома: КГУ им. Н.А. Некрасова, 2010. – 278 с.

УДК 338.24

Денисов Артем Руфимович
доктор технических наук
Илюхина Анна Станиславовна
кандидат экономических наук
Волков Иван Владимирович
Костромской государственный университет им. Н.А. Некрасова

СТРУКТУРА ПОДСИСТЕМЫ СИНТЕЗА ИНТЕГРИРОВАННЫХ БИЗНЕС-ПРОЦЕССОВ ОКАЗАНИЯ ГОСУДАРСТВЕННЫХ УСЛУГ В РАМКАХ СИСТЕМЫ «ЭЛЕКТРОННОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА»

В статье выявлены основные недостатки существующего подхода к построению системы электронного межведомственного взаимодействия при оказании государственных услуг, для устранения которых предлагается создавать интегрированные бизнес-процессы, объединяющие в себе существующие технологические карты.

Ключевые слова: *электронное межведомственное взаимодействие, технологическая карта межведомственного взаимодействия, интегрированный бизнес-процесс оказания государственных услуг.*

1 июля 2012 г. вступило в силу положение Федерального закона № 210-ФЗ [1], в соответствии с которым региональные органы власти и органы местного самоуправления не вправе требовать от заявителя представления документов и информации, которые находятся в распоряжении других ведомств. На основании данного Федерального закона органы власти и органы местного самоуправления обязаны путем межведомственного взаимодействия самостоятельно получать такие документы и информацию. В качестве основы для реализации данного закона используется система межведомственного электронного взаимодействия (СМЭВ), которая реализуется через использования потребителями электронных сервисов [2]. СМЭВ представляет собой центральный интеграционный элемент инфраструктуры электронного правительства, иерархическую, территориально-распределенную информационную систему, включающую информационные базы данных. Они содержат сведения об используемых органами и организациями программных и технических средствах, обеспечивающих возможность доступа через систему взаимодействия к их информационным системам, а также программные и технические средства, реализующие инфокоммуникационную среду обеспечения не только процессов оказания государственных услуг в электронном виде, но и решения задач информационного обмена непосредственно в интересах ведомств.

В перечень мероприятий по обеспечению межведомственного и межуровневого взаимодействия при предоставлении государственных услуг в СМЭВ входят работы по подготовке технологических карт межведомственного взаимодействия (ТКМВ) [3], каждая из которых представляет собой совокупность электронных таблиц, содержащих описание порядка предоставления государственной услуги, сведений о составе документов, необходимых для предоставления услуги, сведения о контрагентах, формах и содержании межведомственного взаимодействия в рамках предоставления услуги [4]. Заполнение ТКМВ осуществляется совместно потребителем данных (органом, ответственным за предоставление услуги), и всеми поставщиками данных, участвующих в предоставлении услуги.

В подготовке ТКМВ потребитель данных параллельно организует работу с различными поставщиками данных в части подготовки описания адресованных ему запросов и ответов на них. По окончании разработки ТКМВ представляет собой полное описание отдельной услуги, включающее в себя перечень запросов в различные органы исполнительной власти и перечень получаемых от них документов в рамках СМЭВ. Для каждой электронной услуги разрабатывается отдельная технологическая карта в виде электронной таблицы, при этом каждая карта представляет собой отдельный документ, никак не связанный с другими ТКМВ. Отсутствие связей между технологическими картами в свою очередь не позволяет оценить их на избыточность запрашиваемых документов, а также провести процесс оптимизации.

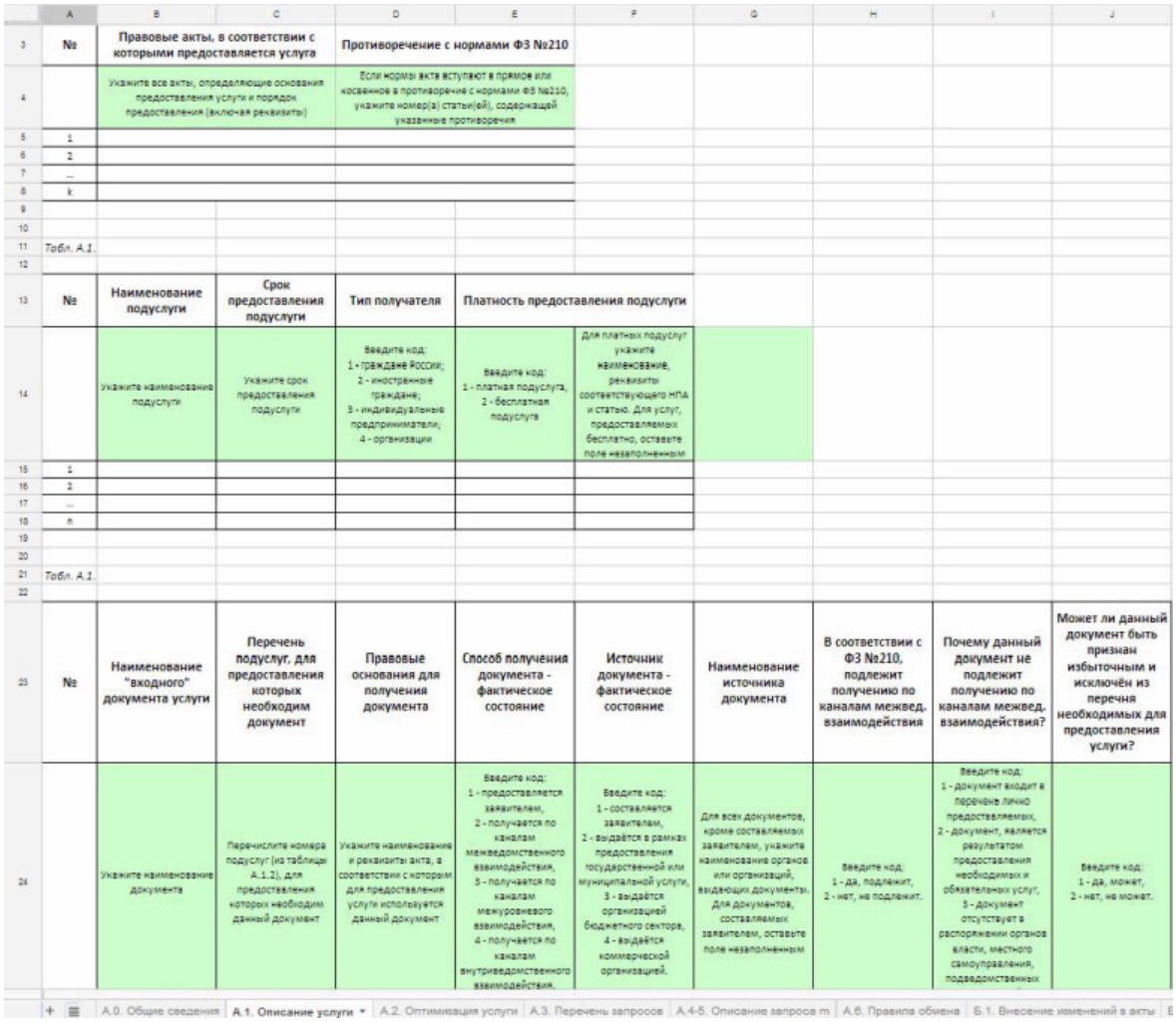
Эти проблемы могут быть решены через построение интегрированных бизнес-процессов на основе СМЭВ, каждый из которых объединяет в себе всю цепочку ТКМВ, необходимых для оказания государственной услуги по заявлению потребителя. С целью построения подобных интегрированных бизнес процессов была разработана соответствующая подсистема, в основе информационного обеспечения которой лежит комплект ТКМВ для конкретного региона РФ (комплекты ТКМВ сильно отличаются в зависимости от региона, что объясняется различиями в перечне государственных услуг на уровне региональных органов исполнительной власти, а также органов местного самоуправления). В процессе создания предлагаемой подсистемы были использованы ТКМВ Костромской области и республики Дагестан.

© Денисов А.Р., Илюхина А.С., Волков И.В., 2012

Таблица 1

Термины и определения используемые в ТКМВ

Термин, сокращение	Описание
Потребитель данных	Орган власти – получатель информации, ответственный за предоставление услуги и запрашивающий данные, необходимые для предоставления услуги, у других ведомств
Поставщик данных	Орган власти (организация) – обладатель информации, располагающий сведениями, необходимыми для предоставления услуги, и обеспечивающий их предоставление Потребителю данных по запросу в соответствии с 210-ФЗ. Поставщиком данных может являться: федеральные органы исполнительной власти, органы государственных внебюджетных фондов, органы исполнительной власти субъектов Российской Федерации, органы местного самоуправления либо подведомственные государственным органам или органам местного самоуправления организации.
Запрос	Обращение Потребителя данных к Поставщику данных (в рамках предоставления услуги) с требованием о предоставлении документов/сведений, находящихся в распоряжении Поставщика данных. При обращении с запросом Потребитель данных предоставляет сведения, необходимые Поставщику данных для подготовки ответа на запрос.



№	Правовые акты, в соответствии с которыми предоставляется услуга	Противоречие с нормами ФЗ №210
	Укажите все акты, определяющие основания предоставления услуги и порядок предоставления (включая реквизиты)	Если нормы акта вступают в прямое или косвенное в противоречие с нормами ФЗ №210, укажите номер(а) статьи(ей), содержащей указанные противоречия
1		
2		
...		
k		

Табл. А.1.

№	Наименование подуслуги	Срок предоставления подуслуги	Тип получателя	Платность предоставления подуслуги	
	Укажите наименование подуслуги	Укажите срок предоставления подуслуги	Введите код: 1 - граждане России; 2 - иностранные граждане; 3 - индивидуальные предприниматели; 4 - организации	Введите код: 1 - платная подуслуга, 2 - бесплатная подуслуга	Для платных подуслуг укажите наименование, реквизиты соответствующего НПА и статью. Для услуг, предоставляемых бесплатно, оставьте поле незаполненным
1					
2					
...					
n					

Табл. А.1.

№	Наименование "входного" документа услуги	Перечень подуслуг, для предоставления которых необходим документ	Правовые основания для получения документа	Способ получения документа - фактическое состояние	Источник документа - фактическое состояние	Наименование источника документа	В соответствии с ФЗ №210, подлежит получению по каналам межвед. взаимодействия	Почему данный документ не подлежит получению по каналам межвед. взаимодействия?	Может ли данный документ быть признан избыточным и исключён из перечня необходимых для предоставления услуги?
	Укажите наименование документа	Перечислите номера подуслуг (из таблицы А.1.2), для предоставления которых необходим данный документ	Укажите наименование и реквизиты акта, в соответствии с которым для предоставления услуги используется данный документ	Введите код: 1 - предоставляется заявителем, 2 - получается по каналам межведомственного взаимодействия, 3 - получается по каналам межуровневого взаимодействия, 4 - получается по каналам внутриведомственного взаимодействия.	Введите код: 1 - составляется заявителем, 2 - выдаётся в рамках предоставления государственной или муниципальной услуги, 3 - выдаётся организацией бюджетного сектора, 4 - выдаётся коммерческой организацией.	Для всех документов, кроме составляемых заявителем, укажите наименование органов или организаций, выдающих документы. Для документов, составляемых заявителем, оставьте поле незаполненным	Введите код: 1 - да, подлежит, 2 - нет, не подлежит.	Введите код: 1 - документ входит в перечень лично предоставляемых, 2 - документ, является результатом предоставления необходимых и обязательных услуг, 3 - документ отсутствует в распоряжении органов власти, местного самоуправления, подведомственных	Введите код: 1 - да, может, 2 - нет, не может.

А.0. Общие сведения | А.1. Описание услуги | А.2. Оптимизация услуги | А.3. Перечень запросов | А.4-5. Описание запроса m | А.6. Правила обмена | Б.1. Внесение изменений в акты

Рис. 1. Общий вид формы ТКМВ

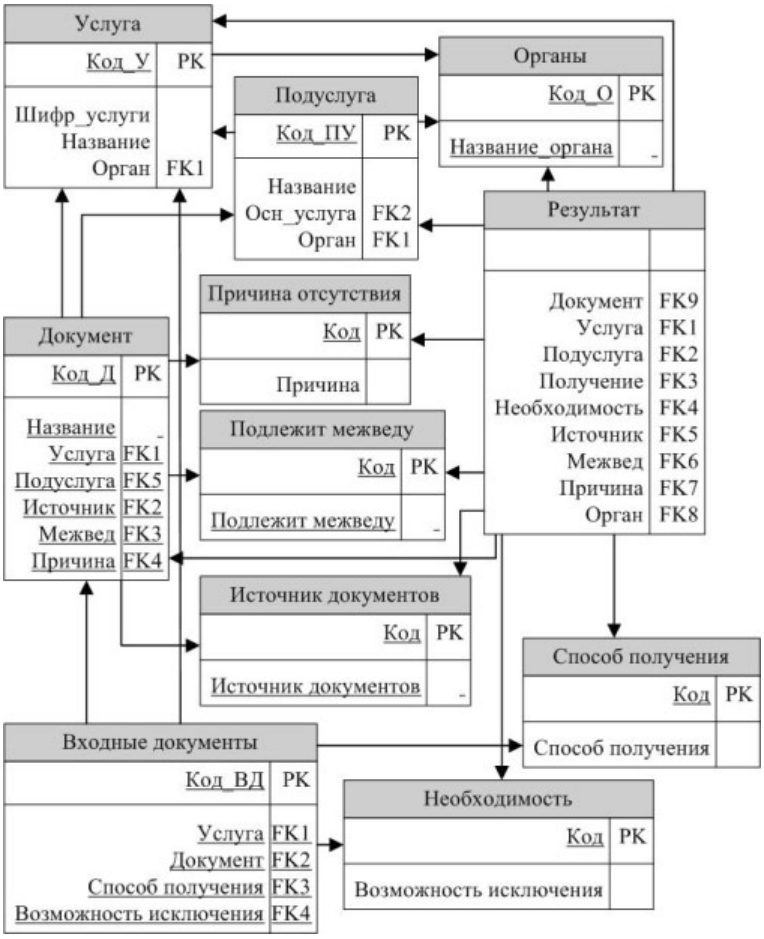


Рис. 2. Структура базы данных ТКМВ

Разработка подсистемы построения интегрированных бизнес-процессов начинается с анализа технологических карт. Для лучшего понимания процесса необходимо дать ряд определений и терминов [4] (табл. 1).

Форма ТКМВ представляет собой электронную таблицу в формате MS Excel. Таблица содержит следующие листы: Лист «А.0 Общие сведения», Лист «А.1.1 – А.1.2 Описание услуги», Лист «А.1.3 – А.2 Оптимизация услуги», Лист «А.3 – А.6 Перечень запросов», Лист «Б. Внесение изменений в акты», Лист «В. План технической реализации», Лист «Статус согласования», Лист «Сообщения об ошибках», Лист «Обсуждение ТКМВ». Общий вид формы ТКМВ представлен на рисунке 1.

Из листа «А.0 Общие сведения» берется следующая информация: Наименование услуги, Наименование организаций участвующих в оказании услуги (подуслуги), информация о том является ли организация поставщиком или потребителем данных в рамках услуги.

Из листа «А.1.1 – А.1.2 Описание услуги» берутся: Наименование «входного» документа услуги, а также перечень подуслуг, которые необходимы для получения документа. Подуслуги, в свою очередь, являются отдельными бизнес-процессами, описанными в ТКМВ.

Таким образом, интегрированный бизнес-процесс включает в себя всю совокупность подуслуг, необходимых для оказания «главной» услуги, а также связи между ними. Это позволяет провести дальнейший анализ бизнес-процесса с целью его оптимизации.

Из листа «А.1.3 – А.2 Оптимизация услуги» берутся: Наименование входного документа услуги; Ведомство, ответственное за предоставление документа.

Из листа «А.3 – А.6 Перечень запросов» берутся: Наименование запрашиваемого документа; Наименование запроса; Ведомство ответственное за направление запроса; Ведомство ответственное за направление ответа.

Полученные таблицы были использованы для создания информационного обеспечения подсистемы в виде реляционной базы данных, инфологическая модель которой представлена на рисунке 2.

В основе алгоритмического обеспечения подсистемы построения интегрированного бизнес-процесса лежит система рекурсивных запросов к данной БД по следующему алгоритму (рис. 3):

1. Определение анализируемого документа, который помещается во временную таблицу.

2. Определение новых входных документов для всех услуг и подуслуг (формирование документов)

Рис. 3. Алгоритм рекурсивных запросов к БД

Таблица 2

Результаты сравнения нотаций

	BPMN	DFD	IDEF3
Документы	±	+	+
Исполнители	+	+	-
Процессы	+	+	+
Автоматизация	-	+	+

находящихся во временной таблице, и добавление их во временную таблицу.

Выбор входных документов для операций, обозначенных в ТКМВ, как услуги:

INSERT INTO результат (документ, услуга, подуслуга, получение, необходимость, источник, межвед, причина, орган) SELECT Документ.Код_Д, min(Документ.Услуга), min(Документ.подуслуга), min([Входные документы].[Способ получения]), min([Входные документы].[Возможность исключения]), min(Документ.Источник), min(Документ.Межвед), min(Документ.Причина), min(Услуга_1.Орган) FROM Услуга AS Услуга_1 INNER JOIN (Документ INNER JOIN ((Услуга INNER JOIN Результат ON Услуга.Код_У = Результат.Услуга) INNER JOIN [Входные документы] ON Услуга.Код_У = [Входные документы].Услуга) ON Документ.Код_Д = [Входные документы].Документ) ON Услуга_1.Код_У = Документ.Услуга WHERE NOT EXISTS (SELECT документ FROM результат WHERE результат.документ=Документ.Код_Д) GROUP BY Документ.Код_Д;

Выбор входных документов для операций, обозначенных в ТКМВ, как подуслуги:

INSERT INTO результат (документ, услуга, подуслуга, получение, необходимость, источник, меж-

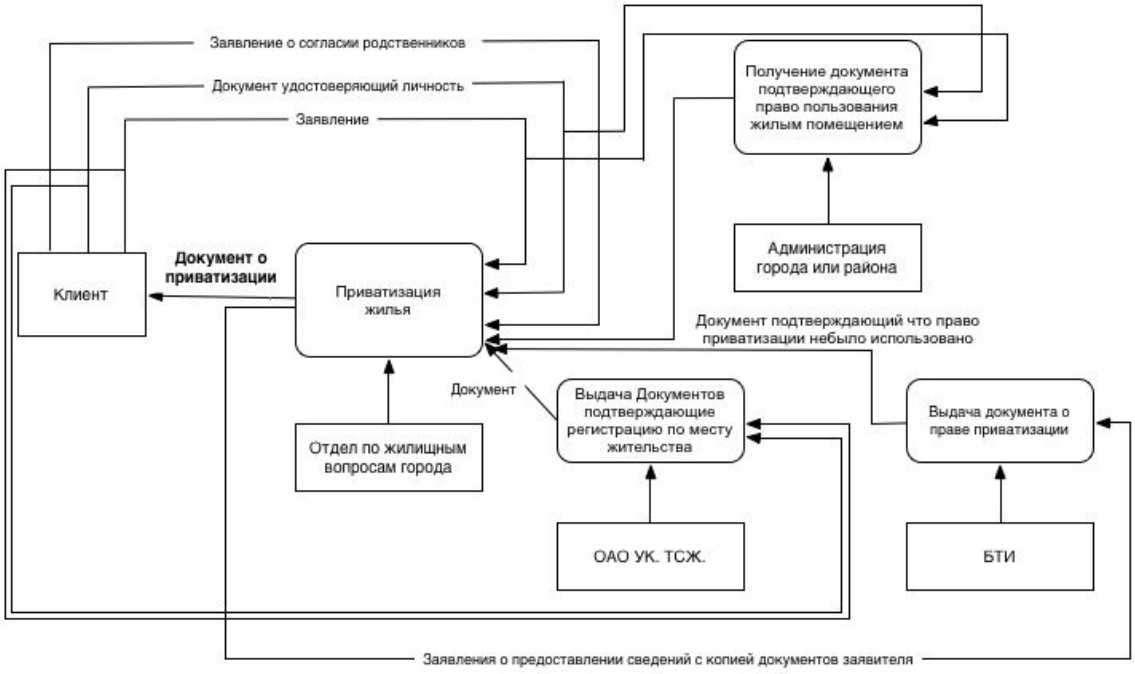


Рис. 4. Результат работы подсистемы обработки ТКМВ

вед, причина, орган) SELECT Документ.Код_Д, min(Документ.Услуга), min(Документ.подуслуга), min([Входные документы].[Способ получения]), min([Входные документы].[Возможность исключения]), min(Документ.Источник), min(Документ.Межвед), min(Документ.Причина), min(Услуга_1.Орган) FROM Услуга AS Услуга_1 INNER JOIN (Документ INNER JOIN (((Подуслуга INNER JOIN Результат ON Подуслуга.Код_ПУ = Результат.Подуслуга) INNER JOIN Услуга ON Подуслуга.Осн_услуга=Услуга.Код_У) INNER JOIN [Входные документы] ON Услуга.Код_У = [Входные документы].Услуга) ON Документ.Код_Д = [Входные документы].Документ) ON Услуга_1.Код_У = Документ.Услуга WHERE NOT EXISTS (SELECT документ FROM результат WHERE результат.документ=Документ.Код_Д) GROUP BY Документ.Код_Д;

Шаг 2 выполняется до тех пор, пока не будет найдено новых документов:

3. Определение исполнителей для каждой подуслуги по предоставлению документов находящихся во временной таблице.

4. Построение диаграммы бизнес-процесса услуги по предоставлению начального документа.

Для удобного восприятия результатов рекурсивных запросов необходимо представить получившиеся данные в виде work-flow диаграммы, при этом необходимо правильно выбрать нотацию представления [5]. При выборе нотации учитывались следующие критерии:

1) однозначное обозначение передаваемых документов;

2) четкое указание исполнителя и выполняемых работ;

3) простота автоматизированного синтеза.

Выбор осуществлялся между следующими нотациями: DFD, BPMN, IDEF3. Результаты сравнения представлены в таблице 2.

Таким образом, в качестве нотации для визуального представления бизнес-процессов выбрана DFD [5], которая предназначена для описания связей между исполнителями, работами (услугами) и формируемыми документами.

Пример диаграммы DFD (приватизация жилых помещений), полученных в результате выполнения предлагаемой подсистемы, приведен на рисунке 4.

В результате работы подсистемы обработки ТКМВ получается интегрированный бизнес-процесс, включающий в себя всю совокупность подуслуг, необходимых для оказания «главной» услуги, а также связи между ними. Это позволяет провести дальнейший анализ бизнес-процесса с целью его оптимизации.

Библиографический список

1. Федеральный закон № 210-ФЗ от 27 июля 2010 года «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг».

2. Приказ Министерства связи и массовых коммуникаций Российской Федерации от 27 декабря 2010 г. № 190 «Об утверждении технических требований к взаимодействию информационных систем в единой системе межведомственного электронного взаимодействия».

3. Постановление правительства Российской Федерации от 8 июня 2011 года № 451 «Об инфраструктуре, обеспечивающей информационно-технологическое взаимодействие информационных систем, используемых для предоставления государственных и муниципальных услуг в электронной форме».

4. Методика подготовки технологических карт межведомственного взаимодействия // Портал методической поддержки реализации федерального закона № 210-ФЗ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://210fz.ru/mdx/index.php?id=25.

5. *Костров А.В.* Основы информационного менеджмента. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Финансы и статистика, 2009. – 528 с.

УДК 339.138

Илюхина Анна Станиславовна
кандидат экономических наук
Селиванова Лариса Ивановна
кандидат психологических наук

К ВОПРОСУ О СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ АСПЕКТАХ УПРАВЛЕНИЯ ОРГАНИЗАЦИЕЙ

Работа представляет собой ретроспективный обзор эволюции взглядов на роль человека в организации через призму классической теории, теории человеческих отношений и человеческих ресурсов. Показано, что персонал является важнейшим фактором эффективности организации, а целые научные школы разрабатывают концептуальные основы работы с персоналом. При этом осмысление сущности управления персоналом выражается в диаметрально противоположных философиях, что подтверждает актуальность вопроса.

Ключевые слова: *«человеческие ресурсы», «управление человеческими ресурсами», «персонал», «философия управления персоналом».*

Сотни лет во взглядах общества на работников доминировал технократический подход, основанный на идее, что человек – придаток машины. Ранний технократизм отличает перевес важности использования техники в ущерб или полному игнорированию человека как элемента производственной системы. Позднее классический технократизм уже признавал равенство значений человека и машины. Однако работники полностью игнорировались как личности. В целом, изменение роли человека в организации за прошедшие полтора столетия привело к развитию соответствующих теорий. Так, в экономике и управлении постепенно сложились три основных направления: классические теории, теории человеческих отношений и теории человеческих ресурсов.

Исторически первыми сформировались *классические теории*. В период с 1880 по 1930 года прослеживается единый взгляд таких ученых как Ф. Тейлор, А. Файоль, Г. Эмерсон, Л. Урвик, М. Вебер, Г. Форд, А.К. Гастев, П.М. Керженцев и др. на организацию труда людей. Вместо человека в производстве рассматривалась лишь его функция – труд, оцениваемый затратами рабочего времени и зарплатой (labour resources use).

Например, Ф.У. Тейлора интересовала не эффективность человека, а эффективность деятельности организации, что в дальнейшем воплотилось в его систему научного управления производством, известную как «тейлоризм». До сих пор американского инженера Ф. Тейлора считают «отцом» научного менеджмента. Его главная заслуга состоит в том, что именно он впервые решил задачу многократного увеличения производства продукции не за счет расширения самого производства, а посредством совершенствования стимулирования труда и увеличения его интенсивности. Г. Форд сформулировал ряд положений о справедливости оплаты труда и установлению фиксированного количества рабочего времени в неделю. А. Файоль в управлении рассматривает пять основных функций: планирование, организация, подбор и расстановка кадров, руководство (мотивация) и контроль. Файоль одним из первых поставил вопрос о принципиальной роли индивидуально-психологических качеств менеджеров в успешном функционировании организации. Но в целом считалось, что основным мотивом работников является преимущественно заработная плата, индивиды избегают творческой самостоятельной деятельности, безынициативны. А поэтому требуется постоянное наблюдение и систематический контроль сотрудников, алгоритмизация их деятельности в форме простых и понятных инструкций.

В нашей стране научный подход к управлению был изложен в трудах П.М. Керженцева и А.К. Гастева. Ими были разработаны методы анализа трудовых операций и методика обучения трудовым приемам. В. Парето и М. Вебера считают основоположниками организационной теории или подхода к управлению с позиции социальных систем. Именно Парето считал, что социальные системы проявляют тенденцию к поиску равновесия после того, как подвергаются внешнему или внутреннему воздействию, а задачей правящего класса является обеспечение руководства для сохранения социальных систем.

Далее, с развитием капитализма, на фабриках ужесточается эксплуатация труда, обостряются социальные конфликты. Поэтому важнейшими задачами стали организация труда и поддержание дисциплины на больших производствах, где труд стал носить коллективный характер. Постепенно острая необходимость регулирования отношений между руководителями и подчиненными выходят на первый план, направляя за собой усилия ученых на разработку соответствующих подходов. Так сложились *теории человеческих отношений* (неоклассические теории) или гуманистический технократизм в период с 1930-х годов.

Школа «человеческих отношений» возникла как альтернатива менеджменту, ориентированному на конечный результат. Сторонники новых идей Э. Мэйо, К. Арджерис, Р. Ликарт, Р. Блейк и др. ученые предлагают руководителям учитывать не только материальные мотивы работников в орга-

© Илюхина А.С., Селиванова Л.И., 2012

низации их труда, но и обращение к человеку как таковому (personnel management). В результате хоторнского эксперимента Э. Мэйо показал, что рабочие трудятся высокопроизводительно, если они участвуют в процессе принятия решений и являются важной составной частью процесса производства. То есть эффективность трудового поведения работника, рост его производительности в большей степени зависит от психологических и социальных факторов, чем от материальных. Однако такое обращение все равно носило унифицированный обезличенный характер, без учета индивидуальности и интересов каждого. В этот период администрация стала информировать подчиненных о своих планах, учитывать их мнение по их совершенствованию, работники стали более самостоятельны в выполнении рутинных операций. Именно за счет более полного удовлетворения потребностей работников, а далее постепенной организации взаимодействия и сотрудничества на производстве наблюдается сглаживание глубоких противоречий между руководителями и подчиненными. В то же время считалось, что человек сам должен заботиться о себе, своем образовании и развитии, поэтому затраты на персонал рассматривались как издержки, которые целесообразно сокращать.

Постепенно необходимость учета индивидуальных особенностей персонала приводит к созданию на больших производствах специальных подразделений. Если в начале XX века такие единичные службы были созданы в некоторых предприятиях, то они занимались исключительно наймом и учетом рабочего времени. А вот в середине века вместе с развитием таких служб появились новые профессии: агент по найму, управляющий по заработной плате, специалист по обучению. Позднее, на этапе глубокой технической и технологической реконструкции предприятий во второй половине прошлого века перед сотрудниками отделов кадров встает задача перехода от жесткого нормирования труда к учету индивидуальных результатов каждого сотрудника и разработке более гибких систем мотивации. Так, на смену концепции управления персоналом, базирующейся на технократическом подходе, в 90-х годах прошлого века приходит новая *концепция управления человеческими ресурсами* (human resource management). Ее авторами являются А. Маслоу, Ф. Герцберг, Д. Макгрегор и др.

Современные взгляды на роль человека в организации существенно изменились. Д. Макрегор выдвинул две теории. Теория «X» – человек не стремится к труду, поэтому его необходимо постоянно принуждать и руководить им, а сам работник стремиться избегать ответственности и беспокоится лишь о своей безопасности. В этом случае авторитарное руководство обеспечивает выполнение большого объема работ в сжатые сроки, но практически исключает творческую инициативу и оригинальные решения и способствует росту агрессии и конфликтов. Теория «У» сводится к противоположному предположению о том, что работник активен, ответственен и способен к самоконтролю. Поэтому работник достигает личных целей успешнее, если внешний его контроль сводится к естественному самоконтролю и самоорганизации.

В целом в рамках теории человеческих ресурсов считается, что труд для большинства работников приносит удовлетворение, сами работники способны к большей самостоятельности, творчеству, ответственности и личному самоконтролю. Задачей современного руководителя является создание условий для максимального раскрытия потенциала работника, следствием чего должно стать повышение эффективности производства. Так, в конце прошлого столетия большинство руководителей пришли к единому мнению, что персонал является важнейшим фактором эффективности организации, значение которого все более возрастает. Более того, современное понимание роли человека в организации сложно преуменьшить, так как именно работники являются стратегическим фактором, определяющим будущее организации и являющиеся ее конкурентным преимуществом.

Некоторые авторы считают, что на смену управлению человеческими ресурсами постепенно приходит управление человеком или социальный менеджмент (human being management), в основе которого человек – главный субъект организации и особый объект управления, который не может рассматриваться как «ресурс». Основоположниками данной концепции являются японские авторы К. Мацусита и А. Морита. Концепция тесно связана с идеей всестороннего развития личности философа Л.А. Зеленова. В той или иной взаимосвязи с этими концепциями развивается в настоящее время теория «социального капитала», основанная на теории «человеческого капитала» А. Смита, Т. Шульца, Г. Беккера, Дж. Марсера. Так, в отличие от других видов капитала (финансового, физического, личностного) социальный капитал представляет собой слабоформализуемый феномен, отражающий характер социальных отношений, сложившихся в организации между ее персоналом, культура взаимодействия, принятая и действующая в данной системе ценностей.

Переосмысление роли и места человека в производственной деятельности привело к использованию различных понятий: «рабочая сила», «трудовые ресурсы», «кадры», «персонал», «человеческие ресурсы». Так, согласно А.Я. Кибанову, термины «кадры», «рабочая сила» и «трудовые ресурсы» чаще употребляются для характеристики трудоспособного населения в масштабах всей страны, региона, отрасли экономики или в классических теориях, в этом случае преобладает обезличенный унифицированный подход. Наиболее широкое

и длительное хождение в науке и практике получило понятие «персонал».

В.Р. Веснин указывает, что «…когда мы говорим о персонале, то предполагаем, что к работникам относятся уже как к людям, но к людям вообще, лишенным индивидуальных различий, т.е. однородной, безликой массе» [2, с. 15] , при этом А.Я. Кибанов, определяя персонал как «личный состав организации, включающий всех наемных работников, а также работающих собственников и совладельцев» [1, с. 56], дает четкие признаки персонала. Во-первых, это «наличие трудовых взаимоотношений с работодателем…», во-вторых «обладание определенными качественными характеристиками (профессией, специальностью, квалификацией и др.), наличие которых определяет деятельность работника на конкретной должности или рабочем месте, а, следовательно, отнесение его к одной из категорий персонала: руководителей, специалистов, других служащих, рабочих» и, в-третьих, «целевая направленность деятельности персонала, т.е. обеспечение достижения целей организации путем установления адекватных им целей отдельного работника и создания условий для их эффективной реализации».

Надо признать, что даже при таком широком распространении термина «персонал», как в прошлые годы в отечественной и зарубежной литературе, так и в настоящее время в период развития теории человеческих ресурсов, современное его толкование все равно, если не полностью лишено, то, как минимум, не достаточно учитывает личностную составляющую, с присущей ей интересами, мотивацией, ценностями, способностями и склонностями.

Более емкое и современное понятие «человеческие ресурсы» должно основываться на совокупности социокультурных и психологических свойствах людей. А.П. Егоршин предлагает рассматривать человеческий ресурс, как «невозобновляемый ресурс – элемент социальной организации в единстве трех основных компонентов (трудовой функции, социальных отношений, состояния работника)». У А.Я. Кибанова «человеческие ресурсы» трактуются как понятие, «отражающее главное богатство любого общества, процветание которого возможно при создании условий для воспроизводства, развития, использования этого ресурса с учетом интересов каждого человека» [1, с. 58]. При рассмотрении конкретной организации можно отследить в той или иной степени целенаправленное формирование уникального социального капитала «как совокупности знаний, навыков, профессиональных способностей работника» [2, с. 91]. Именно социальный капитал характеризует в целом качество рабочей силы и возможности работника в трудовом процессе.

Таким образом, содержание терминов «кадры», «персонал», «рабочая сила», «трудовые ресурсы» отражает функциональный технократический подход к работнику и соответствует концепции «экономического человека», а термин «человеческие ресурсы» является выражением личностного подхода и основан на концепции «человека социального».

Управление человеческими ресурсами как вид профессиональной деятельности носит комплексный характер, объединяя в себе социально-управленческий, психологический, экономический и правовой подходы. Это в свою очередь усложняет научно-теоретическую основу соответствующего профиля подготовки. Сегодня в России можно выделить несколько научных школ, в которых разрабатываются концептуальные основы работы с персоналом.

Одной из первых сложилась научная школа под управлением профессора А.Я. Кибанова. С 90-х годов основные научные интересы он и его последователи сосредоточили на теоретико-методических основах управления персоналом в рыночных условиях. Коллективом ученых Государственного университета управления, где впервые была открыта соответствующая кафедра и началась подготовка специалистов, выработана концепция и философия управления персоналом в Российских условиях, глубоко обоснованы организационно-экономические принципы и закономерности формирования системы управления персоналом и кадровой политики. Психологические аспекты управления персоналом изучаются последователями Ю.Д. Красовского. Другая научная школа связана с именем Ю.Г. Одегова. Его сторонники, ученые Российского экономического университета имени Г.В. Плеханова, разработали методологию оценки экономической и социальной эффективности работы с персоналом, обосновали аудит и контроллинг персонала. С.А. Карташов раскрыл особенности подбора персонала через рекрутинговые агентства в России. В Российской академии госслужбы исследуется интеллектуально-кадровый потенциал России под руководством А.И. Турчинова и его последователей, разрабатываются психолого-акмеологические технологии сопровождения профессиональной деятельности специалистов в научной школе А.А. Деркача, Т.Ю. Базарова. Методологические и прикладные аспекты развития и становления профессионала, вопросы экономического самоопределения, изучение субъекта профессиональной деятельности активно развиваются в трудах ученых Института психологии РАН. Экономические основы управления персоналом также развиваются в трудах А.П. Егоршина, В.Р. Веснина и многих других российских ученых.

Осмысление сущности управления персоналом выражается в соответствующей философии. Российская философия управления персоналом «многообразна и зависит от формы собственности, региональных и отраслевых особенностей и величины организации. Крупные организации сохраняют

свои традиции четкой дисциплины, коллективизма, эффективности, повышения уровня жизни работников и сохранения социальных благ и гарантий сотрудников в новых условиях хозяйствования. Организации малого бизнеса работают в условиях отсутствия четко сформированной философии, достаточно жесткого и не всегда гуманного отношения к персоналу со стороны собственников и минимальной демократизации управления». Отношения между сотрудниками отягощены личными переживаниями: подбор, найм и служебно-профессиональное продвижение часто основаны на личных и родственных связях.

Западная философия основана на традициях конкуренции, соперничества и индивидуализма. Персонал нацелен на обеспечение максимальной прибыли организации, в конечном итоге от этого зависит доход конкретного работника. Развит индивидуализм, индивидуальная ответственность и индивидуальное принятие решений, практикуется ранжирование сотрудников по достижениям. В основе американского менталитета найм сотрудника на короткое время, основной девиз кадровой политики «перекупи кадры». Каждые 3–5 лет принято менять место работы, не засиживаться, а, наработав опыт, искать более перспективное место. Возможна быстрая вертикальная карьера, потому что в организациях принята открытая кадровая политика. Отношения между сотрудниками формальные. Особенностью немецкой философии является неизменная пунктуальность, экономность, деловитость, четкое отделение труда от отдыха. Наряду с менеджментом персонала происходит активное внедрение информационных технологий (электронный HR), посредством которых происходит эффективная реализация задач, например, подбор персонала, документооборот, учет персонала осуществляется в интернете. Доминирует компетентностный подход в оценке персонала, среди востребованных компетенций в условиях глобализации отмечаются языковая грамотность, цивилизованность, мобильность сотрудников, социальные качества.

В целом западная философия пронизана идеей связи управления человеческими ресурсами с внешними аудиториями – клиентами компании. У специалистов HR-службы появляются новые маркетинговые функции формирования ценности компании для работающих сотрудников, соискателей вакансий и клиентов и потребителей продукции и услуг компании. Это проблемы формирования привлекательного HR-бренда, как работа с репутацией компании как работодателя. Проблемная область находится на пересечении маркетинга как позиционирования и рекрутинга. HR-брендинг – это, прежде всего, способ привлечь квалифицированных сотрудников, но не высокой заработной платой, как это обычно бывает, а созданием более привлекательного имиджа работы в компании. Соискатели понимают, что это брендовая организация дает ценную строчку в карьерном портфолио. В западной теории, чем сильнее HR-бренда, тем меньше затраты на персонал, т.е. компании с сильным брендом могут заполучить таких топ-менеджеров, которые для менее престижных организаций доступны только лишь при условии высокой заработной платы.

Библиографический список

1. Управление персоналом организации: Учебник / под ред. А.Я. Кибанова. – М.: ИНФРА-М, 2007. – 638 с.

2. Управление персоналом: учебник / под общ. ред. А.И. Турчинова. – М.: Изд-во РИС, 2008. – 608 с.

УДК 657.0

Коновалова Екатерина Владимировна
кандидат экономических наук
Костромской государственный университет им. Н.А. Некрасова

РАЗГРАНИЧЕНИЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО И СЕМЕЙНОГО КАПИТАЛОВ

В статье обосновывается позиция формирования семейного и человеческого капиталов в контексте разграничения капитала-собственности и капитала-функции.

Ключевые слова: *человеческий капитал, семейный капитал, человеческий потенциал.*

Путь к новой экономике лежит через наращивание человеческого потенциала, поэтому приоритетное развитие человеческих качеств, формирование принципиально новых технологий и структуры экономики, ориентированных на развитие человека творческого – важнейшие стратегические цели российской модернизации. В современной научной литературе отмечается, что «в новом обществе основными сферами развития (и, как следствие, прогресса, роста производительности, эффективности, качества жизни) становятся новые отрасли широкомасштабного «производства» главного ресурса новой экономики – не денег, не машин и даже не информации, а «человеческих качеств» – новаторских способностей и способностей к неотчужденному диалогу и кооперации с другими людьми и подлинной культурой (а не только «знаниями»). Именно такие люди (о них писали многие философы и социологи: А. Печчеи, Э. Фромм, Ж.-П. Сартр) – свободные, творчески развивающиеся, выбирающие «быть», а не «иметь» создают и «информацию», и know how, и все другие высокоценные блага неоэкономики» [5, с. 306].

Следовательно, основными «отраслями» ближайшего будущего должны становиться воспитание и образование, т. е. непосредственное «производство» человеческих качеств, а также наука, искусство, высокотехнологичное производство и социальное новаторство как сферы реализации человеческих качеств.

Известно, что одним из институтов общества, первой ступенью в формировании человеческого капитала, его производстве, развитии, реализации и сохранении является семья. Именно семья создаёт новое качество индивида – человека знающего, человека любящего, человека, способного чувствовать красоту.

Целый ряд зарубежных и отечественных авторов делают вывод о происходящем в развитых странах *институциональном кризисе* семьи. Одни авторы причины резкого снижения фертильности видят в политике государства, ориентированной на индивида, а не на семью, другие – в повышении относительной «стоимости» детей, повышении значимости человеческого капитала, «повышении требований к качеству детей, измеряемому эмпирически состоянием здоровья, образованием, заработками. Цена качества детей и цена их количества отрицательно взаимосвязаны» [3, с. 188]. Российские авторы А.И. Антонов, С.А. Сорокин связывают резкое ослабление репродуктивной функции семьи с происходящей во всех странах революцией в иерархии ценностей общества и личности, ценностным кризисом семейного образа жизни. Другой причиной они считают безвозмездную отдачу семьей другим институтам общества своего «продукта» [1, с. 6, 54].

Институт семьи отреагировал на новые социальные требования резким сокращением фертильности и значительным усилением функции социализации, делая упор на улучшение здоровья детей и образование. В общественном сознании это нашло отражение в формуле «лучше меньше детей, но высокого качества». Данная переориентация являлась важным фактором изменения семейного уклада в сторону его направленности, с одной стороны, на снижение фертильности, с другой, на реализацию здорового образа жизни, усиление в системе ценностных ориентации качественного образования для детей. Все это являлось важнейшими факторами, способствующими социальной адаптации «продукта» института семьи – новых поколений в резко изменившихся условиях [3, с. 189].

Под человеческим капиталом, по определению Г. Беккера, обычно понимают знания, навыки и умения человека, которые приводят (возможно, в будущем) к росту производительности и доходов, т.е. инвестиции в человеческий капитал должны со временем дать определенную отдачу. При этом ожидаемая отдача должна быть выше ожидаемых издержек (прямых и альтернативных), только тогда человек примет положительное решение об инвестициях в образование. Возникает зависимость уровня получаемого индивидом образования и его образовательных достижений (например, успеваемости), от так называемого семейного капитала, представляющего собой, согласно концепции Дж. Коулмана [6, p. 95–120], разные виды ресурсов родителей ребенка: экономический капитал – доходы, человеческий капитал – образование родителей, социальный капитал – плотность внутренних и внешних социальных сетей. Взаимообусловленность семейного и человеческого капиталов может быть идентифицирована в силу нижеследующего.

Если обнаруживается, что образовательные возможности ребенка зависят от социально-экономических характеристик его семьи, такое неравенство

© Коновалова Е.В., 2012

считается несправедливым. Уровень доходов семьи положительно связан с инвестициями в образование детей и их достижения, а число детей в домохозяйстве – отрицательно. Высокий человеческий капитал родителей позволяет им больше знаний и навыков передать детям, что при прочих равных условиях способствует более высокой успеваемости. Положительными факторами образовательных возможностей также являются социальный и культурный капитал семьи.

Понятия культурного и социального капитала детально рассмотрены П. Бурдье. Культурный капитал, согласно его концепции, может выступать в трех видах: инкорпорированном, т.е. связанном с культурой, знаниями самого человека, объективированном, т.е. в культурных товарах, имеющихся в семье, и институционализированном, т.е. в форме академических квалификаций. Одна из оценок объективированного семейного капитала – объем семейной библиотеки. «Социальный капитал представляет собой совокупность реальных или потенциальных ресурсов, связанных с обладанием устойчивой сетью более или менее институционализированных отношений взаимного знакомства и признания – иными словами, с членством в группе» [2, с. 66]. Различные формы семейного капитала могут быть измерены на основе имеющихся аппроксимирующих переменных.

Исследователями обнаружена зависимость образовательных возможностей от объемов семейного капитала – социально-экономических характеристик и ресурсов семьи, а также институциональных барьеров. Обретение собственности основной массой семей, улучшение экономического положения коренным образом изменило их статус, качественно изменило семейный уклад, обогатив его функционально. Ниже будут конспективно изложены идеи Р.К. Ивановой [3, с. 191–193], являющиеся теоретическим основанием наших дальнейших рассуждений. Изложим основные аспекты изменения семейного уклада:

– резко расширился и качественно изменился спектр потребностей семьи, формируется спрос как на более технологичные товары, так и на услуги, что непосредственно влияет на формирование структуры общественного производства в направлении все большей социальной ориентации. Это резко повысило статус семейных хозяйств как основных потребителей на рынке;

– у большинства семей возникла экономическая возможность выполнения функции сберегателей-заимодавцев (держателей государственных и частных ценных бумаг, банковских депозитов и др.). В США в начале 90-х годов из общего числа семейных хозяйств имели сберегательные счета свыше 73%, текущие банковские счета – 46%, владели акциями корпораций и различных финансовых фондов свыше 20%;

– существенное улучшение экономического положения позволило расширить участие семей в акционерной собственности. В США число акционеров за последние двадцать лет возросло с 25 до 50 млн. человек, т.е. в 2 раза, в Великобритании – с 1,5 до 10 млн. человек, во Франции – с 1 до 6 млн. В США, Великобритании, Франции от 20 до 25% семей владеют акциями, несколько меньше в Германии и Японии, но и там наблюдается быстрый рост. Соучастие семейных хозяйств в акционерном капитале имеет принципиальное значение для ускорения НТП, поскольку, с одной стороны, позволяет в значительной степени снять ограничения в развитии наиболее перспективных его направлений через рассредоточение предпринимательского риска между многочисленными кредиторами; с другой, позволяет держать под контролем экономическую и социальную эффективность использования средств;

– накопление семейной собственности, особенно недвижимости, изменение производственно-технических условий привели к резкому росту значения производственной функции семьи, усиления значения таких институциональных форм хозяйственной деятельности в семейном укладе, как домашнее хозяйство, самозанятость, индивидуальное (семейное) предпринимательство с наемным трудом.

Получившая широкое распространение во всех развитых экономиках самозанятость в виде огромного числа личных и семейных предприятий (биржевые брокеры, деловые консультанты, адвокаты, врачи и т.д.), хотя и примыкает к домохозяйству, однако институционально оформляются как деловое предпринимательство (требуется лицензия, патент). Данная форма занятости членов семьи существенно влияет на семейный уклад, т.к. позволяет не только существенно улучшить экономическое положение семей, но и реализовать интеллектуальный потенциал их членов в удобном для них свободном режиме.

В силу того, что все большая масса интеллектуального труда перемещается в сферу создания и использования информации, а средства ее обработки, хранения становятся доступными для основной массы семей (за последние 15 лет цены на компьютеры из расчета стоимости единицы памяти жесткого диска снизились более чем в 2 тысячи раз), самозанятость получила сильнейший импульс развития.

Информатизация всех сторон жизни общества и переход к новым формам управления динамизировали развитие семейного предпринимательства с наемным трудом. Данная институциональная форма характеризуется тем, что собственник работает, как правило, в режиме неограниченной ответственности как по отношению к клиентуре, так и по отношению к наемному персоналу. Данная

форма весьма существенно влияет на семейный уклад, так как, с одной стороны, является способом реализации интеллектуальных потенций членов семьи (особенно в сфере НИОКР, когда лидер-интеллектуал формирует команду для решения научной или технической проблемы, создает лабораторию и т.д.), с другой – позволяет более полно совместить в домохозяйстве функции родителей по воспитанию детей и функции работников.

Таким образом, во всех развитых странах на новой материально-экономической основе формируется новый семейный уклад, функционально обогащенный, особенно за счет производственной функции.

Многочисленные эмпирические работы, осуществленные на Западе, а в последнее время также и в России, в основном подтвердили теоретические предположения о детерминации объемов инвестиций в человеческий капитал детей, образовательных достижений и намерений ребенка (например, поступать в вуз) объемами семейного капитала (материального, человеческого, социального, культурного) [4, с. 261].

Итак, взаимообусловленность семейного и человеческого капиталов в той или иной степени нами проиллюстрирована. В то же время достаточно очевидна необходимость проведения дальнейших более углублённых исследований по заявленной проблеме.

Библиографический список

1. *Антонов А.И., Сорокин С.А.* Судьба семьи в России XXI века. – М., 2004.

2. *Бурдье П.* Формы капитала // Экономическая социология. – 2002. – Т. 3. – № 5.

3. *Иванова Р.К.* Семейный уклад и основы жизнеустройства / Многоукладность России: исторические корни, состояние и перспективы. – М.: Институт экономики РАН, 2009.

4. *Рощина Я.М.* Семейный капитал как фактор образовательных возможностей российских школьников // Вопросы образования. – 2012. – № 1. – С. 261.

5. Стратегия опережающего развития – III. Т. 1: Российские модернизации: диагнозы и прогнозы / под общ. ред. А.В. Бузгалина, Р. Крумма. – М.: ЛЕНАНД, 2011.

6. *Coleman J.* Social capital in the creation of the human capital // American Journal of Sociology. – 1988. – Vol. 94.

УДК 330

Ратькова Александра Борисовна
кандидат экономических наук
Костромской государственный университет им. Н.А. Некрасова
ratkova.a@yandex.ru

ГОСУДАРСТВО РАЗВИТИЯ: ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ

В статье рассматривается проблема развития, составляющая ядро новой идеологии XXI века, идеологии развития, аргументируется особая роль государства в нейтрализации внутренней напряженности институциональной среды и формировании прочной институциональной основы, необходимой для стабильности экономики развития.

Ключевые слова: *развитие, государство развития, экономика развития, формальные нормы, неформальные нормы, институциональная среда.*

Последовательная реализация идеи развития, являющаяся императивом XXI века, предполагает осуществление одного из фундаментальных прав – права на развитие человека, общества и всего человечества. При этом необходимо постоянное соотнесение понимания развития с быстро изменяющейся ситуацией. В словарной статье можно встретить следующее понятие: «Развитие – необратимое, направленное, закономерное изменение материальных и идеальных объектов; выделяют восходящее развитие и называют его прогресс, и нисходящее развитие, называя его регресс». Такое определение сочтет развитием любое «изменение объектов», в том числе и массовую гибель населения в результате болезней или войны. Чтобы обозначить и различить «положительные и отрицательные» изменения вводят понятия «восходящего» и «нисходящего» развития. Однако эти метафоры дают мало полезного для практического применения. В каждом конкретном случае мнения расходятся относительно того, что считать прогрессом и регрессом по отношению к социальным системам [1, с. 12–13]. В рамках системного подхода под развитием понимается процесс перехода системы из одного состояния в другое, сопровождающийся структурными изменениями в системе. Однако этого уточнения недостаточно, поскольку разрушение – это тоже изменение структуры. Философская энциклопедия предлагает более полное описание категории развития: «Закономерное изменение материи и сознания, их универсальное свойство; собственно “развертывание” до сих пор “свернутого”, выявление, обнаружение вещей, частей, состояний, свойств, отношений, которые имелись и прежде, уже были подготовлены, но не были доступны восприятию, особенно в смысле восхождения от низшего и малозначащего к высшему и полноценному. Развитие

© Ратькова А.Б., 2012

бывает экстенсивным, то есть проявлением и увеличением уже имеющегося, и интенсивным, то есть возникновением качественно новых форм. С другой стороны, развитие бывает экзогенным, то есть определяемым только извне, или эндогенным, источник которого находится внутри самого развивающегося» [3, с. 576]. Данное понятие содержит такие важные признаки развития, как возникновение качественно новых форм. Можно сказать что развитие – это процесс движения субъектов или объектов от данного состояния к качественно новому состоянию, процесс, содержанием которого является формирование и реализация потенциала развития. Понятие развития составляет ядро новой идеологии XXI века – девелопментизма, то есть идеологии развития.

Как отмечают зарубежные ученые, практическая необходимость реализации идеи развития обусловила появление государства развития [2, с. 183]. М. Кастельс дает ему следующее определение: «Государство является государством развития, когда оно устанавливает, как принцип легитимности, способность продвигать и поддерживать развитие, понимая под развитием комбинацию стабильно высоких темпов экономического роста и структурных изменений в экономической системе, как у себя дома, так и в своих отношениях с международной экономикой» [2, с. 183]. Подчеркивая важное значение появления феномена государства развития в современных условиях, М. Кастельс утверждает, что «вместе с рядом исследователей я подтвердил в нескольких работах, что у истоков подъема азиатско-тихоокеанских экономик лежит национальный проект государства развития» [2, с. 184]. А, как известно, азиатско-тихоокеанские экономики – самая динамично развивающаяся часть глобальной экономики.

Потенциал экономического развития предполагает прочную институциональную основу. Институты как формальные и неформальные нормы поведения расширяют возможность анализа трендов устойчивого экономического развития общества. В формировании институциональной среды особая роль отводится государству. Рыночные механизмы не способны воспроизводить формальные нормы – это функция самого государства.

Нормы являются базовыми регуляторами взаимодействий между экономическими субъектами. Ими определяется «как должен вести себя индивид в различных ситуациях, при этом выполнение предписания либо носит добровольный характер, либо основывается на санкциях (социальных, экономических, юридических)» [4, с. 137]. Норма становится правилом поведения людей лишь тогда, когда четыре ее элемента – атрибут, фактор долженствования, цель и условие – дополняются пятым важным элементом – санкцией за нарушение нормы или за уклонение от следования ей [4, с. 138]. Если такие отклонения от нормы, означающие оппортунистическое поведение, возникают как исключительные случаи, то, это можно характеризовать как аномалии – ненормальные, не принятые массой экономических субъектов формы поведения. Но, если оппортунистическое поведение в той или иной конкретной ситуации становится массовым, принимается большими совокупностями экономических субъектов как нормальное, то, возникнув в виде аномалии, теперь само становится нормой. Контрагенты в экономических взаимодействиях ожидают друг от друга именно такого поведения, а следование ранее установленной норме превращается в отклонение от вновь установившегося порядка взаимодействий, то есть – в аномалию [5, с. 601]. Одной из причин этого являются особенности формирования институтов и институциональной среды в современной экономике России. Создание формальных институтов происходило:

1) по принципу институциональных заимствований правовых элементов из правовых норм других, так называемых развитых государств. В качестве наиболее явных примеров можно привести Гражданский кодекс Российской Федерации, Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)» от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ, Федеральный закон о «Защите конкуренции» от 26 июля 2006 г. № 135-ФЗ. Необходимо отметить, что процесс заимствования институтов из институциональной среды даже промышленно развитых стран должен происходить на основе тщательного изучения выгод и издержек от внедрения нового института и разрушения старого в случае замены;

2) по принципу длительного и неэффективного совершенствования советского законодательства, с принятием в последствие не всегда удачных нормативных актов (наиболее яркие примеры – нормативные акты в сфере природоресурсного, жилищного, трудового права).

Сложившаяся система формальных норм имеет множество пробелов и зачастую отвечает задачам защиты интересов только отдельных групп. Незавершенность системы формальных норм (законов, других правовых норм) создает серьезные проблемы для стабильности экономики развития. В качестве примера можно привести правовое регулирование отношений собственности: общие положения о равенстве всех форм собственности, основания возникновения и прекращения, способах защиты собственности, установленные Конституцией Российской Федерации, так или иначе реализованы в законодательстве. Однако нерешенность вопросов соотношения публичных и частных интересов при реализации полномочий собственника, отсутствие нормативно-правового регулирования процессов национализации создают проблемы реализации данного института, как для самого собственника, так и для третьих лиц, включая обще-

ство и государство. Подобные проблемы незавершенности формирования отдельных правовых институтов, обеспечивающих функционирование экономики на рыночных условиях, существенно снижают как качество регулирования экономических отношений, так и некоторые положительные эффекты рыночной экономики, такие, как формирование эффективного собственника, развитие конкуренции, стремление к инновациям.

Для институциональной среды характерна неоднородность и внутренняя напряженность. В этой связи создание и изменение государством формальных институтов должно ориентироваться на соответствующую реакцию неформальных норм экономического поведения, осуществляться во взаимосвязи с ними.

В заключение следует отметить: лишь при условии согласования формальных и неформальных норм будут эффективны механизмы, обеспечивающие соблюдение формальных норм в обществе. Это позволит созданным государством формальным нормам и механизмам их реализации не множить, а решать те системно-сложные проблемы, которые препятствуют устойчивому рыночно-экономическому развитию, а государству стать гарантом реализации права общества и каждого человека на развитие, на повышение их благосостояния.

Библиографический список

1. *Белкин С., Байдаков М.* Развитие и ценности // Развитие и экономика. – 2011. – №1.

2. *Кастельс М.* Информационная эпоха: экономика, общество и культура. – М.: Государственный университет Высшая школа экономики, 2000. – 608 с.

3. Краткая философская энциклопедия. – М.: Издательская группа «Прогресс-Энциклопедия», 1994.

4. *Олейник А.* Институциональная экономика // Вопросы экономики. – 1999. – № 2.

5. *Скаржинский М.И.* Избранные труды. – Кострома: ГОУВПО КГУ имени Н. А. Некрасова, 2005.

НА ВАШУ КНИЖНУЮ ПОЛКУ

УДК 82.02/304

Базанков Алексей Михайлович
Костромской государственный университет им. Н.А. Некрасова
bazankov-am@rambler.ru
Базанков Михаил Федорович

НОВЫЙ ЭЛЕКТРОННЫЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ РЕСУРС ELIB-KOSTROMA.RU

В статье рассказывается о новом сайте Костромских писателей «Электронная библиотека современной костромской литературы» – elib-kostroma.ru. В работе рассматриваются актуальные вопросы проектирования, особенности создания электронного литературно-художественного издания и анализируются первые результаты проекта, представляющего издательскую деятельность Костромской областной писательской организации за 20 лет.

Ключевые слова: *Кострома, костромские писатели, современная литература, культура Костромы, НКО, социальный проект, электронная библиотека.*

Электронная библиотека современной костромской литературы *(elib-kostroma.ru)* создана по социальному проекту на основе двадцатилетней издательской деятельности Костромской областной писательской организации, обладающей богатым литературным наследием. Кроме того, эта библиотека образована при финансовой поддержке Администрации Костромской области. Писатели трёх поколений, новые авторы в 16 литературных студиях и объединениях (всего их более 200), увлеченные творчеством педагоги, студенты и школьники пишут произведения по законам правды, добра и любви ко всему родному.

Постоянный аналитический обзор лучших сочинений, занятия в литературных студиях, творчески подготовленные уроки литературы, обзорные лекции, публикации, обсуждение новых книг позволяют представлять литературный процесс, обеспечивающий сохранение и развитие родного языка, внимание к судьбам близких людей и к особенностям жизни в родном краю.

Костромские авторы работают по принципу: «Своё роднее, ближе и поучительнее “виртуального”». Литература всегда была хранительницей добрых традиций, нравственных ориентиров. Но без надёжной издательской системы интересные сборники, авторские книги прозы и поэзии выходят малыми тиражами, остаются неизвестными…

Выстраивается провинциальная уверенность: хорошие люди востребованы литературой, только оттесняют их герои «забойных» сюжетов. Столетием раньше у Льва Николаевича Толстого появилось желание изобразить пошлость жизни. Он записал в дневнике: «А ночью пришла в голову мысль поместить среди этой пошлости хорошего человека». Русская литература всегда сочувствовала простым людям. И мы в работе с новыми авторами надеемся на хороших людей – на тех, кто слово бережёт для добра.

К сожалению, учебные программы по литературе оказались под сокращением. Снижен интерес к книге. Даже лучшие произведения издаются малыми тиражами. Почти не выходят к читателям книги костромских авторов для детей. Утрачивается традиция чтения вслух – семейного чтения. Библиотеки области, учебные заведения не знают многих писателей Костромской земли. Это лишь часть мотивов, которыми вызван замысел проекта «Электронная библиотека современной костромской литературы» (некоммерческое издание, выпуск первый, 2012 год).

По мнению наших читателей, новый проект Костромской областной писательской организации не имеет пока аналогов на Верхней Волге. Его создание весьма актуально, учитывая, что тиражи печатных изданий невелики и с трудом выходят за пределы региона, а популярность Интернета все возрастает. Вместе с тем, «Электронная библиотека» не подменяет настоящие, бумажные книги, а служит дополнением к ним.

А. Акишин из села Павино считает этот проект отличным, поскольку он открывает доступный выход к широкому кругу читателей, помогает найти новые литературные таланты, дает им возможность развиваться, что особенно важно для авторов, живущих в отдаленных, глубинных районах области. Е. Балашова из города Чухломы отмечает, что такой сайт помогает следить за тем, что нового появляется у костромских авторов.

Меняется мир, меняется восприятие доступного и запредельного пространства. С годами начинаешь ценить душевную привязанность к тем местам, откуда ты родом, откуда и начинается подлинная любовь к Родине. Многие коллеги признают, что помимо Зова пространства и будущего в человеке не стихает Зов конкретного дома, малой родины, окликающих родных голосов. Как без литературы пробуждать этот зов? «Виртуальная» жажда познания, конечно, увлекает, развлекательные интернет-сайты не оставляют ни времени, ни сил, чтобы юный человек вспомнил себя, вспомнил чей он, откуда родом.

И всё-таки привлекает базовая основа – компьютеризация школ, учебных заведений, библиотек и, конечно, наличие компьютеров во многих семьях…

© Базанков А.М., Базанков М.Ф., 2012

Наш проект уникален для Костромской области, имеет возможность дальнейшего развития и тиражирования, может быть продолжен на постоянной основе, доступен для оценки конкретными показателями по очень простой учётной системе: расширение читательской аудитории, активизация творческих интересов у детей и подростков на близких примерах, создание условий для возникновения новых литературных центров, студий, объединений.

Произведения, представленные в изданиях писательской организации, получают тиражное расширение, могут быть использованы педагогами в качестве литературного краеведения, на электронной основе получают более широкую доступность. И главное: они засвидетельствуют неравнодушие ко всему, что становится близким и понятным на родной земле, акцентируют внимание на особенностях народных характеров, нравственных и духовных ориентиров.

В определенной мере при благоприятном стечении обстоятельств такими работами создается естественная история, она ориентирует человеческие возможности и способности молодых людей на формирование духовно-нравственного общества.

Электронный проект такого масштаба – новое дело для писательской организации. Вузовские специалисты из Шарьинского филиала КГУ им. Н.А. Некрасова взяли на себя научно-библиографические и информационно-технические работы: программирование – А.С. Худынцев, библиографию – О.Н. Писцова, А.М. Базанков – интернет сопровождение проекта.

Проект стал органической частью курса НРК профессора А.М. Базанкова «История российской интеллигенции». Студенты выпускных специальностей университетского филиала на добровольной основе вошли в состав волонтеров, работающих над проектом. Благодаря их личной заинтересованности удалось наладить прямой и электронный контакт с одаренными творческими людьми из Костромской глубинки. Студенты-волонтеры: О. Анисимова, С. Попутникова, Е. Кетова, Е. Леонтьева, Н. Копылова, А. Бебнева и другие встречались с авторами. Собранные ими данные уже опубликованы в «Электронной библиотеке…».

К сожалению, «компьютеризация» жизни у творческих людей идет медленно, поэтому посредничество студентов, квалифицированных в информационных технологиях вуза, очень помогло писателям. Самыми активными, подкованными в современных технологиях авторами оказались Алексей Акишин, Елена Балашова. Алевтина Алфёрова (с помощью мужа), Наталия Мусинова, Борис Куфирин. Они регулярно заявляют новые произведения для публикации на сайте, представляют новых авторов.

Для наших любознательных читателей, не имеющих доступа в интернет, выпущен одноименный компакт-диск локальной версии электронной библиотеки, позволяющий читателям, родителям и педагогам работать с костромскими произведениями, ранее изданными писательской организацией малыми тиражами. Сейчас, анализируя первый месяц работы «в новой системе координат», можно сказать, что «Электронная библиотека современной костромской литературы» стала одним из культурных брендов.

Ссылка на новый сайт, представляющий литературное наследие, размещена на главной интернет-странице Департамента культуры администрации Костромской области [dkko.ru].

Многообразие ресурсов современного интернета диктует особые условия. Чтобы быть замеченным, социальный ресурс должен вступить в конкурентную рекламную паутину коммерческого интернета.

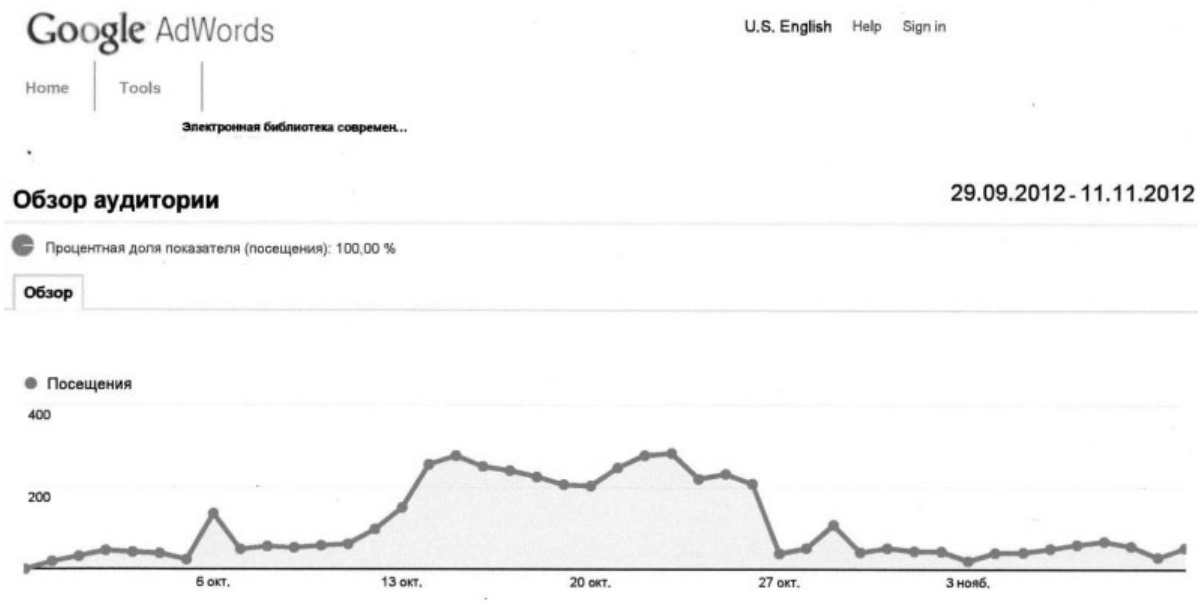


Рис. 1.

Рис. 2.

Продвижение, «раскрутка» сайта – необходимое условие популяризации. Кроме того, существует негласная «социальная конкуренция», рейтинги и «топы». Основа сайта – издания Костромской областной писательской организации за 20 лет. В электронном фонде более 15 000 страниц литературно-художественных текстов, статьи, обзоры, рецензии. Проект представляет писателей и новых авторов, знакомит с первыми книгами, называет основные издания. Информацию о писательской организации дополняют фото и архивные материалы, гостевая книга, новостной блок, форма прямой связи и др.

Мы осознаем, что вернуть произведения из Интернета в «гонорарное» пространство сложно. Для этого нужны еще и дополнительные усилия, чтобы заметили в виртуальном пространстве труд костромских писателей.

Что и говорить, здесь не обошлось без административных усилий и вложения финансовых средств. Участие в рекламной кампании «Google AdWords» сразу увеличило ежедневную аудиторию читателей в 3–4 раза. Реклама – дело не дешевое, но для «затравки» пользователя «Google AdWords» дарит бесплатную поддержку на некоторое время.

На графике (рис. 1) видно, когда эта поддержка началась, и когда закончилась.

Вместе с тем, количественный спад посещений компенсировался ростом продолжительности пребывания (рис. 2).

Статистика подтверждает многократное увеличение числа читателей костромской литературы. Максимальные тиражи современных провинциальных изданий 100–500 экз., а у нас за первый месяц больше трех тысяч посещений и по несколько скачанных изданий с первого визита (табл. 1).

Удивляет, но наши читатели есть и за океаном (табл. 2).

Литература – история и философия в образах и картинах, развивающих воображение. Интерес к судьбам близких и родных, к своей родословной закрепляет душевно и памятно на той земле, где возрастает человек. Осмысление прошлого и настоящего родного края дает основу для осознания себя среди людей, в принадлежности к народу в качестве гражданина России. В этом и заключена главная цель долговременной программы воспитания, для неё и создаётся наша электронная библиотека. Она будет каждодневно полезна узнаванием народной национальной культуры, подкрепит

Таблица 1

География первых визитеров 29.09–11.11.2012

№	Город	Посещения	Посещения (%)
1.	Москва	2004	41,69%
2.	Кострома	756	15,73%
3.	Ярославль	290	6,03%
4.	Санкт-Петербург	175	3,64%
5.	Не установлен	173	3,6%
6.	Дмитровград	95	1,98%
7.	Иваново	85	1,77%
8.	Волгоград	67	1,39%
9.	Ногинск	53	1,10%
10.	Королев	47	0,98%

Таблица 2

География визитеров

№	Страна	Посещения	Посещения (%)
1.	Россия	4589	95,46%
2.	Не установлена	149	3,10%
3.	Украина	25	0,52%
4.	США	20	0,42%
5.	Казахстан	6	0,12%
6.	Армения	2	0,04%
7.	Беларусь	2	0,04%
8.	Италия	2	0,04%
9.	Молдова	2	0,04%
10.	Узбекистан	2	0,04%

систему гуманитарного и трудового воспитания, напомнит о традициях эстетики быта, искусства, литературы…

Из лучших работ складывается мозаика провинциальной жизни. Почтение к родительскому дому, общение в семье и в школе, желание понять близких людей, привлекательность жизни знаменитых земляков, вошедших в историю родного края, вписываются в беспрерывное воспитание и формирование личностей.

Не останутся без заинтересованного прочтения полученные через литературные объединения со всей области новые творческие свидетельства познавательного внимания к тому миру, который влияет на чувства и представляет естественную культурную среду, в идеале необходимую для духовно-нравственного возрастания личности. Ощущение семьи, родного дома, родной школы, родного края укрепляется сосредоточенным восприятием и отражается в художественном самовыражении на чувстве красоты родного слова и пробуждает живительный интерес к литературе. Этим поэтапным проектом мы формируем документальный фонд свидетельств современной жизни. Разумно применяемые электронные возможности не отрицают роль такого воспитывающего творческого общения.

По перспективному замыслу в работе есть второй этап. Новый проект возбуждает творческие интересы, сочетается с государственной культурной политикой. Ещё и ещё раз участники проекта называют его способным активизировать благородные творческие устремления. Появляются благодарные и даже восторженные отзывы. «Спасибо за великий праздник, который мне подарил сегодня этот сайт. Он даёт возможность обозреть урожайное литературное костромское поле, на котором мне суждено работать», – пишет 15 ноября Нина Веселова. Прекрасен посыл, размещенный в преддверии проекта, – вернуть в нашу жизнь воспитание молодёжи на основе добропорядочности, светлых традиций и лучшего словесного наследия нашего края. Несомненно, такая библиотека будет иметь серьёзный и благодарный отголосок не только на нашей земле.

На первом этапе работы многое удалось совершить только на энтузиазме организаторов проекта, мечтающих сделать электронную библиотеку постоянно действующей. Наш замысел, оформленный в начале года, широко поддержан, потому продолжение следует. Второй этап электронного проекта, предназначенный и для Департамента образования, при наличии возможностей будет посвящен литературному наследию, детскому творчеству, произведениям о детях и для детей, новым коллективным изданиям, работе студий, объединений, учебных мастерских. Надеемся, что он активизирует внимание к художественному Слову.

Проект осуществлен за счет субсидии социально ориентированным некоммерческим организациям в Костромской области по конкурсу (решение от 1 марта 2012 года).

УДК 808.2

Коптелова Наталия Геннадьевна
доктор филологических наук, профессор
Костромской государственный университет им. Н.А. Некрасова
nkoptelova@yandex.ru

И.С. ТУРГЕНЕВ ГЛАЗАМИ НЕМЕЦКИХ ПИСАТЕЛЕЙ XX СТОЛЕТИЯ

В рецензии оценивается электронная книга Т.М. Денисовой «Восприятие творчества И.С. Тургенева немецкими писателями XX века» (Saarbrücken, Deutshland: Lap Lambert Academic Publishing, 2012. 82 с.), определяется её вклад в изучение картины литературных связей России и Германии

Ключевые слова: *Тургенев, восприятие, русский, немецкий, литературные связи.*

Электронная книга Т.М. Денисовой «Восприятие творчества И.С. Тургенева немецкими писателями XX века» вышла в свет в немецком издательстве (Saarbrücken, Deutshland: Lap Lambert Academic Publishing, 2012. 82 с.). Она, несомненно, уточняет и конкретизирует картину литературных связей России и Германии: проясняет логику изменения восприятия личности и творчества И.С. Тургенева некоторыми немецкими писателями XX века.

Как верно подчёркивает автор монографии, уже в 70-е гг. XIX века Тургенев был в Германии одним из самых популярных и издаваемых прозаиков. Тиражи его книг порою даже превосходили количество печатаемых произведений немецких писателей. Именно тогда феномен Тургенева стал восприниматься в литературном мире Германии как квинтэссенция таинственной русской литературы, поражающей читателей особой художественной силой и имеющей иную, отличную от западноевропейской литературы природу.

К концу XIX века интерес к Тургеневу в Германии как будто бы ослабевает, его фигура уходит в тень великих соотечественников: Толстого, Достоевского, Чехова, Горького. А вот в начале XX века нарождается новая «волна» пристального внимания к творчеству автора «Отцов и детей». Т.М. Денисова достаточно полно характеризует рецепцию

 © Коптелова Н.Г., 2012

наследия Тургенева этого периода, складывающуюся в творчестве настоящих колоссов немецкой литературы: Т. Манна, Г. Гессе, А. Цвейга.

В ряду этих великих писателей, восхищённых гением Тургенева, на первое место автором книги вполне оправданно поставлен Т. Манн, получивший репутацию «немецкого славянофила» и преклонявшийся перед «святой» русской литературой. Примечателен тот факт, что свой любимый тургеневский роман «Отцы и дети» Т. Манн был готов взять с собой в числе шести избранных книг для чтения на необитаемый остров.

Автор монографии справедливо отмечает, что отношение Т. Манна к Тургеневу формировалось в значительной степени под влиянием Д.С. Мережковского, который отнёс автора «Отцов и детей» к «вечным спутникам человечества» (книга «Вечные спутники»). Т.М. Денисова апеллирует к оценочным суждениям о Тургеневе, содержащимся в письмах и эссе Т. Манна, и ярко показывает, что постижение особенностей эстетики и поэтики русского художника было для великого немецкого писателя способом творческой самоидентификации. Манну-художнику в равной мере оказываются близкими и глубинное проникновение Тургенева в самые острые и больные проблемы нации, народа в целом, и особая чуткость к красоте как к первооснове мира, и максимальная объективность и сдержанность в оценке меры правоты-неправоты «спорящих сторон», и стремление измерить истину критерием «вечности». Трудно не согласиться с выводом Т.М. Денисовой о том, что великий роман Т. Манна «Волшебная гора» во многом подпитан энергией тургеневской традиции.

Художественные пересечения с тургеневским творчеством Г. Гессе и А. Цвейга, как убедительно доказывает исследовательница, так же, как и в случае с Т. Манном, имеют разветвлённые корни. Они мотивированы, с одной стороны, самой повторяющейся переходностью, «кризисностью» осмысляемых писателями эпох, а, с другой стороны, – обусловлены сознательной ориентацией немецких прозаиков на творческий опыт русского предшественника.

Заслуживают внимания наблюдения и выводы Т.М. Денисовой о том, что в восприятии Г. Гессе происходит «смена вех» в оценке и интерпретации тургеневского романа «Дым», долгое время уводимого в русской рецепции на периферию художественного мира русского классика. В самом деле, Г. Гессе актуализировал в тургеневском романе «Дым» именно те аспекты, которые в трактовке русской литературной критики XIX века характеризовались как «художественные просчёты» Тургенева. Это, по точному указанию Т.М. Денисовой, – «тип героя, занимавшего промежуточное место в борьбе крайних сил, переключение читателя с внешней увлекательной интриги на развитие внутреннего сюжета» [с. 24].

Новые глубинные смыслы тургеневской прозы открывал, как верно указывает автор монографии, и А. Цвейг, осваивающий многие художественные достижения Тургенева и переключающий их в жанровый регистр «малой формы» (рассказы Цвейга «Капелька крови», «Пятно в глазу», «Понт и Анна», «Один су») [с. 29].

Наиболее ценные и перспективные в научном отношении результаты исследования сконцентрированы в главе книги, посвящённой специфике восприятия творчества И.С. Тургенева немецкими писателями второй половины XX века. По сути дела, здесь Т.М. Денисова вводит в исследовательский оборот новые литературные источники, ранее не рассматривавшиеся русскими учёными: эссе «Письма о Тургеневе» А. Штольпера и «Болотный дым» У. Грюнинга. При этом она опирается на свой собственный перевод этих интереснейших материалов.

В цикле эссе «Письма о Тургеневе» А. Штольпер, как открывает монография Денисовой, высказывает немало глубоких идей, намечающих новые подходы к пониманию как личности и творчества автора «Отцов и детей», так и русской литературы в целом. Например, в восприятии А. Штольпера творчество Тургенева демонстрирует особую цельность художественного мышления всей русской словесности, не разделяющей «красоту, добро и правду». И эта мысль немецкого писателя явно рифмуется с «теургической эстетикой», активно разрабатываемой в конце XIX – начале XX веков русским критиком-философом В.С. Соловьёвым.

А. Штольпер проявляет многие грани сложной проблемы «Тургенев и театр». В частности, вопрос о роли драматического начала в повестях и романах Тургенева, затронутый Штольпером, как точно подмечает Т.М. Денисова, почти не изучался в русском литературоведении. Не может не удивлять эстетическое чутьё, такт и проницательность Штольпера, когда он размышляет об «авангардном» прочтении тургеневской пьесы «Месяц в деревне» в современной постановке словацкого театра. Автор эссе справедливо заявляет о том, что содержание драматического произведения откровенно искажается стремлением режиссёра к безудержному самовыражению, а также к примитивно понятой «модернизации». Остаётся только учиться у немецкого писателя, тонко чувствующего смысловую нюансировку пьесы «Месяц в деревне», бережному и трепетному отношению к русской классике. Не случайно Штольпер подчёркивает, что гениальный К.С. Станиславский решился включить в репертуар Московского Художественного театра названную комедию Тургенева только после того, как поставил на сцене пьесы Ибсена, Гауптмана, Метерлинка, Гамсуна, Гоголя, Островского, Чехова, Горького, осложнённые «поэтикой подтекста» и обогащённые «подводными течениями» драматургического действия.

Анализ эссе У. Грюнинга «Болотный дым», написанного к 100-летию со дня смерти великого русского писателя, проведён Т.М. Денисовой в диалогическом соотношении с интерпретацией символа «дым», предложенной критиком и философом начала XX века М.О. Гершензоном. Найденная параллель, безусловно, углубляет концепцию рецензируемой книги. При этом Т.М. Денисова чётко прослеживает семантическую полярность в трактовках образа «дым», представленных у Гершензона и Грюннинга. Для Гершензона «дым» выражает «приглушённое чувство реальности», свойственное мироощущению Тургенева. В понимании Грюннинга – это знак проникновения в особую сверхреальность, «где видимое уступает место невидимому, где зримый образ мира приоткрывает завесу, за которой проступает его неисчерпаемость, его загадочная глубина» [с. 62].

В качестве критического замечания хотелось бы высказать пожелание о том, чтобы монография завершалась ёмким «Заключением», обобщающим выводы исследования и намечающим перспективы дальнейшей разработки рассмотренной научной проблематики. Ну и, разумеется, было бы отрадно видеть эту интересную и заслуживающую внимания книгу не только в электронном виде, но и в традиционном, «бумажном обличии», ибо даже сам шелест страниц, на мой старомодный взгляд, активнее приближает нас к тайнам тургеневского творчества.

SUMMARY

NATURAL SCIENCE

Oleg P. Akayev, Valeriy V. Gunin, Anna D. Tsvetkova

Studying cleaning ability of paste-like compositions on the base of Silicium-containing waste of Aluminium fluoride production

Opportunity of use of siliceous production waste aluminium fluoride (silica gel) as component of cleaning compositions is examined in the article. It is established that introduction of silica gel in the base composition promotes increase in its washing ability.

Keywords: washing ability, silicon dioxide.

Gasimi Khamid Hidmatali

Distribution and quantity indices of Urmia region fish

Investigations held by us in 1995–2010 years have shown that there are 26 fish species in the rivers flowing into the basin of Lake Urmia. Barbus lacerta Heckel, Chalcalburnus atropatenae Berg and Varicorhinus capoeta Gьldenstдdt are the most wide-spread species. Data obtained in the result of taxonomic dividing of fish and geographic and quantitative analysis of species are put forward in the article.

Keywords: Iran, Urmia, fish, quantity, distribution.

Yekaterina V. Lobunicheva
lobunicheva_ekat@mail.ru
Dmitriy A. Filippov
philippov_d@mail.ru

Zooplankton of floodplain swamps and rivers of North-West of Vologda Region

This article presents the study on zooplankton of floodplain mires and rivers in northwest Vologda Region. 65 species were found, among them Rotifera – 16, Cladocera – 33, Copepoda – 16. Zooplankton of floodplain mires showed higher abundance and biomass indices in comparison with zooplankton of riverside tangles.

Keywords: zooplankton, floodplain mires, river, wetlands complexes, Vologda Region.

Boris M. Moiseyev
ipmbm@kosnet.ru
Vitaliy Yu. Yakovlev
jakovlevv@mail.ru

Epistemological problems of second postulate of special theory of relativity

This article is about the incorrect interpretation of the speed of light constancy.

Keywords: philosophy of science, fundamental physics, special theory of relativity, light speed.

Yevgeniy V. Sal'nikov
salnikov_evgeny@mail.ru
Andrey A. Kostin
andocrey@mail.ru
Andrey F. Kuz'min
kuzminmedico@yandex.ru
Dmitriy M. Fateyev

Influence of nephrectomy and kidney resections on the exchange of catecholamines in blood in sick of kidney cancer

In sick of kidney cancer, enhanced content of adrenaline (AD) and dopamine (DA) (on the average, in 2.0 times, $p < 0.05$) is observed in blood in comparison with sample of healthy people, norepinephrine (NE) content did not variate almost. After nephrectomy or kidney resections, on the 1st postoperative day, AD and NE content in blood has grown on the average in 3.5 times ($p < 0.05$) in comparison with level before surgery. On the 28th day after nephrectomy, level of NE and DA did not return to normal values, and after kidney resection, level of catecholamines was normalized.

Keywords: blood, catecholamines metabolism, nephrectomy, kidney resection.

Sergey Yu. Shadrin
syushadrin@gmail.com
Aleksandr V. Zhirov
avzhirov@rambler.ru
Tat'yana S. Smirnova

Recovery of non-stationary boarding condition on the heated surface at anode heating

The problem of estimation of the boundary condition on the detail's heated surface on the base of temperature measurement by anodic electrolytic heating in steady-flow and time varying conditions is solved. The experimental technique of heat-flow rate into detail-anode by butt anodic heating calculation is proposed.

Keywords: anodic heating, vapor-gas shell, thermal flow, thermal conductivity inverse problem, regularization method.

Nikolay V. Sokolov
knicx@kosnet.ru
Artyom N. Sokolov
knicx@kosnet.ru

Tourism and its influence on tame elk breeding

Tourist business injected in recent years into tame elk breeding dilutes the idea of domestication of elk, the inclusion of new species in the zoo-domestic animals culture of the country. The contradictions arising between tame elk breeding and business can be eliminated only by science.

Keywords: elk, tame elk breeding, tourism, business, investigations, protectedness.

PHILOSOPHY

Aleksey A. Vasil'yev
nicnpa@mail.ru

Hidden knowledge as base for intuition

The article is devoted to the phenomenon of intuition. The problem is considered since intuition in philosophy from ancient times, but so far, there is no uniformity in the understanding of how it occurs. The article examines the impact of the accumulated knowledge in the mind of the subject on intuition.

Keywords: intuition, cryptognosis, hidden knowledge.

Lyubov' A. Komarova
parislk@mail.ru

Happiness comprehension from the Buddhism point of view Judgment of happiness from the point of view of the Buddhism

In this article the concept "happiness" of religious philosophical doctrine of the Buddha is considered. The author shows two main definitions of happiness from the point of view of the Buddhism, opens the most significant reasons of happiness and misfortune of the person, investigates interrelation between compassion and happiness.

Keywords: happiness, cognition, misfortune, suffering, creative behavior, sympathy.

Svetlana A. Shlyundt
alabay2010@mail.ru

Ecology axiosphere formation in modern globalizing space

In the article, on the basis of the retrospective analysis of images of a nature in histories of a human civilization, mechanisms of formation and functioning are revealed. The basic directions of development of axiosphere of ecology in modern globalizing space are shown. The structure of modern axiosphere of ecology is offered.

Keywords: sociocultural space, axiosphere of ecology, globalizing space, cultural values, ecological culture, ecological education.

CULTUROLOGY

Yevgeniya G. Artyomova
e_art@mail.ru

Spiritiual-musical creative work by A.A. Kopylov

Spiritual musical creation of Petersburg composer A.A. Kopylov is reviewed in the article for the first time. The author analyzes the composer's sacred music both in the context of the composer's creative activity and in connection with general problems of the New direction in the Russian sacred music at the turn of the 19th – 20th centuries.

Keywords: Kopylov, spiritual music, compositions, New direction, musical language.

Aleksey A. Bubnihin
rinaldo89@mail.ru

New Atlantis of Francis Bacon as culture text in the aspect of globalization

On the base of the concept "cultural text," the author analyses the work of Francis Bacon, "New Atlantis" in aspect of globalization. The author clarifies the relationships of the terms "cultural text" and "world view". The paper describes two types of cultural texts, their features. The author shows the relationships of the terms "globalization" and "cultural text." The article explains the importance of symbolism in the consideration of cultural texts.

Keywords: text of culture, globalization, world view, symbol, dynamic type, static type.

Anastasiya V. Dyomina
anastasiya_demin@mail.ru

Historical reconstruction motion: ways and decisions

The movement of the historical reenactment is a relatively new but very interesting phenomenon in the research plan. Reconstruction of historical events and cultural processes of the past can help to solve many problems of the culture in the modern world.

Keywords: historical reenactment, movement, phenomenon, “living history”, culture, combat reenactment, club.

Irina A. Yedoshina
entelehia@ksu.edu.ru

«Genius loci» as the text of culture

The term «genius loci» gets cultural comprehension in the article, is structurized and illustrated with the examples of functioning in the text of culture. Special attention is paid to the artistic aspect in the content of the exposed of the term.

Keywords: genius loci, text of culture, functions, structure, artistic discourse.

Nataliya K. Kashina

V. Rozanov on faith essence

Contrary to once popular belief that V.Rozanov was cold to the faith, his creative work shows deep religious feeling. Trying to determine the nature of faith, the writer formulates its basic components: prayer, humility, warmth. V.Rozanov denies morality torments, because it is replaced by the authenticity of the experience, humility and absolute trust in the will of God, in the pursuit of which he saw the justification for his own existence.

Keywords: faith essence, religious feeling, prayer, akathist, submission, humility, tenderness.

Oksana M. Sedykh
oksanas@inbox.ru

Pavel Florensky and French sociological school

Similarity in the approach of Russian philosopher P. Florensky and researchers of French sociological

school (É. Durkheim, M.Mauss, L.Lévy-Bruhl) to the phenomenon of traditional (folk, “night”, collective) consciousness is analyzed and shown in the article. Special attention is paid to the spatial-temporal concepts of traditional mind and to the advent of meaningful approach to the categories of space and time in the Humanities.

Keywords: “night consciousness”, space, time, “sacred”, “profane”, myth.

LINGUISTICS

Natal'ya V. Bulavina
bnv1403@yandex.ru

Notion "new word" in modern linguistics

This article represents the analysis of various interpretations of the notion "new word". In the first part of the work the authoress examines the criteria according to which a word can be classified as neologism; the second part is dedicated to characteristics of occasionalisms.

Keywords: neologisms, occasionalisms, lexical innovations, new words.

Dmitriy A. Volotov

Battle lexicon of French origin in the first half of the 19th century as the result of Russian-French cultural-political relations

The history of age-old relationships between Russia and France created a special situation in the Russian language of the 18th – beginning of the 19th century. A huge number of words of French origin, including many military words, has become a unique trace of these relationships. The analysis of the language used by Leo Tolstoy in his epic "War and Peace" can help us prove and demonstrate the functionality of frenchisms in the literary language of the beginning of 19th century through the example of lexical items "cornet", "quartermaster", "redout", "flèche".

Keywords: language contact, borrowing, frenchism, military lexis, functionality.

Lyudmila Yu. Zorina
lyudmila.zorina@gmail.com

Russian dialect good wishes in the situations of flux-cultivation, spinning, and weaving

The article analyses dialectal good-wishing phrases in the situation of flax cultivation, hand-spinning and weaving. Formulae are being examined from the semantic point of view, their areas, speech organization and symbolic meaning. The content of the article enriches our ideas on good-wishing phrases in Russian dialects.

Keywords: dialects, speech etiquette, communicative situations, good-wishing phrases.

Liliya N. Karayeva
lilusha22@mail.ru

Space dynamics in prose by Sigizmund Krzhizhanovsky (on the material of the story "Memories of the Future")

The purpose of this article is to determine what types of space deformations are detected in the text of the story S. Krzhizhanovsky "Memories of the future", and to linguistically reveal the expression that convey the space dynamics.

Keywords: dynamics, spatial relations, deformation, linguistic means of expression, new formation.

Nataliya B. Kardanova
maria.nenarokova@yandex.ru

Charter by Peter the Great concerning Matija Zmajevic as an example of petition development

At the turn of the 17th century, Russia and the Venetian Republic carried on active diplomatic correspondence. One of the charter types, sent abroad, was petition. The article is dedicated to the analysis of the charter concerning a naval officer, Matija Zmajevic. The given charter exemplifies the development of the genre of Tsar’s petition. Though the charter has a specific character of a typical petition, there appear elements of a new communicative etiquette in the charter, which means the further development of the old genre.

Keywords: Russia, Venice, diplomatic correspondence, charter, petition, style, communicative etiquette.

Svetlana V. Moshcheva
moshevasv@mail.ru

Speech act as means of realization of communicative intention (on the material of English-language political discourse)

The article is concentrated on the description of the main features of the communicative intention in political discourse, which is realized directly or indirectly due to comissive intention. Political discourse, as a kind of advertising discourse, functions as single units according to their semantics, syntax and pragmatics and aim at complex impact on recipients.

Keywords: communicative intention, speech acts, political discourse, language manipulation, advertising text.

Galina D. Neganova
cultland@yandex.ru

Typological features of Kostroma cultural landscape: names of deep forest in Kostroma patois

There are various nominations of dense forest in the dialect lexis. The dialect speech and works by writers connected with Kostroma Region use this. The article considers the terms, representational language,

natural and cultural characteristics of the local cultural landscape.

Keywords: cultural landscape, dialect lexis, folk geography term, dense forest nominations, word semantics.

Yelena V. Pozhidayeva
elenabelenko@mail.ru

Ways of formation and development of national lingual culture of meals (on the material of English language)

This article deals with the ways and natural laws of the English food linguistic culture formation. Intensive transformation of this sector due to extra-linguistic, intra-linguistic and linguistic and psychological factors, including socio-economic changes.

Keywords: Linguistic Culture, food, national identity, concept, category, language world.

Ol'ga A. Titova
titov-pv@yandex.ru

English fraseologisms-anthroponominants as speech formations

The article deals with phraseological units signifying people used as individuals' names in contemporary English. We attempt to analyze such names as speech formations not yet registered in dictionaries.

Keywords: phraseological units signifying individuals, atomic phrase, language nominations, speech formations, extra linguistic factors, plan of expression, plan of content.

Yekaterina V. Shcherbakova
esherbakova@mail.ru

Words-realities as expression of specific features of Australian variant of English language

In the article, we study culturally colored words in Australian variant of English Language, their sources of development and their thematical classification is presented. Historical economical cultural and other processes which followed the development of Australia led to the creation of special view on the world and as a result influenced the lexical system of Australian English. Special attention is payed to the words connected with flora and fauna of the country.

Keywords: Australian English, real thing, lacuna, thematic classification, world view.

Alexander K. Kotlov
ak_kotlov@inbox.ru

Personal names and toponyms as artistic-semantical markers in "Conventional tale" by Oleg Pavlov

Semantical poly-valency of the surname of the main character and key toponyms in "Conventional tale" by the modern prose-writer O. Pavlov is examined in the article.

Keywords: text philological analysis, onomastics, toponym, chronotope, folklore-mythological motifs, translation, O. Pavlov, "Conventional tale".

SCIENCE OF LITERATURE

Valeriya G. Andreyeva
lanfra87@mail.ru

Prologue stories and stories about heroes in the works by I.S. Turgenev and Leo Tolstoy

The article author reflects on prologue stories and stories about heroes in the works by Turgenev and Tolstoy, mention their functional peculiarities and specifics connectd with manner, style, artistic method of the writers.

Keywords: prologue story, story about hero, descriptional and expressional beginning, author's omniscience, cause-and-effect relationships, composition.

Tamara P. Batalova
slava964964@mail.ru

Poem by N.A. Nekrasov "A Morning Promenade" as result of evolution of plot "about a poor clerk" in literature context of 1833–1859 years

The author of this article attempts to evidence that Nekrasov's poem "A Morning Promenade" (cycle "Street Impressions", 1859) is result of evolution of subject "About a poor clerk" in literary context (Pushkin's poem "The Bronze Horseman", Gogol's narratives "The Overcoat" and "Nevsky Prospect", Dostoyevsky's novel "Poor Folk").

Keywords: Pushkin, Gogol, Dostoyevsky, Nekrasov, subject, motif.

Sof'ya I. Glazunova
profhom@yandex.ru

On the question of comment genre in the creative work by V. Nabokov

V. Nabokov's comments to A.S. Pushkin's novel "Eugene Onegin" and the comment made by C. Kinbote, the character of the novel "Pale Fire", are compared in the article. Features of the content and structure of Nabokov's comment to Pushkin's novel are revealed. Specificity of creative searches of Nabokov, connected with the problem of interpretation of the text is characterized.

Keywords: V. Nabokov, A.S. Pushkin, comment, interpretation, literary criticism.

Svetlana V. Golenchukova
s-svetlana-wg@yandex.ru

Notion of "time" in epistolary heritage of I.S. Turgenev of 1853–1860 years

The article discusses the concept of "time" that presented in the epistolary legacy of I.S. Turgenev.

Keywords: I.S. Turgenev, epistolary heritage of 1853–1867, time, era.

Maksim A. Dvorak
max-dvorak@yandex.ru

Satire and genre syncretism in novel cycle by Holm van Zaitchik "No Bad People (Eurasian Symphony)"

This article is the research of the concept of satire on current features of contemporary social problems in science-fiction (alternative-historical) novels by Vyacheslav Rybakov and Igor Alimov (alias – Holm van Zaitchik). The utopian, the detective, the philosophical aspects of genre and their paradoxical interaction are analyzed in the research.

Keywords: satire, utopia, science fiction, alternative history, genre of fiction.

Ivan K. Dmitriyenko
smart-e1@mail.ru

Romanticism ontology in Russian post-modernist prose: reality deconstruction in creative work by Victor Pelevin

Actualization of the problem of reality in postmodern aesthetics is analyzed on the example of works by Victor Pelevin. Detected succession of its exploitation to literature of the past allows to understand the dynamics of its development and, thus, to identify the specific features of postmodern approach to it.

Keywords: postmodern aesthetics, cultural epoch of romanticism, semiotic system, deconstruction and virtualization of reality, motivic and characteristic pluralism.

Nataliya K. Il'ina
nk_ilina@mail.ru

On the question of dramaturgic composition rhythmics (on the material of A.N. Ostrovsky's play "The Storm" and N.S. Leskov's play "The Squanderer")

The article reveals the peculiarities of rhythmic structures in A.N. Ostrovsky's play «The Storm» and N.S. Leskov's play «The Squanderer»; the article also defines the sources of the playwrights' methods.

Keywords: play, playwright, rhythm, rhythmic structure, heroine, folk song, folklore, trochee, iambic meter, dactylic meter, anapaest, amphibrach.

Alexander K. Kotlov
ak_kotlov@inbox.ru

Anti-bureaucratic motifs and images in "Conventional tale" by Oleg Pavlov

Anti-bureaucratic theme and the motifs and images as the social philosophy problemacy base of "Conventional tale" by the modern prose-writer O. Pavlov (the motifs and images are connected with the anti-bureaucratic theme) is considered in the article in the Russian literature context.

Keywords: theme, motif, images system, Russian literary tradition, O. Pavlov, "Conventional tale".

Asiyat L. Kushkhova
asya_kushhova@mail.ru

Plot-compositional peculiarities of the novel "Summits Are not Asleep" by A.Keshokov

The article deals with subject-compositional characteristics of the novel "Summits Are not Asleep" by Kabarda writer A.Keshokov. The problems of perspective, speech organization, space-time continuum, structural elements, etc.

Keywords: epic novel "Summits Are not Asleep" the story and song, the antithesis, false construction, a form of "swag" chronotope, dialogues and monologues.

Tat'yana B. Nalyotova
naletova.tatiana@yandex.ru

Christian motifs of revenge and ways of soul saving in the creative work by young N.V. Gogol

Christian motifs of early creativity of N.V. Gogol embody themselves the most important concepts of a Christian world-view – punishments for sins and ways of saving of soul. The peculiar "veiled" punishment for a sin is derision.

Keywords: Christian motifs, retribution motif, ridicule, motif of way of soul saving.

Vera A. Slobodina
ruslit408@yandex.ru

"Voyage Around My Room" by Xavier de Maistre in Pushkin's creative comprehension

By developing innovative of Sterne's principles, Xavier de Maistre creates peculiar lyrical novel. Its characteristic features are: acting of the author's faces, imitation of spontaneous "unintentional" narrative, laconicism and transparency of the form. "Night Voyage around My Room" widely known in the 19th century Russia could not fail to interest of A.S. Pushkin. According to the author of the article, the poet took into consideration Maistre's experience while working on "Eugene Onegin".

Keywords: sternianism, travelogue, lyrical novel, image of the author, "Eugene Onegin".

Aleksey V. Ustinov
1013801@mail.ru

Image of protopope Avvakum in the novel by D.L. Mordovtsev "The Great Raskol"

The article deals with the disclosure of the nature of artistic techniques of Avvakum by Daniil Mordovtsev' in his novel "The Great Raskol".

Keywords: Raskol, historicism, artistry and documentalism.

Svetlana R. Shavarinskaya
institut.k@yandex.ru

Dostoyevsky and Leo Tolstoy: dialogue on Russian-Turkish War of 1877–1878 years

The article reveals the meaning of the great writers of the dispute over the Eastern question in terms of religious beliefs.

Keywords: Dostoyevsky, Tolstoy, Russian-Turkish war, spiritual and moral sense, dialogue.

Galina A. Shpilevaya
19alex04@mail.ru

A.A. Shklyarevskiy and É.Gaboriau: fathers of "police" novel

Comparison of some poetological aspects of the two “pioneer” detective writers, the authors of the police detective, É. Gaboriau and A. Shklyarevskiy, is drawn in the present article. The French and the Russian writers created their belletristic prose based on real facts, i.e. investigation (court) stories. Captivating story lines, the sustained effect and simple psychological basis are in the centre of our analysis in this article.

Keywords: belletristic prose, character-investigator, narrative manner, human psychology, plot line basis.

Lyubov'A. Yakovleva
yakovlyubov@rambler.ru

On the category of time in poetry by Anna Akhmatova: dialogue with folklore and religious-mythological tradition

The paper is devoted to the specific character of realization of the category of time in Anna Akhmatova’s poetry. According to the version of the author of this paper the concept of time is worked out by the poetess through folklore and mythological time, which results in the appearance of magic chronotope (time-space) in her poetry.

Keywords: category of time, folklore, myth, Christmas – Epiphany calendar, Easter dates, chronotope (time-space).

HISTORY

Mikhail I. Gonchar
mikh.gonchar@yandex.ru

Universal military service introducing in Russian historiography before 1917 year

Analysis of the process of comprehension of the introduction of universal military service by Russia's pre-revolutionary historians and public figures is given in the article. Researchers have addressed issues such as the preparation of the reform, changing the timing of service in the post-reform army, the analysis of the theoretical problems of manning the armed forces. Some aspects of the introduction of the state measures have not received proper enlightening (e.g. financing); there have not been comprehensive work, dedicated to the introduction of universal military service.

Keywords: historiography, universal military service, military reform.

Ol'ga V. Gorokhova

The Skvortsovs' libraries

The Skvortsovs' libraries are described in the article, they were founded in 1875–1916 by manufacturers' families the Skvortsovs and the Pavlovs. The statutes of the libraries are applied to the article.

Keywords: library, library statute, manufacturer, charity, Kostroma Province, Ivanovo Region.

Aleksandr O. Gulin
holst90@mail.ru

Main tendencies of modern historiography of First World War

This article analyzes the basic directions of Russian historiography of World War I; an overview of modern research literature on the given subject is given.

Keywords: World War I, historiography, new tendencies.

Pavel A. Komissarov
pavel88-11@mail.ru

Staff composition of Kostroma spiritual consistory in the second half of the 19th – early 20th centuries

On the basis of archival sources, the paper gives description of the composition and the presence of the Office of Kostroma Spiritual Consistory, and analysis of financial position, origin, remuneration of members of Consistory public offices and clerical officials.

Keywords: spiritual consistory, public offices, chancery, officials.

Vladimir B. Lobanov
lobanov19772009@yandex.ru

Civil War in the Russian South: Caucasus Army of the White in 1919–1920 years

The article deals with episodes of the Civil War in the South of Russia, concerning the participation of the Caucasian Army of the Armed Forces of Russia's South in the implementation of "Moscow Directive" of the Chief General A.I. Denikin published on June 20 (July 3) 1919. The participation of the Commander of the Caucasian Army P.N. Vrangel in this implementation, the difficulties he encountered, particularly difficult interaction with the High Command of Armed Forces of Russia's South, are shown. Battles of Tsaritsyn and Astrakhan are analyzed, showing reasons for the defeat of the Caucasian Army at the turn of 1919–1920 years.

Keywords: Vrangel, Denikin, Erdйlyi, Caucasian Army, Volga Flotilla, Tsaritsyn, Astrakhan.

Vladimir S. Okolotin
okolotin.vladimir@yandex.ru

On periodization of the research of the activity of People's Commissariat for Finance of the USSR by working out and realization of fiscal policy in 1928–1941 years (on the material of Central Russia)

Periodization of research of the activity of People's Commissariat for Finance of the USSR by working out and realization of fiscal policy in 1928–1941 years

is proposed in the article. It is based on the consideration of crisis phenomena in planned economy and different forms of its constructing. Together, they produced measurable effects on the formation and realization of fiscal policy.

Keywords: planned economy, product exchange, «free» state trade, crisis situations, fiscal policy, transformation, periodization.

Galina I. Ustyugova
galina23.11@mail.ru

Party-political discussion in the Congress of the USA on the problem of Arab-Israeli conflict in 1948–1949 years

After the creation of Israel in 1948 and the beginning of Arab-Israeli war, the USA had to update their policy in the Middle East. The US Congress played an important role in the process of determination of the questions the USA faced while shaping their foreign policy in this region after geopolitical changes there.

Keywords: Middle East, Palestine, Israel, US foreign policy, US Congress.

SOCIOLOGY

Irina V. Popova
pivik@list.ru
Irina F. Albegova
alba50@yandex.ru

Role of social organizations as institutes of civil society in re-socialization of former prisoners in the conditions of local societas

Modern institutions of the civil society – social organizations and unions - hold the special place in the resocialization of ex-convicts. The article shows that the non-admission of ex-convicts by the local societas and the society, the unwillingness to handle their social problems cause the aggravation of the criminal situation.

Keywords: resocialization, rehabilitation, local societas, backslide.

Oleg N. Savel'yev
sawelewokbmel@yandex.ru

Sociological providing of innovational processes in an enterprise (on the example of LLC INGO "Vlagman")

The article is of questions of sociological maintenance of innovations. Results of sociological research of relations of various groups of workers concerning a concrete innovation are presented. Innovative processes at the concrete enterprise are considered.

Keywords: novelty, innovations, sociological research, sociology of innovations, sociology of management, sociological maintenance of innovations.

POLITOLOGY

Aleksandr V. Zaytsev
aleksandr-kostroma@mail.ru

Jürgen Habermas and his dialogics: notion and essence

This paper describes the basis of dialogic communicative philosophy of J. Habermas which the author refers to as his dialogics. Under dialogics of J. Habermas this intention is understood, which involves the installation of discourse on overcoming struggling, aggression and conflict.

Keywords: dialogue, dialogics, communication, discourse, interaction, mutual understanding, consensus.

Sergey A. Sosnin
sosnin-kostroma@yandex.ru

Essence of governmental power in state-science conception of Russian conservatism of late 19th – fist half of the 20th centuries

The author highlights Western and Russian traditions of political philosophy and expound the representation of Russian conservatives about the essence of the state power and their opinion about the problem of limited state power in the the late 19th – first half of the 20th century.

Keywords: power, veracity, natural law, conservatism, tradition, state.

JURISPRUDENCE

Sergey P. Koval'

Modern state and perspectives of federal relations in Russia

The present article is concerned with analysis of challenges facing the federal form of government and new trends in the development thereof, which is of particular importance for the Russian Federation. The ethnicity-based federalism threatens the integrity of Russia. Transition to the judicial federalism allows eliminating tensions among the populations of the constituent entities of the Russian Federation.

Keywords: federalism, federation, federal subjects, enlargement of federal subjects, federal districts, ethnic.

Ol'ga V. Moiseyeva
nechaeva.olga@mail.ru

Consumer credit agreement

The paper seeks to consider the draft law “On consumer credit” and its correlation with the current legislation of the Russian Federation. On the basis of the research the author identified the main problematic aspects of the bill, proposed changes its provisions.

Keywords: credit agreement, loan agreement, protection of consumers' rights, subjects of credit relations, accession contract.

Boris Ye. Roshchin
pravoborise@mail.ru

Some peculiarities of struggling with Russian corruption in the period of conducting the so called New Economic Policy: historical-law aspect

The author describes the main standard-legal sources which have provided legal ways of the corruption problems solution in the Russian society during the practical realization of the system, known under the name "New economic policy", introduced by the Soviet Government, is in the article. The phenomena of corresponding ideological installations, typical for the considered period, which formed an imperative basis for passing legal specifications are examined in this article.

Keywords: new economic policy, socialist organization of work, ideological installations, legal specifications, corruption phenomena, bribery, criminally-legal levers.

Anatoliy I. Tulenyov
tylenev64@mail.ru

Topical problems of terminology and notions of crimes of customs

This paper is devoted to the comprehensive study of the name and the concept of socially dangerous acts committed in customs "customs offense" in fast-changing legal framework of the Customs Union and the Eurasian Economic Community in the framework of common economic space.

Keywords: customs offenses customs, foreign economic activity, scope, offenses committed in foreign trade, signs of customs crime, customs territory of Customs Union within Eurasian Economic Community.

ECONOMY

Gul'nar S. Aytkhozhina
ags8@mail.ru

Formation of instruments of partnership in tax sphere

The article proves the actual problems of partnerships relations formation in tax sphere and tax control in the current context. The objective preconditions of transformation taxwise are revealed in this article. The basic principles of partnership in this area are determined here. Strategies forwarded to the further implementation of tools of partnership in the tax sphere are suggested in order to more efficient management of state tax risks.

Keywords: tax relations, tax control, partnership.

Dar'ya N. Bazankova
dasa-sun@mail.ru

Place of Russia in world innovation dynamics

The role of Russia in the world dynamics of innovations after crisis of 2008–2009 is considered in the article. It is possible to carry the following to positive tendencies: on absolute scales of the research sector, Russia still occupies one of leading places in the world, science funding at the expense of the state is increased, work on formation of the national research centres is begun. Negative tendencies are the following: Russia is getting worse and worse presented in world science, rather low level of citing of works of the Russian scientists remains, problems on achievement of appropriate quality of education remain. All this is aggravated with education insufficient funding. On relative indicators of public financing of the scientific sphere, Russia still considerably concedes to the leading countries, and, just like considerable number of states, is going on the way of catching-up development.

Keywords: dynamics of innovations, economic crisis of 2008–2009, positive and negative tendencies of the scientific sphere of economy.

Ol'ga N. Grabova
graon07@mail.ru
Nikolay N. Sviridov

Regional management and population life quality

The purpose of this research is to solve the problems of efficiency assessment from the point of view of regions management. It's made on the basis of full, true, objective, consistent information about the level quality dynamics of population's life.

Keywords: regional management, population's life quality.

Artyom R. Denisov,
Anna S. Ilyuhina, Ivan V. Volkov

Structure of sub-system of synthesis of integrated business processes of provision of state services within the bounds of the system of "Electronic Government"

The article deals with the main weaknesses of the current approach to the construction of an electronic inter-agency cooperation in the provision of public services. According to the article creating integrated business processes, combining the existing routings can help eliminate these weaknesses. Information and algorithmic software of subsystem synthesis of integrated business processes based on the analysis of flow sheets is proposed in the article. inter-agency cooperation.

Keywords: electronic inter-agency cooperation, flow sheets of inter-agency cooperation, integrated business process of provision of public services.

Pavel V. Zhulyabin
pochta_pv@mail.ru

Network economy. Internet technologies as important factor of economy development in the 21st century

The first process, which creates the technical conditions for the formation and expansion of the network economy, is the development and dissemination of the Internet. The most currently used

types of Internet technologies consist of the operational exchange and dissemination of information and the means to create and maintain information resources on the Internet.

Keywords: network economy, modernization, information, Internet technology, information economy.

Anna S. Ilyuhina, Larisa I. Selivanova

On the question of social-psychological aspects of management of an organization

This article is a retrospective review of the evolution of views on the role of man in the organization according to the classical theory, the theory of human relations and human resources. It is shown that the staff is the most important factor in the effectiveness of the organization, and research schools are developing a conceptual framework of dealing with the staff. However, understanding of the essence of human resource management is expressed in diametrically opposite philosophies, which confirms the relevance of the question.

Keywords: human resources, human resource management, staff, philosophy of human resource management.

Yekaterina V. Konovalova

Human and family capitals demarcation

The article explains the position of family formation and human capital in the context of the division of capital, property and capital functions.

Keywords: human capital, family capital, human capital.

Aleksandra B. Rat'kova
ratkova.a@yandex.ru

Development state: institutional aspect

The problem of development, which is the core of the new ideology of the 21st century – the ideology of development. The need to implement the idea of development has led to the emergence of the state of development. The special role of the state in the neutralization of the internal tensions of the institutional environment and the formation of a strong institutional framework necessary for the stability of the economy development is argued.

Keywords: development, state of development, development economics, formal norms, informal norms, institutional environment.

FOR YOUR BOOK-SHELF

Aleksey M. Bazankov
bazankov-am@rambler.ru
Mikhail F. Bazankov

New online resource elib-kostroma.ru

The article is about new website of Kostroma writers, “Electronics library of modern Kostroma’s literature”. The authors discussed relevant issues of the website creating in the article. There are features of creation electronic literary art edition in it. They are representing first results of the project publishing activities of Kostroma Regional organization of writers for 20 years. The article is interesting for philologists, teachers, students, schoolchildren and local historians – everyone, who interested in modern literature.

Keywords: Kostroma, Kostroma’s writers, modern literature, culture of Kostroma, NPO, social project, electronic library.

Natal'ya G. Koptelova
nkoptelova@yandex.ru

I.S. Turgenev in the glance of German writers of the 20th century

The review estimates the e-book by T.M. Denisova "Perception of creativity of I.S. Turgenev by German writers of the twentieth century" (Saarbrücken, Deutschland: Lap Lambert Academic Publishing, 2012. 82.), determines its contribution to the study of the pattern of the literary relations of Russia and Germany.

Keywords: Turgenev, perception, English, German, literary connections.

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ РУКОПИСЕЙ

1. Статьи направляются в редакцию в электронном и бумажном виде в 1 экземпляре. Электронный вариант статьи может быть представлен на диске (CD-R) или вложением в электронное письмо.

2. **Электронный вариант статьи** выполняется в текстовом редакторе Microsoft Word и сохраняется с расширением doc. В качестве имени файла указывается фамилия, имя и отчество автора русскими буквами (например: Иванов Иван Иванович.doc)

3. **Компьютерный набор статьи** должен удовлетворять следующие требования: формат – А4; поля – по 2,5 см со всех сторон; гарнитура (шрифт) – Times New Roman; кегль – 14; межстрочный интервал – 1,5; абзацный отступ – 1,25 см.

4. **Построение статьи**:

4.1. Индекс УДК (присваивается в библиотеке по названию статьи и ключевым словам).

4.2. Отрасль науки и шифр научной специальности, по которым написана статья.

4.3. Сведения об авторе:

– фамилия, имя, отчество (полностью) ***(на русском и английском языке)***;

– полное название организации, город, страна (в именительном падеже) – место работы или учебы автора ***(на русском и английском языке)***;

– адрес электронной почты для каждого автора;

– почтовый адрес с индексом и контактный телефон (можно один для всех соавторов);

4.4. Название статьи (сокращения в названии недопустимы) ***(на русском и английском языке)***.

4.5. Аннотация, объясняющая цель работы, актуальность проблемы (не более 6 строк) ***(на русском и английском языке)***.

4.6. Ключевые слова (5–6 слов или словосочетаний, несущих в тексте основную смысловую нагрузку) ***(на-русском и английском языке)***.

4.5. Текст статьи.

4.6. Библиографический список (указывается в алфавитном порядке, нумеруется вручную).

5. **Оформление библиографического списка**:

* *Статья в журнале*: Фамилия и инициалы авторов, соавторов (до 3). Название статьи // Название журнала. – Год. – №. – С. от–до.

* *Статья в сборнике трудов*: Фамилия и инициалы авторов. Название статьи // Назв. сб. трудов. – Место издания: Издательство, год. – С. От–до (Тр. / Назв. учеб. заведения или науч. учреждения. – № вып.).

* *Монография или книга*: Фамилия и инициалы авторов. Название. – Место издания: Издательство, год. – С. от–до; или Название / Под ред. Инициалы и фамилия. – Место издания: Издательство, год. – С. от–до (или число страниц в книге __с.).

* *Авторские свидетельства и патенты*: А. с. номер. Название.

* *Автореферат*: Фамилия и инициалы. Название: Автореф. дис. ... канд. ... наук / Назв. учеб. заведения. – Город, год. – __с.

* *Диссертация*: Фамилия и инициалы. Название: Дис. ... канд. ... наук / Назв. учеб. заведения. – Город, год. – с.

* *Интернет источники*: Фамилия и инициалы. Название [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://... (дата обращения …).

6. **Библиографические ссылки** в тексте статьи оформляются квадратными скобками с указанием порядкового номера издания по библиографическому списку и страниц. Например [2, т. 5, с. 25–26].

7. **Максимальный объем** текста статьи с аннотацией, ключевыми словами и библиографическим списком – 17 тыс. знаков, включая пробелы, но не более 10 страниц машинописного текста.

8. **Единицы измерения** приводятся в соответствии с международной системой единиц (СИ).

9. **Рисунки, схемы, диаграммы.** В качестве иллюстраций статей принимается не более 4 рисунков. Они должны быть размещены в тексте статьи в соответствии с логикой изложения. В тексте статьи должна даваться ссылка на конкретный рисунок, например (рис. 2). Схемы выполняются с использованием штриховой заливки или в оттенках серого цвета; все элементы схемы (текстовые блоки, стрелки, линии) должны быть сгруппированы. Каждый рисунок должен иметь порядковый номер, название и объяснение значений всех кривых, цифр, букв и прочих условных обозначений. Электронную версию рисунка следует сохранять в форматах tif, tiff (Grayscale – оттенки серого, разрешение – не менее 300 dpi).

10. **Таблицы**. Каждую таблицу следует снабжать порядковым номером и заголовком. Таблицы должны быть предоставлены в текстовом редакторе Microsoft Word и располагаются в тексте статьи в соответствии с логикой изложения. В тексте статьи должна даваться ссылка на конкретную таблицу, например (табл. 2). Все графы в таблицах должны быть озаглавлены. Одновременное использование таблиц и графиков (рисунков) для изложения одних и тех же результатов не допускается.

11. **Математические и физические формулы** выполняются только в редакторе MS Equation.

Плата с аспирантов за публикацию рукописей не взимается.

ДЛЯ ЗАМЕТОК

НАУЧНО-МЕТОДИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ

ВЕСТНИК КОСТРОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА им. Н.А. НЕКРАСОВА

Материалы опубликованы в авторской редакции

Компьютерная верстка А.Н. Коврижных

Журнал зарегистрирован
в Центральном территориальном управлении
Министерства Российской Федерации
по делам печати, телерадиовещания
и средств массовых коммуникаций (г. Тверь)

Свидетельство о регистрации ПИ № 5-0022 от 26 апреля 2000 г.

Подписано в печать 10.09.2012
Формат 60×90 1/8. Уч.-изд. 33,4 л.
Тираж 500 экз.
Изд. № 146.

Костромской государственный университет им. Н.А. Некрасова

Адрес редакции: **156961, г. Кострома, ул. 1 Мая, д. 14.**
Телефон: **(4942) 39-16-56**, факс: **(4942) 39-16-04,**
E-mail: **vestnik@ksu.edu.ru**
Отпечатано: **КГУ им. Н.А. Некрасова**

Цена свободная